

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

П. Н. БЕРКОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ
XVIII ВЕКА

П. Н. БЕРКОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ
XVIII ВЕКА

М. В. ЛОМОНОСОВ.
Портрет работы неизвестного художника.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

П. Н. БЕРКОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ
XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1952 · ЛЕНИНГРАД

Под редакцией

проф., докт. филолог. наук Б. В. ТОМАШЕВСКОГО
и проф., докт. историч. наук И. И. ЛЮБИМЕНКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 1952 г. исполняется 250 лет со дня выхода первого номера «Ведомостей Московского государства». От четырех страничек в малую осьмушку, напечатанных славянскими литерами, до сотен и тысяч газет с тысячными и миллионными тиражами, до десятков и сотен журналов, сборников и альманахов, от газеты царского правительства, предпринятой для укрепления политического престижа самодержавия, до подлинно народной прессы страны, строящей коммунистическое общество, — таков путь русской журналистики, русской периодической печати за эти 250 лет. Однако прежде чем стать «коллективным агитатором и коллективным пропагандистом», прежде чем превратиться в «единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке» (Сталин), русская передовая журналистика должна была вести длительную упорную борьбу с самодержавием, должна была испытать много преследований, должна была добиться многих успехов в развитии общественного сознания. Чтобы понять громадную роль печати в нашей стране, в ее истории, в ее культуре, в ее великой борьбе за построение коммунизма, надо знать также и историю русской журналистики.

К сожалению, у нас нет ни одного сколько-нибудь полного и подробного обзора истории русской журналистики. Предпринимавшиеся несколько раз попытки создания такого обзора коллективным путем не увенчались успехом. Повидимому, без предварительной разработки отдельных периодов, — именно разработки, а не только сводки уже сделанного, — нельзя будет создать обобщающую историю русской журналистики за 250 лет.

И только как на такую подготовительную работу просит автор смотреть на предлагаемую книгу.

Настоящая работа является не только результатом изучения периодических изданий XVIII в. и важнейших исследований и

материалов о них: в отношении некоторых изданий были произведены и архивные разыскания.

Для уяснения фактической стороны журнальной борьбы тех лет журналы изучались не по годовым комплектам один за другим, а по возможности параллельно вышедшие одновременно книжки разных журналов.

В результате автору удалось, как ему кажется, установить ряд неизвестных фактов общественной и литературной борьбы того времени, позволяющих уяснить и более правильно оценить общественно-политическую роль журналистики XVIII в., в частности определить просветительное значение изданий Академии Наук, раскрыть огромный исторический смысл сатирической журналистики 1769—1774 гг., журналов И. А. Крылова, издательской деятельности Н. М. Карамзина. Конечно, деятельность Ломоносова и Радищева как журналистов особенно привлекала его внимание. Может быть именно поэтому перечисленные только что разделы истории журналистики XVIII в. обработаны в книге более подробно, а другие части изложены с меньшей полнотой.

Привлекало внимание автора и формирование журнального языка в XVIII в. Правда, трудно отличить этот последний от общелитературного языка того времени. Поэтому правильнее будет сказать, что автор систематически останавливал свое внимание на вопросах истории литературного языка XVIII в., поскольку они отражены в тогдашней журналистике. В настоящее время, после появления гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, интерес к истории русского языка чрезвычайно вырос, и поэтому освещение процесса развития литературного языка в XVIII в. приобретает существенное значение. Кажется, некоторое количество новых и небезынтересных фактов из этой области нашло место в данной книге.

В тексте книги делаются многочисленные ссылки на периодические издания XVIII в., большинство которых представляет сейчас библиографическую редкость, — найти их можно только в крупнейших библиотеках страны. Между тем интерес советских читателей к периодике XVIII в. весьма значителен. Поэтому автор считает уместным указать тем читателям, которые пожелаали бы подробнее познакомиться с важнейшими документами истории русской журналистики, следующие недавно изданные собрания текстов из русских газет и журналов XVIII в.

1. Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Выпуск 1 (XVIII в. и первая половина XIX в.), под редакцией доктора исторических наук Б. П. Козьмина. М., 1952, 367 стр.

2. Русские сатирические журналы XVIII века. Избранные статьи и заметки. Составил Л. Б. Лехтблагу. Под редакцией проф. Н. К. Гудзия. М., 1940, 351 стр.

3. Русская проза XVIII века. Подготовка текстов и примечания А. В. Западова и Г. П. Макогоненко. ГИХЛ, М.—Л., 1950, т. I, 630 стр.; т. II, 813 стр.

4. Сатирические журналы Н. И. Новикова. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, 616 стр.

Настоящая книга писалась в 1939—1940 гг. (главы I—IV и часть V, кончая журналами Н. И. Новикова) и в 1945—1946 гг. (конец гл. V, журналы И. А. Крылова и Н. М. Карамзина, и гл. VI); в 1950 и 1951 гг. она была вновь просмотрена. Несколько отрывков из предлагаемой книги, частью в сокращенном виде, было опубликовано в периодической печати или вошло в книгу, указанную ниже под № 9, а именно:

1. Очерки из истории русской журналистики. 1. «Куранты, или вестовые письма». — Районная и фабрично-заводская печать, 1940, № 10, стр. 37—40.

2. Очерки из истории русской журналистики. 2. Петровские «Ведомости». — Там же, 1940, № 11, стр. 37—40.

3. Очерки из истории русской журналистики. 3. «Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания к Ведомостям». — Там же, 1940, № 15, стр. 38—40.

4. Очерки из истории русской журналистики. 4. «Ежемесячные сочинения» (1755—1764). — Там же, 1940, № 16, стр. 32—34.

5. Первый научно-популярный журнал Академии Наук. — Вестник Академии Наук СССР, 1945, № 5—6, стр. 215—218.

6. О несостоявшемся журнале «Демокрит» (1771). — Научный бюллетень Ленинградского Гос. университета, 1945, № 3, стр. 38—40.

7. «Почта духов» И. А. Крылова. — Труды Юбилейной научной сессии Ленинградского Гос. университета, Филологические науки, 1946, стр. 245—266.

8. Начало русской журналистики. — Сатирическая журналистика 1769—1774 гг. — Журналистика 1770—1790-х годов — в «Очерках по истории русской журналистики», изд. ЛГУ, Л., 1950, т. I, стр. 11—111.

9. Сатирические журналы Н. И. Новикова. Трутень 1769—1770. Пустомеля 1770. Живописец 1772—1773. Кошелек 1774. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1951, 616 стр.

Статьи, вошедшие в «Очерки по истории журналистики и критики», представляют сокращенный вариант публикуемой книги (за исключением разделов, посвященных журналам И. А. Крылова и Н. М. Карамзина); сокращение осуществлено было редакцией «Очерков» применительно к задачам книги.

Настоящая работа выросла из курсов по литературе XVIII в. и семинаров по сатирической журналистике 1769—1774 гг., которые в течение ряда лет автор проводил в Ленинградском Государственном ордена Ленина Университете им. А. А. Жданова. Своим слушателям и участникам семинаров он обязан постановкой ряда вопросов, толкнувших его на попытку разработать целостную историю русской журналистики XVIII в. Как этим своим слушателям, так и товарищам — литературоведам, помогавшим ему своими справками, указаниями и советами, — автор приносит благодарность.

«Очерки по истории русской журналистики и критики», в которых автору настоящей работы принадлежат, как указано выше, три главы, подверглись в печати суровой и во многом справедливой критике. Несколько возражений рецензентов явилось следствием того, что в их руках был сокращенный (и притом не автором) вариант настоящей книги, а не полный текст ее. Все же остальные и довольно многочисленные замечания критиков с благодарностью были учтены автором при окончательном просмотре рукописи.

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ XVIII в.

Перед исследователями, которые пожелаали бы обратиться к изучению истории русской периодической печати XVIII в., неизбежно должны будут встать большие трудности.

В дореволюционное время история русской журналистики в целом, во всем объеме не привлекала внимания историков и литературоведов; специальной отрасли исторического знания — истории периодической печати — в то время еще не существовало. К изучению русской журналистики XVIII в. изредка обращались историки литературы и историки, но только отдельные моменты истории русской периодической печати XVIII в. становились предметом их изучения. Особенно повезло в этом отношении петровским «Ведомостям» и сатирическим журналам 1769—1774 гг.

Ни одного сколько-нибудь значительного обзора журналистики XVIII в. дореволюционные исследователи нам не оставили. Существует, правда, очень полезное «Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных», изданное А. Н. Неустроевым в 1874 г.; в 1898 г. им же был выпущен «Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому розысканию о них». Однако это не исследования, а только библиографические справочники, очень ценные, но далеко не свободные от ошибок.

За исключением классических статей Н. А. Добролюбова о сатирических журналах 1769—1774 гг. и о екатерининском «Собеседнике любителей российского слова», сохраняющих свое значение в качестве образцов революционно-демократического подхода к истории журналистики, — все остальные дореволю-

ционные работы по журналистике XVIII в. — и труды Неустроева и многочисленные статьи об отдельных вехных периодических изданиях — представляют интерес, и то не всегда, со стороны фактической.

Однако и те немногие работы по истории русской журналистики XVIII и XIX вв., которые появились в советское время, также не могут служить, по ряду причин, методологическим образцом.

К счастью, историку журналистики XVIII в. есть на что опереться в поисках метода изучения своего научного материала: это произведения классиков марксизма-ленинизма, представляющие одновременно и разработку теории научного материализма и совершенные образцы применения диалектико-материалистического метода на конкретном материале; это гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию, не только разрешившие основные вопросы языкознания, но и поставившие перед всей советской наукой ряд важнейших задач, вооружившие советских ученых могучим оружием метода для решения этих задач.

Кроме этих общеметодологических источников в наследии классиков марксизма-ленинизма, историк русской журналистики находит и специальный труд, непосредственно вводящий его в вопросы метода изучения истории журналистики.

Здесь имеется в виду работа В. И. Ленина «Из прошлого рабочей печати в России».¹ Говоря об истории рабочей печати, В. И. Ленин тем самым формулировал общеметодологические принципы изучения истории журналистики. Писать историю русской журналистики любого периода, в том числе и XVIII в., можно, только правильно усвоив эти ленинские общеметодологические принципы. Поэтому необходимо напомнить читателю главные методологические положения статьи «Из прошлого рабочей печати в России».

Первый тезис В. И. Ленина сформулирован так:

«История рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем».²

Следовательно, первая задача истории журналистики — «добиться понимания того, почему подготовка и возникновение» определенных журналов «шли таким, а не другим каким-либо пу-

¹ Ленин В. И. Сочинения, т. 20, стр. 223—230.

² Там же, стр. 223.

тем». Добиться такого понимания можно, только учитывая связь печати с теми или иными общественными движениями.

Посвятив свою работу истории рабочей печати в России, В. И. Ленин охарактеризовал поэтому три главные этапа русского освободительного движения и определил значение каждого из двух первых для истории рабочей печати. При этом В. И. Ленин систематически отмечал, из каких классов происходили главные деятели каждого этапа освободительного движения и каковы были их политические позиции. В. И. Ленин охарактеризовал буржуазный либерализм, народничество и т. д. Особенно подробно — и это вполне понятно в связи с задачами работы — говорил В. И. Ленин о пролетарском периоде освободительного движения и о двух основных направлениях в рабочей печати — марксистском и оппортунистическом.

Поэтому второй тезис, сформулированный В. И. Лениным, гласит следующее: «Чтобы понять историю рабочей печати в России, надо знать не только и даже не столько названия различных органов печати, названия, ничего не говорящие современному читателю и только сбивающие его с толку, а содержание, характер, идейную линию разных частей социал-демократии».¹

Таким образом, и этот тезис имеет общеметодологическое значение: задача истории русской журналистики состоит в том, чтобы понять содержание, характер, идейную линию разных частей русского общественного движения. Следовательно, при изучении истории русской журналистики необходимо характеризовать идейную линию, идейную программу тех общественных групп, которые стояли за тем или иным журналом, за той или иной группой журналов.

Выдвигая тезис о необходимости понять содержание разных частей социал-демократии, В. И. Ленин, вместе с тем, предостерегал от пренебрежительного отношения к изучению конкретного материала: «надо знать не только... названия различных органов печати». В. И. Ленин, предвидя возможность внешнего, библиографического подхода к изучению истории рабочей печати, предупреждал об опасности только такого подхода.

Таким образом, задача историка журналистики состоит в том, чтобы показать содержание, характер, идейную линию той или иной общественной группы в русской исторической жизни, раскрыв «названия» журналов, т. е. проанализировав их политические и философские позиции, их программы, их роль в общественной борьбе. Именно такое раскрытие «названий, ничего не

¹ Там же, стр. 227.

говорящих современному читателю», поможет понять содержание разных частей общественного движения.

Третий тезис В. И. Ленина в работе «Из прошлого рабочей печати в России» сформулирован так:

«Рабочая печать в России имеет за собой почти вековую историю — сначала подготовительную, т. е. историю не рабочего, не пролетарского, а „общедемократического“, т. е. буржуазно-демократического освободительного движения, — а затем свою собственную, двадцатилетнюю историю пролетарского движения, пролетарской демократии или социал-демократии».¹

Тесно связанный с первым тезисом, тезис третий рассматривает историю рабочей печати со времени декабристов, деля ее на два периода: подготовительный, когда в журналистике отчетливо проявились дворянско-освободительные, демократическо-революционные взгляды, и собственно пролетарский, когда выступил рабочий класс. Из этого тезиса мы в праве сделать вывод: история рабочей печати начинается с 1825 г. (примерно), предшествующий же стодвадцатипятилетний период следует считать, так сказать, пред историей рабочей печати. Тем самым ранний, начальный период русской журналистики, журналистика XVIII в., находит свое законное и оправданное место в советской истории русской журналистики в целом.

Вместе с тем третий тезис дает исследователю ответы на вопросы, с какой целью необходимо изучать историю русской периодической печати XVIII в. и какие журналы и газеты следует изучать.

Дворянско-революционное, а также буржуазно-демократическое освободительное движение рассматривалось В. И. Лениным как два этапа, предшествовавшие и в определенном смысле подготавливавшие пролетарско-демократическое освободительное движение. Поэтому и предистория дворянского освободительного движения, отразившаяся и проявившаяся в передовой журналистике XVIII в., должна рассматриваться нами в ее историческом отношении к пролетарско-демократическому движению, к его рабочей печати и к современной советской прессе, выросшей из пролетарской, партийной печати дореволюционного времени.

Отсюда также явствует, что основное внимание исследователя журналистики XVIII в. должно быть направлено на передовые явления ее истории, на деятельность прогрессивных писателей; останавливаться же на прочих фактах следует лишь в меру необходимости, только на том, что способствует большей ясности истории передовой русской журналистики XVIII в.

¹ Ленин В. И. Сочинения, т. 20, стр. 229—230.

Изучение журналистики XVIII в. как предистории рабочей печати, на фоне общественного движения XVIII в., необходимо должно быть связано теснейшим образом с историческими событиями — политическими и экономическими — изучаемого времени. Так, появление первой печатной русской газеты при Петре I не может быть правильно понято вне связи с его преобразовательной политикой и с событиями Северной войны. Формирование капиталистического уклада в России в начале второй половины XVIII в. объясняет обилие статей по вопросам политической экономики и стихотворений на тему «денег», «золота», «богатства» и т. д. в тогдашней журналистике. Частая полемика в журналах XVIII в. становится понятной при соотношении ее с социально-политическими позициями полемистов, с их отношением к самодержавию, к Екатерине, к крепостному вопросу.

Журналистика XVIII в. может быть правильно воспринята, только если рассматривать ее как отражение и в то же время активный фактор исторической жизни, а значит конкретной, т. е. классовой борьбы. Ибо историческая жизнь, «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» («Коммунистический манифест»).

Второй вопрос — не менее трудный — состоит в том, как сгруппировать материал по истории журналистики XVIII в. во времени, иными словами — какие принципы периодизации должны быть положены в основу истории русской журналистики XVIII в.

В работах В. И. Ленина «Из прошлого рабочей печати в России», «Роль сословий и классов в освободительном движении»¹ и «Памяти Герцена»² даны указания на то, какие принципы должны быть положены в основу периодизации истории России XIX в. В совершенно ином положении находятся историки XVIII в. Не имея таких авторитетных указаний в отношении изучаемого ими периода, какие существуют в отношении XIX в., историки XVIII в. до недавнего времени не могли прийти к общепризнанным выводам. Так, «История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века» (под ред. акад. Б. Д. Грекова, изд. 2-е, 1947) посвятила XVIII в. раздел шестой, озаглавленный «Феодально-абсолютистская монархия в XVIII в.»; периодизация в этом разделе строится на смешанных принципах — а) развития дворянской империи и б) смены царствований. Поэтому весь шестой раздел распадается на ряд глав: а) «Образование Российской империи» (гл. XXIV);

¹ Там же, т. 19, стр. 294—296.

² Там же, т. 18, стр. 9—15.

б) «Дворянская империя 1725—1762 гг.» (гл. XXV, §§ «Борьба за власть после Петра I», «Бироновщина», «Царствование Елизаветы Петровны»); в) «Дворянская империя при Екатерине II» (гл. XXVI) и т. д. Приблизительно так же построена периодизация XVIII в. в учебнике «Истории СССР» (т. I) М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева (1948): весь раздел назван «Образование Российской империи и зарождение капиталистических отношений в России»; в него входят главы «Преобразования Петра I» (гл. XVI), «Российская империя при преемниках Петра I» (гл. XVII), «Дворянская империя во второй половине XVIII в.» (гл. XIX).

Приблизительно так же обстоит дело у литературоведов. В недавно вышедшей ценной «Истории русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого (изд. 2-е, 1951) находим такое деление материала: «I. Новое содержание в старых формах. На путях к классицизму. (Литература первых десятилетий XVIII века)»; «II. Русский классицизм. Становление национального литературного языка. Новая система стихосложения. (Литература 30—50-х годов)»; «III. На путях от классицизма к сентиментализму и реализму. Сентиментализм. Зарождение критического реализма. (Литература последней трети века)». Каждый из больших разделов книги Д. Д. Благого имеет два заглавия: первое, перечисляющее характерные явления данного периода, и второе, представляющее хронологическое определение периода — по десятилетиям или другим отрезкам века, как, например, последняя треть. По существу, к периодизации относится только второе заглавие.

По такому же принципу построена и брошюра В. Д. Кузьминой «Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII веке» (1948). Здесь мы находим разделы: «Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики до 1775 года», «Сатирические журналы 1769—1774 годов» и «Периодическая печать последней четверти XVIII века».

Советские философы в программе по истории русской философии XVIII в., опубликованной в «Вопросах философии» (1947, № 2), совсем обошли вопросы периодизации. У них XVIII в. рассматривается как нечленимый отрезок времени. Написанная по этой программе глава из макета книги «История философии», озаглавленная «Развитие материалистической философии и передовой общественной мысли в России в период усиления крепостничества и укрепления централизованного государства (XVIII век)», была помещена в «Вопросах философии» (1950, № 2). Здесь опять-таки нет никакой периодизации в пределах

целого столетия; практически же авторам приходится прибегать к различным хронологическим обозначениям: «первая четверть XVIII в.» (стр. 264), «последняя четверть XVIII в.» (стр. 265), «первая половина» (стр. 266), «последние десятилетия» (стр. 267).

Избежать в работе, посвященной рассмотрению истории какой-либо стороны общественно-политической или культурной жизни XVIII в., выражения «такие-то годы», «такая-то четверть или треть», «такое-то царствование», кажется, почти невозможно. По крайней мере, в просмотренных автором новейших обзорах истории России XVIII в., истории философии, дипломатии, журналистики, музыки, живописи, литературы и архитектуры указанные выражения употребляются весьма часто. Поэтому вынужден был применять их и автор настоящей работы.

Однако, пользуясь выражениями «царствование Петра, Елизаветы, Екатерины» и хронологическими обозначениями — «первая, вторая и т. д. четверть, последняя треть XVIII в.», он не рассматривал их в качестве признаков или «единиц» периодизации. В основу периодизации материала по истории журналистики XVIII в. в данной книге положены выводы, к которым пришла советская историческая наука. В закончившейся недавно дискуссии по вопросам периодизации русской истории феодального периода определилась — в отношении XVIII в. — более или менее общая точка зрения: приблизительно около начала 1760-х годов начинает в России оформляться буржуазный уклад, и это является в известной мере границей между периодами русской истории. Отрезок времени от начала XVIII в. до шестидесятих годов, в свою очередь, смертью Петра I делится на более прогрессивный [«своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости» (Сталин И. В. Соч., т. 11, стр. 248—249)] и более реакционный — с 1725 г.

Важнейшее политическое событие в истории России второй половины XVIII в. — восстание Пугачева — делит, в свою очередь, на две части второй период.

Положив в основу своего изложения эти принципы, автор заметил, что ряд явлений истории журналистики XVIII в. — «Ведомости», появление академической прессы, возникновение частных журналов, расцвет сатирических журналов в конце 1760-х—начале 1770-х годов, широкое развитие передовых журналов в 1780-х, 1790-х годах — характерен для тех или иных моментов изучаемого века.

Так понимает автор настоящей книги решение вопроса о периодизации истории журналистики XVIII в.

Наконец, третья трудность, стоящая перед исследователем истории русской периодической печати XVIII в., — вопрос о формах и методах русской журналистики этого времени. Данный круг проблем никак не может быть опущен при изучении истории русской журналистики XVIII в. Напротив, на каждом шагу исследователь наталкивается на любопытнейшие явления — искания и находения то более, то менее удачных форм и методов просветительской пропаганды, борьбы с самодержавием Екатерины, с крепостничеством, с культурной и экономической отсталостью России, а также форм и методов проповеди национального самоуважения, воспитания гражданского сознания и, наконец, — в журнальной деятельности Радищева, — постановки вопроса о революционном патриотизме.

Обойти все эти достижения русских журналистов XVIII в. исследователь не может и не должен. Однако рассматривать этот материал исследователь должен, только полностью увязывая общественно-политическую направленность журнала или газеты с конкретными целями, которые в тот или иной момент ставились редакцией или автором.

Формы и методы журналистики XVIII в. не должны изучаться формально, т. е. в отрыве от общественно-политической обстановки, от социальной направленности того или иного органа печати. Поэтому при анализе отдельных журналов или газет неизбежно придется говорить о таких жанрах, как сатирическая газета с ее якобы корреспонденциями, объявлениями, информацией, как «разговоры», как «сны», как «восточная повесть» и т. д. Однако было бы неправильно искусственно выделить в специальный вопрос изучения развитие жанров, форм и методов русской журналистики XVIII в. или отдельных его периодов, оторвав их от конкретной обстановки, от их реального исторического наполнения, рассматривая их как «чистую форму».

Чрезвычайно важен вопрос о методе изучения языка русской периодической печати XVIII в. Серьезное внимание язык журналистики XVIII в. стал привлекать только в самое последнее время, после опубликования гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Появился ряд диссертаций о лексике рукописных «Ведомостей» допетровского времени, о языке сатирических журналов Н. И. Новикова и др. Более углубленному изучению журналы и газеты XVIII в. пока еще не подверглись. Поэтому историк русской журналистики XVIII в. не располагает еще работами лингвистов, на которые он мог бы опереться при анализе языка русской прессы изучаемого периода; ему поневоле придется идти самостоятельным путем. Возникает поэтому и общетеоретический вопрос, совпадают ли позиции лингвиста и

историка журналистики при изучении одного и того же объекта — языка журналов и газет XVIII в.

В работе «К некоторым вопросам языкознания» И. В. Сталин, ставя вопрос о специфических особенностях языка, отличающих его от других общественных явлений, указывает: «Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки, — языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование».¹

Из этих указаний И. В. Сталина явствует, что язык вообще, и, значит, язык прессы XVIII в. в частности, является объектом изучения самостоятельной науки — языкознания. Историк же журналистики имеет, как было показано выше, свой специфический объект изучения — идейное содержание журналов и газет. Следовательно, его подход к изучению языка прессы естественно будет отличаться от характера изучения того же материала языковедом, будет отличаться и по целям, и по степени подробности, и отчасти по приемам. Историка журналистики язык прессы будет интересовать именно как язык прессы, как язык специфической отрасли общественной, политической жизни русского общества, проявлявшейся в форме журналов и газет. Это не значит, конечно, что историк журналистики не сможет воспользоваться методами работы языковедов, как и не значит, что языковеды не найдут ничего полезного для своей цели в наблюдениях по части языка у историков журналистики. В частности последних должно интересовать и то, в какой мере язык прессы XVIII в. лег в основание языка русской прогрессивной журналистики, предшественницы нашей советской журналистики.

Из всего сказанного явствует, что исследователь истории русской журналистики XVIII в. должен подходить к своему материалу, имея в виду главные и основные линии развития русской периодической печати, те, которые связывают ее с нашей советской прессой. Он должен «раскрывать» политическое и философское лицо журналов, газет, их издателей и сотрудников;

¹ Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 36.

он прежде всего должен останавливать свое внимание на позиции журналов, газет, издателей и сотрудников в отношении двух основных вопросов общественно-политической жизни XVIII в. — на их отношении к крепостному праву и на их отношении к самодержавию. Исследователь должен помнить — к таким выводам приводит изучение истории литературы XVIII в., и это подтверждается изучением истории журналистики XVIII в., — что только у революционера Радищева мы находим одинаково последовательно враждебное отношение к самодержавию и к крепостному праву, а у других передовых, но не революционных писателей-журналистов XVIII в. (Новиков, Фонвизин, Крылов и др.) политическая, антимонархическая линия их деятельности была ярче и прямолинейнее, чем социальная, антикрепостническая. Наконец, исследователь должен помнить, что, изучая журналистику XVIII в., он обязан выяснить, какими способами — языком, литературными жанрами, журнальными формами — осуществляли писатели того столетия свои общественно-политические идеи, как воспитывали они в своих читателях патриотизм, чувство национального достоинства, уважения к родному народу, его истории, языку и культуре, какие требования предъявляли они к писателю-журналисту, как смотрели они на роль и значение периодической печати.

Трудности фактического порядка менее серьезны по своему характеру, чем методологические, но они доставляют исследователю достаточно огорчений.

В течение XVIII в., точнее, с 1702 по 1800 г. включительно, в России было издано около 150 газет, журналов, альманахов и сборников. Некоторые из них выдержали по два и более изданий. Если прибавить эти повторные тиснения, общее количество периодических изданий вырастет еще больше. Среди журналов XVIII в. встречаются специальные, вроде медицинских, агротехнических, музыкальных, модных и т. д. Есть ряд изданий мажорских и просто религиозных.

Конечно, историк журналистики XVIII в., изучая историю периодической печати тех лет, должен познакомиться со всеми изданиями, но, как уже сказано было выше, внимание его должно быть сосредоточено на тех журналах и газетах, которые являлись ведущими, прогрессивными, в наибольшей степени отражавшими передовые идеи в русском обществе того периода. Поэтому значительную трудность представляет отбор журналов, т. е. правильное определение общественно-политического лица отдельных изданий. Нередки случаи, когда среди советских исследователей и сейчас еще идут споры о политической физиономии того или иного издания. Таково, например, положение с журналом «Бе-

седующий гражданин», который характеризуется то как орган петербургских последователей московских масонов, то как орган «радищевцев». Таким образом, трудности фактического порядка непрерывно перерастают в трудности методологические.

Выше было указано, что число периодических изданий XVIII в. доходит до 150. Большим подспорьем для учета всего этого обширного материала, кроме названных уже книг А. Н. Неустроева, является ценный труд Н. М. Лисовского «Русская периодическая печать 1703—1900 гг. (Библиография и графические таблицы)» (Пгр., 1915).¹ Однако и у Неустроева и у Лисовского имеются пропуски, и в частности в разделе XVIII в. Так, рукописный журнал Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум» не попал в указанные справочники, так как они учитывали только печатные издания; а для истории русской журналистики распространявшийся в списках «Друг честных людей» Фонвизина представляет громадный интерес, тогда как многие печатные «журналы», вроде «Бесед с богом» или «Приношения религии», никакого значения не имеют.

Пропущены у Неустроева и Лисовского и некоторые другие издания, например первый русский альманах «Российский Парнасс», изданный М. М. Херасковым в 1771 г. (на втором титульном листе — 1773 г.), петербургское издание «Известий императорского Воспитательного дома» 1778—1780 гг.² и пр.

Неполнота перечней Неустроева и Лисовского составляет только небольшую часть трудностей фактического порядка. Гораздо важнее ошибки в указании издателей, редакторов и сотрудников тех или иных журналов, когда они анонимны или когда точно не известны годы их работы как редакторов или сотрудников (например, в «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях», в журнале «Смесь», «Невинное упражнение» и пр.). Н. А. Добролюбов, саркастически высмеивая библиографов типа М. Н. Логинова, Г. Н. Геннади и др., видевших задачу изучения журналов только в раскрытии псевдонимов и установлении анонимов и вовсе отвергавших изучение идейной стороны периодических изданий, вместе с тем придавал серьезное значение выяснению круга сотрудников отдельных органов печати и в примечаниях к своим статьям по журналистике XVIII в. сам кро-

¹ Данное издание напечатано в большом формате. Тот же труд был издан под названием «Библиография русской периодической печати» (Пгр., 1915) в малом формате и без таблиц.

² У Лисовского указано московское издание этого журнала 1778 г., у Неустроева его нет совсем. О петербургском издании см.: Лихачев Н. П. Манифесты, указы и другие правительственные распоряжения. СПб., 1895, стр. 387. Экземпляр, списанный Н. П. Лихачевым, хранится в библиотеке Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

потлаиво и тщательно занимался внешней стороной истории интересовавших его журналов.

Раскрытие псевдонимов сотрудников журналов и установление авторов анонимных произведений может превратиться в самоцель, в «библиографию ради библиографии». Тогда они вредны. Но при серьезном подходе к изучению истории журналистики все эти вопросы помогают определить идейное окружение журналов, отношение к ним общества, писателей и т. д. Далекo не безразлично для истории русской журналистики XVIII в., какие анонимные статьи в «Беседующем гражданине» принадлежат А. Н. Радищеву, что принадлежит в «Трутне» или «Живописце» Новикову, Фонвизину и Радищеву, кто был издателем одного из передовых сатирических журналов 1769 г. «Смесь».

Поэтому разыскания в этом направлении неизбежно должны будут вставать перед исследователем журналистики XVIII в. Однако здесь трудности фактического порядка опять-таки перерастают в трудности методологические, так как правильное решение таких вопросов возможно только с правильных методологических позиций, о которых сказано было выше.

К числу серьезных трудностей фактического порядка относится установление тиража газет и журналов, повторности их изданий, отношения к ним цензуры, читателей — современников и потомков, и пр. Все эти вопросы требуют иногда поисков в архивах, в старых периодических изданиях, в мемуарах, письмах, дневниках и т. д. На первый взгляд может показаться, что все эти вопросы мало существенны: основное — это сами журналы и газеты, их содержание, их литературный материал. Конечно, это правильно. Однако для исследования важно определить общественную роль издания, его влияние на современность, его идейную активность и значение в последующем развитии журналистики. Поэтому решение всех поставленных выше и аналогичных вопросов опять-таки тесно связано с проблемами методологии, с выяснением роли того или иного журнала как фактора общественной борьбы.

Среди более мелких вопросов, которые могут встать перед исследователем, находится такой: в каком порядке надо читать журналы и газеты? Весь ли комплект издания за все время его существования подряд или в какой-нибудь другой последовательности? При таком «сквозном» чтении у исследователя создается более или менее полное и ясное представление о содержании данного издания. Правда, иногда он может почувствовать, что некоторые статьи или поэтические произведения имеют полемический характер и направлены против каких-то определенных писателей или журналов; однако принцип «сквозного» чтения не

позволяет исследователю отрываться от изучаемого журнала и переходить к другим, одновременно с ним издававшимся, с целью выяснения объектов полемики. В таких случаях следует отступать от «сквозного чтения» и обращаться к чтению одновременно или близко друг к другу изданных книжек разных журналов. Только в таком случае полемика может быть обнаружена в полном или почти полном объеме. Ценным пособием для установления «синхронности» издания тех или иных журналов являются графические таблицы в «Русской периодической печати» Н. М. Лисовского (в большом издании; в «Библиографии русской периодической печати» таблиц нет). Еще более точные даты выхода отдельных книжек журналов можно иногда найти в объявлениях в «Санкт-Петербургских» или «Московских ведомостях».

Как «сквозное», так и «синхронное» чтение имеет свои преимущества, и исследователь сам сможет решить, каким способом изучения материала лучше воспользоваться в том или ином случае.

Из сказанного следует, что разделение трудностей при изучении истории журналистики на методологические и фактические имеет условный характер, так как изучение всех элементов отдельного журнала и его судьбы всегда должно быть подчинено основным методологическим принципам, сформулированным в работе В. И. Ленина «Из прошлого рабочей печати в России».

Газеты и журналы XVIII в. являются основным источником для изучения истории периодической печати в России в указанном столетии. К сожалению, ни в одном книгохранилище СССР нет абсолютно полного подбора периодических изданий XVIII в. Более или менее полные коллекции газет и журналов изучаемого периода имеются в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Москва), Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Библиотеке Академии Наук СССР (Ленинград), Государственной Исторической библиотеке (Москва), Ленинградском отделении Института истории АН СССР (коллекция Н. П. Лихачева, Ленинград), Институте русской литературы АН СССР (Ленинград).

Ограничиться одними только журналами и газетами при изучении журналистики XVIII в. невозможно. Исследователю приходится пользоваться обширной литературой по истории групп журналов или отдельных журналов того времени. Среди этой «литературы вопроса» есть довольно значительное количество работ, не утративших и в наше время вспомогательного, справочного, а иногда и более серьезного — исследовательского — харак-

тера. Вместе с тем в этом материале накопилось огромное множество неточностей, ошибок и спорных вопросов; все это было связано с тем, что только очень небольшая часть работ опиралась на архивные материалы (Пекарский, Семенников), а остальные пользовались печатными и часто недостоверными источниками.

К сожалению, архивов журналов XVIII в. как таковых не сохранилось совершенно. Кое-какие материалы имеются лишь в Архиве Академии Наук СССР (Ленинград); большей частью они относятся к изданиям академическим, изредка содержат сведения о не-академических журналах, печатавшихся в типографиях Академии. В десяти томах «Материалов для истории императорской Академии Наук» (СПб., 1885—1900), изданных под ред. акад. М. И. Сухомлинова и охватывающих период с 1716 по 1750 г. включительно, и в «Протоколах заседаний Конференции императорской Академии Наук с 1725 по 1803 год» (СПб., 1897—1911, 4 тома) рассеяно довольно много ценных сведений по истории русской журналистики XVIII в. Кроме опубликованных архивных материалов, в Архиве Академии Наук есть ряд неизданных документов, позволяющих осветить отдельные моменты фактической истории тех или иных журналов.

Значительно меньшей достоверностью обладают различные литературные источники XVIII в. — воспоминания, записки, дневники, — в которых иногда встречаются сведения о журналистике и журналистах XVIII в. Иногда даже современники впадают в ошибки и сообщают заведомо неточные сведения, как, например, Новиков, называющий издателем «Невинного упражнения» Хераскова. Все это заставляет относиться с осторожностью к показаниям мемуаристов XVIII в., а иногда и к архивным документам.

При всем многообразии и обширности источников по истории русской журналистики XVIII в. они не в состоянии ответить на все возникающие перед исследователем вопросы. Поэтому в истории русской периодики XVIII в. остается и по сей час ряд спорных и нерешенных проблем. Некоторые из них несомненно привлекут внимание последующих поколений исследователей.

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ XVIII в. — ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ XVII И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Русская журналистика XVIII в. представляет серьезную и важную часть умственной жизни русского общества той эпохи. В течение одного столетия из малозаметного и маловнятельного факта, каким она была при Петре I, русская журналистика под пером прогрессивных журналистов — Новикова, Фонвизина, Крылова, Радищева, Пнина — превращается в явление, прочно вошедшее в сознание общества и не только отражающее жизнь этого общества, но и серьезно на нее воздействующее.

Возникнув как элемент правительственной политики, журналистика XVIII в. лишь со второй половины столетия пытается стать выражением не правительственных мнений, а стремлений и искания оппозиционно настроенных общественных групп. Добиться этого русской журналистике в полной мере не удалось не только в XVIII в., но и в первую половину XIX в., в сущности вплоть до появления за границей герценовского «Колокола» и до вхождения в состав редакции «Современника» Чернышевского и Добролюбова. Но, тем не менее, без истории журналистики XVIII в. нельзя правильно понять ни русской истории этого столетия, ни литературы; по журналам тех лет можно проследить отдельные этапы развития русской общественной мысли, накопление новых воззрений и веяний в литературе, нарастающие более серьезных и глубоких вопросов в публицистике, наконец, становление нашего литературного языка. От петровских «Ведомостей», через «Ежемесячные сочинения», возникшие по мысли Ломоносова, через сатирические журналы 1769—1774 гг., через журналы Фонвизина, Крылова, Радищева, Карамзина и Пнина к «Современнику» Пушкина, а от него к «Современнику» Белинского, Некрасова, Чернышевского и Добролюбова, наконец,

к революционной пролетарской прессе — таков исторический путь русской журналистики. И как ни далеки от нас эти начальные страницы истории русской периодической печати, тем не менее они необходимы в общем рассмотрении истории русской журналистики. Ценность литературы какого-либо периода определяется некоторым безусловно признаваемым вкладом ее в общую сокровищницу народной литературы. И если в общую сокровищницу великой русской литературы вклад XVIII в. не особенно обилен, если из тех художественных ценностей, которыми так богата наша литература, на долю XVIII в. приходится не слишком много, то все же среди этого немногочисленного, но безусловно признанного, значительную часть дала именно русская журналистика XVIII в.: отдельные блестящие страницы новиковского «Трутня», замечательный радищевский «Отрывок из путешествия в И*** Т***» в «Живописце», сатирические повести в журналах Крылова, некоторые журнальные произведения Карамзина и многое другое.

Но если этот критерий оценки литературы определенного периода правилен при общем суждении о народной литературе, то исторически верно понять русскую журналистику XVIII в. и ее значение можно лишь в том случае, если рассматривать ее как элемент исторической жизни того периода, соотнося ее с политическими событиями эпохи, устанавливая ее роль в общественной борьбе, наконец, определяя ее место в развитии литературы и языка соответствующего отрезка времени. С этой точки зрения изучение истории русской журналистики приобретает особый интерес.

Прежде всего приходится отметить одно своеобразное явление: русская пресса XVIII в., за исключением «Ведомостей» и их продолжения — «Санкт-Петербургских ведомостей», а также «Московских ведомостей», сплошь представляет собой журналистику; журнал, еженесячный или еженедельный, реже типа «квартальника» — вот типичный жанр русской прессы XVIII в.

Далее, характерной чертой журналистики этого периода является сравнительная недолговечность этих изданий: если исключить из числа тогдашних журналов «Труды Вольного экономического общества», вышедшие с 1765 г. с перерывами до конца XVIII в. и позднее, и «Продолжение Древней российской вивлиофики», издававшееся Академией Наук с 1786 по 1801 г., наконец, официальный «Политический журнал» (к тому же переводный) — с 1790 по 1831 г., то ни один почти журнал не существовал хотя бы десять лет, в большинстве же случаев они выходили только один год.

Третьей чертой, характеризующей журналистику этого периода, нужно признать необязательность в ней злободневности, то обстоятельство, благодаря которому материал, помещенный в журнале, не устаревал в глазах читателей через много лет. В связи с этим могло появиться в 1765 г. переиздание «Примечаний к Ведомостям» 1728 г., в 1780 г. — второе издание «Трудолюбивой пчелы» 1759 г., в 1793 г. — пятое издание «Живописца» 1772 г., и т. д.

Четвертой особенностью журналистики XVIII в. является обилие переводов, в первую очередь из античных, а затем из новых западноевропейских авторов.

Все это очень расходитсЯ с нашим современным представлением о журнале. Но для правильного понимания истории русской журналистики того периода нужно иметь в виду ее своеобразные черты. Самое понятие «журнал» развивалось исторически, и поэтому особенности нашей журналистики XVIII в. не представляют чего-либо необычного. Например, недолговечными были в подавляющем большинстве и западноевропейские журналы того времени, хотя некоторые из них, в особенности в Германии и во Франции, издавались десятки лет. Перепечатки журналов через много лет после их выхода имели место и в Англии — переизданы в конце XVIII в. «Tattler» («Болтун») и «Spectator» («Зритель»), вышедшие в начале XVIII в. Обильна переводами и западноевропейская журналистика соответствующего периода.

Как известно, зарождение периодической печати в Европе относится к эпохе разложения феодализма и возникновения капитализма. Почти одновременно с первыми произведениями печатного станка (середина XV в.) появляются рукописные бюллетени, содержащие сведения о событиях политических, экономических и т. п., в частности об эпидемиях, о состоянии торговых путей, действиях пиратов и пр. Подобно тому как изобретение книгопечатания явилось необходимой предпосылкой буржуазного развития,¹ так и периодическая пресса стала одним из факторов и факторов роста капиталистического общества. Главным путем, по которому шла европейская торговля в XV—XVI вв., была коммуникационная линия по Рейну, через Швейцарию или Западную Австрию, соединявшая Германию с Италией. Естественно, что в таких крупных торговых пунктах, как Венеция, Нюрнберг, Страсбург и др., у лиц, связанных по своей деятельности с торговлей и дипломатией, скоплялось значительное количество сведений, важных и интересных для ведущей заморскую торговлю крупной буржуазии. В связи с этим сперва в Венеции.

¹ Маркс. Сочинения, т. XXIII, стр. 131.

а затем в разных городах Германии возникают организации, изготовляющие рукописные бюллетени новостей. В Венеции за прочтение такого бюллетеня взималась мелкая монета «gazza» или «gazzetta», по имени которой стали называть газетой и самые бюллетени. Выходившие сперва нерегулярно, газеты в начале XVII в., с переходом на печатный способ изготовления, приобретают более или менее строгую периодичность, именно выходят раз в неделю. Издателями газет являлись в то время преимущественно владельцы типографий; нередко же газеты издавались почтмейстерами крупных почтово-конных станций, так как в этих пунктах всегда можно было получить разнообразный фактический материал, собрать у проезжающих более или менее точную информацию, приобрести много любопытных сведений о всяких необычайностях, вроде рождения уродцев, появления хвостатых комет, и т. п.

РУКОПИСНЫЕ «ВЕДОМОСТИ, ИЛИ ВЕСТОВЫЕ ПИСЬМА»

В начале XVIII в. возникает печатная газета в России — «Ведомости Московского государства». Однако еще до появления печатных «Ведомостей» Московская Русь знала своеобразную рукописную газету, так называемые «Вести», «Вестовые письма», «Ведомости», изредка сохранявшие голландское название — «куранты».

Рукописные «Ведомости» появились в России во втором десятилетии XVII в. Это был период после окончания крестьянской войны (1603—1613), период укрепления государства после польско-шведской интервенции, период усиления абсолютизма, централизации власти, роста бюрократического аппарата. Отпор, данный русским народом западным интервентам во время крестьянской войны, свидетельствовал о громадной моральной и физической мощи России. Поэтому вполне естественно, что к середине XVII в. Россия начинает занимать важное место в кругу европейских государств и все более и более втягивается в международные экономические и политические отношения. Укреплявшаяся абсолютная власть не могла уже ограничиваться узким политическим кругом ближайших соседей, как это было в начале XVI в.; возникла необходимость не только возобновить, но и расширить внешнюю политику Ивана IV, поэтому в течение XVII в. умножается дипломатическая и торговая связь России с Западом и Востоком.

«Начиная с середины XVII века, Россия играет настолько крупную роль в политической жизни Восточной Европы, что ни одна международная проблема уже не может быть разрешена

здесь без участия Москвы. Таким образом, ко второй половине столетия уже стало определяться значение Московского государства как одной из сильных европейских великих держав.¹

В связи со всем этим московскому правительству становится необходимой более или менее точная, подробная и регулярная информация о текущих политических событиях за рубежом.

Это и создало предпосылки для возникновения рукописных «Вестей», «Вестовых писем» или «Ведомостей».

Впрочем, необходимо сразу же указать, что московские «Ведомости» с самого начала имели особенность, резко отличавшую их от западных газет. В то время как последние — и в рукописной, и позднее в печатной форме — всегда обращались к более или менее значительной аудитории, преимущественно из рядов буржуазии, московские «Ведомости» имели характер ведомственно-дипломатического издания, теоретически рассчитанного на одного лишь «читателя» — царя, практически же становившегося известным сравнительно немногочисленной группе его приближенных. «Читателями» их можно назвать лишь относительно, так как «Ведомости» читались царю и его приближенным вслух каким-либо чтецом из дьяков так называемой Государевой Думы.

Изготовление «Ведомостей» лежало на обязанности чиновников Посольского приказа, ведавшего иностранной политикой Московского государства. Через разных агентов Посольский приказ получал зарубежные газеты, преимущественно немецкие, реже голландские и др.; из этих заграничных газет переводчики Посольского приказа перелагали на русский язык иногда полностью, иногда в выборках соответствующий материал. Эти данные они пополняли сведениями, почерпнутыми из донесений информаторов (своего рода «собственных корреспондентов»), специально содержавшихся за границей и на рубежах страны, из перлюстрированной частной переписки проживавших в Москве иностранцев со своими зарубежными родственниками и друзьями, наконец из разнообразных устных источников. Впрочем, трудно сейчас сказать, все ли эти материалы были использованы Посольским приказом в одно и то же время, или на протяжении 80 лет засвидетельствованного существования московских «Ведомостей» (самые ранние из сохранившихся относятся к царствованию Михаила Федоровича, 1621 г.) источники информации изменились. Точно так же недостаточно выяснен вопрос о характере переводов, помещавшихся в «Ведомостях». Сопоставляя «Ведомости»

¹ История дипломатии. Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941, т. I, стр. 227.

1643 г. с их оригиналами, один из исследователей пришел к выводу, что «при передаче немецкого текста переводчик той эпохи старается держаться к нему как можно ближе, редко позволяя себе по отношению к подлиннику какие-нибудь отступления или сокращения; язык перевода, в общем, простой и понятный; искажения текста сравнительно редки, только имена собственные и географические в большинстве случаев исковерканы до неузнаваемости (напр., «zu Boys le Vicennes» переведено «в Биселе-виценсе», «Die Schotten» (шотландцы) — шкотченя», «Prinz Wilhelm» — «князь Вилим и пр.»).¹ К этому можно прибавить, что при передаче военных чинов переводчики применяли дословный перевод, совершенно затемняющий, по крайней мере для современного читателя, смысл; так, например, «des Herrn Feld marschal» переведено «господина полевого маршалка» (там же, стр. 20), «Des Herrn Hauptmann» [капитана] — «господина войскового начальнова» (там же, стр. 24), «Herr General Major» — «господин начальной майор» (там же, стр. 27). Надо полагать, что для тогдашнего «читателя» «Ведомостей» все эти искажения собственных имен, географических названий и военных терминов особенной роли не играли. Не имело также значения и то обстоятельство, что вся эта информация поступала к «читателям» с большим запозданием. Например, № 38 газеты «Wöchentliche Zeitung» 1643 г., содержащий сведения за время с 28 августа по 16 сентября, был доставлен в Посольский приказ из Риги лишь 3 (по новому стилю 13) ноября; следовательно, русский «читатель» мог получить эти газетные материалы более чем с двухмесячным опозданием. Очевидно, в более ранние времена отставание было еще значительнее, так как начало относительно регулярной доставки заграничных газет приходится именно на первую половину 1640-х годов.

Выполняя ведомственно-дипломатическую функцию, «Ведомости» естественно должны были держать своего «читателя» (царя) в курсе политических, а также экономических и иных явлений эпохи. Поэтому в них главное внимание обращено на разные военные события, как то: взятие городов, описание сражений; далее часто встречаем описание приема послов, созвание сеймов, прибытие с товарами торговых кораблей, смену правителей, описание грабежей, картины ужасных моровых поветрий и других болезней, договоры различных государств между собою, речи королей, описание папских приемов. Но особенно часто и охотно газеты уделяют место описанию комет, появившихся где-

¹ Шлоссберг А. Н. Начало периодической печати в России. СПб., 1911, стр. 20.

либо, говорят о наводнениях и других стихийных бедствиях и т. д.¹

Новейший исследователь московских «Ведомостей», характеризую содержание этих рукописных газет, пишет: «Содержание „Ведомостей“ XVII ст. показывает их классовое направление, особенно в вопросах, касавшихся внешней политики феодально-крепостнической России. В рукописных „Ведомостях“ много места уделяется зарубежным известиям о ходе Тридцатилетней войны, русско-польским отношениям и, прежде всего, освободительной войне украинского народа против панской Польши (1648—1654 гг.), внешней политике Турции. Особенно полно в „Ведомостях“ освещаются подготовка России ко 2-му Азовскому походу, взятие Азова и иностранные отклики на эти события. В рукописных „Ведомостях“ особое внимание уделено дипломатической и военной подготовке России к войне со шведами. За этот же 1700 г. имеются материалы о первых преобразованиях Петра... Содержание рукописных „Ведомостей“ XVII ст. свидетельствует о все растущей международной роли России как на Западе, так и на Востоке».²

Чтобы дать хоть некоторое представление о характере «Ведомостей», приведем два-три отрывка из немногочисленных опубликованных газет XVII в.:

«Вести из Мейланта (Милана) августа 26 числа [1643 г.]. К городу Трино французские люди двояжды приступали, толкс с нарочитою [значительной] потерею опять назад отошли, и стреляли оне с 4 роскатов [батарей] из 24 пушек; а под городом Понтестуром еще по сю сторону [пору] жестокова приступа не бывало. А здешной владетель ныне недавне из города Павна к городу Новара к мотру [набору] поехал».³

«Из Париса августа 28 числа [1643 г.]... — А князя де Гаркуорта (duc de Harcourt) посылают в послех в Аглинскую землю для некоторой розни меж короля и соимы [сейма, парламента], и для того дела совершенно дожидаетца».⁴

А вот «сообщения о необычайных событиях», повидимому не меньше интересовавшие «читателей» «Ведомостей»: «В галанской земле в Поморье под островом Теселон рыбники рыбу ловили и видели чудо в море, голова у него человеческая, да ус долгой, а борода широкая, и рыбники от того добре устрашились, и

¹ Покровский А. А. К истории газеты в России. — В книге «Ведомости времени Петра Великого» (М., 1906, вып. II, стр. 13).

² Марлинский С. Я. Петровские «Ведомости» как исторический источник. Автореферат диссертации. Одесса, 1950, стр. 7.

³ Шлоссберг, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 23.

один рыбак побежал из судна в нос и хотел то чудо смотреть, и чудо под судно унырнуло, и ис [к]онца опять вынырнуло и рыбаки побежали на корму и хотели его ухватить, и он опрокинулся и оне видели у него туловище, что у рака, а хвост у него широк, да и ноги у него также широки были, и плавал, чтс собака».¹

«Марта в 31-й день [1655 г.] в Питцерском уезде недалеко от Гданска видели две дивные птицы, которых поперед сего здесь не видали, желтоносые, да белые хвосты и ноги; а летаали высоко гораздо и меж собою почали дратца и битца крылами и носами и ногами схватывалися и с великим крыком обе на землю упали; а одное птицу мужики убили, а другую птицу в Польшу королевскому величеству живую послали; а такое птичное побоще высоко было под небесы, что крык сперва долго слышали, покаместа птиц не увидели; а что такая притча окажет, и то даем умным людям рассудить».²

Таковы «Ведомости» по своему содержанию и воззрениям. По внешнему виду они представляют складные, длиною в несколько метров, узкие листы бумаги, на которых писали «столбом», т. е. сверху донизу без перерывов; отсюда происходит и другое название их — «столбцы»; впрочем, в Посольском приказе их называли обыкновенно «вести», «вестовые письма».

Изготавливались «Ведомости», по крайней мере значале, в одном экземпляре и рассматривались как дипломатические тайные документы. Исчезновение из Посольского приказа нескольких рукописей «Ведомостей» вызвало большой переполох.³ Правда, имеется ряд списков «Ведомостей», но некоторые из них очень поздние, вплоть до начала XIX в. (опубликованный И. Забелиным в «Чтениях» 1880 г.); когда были сделаны списки с других «Ведомостей», сейчас установить трудно, во всяком случае едва ли в то же самое время, когда они были актуальным

¹ Там же, стр. 38—39, по копии «Ведомостей» 1621 г. Не следует обвинять читателей 1621 г. в легковерии: более чем через 125 лет в «Санкт-Петербургских ведомостях» было помещено сообщение из Никёбинга (на острове Морсе, в Юталандии) о поимке 12 августа 1749 г. «так называемой сирены или морской женщины. Сие морское чудовище сверху походит видом на человека, а снизу на рыбу, цвет на теле желтой бледной» (Санкт-Петербургские ведомости, 1749, 12 сентября, № 73, стр. 173). А ведь «Санкт-Петербургские ведомости» издавались Академией Наук.

² Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов. — Чтения в Общ. ист. и древн. росс., 1880, кн. II, стр. 38 последней пагинации. Ср. в «Исторической хрестоматии» Ф. И. Буслаева (столб. 1145—1146) выдержку из «Ведомостей» об излечении бесноватой.

³ Балицкий Г. Б. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908, стр. 6. Ср.: Покровский А. А., стр. 30.

дипломатическим документом. Поэтому нельзя считать правильным утверждение некоторых исследователей, основывающееся на наличии списков с «Ведомостей», что они с самого начала были доступны более широкому кругу читателей, чем придворно-боярская верхушка. В основном, на всем протяжении существования у нас «Ведомостей» они рассматривались не как «газета», а как «дипломатический акт». Это показывают пометки, сделанные на некоторых из них, вроде «государю чтено», «великим государем [Ивану и Петру Алексеевичам] и сестре их великой государыне благородной царевне [Софье Алексеевне] известно, а бояром чтено», «чтено бояром» и т. д. Некоторые пометки дают основание полагать, что самое чтение «Ведомостей» имело характер регулярных заседаний: «185 [1677 г.] сентября в 1 великому государю чтено в комнате, а бояре слушали в передней»; на других столбцах отмечено, что через 8 дней состоялось новое чтение. «185 [1677 г.] сентября в 9 великому государю чтено в комнате, при комнатных боярах, чел думный дьяк Ларин Иванов».¹

Сохранившиеся в разных рукописных собраниях Москвы и Ленинграда копии «Ведомостей» несомненно были сделаны в основном подьячими Посольского приказа и через их посредство проникали в непридворные читательские круги.

И именно из этого «дипломатического назначения» «Ведомостей» делается понятным наличие в них такого отдела, как заграничные известия о Московии и московских делах. Внутренние дела Московского государства не находили непосредственного отражения в «Ведомостях», посвященных целиком странам зарубежным. Для придворного «читателя» «Ведомостей» интерес представляло именно то, как изображалась в иностранной прессе Московия и москвиты.

Приведем несколько примеров.

«Из Амборка [Гамбурга] пишут ноября в 22 день [1643 г.], что великий князь Московской приказал свейскому [шведскому] агенту [шведскому резиденту Крузбиорну] из своей земли ехать, и для того свеяне [шведы] остерегательнее живут на рубеже».

«Зело тревожился салтан турской, что войска московские вступили в Крым [1687—1688 г.], гораздо сомневался о отъеме той стороны и о изгнании оттоле татарском».

«[В январе 1684 г.] папа силно умоляющие грамоты послал х королем к гишпанскому и ко французскому и к Москве, чтоб оружия свои случно [совместно] обратили на турков».²

¹ Покровский А. А., стр. 28—29; Шлоссберг, стр. 54.

² Шлоссберг, стр. 36.

Из цитированных материалов явствует, что в «Ведомостях» отражались сведения, касавшиеся военной и дипломатической стороны русской жизни. Впрочем в них упоминаются события, связанные с деятельностью патриарха Никона, со стрельцким бунтом и т. п.

Проанализировав подобные материалы в «Ведомостях», А. Н. Шлосберг пришел к выводу: «Русский народ — сила, с которой приходится считаться: вот та нота, которая звучит почти во всех, обыкновенно очень кратких, сообщениях о России, попадавших из западной прессы в наши куранты».¹

Как ни были «Ведомости» нерегулярны, скудны по материалу и ограничены в своем распространении, они все же постепенно сделали необходимым элементом государственной жизни России конца XVII в. Хотя они содержали одну только информацию и никаких статей, тем не менее к ним проявлялся интерес в русском обществе: известно не мало копий с «Вестовых писем» или «курантов», т. е. «Ведомостей».²

«Ведомости» или «куранты» изучены очень мало.³

Основная масса «Ведомостей» находится в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве, в рукописных отделениях Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина (Москва), Библиотеки Академии Наук СССР и Государственной Публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), а также в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (собрание Н. П. Лихачева).

То обстоятельство, что рукописные «Ведомости» изданы в очень незначительном объеме, а за время Петра I и вовсе не опубликованы, не позволяет изучать их в историческом плане, не дает возможности установить, сохранили ли они на всем

¹ Там же, стр. 36.

² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII ввекв. СПб., 1903, стр. 236—251.

³ Тексты «Ведомостей» или «курантов» напечатаны — частью с оригиналов, частью с более поздних списков — в названной выше работе А. Н. Шлосберга (за разные годы, преимущественно 1643—1644 гг., но есть отрывки и за 1621 г.), в казанских «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» (1911, т. XXVII, стр. 288—298, статья М. П. Петровского «Из „Курантов“ первой половины XVII в.» — отрывок из «Ведомостей» 1638 г.), в «Чтениях Общества истории и древностей российских» (1880, кн. 2, стр. 37—46 последней пагинации, публикации И. Е. Забелина — 1655 и 1665 гг.), в «Исторической хрестоматии» Ф. И. Буслаева (М., 1861, столб. 1143—1146; также отрывок за 1665 г.), в «Летописи занятий Археологической комиссии за 1865—6 гг.» (СПб., 1868, кн. IV, Материалы, стр. 56—59, за 1682 г.), в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова (М., 1949, ч. 2, вып. 1, стр. 17—26, за 1668, 1672 и прочие годы) и др.

протяжении своего существования свой первоначальный характер, или у них была какая-то эволюция. Решить эти вопросы предстоит будущим исследователям.

ПЕЧАТНЫЕ «ВЕДОМОСТИ»

(1702—1727)

В конце 1702 г. прекращается изготовление рукописных «Вестовых писем» или «Ведомостей» и начинают выходить печатные «Ведомости». Характер этой газеты, возникшей в самом начале XVIII в. и просуществовавшей почти до конца царствования Екатерины I, может быть правильно понят только на фоне исторической обстановки, сложившейся в этот период.

Сопоставляя внешнюю политику Петра с политикой его предшественников, Маркс писал в «Секретной дипломатии XVIII века»: «Перенесением своей столицы Петр возвестил, что он, наоборот, намерен действовать и на Востоке и в непосредственно соседних с ним странах путем активности на Западе. . . Активность на Западе сразу приобретала неограниченное и мировое значение благодаря неустойчивости положения и всеобщности связей в Западной Европе. Перенесение столицы указывало на эту предполагаемую перемену деятельности, для успешного проведения которой завоевание балтийских провинций предоставило соответствующие средства. Благодаря этому завоеванию России было обеспечено превосходство над соседними северными государствами; благодаря ему же она была втянута в непосредственный и постоянный контакт с любым пунктом Европы, и, наконец, благодаря ему были заложены основания для установления материальных связей с морскими державами, которые, получая из России необходимые для их кораблей материалы, оказались в зависимости от нее».¹

Обращаясь далее в той же работе к внутренней политике Петра, Маркс, опять-таки сопоставляя эту политику Петра с деятельностью его предшественников в той же области, отмечал: «. . . Петр, решившийся действовать путем активности на Западе, вынужден был цивилизовать Россию».²

Когда в конце царствования Петра публицисты из его окружения подводили итог сделанному, достигнутому страной за четверть века, им было чем гордиться. Россия заняла прочное место в «концерте» великих держав мира, и твердый голос русского

¹ Маркх Karl. Secret diplomacy of the XVIII century. London, 1898, стр. 88—89.

² Там же, стр. 89.

государства все чаще раздавался в решающие моменты европейской истории, оказывая могучее воздействие на ход событий.

Реформированная русская армия, любимое детище Петра, выступила на арену военной истории XVIII столетия со столь блистательными победами, что они ошеломляюще подействовали на весь мир. Попытка Карла XII подчинить Россию своему влиянию, предписать ей свою волю окончилась разгромом его армии, считавшейся «непобедимой», и потерей Швецией ее места мировой державы. Русский флот, созданный Петром, стал грозной силой. Русский солдат и русский моряк, воспитанные новой организацией армии и флота, получившие в руки совершенное по тому времени оружие, выявили боевые качества, вскоре прославившие русское войско. Не было недостатка и в даровитых военачальниках, среди которых, кроме самого Петра, были Меншиков, Шереметев и другие.

Русское государство вернуло себе выход к Балтике, укрепились на западе, на севере, на юге. Одновременно с военными успехами и в связи с ними Россия добивалась успехов на экономическом поприще. Урал раскрыл свои недра и, хотя еще в очень малой степени, но на первый случай уже удовлетворял нужду русского оружия. В стране возникло много заводов, возникла отечественная тяжелая и отчасти легкая промышленность. Строились новые поселки, порты, из земли вырастали фабрики, тысячи плотников на новых верфях рубили мощные корабли, один за другим возникали полки русской армии, расширялась и совершенствовалась артиллерия, русские дипломаты занимали почетные места при дворах западных монархов, русские купцы завязывали торговые связи с отдаленнейшими рынками.

Вся кипучая и крутая деятельность Петра, принося значительные плоды, в то же время тяжело ложилась на плечи народа, подвергавшегося неслыханно жестокой эксплуатации на заводах, угнетаемого помещиками, обираемого чиновниками, разоряемого иноземцами, которым Петр дал слишком много воли в своем государстве. Петр управлялся с народом, как нетерпеливый, властный и беспощадный помещик. И его, Петра, облик в сознании народа двоился: с одной стороны, народ прославил Петра-победителя, обеспечившего национальную независимость России. Петра-строителя, Петра — мудрого правителя; с другой стороны, народ осудил царя, надевшего «немецкий» кафтан, жестокого помещика на троне.

Новые задачи государственности были тесно связаны с настоятельной необходимостью обновления культурных, бытовых, моральных представлений и традиций хотя бы в высших слоях населения. Женщина высших сословий была выведена из терема.

Молодых людей из дворян обучили танцевать, биться на шпагах, любезничать с дамами. Бороды у дворян и солдат сбрили, оставив их признаком народа, да еще духовенства. Высшее сословие заставили переодеться на иноземный лад. Немало было во всем этом бессмысленного подражания западу, вызывавшего горькую усмешку у народа. Но в то же время тысячи молодых людей сели на школьную скамью и стали учиться. И сам Петр подавал им пример, всю жизнь неустанно и жадно вбирая знания в самых различных областях.

Облик русской культуры — конечно, культуры господствовавших классов — значительно изменился в первой четверти XVIII столетия. До Петра русская культура была скована церковностью и старозаветными традициями. Когда же вскоре после смерти Петра его ученик и поклонник, молодой Антиох Кантемир, приехал в Париж, центр тогдашней западной культуры, он поразил французов своими обширными научными знаниями, тонким искусством политика-дипломата и высоким мастерством поэта.

Важнейшими мероприятиями Петра в области культуры было создание государственных школ разного типа (частью общих, как арифметические, преимущественно же специальных, как « навигацкие», инженерные, медицинские), а также то, что Петр заставил духовное ведомство организовать в крупных городах школы церковного типа (архиерейские училища и семинарии), в которых получали образование лица разных социальных категорий. Это несомненно способствовало росту грамотности и культуры населения. Еще при жизни Петра была организована открытая уже после его смерти Академия Наук. Увеличение количества типографий в Москве, а затем и Петербурге и выработка «гражданской» печати (1708), завершившая старую, с конца XVII в. шедшие искания русских переписчиков книг и гравиров, явились мощным рычагом распространения образования среди населения, преимущественно демократических кругов его. Создание «гражданской» печати было одним из наиболее ярких проявлений новоформирующейся русской культуры, порывавшей с церковной традицией допетровской Руси.

Новая русская культура, чтобы отвечать потребностям эпохи, должна была стать светской, отрешившейся от религиозных традиций. Этому «обмирщению» тогдашней русской культуры служила политика Петра в области книгоиздательской, когда он отбирал для печати книги, имевшие главным образом утилитарно-практический характер; этой же цели служили и его указания переводчикам относительно простоты, ясности и вразумительности передачи чужеземного оригинала. И именно в эпоху Петра

закладываются первые основания для развития русского литературного языка и начинается постепенное ограничение литературного применения языка культа, языка церковно-славянского.

Те же тенденции обмирщения, отказа от церковности, с одной стороны, и своеобразной политической пропаганды, с другой, проявились и в создании при Петре театра, имевшего, в отличие от придворного театра его отца, публичный характер. При Петре театр имел тенденцию стать одной из серьезных форм проведения в широкие массы определенных политических идей, на том этапе развития — прогрессивных.

Стоявшая перед дворянским государством задача создания новой, внецерковной, светской культуры должна была быть разрешена в исключительно быстрый срок. Наряду с созданием самостоятельных культурных ценностей работники культуры тех времен прибегали и к переводам, и к усвоению иноземных образцов. Иногда это усвоение имело критический характер, но иногда оно было механическим. Немало пришлось позднее русским писателям XVIII в. потратить сил на борьбу с последствиями этих некритических заимствований.

Внутреннюю политику Петра давно уже определяют как «европеизацию России». Правильнее было бы говорить о создании новой, светской культуры, разорвавшей или, по крайней мере, резко ослабившей связи с церковной культурой Московской Руси; это было решительное «приспособление» старой надстройки в целях большого укрепления и упрочения экономического базиса феодально-крепостнической империи. «Европеизация» была только частным и вовсе не самым характерным моментом этого важного процесса. Основная суть этого процесса была охарактеризована И. В. Сталиным в беседе с немецким писателем Э. Людвигом: «Петр Великий, — сказал товарищ Сталин, — сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев». Далее И. В. Сталин указал, что этот процесс осуществлялся «за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры».¹

Несмотря на откровенно классовый характер преобразовательной деятельности Петра I, создавшего государство помещиков и торговцев за счет жесточайшей эксплуатации крепостных масс, результаты этой деятельности были полезны России в целом, так как было создано мощное, обороноспособное государство и были окончательно пресечены хищнические попытки западных соседей России превратить ее в свою колонию. Равным

¹ Сталин И. В. Сочинения, т. 13, стр. 105.

образом и культурные преобразования Петра, при всей их буржуазно-дворянской направленности, также имели общенациональное значение: была создана новая светская культура, был осуществлен почти полный разрыв с церковной культурой предшествующего периода, оказано широкое содействие развитию науки, просвещения, литературы; при всей классовой ограниченности петровских преобразований они не могли не оказать влияния на рост культуры демократических слоев русского народа. Поэтому литература петровского времени в значительной своей части имеет прогрессивное значение.

К концу первой четверти XVIII в. (Петр умер в 1725 г.) в новой столице Петербурге печаталось множество книг научного, учебного, публицистического содержания, привычными стали театральные представления, формировался своеобразный стиль петербургской архитектуры, русские художники создавали новую национальную школу живописи, готовилось торжество открытия русской Академии Наук, талантливые, хотя и не оцененные по достоинству мастера уже упрочили славу русской механики, металлургии и других отраслей промышленности, шестнадцатилетний Кантемир изучал высшую математику, юноша Тредиаковский писал русские и латинские стихи и гениальный сын народа Михайла Ломоносов готовился к поездке в Москву.

К числу прогрессивных мероприятий петровского царствования наряду с введением гражданского шрифта, организацией школ и т. д. следует отнести создание печатных «Ведомостей».

Первая русская газета зародилась в условиях напряженного строительства культуры «национального государства помещиков и торговцев» (Сталин) и в условиях войны с Карлом XII. Эти исторические обстоятельства оставили прочный отпечаток на политическом лице «Ведомостей».

Идея перехода от рукописного способа изготовления «Ведомостей» к их печатанию принадлежала Петру I. Надо полагать, что в последней четверти или, по меньшей мере, в последние два десятилетия XVII в. рукописные «Ведомости» начали терять свою прежнюю секретность и писались не в одном, а в нескольких экземплярах. На это предположение наводит пометка на «курантах» 1680 г.: «Таковы же куранты отнес к боярину, к князю Якову Никитичу Одоевскому на двор дьяк Василий Бобнин, а назад их не принашивал, а сии вклеены впредь для ведома для того, что великому государю в троецкой поход не посыланы».¹ Несмотря на единичность подобной записи и на от-

¹ Харлампович К. В. «Ведомости Московского государства» 1702 года. — Изв. II отд. АН, 1918, т. XXIII, кн. 1, стр. 4—5. Ср.: Покровский А. А., стр. 37.

существование в литературе указаний на существование рукописных «Ведомостей» в нескольких современных копиях, все же несомненно, что при Петре, в особенности после его первой зарубежной поездки, во время которой он познакомился с ролью журналистики на Западе, «Ведомости» потеряли характер дипломатической тайны и приобрели в глазах царя значение агитационно-пропагандистского средства. Серьезно использовать это средство при проведении своей политики Петр мог, только придав «Ведомостям» печатную форму. При этом важно, что для Петра газета и в печатном виде остается «Ведомостями-курантами». То качественное отличие между рукописными единичными «Ведомостями» и печатными многотиражными «Ведомостями», которое остро ощущается нами, было, очевидно, совершенно непонятно людям петровской эпохи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и по содержащемуся в них материалу, и по характеру его размещения, и по основным используемым источникам «Ведомости» продолжают традиции рукописных «Ведомостей». Подобно последним, в «Ведомостях» имеется и отдел «Иностранные известия о России».

Новым, и притом вовсе не случайным, а подчеркнуто намеренным является отсутствовавший в рукописных «Ведомостях» отдел «Внутренняя и внешняя политика России». Именно этот отдел и дал Петру право назвать печатное издание «Ведомостями Московского государства». Самое слово «Ведомости», которое за двести с лишним лет употребления приобрело смысл, равнозначный со словом «газета», «вестник», «курьер» и т. д., в петровскую эпоху еще не имело такого чисто жанрового значения; оно означало «достоинство знания», «достоинство быть ведомым», почти то же самое, что латинское «*metogabilia*» — «достопамятности». Ввиду такого узкого смыслового употребления термина «Ведомости» нельзя рассматривать выражение «Ведомости Московского государства», примененное к первому номеру газеты, как общее название петровской газеты. Подобный характер был приобретен «Ведомостями» лишь постепенно. Накануне выхода номера, носившего титул «Ведомости Московского государства» и содержавшего материал только русский, вышел номер, озаглавленный «Ведомости с царских писем, присланных чрез почту в нынешнем 1702 году декабря в 5 день»; в этом выпуске русского материала не было вовсе. Далее, номер, вышедший 2 января 1703 г., содержал и русский и иностранный отдел и поэтому имел титул более общий — «Ведомости». Да и в дальнейшем титул первой русской печатной газеты менялся от номера к номеру; наряду с «Ведомостями Московского государства» отдельные номера озаглавливались: «Ведомости московские»,

«Ведомость московская», «Подлинное доношение», «Ведомость о Митавской осаде», «Реляция», «Российские ведомости», «Эссенция из французских печатных газетов» и т. д.; некоторые номера выходили вообще без титула. К комплекту «Ведомостей» за 1704 г. был приложен общий годовой титул, наиболее полно охватывающий содержание этой газеты: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах. Начаты в лето от Христа 1704 от генваря, а окончены декабрем сего же года».

Долгое время в истории русской журналистики было принято считать, что первый номер «Ведомостей» вышел 2 января 1703 г.

Основанием для этого служили следующие обстоятельства:

1) Наиболее полные комплекты «Ведомостей», сохранившиеся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), начинаются именно с номера от 2 января 1703 г.; такой комплект был перепечатан библиотекой в 1855 г. в связи со столетним юбилеем Московского университета и, вследствие исключительной редкости самих «Ведомостей», использовался историками, литературоведами и пр.; благодаря этому случайное обстоятельство, что в Государственной Публичной библиотеке не было более ранних номеров «Ведомостей», укрепило мнение, будто первый номер газеты вышел 2 января 1703 г.

2) Среди печатных законодательных материалов петровской эпохи существует указ от 16 декабря 1702 г. следующего содержания: «По ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов, ведомости, в которых приказов, о чем ныне какие есть и вперед будут, присылать из тех приказов в монастырский приказ, без молчания [без промедления], а из монастырского приказа те ведомости отсылать на печатный двор. И о том во все приказы из монастырского приказа послать памяти».¹ Исходя из того, что «от 16 декабря до 24 невозможно было разослать во все приказы памяти о присылке известий, получить последние, выбрать самое любопытное и отослать на печатный двор для набора и отпечатания, а с 24 декабря наступили святки, когда работа прекращалась

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. IV, М., 1921 (цит. по: Харлампович, стр. 7). У А. А. Покровского (назв. соч., стр. 60—61) воспроизведен текст того же указа от 16 декабря с незначительными стилистическими изменениями.

91
ВЪ ДОМОШН
Могущаго Гроуа
Въ нѣшнемъ Мѣсѣ Году Де=
кабря Въ Д. Великий Гроу
нашъ, Есѣ Црское пресвѣтлое
Белѣчество Сили Великаго Гроу
храброму и вѣстному Могущему
Войско) преславно побѣди шпеда
на раныхъ мѣстахъ, и многе
Гроу Кѣпи и мѣзы Есѣ ѡпѣ=
стошѣхъ, в' полонѣ Оффѣцеров

Рукописный оригинал первого номера «Ведомостей»
от 16 декабря 1702 г.

совсем»,¹ прежние исследователи и решили, что номер от 2 января 1703 г. был ответом на петровский указ от 16 декабря 1702 г. При этом не принимали во внимание, что, несмотря на наступившие «святки», когда работа прекращалась совсем, 27 декабря 1702 г. был выпущен специальный номер газеты, озаглавленный «Юрнал [журнал] или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостию Ногенбурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году».

Между тем, другие исследователи отметили, что в тексте «Ведомостей» 1703 г. (в номере от 18 июля), в связи с помещением известия о доставке из Сибири пушек, железа и стали, имеется ссылка редакции на то, что «в прежних ведомостях объявлено о сыскании железа в сибире», тогда как ни в одном из предшествующих номеров за 1703 г. такой публикации не отыскано. Ввиду этого было высказано предположение о том, что «Ведомости» выходили уже с декабря 1702 г. В 1903 г. в ознаменование 200-летнего юбилея существования русской прессы (считая со 2 января 1703 г.) Библиотека Московской синодальной типографии выпустила чрезвычайно важное для истории первой русской газеты издание — «Материалы и оригиналы Ведомостей 1702—1727 гг. Описал В. Погорелов (М., 1903)». В этой книге, на основании архивных рукописных материалов, был воспроизведен текст номера «Ведомостей» от 17 декабря, не известный до того времени историкам русской прессы. Самое важное в этом новом тексте было наличие сообщения о сыскании железа в Сибири. Однако счастливая находка не повлияла на традиционную точку зрения: датой начала русской периодики продолжали считать 2 января 1703 г., так как номер от 17 декабря рассматривали как не вышедший в свет и справедливо полагали, что он не мог быть результатом указа Петра от 16 декабря. В 1918 г. в «Известиях II отделения Академии Наук» (т. XXIII, кн. 1, стр. 1—18) была помещена статья казанского профессора К. В. Харламповича «„Ведомости Московского Государства“ 1702 года». В этой статье, основываясь на материалах так называемого Анатолиевского сборника (начало XVIII в.), хранившегося тогда в библиотеке Казанской духовной академии, проф. Харлампович привел текст номера «Ведомостей» от 17 декабря 1702 г. с некоторыми разночтениями против публикации Погорелова. В Анатолиевском сборнике после копий с рукописных «курантов» идут списки с печатных «Ведомостей», начиная с 1702 г. и по 1715 г.; весь этот раздел рукописи имеет осо-

¹ Корф М. А. Письмо в редакцию. — СПб. вед., 1857, № 143 (цит. по: Харлампович, стр. 9).

ВѢДОМОСТИ

На московѣ вновь нынѣ пѣшкѣ мѣднѣхъ
гобенцѣ и мартнршвѣ вышло 400
тѣ пѣшки, гдѣромъ . по 24 . по 18 . и по 12
фѣнтоѣ . гобенцы вомеомѣ пѣдовыѣ и полѣ
пѣдовыѣ . мартнры вомеомѣ двѣдти трѣхъ и двѣ
пѣдовыѣ и мѣнши . И ещѣ многѣ формѣ готовыхъ
вѣликихъ , и среднихъ и антъ пѣшкѣ гобенцѣ ,
и мартнршвѣ : А мѣднѣ нынѣ на пѣшечномъ дворѣ
которая приготоваена къ новѣмъ антъ , вомеомѣ
40000 пѣдѣ лежатъ .

Повѣленіемъ егѣ величества московскіе школы
вумножаются , и 45 человекѣ слѣшантъ фѣлософїи,
и дѣи діалектикѣ школьникѣ .

В математическои штурманскои школѣ воше 300
члѣвѣкѣ оучатся , и добрѣ наѣкѣ прїемантъ .
На московѣ полсера съ 24 члѣвѣ , по 24 декабря
родилося мѣженка и женска полѣ 386 члѣвѣкѣ .
Изъ персїи пишѣтъ : Индѣнскїи царѣ послалъ
в дарахъ великомѣ царю нашѣмъ слѣна , и иныхъ
вещей не мало . Изъ града шемахи шѣвѣннѣ
онѣ съ астраханѣ съхнѣмѣ пѣрѣмѣ .
Изъ казанѣ пишѣтъ , На рѣкѣ сокѣ нашей много
нѣфти , и мѣдной рѣды , и зъ той рѣды антъ
выплавная изрѣдѣ , ш чѣгѣ чантъ нѣ
быть гнѣбѣмѣ московномѣ гдѣрствѣ .
Изъ менѣн пишѣтъ . Въ интанскомѣ

бый титул: «Список с московского печатного листа Ведомости Московского государства». На основании этого проф. Харлампович предположил, что номер «Ведомостей» от 17 декабря 1702 г. все же был напечатан и именно в том виде, в каком он скопирован в Анатолиевском сборнике. Очевидно он как пробный был отпечатан в очень небольшом количестве экземпляров и поэтому до сих пор не обнаружен. В подкрепление точки зрения Харламповича можно еще сказать следующее: 1) нет необходимости полагать, что первый номер «Ведомостей» должен был быть непременно составлен из сообщений, присланных приказами в ответ на указ Петра от 16 декабря; напротив того, на основании других областей петровской практики скорее можно предположить обратное — наличие материала, соответствующего пропагандистским видам Петра, навело его на мысль отпечатать подобную «Ведомость» и затем время от времени продолжать издание газеты; 2) возражение о том, что за одни сутки (с 16 по 17 декабря) нельзя было разослать указ, получить ответ и напечатать газету, тем самым отпадает; тем более, что, наряду с печатным указом 16 декабря, известен и рукописный от 15 декабря; в этом указе сообщается, что Петр велел «куранты, по нашему Ведомости, которые присылаются из разных государств и городов в Государственный Посольский и в иные приказы, из тех приказов присылают те ведомости в приказ книг печатного дела, а как те ведомости присланы будут и еще на печатном дворе печатать и те печатные ведомости, что останется за подносом [т. е. после безвозмездной раздачи царю и сановникам], продавать в мир по надлежащей цене».¹ Таким образом, доставленный Петру не позднее 15 декабря материал, касающийся внутренних московских дел, был сдан в печать независимо от опубликования и рассылки указов от 15 и 16 декабря, из которых только последний попал в «Полное собрание законов». Непосредственно же перед «Ведомостями Московского государства» были напечатаны приведенные Харламповичем по Анатолиевскому сборнику «Ведомости с царских писем», затем из-за праздничного перерыва «Юрнал» о Нотенбурге от 27 декабря и лишь после них «Ведомости» от 2 января 1703 г. Отсутствие печатных экземпляров «Ведомостей» от 17 декабря и «Ведомостей с царских писем» не может служить основанием для сохранения старой точки зрения. Кроме того, подтверждением даты 1702 г. являются показания акад. Миллера (см. ниже, стр. 60).

Итак, петровские «Ведомости» появляются в конце 1702 г., в то самое время, когда Петр напрягал все силы для отпора

¹ Покровский А. А., стр. 61; Харлампович, стр. 7.

Карлу XII. После неудачного начала Северной войны, стоившего Петру потери значительной части артиллерии и боеприпасов и очень повлиявшего на настроения подданных, была неотложно необходима агитация за продолжение борьбы со шведами; нужно было убедить народ если не в том, «какие законные причины имел» Петр для ведения войны, — это было сделано много позднее, — то, по крайней мере, в том, что эта борьба вполне возможна; нужно было объяснить некоторые мероприятия 1702 г., например конфискацию колоколов у монастырей и церквей и переливку их в пушки и гаубицы; нужно было сообщить населению страны, что у царя, помимо русских войск, имеются еще и союзники из числа других народностей, населявших тогдашнюю Россию, и т. д. Именно этим целям служат «Ведомости» от 17 декабря 1702 г. и их продолжение. Так, в номере от 17 декабря сообщается о триумфальном въезде Петра в Москву 4 декабря, о том, что «завоеванные шведския артиллерия многое число привез, которую взял в Маринбурге и Слюсенбурге», об обещании «камышцкого великого владельца Аюки-Тайши» доставить 20 тысяч своих войск, об открытии месторождений серы, железных руд, селитры и т. д., т. е. обо всем, что столь необходимо для дальнейшего ведения войны со шведами. В номере от 2 января прежде всего сообщено о том, что «на Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито 400; те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов, гоубицы бомбом пудовые и полупудовые, мартиры бомбом девяти, трех и дву пудовые и менше. И еще много форм готовых великих и средних и литье пушек гоубиц и мартиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40000 пуд лежит». Далее приведены сведения о «подготовке кадров» в московских школах, общих и специальных («в математической и штурманской школе»), и опять-таки данные о разработке природных богатств страны, «от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству».

Если сообщения, касающиеся Московского государства, имеют отчетливо агитационный характер, то относительно заграничного отдела печатных «Ведомостей» приходится повторить все сказанное о соответствующем разделе рукописных. Здесь составители отбирали материал, доставлявшийся им иностранными газетами, в первые годы немецкими и голландскими, а потом французской, тоже издававшейся в Голландии. Однако при отборе материала «редакция» «Ведомостей» была разборчива: сообщения вносились главным образом те, которые касались стран, состоявших в каких-либо близких (дружеских или враждебных) отношениях с петровской Россией, т. е. Швеции, Дании, Польши и Турции.

Но и из этих материалов в «Ведомости» не включалось все то, что набрасывало тень на достоинство России, ее армии, ее союзников и т. п. Поэтому в сохранившихся оригиналах «Ведомостей», изданных Погореловым, имеются пометки: «сей статьи меж скобок в народ не пускать» и т. д.; известия иностранных газет о военных неудачах Петра вычеркивались, а, например, сообщения об отрешении турками князя Дмитрия Кантемира, союзника Петра в борьбе с турками, от занимаемой им должности господаря волошского и молдавского не только зачеркнуто, но и заклеено бумагой.

Издававшиеся в течение четверти века «Ведомости Московского государства» содержат ценный исторический материал, еще не в полной мере использованный советскими историками.

На первом месте стоят данные по военной истории эпохи. «Материал о Северной войне, — пишет С. Я. Марлинский, — имеющийся в „Ведомостях“, далеко не полностью вошел в опубликованные источники петровской эпохи, а во многих случаях дает исторически ценные разночтения по сравнению с этими источниками... Северная война находит свое отражение почти в каждом номере газеты: в сводках о военных действиях, в репликах и письмах самого Петра и его ближайших соратников, а также в многочисленных переводных извлечениях из иностранных газет, поступавших в Посольский Приказ...».¹

Обильные материалы содержат «Ведомости» по международным отношениям России в течение первой четверти XVIII в., а также данные о связях России с южными славянами и греками; встречаются — начиная с первого года издания «Ведомостей» — сообщения о «Грузинской земле (Георгианской нареченной)» (8 июня 1703 г.), о башкирах, народах Средней Азии и т. д. Буквально с первых номеров (17 декабря 1702 г.) «Ведомости» начали систематически освещать экономическую политику России, приводить сведения об открытии железных и иных месторождений, об организации фабрик и заводов, о развитии внешней торговли и т. д. В номере от 15 декабря 1703 г. сообщалось о приходе в новую столицу первого иностранного корабля. Газета писала, что «в ноябре месяце пришел к Санкт-Петербургу каравль галанской с товары, с питьями и с солью, на котором был шипер [!] и несколько матросов, и тот каравль по повелению господина губернатора принят по обыкновению, и за приход подарено вышеупомянутому шиперу за столом в дому его губернаторском пятьсот золотых, а матросам кои с ним были, по тридцети ефимков коемуждо».

¹ Марлинский С. Я., стр. 12.

Содержат «Ведомости» сведения о восстании в Астрахани (1706), на Дону (1708) под предводительством Булавина. «Особый интерес представляют материалы „Ведомостей“ (1720) о своеобразных формах проявления классовой борьбы, как борьба с „беглыми рекрутами“ и „богохульниками“ („О сожжении Ивашки Красного“).¹

Отражали «Ведомости» и мероприятия Петра в области культуры — открытие школ, печатание русских географических карт и т. п. Важным моментом среди этих культурных мероприятий был переход к печатанию «Ведомостей» гражданским шрифтом взамен первоначального славянского.

В «Ведомостях» были помещены и первые русские газетные библиографии — то в виде списка новонапечатанных книг («реестр книгам гражданским», 1710, № 12), то в форме рецензий (1719, № 2).²

Из сказанного видно, что издание «Ведомостей» представляет значительный шаг вперед по сравнению с их предшественником: рукописные «куранты» — ведомственно-дипломатические документы, имевшие строго ограниченную информационную функцию и предназначенные в силу этого для узкого круга придворных политиков; «Ведомости» — это организованный правительством Петра аппарат, агитирующий за курс, проводимый Петром во внутренней и внешней политике, и стремящийся систематически влиять на сознание читателей в желательном Петру направлении. Таким образом, «Ведомости» должны были служить целям популяризации идей Петра в народных массах, делать политику царя понятной объекту этой политики, населению страны. Конечно, при почти сплошной неграмотности тогдашней России круг читателей «Ведомостей» не мог быть особенно широким, но именно этот грамотный, образованный читатель был ценен для Петра: с его помощью Петр мог воздействовать и на неграмотное население.

Сначала «Ведомости» печатались церковным шрифтом, единственным существовавшим в практике московского книгопечата-

¹ Там же, стр. 16.

² Там же; ср. у него же стр. 16—17 (об открытии Академии Наук в Петербурге и о поднесении русским механиком глобуса «математическому факультету» Академии Наук). С. Я. Марлинский пишет: «В специальном номере за 1723 год приводится перечень книг с краткой аннотацией: „Книги политические, которые продаются в Гаге“. Аннотация свидетельствует о том, что эти книги представляли собою острые политические памфлеты, реагирующие на важнейшие события в странах Европы» (там же, стр. 16). С. Я. Марлинский ошибается, считая данный специальный номер «Ведомостей» фактом русской библиографии: это русский политический памфлет в форме каталога несуществующих книг.

ния. Упомянутый выше переход на «гражданский» шрифт, примененный для нужд общего книгопечатания в 1708 г., осуществился в «Ведомостях» лишь с № 2 от 1 февраля 1710 г., т. е. через два года.

Но и с этого времени церковный шрифт не был оставлен вовсе: в расчете на малограмотного читателя, обучавшегося чтению по-славянски — по «Часослову и Псалтири», наиболее важные номера «Ведомостей» или прибавления к ним, содержавшие «реляции» о военных делах, печатались церковными литерами. Подобные «реляции», отпечатанные церковным шрифтом, встречаются еще при Анне Ивановне в конце 1730-х годов, во время похода Миниха.

Но, несмотря на меры, принимавшиеся Петром для продвижения «Ведомостей» к читателю, газета эта не на всем протяжении своего существования имела одинаковый успех. В первые два года встречаются отдельные номера «Ведомостей», выпущенные в количестве 2 тысяч, даже 4 тысяч экземпляров (№ 10 за 1703 г.). В дальнейшем «Ведомости» печатаются в количестве не более двухсот, а то и менее ста экземпляров; наконец, начиная с № 2 за 1724 г., они выходят в количестве 30 экземпляров. Ту же тенденцию к снижению обнаруживают сохранившиеся данные о количестве проданных и выданных бесплатно номеров газеты. Были годы, когда расходилось через продажу свыше 70% экземпляров (1708 г.), но чем дальше, тем меньше интереса проявляют покупающие «Ведомости» читатели к газете, и некоторые номера были проданы в количестве трех экземпляров (№ 4 за 1712 г.). Возможно, что причиной падения интереса к «Ведомостям» был затяжной характер, который приобрела Северная война, сведения о которой, преимущественно заполнявшие отдельные номера «Ведомостей», не вызывали уже прежней заинтересованности; лишь изредка какие-либо экстраординарные события возбуждали интерес читателей, и это немедленно сказывалось на тираже и сбыте соответствующего номера «Ведомостей». Петровский читатель еще не привык регулярно следить за газетами, его привлекали только известия о крупных событиях, и поэтому, например, № 3 «Ведомостей» за 1711 г., в котором излагались перипетии Прутского похода, имел, кроме основного издания (500 экз. церковным шрифтом и 100 гражданским), еще дополнительный тираж (200 экз. церковным и 300 гражданским) и был весь распродан. Но, с другой стороны, нельзя винить в одних только читателей. Газета, как будет указано ниже, чем дальше, тем становилась нерегулярнее, новости политические и придворные сильно запаздывали, и это, в свою очередь, не могло не расхолаживать читателей.

Формат «Ведомостей» был на протяжении всего издания одинаков — в двенадцатую долю листа, с очень узкими полями; впрочем, к концу издания поля стали более широкими, и перед началом текста, непосредственно перед титулом газеты, шла виньетка, изображающая Петербург или Москву. Дело в том, что многие номера «Ведомостей» имели два издания: петербургское (начиная с 1711 г.) и московское, воспроизводившее полностью петербургский текст, вплоть до указания времени выхода в свет в Петербурге, вслед за чем припечатывалось: «а на Москве того же года такого-то месяца в такой-то день».

О количестве номеров газеты за 1702 г. было сказано выше. В 1703 и 1704 гг. вышло по 39 номеров. Навысшей частоты выпуска «Ведомости» достигли в 1705 г., когда было издано 46 номеров газеты. Начиная с 1706 г. количество номеров падает и доходит в 1717 г. до 3 и в 1718 г. даже до 1. Впрочем возможно, что не все номера газеты сохранились. Так, например, № 3 от 28 апреля 1709 г. известен только в копии Анатолиевского сборника, о котором говорилось на предыдущих страницах.¹ Объем номера «Ведомостей» колебался от 2 до 22 страниц. Впрочем, такие объемистые выпуски «Ведомостей» относятся к периоду замедления издания, когда приходилось объединять в одном номере несколько запоздавших выпусков. Возможно, что этот период упадка находился в зависимости от того, что сам Петр перестал уделять достаточное внимание своему начинанию.

Вообще на первых порах, как установлено исследователями, Петр принимал живое участие в издании «Ведомостей». Среди изданных Погореловым «Материалов и оригиналов „Ведомостей“» сохранился ряд номеров с редакторскими и корректурными исправлениями Петра. Кроме того в газете с некоторыми изменениями напечатаны письма Петра разным лицам, содержащие сведения, имеющие общий интерес.

Так, в №№ 11 и 12 «Ведомостей» 1709 г. (2 и 15 июля) было опубликовано письмо Петра с сообщением о победе над Карлом XII под Полтавою. Ввиду исключительной важности этих писем, сообщавших о событии, имевшем международное значение, редакция «Ведомостей» напечатала первые абзацы в обоих номерах газеты красной краской. № 11 «Ведомостей» начинался так: «Из лагару от Полтавы в двадесять седмый день июня, в писме власныя [собственной] руки его царского величества, ко благороднейшему государю царевичю писано. Объявляю вам о зело превеликой и неначаемой виктории, которую господь бог

¹ Харлампович, стр. 14.

нам чрез неописанную храбрость наших салдат даровати изволил, с малою войск наших кровию, таковым образом»; и далее следовало первое краткое сообщение о результатах боя. Более подробные сведения о победе с реестром (перечнем) захваченных в плен шведских генералов, офицеров и солдат были помещены в № 12.

Точно так же известно, что письма приближенных Петра и донесения русских дипломатов из-за границы находили частично место на страницах «Ведомостей». Но как Петр, так и его сподвижники не были постоянными «сотрудниками» нашей первой газеты. Кроме них, были анонимные корреспонденты из числа чиновников различных приказов, а позднее коллегий, присылавшие, хотя и с большим «моччанием» (промедлением), «памяти», согласно петровскому указу от 16 декабря 1702 г.

До 1711 г., т. е. до перехода издания «Ведомостей» в Петербург, редакторские обязанности выполнял директор Печатного двора Федор Поликарпов, довольно образованный по тому времени писатель и даже поэт. Он подвергал отбору и сокращению переводный материал, присылавшийся из Посольского приказа, куда доставлялись с почты иностранные газеты, дополняя его известиями из других приказов и держал корректуру «Ведомостей». Новейший исследователь установил в редакторской работе Ф. Поликарпова явно выраженное стремление продвигать в газету в первую очередь отечественные известия.

С переходом издания «Ведомостей» в Петербург во главе газеты стал директор Петербургской типографии Михаил Аврамов, известный своей оппозиционностью по отношению к петровским реформам. Он в основном продолжал линию Поликарпова, но вскоре (с 1719 г.) Коллегия иностранных дел, сменившая Посольский приказ, выделила специальное лицо, переводчика Бориса Волкова,¹ который с этого времени не только подготов-

¹ Так как о Ф. Поликарпове и М. Аврамове можно найти подробные сведения в научной литературе, начиная с энциклопедических словарей и биографических справочников, я не привожу данных об этих лицах. Биография же Б. Волкова очень мало известна. Поэтому я сообщаю здесь некоторые подробности об этом трудолюбивом и полезном деятеле русской культуры петровского времени. Борис Иванович Волков, сын московского дьяка, родился, повидимому, в 1680-х годах. С 1704 г. он стал работать в Посольском приказе в качестве переводчика с французского, некоторое время служил в Берлине; в течение первых двух десятилетий XVIII в. Волков перевел с французского 8 книг; часть его переводов была издана. С 1719 по 1726 или 1727 г. Б. И. Волков был фактическим редактором «Ведомостей» (Балицкий, стр. 23—28). «В 1733 г., по целобитию дьяка Ивана Волкова жены, ... вдовы Анны, сын ее, бывший переводчик Борис Волков, по свидетельству от сенатской конторы, явился в меланхолии и безумен...» (Сенатский архив, СПб., 1892, т. IV, стр. 468). Суще-

ляет иностранный материал, но и вообще делается как бы «ответственным редактором» «Ведомостей», ведет сношения с другими приказами для получения информации, требует от типографии ускорения выпуска газеты и препирается с типографской администрацией, отменяющей иногда печатанье присланных Волковым материалов. Из довольно многочисленных писем его, касающихся выпуска «Ведомостей», видно, что Волков принимал близко к сердцу судьбу газеты и особенно волновался из-за того, что запоздавшие по вине типографии номера «Ведомостей» «не почтутся, — по его словам, — за новости, но за какой-либо меморий ради [т. е. для] гисториков».¹ Несомненно, бюрократический характер первой русской газеты убивал те немногие проблески интереса к «Ведомостям», на которые ссылается в ряде писем в Петербургскую типографию Волков. Если верить Волкову, ему «уже тоску нагнали непрерывными вопросами, для чего ведомости не печатают», и еще «о таковых печатных ведомостях частенько поспрашивают, а иногда и из дворца, для чего гораздо поздно оне являются в выходе из печати».² Любопытно, что среди доводов, которыми Волков пытался воздействовать на медлительную Петербургскую типографию, находился и такой: «Сии куранты нравны его императорскому величеству, который сам соизволит их прочитывать и погодно собирать, яко всекураиозный в литературе монарх».³

Кроме Волкова, сотрудничал в «Ведомостях» еще один переводчик Коллегии иностранных дел, некий Яков Синявич. Назначение его состоялось в апреле 1720 г. и, очевидно, связано с попыткой оживить хиревшую газету. На обязанности Синявича лежало собиранье материалов о деятельности отдельных приказов и «министров», оформление этих данных в виде хроники и согласование с заинтересованными лицами и учреждениями. Но Синявич, этот, по меткому замечанию исследователя, первый хроникер русской газеты, понял свою задачу («стараться ему проведывать о таких публичных ведомостях») очень односто-

сует вздорный рассказ немецкого дипломата петровского времени Вебера, будто Волков покончил самоубийством, не сумев перевести с французского книгу по садоводству (такую книгу Б. И. Волков действительно переводил в 1716 г. — См.: Пекарский, т. I, стр. 298). Умер Б. Волков в 1757 г. (Санкт-Петербургские ведомости, 1757, 21 марта, № 23, стр. 7 нен.). Старую литературу о Б. Волкове см.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей и ученых. СПб., 1900, т. I, стр. 625. — В дальнейшем биографические данные приводятся только о лицах малоизвестных.

¹ Балицкий, стр. 31.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 32. Отметим, что это наиболее старый пример употребления слова «литература» в русской практике.

ронне: он описывает только придворную жизнь — ассамблеи, поездки, гуляния и т. д.¹

После смерти Петра для газеты настал особенно трудный момент: Волков опасается брать из иностранных газет все, что может вызвать какие-либо нарекания, «время бо настоящее, — пишет он, — мутно, трудно, хлопотливо и ненадежно».² Газета выходит очень редко и заполняется безразличными описаниями официальных торжеств и прочим материалом, который Волков характеризует как «куриозный да знатный не досадительный».³ Наконец в 1727 г. на четвертом номере «Ведомости» прекращаются.⁴

В «Ведомостях» следует различать два основных типа материалов: информационные сообщения и официальные документы — реляции, речи и т. п. Последняя группа материалов не имеет собственно газетного характера и в языковом и стилистическом отношении подчиняется требованиям, предъявлявшимся жанрам официальных документов и ораторской речи (таковы, например, «предика, или казание», т. е. проповедь Стефана Яворского в «Ведомостях», 1719, 1 июля, № 2, стр. 2—8).

Информационные же сообщения, как и раньше в рукописных «Ведомостях», были кратки, писались обычным разговорным русским, а не славянским языком, отличались ясностью изложения и простотою синтаксических конструкций.

Представляя по существу единственный собственно газетный жанр, сообщения в «Ведомостях» на всем протяжении издания газеты строились одинаково.

Сообщения различных известий — столичных, внутренних и иностранных — по-разному вводились на страницы «Ведомостей». Так, сообщения московские и — позднее — петербургские, как правило, не имели какой-либо особой вводной формулы: «На

¹ О Снявиче см.: Русский биографический словарь (Сабанеев—Смыслов). СПб., 1904, стр. 506—507. Кроме того, некоторые данные о Я. Снявиче можно почерпнуть из «Материалов для истории Академии Наук» (СПб., 1885, т. I, стр. 610 и 619). Здесь сообщены сведения о приеме в 1729 г. в Академическую гимназию четырнадцатилетнего Якова Снявича (в немецкой ведомости учеников — Sinaewitz). Счевидно, это сын нашего Якова Снявича. О гимназисте Снявиче сказано, что он родился в Лондоне и что отец его толмач.

² Балицкий, стр. 27.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Тонкова Р. М. К вопросу о начале печатания «Санкт-Петербургских ведомостей» при Академии Наук. — Вестн. АН СССР, 1934, № 7—8, столб. 61; ср.: Срединский С. А. Новые данные о первой русской газете. — Тр. Азербайдж. Гос. универс. им. С. М. Кирова, серия филолог., 1940, т. 2, вып. 1, стр. 24; впрочем, в этой работе говорится лишь о трех номерах «Ведомостей» за 1727 г.

Москве вновь ныне пушек медных гоубиц и мартиров вылито 400» (Ведомости, 1703, 2 января). — «Донской казак вор и богоотступник Кондрашка Булавин умыслил во украинских городах и донских казаках учинить бунт» (1708, 20 июля). — «Санктпитербурх. Сего ноября в 15 день, здесь при Адмиралитенстве спущен на воду, новопостроенной фрегат в 20 пушек, которому дано имя Сокол» (1719, 19 ноября, № 31).

Внутренние же и иностранные сообщения обыкновенно вводились формулой «Из такого-то города (или страны) пишут»: «Из Персиды пишут. Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона, и иных вещей не мало» (1703, 2 января).

Однако с самого же начала издания печатных «Ведомостей» изредка употреблялась формула, в которой слово «пишут» как подразумеваемое опускалось: «Из Берлина, октября в 20 день. Из Полаши разные вести приходят о мире и войне...» (1702, 16 декабря). Позднее такая формула стала наиболее употребительной и перешла в «Санкт-Петербургские ведомости». Дальнейшая ее эволюция заключалась в опущении предлога «из». В таком реформированном виде она дошла до наших дней и употребляется и в советской прессе при печатании телеграфных сообщений из-за границы или из городов СССР.

Историки русской журналистики, оценивая роль «Ведомостей», утверждали, что эта газета не сумела стать нужным и влиятельным органом, что она была с начала и до конца явлением наносным и поэтому не имела достаточного распространения и аудитории. В это суждение нужно внести некоторые ограничения. Во-первых, нельзя забывать, что «Ведомости», сплошь состоявшие из хроники (статей в какой бы то ни было форме не было), не могут быть сравниваемы с более поздними органами прессы, имевшими нередко сильное влияние на читателей своими публицистическими — экономическими, политическими, литературными отделами. Во-вторых, продажная цена «Ведомостей» (от 2 до 8 денег за номер) была по тому времени высокой, что не могло не отражаться на их распространении. И тем не менее мы видим, что в первые годы существования «Ведомостей» расходился лучше, чем потом. Затем существуют списки с «Ведомостей», имеются указания Волкова на то, что какой-то контингент читателей ими все же интересовался. Наконец — и это самое главное — в печатных «Ведомостях», как правильно указывал в свое время Добролюбов, «в первый раз русские увидели всенародное объявление событий военных и политических». А это представляло громадной важности факт, это было началом публичности, первыми шагами русской журналистики.

Впервые получило русское общество возможность — хотя и скудную и урезанную — знакомиться с публичным освещением социальной жизни, окружающей действительности.

При всей правильности мысли Добролюбова, он, по тогдашним цензурным условиям, не мог обратить внимание своих читателей на то, что правительство Петра и его преемников публикацией в периодической печати именно данных сведений и именно в данном освещении как бы предписывало обществу заниматься обсуждением только определенных фактов, только данных событий и только в том направлении, какое указано в правительственной прессе. Такой ограниченный в интересах дворянства характер имела русская журналистика довольно долго, даже тогда, когда появились новые периодические издания (Академии Наук, Московского университета), ставившие себе уже не информационные, а просветительные и воспитательные цели. Общее направление этой новой линии в журналистике XVIII в. вполне совпадало с «видами правительства», так как газеты и журналы продолжали указывать читателям границы «подлежащего обсуждению»; поэтому, например, важнейшие темы — критика самодержавия и положение крепостного крестьянства — отсутствовали начисто как в «Ведомостях», так и в более поздних правительственных органах печати.

Добролюбов положительно оценил еще одну сторону петровских «Ведомостей»: «Самая же возможность писать о всяческих предметах, начиная с политических новостей и оканчивая устройством какой-нибудь лодки, расширила круг идей литературных и вызвала на книжную деятельность многих, которые в прежнее время никогда бы о ней и не подумали».¹

Поэтому нельзя думать, что первая русская газета была случайностью, курьезом, — нет, все же определенно прогрессивный след в русском обществе «Ведомости» оставили. Иначе нельзя понять того, что сейчас же после прекращения в июле 1727 г. «Ведомостей» на смену им пришла другая газета, имевшая более длительную историю. «Ведомости» погибли не столько из-за равнодушия читателя, сколько из-за бюрократической постановки дела издания газеты.

¹ Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, под ред. П. И. Лебедева-Полянского. ГИХЛ, 1934, т. I, стр. 228.

ГЛАВА II

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ДО НАЧАЛА 1760-х ГОДОВ

Первый период существования русской периодической печати прекращается почти одновременно со смертью Петра I: «Ведомости Московского государства», или просто «Ведомости», перестали выходить в свет в середине 1727 г., через два с половиной года после смерти Петра. Тогда же началось издание «Санкт-Петербургских ведомостей», которыми открылась длинная серия изданий Академии Наук. Со вступления на престол Екатерины I и до начала 1760-х годов, т. е. в течение всей второй и части третьей четверти XVIII в., продолжался новый этап русской истории, представлявший сложное сочетание политической реакции сверху и настойчивых прогрессивных течений снизу.

В августе 1822 г. гениальный юноша Пушкин писал в своих кишиневских заметках по русской истории XVIII в. замечательные строки, которые с присущей ему сжатостью и точностью характеризуют отличительные черты русского исторического процесса после Петра I.

«По смерти Петра I, — писал Пушкин, — движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм попрежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и

щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе. Доказательства тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы».¹

В этой предельно сгущенной характеристике Пушкин правильно отметил основные моменты и важнейшие особенности этого периода. В самом деле, промежуток между смертью Петра и вступлением на престол Екатерины II есть время еще большего укрепления дворянства как господствующего класса, время окончательного и полного закрепощения крестьянских масс. Если в петровские времена в процессе борьбы со средневековыми формами экономической, политической и культурной жизни, в процессе создания светской культуры в противовес допетровской церковной русская культура и литература имели отдельные прогрессивные черты общенационального значения, то примерно с 1725 г. начинает отчетливо формироваться дворянская культура как культура, выражающая интересы исключительно господствующего класса. Возникает ряд учебных и учебных заведений, имеющих явно и подчеркнуто дворянский характер. Даже задуманная еще Петром, но открытая уже после его смерти Академия Наук была вынуждена на первых порах своего существования уделять значительное внимание подготовке придворных иллюминаций, фейерверков, празднеств с увеселениями и торжественными одами. Совершенно законченный дворянский характер имела так называемая «Рыцарская академия», позднее известная под именем Сухопутного шляхетного корпуса (1732). Это был первый и очень важный рассадник дворянской интеллигенции, из стен которого вышли такие крупные деятели русской культуры XVIII в., как поэты А. П. Сумароков и М. М. Херасков, а также актеры Ф. Г. Волков, И. А. Дмитревский и т. д. Однако значение Академии Наук, как и созданного по инициативе Ломоносова Московского университета (1755), воспитавшего Фонвизина, Новикова, Аничкова, Десницкого и ряд других крупных деятелей русской литературы, науки и общественной мысли XVIII в., выходит, разумеется, далеко за пределы дворянской культуры.

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений. Изд. Академии Наук СССР, М., 1949, т. XI, стр. 14.

Но, помимо возникновения научных учреждений и учебных заведений, огромное значение для развития русской культуры имела деятельность таких писателей, как сатирик А. Д. Кантемир и энциклопедически разносторонний гений М. В. Ломоносов. Сатиры Кантемира будили и воспитывали в русском, главным образом, демократическом читателе критическое отношение к крепостнической действительности, они повышали его сознательность, помогали его политическому и культурному росту. Еще большее значение имела энергичная просветительная деятельность Ломоносова; личная судьба его и кипучая научная и литературная деятельность, его проповедь национального самоуправления и сознательного отношения к гражданским обязанностям имели глубоко патриотически воспитательное влияние на ближайшие поколения русских людей и сильно способствовали идейно-политическому росту русского, преимущественно демократического или более или менее демократически настроенного юношества. К концу рассматриваемого периода культурный уровень русского общества стоял неизмеримо выше, чем в 1720-е годы; отчасти и этим подъемом политической сознательности людей того поколения и объясняется так называемая «либеральная» политика Екатерины II, настойчиво декларировавшей свои «передовые» взгляды и симпатии.

Не следует упускать из виду еще одного важного события в истории русской культуры 1725—1762 годов, а именно — начала сценической деятельности Ф. Г. Волкова (1750) и открытия русского театра (первые спектакли состоялись в феврале 1757 г.).

Усилившаяся после смерти Петра реакция, поддерживаемая его слабыми и бесталанными преемниками, поставила перед передовыми русскими писателями новую задачу общенационального значения: при Петре нужно было пропагандировать его мероприятия и развивать новые прогрессивные явления русской культуры, при его преемниках необходимостью стало отстоять уже завоеванное, сохранить его и сберечь. Борьба за петровские начала, пропаганда идей преобразования становилась в таких условиях знаменем прогрессивных — как дворянских, так и демократических — русских писателей 1730-х, 1740-х и отчасти 1750-х годов. Именно этим объясняется передовой характер сатирической и просветительной деятельности Кантемира; поэтому такое большое значение имели переводы Тредиаковским политических романов, пропагандировавших идеи просвещенного абсолютизма, — таких, как «Тилемахида» и «Аргенида»; поэтому была так многогранна и всеобъемлюща кипучая деятельность Ломоносова — ученого, поэта, просветителя; поэтому так высоко ценили люди

XVIII в. трагедии Сумарокова, рисовавшего образы «идеальных государей», просвещенных монархов, отцов своих подданных. Культ Петра, который так характерен для русской литературы второй трети XVIII в. и даже позднее, представлял разновидность пропаганды прогрессивных идей в форме прославления умершего императора. Восхваления Петра и его реформ уже сами по себе служили свидетельством прогрессивности писателя. Именно ввиду этого лицемерная Екатерина считала нужным, в особенности в начале своего царствования, афишировать свое «обожание» Петра.

Передовые представители поколения писателей 1730-х, 1740-х годов, борясь за сохранение петровских реформ, были настроены гражданственно, патриотически.

В журналистике этого периода, хотя и находившейся в основном в руках правительства, все же проводились более или менее передовые идеи «просвещенного абсолютизма», пропагандировались наука и просвещение, осуществлялась борьба с суевериями и предрассудками. Появление сатирических статей и стихотворений на страницах периодических изданий этого времени отражало постепенное нарастание критического отношения к современности и желание в какой-то мере исправить недостатки общественной жизни.

Таковы были существеннейшие моменты культурной истории в период между смертью Петра и захватом власти Екатериной II. В истории русской журналистики этот период ознаменован возникновением и развитием, с одной стороны, периодических изданий, связанных с Академией Наук, а также с Московским университетом, с другой — возникновением частных журналов.

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

(с 1727 г.)

«Санкт-Петербургские ведомости», которые вскоре после своего возникновения начала издавать Академия Наук, были таким же правительственным органом, как и петровские «Ведомости».

В отличие от западноевропейской прессы, возникшей в результате частной инициативы буржуазных предпринимателей, русская периодическая печать более полувека своего начального существования была монополизирована правительством. Это обстоятельство отражалось и на содержании, и на внешности, и на способах формирования и распространения правительственных изданий.

Сперва между «Ведомостями» 1702—1727 гг. и «Санкт-Петербургскими ведомостями» Академии Наук большой разницы не было. Попрежнему источником иностранной информации являются французские, немецкие и голландские газеты, попрежнему информация запаздывает в среднем на месяц (в особенности в первое время издания); как и раньше, русские «ведомости», т. е. хроника русской жизни, ограничиваются преимущественно придворными сообщениями. Лишь постепенно «Санкт-Петербургские ведомости» начинают приобретать характер самостоятельный, они обрастают особыми приложениями, содержащими чрезвычайно ценный в бытовом отношении материал, и, таким образом, делаются важным источником для истории России того времени,¹ а также и для истории русской журналистики. Впрочем, об этих изменениях «Санкт-Петербургских ведомостей» будет сказано подробнее ниже.

История возникновения «Санкт-Петербургских ведомостей», подобно истории возникновения «Ведомостей» 1702 г., недостаточно ясна. В старой историографии русской журналистики принято считать, что «Санкт-Петербургские ведомости» начали выходить со 2 января 1728 г. Между тем, в «Истории Академии Наук», написанной Г. Ф. Миллером в 1776 г. и опубликованной лишь в 1890 г., указано, что с начала 1727 г. при Академии стали издавать на русском и немецком языке ведомости, и в таких размерах, в каких до того в России этого не было.² Долгое время это сообщение Миллера рассматривалось как ошибка памяти престарелого автора, хотя Миллер приводит цитаты из «Ведомостей» 1727 г. (немецких) и категорически заявляет, что пользуется сохранившимися у него комплектами академической газеты за 1727 и 1728 гг. (стр. 173). Но поскольку нигде не было отыскано академических «Ведомостей» 1727 г., как русских, так и немецких, вопрос оставался открытым; в последнее время отыскался ряд номеров немецких «Ведомостей» за 1727 г. Что же касается русских «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1727 г., то, несмотря на доводы А. И. Малеина,³ основывавшегося на объявлении в «Росписи» книгам, изданным и продаваемым в академической книжной лавке (очевидно 1737 г.), о продаже «Рус-

¹ Очень ценные, но пока, насколько известно, не использованные сведения находятся в «Санкт-Петербургских ведомостях» XVIII в. о грузинских, казахских и прочих «делах» Кавказа, Средней Азии и Сибири. Желательно обратить внимание историков союзных республик на этот материал.

² Материалы для истории Академии Наук, т. VI, СПб., 1890, стр. 110.

³ Малеин А. И. О времени появления русского издания «С.-Петербургских ведомостей». — Докл. Акад. Наук СССР, сер. В, 1930, стр. 153—156. «В 4» означает «в четвертую долю листа».

ских ведомостей от 1727 по 1736 г. в 4 каждой год по 1 руб., все же приходится усумниться в факте их издания Академией Наук, и вот по каким соображениям. В течение 1727 г., по крайней мере по июль в Петербурге и по август в Москве, продолжалось издание «Российских ведомостей»; при этом последний номер, июльский, текст которого был прислан из Коллегии иностранных дел,¹ носил название «Санкт-Петербургских ведомостей».

Допустить одновременное существование двух русских газет с одинаковым к тому же названием, — одной, издаваемой Коллегией иностранных дел, а другой — Академией, — невозможно.

Наконец, помимо цитированного выше указания Г. Ф. Миллера о начале издания немецкой и русской академической газеты с 1727 г., указания, отделенного почти полу столетием от описываемого времени (1776), существует принадлежащее тому же автору свидетельство, примыкающее непосредственно к эпохе, о которой идет речь, и излагающее факты несколько иначе. Во вступительной статье к «Историческим, генеалогическим и географическим примечаниям в Ведомостях» 1729 г. («в Санкт-Петербурге, 4 дня генваря») издатель (т. е. Миллер) писал: «Ныне [т. е. в 1729 г.] тому уже 27 лет будет как чрез великое старание блаженныя и вечнодостойныя памяти е. и. в. Петра Первого в ползу своих подданных некоторые ведомости на россинском языке печатать начались. До оных ведомостей нашлись от того времени так многие охотники, что мы принуждены были в начале 1727 года оные и на немецком языке издавать, и понеже усмотрено, какая полза из того происходить будет, когда россинские ведомости с немецкими сходно издаваны будут, то начали оные в прошлом 1728 такожде с немецкого на россинской язык переводится, которые так, как немецкие повседневно по дважды выдаваны будут» (стр. 3—4).

Приведенное свидетельство важно как источник, не вызывающий сомнения (ведь сам Миллер начал редактировать академическую газету с 1728 г.), устанавливающий точно время перехода «Ведомостей» в ведение Академии Наук: а) в 1727 г. началось печатание немецкого издания, б) с 1728 г. стали выходить одновременно немецкий текст «Ведомостей» и русский перевод. Следовательно, «Ведомости» 1727 г. не представляли собой параллели к академической газете на немецком языке, а были еще изданием Коллегии иностранных дел и прекратились в июле—августе

¹ Погорелов В. Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702—1727 гг., стр. 78.

САНКТ ПЕТЕРБУРГСКІЕ
ВѢДОМОСТИ.

№:

1.

во вторникъ 2 дня генваря 1728 года.

Изъ Гамбурга отъ 9 дня Декабря, Графъ фонъ дернать, которои какъ Герцога Голштинскаго Министръ въ Мадриѣ пребывая, прѣбылъ сюда предъ время днми.

Черезъ письма изъ Лондона получена вѣдомость, что Голландскои посланникъ изъ Вѣны чрезъ нарочнаго курьера шуда извѣстие позалъ, чипобъ Цесарскѣи дворъ зѣло желалъ, да бы оному паки быль въ прежднемъ добромъ согласѣи съ Англією: чего по всему вѣду надѣяіся можно, какъ скоро токмо назначенныи къ Цесарскому двору Англіекѣи посланникъ шуды прѣбудеть.

Изъ Вѣны отъ 6 дня Декабря, при учиненномъ на бывшемъ нынѣ вѣшнемъ Индери Австрійскомъ земскомъ съѣздѣ предложена, велѣлъ Его Цесарское Величество нынѣ 100000 гуаденовъ болъ какъ въ прошломъ году требовать: но при томъ всемѣдостѣ вѣше обнадежилъ, что Его Цесарскаго Величества высокое нѣмѣреніе къ тому склонялся, да бы Его Величества Королевства и области и впредь въ мирѣ и покоѣ содержать. 10 дня Ноября окончанъ въ Прагѣ земскои съѣздъ, и учинено предложена

А

земскаго

1727 г.¹ Впрочем, возможно, что в последнюю треть 1727 г. «Санкт-Петербургские ведомости» перешли в ведение Академии Наук, но, за отсутствием экземпляров газеты за этот период, предположение это мало убедительно.²

В цитате из «Примечаний» 1729 г. следует еще отметить, что Миллер датирует начало петровских «Ведомостей» 1702 г., а не 1703. В «Истории Академии Наук»³ он повторяет ту же дату, на что уже указал А. И. Малеев в статье «О времени появления русского издания С.-Петербургских ведомостей» (стр. 155). Если такой хорошо осведомленный человек, как Миллер, дважды показывал один и тот же 1702 г. началом русской журналистики, то, при остальных доводах, этот факт должен быть также учтен.

Почти не отличаясь по содержанию от своего предшественника, «Санкт-Петербургские ведомости», во главе немецкого издания которых стояли немцы-академики (в начале 1727 г. — акад. Гросс, а затем — акад. Бекенштейн), а с 1728 г. — «студиозус» Г. Ф. Миллер, приобрели необычную до того времени регулярность: в 1727 г. газета была еженедельной, с 1728 г. она стала выходить два раза в неделю, «по почтовым дням», т. е. во вторник и пятницу (в 1729 — во вторник и субботу, а с 1730 г. и далее — по понедельникам и четвергам), когда развилась из Петербурга в провинцию почтовая корреспонденция. Русское издание «Санкт-Петербургских ведомостей» не являлось чем-то самостоятельным по отношению к «*Sankt-Petersburgische Zeitung*»: русский текст представлял собой точный перевод немецкого оригинала, очень точный, хотя, как и в до-петровских рукописных и последующих печатных «Ведомостях» 1702—1727 гг., собственные имена и географические названия передавались часто в искаженном виде, например «*Nieder-Oesterreich*» (Нижняя Австрия) переведено «Индер-Австрия» (вместо «Нидер-Австрия»), «*Heft D'Usturgo*» — «господин Дистирга» и т. д.

При сопоставлении немецкого издания с русским выясняется, что в русском тексте некоторые корреспонденции опускаются, например в № 2 «СПб. ведомостей» 1728 г. отсутствует сообщение из Дрездена, имеющееся в немецком издании. По каким причинам делаются такие пропуски, сказать трудно.

Подобно рукописным и печатным «Ведомостям», «Санкт-Петербургские ведомости» помещают, помимо материалов, заимство-

¹ См. указанную выше статью С. А. Срединского, где, хотя и недостаточно четко, высказывается мнение об издании Академией Наук «Санкт-Петербургских ведомостей» с 1727 г.

² Ср.: Московский телеграф, 1827, № 13, Науки и искусство, стр. 15.

³ Материалы для истории Академии Наук, т. VI, стр. 110.

ванных из иностранных источников, сообщения от «собственных корреспондентов». Такие статьи носят название «Копия с письма из...». Некоторые из этих «корреспонденций» в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1728 г. представляют своеобразный интерес как документы, характеризующие требования, предъявлявшиеся к политическому корреспонденту в ту эпоху. Таково, например, начало «Копии с письма из Амстердама от 22 октября»: «О воинских и мирных делах основательно рассуждать суть, по моему мнению, токмо те достоины, которые случаи имеют с знатными министрами обходится и которые о их тайных делах известны. Некоторые принуждены скорлупами довольствоваться вместо того, что сии ядра находят; и когда такой, которой сие щастие не имеет, думает, что он подлинно прицелил, то находится часто, что он в средину цели не трафил».¹ Однако напрасно стал бы современный читатель отыскивать у такого «хорошо осведомленного» корреспондента какие-либо «основательные» рассуждения, построенные на «тайных делах» «знатных министров», — конечно, «письма» эти живее и интереснее по изложению, нежели обычный газетный материал того времени, но ни политического очерка, ни, тем более, тонких дипломатических анализов в этих корреспонденциях не найти.

Некоторый интерес представляют в разделе «русских ведомостей» сообщения о деятельности Академии Наук, в частности сообщение об открытии Библиотеки Академии 26 ноября 1728 г. (№ 95, стр. 383—384). Любопытны иногда попадающиеся сведения из области литературы; так, в корреспонденции из Новгорода от 14 января 1728 г. говорится о том, что при посещении Петром II, проездом в Москву, Новгорода архиепископ новгородский Феодан (Прокопович) приветствовал молодого императора стихами.² Речь тут идет, очевидно, об известных латинских стихах Феодана к Петру II. Сюда же следует отнести объявления Академии Наук об изданных ею и находящихся в печати книгах и прочих ее изданиях.³ Таким образом, «СПб. ведомости» содержат — не особенно, правда, обильные — данные о культурном состоянии тогдашней России. В следующем году

¹ СПб. вед., 1728, № 88, стр. 355—356.

² Там же, № 6, стр. 24.

³ Следует пожалеть, что историки русской книги, а также лица, составляющие библиографию изданий Академии Наук, не пользуются немедленно тем текстом «Санкт-Петербургских ведомостей», где содержится, в особенности в начальные годы издания, много важных книготорговых объявлений, списки (аннотированные) книг, продаваемых в лавке Академии Наук, и т. д. В русском издании «Санкт-Петербургских ведомостей» эти сведения отсутствуют.

в «СПб. ведомостях» появляются объявления о театральных представлениях, что делает раздел объявлений более важным источником для изучения культуры того периода.

Поскольку русский текст «Санкт-Петербургских ведомостей» представлял перевод немецкого оригинала, изготовлявшегося с 1728 г. Миллером, не лишено значения выяснение вопроса о переводчиках, производивших эту работу. Из «Материалов для истории Академии Наук» (т. I, стр. 603) явствует, что первые несколько лет этим занимались переводчик Мартин Шваневитц со своими учениками Матвеем Алексеевым и Ильей Петровым; о последнем, носившем фамилию Яхонтов, Миллер в своей «Истории Академии Наук» отзывается с большой похвалой и сообщает, что он умер во время сибирской экспедиции, не ранее 1735 г. И. П. Яхонтов, после перехода Шваневитца на службу в Шляхетный корпус (1732), некоторое время единолично переводил «СПб. ведомости». Сменил его В. Е. Адодуров. С января 1736 г. на эту должность был определен известный переводчик Сергей Волчков, но вскоре же, с июня того же года, эту работу стал выполнять «студент» И. И. Тауберт. Следить за дальнейшей сменой переводчиков для целей настоящей работы не представляется интересным. Гораздо важнее отметить следующее.

Перед переводчиком вставляли большие, разнообразные затруднения при передаче незнакомых местной аудитории иностранных терминов. Поэтому сразу же по возникновении русского издания «СПб. ведомостей» решено было выпускать раз в месяц «Примечания» к «Ведомостям», которые явились бы чем-то вроде справочного словаря для читателей газеты. Об этом начинании оповещало читателей интересное объявление, приложенное к некоторым экземплярам «СПб. ведомостей» от 2 января 1728 г.

«Курioзным читателям Российских ведомостей подается ко известию. Высокопочтенный читателю. Понеже в Российских ведомостях, которые с немецких, французских, голландских и прочих курантов к пользе и ради курioзитаты российского народа на российский язык переводятся, и в типографии здешней императорской Академии печатаются, при переводе оных стиль иной употреблен быть не может, как ныне в употреблении, и в прошлых российских ведомостях уже употреблен был, из которых иностранные термины и слова оставлены быть не могут, но оные конечно при ведомостях употреблять надлежит, что и в немецких и в прочих курантах чинится, понеже оные так ясно изъяснить и истолковать невозможно. И тако тем, которые сии ведомости читать желают, а в истории, генеалогии и географии необучены и в иностранных языках неискусны, оные ясно и подлинно разу-

меть трудно будет, то рассуждено за благо и весьма потребно, особливо же ныне в начале не токмо исторические, генеалогические и географические примечания во оных ведомостях, но и изъяснения и толкования всех иностранных в помянутых ведомостях случающихся слов и терминов сочинять, и оные по окончании всякого месяца прилагать, пока надлежащий к чтанию и выразумению оных лексикон о всех штатах [государствах], ведомостях, конверсациях, комерциях, рудокопных и протчих делах, который уже начат, издан и напечатан будет. . .».

Однако из этого намерения выросло нечто совершенно иное, нежели было задумано. Вместо «лексикона» стал выходить журнал «Примечания», состоявший из разнообразных научно-популярных статей, стихов и т. д. Что же касается первоначального замысла редакции, — давать краткие объяснения непонятных «терминов и слов», — то, с момента выхода журнала «Примечания», сжатое истолкование иностранных слов проводится в самых «СПб. ведомостях» либо в тексте, например «субсудивальные (вспомоществовательные) деньги» (1728, № 22, стр. 87), «монструм (урод)» (1728, № 34, стр. 140), либо под строкой, например «негресы суть арапы в Африке» (1728, № 35, стр. 142) или «факултет в академиях есть коллегіум некоторых профессоров и докторов или феологии (богословии), или юриспруденции (науки прав), или медицины, или философии» (1728, № 32, стр. 132).

Таковы были «СПб. ведомости» в первый год своего издания. Постепенно в них появляются объявления, сперва казенные, потом и частные; позднее они накапливаются в таком количестве, что их печатают в виде особого приложения к каждому номеру газеты, со строгой классификацией по группам: подряды, объявления о книгах, продажа, отъезжающие, курс деньгам и т. д. Эти приложения — ценнейший материал для разнообразных изысканий по истории и истории культуры XVIII в. Вместе с тем, структура «СПб. ведомостей», окончательно сложившаяся к концу второй трети века, была с большой ловкостью использована сатирической журналистикой 1769 г., именно знаменитым новиковским «Трутнем».

Имела ли газета успех, сказать трудно. Миллер в своей «Истории Академии Наук» говорит о большом успехе «СПб. ведомостей» и даже о доходах Академии от продажи газеты. Но из существующих материалов видно, что из посланных в Москву книгопродавцу Киприанову в 1728 г. двадцати экземпляров «СПб. ведомостей» лишь пять было продано годовым подписчикам, а на 1729 г. сверх прежних пяти подписчиков оказалось новых пять или шесть, да и те жаловались на дороговизну га-

зеты.¹ Отдельный номер «СПб. ведомостей» стоил 4 коп. — сумма по тому времени очень большая; в год выходило 104 номера, за годовой комплект взималось 4 руб. Поэтому, может быть, число подписчиков на газету не показательно, тем более, что комиссионер Академии В. В. Киприанов сообщил, что «многие желают читать [«Ведомости»] даром, нежели за денги».²

«ПРИМЕЧАНИЯ К ВЕДОМОСТЯМ»

(1728—1742)

Гораздо большее значение имели упомянутые выше «Примечания» к «Ведомостям», представляющие первый русский журнал вообще, первый русский журнал Академии Наук и, наконец, первый русский литературный и научно-популярный журнал.

В течение своего почти 15-летнего существования «Примечания» претерпели некоторую эволюцию как во внешней форме, так и по содержанию, приближаясь к типу настоящего литературного журнала. В первый год издания (1728) «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» еще тесно связаны с комментируемым ими текстом «СПб. ведомостей». Так, в ч. I, «генваря месяца 1728 года»,³ первой идет статья «Папа римский пожаловал вновь кардиналов», в которой дается историческая справка о возникновении и развитии кардинальского сана. Для того чтобы читателям было понятно помещенные статьи, на полях «Примечаний», против заглавия, напечатана ссылка: «Зри нумер первый страница 2 я». Такой же характер имеет и статья «Фецкие и марокские королевские братия имели разные жестокие баталии между собой» (на полях: «нумер первый страница 3 я»), текст которой начинается словами «Фец и Мароко суть два государства в Варварии» и представляет географический и исторический очерк двух африканских султанатов. Аналогичный характер имеют и остальные статьи «Примечаний» за первые два-три года их издания.

Постепенно, начиная уже с 1729 г., в «Примечаниях» появляются статьи, которые лишь отчасти связаны с «СПб. ведомо-

¹ Бородин А. В. Московская типография и библиотекари Киприановы. — Тр. Инст. книги, документа, письма, 1936, вып. V, стр. 98—100; ср. стр. 104 — список московских подписчиков на 1731 г.

² Там же, стр. 101.

³ Первый номер (за январь 1728 г.) вышел только в середине апреля того же года: «1728 года апреля 13-го начаты первые российские примечания исторические на ведомости делами Императорской Академии Наук» (Богданов А. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга. М., 1903, стр. 83).

стями». Так, в «СПб. ведомостях» 1729 г. (1 ноября, № 87, стр. 349—350) была напечатана корреспонденция из Дрездена от 18 октября; в ней сообщалось о приезде короля польского и курфюрста саксонского Августа II и о том, что «акцзыный секретарь господин Ганке вручил королю увеселительные вирши». Этот Ганке — довольно крупный немецкий поэт 20-х годов XVIII в. Стихи его в оригинале были напечатаны в немецком издании «Примечаний», а перевод — в русском. В связи со стихами Ганке, жаловавшегося королю на скудость своего бюджета, издатель «Примечаний» приводит французские стихи, посвященные аналогичной теме. Так, понемногу в «исторические, генеалогические и географические примечания» вторгается элемент литературный. Последний находит место и в довольно частых «описаниях фейерверков и иллюминаций», отчеты о которых, с толкованием эмблем и воспроизведением стихотворных надписей, регулярно помещались в «Примечаниях». Вначале стихотворные надписи передавались по-русски силлабическими стихами, с 1735 г. начали появляться тонизированные переводы Тредиаковского,¹ но позднее нередко печатаются переводы в прозе.

В 1741 г. в «Примечаниях» были напечатаны переводные и оригинальные оды М. В. Ломоносова, написанные настоящими тоническими стихами — ямбическими. К литературным материалам «Примечаний» следует отнести редчайший листок, озаглавленный «К Примечаниям на Ведомости. Часть XXXVII 1732», на лицевой стороне которого (оборот — чистый) приведен полностью текст стихотворения римского ритора поэта Авзония «*Toxica zelotypo uxor dedit moecha marito*» и его русский силлабический перевод «Ревниву мужу дала яд не честна жена».²

¹ Первые тонические стихи Тредиаковского обычно относятся к 1735 г., однако стихи, помещенные в № 2 «Примечаний» 1735 г. (стр. 8), были, очевидно, сочинены в конце 1734 г., так как они были включены в новогодний фейерверк 1735 г. Вот эти стихи:

О монархия! всегда благость в тебе зрится,
Тем бог слышит нас мольбы, свет же ты дивится.
Время с счастьем тебе в мире служит, в брани
И приносит новый год новы торжества данн.

Такие же стихи находятся в фейерверке 28 января 1735 г. (Примечания, 1735, стр. 34):

О монархия! Твой дух солнцу есть подобный,
И полезен что есть всем, тем есть всем удобный,
к т. д.

Ср.: Куник А. А. Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., ч. I. СПб., 1865, стр. 77—84.

² У Неустрова этот листок не описан; имеется во втором экземпляре «Примечаний» 1732 г. в Библиотеке Академии Наук в Ленинграде.

В ч. XXVI «Примечаний» за тот же 1732 г. (от 3 апреля, стр. 132) помещен перевод сонета де-Барро (Des Barreaux, Jacques Vallé, 1602—1673) «Grand Dieu! Tes jugemens sont remplis d'équité»;¹ перевод силлабический, хотя первая строка производит впечатление тонизированной «по Тредиаковскому»: «Боже, коль твои судьбы правости суть полны»; несмотря на обычную для того времени неизящность перевода, он интересен как несомненно первый в русской печати сонет.² Представляет некоторый интерес включение в чч. 102 и 103 «Примечаний» 1735 г. (от 25 декабря, стр. 405—406) прозаического перевода «из книги немецкого стихотворца господина Брокса, называемой *Irdisches Vergnügen in Gott*, то-есть удовольствие которое человек при рассуждении твари божией иметь может. Часть III, стр. 692 и 662». Очень возможно, что перевод этот связан с тем вниманием к современной немецкой поэзии, памятником которого является «Епистола от российской поэзии к Аполлину» Тредиаковского. О Броксе, кстати, Тредиаковский писал так:

Брокса, Триллера кому б выше можно знати,
Что в вещах природных есть для стиха изрядно?

Наконец, следует отметить еще один раздел в литературной части «Примечаний», имевший немалое значение для русской литературы того времени, — переводы из английских и немецких сатирико-нравоучительных журналов.

Не меньшее значение имело для тогдашнего состояния русской литературы помещение в «Примечаниях» серии статей по истории и теории драматического и поэтического искусства. Статьи эти следующие: а) «О позорищных играх или комедиях и трагедиях» (1733, чч. 44—46, стр. 175—186); б) «Историческое описание театрального действия, которое называется опера» (1738, чч. 17—21, стр. 73—84; чч. 33—34, стр. 132—139; чч. 39—49, стр. 140—183); в) «О пользе театральных действий и комедий к воздержанию страстей человеческих» (1739, чч. 85—86, стр. 337—344); г) «О немых комедиантах у древних» (1739, ч. 87, стр. 345—348); д) «О бардах или первых стихотворцах у древних немцев» (1740, ч. 1—2, стр. 3—8).

¹ Вольтер отрицал авторство де-Барро и приписывал сонет аббату де-Лаво.

² Перевод сонета де-Барро был сделан и Тредиаковским (Новый и краткий способ к сложению российских стихов. 1735, стр. 31; или: Кун и А. Сборник материалов для истории Академии Наук, ч. I. СПб., 1865, стр. 40); возможно, что силлабический перевод был сделан также Тредиаковским, на эту мысль наводит одинаковая рифма и т. п. Перевел этот сонет и Сумароков (Поан. собр. соч., ч. IX, стр. 108; первоначально: Ежемес. соч., 1756, № 2, стр. 146).

✠✠✠
М. Б С Я Ч Н Ы Е
ИСТОРИЧЕСКІЕ, ГЕНЕАЛОГИЧЕСКІЕ,
И ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ
ПРИМѢЧАНІЯ
ВЪ ВѢДОМОСТЯХЪ
Генваря мѣсяца, 1728 года.

N: I.

I.

ПАПА римскій пожаловалъ вновъ кардиналовъ.

К Ардиналскіи чинъ было отъ древнихъ временъ въ римской церкви въ употребленіи былъ. Нынѣ разумѣются подъ симъ званіемъ знатнѣйшаго Папскаго духовнаго чина особы, которыхъ коллегіумъ въ 70 особахъ состоитъ, которое число не всегда въ комплектъ: въ ономъ коллегіи разсуждаютъ они о важнѣйшихъ духовныхъ дѣлахъ: а на Папскіи престолъ новаго Папу избирать состоитъ токмо во власти оного коллегія. Они требуютъ рангъ въ равенствѣ съ Королями и Князьями, и имѣютъ совершенно первенство предъ ихъ посланниками и титулъ Емѣнеиціи [: Свѣтлости :] Они избираются токмо отъ Папы, а ежели новое избраніе чинится, то пишетъ Папа имена кандидатовъ [: тѣхъ которые ко избранію въ Кардиналскіи чинъ назначены :] на цидулку [: маломъ писмѣцѣ :] и говоритъ онъ Папа въ консісторіи (: въ собраніи Кардиналскомъ :) къ прочимъ Кардиналамъ: СЕ ИМѢТЕ БРАТІЯ, и потомъ читаютъ ихъ имена. Тѣхъ, которые изъ нихъ въ римъ обрѣтаются, приводятъ тогожъ часа къ Папѣ, которымъ онъ красную шапку, выговоря сіи слова: ТЕБѢ НАДЛЕЖИТЪ БЫТЬ КАРДИНАЛОМЪ, накладываетъ. А къ тѣмъ, которые въ оплученіи суть, посылается оная шапка почитаи всегда чрезъ одного изъ камергеровъ

Зри
номеръ
первыи
страни-
ца 2 л.

Первые четыре статьи привлекли в свое время внимание акад. В. Н. Перетца, посвятившего им несколько глав в своей работе «Из начального периода русского театра. I—VII».¹ Выводы исследователя таковы: «[Эти] статейки имеют то значение, что по своему содержанию вносят новое в литературный оборот, расширяющий горизонт литературных понятий русских читателей».² Можно, однако, поставить вопрос и шире: статьи в «Примечаниях», читавшихся в те годы очень внимательно, несомненно были материалом, который влиял на формирование драматической эстетики дворянского зрителя, и нельзя даже предполагать, что эти статьи прошли мимо внимания тогдашнего кадета Сухопутного шляхетного корпуса Александра Сумарокова, в будущем «отца российского театра». Что касается до статьи о бардах, то она любопытна как первая историко-литературная работа на русском языке.

В указанной выше работе В. Н. Перетца есть ряд недочетов, которые возникли, повидимому, в результате недостаточного внимания к источникам по истории Академии Наук. Авторы статей в «Примечаниях» остались для В. Н. Перетца анонимами, а о статье «О немых комедиантах у древних» им было высказано предположение, что это компиляция какого-нибудь академического переводчика. Между тем, относительно трех из рассмотренных В. Н. Перетцом статей (в списке, помещенном выше, они обозначены буквами б, в и г) имеются точные указания их авторов: статью об опере писал акад. Яков Штелин,³ а «О пользе театральных действий и комедий» и «О немых комедиантах» — акад. Ф. Г. Штрубе де Пирмон.⁴ Пятая из перечисленных в списке статей — «о бардах» — была написана также Я. Штелиным.⁵ Что касается первой статьи — «О позорищных играх», — то автор ее в «Материалах по истории Академии Наук» не указан; можно лишь предположительно говорить о двух мыслимых кандидатах — адъюнкте по кафедре истории Крамере, который в эти годы особенно много работал в «Примечаниях», и акад. Гольдбахе, хотя и математике по основной специальности, но отличавшемся «громадной универсальностью знаний».⁶

Если обратиться к наукам естественным и точным, а также к общественным (за вычетом истории литературы, о которой уже сказано выше), то приходится удивляться разнообразию

¹ Изв. ОРЯС, 1907, ч. XII, кн. 3, стр. 181—225 и огд. отт.

² Назв. соч., стр. 43, отд. отт.

³ Пекарский И. История Академии Наук, т. II, стр. 555.

⁴ Материалы для истории Академии Наук, ч. VI, стр. 493.

⁵ Пекарский И. назв. соч., т. II, стр. 555.

⁶ Там же, стр. 171.

и содержательности помещенного в «Примечаниях» материала. Здесь есть статьи и по математике («О квадратуре циркуля» акад. Крафта),¹ и по астрономии (Крафта), по философии (Штелина, Крафта и др.), по химии (Рихмана), по естествознанию (Стеллера и пр.), по палеонтологии (Татищева) и т. д. Много статей по истории (Миллера, Крамера и др.). Вообще можно смело утверждать, что для своего времени «Примечания» были превосходным научно-популярным журналом.

В «Примечаниях» за 1729 г. (№ 31) была помещена первая на русском языке печатная рецензия на книгу по экономическим вопросам.

Неудивительно, что даже через 12 лет после прекращения «Примечаний» (последние номера вышли в октябре 1742 г.) любители разыскивали комплекты академического журнала, а в 1765 и 1766 гг. в Москве вышло сокращенное переиздание «Примечаний», ранее приписывавшееся Миллеру, а в последнее время — Ф. И. Соймонову.² Переиздавались тексты без каких бы то ни было редакционных изменений. Что касается подбора статей, то он произведен, повидимому, Соймоновым. Кроме того, силлабические стихи издания «Примечаний» 1729 г. в московском переиздании 1765 г. заменены тоническими, что едва ли мог сделать сам Соймонов. Помимо переиздания 1765—1766 гг., было сделано в 1787—1791 гг. еще одно, но уже самой Академией Наук, при этом первая часть выдержала два издания (1787 и 1791).³

Как московское, так и петербургское переиздание «Примечаний» содержат преимущественно естественно-исторический материал; в московском еще имеются переводы из «Аглинского Спектатора», и повторение их в 1765—1766 гг. нельзя рассматривать как случайность: начиная с «Ежемесячных сочинений» (1755), в нашей журналистике, в связи с ростом критического отношения к действительности и интересом к сатире вообще, непрерывно печатаются переводы из английских сатирических изданий, а нередко они выходят и отдельно («Забавный философ», 1766).

Была ли у «Примечаний», в годы их издания, какая-нибудь постоянная аудитория, сказать, по скудости источников, трудно. Но одно свидетельство, сохраненное Архивом Академии Наук,

¹ Все указания авторов статей в «Примечаниях» взяты у Пекарского и Миллера. У Неустроева они отсутствуют.

² Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1937, стр. 220; изд. 2-е, 1947, стр. 325—326.

³ Корректурные экземпляры этого издания сохранились в Отделе XVIII в. Библиотеки Академии Наук

крайне ценно. Это письмо В. Н. Татищева от 16 августа 1731 г., обращенное к Шумахеру. Говоря об академических делах, Татищев, между прочим, пишет:

«Прежде отъезда моего, по случаю бывшей здесь жестокой погоды, которую дом в Москве и одну деревню в близости сожгло, и неколико человек убило, случился о причине оного разговор, и кто что знал случаях сказывал от гисторей, яко то: шпага растопилась, а ножны целы, и протчая, тому подобная. Некоторые весьма желали ведать причин оных доказательства от физики, о котором я что малое от чтения упомятовал — доносил. Однако ж две персоны, из первых, просили, дабы в Академию отписать, с прошением от них о том достойного истолкования в „Примечаниях“ или, особливо напечатав, издать. При том же князь Трубецкой спрашивал у меня докончания „Рассуждения о мамонте“, на которое я ничего известного донести ко удовольствованию его вещьлюбия не мог, хотя архиепископ новгородский его светлости нечто от его рассуждения объявлял. Того ради прошу о том во Академии предложить, и что определят — меня уведомить, дабы их тако ж без ответа не оставил.»¹

Если всмотреться в имена лиц, упоминаемых Татищевым как интересующихся «Примечаниями» (кн. Трубецкой — это друг Антиоха Кантемира, Никита Юрьевич; архиепископ новгородский, т. е. Феофан; сам Татищев), то совершенно очевидно, что перед нами документ, в какой-то мере освещающий деятельность «ученой дружины» Феофана Прокоповича. Отсутствие в этом списке кн. Ант. Кантемира, очевидно, случайно. Во всяком случае, в лондонской библиотеке Кантемира имелись «Примечания» за 1729, 1731—1733 и 1736 гг.² Таким образом, можно считать, что «ученая дружина» Феофана живо интересовалась этим журналом, а один из ее участников, В. Н. Татищев, даже сотрудничал в «Примечаниях»: ему принадлежит большая статья «о мамонтовых костях» в «Примечаниях» 1730 г., во вступительной части которой редакция указывает имя автора.

Но, помимо читателей, которые сочувствовали «Примечаниям» и поддерживали их, у этого журнала были несомненные враги. На это имеется прямое указание во вступительной статье к «Примечаниям» от 1 января 1730 г. Издатель пишет: «Я с моими товарищи желал бы всякому по его желанию и склонности угодить. Но, однако ж, как видим, сие при так великих разно-

¹ Материалы для истории Академии Наук, ч. II, стр. 62.

² Александренко В. Н. К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшава. 1896, стр. 33 (№ 466) и 34 (№ 487).

стях вер и партии, при так разных склонностях человеческих нравов и еще более при разных искусствах оных, учинить почти весьма невозможно есть». Кто были эти враги, — точно сказать, по состоянию источников, едва ли удастся. Но в цитированном отрывке есть достаточно ясный намек — о «великих разностях вер и партии», — очевидно, враги «Примечаний» рекрутировались из кругов высшего православного духовенства, которое в 1728—1729 гг., при Петре II, выступало во главе реакции.

Все же «Примечания», несмотря на происки своих недоброжелателей, продолжали издаваться. В апреле 1736 г. они вдруг приостановились. Миллер в своей «Истории АН» просто констатирует этот факт, не давая никаких пояснений; очевидно, ему, находившемуся тогда в камчатской экспедиции, причина приостановки издания «Примечаний» была не известна. Возобновляя через полтора с лишним года «Примечания», редакция в ч. 1 от 2 января 1738 г. писала: «В сем году начинаем мы опять наши обыкновенные примечания, которые вместе с ведомостями во всякую неделю по дважды выходить будут», и лишь почти в конце статьи глухо упоминается: «Разные причины принудили нас оные [т. е. «Примечания»] на малое время остановить». Кстати, здесь же следует упомянуть, что, очевидно, и в первый год (1728) последние два выпуска «Примечаний» в свет не вышли, их не имел в своем распоряжении Неустроев, описавший «Примечания» по экземпляру нынешней Всесоюзной Библиотеки им. Ленина в Москве; в трех экземплярах, с которыми можно познакомиться в книгохранилищах Ленинграда, — только десять номеров. Вероятно, вследствие того что первый номер, помеченный 23 февраля 1728 г., вышел, как указывалось выше, 13 апреля, последующие также запаздывали, и редакция, не желая в новом году отделять выпуск «Примечаний» от «Ведомостей», просто недодала последних номеров за 1728 г.

В октябре 1742 г. вышел последний выпуск «Примечаний» (чч. 85—89 от 21 октября). Дальнейшее печатание журнала было запрещено возглавлявшим тогда Академию советником Андреем Нартовым, ведшим длительную, упорную борьбу с академиками, а в особенности с И. Д. Шумахером, тогда уже отданным под суд за должностные преступления. Когда весной следующего года этот же Нартов запросил Конференцию Академии Наук о причинах прекращения издания «Примечаний», то академики ответили в очень резком тоне, что причины этого Нартову известны лучше, чем кому бы то ни было.¹ На этом история «Примечаний» закончилась.

¹ Материалы для истории Академии Наук, ч. VI, стр. 604—605.

Выше была охарактеризована литературная и научная сторона «Примечаний». Следует остановиться еще на одном важном моменте — на языке переводов «Примечаний». Редакция чувствовала серьезность вопроса и в одной из вступительных статей специально коснулась его: «Мы поныне, — говорится в «Предсказании» (генв. 1 дня 1733 г.), — . . . особливо о том тщание имели, чтобы некоторые нужные материи, которые от большой части великим мраком художественных слов покровиты, нетрудным и ясным предложением на надлежащий свет вывести, что также не очень легкии труд есть, понеже как немецкии язык, на котором мы пишем, так и русскии, на которыхы наши мысли перекладываются, ко изображению всех идеи еще не довольно способен» (стр. 2—3).

Тем не менее, должно поставить в несомненную заслугу переводчикам «Примечаний» (Алексееву, Яхонтову, Адодурову, Шванвитцу, Тауберту и пр.) разработку русского научно-популярного языка. При всех варваризмах и архаизмах стиля, при удивительной иногда беспомощности языковых средств переводчики «Примечаний» сделали большое и полезное дело: насколько грубы и неуклюжи обороты речи в «Примечаниях» конца 20-х годов XVIII в., настолько плавными и, во всяком случае, более гладкими делаются фразы в конце издания этого журнала, и по сравнению с ними просто косноязычными кажутся современные им научные издания Академии, к которым мы сейчас обратимся.

НАУЧНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

В первый же год своего существования Академия Наук, официально открытая в самом конце 1725 г., подготовила том трудов своих сочленов на международном языке тогдашней науки — латинском; издание это было названо «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*». Печатание их затянулось, и первый том вышел лишь в 1728 г. Одновременно с ним появился и русский перевод под названием «Краткое описание Комментариев Академии Наук». Это было первое научное периодическое издание Академии на русском языке. В то время как латинские «Комментарии» полностью воспроизводили научную продукцию академиков за 1726 г., русское «Краткое описание Комментариев» дало из математического раздела две диссертации, из «физического» (естественно-научного) — восемь, и целиком весь раздел исторический, содержащий три мемуара акад. Зигфр. Байера о скифах и «о стене кавказской».

Каждый из четырех разделов (кроме перечисленных, был еще астрономический) обслуживался одним переводчиком («физический», особенно обширный, двумя), являвшимся специалистом в данной области. Переводчики эти следующие: Василий Евдокимович Адодуров, математик, впоследствии первый адъюнкт Академии из русских; Максим Сатаров и Иван Горлицкий, переведившие раздел «физики»; ярославец Иван Юрьевич Ильинский (ум. в 1737 г.), учитель Ант. Кантемира, переведивший раздел исторический, и «синбиренин» Степан Коровин, переведивший с французского языка астрономические диссертации акад. Делиля.

По общепринятому тогда обычаю, «Краткому описанию Комментариев» предпослано предисловие, знакомящее «доброхотного российского читателя» с деятельностью Академии Наук за 1726 г. Подробно перечисляются диссертации («рассудительная слова», как поясняется в скобках), напечатанные в латинских «Комментариях», затем указывается, что некоторые из трудов академиков даются в русском издании в изложении («повествованиях»), а «иные же целы ничего не пременя, так как оные и в латинском языке имеются, преведены суть». Больше всего заботил переводчиков «Комментариев» вопрос о языке. Этому уделена специальная часть предисловия:

«Не сетуи же на перевод, якобы оный был невразумителен или не весма красен, ведати бо подобает, что весма трудная есть вещь добре преводити, ибо не точию оба оные языки, с которого и на который преводится, совершенно знать надлежит, но и самыя преводимыя вещи ясное разумение имети.

«Зде же по последней мере на сие смотрели, дабы оный яко вразумителен, тако и благоприятен был, ибо с таким прилежанием и опасностью [предосторожностью] в сем деле поступали, и всякому преводнику такие диссертация (рассуждения) преводить давали, о нем же известно знали, что он вещь оную наилучче разумеет, к тому же и самыи перевод в присутствии всех преводников читан и свидетелствован был. Аще ли же предприятия опасности не благопоспешно учинилися, то сие токмо прибежище осталось, да тебе умолим, дабы слабости нашей дотоле потерпети изволил, донележе язык сам исправнее будет и преводницы лутче обучатся».¹

Как тогдашние переводчики передавали разработанную научную терминологию по-русски, можно видеть из перечня заглавий диссертаций, которые полностью напечатаны в латинских

¹ Краткое описание..., стр. 4. В перечне опечаток последние слова исправлены: «переводчики» — «присмотрятся».

«Комментариях» и перечислены в цитированном выше предисловии; для образца достаточно привести несколько заглавий: (академика) Иакова Германа. О щете интегральном или целственном. (*De calculo integrali* — Об интегральном счислении); (академика) Иоанна Бернулли. О в целоприведениях равнении разнственных (*De integrationibus aequationum differentialium* — Об интегрировании дифференциальных уравнений); (академика) Христиана Голдбаха. О неких случаях в целоприводимых (*De casibus quibusdam integralibus* — О некоторых случаях в интегральном счислении); (академика) Николая Бернулли. Анализис (решение) неких равнении разнственных (*Analysis aequationum differentialium* — Анализ дифференциальных уравнений).

Перевод математических диссертаций и предисловие к «Краткому описанию Комментариев» принадлежат В. Е. Адодурову. В своих переводах этого периода Адодуров идет разными путями: то он безбоязненно вводит термины научного языка и пишет «иррациональные количества», «аналитический метод» и т. д., то старается найти (и иногда удачно находит) соответствующий научному термину русский эквивалент, например «диаметр» — «поперечник», «метод» — «способ», «учение», «quantitas» — «количество»; то дает непонятные с первого взгляда фразеологические образования: «perpendicularis» — «линия, прямостоящая к поперечнику», «calculus differentialis» — «щет разнственный», «calculus integralis» — «щет в целая приводящий». Математическая терминология представляла, конечно, большие трудности, чем историческая или даже «физическая», но и в этих разделах переводчики принуждены были бороться с языковыми затруднениями. Тем не менее — следует сказать это со всей ответственностью — для истории русского литературного языка «Примечания к Ведомостям» и «Краткое описание Комментариев» представляют исключительно важный и, к сожалению, вовсе не изученный источник.

Как встретили русские читатели «Краткое описание Комментариев» — об этом источники молчат.

В то же самое время латинские «Комментарии» продолжали издаваться, и до 1751 г., когда они прекратились, вышло всего 15 томов, отражавших научную производительность Академии Наук с 1726 по 1747 г.¹ В 1747 г. Академия получила новый устав, положивший конец первоначальной неупорядоченности в ее

¹ Недавно установлено, что в начале XIX в. было осуществлено второе издание первого тома «Комментариев»; ср.: Д. В. Юферов. О втором издании первого тома «Commentari ASII». Тр. Инст. книги, документа, письма, вып. V, стр. 177—181. Еще раньше, в 1740 г., в Болонье была сделана контрафакция этого же первого тома.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
КОММЕНТАРІЕВЪ
АКАДЕМІИ НАУКЪ,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА 1726 ГОДЪ.

НАПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ПРИ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1728 ГОДЪ.

деятельности. В соответствии с новым уставом Академия решила переименовать свой научный орган, который с этого времени стал издаваться под названием «Новых комментариев Петербургской Академии Наук» («*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*»); за время с 1750 по 1776 г. вышло 20 томов «Новых комментариев», содержащих труды академиков по всем разделам, за исключением исторического. На смену этому изданию пришли «Труды Петербургской Академии Наук» («*Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae*») (1778—1786, 6 томов) и «Новые труды Петербургской Академии Наук» («*Nova Acta A.S.P.*») (1787—1806, 15 томов). Из всех этих латинских изданий только «Новые комментарии» сопровождалась параллельным изданием на русском языке, представлявшим рефераты и, очевидно, авторефераты диссертаций, напечатанных в «*Novi Commentarii*» и носивших название «Содержание ученых рассуждений Академии Наук, изданных в первом [и т. д.] томе Новых комментариев». Всего вышло 4 выпуска (I—1748 г., II—1750 г., III—без даты, но считающийся также изданным в 1750 г., IV—1754—1755 гг.). В этом научном журнале помещены авторефераты Ломоносова и других академиков, частью написанные по-русски, частью переведенные на русский язык. Со стороны языка «Содержание ученых рассуждений» представляет значительный прогресс по сравнению с первыми опытами русской научной терминологии в «Кратком описании Комментариев» и других ранних изданиях Петербургской Академии Наук.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ОРГАНЫ АКАДЕМИИ

(1755—1796)

Наряду с научными журналами, Академия время от времени выступала с периодическими изданиями научно-популярными и литературными. После «Примечаний к Ведомостям» таких научно-популярных и литературных журналов Академия Наук в течение XVIII в. издала три:

- 1) «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755—1764); во время издания название журнала менялось, об этом будет сказано в дальнейшем изложении;
- 2) «Академические известия» (1779—1781);
- 3) «Новые ежемесячные сочинения» (1786—1796).

Каждый из названных академических журналов имеет свою физиономию, свои отличительные черты, налагавшиеся эпохой, состоянием литературы, отношениями между писателями, и в то же время у всех трех академических журналов второй половины

XVIII в. есть общие, роднящие их черты — настойчивое стремление популяризировать науку среди русских читателей, а также желание объединить вокруг себя лучшие литературные силы — в тех, конечно, пределах «сохранения благопристойности и отвращения всяких противных следствий», которые должно было соблюдать такое ученое учреждение, как Академия.

«ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ»

(1755—1764)

Первым по времени среди научно-популярных изданий Академии этого периода был журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», издававшийся с января 1755 г.

Идея подобного издания принадлежала Ломоносову. Незадолго до этого, в 1752—1753 гг., между Ломоносовым и группой учеников и поклонников Сумарокова (Елагиным и др.) велась длительная рукописная полемика; сперва она касалась мелких вопросов, но в конце концов затронула ряд серьезных общественных и литературно-теоретических вопросов, в частности о роли и значении сатиры. В дальнейшем придется коснуться этой стороны полемики 1752—1753 гг.; сейчас же нужно отметить, что обширные размеры этой рукописной полемики, участие в ней ряда лиц, до того либо вовсе не выступавших в литературе, либо не бывших в ней заметными, страстность и резкость тона в полемических выступлениях обеих сторон — все это показало Ломоносову, что русская поэзия захватывает более широкий, чем можно было думать, круг читателей, что русская читающая публика уже доросла до серьезного, содержательного журнала и что печатное издание устранил грубо-бесцеремонные, персонально оскорбительные формы, какие принимала рукописная полемика тех лет. Около этого времени фаворит Елизаветы, И. И. Шувалов, находившийся в Москве, попросил Ломоносова достать для него и прислать из Петербурга комплект академических «Примечаний». В самом начале 1754 г. Ломоносов в ответном письме Шувалову сообщал, что безуспешно старался добыть это старинное академическое издание: «По приказу вашего превосходительства старался я достать примечания на ведомости, но получить их не мог. Уже многие и за несколько лет их спрашивают; однако сыскать не могли, за тем, что их помалу было печатано и не по мере Российского государства, а особливо ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости». В связи с этим Ломоносов высказывает мысль

о желательности издания при Академии журнала вроде «Примечаний»:

«Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим [т. е. «Примечаниям»] периодические сочинения; только не на таких бумажках по одному листу, но повсямесячно или по всякую четверть, или треть года, дабы одна или две-три материи содержались в книжке, и в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе, а из которых лутчим последовать, или бы свой, применяясь, выбрать можно».¹

Кроме приведенного отрывка из письма Ломоносова к Шувалову о желательности издания русского научно-популярного журнала, до нас дошел относящийся к тому же времени очень ценный документ, излагающий взгляд Ломоносова на задачи журналистики и обязанности журналистов. Это его статья «О должности журналистов» (1754), написанная в опровержение недобросовестных выпадов некоторых немецких журналистов против его научной деятельности. Статья была напечатана в 1755 г. в «Nouvelle Bibliothèque Germanique», издававшейся в Амстердаме непререваемым секретарем Берлинской Академии Наук С. Формеем; редакция в сноске указывала, что оригинал был написан по-латыни и что при переводе на французский язык никаких изменений в тексте сделано не было. К сожалению, подлинная рукопись Ломоносова до нас не дошла. Осуществленный в 1865 г. академиком Я. К. Гротом неполный перевод этой статьи (с французского перевода) не всегда точен и несколько устарел.² Поэтому в дальнейшем изложении я пользуюсь в отдельных случаях своим, более точным переводом.

Полное название статьи Ломоносова — «Обязанности журналистов при изложении произведений, имеющие целью обеспечить свободу научного суждения».

Представляя возражение по специальному научному вопросу, статья Ломоносова затрагивает и ряд общепринципальных проблем, в частности характеризует понимание Ломоносовым роли журналистики в развитии культуры, а также сформулированные им обязанности журналистов. Уже заглавие статьи показывает, что, выступая в защиту своих научных трудов, Ломоносов исхо-

¹ Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 250.

² Перевод Я. К. Грота см. в «Сборнике материалов для истории императорской Академии Наук в XVIII веке» А. Куника (СПб., 1865, ч. II, стр. 515—519) и в «Стихотворениях» М. В. Ломоносова (под ред. акад. А. С. Орлова, Л., 1935, стр. 293—306). Французский текст приведен у Куника, стр. 519—530.

дил из широкого понимания задач журналистики как средства обеспечить независимость и свободу научного мнения.

Следует сразу же указать, что в своей статье Ломоносов имел в виду только научную журналистику и только сотрудников научной прессы. Это нисколько не помешало ему дать не утратившую и в наше время интереса характеристику идеального журналиста вообще.

По мнению Ломоносова, «назначение журналов состоит в том, чтобы представлять вполне точные и вполне верные рефераты (abrégés) выходящих в свет произведений, присовокупляя в некоторых случаях добросовестное суждение то по существу вопроса, то по поводу отдельных моментов выполнения. Цель и польза подобных извлечений заключается в максимально быстром распространении в ученом мире сведений о новых книгах». Однако журналы, из-за недобросовестности малосведущих, а то и вовсе невежественных журналистов, берущихся за это дело «из-за голода», не выполняют своего назначения. «Журналист образованный, пронизательный, справедливый и скромный стал своего рода фениксом». Ломоносов считает, что «раз журналист берется за эту профессию, он не должен ни торопиться с вынесением приговора, пока не ознакомится достаточно серьезно с подсудимыми, ни во что бы то ни стало выискивать ошибки там, где их вовсе нет».

После вступления, в котором излагается общая точка зрения Ломоносова на задачи журналистики и обязанности журналистов, он переходит к специальной части, где резко, темпераментно, с едким сарказмом, не стесняясь в полемических выражениях, шаг за шагом разоблачает недобросовестные критические приемы своего рецензента. «Могут ли подобные приемы, — спрашивает далее Ломоносов, — быть оправданы тем, в ком есть хоть тень стыда или остаток совести? Отдавая таким образом отчет о сочинениях ученых, критик не только вредит их репутации, на которую он не имеет никакого права, но и уничтожает истину, предлагая читателям мысли, не имеющие с нею ничего общего: поэтому естественно противодействовать всеми силами столь несправедливым проделкам. Продолжая так поступать с теми, которые стараются быть полезными ученому миру, можно бы лишить их всякой охоты к труду, и успехи в науках потерпели бы от того значительный ущерб. Это в особенности погубило бы совершенно свободу рассуждения. Таким критикам необходимо предписать точные границы, в которых им следует оставаться, не переступая их ни под каким видом».¹

¹ Перевод Я. К. Грота.

В заключение Ломоносов предлагает семь правил, которые рекомендует «затвердить как лейпцигскому журналисту, так и всем подобным ему».

«Правила» эти показывают, какие высокие требования предъявлял Ломоносов к серьезному журналисту и каким представлялся ему моральный облик работника научной прессы. Поэтому я считаю вполне уместным привести здесь эти ломоносовские «Правила»:

«1. Кто берется сообщать публике содержание новых сочинений, должен наперед взвесить свои силы, ибо он предпринимает труд тяжелый и весьма сложный, которого цель не в том, чтобы передавать вещи известные и истины общие, но чтоб уметь схватить новое и существенное в сочинениях, принадлежащих иногда людям самым гениальным. Говорить о них неверно и нерассудительно — значит подвергать себя презрению и посмеянию, значит уподобляться карлу, который захотел бы поднять на своих плечах горы.

«2. Чтоб быть в состоянии произнести приговор искренний и справедливый, надобно освободить свой ум от всякого предвзвеса, от всякого предубеждения и не требовать, чтобы авторы, которых мы беремся судить, рабски подчинялись идеям, господствующим над нами, считая и без того этих писателей нашими истинными врагами, с которыми мы призваны вести открытую войну.

«3. Сочинения, о которых отдается отчет, должны быть разделены на два разряда: к первому принадлежат сочинения одного автора, писавшего их как частное лицо; к второму — труды, издаваемые целыми корпорациями с общего согласия, по тщательном их рассмотрении. И те и другие заслуживают конечно всякого внимания и уважения со стороны критика. Нет такого сочинения, которое не требовало бы соблюдения естественных законов справедливости и приличия. Нельзя однако ж не согласиться, что нужно вдвое более осторожности, когда дело идет о сочинениях, уже носящих на себе печать уважительного одобрения, просмотренных и признанных достойными издания от лиц, которых совокупные знания естественно превосходят сведения журналиста, и прежде нежели он решится указывать недостатки и осуждать, он должен неоднократно взвесить то, что намерен сказать, для того чтоб быть в состоянии поддержать и оправдать свои слова, если в том встретится надобность. Так как сочинения этого рода бывают обыкновенно тщательно обработаны и предметы в них рассматриваются систематически, то малейшие пропуски или неточности могут подать повод к опрометчивым суждениям, которые уже и сами по себе постыжны, но становятся

такими еще более, когда в них ясно выказываются небрежность, невежество, поспешность, дух партий и недобросовестность.

«4. Журналист не должен торопиться порицать гипотезы. Они позволительны в предметах философских, и это даже единственный путь, которым величайшие люди успели открыть истины самые важные. Это как бы порывы, доставляющие им возможность достигнуть знаний, до которых умы низкие и пресмыкающиеся в пыли никогда добраться не могут.

«5. Особенно же пусть журналист запомнит, что всего бесчестнее для него красть у кого-либо из своих собратьев высказываемые им мысли и суждения и присвоивать их себе, как будто бы он сам придумал их, тогда как ему едва известны заглавия книг, которые он уничтожает. Так бывает часто с наглым рецензентом, который отваживается делать извлечения из сочинений физических и медицинских.

«6. Журналисту позволяется опровергать то, что по его мнению заслуживает того в новых сочинениях, хотя это вовсе не настоящее его дело и не прямое его призвание. Но кто уже раз берется за то, должен вполне ознакомиться с мыслями автора, разобрать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные доводы, прежде нежели он присвоит себе право осуждать другого. Одни сомнения и произвольные вопросы не дают этого права, ибо нет такого невежды, который не мог бы предложить гораздо более вопросов, нежели сколько самый сведущий человек в состоянии разрешить. Журналист не должен особенно воображать, что непонятное и необъяснимое для него, таково же и для автора, который мог иметь свои причины к тому, чтобы сократить или опустить некоторые обстоятельства.

«7. Наконец, он никогда не должен иметь слишком высокого мнения о своем превосходстве, о своем авторитете и о достоинстве своих суждений. Выполняемое им дело само по себе уже неприятно для самолюбия тех, кого он затрогивает: было бы с его стороны очень неблагоприятно оскорблять их намеренно и вынуждать к обнаружению его бессилия».¹

Среди приведенных «Правил» особенно заслуживает внимания правило третье, в котором Ломоносов отстаивает свой любимый тезис — о преимуществе публикации научных и литературных произведений после коллегиального обсуждения их перед изданием сочинений «одного автора, писавшего их как частное лицо». Не дальше как в 1755 г. Ломоносов выступил в защиту

¹ Перевод Я. К. Грота.

этого положения при обсуждении программы и принципов издания нового академического журнала (см. ниже).

Остальные «Правила» Ломоносова свидетельствуют о том, что уже в его времена складывался отвратительный тип беспринципного, необразованного и недобросовестного буржуазного журналиста, нашедший в наши дни свое логическое завершение в американских херстовских и иных молодчиках, «гангстерах пера».

Поэтому статья Ломоносова «О должностях журналистов» представляет факт не только научной биографии великого русского писателя XVIII в., но и истории журналистики и культуры в целом.

Вместе с тем приведенные материалы свидетельствуют о том, что около 1754 г. Ломоносов много и серьезно раздумывал над вопросами журналистики. Происходило это не только из-за неприятностей, которые причиняли Ломоносову его неразборчивые в средствах рецензенты. С самого возвращения своего из-за границы Ломоносов имел отношение к русской журналистике тех лет. В 1741—1742 гг. Академия Наук поручает ему перевод ряда статей для «Примечаний к Ведомостям»; здесь же была опубликована первая печатная ода Ломоносова (1741). В следующие годы в «Санкт-Петербургских ведомостях» печатаются сделанные Ломоносовым «надписи» к иллюминациям, его стихотворные переводы внутри отдельных статей и сообщений, а также то, что мы сейчас называем «авторезфератами» научных докладов или публичных речей. В мае 1748 г. на Ломоносова была возложена обязанность «литературного редактора» «Санкт-Петербургских ведомостей». В данной ему инструкции говорилось, что он должен «оние их [академических переводчиков] переводы править и последнюю ревизию отправлять». Строго подчеркивалось, что «никакова артикула [статьи] из России, из какова бы места ни было, без ведома президента [Академии] или — в отсутствие его — канцелярии, в Ведомости не вносить же». Особенно важен третий пункт «Инструкции»: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспрессий [выражений] удерживаться; особливо что к предосуждению России или ее союзников касается, в Ведомости не вносить».¹

Конечно, все это очень ограничивало возможности Ломоносова как журналиста. Работой в «Санкт-Петербургских ведомостях» он тяготился, и у него были по этой линии служебные неприятности. Однако у него были несомненные способности жур-

¹ Пекарский П. П. История императорской Академии Наук в Петербурге, т. II, стр. 396; см. также: Материалы для истории Академии Наук, т. X, стр. 63 (приказ от 3 августа 1749 г.).

налиста-полемиста. Это видно из «диссертации» «О должностях журналистов» и из анонимно напечатанной в 1755 г. статьи «О качествах стихотворца» (см. ниже).

Можно полагать, что все изложенные выше обстоятельства способствовали тому, что к 1754 г. у Ломоносова созрело желание создать серьезный и разностронний по содержанию русский журнал. Свои соображения по этому поводу он высказал в цитированном выше письме к И. И. Шувалову от 3 января 1754 г.

Вероятно, Шувалову идея Ломоносова пришла по душе, и ей дан был ход.¹ Будучи всемогущим в то время фаворитом Елизаветы, Шувалов — очевидно, в неофициальном порядке — предложил тогдашнему президенту Академии Наук гр. К. Г. Разумовскому издавать силами академиков журнал на русском языке.

В заседании конференции Академии Наук 23 ноября того же года уже обсуждалось предложение президента Академии гр. К. Г. Разумовского о выпуске периодического издания, которое и осуществилось затем под именем «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Зная, что сумароковско-елагинская группа может через адъюнкта Г. Н. Теплова, правую руку Разумовского, использовать журнал в своих целях, Ломоносов выдвинул предложение о том, чтобы отдельные статьи, предназначенные для журнала, предварительно обсуждались на академических собраниях. «*Senso tamen singala, — сделал Ломоносов приписку своей подписи в протоколе, — in solvntibus academicis praelegenda, antequam publicijuris fiant*» («Однако полагаю, что отдельные пьесы должны быть прежде, чем будут опубликованы, прочтены в академических заседаниях»). Мнение Ломоносова оспаривалось: Тредиаковский, например, опасался поводов к спорам и к проволочкам времени. Оживленные обсуждения продолжались не одно заседание. «Но, — прибавляет один из историков Академии, — из протоколов не видно, чтобы Ломоносов принимал живое и деятельное участие в этом изда-

¹ Акад. А. А. Куняк в статье «Об ученых сборниках и периодических изданиях Академии Наук с 1726 по 1852 г.» (Зап. Акад. Наук по 1-му и 3-му отд., т. I, стр. LVII) бездоказательно утверждал, что «Ежемесячные сочинения» возникли по инициативе Миллера. В печатных материалах по истории Академии Наук тех лет никаких подтверждений слов Куняка нет. В Архиве АН в фонде Миллера хранится папка с немецкой надписью рукой Миллера: «Бумаги, относящиеся к изданию Ежемесячных сочинений 1755» (шифр: ф. 21, оп. 1, № 25). Часть этих материалов была издана академиком Билярским и Пекарским; однако ни в опубликованной, ни в неизданной части этой папки нет никаких указаний на то, что журнал возник по инициативе Миллера; напротив, повсюду подчеркивается, что Миллеру поручено издание «Ежемесячных сочинений».

нии».¹ Действительно, по протоколам установить степень активности Ломоносова в «Ежемесячных сочинениях» нельзя. Тем не менее, он принял в них участие в первый же год, но выступил анонимно.

Много времени заняло у академиков обсуждение характера и программы издания. После устранения разногласий акад. Г. Ф. Миллер, который, пользуясь связями с всесильным и враждебным Ломоносову Тепловым, захватил в свои руки редактирование «Ежемесячных сочинений», изложил «платформу» академического журнала в особом «Предуведомлении».

Характеризуя содержание и направление «Ежемесячных сочинений», Миллер писал:

«При таком учреждении, каково сие, мы себе точных пределов не предписываем; но надлежит, смотря по различию читателей, всегда переменять материи, дабы всякой, по своей склонности и охоте, мог чем-нибудь пользоваться. Итак предлагаемы будут здесь всякие сочинения, какие только обществу полезны быть могут, а именно: не одни только рассуждения о собственно так называемых науках, но и такие, которые в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактурах, в механических ручьях, в архитектуре, в музыке, в живописном и резном художествах, и в прочих какое ни есть новое изобретение показывают или к поправлению чего-нибудь повод подать могут».

Касаясь формы изложения статей в журнале, Миллер прибавлял:

«Одни токмо те сочинения выключены от нашего намерения, кои ради глубокого их смысла не всем ясны и вразумительны бывают: ибо мы за правило себе приняли писать таким образом, чтоб всякой, какого бы кто звания или понятия ни был, мог разуметь предлагаемые материи».

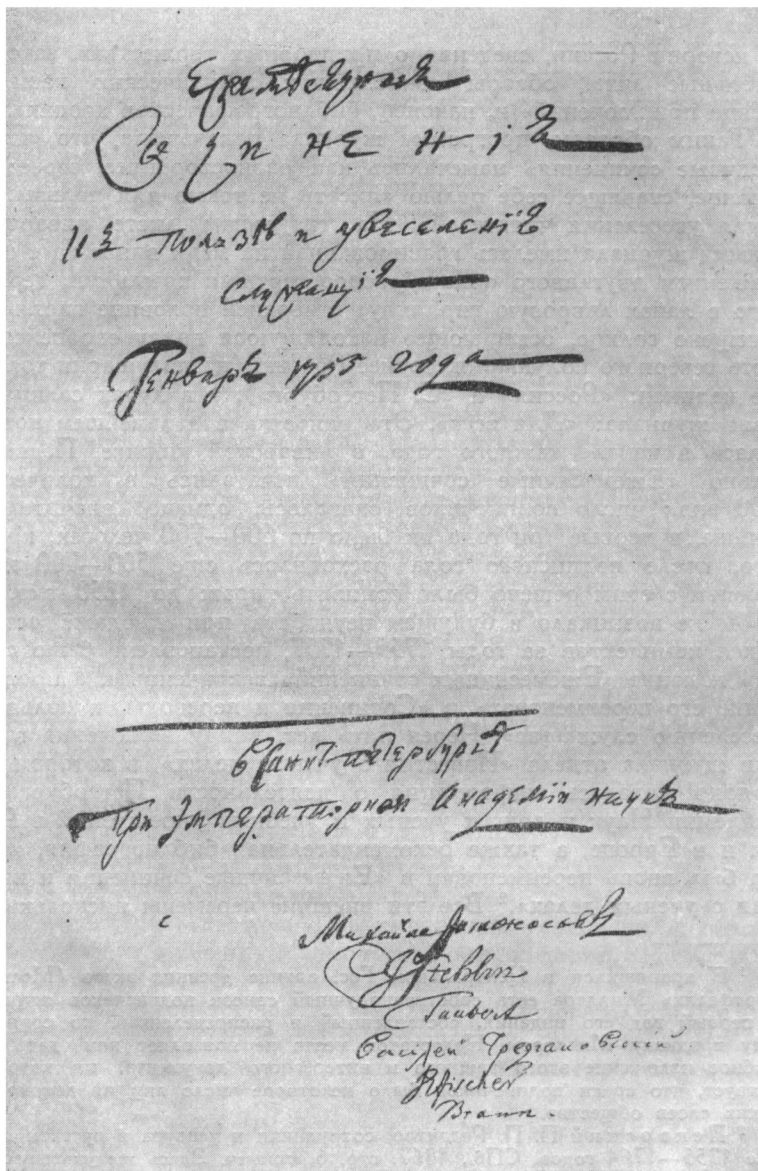
Далее Миллер писал:

«Для сохранения благопристойности и для отвращения всяких противных следствий, вноситься не будут сюда никакие явные споры или чувствительные возражения на сочинения других, ниже иное что с обидою написанное против кого бы то ни было».

Впрочем, академическое издание допускало различие взглядов на отдельные вопросы, требуя только корректности в изложении.

Подробно охарактеризовав литературный отдел с материалами оригинальными и переводными, Миллер указывал, что в «Ежемесячных сочинениях» будут печататься также документы

¹ Билярский, наив. соч., стр. 276—277.

Макет титульного листа «Ежемесячных сочинений» 1755 г. с подписью Ломоносова (Архив Академии Наук). Воспроизводится впервые.

по истории России, сведения о придворных торжествах, законодательные акты, обзоры «знатнейших политических каждого месяца приключений» и, наконец, библиографическая хроника.

Таким образом, программа журнала показывала, что «Ежемесячные сочинения» намечались как разностороннее, серьезное издание, ставящее себе целью «писать не токмо для пользы, но и для увеселения читателей». На титульном листе январской книжки журнала имелась гравированная на меди виньетка с изображением двуглавого орла с распростертыми крыльями, держащего в лапах лавровую гирлянду; в верхней половине гирлянды помещено солнце, освещающее находящуюся внизу европейскую часть северного полушария, точнее Россию (на полушарии только две надписи: «Россия» и «С. Петербург»), а в лучах солнца — девиз журнала: «Для всех». Эта виньетка в дальнейшем повторялась в начале каждого года, в январской книжке. Первоначально «Ежемесячные сочинения» печатались в количестве 2000 экз.; число подписчиков оказалось, однако, значительно меньше, в первые три года их было по 600—700 человек, кроме того, после подписного года расходилось еще 500—700 экз.¹ В связи с этим решено было понизить тираж до 1250 экз. и, чтобы не возникало в будущем неудобств при продаже оставшихся комплектов за годы 1755—1757, постановлено было считать издание «Ежемесячных сочинений» законченным, а продолжение его переименовать в «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». Через пять лет, ввиду включения в состав журнала отдела «Известия о ученых делах», в котором регулярно давалась информация о деятельности Петербургской Академии Наук и других ученых и учебных учреждений в России и в Европе, а также рекомендательная библиография, журнал был вновь переименован в «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».² Все эти внешние перемены несколько не

¹ В хранящихся в Центральном Гос. архиве древних актов (Москва) «портфелях» Миллера есть собственноручный список подписчиков журнала за первый год его издания, составленный и распределенный по социальному признаку Миллером. Недостаток места не позволяет нам дать подробное изложение этого важного и интересного документа, из которого явствует, что среди подписчиков было некоторое число лиц из демократических слоев общества.

² Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. СПб., 1867, стр. 6, примеч. Здесь же указывается, что за годы 1758—1764 Академии пришлось выпустить второе издание. У Неустроева (стр. 67) это переиздание описано, но без указания времени его выхода. Кроме этого переиздания, существует еще одно, сделанное на бумаге с водяными знаками 1801—1803 гг. Об этом издании есть беглое упоминание в статье Н. М. Петровского «Библиографические заметки

отразились на содержании журнала, сохранившего на протяжении десяти лет издания единый характер; поэтому для краткости в дальнейшем он будет называться «Ежемесячные сочинения», безотносительно к точному названию в данный год.

В основном (в особенности в последние годы) «Ежемесячные сочинения» заполнялись переводными материалами, как по отряду наук, так и литературы. Много переводов сделано было из иностранных сатирических журналов. Кроме того, есть переводы из Вольтера («Микромегас», «Задиг», «Разговор с китайцем о славе», «Мемнон» и др.), из Оксеншерны и из Гольберга.

Гораздо интереснее для истории журналистики оригинальная часть литературного отдела «Ежемесячных сочинений».

В академическом журнале приняли участие все лучшие писатели тех лет — М. В. Ломоносов (правда, анонимно), А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, И. П. Елагин и др.

Ломоносов, который имел все права на то, чтобы стать во главе возникшего по его инициативе журнала и которого отеснила враждебная ему немецкая партия во главе с Г. Ф. Миллером, повидимому, отказался от прямого участия в «Ежемесячных сочинениях». По крайней мере, за его подписью не напечатано за все время издания академического журнала ни одно произведение. Однако уже в первой книжке «Ежемесячных сочинений» было анонимно опубликовано стихотворение «Правда ненависть рождает», которое, как установил в своей докторской диссертации Л. Б. Модзалевский (1948), принадлежит Ломоносову. Оно является несомненным ответом Ломоносова его академическим и литературным недругам и, повидимому, связано с устранением Ломоносова от редакторства «Ежемесячных сочинений».¹

О другом анонимном выступлении Ломоносова в академическом журнале говорится ниже.

Литературный отдел «Ежемесячных сочинений», именно вследствие устранения Ломоносова от издания, представляет меньший интерес, чем отдел научный.

В части научной, как установлено исследователями, на первом месте и по качеству и по количеству стоит отдел истории, географии и статистики России. В особенности важны были

о русских журналах XVIII века» (Журн. Мин. нар. проsv., 1898, № 1, отд. 2, стр. 87—88).

¹ Неизвестное стихотворение Ломоносова. — Вечерний Ленинград, 1947, 16 июля, № 164. Как установил Л. Б. Модзалевский, полемическим ответом на данное стихотворение Ломоносова явилось напечатанное в апрельской книжке «Ежемесячных сочинений» стихотворение В. К. Тредиаковского «Услужность — другов, истина — ненависть рождает».

статьи по истории, большей частью значительные по объему, вследствие чего они печатались в нескольких книжках журнала; темы их были для тогдашнего состояния науки вполне актуальны и нужны. Подавляющее большинство исторических статей в «Ежемесячных сочинениях» вышло из-под пера Миллера. Здесь находятся «и критические исследования об отдельных вопросах истории, и статьи, содержащие в себе прагматическое изложение исторических событий. Наряду с сочинениями, обнимающими историю всей России, мы найдем и монографии об истории отдельных ее областей или городов. Кроме исследований об истории политической или внешней, мы увидим там же небольшое число статей, касающихся внутреннего быта России в древние времена. Наконец, совершенно особый разряд статей составляют монографии, посвященные обзору путешествий и географических открытий, сделанных русскими, — монографии, которые по содержанию своему могут быть отнесены к отделу географии, точно так же как и к отделу истории».¹

В трех первых книжках журнала за 1762 г. появилась большая статья Миллера «Опыт новейшая истории о России». Она посвящена истории России начиная со смерти царя Федора Ивановича, так как «История российская» В. Н. Татищева была доведена именно до этого времени. Как первая попытка обобщить русскую историю этого периода, статья Миллера заслуживает внимания; в основу ее положены первоисточники, материалы архивные, неопубликованные «сказания» современников о «смутном» времени, свыше тридцати сочинений иностранцев, и т. д. «Опыт новейшая истории о России» Миллера имеет все недостатки старых исторических трудов: обилие частных фактов, неумение найти генеральные линии развития событий, пренебрежение к философии истории.

Однако самый главный недостаток труда Миллера заключался в стремлении показать анархические черты, якобы свойственные национальному характеру русского народа, и ими объяснить события описанного им периода русской истории.

На современников работа Миллера произвела тяжелое впечатление; зная пренебрежительно-высокомерное отношение Миллера к русскому народу, они не без основания считали обидным самое избрание данной темы. Ломоносов, например, писал, что Миллер «больше всего высматривает пятна на одежде россий-

¹ Милютин В. А. Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Ежемесячные сочинения, журнал 1755—1764 годов. Статья вторая. — Современник, 1851, т. XXV, февраль, отд. II, стр. 154—155. К сожалению, эта ценная статья В. А. Милютина не перепечатана в изданном недавно томе его сочинений.

ского тела, проходя многие истинные ее украшения. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примечания, что Миллер пишет и печатает на немецком языке¹ смутные времена Годунова и Расстригины — самую мрачную часть российской истории, из чего иностранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе. Или нет других известий и дел российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?»²

Обвинения Ломоносова имеют серьезный и убедительный характер: в популярном журнале Академии Наук Миллер давал читателям искаженное представление о русской истории, вместо того чтобы использовать это издание в воспитательно-патриотических целях. Последнее было совершенно невозможно для Миллера, не сумевшего, несмотря на почти шестидесятилетнее пребывание в России, преодолеть свое презрительно-высокомерное отношение к русскому народу и русской культуре.

Замечания Ломоносова о немецкой публикации «Опыта» имели, очевидно, влияние на судьбу русской статьи в «Ежемесячных сочинениях»: Миллеру был сделан «от гг. конференц-министров... за некоторые в... [его] сочинениях о российской истории находящиеся непростительности... жестокий выговор с приказанием, чтобы впредь такие сомнения... напечатаны не были», а уже отпечатанное в апрельской книжке журнала продолжение «Опыта» с изложением событий, кончая смертью Бориса Годунова, так и не увидело света.³

Кроме работ Миллера, отдел истории в «Ежемесячных сочинениях» представлен статьями Татищева, Сумарокова, Рычкова, Гербера и Соймонова. Труды Татищева (ум. в 1750 г.) и Гербера (ум. в 1734 г.) были извлечены из оставшихся после них бумаг. Статья Сумарокова,⁴ не вошедшая в собрание его сочинений, представляет собственно, как и гласит ее заглавие, только материалы по хронологии русской истории, но она имеет интерес как материал для характеристики научных взглядов Сумарокова на методiku исторического исследования (ср. ниже в описании журнала «Трудолюбивая пчела» имеющиеся сюда же отношение высказывания Сумарокова об исторических источниках).

¹ «Опыт новейшия истории о России» предварительно был напечатан в издававшейся Миллером «Sammlung russischer Geschichte» (1760, т. V). Издание это выходило в 1732—1764 гг. (в 9 томах).

² Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и т. д., стр. 52.

³ Там же, стр. 54.

⁴ «Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской, в Московском Архангельском соборе опочивающих». — Ежемес. соч., 1757, ноябрь, стр. 387—404.

Особенно стоит отметить статьи провинциальных корреспондентов Миллера — П. И. Рычкова «История оренбургская» (Ежемес. соч., 1759, январь—август, сентябрь—ноябрь) и Ф. И. Соймонова «Описание Каспийского моря и чиненных на оном завоеваний российских, яко часть истории Петра Великого» (Ежемес. соч., 1763, январь—ноябрь), посвященные разработке «краевой» истории и дававшие обильные материалы.

В соответствии с программой журнала в «Ежемесячных сочинениях» помещалось много статей, касающихся «экономии, купечества» и т. п. Странник имевшей еще значение для той эпохи теории меркантилизма, Миллер в выборе материалов для перевода и в подборе оригинальных статей исходил именно из принципов этого экономического учения. «По этому отделу, — пишет Миллютин, — Миллер знакомил своих читателей с произведениями знаменитейших тогдашних экономистов: итальянца Беллони, основателя полицейской науки, Юсти, Августа Шлецера и других, особенно шведских писателей. Остальные статьи он заимствовал из журналов и, кроме того, если по предмету политической экономии выходило новое и почему-либо замечательное сочинение, спешил знакомить с его содержанием своих читателей, посредством подробных и по большей части искусно составленных извлечений».¹

Действительно, в «Ежемесячных сочинениях» почти из книжки в книжку печатаются оригинальные либо переводные статьи: «О коммерции и экономии», рассуждения «О монете», отрывки «О деньгах (из гр. Оксеншерны)»; излагается содержание политико-экономических книг вроде «The English Merchant»,² апологии меркантилизма, появляются статьи о «пешном золоте» и т. п.

«Если всеобщая жажда золота, — писал Маркс, — гнала народы и князей в XVI и XVIII столетиях, в этот детский период современного буржуазного общества, в заморские крестовые походы за золотую чашею, то первые истолкователи современного мира, творцы монетарной системы, одним из вариантов которой является меркантильная система, провозгласили золото и серебро, т. е. деньги, единственным богатством. Они справедливо объявили призванием буржуазного общества „делать деньги“, следовательно, с точки зрения простого товарного обращения, собирать нетленное сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа».³

¹ Современник, 1851, т. XXVI, март, отд. II, стр. 15—16.

² По материалам Архива АН устанавливается, что изложение книги было сделано Ив. Ив. Таубертом.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. К критике политической экономии. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 141.

«„Ежемесячные сочинения“, — пишет новейший исследователь, Н. Каратаев, — печатавшие на своих страницах произведения как российских, так и иностранных экономистов, предоставляли место меркантилистским теориям. Но эти теории отнюдь не были единственными и господствующими в журнале. Основной экономист журнала, член-корреспондент Академии Наук П. Рычков, придерживался иных взглядов».¹

Характеризуя экономические воззрения П. И. Рычкова, Н. Каратаев подчеркивает преимущественный интерес русского экономиста к исследованиям, относящимся к сельскому хозяйству. По словам Н. Каратаева, «экономист „Ежемесячных сочинений“ весьма неодобрительно отзываясь о дворянской организации земледельческого хозяйства. Дворяне не заботятся о правильном и наиболее полном использовании естественных богатств, они не стремятся к сбережению лесов и к содержанию в них „всего рода“ животных, не заботятся они о развитии новых видов культурных растений, но зато в большом количестве и в праздности держат своих дворовых людей, не обучая их никаким „выгодным занятиям“. Рычков требует изменений в организации сельского хозяйства, использования всех природных ресурсов с наибольшей экономической пользой. Необходимо знать качество земли, лесов и прочих угодий, „рассуждать и располагать, чему где быть полезно“».²

Помимо статьи «Письмо о упражнении в деревенском житии», П. И. Рычков напечатал в «Ежемесячных сочинениях» еще ряд произведений на экономические темы. «Статьи П. И. Рычкова, — по словам Н. Каратаева, — лишены меркантилистских идей и в своих принципиальных положениях приближаются к тому направлению, которое считает производство основным источником народного богатства».³ А это направление представляло в то время шаг вперед в становлении науки политической экономии.

Всё же статьи меркантилистского и монетарного характера преобладают в «Ежемесячных сочинениях» и определяют «экономическое лицо» журнала. Однако было бы неправильно делать из этого вывод, что академический журнал в этой области знания не принес пользы русскому читателю середины XVIII в. и

¹ Каратаев Н. Экономический раздел первого журнала Академии Наук России. — Изв. АН СССР, Отд. экономики и права, 1950, № 3, стр. 195. Из предшествующего нашего изложения явствует, что называть «Ежемесячные сочинения» первым журналом Академии Наук неправильно.

² Там же, стр. 196.

³ Там же, стр. 199.

вообще русской культуре. Даже Н. Каратаев, резко противопоставляющий статьи Рычкова статьям меркантилистского содержания, признает, что «и идеи меркантилизма, развиваемые на страницах „Ежемесячных сочинений“, могли играть определенно положительную роль в подтачивании основ феодально-крепостнической системы хозяйства. Провозглашение руководящей роли купечества в экономической жизни страны, расширение товарно-денежных отношений и внешней торговли, требование новых буржуазных мероприятий для повышения доходов феодального государства могло привести только к капиталистическому способу производства».¹

Экономический отдел «Ежемесячных сочинений» очень ценен и как теоретическое отражение вторжения денежных отношений в дворянское крепостническое хозяйство. Как статьи Рычкова, так и работы сторонников меркантилистского направления свидетельствовали о том, что сама жизнь ставила перед русским обществом вопросы, неотложно требовавшие осмысления. Поэтому следует согласиться с окончательным выводом Н. Каратаева: «Первый журнал Академии Наук отстаивал прогрессивные идеи развития народного хозяйства нашей родины, те идеи, осуществление которых неумолимо приводило к расшатыванию основ старой феодальной крепостнической системы и зарождению элементов нового, более прогрессивного способа общественного производства... Первый академический журнал подготовил почву для дальнейшего развития экономических знаний в нашей стране».²

Статьи монетарного и меркантилистского характера в «Ежемесячных сочинениях» представляют интерес еще и с другой стороны. Дело в том, что около этого времени и позднее в художественной русской литературе всплывает и усиленно разрабатывается тема «денег», «золота», «золотого века» и т. п. Об этом подробнее будет сказано в дальнейшем изложении, но сейчас необходимо отметить связь между этими явлениями: политико-экономические взгляды академического журнала отвечали интересам тогдашнего русского читателя, современному состоянию русской литературы. Все же это вместе являлось живым отражением того процесса усиления и роста капиталистических отношений в России XVIII в., который обозначился около этого времени и о природе которого идет спор у советских историков.³

Довольно обширен также отдел философских статей. Из них особенно следует остановиться на вступительной лекции про-

¹ Каратаев Н., назв. соч., стр. 196—197.

² Там же, стр. 201.

³ См. Вопросы истории, 1949, № 11; 1950, №№ 1—4 и след.

фессора Московского университета по кафедре философии и в то же время поэта из школы Ломоносова, Н. Н. Поповского. Его «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете» (Ежемес. соч., 1755, август, стр. 167—176) представляет в одном отношении интерес как развитие идей Ломоносова, давнишних, но печатно высказанных также около этого времени (в предисловии к «Российской грамматике», написанной в 1755 г. и вышедшей в свет в 1757 г.).

Начав свою речь с восхваления разнообразных достоинств философии, Поповский затем говорит: «Всего досаднее то, что прочим наукам, из которых иные и не всякому могут быть полезны, всякой человек на своем языке обучиться может. Напротив того, у философии, которая предписывает общие пути и средства всему человеческому благополучию, никто не может потребовать совета, когда не научится по латине» (стр. 172). Но, — утверждает далее оратор, — «мы причиняем ей [философии] великой стыд и обиду, когда думаем, будто она своих мыслей ни на каком языке истолковать, кроме латинского, не может» (стр. 173). Указав, что и римляне, от которых переняли философию европейские народы, с пользой заимствовали ее от греков и стали излагать на своем языке, Поповский продолжает: «Не можем ли и мы ожидать подобного успеха в философии, какой получили римляне?». Внешнеполитическое и внутреннее положение России (речь была произнесена в 1755 г., за год до начала Семилетней войны), по словам Поповского, вполне благоприятно и способствует изучению философии. Не представляет затруднений и вопрос о способе изложения материала: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по российски изъяснить было невозможно. Что же до особых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться». Предлагая поступить по примеру римлян, частью переведших на латинский язык, частью оставивших греческую философскую терминологию без перевода, Поповский кончает свою вступительную лекцию так: «Итак, с божим споспешествованием начнем философию не так, чтобы разумел только один из всей России или несколько человек, но так, чтобы каждой, российской язык знающий, мог удобно ею пользоваться» (стр. 174—175).

Такова была эта первая лекция философии на русском языке. При этом интересно, что это была, повидимому, и первая напечатанная по-русски вступительная университетская лекция.

В цитированной выше статье В. А. Милюткина меньше всего уделено внимания отделу истории и теории литературы и критики. Между тем, как раз этот материал представляет для нас

особенно ценную часть «Ежемесячных сочинений». К числу историко-литературных статей этого журнала должно быть отнесено рассуждение Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755, июнь, стр. 467—510). Статья эта очень важна как для истории вопроса вообще, так в частности для характеристики воззрений Тредиаковского на проблемы изучения русской версификации. Сопоставляя материалы статьи Тредиаковского с состоянием тогдашних знаний об истории литературы и стихосложения в частности, должно сказать, что автор не только не отстает от современной ему науки, но идет впереди ее. Собранные им материалы по истории «среднего российского стихотворения» почти без малейших изменений переходят в «Опыт словаря исторического» Новикова (1772), где располагаются в алфавитном порядке по фамилиям упомянутых стихотворцев, и затем чуть ли не до второй половины XIX в. направляют изыскания ученых. Что же касается взглядов Тредиаковского на народную версификацию и на природу тоничности русских стихов, то они были гораздо ближе к эпохе Пушкина, чем к пятидесятилетию, следовавшему непосредственно за опубликованием данной статьи.

Еще больший интерес для характеристики литературных позиций «Ежемесячных сочинений» представляет та оживленная полемика, которая развернулась на страницах журнала в первый же год его издания, вопреки намеченной в программной статье тенденции к устранению подобного материала, вопреки, повидимому, желанию редактора.

Началась эта полемика со статьи «О качествах стихотворца рассуждение», помещенной в майской книжке «Ежемесячных сочинений» 1755 г. (стр. 371—398) без подписи; по ряду бесспорных признаков она должна быть приписана Ломоносову.¹

Статья эта проводит мысль о том, что «стихотворство должно почитаемо быть за самую труднейшую науку между многими другими» (стр. 375) и что «правила одни стихотворческой науки не делают стихотворца, но мысль его рождается как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и

¹ Подробно рассмотрен этот вопрос в моей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» (Л., 1936, гл. IV: Полемика в «Ежемесячных сочинениях», стр. 147—194), а также в статье «К вопросу о принадлежности Ломоносову „О качествах стихотворца рассуждения“» (печатается). Покойный А. Б. Модзалевский в своей докторской диссертации выдвинул гипотезу о принадлежности «Рассуждения» Г. Н. Теплову, что совершенно противоречит общественной и литературной позиции Теллова, дружившего с Сумароковым и Елагиным и занявшего в полемике враждебную по отношению к основной идее «Рассуждения» позицию.

огня природного стихотворческого» (стр. 398). Получивший основательную подготовку писатель не должен заниматься пустяками, а «писать учительные [т. е. серьезные] поэмы» (стр. 390), «издавать что-либо в свет учительное» (стр. 397), его задача — «служить наукою народу» (стр. 380). Кончает автор статью ссылкой на «Парадоксы» Цицерона: «В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки» (стр. 398). Эта цитата, в связи со всем содержанием рассуждения, показывает, какое серьезное место отводит автор поэту в общественной жизни; конечно, эта точка зрения шла совершенно вразрез с практикой тогдашней дворянской поэзии, с установкой самого журнала, в котором было помещено «О качествах стихотворца рассуждение». В «Предуведомлении» говорилось: «Стихотворческие сочинения принимаем мы наипаче для того, что в них многое весьма сильное и приятнее изображается, нежели простым слогом; к тому ж мы за должность свою признаваем, писать не токмо для пользы, но и для увеселения читателей» (стр. 8). Итак, научная часть журнала — польза, а стихотворная, поэтическая — «увеселение читателей». Для автора же рассуждения «стихотворство», поэзия — тоже наука, и «самая труднейшая между многими другими»; своими «учительными» произведениями поэт «служит наукой народу». Интересна одна деталь: автор, как видно из текста рассуждения, изобилующего цитатами из латинских писателей, превосходно знает латинский язык; доходит даже до того, что, приводя, например, «Искусство поэзии» Горация параллельно в оригинале и русском переводе Поповского, автор рассуждения в одном случае, когда перевод Поповского далек от подлинника, дает свой прозаический, совершенно точный и обнаруживающий знакомство с комментаторами «De arte poetica». Однако в конце рассуждения в ссылке на Цицерона автор допустил сознательное изменение в полном соответствии со своим взглядом на задачи поэта. У Цицерона сказано: «Я не слушаю поэта, когда он занимается пустяками (*in nugis*), я буду слушать его как гражданина в обществе, когда он перстами станет измерять общественные недостатки (*peccata sua*)». Подстановка вместо «слушаю» — «вижу» сразу переводит нас от цицероновской констатации факта к высоким требованиям автора рассуждения.

В статье содержится ряд отчетливых намеков, нападок на Сумарокова и Елагина, на дворянскую дилетантскую поэзию, культивирующую то, что Цицерон называет «*nugae*» (безделки, пустяки), жанры не «учительные», а «увеселительные» — любовные песенки, мадригалы, стансы и т. п.

В одной из следующих книжек «Ежемесячных сочинений» за тот же год (июль, стр. 1—14) была помещена статья «Рассуждение о начале стихотворства», которая, как устанавливается из архивных документов, была прислана Г. Н. Тепловым, бывшим воспитателем президента Академии гр. К. Г. Разумовского и в те годы приятелем Сумарокова. Концепция этой статьи такова. Существуют науки и искусства. Первые обращаются к пользе, вторые «иногда к пользе, а иногда и к единому увеселению» (стр. 1). Стихотворство — искусство, выросшее из красноречия, а последнее «само или паче дух красноречия есть талант, который в естестве рода человеческого врожден почитается». Дальше в статье говорится о том, что красноречие бывало используется для умягчения тиранов, побуждения общества к бою, для возбуждения огня любовного и преклонения твердых и окаменелых сердец любовниц. Любовь — сильнейшая страсть, «потому что прочие склонности воспитанием строгим одолеть можно, а сия по крови бываемая делает человека невольником своим» (стр. 11), и она-то и была источником поэзии, а песни — конечно, любовные — представляют, таким образом, естественное явление. Автор статьи подробно касается дальнейшего развития поэзии в «науку».

Ряд полемических выпадов против современных писателей содержит статья «Автор», вольно переведенная И. П. Елагиным из лейпцигских «Увеселений разума» и печатавшаяся в шести книжках «Ежемесячных сочинений» за второе полугодие 1755 г. Есть в этой статье намек, понятный современникам и относящийся к Тредиаковскому. В декабрьской книжке Елагин вставил в переводимого им «Автора» следующий отрывок, представляющий характеристику некоего Тенеброзуса: «Все, на кого он в жизни своей гневался, которые или явно невежество его доказывали, или тем только пред ним преступили, что об нем никогда не думали, называл он безбожниками, и сумазбродно из сочинений их извлекая самовымышленные ереси, вопиал, что вера православная погибает; а когда и то ему не удавалось, и просвещенные люди к блядословию его не приклоняли своего слуха, тогда он, пылая яростным отмщением, гнусными и честь убивающими мстил пасквилями» (стр. 545).

Появление в июньской книжке «Ежемесячных сочинений» уже упоминавшейся статьи Тредиаковского о древнем, среднем и новом стихотворении российском вызвало раздражительную «эпистолу» Сумарокова, очевидно не соглашавшегося с утверждением автора о его приоритете в области введения тонического стихосложения в России. Сперва конференция Академии Наук постановила напечатать эту «эпистолу» и предоставить Тредиа-

ковскому место для ответа. Но возражения последнего были настолько резки, что академическая конференция в отмену прежнего постановления решила не печатать ни «епистолы» Сумарокова, ни ответа на нее. Все же Сумарокову удалось отомстить Тредиаковскому: в августовской книжке «Ежемесячных сочинений» им была помещена (очевидно из предосторожности на последней странице) пародия на Тредиаковского — это был «Сонет нарочно сочиненный дурным складом для показания, что естьли мысль и изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискусном, грубом и принужденном сложении, все то сочинителю никакого плода, кроме посмешества, не принесет». Вот он:

Вид, богиня, твой всегда очень всем весь нравный,
 Уявляет, оный бы ни увидел кто.
 Изю всех красот везде он всегда есть славный.
 Говорю без лести я предо всеми то.
 Всяко се наряд твой есть весь чисто приправный,
 А хотя же твой убор был бы и ничто,
 Был, однак, бы на тебе злату он не равный.
 Раз бы адаманта был драгоценней сто.
 Ты покорный я слуга много и премного,
 Пышно коль одета ты иль хотя убого,
 Полюби же ты меня, ах! немного хоть.
 Объяви, прекрасна бровь, о любви всей прямо,
 И на час ко мне хотя, о богиня, подь,
 Иль позволь притти к себе поклониться тамо

(стр. 191).

Естественно, эта пародия вывела обидчивого и травимого всеми Тредиаковского из себя, и он, после некоторых безуспешных попыток ответить своему гонителю в академическом журнале, написал 13 октября 1755 г. донос в Синод о том, что в напечатанном в сентябрьской книжке «Ежемесячных сочинений» переводе Сумарокова из 106 псалма есть «соблазны» и «ложь на псаломника». Донос был встречен с удовлетворением в кругах церковников, и через некоторое время после этого они представили Елизавете доклад о том, что «в ежемесячных, из санктпетербургской Академии выходящих, примечаниях [т. е. «Ежемесячных сочинениях»] не токмо много честным нравам и житию христианскому, но и вере святой противного имеется». Далее идет ссылка на указанный в доносе Тредиаковского перевод Сумарокова, в котором Синод видит большую опасность, так как изложенная в нем точка зрения «многим неутвержденным душам притчину к натуралезму [через «ять»] и безбожню подает». Синод требует конфискации «Ежемесячных сочинений» и других произведений, проводящих аналогичные взгляды, как переведенный кн. А. Кантемиром в 1730 г. и напечатанный в 1740 г. трактат

Фонтенелля «О множестве миров». Но успеха доклад Синода не имел.¹

Очевидно, донос Тредиаковского стал известен в литературных кругах очень скоро, так как уже 1 ноября 1755 г. Сумароков писал в конференцию Академии Наук не дошедшее до нас заявление против Тредиаковского, охарактеризованное в академическом протоколе как «содержащее многие язвительные слова».²

Так как послание Сумарокова не было напечатано, то, надо полагать, вставка Елагина в декабрьском «листе» «Автора» и была ответом сумароковского кружка на недостойную выходку Тредиаковского.

Но если попытка духовной цензуры помешать изданию журнала не имела успеха, то иначе кончилось для «Ежемесячных сочинений» другое обвинение. Из февральской книжки «Ежемесячных сочинений» за 1759 г. были в ряде экземпляров вырезаны стр. 183—191, на которых были напечатаны элегия, станс, загадки, «мадригаллы» и «Сонет» А. А. Ржевского, и заменены новыми страницами 183—191 со статьей «Мысли и примечания». Сыр бор загорелся из-за «Сонета или мадригала Либере Саке, актрисе итальянского вольного театра». В эти годы сперва в Москве, а затем в Петербурге давала гастроль одна из замечательных итальянских трупп, возглавлявшаяся режиссером (принципалом) Сакки, впоследствии игравшим в пьесах, которые писал для него знаменитый Карло Гоцци, оставивший в своих «Записках» очень лестный отзыв об ансамбле Сакки. В «Сонете» Ржевского, после банальных комплиментов артистке Либере Сакки, Ржевский пишет:

Хоть неких дам язык клеветет тя хулоу,
Но служит зависть их тебе лишь похвалоу:
Ты истинно пленять сердца на свет рожденна

(стр. 191).

Эти строки раздражили «неких дам»; Тауберт, управлявший в это время делами Академии, был вызван во дворец и получил нагоняй.³ После этого цензура «Ежемесячных сочинений»

¹ Пекарский, Редактор, сотрудники и т. д., стр. 43—44. Интересные подробности этого литературного события см. в упомянутой выше книге Б. Е. Райкова «Очерки по истории геллоцентрического мировоззрения в России».

² Пекарский, назв. соч., стр. 43, прим. 2.

³ «Сонет» Ржевского был напечатан без подписи, тогда как другие его стихотворения в том же номере были подписаны; это указывает на то, что еще до выхода номера в свет Ржевский или Миллер опасались неприятностей в связи с «Сонетом». В миллеровских материалах в Центральном Гос. архиве древних актов (Москва) сохранилась рукопись Ржевского, в которой

сделалась строже, а крамольный «сонет», вместе с остальными, ни в чем не повинными стихами Ржевского, был уничтожен.¹

С января 1763 г. в «Ежемесячных сочинениях» был введен отдел «Известия о ученых делах». Общая характеристика его была дана выше. Здесь же следует остановиться на включавшихся в эти известия рецензиях, имеющих историко-литературный интерес. Вообще рецензии, в виде изложения содержания книг, помещались в журнале с первого года издания. Так, например, в январской книге «Ежемесячных сочинений» за 1755 г. (стр. 21—31) была помещена рецензия на изданную в 1753 г. в Лондоне книгу Роберта Вуда «The Ruins of Palmyra»; рецензия была озаглавлена «Об остатках города Пальмиры» и начиналась характерными для тогдашнего состояния литературы извинениями по поводу выбора сюжета: «Сии остатки хотя в толь дальнем расстоянии от нас находятся, что объявление об оных яко малоприличное к нашим Сочинениям почтено быть может. Однако некто знатного роду, которой ныне в Англии наукам обучается, приславши сюда к превосходительному своему родителю новонапечатанное оным остаткам описание и на фигурных листах изображение, повод нам подал об оных нечто упомянуть, а наипаче в чем та книга состоит, и каким способом, и какими авторами она сочинена, ибо в сих обстоятельствах заключается нечто достопамятное, о чем читателям нашим не без пользы будет ведать» (стр. 26).² Не лишено интереса то, что именно после появления этой рецензии возникло выражение «северная Пальмира» применительно к Петербургу.

Рецензии на другие книги, «по части економии и коммерции», не нуждались в таких оправдательных введениях, и им уделялось достаточно места в течение всего издания «Ежемесячных сочинений». В «Известиях о ученых делах» давались не такие развернутые рецензии и не только о научных работах. Это — скорее

«Сонет» помещен также в конце и также без подписи, тогда как все остальные пьески подписаны.

¹ Пекарский. Редактор, сотрудники и т. д., стр. 49—50.

² «Некто знатного роду, который наукам в Англии обучается» — это барон И. И. Черкасов (1732—1811), сын личного секретаря Елизаветы, И. А. Черкасова. И. И. Черкасов вернулся с братом своим А. И. из Лондона в 1756 г., а не в 1752 г., как говорится в статьях о нем и об А. И. в «Русском биографическом словаре» (том «Чаадаев—Швитков», стр. 167 и 173). Об их возвращении сообщалось в корреспонденции из Петербурга в «Московских ведомостях» за 1756 г. И. И. Черкасов сотрудничал из Лондона в «Ежемесячных сочинениях»: им была переведена из «Гуардиана» («Опекуна») статья «О человеческом милосердии, оказуемом подлеящего рода к животным», подписанная буквами «Б. И. Ч.» (ср.: Майков в Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб. 1889, стр. 391).

короткие аннотации, имевшие целью обратить внимание читателей на какую-либо «ученую» книгу, а иногда и на произведение художественной литературы. Такова, например, заметка о первом издании «Сатир» Кантемира: «Любителям стихотворства немалая оказана услуга тем, что сатиры и другие стихотворческие сочинения князь Антиоха Кантемира, которые пред тем токмо письменные имелись у охотников, с историческими самим покойным автором сочиненными примечаниями и с кратким описанием его жизни, при Академии Наук в печать изданы. Стихотворство его хотя с нынешним стихов сложением не сходствует, но тем больше изобилует остроумными и высокими мыслями и чистым нравоучением, чего ради оные его сатиры уже и давно с письменного экземпляра на французский язык переведены и в Париже напечатаны были. Да еще и с французского прозаического перевода переложил оные на немецкие стихи знатной прусской стихотворец королевской генерал-адъютант и подполковник барон фон-Шпилькер. А оба переводы верно и искусно деланы и от всех знающих с великою похвалою приняты. Описание жизни князь Антиоха Кантемира находится также при французском и немецком переводе, но с некоторыми излишествами и несправедливыми рассуждениями, что здесь исправлено» (Ежемес. соч., 1763, февраль, стр. 176).

Еще интереснее коротенькая аннотация о «Нравоучительных баснях» Федора Эмина:

«Прежде господин Эмин думал забавлять свет похождениями, — говорит рецензент, не то намекая на фантастические рассказы Эмина о своей жизни, не то имея в виду выпущенные им в 1763 г. два романа, заглавия которых начинались со слова «Приключения», — а ныне к пользе нравоучительной больше приблизился, написав басни и к каждой приобщив учительное наставление. Трудолюбие и легость писания господина Эмина обещает еще много полезных переводов российскому обществу» (1764, сентябрь, стр. 276).

Характерна аннотация при сообщении о выходе за границей сочинений Ж. Ж. Руссо. Перечислив вошедшие в это издание произведения, рецензент пишет: «Господин Руссо, яко один из славнейших сочинителей нашего времени, великой дар имеет не токмо самые серьезные истинны, но и весьма неосновательные мнения представить красноречием своим в прелестном¹ виде; чего ради остерегаться надлежит, чтоб чтением его книг не приять от него того, что закону божию и должностям гражданским

¹ В XVIII в. «прелестный» сохраняло еще свой первоначальный и отрицательный смысл: «обольщающий», «уламливающий в свои сети».

противно, как то и для сих причин последние две его книги *Emile et Contract social*, как во Франции, так и в Голландии запрещены под страхом конфискации всех экземпляров» (1763, апрель, стр. 378—379).¹

Из большого числа остальных рецензий следует отметить краткие сообщения о возникновении и судьбе московских журналов 1763—1764 гг. Так, в марте 1763 г. «Ежемесячные сочинения» дают отчет о содержании первых книжек «Свободных часов» и «Невинного упражнения» (стр. 280—281); в июне сообщается из Москвы, что «тамошние ежемесячные сочинения „Свободные часы“ и „Невинное упражнение“ с изрядным успехом продолжаются» (стр. 542); наконец, в сентябре того же 1763 г. говорится о прекращении «Невинного упражнения» и о продолжении «с общию похвалою» «Свободных часов» (стр. 282). В марте следующего года говорится о выходе «Доброго намерения» с указанием, что «издатели из студентов московских» (стр. 268).

Эти литературные материалы в «Ежемесячных сочинениях» в какой-то мере восполняют наши знания отношений между писателями того времени, помогают уяснению некоторых вопросов тогдашней литературы (тема: «деньги»), дают пусть беглую, но все же полезную картину издательской деятельности современных литераторов. В журнале регулярно помещались отчеты о фейерверках и иллюминациях, этих наиболее типичных для придворной жизни XVIII в. зрелищах.

«Ежемесячные сочинения» представляют ценный источник для изучения общественно-культурной жизни начала второй половины XVIII ст.

В. А. Милютин, первый, специально изучивший «Ежемесячные сочинения», писал в своей цитированной выше статье следующее: «Как ни страшно потерять с первого разу доверие и благосклонность своих читателей, мы решаемся, однако же (так твердо убеждены мы в справедливости нашего мнения), объявить в самом начале этой статьи, что признаем журнал, подлежащий здесь нашему рассмотрению, одним из лучших журналов, какие только издавались в России и в прежние, и в нынешнее [1851] время».² Конечно, это преувеличение, и сравнивать «Ежемесячные сочинения» с «Современником» эпохи Белинского смешно, но с тем, что академический журнал был для своего времени явлением выдающимся, едва ли можно не согласиться.

¹ Любопытно, что через 15 лет отношение официальных русских кругов к Руссо резко меняется. См. «Русские отклики на смерть Вольтера» (сб. «Вольтер», под ред. М. П. Алексеева, Л., 1948).

² Современник, 1851, т. XXV, февраль, отд. II, стр. 2.

«Ежемесячные сочинения» не ставили своей целью пропаганду каких-либо особенно прогрессивных политических воззрений: стоя на позициях «просвещенного абсолютизма», академический журнал был серьезным рассадником научных знаний, здравых литературных вкусов и правильного литературного языка. Для того времени такая программа журнала была нужна и уместна, была прогрессивна.

На все почти откликались «Ежемесячные сочинения», и только один вопрос остался совершенно не затронутым ими: крестьянский. Есть в «Ежемесячных сочинениях» за 1757 г. (декабрь, стр. 532—538) небольшая анонимная статья с многообещающим заглавием: «Дворянин в деревне». Но напрасно станем мы искать здесь ответ на интересующий нас вопрос, как же относится «дворянин в деревне» к своим крепостным. Это апология помещицкой культурной усадьбы, наслаждения природой, патриархальных отношений, но не к крепостным крестьянам, а к дворецкому, умудренному опытом жизни старику, который особенно доволен, получив из рук барина стакан водки; а о крепостных — ни малейшего упоминания.

Таковы были «Ежемесячные сочинения» с их положительными и отрицательными сторонами. Все же они имели несомненный успех среди читателей: если «Примечания к Ведомостям» печатались в количестве 250 экз. и сразу не расходились, так что их продолжали продавать по пониженной цене еще в конце 1730-х—начале 1740-х годов, то тираж «Ежемесячных сочинений» в 2000—1250 экз. (см. выше), а затем переиздание их — факт показательный. Кроме того, имеются и прямые указания на то, что «Ежемесячные сочинения» пользовались успехом у читателей. В упоминавшейся уже миллеровской папке находится заметка на французском языке, писанная рукой Миллера и представляющая составленную им информацию об академическом журнале, очевидно предназначенную для какого-то иностранного издания; здесь Миллер говорит, что журнал «читают с жадностью». Несколько позднее митрополит Евгений в «Словаре русских светских писателей», составленном на основании литературных источников и значительного числа литературных преданий, писал: «Вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник» (т. II, стр. 67).

Разнообразный, доступно поданный, интересный материал академического журнала имел еще то достоинство, что это было, по существу, первое издание, в котором русские писатели стали переходить от рукописных форм литературной деятельности к печатным, в котором литература стала фактом публичным, общественным, а не кружковым, интимным.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЯ
СОЧИНЕНІЯ

КЪ ПОЛЬЗѢ И УВЕСЕЛЕНІЮ
с л у ж а щ ѣ я .

Генварь, 1755 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукѣ.

Вокруг «Ежемесячных сочинений» сгруппировались почти все тогдашние литературные силы: Ломоносов, Сумароков, Елагин, Ржевский, С. Нарышкин, Тредиаковский, Иван Голенинский.¹ Кроме того, академический журнал привлек новых писателей, пробовавших здесь впервые свои литературные силы: в майской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1755 г. была напечатана статья «Путешествие жизни человеческая» (стр. 404—413), представляющая перевод С. П., а рядом с ней «Правила воспитания детей» (стр. 414—420), переведенные из «Патриота» Ф. П.² К первой статье редактор сделал любопытное введение: «Производят ли ежемесячные наши сочинения так, как титул обещает, в читателях действительно какую пользу и увеселение, о том мы сами свидетельство подавать не можем, кроме сего, что некоторые добропонятные молодые дворяне в Кадетском корпусе оными побуждены были оказать свою силу в переводах, чему они нам несколько опытов и сообщили. Искусство их в немецком и французском языках являет, с каким прилежанием юношество в сем благоучрежденном училище всему тому, что совершенному кавалеру прилично, наставляемо бывает. При чем не можем мы без похвал оставить, что в переводах их находим не малую силу существенных красот российского языка. О расцудительном же их избрании полезных материй упоминать излишно почитаем. Читатели сами могут о том рассуждать, которым уповательно приятную услугу окажем сообщением оных переводов, уверяя их при том, что и другие с стороны нам сообщаемые переводы от нас не пренебрежены быть имеют, ежели только материя и стиль сходствовать будут с нашим намерением.

¹ О Голенинском см. специальную статью Р. М. Тонковой «Из материалов Архива Академии Наук по литературе и журналистике XVIII в. III. И. К. Голенинский» (сб. «XVIII век», стр. 398—409). Гипотезу об участии Голенинского в «Ежемесячных сочинениях» высказал В. А. Милютин (Современник, 1851, № 1, отд. II, стр. 30) в связи с тем, что в январской книжке журнала 1757 г. было напечатано стихотворение «Смертный грех всегдашним мучением есть человеку» (стр. 93—95), подписанное буквами И. Г. Вместе с тем Милютин полагал, что последнее стихотворение могло принадлежать и И. А. Голенинскому-Кутузову, который в следующем году поместил в «Ежемесячных сочинениях» свой перевод «Задига» Вольтера. Однако последнее предположение оказалось неверным: в сборнике духовных стихотворений Ив. Голенинского «Дар обществу» (СПб., 1779) на стр. 33—34 перепечатано стихотворение «Смертный грех всегдашним мучением есть человеку».

² С. П. — С. А. Порошин, автор известных мемуаров, Ф. П. — Федор Афанасьевич Полуинин, переводчик и автор «Географического лексикона». Некоторые литературные труды Полуинина 1760—1770 гг. также подписаны инициалами Ф. П. Рукопись его перевода «Правил воспитания детей» сохранилась в Архиве АН (р. II, оп. 1, № 217, л. 252).

Теперь мы предлагаем из сообщенных нам кадетских переводов по времени первые» (Ежемес. соч., 1755, май, стр. 404—405).

В самом деле, вслед за переводами С. Порошина и Ф. Полюнина стали печататься в «Ежемесячных сочинениях» переводы других кадетов. Наиболее активными оказались С. А. Порошин и А. А. Нартов. Это было началом выступлений второй группы писателей, связанных с Кадетским корпусом, и вскоре после этого сделалось возможным издание «Праздного времени в пользу употребленного» (1759—1760), участниками которого были также кадеты (см. ниже).

Кроме кадетов, в «Ежемесячных сочинениях» начали свою литературную деятельность известные впоследствии как дворянский идеолог кн. М. М. Щербатов,¹ переводчик Адр. Дубровский, Г. В. Козицкий и др.²

Таким образом, «Ежемесячные сочинения» сыграли роль собирателя литературных сил и подготовили дальнейший рост русской журналистики. Характерно, что с 1759 г., с начала издания так называемых «частных» журналов, почти все писатели-дворяне отошли от «Ежемесячных сочинений»: они почувствовали себя уже готовыми к самостоятельной журнальной деятель-

¹ Об участии Щербатова в «Ежемесячных сочинениях» см. статью Н. Д. Чечулина «Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова» (Журн. Мин. нар. просв., 1900, № 8, отд. II, стр. 343—345 и 353—354, и отд. отд., стр. 7—9).

² В Архиве АН сохранился комплект оригиналов, с которых печатались «Ежемесячные сочинения» в 1755 г. (р. II, оп. I, № 217). Из этой книги явствует, что статьи «Разговор о должностях человека» (март, стр. 224—234), «Сон» (там же, стр. 248—254) и «О первом летописателе российском преподобном Несторе» (апрель, стр. 275—298) переводил (первую с французского, две последние с немецкого) наборщик Иван Акимов. Статья о Несторе была написана Г. Ф. Миллером. Статья «Описание о происшедшей перемене в Константинополе» (февраль, стр. 162—175) представляет перепечатку из «Прибавлений к СПб. ведомостям в пятницу февраля 10 дня 1755 г.»; печатный экземпляр этих «Прибавлений» с подписью от руки «Барсов» (т. е. А. А. Барсов, будущий профессор Московского университета) находится в указанной рукописи на лл. 109—114.

Рукопись Архива АН позволяет рассеять путаницу С. Н. Глинкой в оборот легенду о том, что помещенные в «Ежемесячных сочинениях» «Разговоры в царствии мертвых» (в августе 1755 г., стр. 156—161, и в июле 1756 г., стр. 18—30) принадлежат не А. П. Сумарокову, а А. В. Суворову (Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова, изданные Сергеем Глинкой. СПб., 1841, ч. I, стр. XXXVIII—LI; ср. статью И. И. Ясинского «А. В. Суворов» в издававшемся под его редакцией журнале «Ежемесячные сочинения», 1900, № 7, стр. 173—176; Успенский М. Суворов — литератор. — Неделя, 1900, № 5; Алексеев В. А. Суворов — поэт. СПб., 1901, стр. 2; Пигарев К. Солдат — полководец. М., 1944, стр. 62—64 и 106—118, а также изд. 2-е, 1945). В оригиналах «Ежемесячных сочинений» за 1755 г. имеются рукописи обоих «Разговоров», написанные почерком Сумарокова.

ности. С начала 60-х годов XVIII в. академический журнал заметно бледнеет. Поэтому введение отдела «Известия о ученых делах» было не случайным, а представляло сознательную попытку поднять журнал. Но обстоятельства сложились для «Ежемесячных сочинений» неблагоприятно, и в 1764 г. академический журнал закрывается.

В течение всего издания «Ежемесячных сочинений» во главе их стоял Миллер. Естественно возникает вопрос, какова же была его роль в истории академического журнала. Сам Миллер неоднократно — в докладных записках, в заметках и частных письмах — заявлял, что журнал является его единоличной заслугой, что он не имеет ни от кого помощи, что он вынужден один вести всю работу, вплоть до составления предметных указателей («реестров») за каждое полугодие.

Однако Ломоносов в совсем ином свете представлял деятельность Миллера. В докладной записке, озаглавленной «Для известия о нынешних академических обстоятельствах» (1761), Ломоносов писал, что Миллер «ни единого не выпустил в свет сочинения, где бы не было великого множества пустоши и нередко досадительной и для России предусмотрительной». Далее Ломоносов указывал, что «месячные [т. е. „Ежемесячные“] сочинения содержат в себе толь важные политические ошибки, ежели ошибками назвать можно, что Миллер призван был в Придворную Конференцию и сильно репримендован».¹ Ломоносов отмечал, что в нарушение постановления о коллегиальном рассмотрении статей для журнала Миллер «самовольно» помещал то, что находил нужным; что хотя Миллер жалуется на отсутствие помощи, на самом деле в его распоряжении находятся два студента и переводчики и что из-за «Миллерова повелительства» отказался работать с ним в журнале адъюнкт Мотонис. И затем Ломоносов снова напоминал, что Миллер «не токмо в ежемесячных, но и в других своих сочинениях всевает по обычаю своему занозливые речи».²

Все это заставляет по-иному оценивать заявления Миллера о его работе в академическом журнале. Можно не сомневаться, что, если бы во главе «Ежемесячных сочинений» с самого начала стоял Ломоносов, журнал имел бы более живой и общественно значительный характер.

В протоколе заседания Конференции Академии Наук от 28 января 1765 г., т. е. за два с небольшим месяца до смерти

¹ Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 490—491. Репримендован — получил выговор.

² Там же, стр. 491.

Ломоносова, указано, что при обсуждении вопроса о продолжении издания «Ежемесячных сочинений» Ломоносов предложил, вместо оных „Сочинений“, ныне Миллером издаваемых, печатать каждые три месяца журнал на русском языке, посвященный вопросам экономики и физики.¹ Очевидно, учитывая то обстоятельство, что с возникновением «частных» журналов и журналов Сухопутного шляхетного корпуса и Московского университета «Ежемесячные сочинения» утратили свое значение единственного литературного печатного органа, Ломоносов считал, что Академия Наук должна более серьезно заняться пропагандой в русском обществе экономических и физических знаний. Трудно предположить, что, внося такое предложение, Ломоносов мыслил себя в стороне от проектируемого издания; очевидно, он был намерен стать во главе нового журнала. Поэтому приходится только пожалеть о том, что болезнь и смерть не дали Ломоносову возможности добиться осуществления его проекта.

С прекращением «Ежемесячных сочинений» завершается первый период в истории русской журналистики, период безраздельной централизации журнально-издательского дела в руках правительства и его органов. Уже на исходе этой полосы возникают «частные» журналы, а через некоторое время последние станут преимущественной формой русской журналистики XVIII в. Вместе с тем, с закрытием «Ежемесячных сочинений» Академия Наук лишается своего ведущего значения в русской прессе; в ее руках остаются почти на целое столетие «Санкт-Петербургские ведомости», но ни эта газета, ни выпускаемые ею в 1779—1781 гг. «Академические известия» и в 1786—1796 гг. «Новые ежемесячные сочинения»² не могут сравниться в своем влиянии на литературу и читателей с неакадемической журналистикой.

¹ Протоколы заседания Конференции Академии Наук, т. II, стр. 532. Протоколы в тот период велись на латинском языке; выше приведен перевод.

² Об этих изданиях, а также связанных с Академией Наук журналах «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784) и «Российский театр» (1786—1794) см. ниже.

ГЛАВА III

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КОНЦА 1750-х — НАЧАЛА 1760-х ГОДОВ

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1756—1800)

Одновременно с возникновением в Петербурге «Ежемесячных сочинений» в Москве открывается (1755) университет, сыгравший крупную роль в истории русского просвещения и литературы. В числе привилегий Московского университета было право заведения типографии и печатания книг и периодических изданий. В следующем же году начинает выходить «от Московского университета» газета «Московские ведомости», первый номер которых был выпущен в свет 26 апреля 1756 г. Газета была не ежедневной, а подобно «СПб. ведомостям» выходила два раза в неделю, по «почтовым дням» (во вторник и в пятницу); таким образом, за первый год вышло 72 номера, из которых последний помечен 31 декабря 1756 г. В. Ф. Корш утверждал, что «в первое время своего существования „Московские ведомости“ имели чисто официальный характер. В состав газеты входили: высочайшие и сенатские указы, высочайшие приказы, придворные известия, донесения с театра войны, так называемые иностранные известия и, наконец, объявления. Литературных же статей... почти не было».¹ Но это не вполне верно. Конечно, все перечисленные отделы имелись в «Московских ведомостях», но именно «официального характера» как раз и не было в этой газете, в особенности в первое время.

Насколько внимательно относился к своим обязанностям первый редактор «Московских ведомостей», видно из факта, отме-

¹ Корш В. Ф. Сголетие «Московских ведомостей» (1756—1856) [М., 1857], стр. 6. Ср.: Неустроев, назв. соч., стр. 69.

ченного А. Н. Майковым: «С первого же года существования „Московских ведомостей“ иностранные известия не перепечатывались в них из „С.-Петербургских ведомостей“, а составлялись самостоятельно».¹

Просмотр «Московских ведомостей» хотя бы за один только 1756 г. показывает, что и в подборе иностранных материалов преследовалась определенная «просветительная» линия. Например, в № 1 (от апреля 1756 г.) есть корреспонденции из Рима, Парижа и Руана; в каждой из них сообщается нечто, имеющее общекультурный или специально литературный интерес. В известиях из Рима (от 20 марта) говорится о речи, произнесенной римским папой перед проповедниками, в которой он упрекает последних за их стремление «удивлять народ красными и витиеватыми словами, кои не что иное, как только пустое красноречие». «Оставьте ненадобные сии украшения. Поражайте сердца, а не одни уши» и т. д. Кончается корреспонденция так: «Сии увещания произвели великое внимание в проповедниках и напоследок произведены были в действо».

В другом известии оттуда же (в том же № 1 газеты) сообщалось: «Весьма похваляют недавно оказанную строгость феррарского губернатора, который посадил в тюрьму, а потом послал на галеры обманщиков народных и ложных пророков, которые под видом благочестия, а в самом деле желая корысти, простых людей обманывали и выманивали у них деньги хитрым образом чрез притворную святыню».

Как первое, так и второе известие — не просто информация о фактах иностранной жизни, а материал для сопоставления с московской действительностью середины XVIII в., кишевшей всякими святошами, юродивыми, «ложными пророками», пользовавшимися народными суевериями и темной и подобно своим феррарским собратьям выманивавшими у народных масс деньги «хитрым образом чрез притворную святыню». А приведение содержания речи папы о «простоте» проповеди безусловно связано с искусственно насаждавшимся при Елизавете проповедничеством, представлявшим заметное реакционное явление тогдашней литературной и общественной жизни.

В сообщении из Руана (от 1 апреля) в том же номере «Московских ведомостей» говорится о предложенной местной Академией наук и художеств задаче — «о причинах землетрясений»; в корреспонденциях из Парижа (в №№ 1 и 2) даются сведения

¹ Майков А. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 384, прим.

об «инокюляции» (в скобках поясняется: «прививании воспы») дюку де-Шартру и о состоянии его здоровья.

В №№ 4 и 5 подробно излагается обвинительная речь генерального адвоката Жоли де-Флери, произнесенная им на заседании Парламента города Парижа против трех книг религиозного вольнодумца Петра Беррюйера (1681—1758; правильнее не Петр, а Жозеф); в результате этой речи было постановлено «оние книги изодрать и сжечь». В помещении в газете этой корреспонденции видно стремление московских профессоров, возглавлявших «Ведомости», держать своих читателей в курсе литературных событий эпохи, а осуждение книг Беррюйе было безусловно крупным событием в тогдашней литературе.

Подобно предыдущим русским газетам, и «Московские ведомости» имели своих корреспондентов в разных европейских городах. Такие сообщения печатались под заглавием «экстракт из партикулярного письма» (см. № 9 от 24 мая с «экстрактом» письма из Лондона от 25 апреля, и т. д.).

Почти в каждом номере «Московских ведомостей» за 1756 г. давались краткие сведения о заседаниях различных Академий и об их деятельности.

Не менее своеобразные материалы содержат корреспонденции из Петербурга. Конечно, на первом месте количественно стоят здесь «придворные известия», но и в этом официальном отделе сплошь и рядом находятся сведения, касающиеся театра, музыки, живописи в Петербурге, дается информация о торжественных и иных заседаниях Академии Наук. Так, в № 49 (от 11 октября 1756 г.) сообщается: «Е. и. в. изволила указать для умножения драматических сочинений, кои на российском языке при самом начале справедливую хвалу от всех имели, установить Российский театр, коего дирекция поручена брегадиру Сумарокову».

Подробные сведения сообщаются о жизни Московского университета. Так, к № 2 прилагалось «Прибавление», в котором давался отчет о торжествах 25—26 апреля по поводу коронации Елизаветы; некоторые моменты этого отчета представляют историко-литературный интерес. 26 апреля 1756 г. в университете «прилежнейшим студентам и обеих гимназий [т. е. дворянской и разночинной] лутчим ученикам выданы были за успехи золотые и серебряные медали». Среди студентов указан Дмитрий Аничков, известный впоследствии профессор Московского университета, а среди «учеников благородных» встречаются фамилии лиц, причастных потом к литературе и политике: Александр Карин, Яков Булгаков, Григорий Потемкин, Денис Фонвизин. Не об этой ли медали вспоминал в своем «Чистосердечном признании о делах и помышлениях» автор «Недоросля»? К № 20 (от

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

№.

1.

въ ПЯТНИЦУ апрѣля 26. ДНЯ 1756. ГОДА.

изъ САНКТПЕТЕРБУРГА ОТЬ 18. апрѣля.

Сего мѣсяца 14. числа , въ день святыхъ Пасхи , во второмъ часу по полуночи , по прибытїи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА , Всемилосердїишїи нашей Государыни , и Его Императорскаго Высочества , Государя Великаго Князя , ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА , въ большую придворную церковь , гдѣ множество обоего пола знатныхъ персонъ находилось , началась утренняя , и послѣ оной полчасѣ литургїя. Ея Императорское Высочество , Государыня Великая Княгиня , изволила божественную службу въ малой церквѣ въ своихъ покояхъ слушать. По окончанїи святыхъ

2 июля) было приложено «Прибавление» с отчетом о вступительной лекции новоприехавшего в Московский университет проф. И. Г. Фромана и о речи известного позднее по своей просветительной деятельности проф. И. М. Шадема; здесь же даны и биографические сведения о них. Тут же сообщалось от Библиотеки Московского университета о том, что «в удовольствие любителей наук и охотников до чтения книг» она открыта по средам и субботам от 2 до 5 ч. пополудни.

Наконец, в № 69 (от 20 декабря 1756) есть не лишнее интересное сообщение: «Прошедшего августа нынешнего года бригадир и Русского театра директор господин Сумароков принят в Лейпцигское ученое собрание почетным членом, о чем ныне присланной к нему диплома от него, господина Сумарокова, Московскому университету объявлен».

Кто стоял во главе «Московских ведомостей» в начале их существования — сейчас, без архивных справок, сказать трудно.¹ С. П. Шевырев в «Истории Московского университета» говорит об этом неопределенно: «этим изданием первые заведывали профессора словесности Поповский и особенно Барсов» (стр. 24). Из этих слов можно вывести заключение, что Барсов сменил Поповского, может быть даже после смерти последнего (1760), или, по крайней мере, что они были вместе редакторами университетской газеты. Между тем, в послужном списке А. А. Барсова указано, что «был он первым издателем Московских ведомостей, и в сей последней должности находился более десяти лет».²

Это указание совпадает с тем, что известно о следующем издателе московской газеты — профессоре медицины П. Д. Вениаминове; о последнем известно, что он был редактором «Московских ведомостей» с 1765 г., а умер в 1775 г.,³ его сменил профессор красноречия и истории Х. А. Чеботарев, редактировавший университетскую газету до мая 1779 г. и сильно увеличивший официальную часть в ней.⁴

С 1 мая 1779 г. «Московские ведомости», вместе с Университетской типографией, были взяты в аренду Н. И. Новиковым, который очень оживил пришедшую в упадок газету. По сообще-

¹ Архив Московского университета за первые годы его существования хранится в ЦГАДА (Москва) (ф. 17).

² Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1878, вып. IV, стр. 471.

³ Змеев Л. Ф. Русские врач-писатели. СПб., 1886, стр. 46—47; ср.: Шевырев, стр. 161—162, 187.

⁴ Русский библиографический словарь («Чаадаев—Швитков»), стр. 76; Шевырев, назв. соч., стр. 200.

нию Карамзина, до Новикова «расходилось московских газет не более 600 экземпляров. Г. Новиков сделал их гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи и, наконец, выдавал при Ведомостях безденежно Детское чтение, которое новостью своего предмета и разнообразием материи, несмотря на ученический перевод многих пьес, нравилось публике. Число пренумерантов ежегодно умножалось и лет через десять дошло до 4000».¹ Несмотря на недостаточную определенность этого указания и неприкрытое стремление поставить успех «Московских ведомостей» в связь с изданием приложения «Детское чтение», в котором принимал участие сам Карамзин, все же в основном факты изложены здесь верно.

Взяв в свои руки газету, Новиков в соответствии со своими идейными установками 70—80-х годов XVIII в. «хотел не только сообщать те или иные новости, придворные или всенные (совсем обойтись без них, конечно, нельзя было), но опять-таки — развивать читающую публику, помещать возможно больше полезных, разнообразных по содержанию статей и вместе с тем предлагать своим подписчикам вполне занимательное чтение. С этой целью приглашены были новые сотрудники, выписывались иностранные издания, заказывались переводы отдельных статей из других изданий. . . Много места отведено было Новиковым почти отсутствовавшим ранее статьям по литературе и искусству, при чем он старался следить за новыми явлениями в этой области. . . Но в рамки выпускавшейся им газеты Новиков не мог включить всех статей и всех отделов, которые он считал пригодными для среднего русского читателя. И вот он задумывает целый ряд приложений к газете, которые могли быть в том или ином отношении полезны русской публике».²

Не останавливаясь на этих приложениях, представляющих самостоятельный интерес (о них подробнее см. ниже), сейчас, в дополнение к приведенной характеристике «Московских ведомостей», следует отметить, что при Новикове значительно вырос в объеме и по качеству сообщаемого материала также отдел «Провинциальная жизнь». Энергичный Новиков имел обширные связи с провинциальной интеллигенцией и купцами, ведшими также книжную торговлю; возможно, что некоторые из них снабжали «Московские ведомости» своими корреспонденциями.³

¹ О книжной торговле и любви ко чтению в России. Сочинения Карамзина. Изд. А. Смирдина. СПб., 1848, т. III, стр. 545—546.

² Веселовский Юр. А. Н. И. Новиков. М., [б. г.], стр. 29.

³ Перечень комиссионеров Новикова в 1779—1785 гг. см. в книге Г. Вернадского «Н. И. Новиков» (Пгр., 1918, стр. 36—37).

Во всяком случае, с этой стороны характеризует газету любопытная запись в протоколе конференции Академии Наук от 7 мая 1787 г.: «Гг. академики и адъюнкты, выражая желание, чтобы Конференция абонировалась также на Московские ведомости, так как эта газета содержит наиболее интересные внутренние известия (les nouvelles les plus intéressantes de l'intérieur de l'Empire), поручают непременно секретарю обратиться в Почтовое ведомство относительно доставки одного экземпляра этой газеты для Конференции за счет Академии».¹ При выписке газет на 1788 г. академики вновь отметили, что «Московские ведомости» «чрезвычайно интересны своими внутренними известиями (fort intéressante par ce qui se passe dans l'intérieur de l'Empire)».²

Таким образом, период аренды «Московских ведомостей» Новиковым можно считать временем расцвета университетской газеты, и невольно возникает вопрос, почему же аренда не была продлена. Объяснение этому находится в той политике преследования Новикова, которую проводила с начала 1780-х годов Екатерина II и которая закончилась арестом последнего. «Субъективно далекий от революционности, Новиков как общественный деятель с широкими связями и огромным идейным влиянием, — пишет новейший исследователь, — становился столь же опасным для правительства, как и революционер-демократ Радищев».³ В 1784 г. в «Прибавлениях к Московским ведомостям» была помещена «История ордена иезуитов»; в ней неодобрительно говорилось о притязаниях этого монашеского ордена на политическое господство. Незадолго перед тем Екатерина приняла иезуитов под свое покровительство; дерзость Новикова возмутила Екатерину; ею был издан указ, в котором запрещалась эта «ругательная» история. Еще раньше неудовольствие Екатерины вызвала другая статья в тех же «Прибавлениях к Московским ведомостям», именно статья «О влиянии успеха наук в человеческие нравы и образ мыслей»; последняя была уже отпечатана в №№ 61, 62, 63 и 64 «Прибавлений», но рассылка №№ 62—64 была задержана, а статья запрещена.⁴ В связи с этим и, оче-

¹ Протоколы заседания Конференции Академии Наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1911, т. IV (1786—1803), стр. 81—82 (протоколы в конце XVIII в. составлялись и печатались на французском языке).

² Там же, стр. 105.

³ Фридрих Л. Я. Н. И. Новиков. (Московский период деятельности). — Докл. и сообщ. Истор. фак. МГУ, вып. 6, 1947, стр. 64.

⁴ Незеленов А. И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. СПб., 1875, стр. 358—362 и далее. — У Неустроева описан только № 61 «Прибавлений», а №№ 62—64 пропущены.

видно, другими, менее известными фактами в самом конце 1785 г. были опечатаны склады изданий Новикова, а через некоторое время сам Новиков был вызван к московскому митрополиту Платону для выяснения его религиозных убеждений, вернее для получения материалов, которые скомпрометировали бы Новикова и дали бы Екатерине возможность прекратить его опасную в ее глазах деятельность. Результаты предпринятого Екатериной похода против Новикова оказались на этот раз благоприятными для него. Тем не менее, уже в октябре 1788 г., больше чем за полгода до окончания срока аренды Новиковым типографии и газеты Московского университета, Екатерина распорядилась о невозобновлении договора с ним.

Однако на первых порах уход Новикова не отразился на содержании и направлении «Московских ведомостей». Это заметно даже в отношении газеты к начавшейся вскоре Французской буржуазной революции. Излагая ход событий, «Московские ведомости» «пользуются сравнительно либеральными источниками»,¹ хотя временами видна растерянность издателей (ассессор Светушкин до декабря 1789 г., а затем до конца 1793 г. архитектор Окоороков; с 1 января 1794 г. и до конца XVIII в. газета издавалась Х. Ридигером и Х. Клаудием, редактировали ее профессор университета, вероятно, П. Сохацкий и В. Подшивалов).

Несмотря, однако, на свою «официальность» и связь с благонамереннейшими профессорами, «Московские ведомости» постепенно привлекали все большее число читателей и подготовили их к такому значительному явлению в истории русской журналистики, как карамзинские «Московский журнал» и «Вестник Европы».²

ЧАСТНЫЕ ЖУРНАЛЫ

В 40—50-х годах XVIII в. началось заметное оживление в русской литературе. Наиболее крупные деятели тех лет — Ломоносов и Сумароков. Третий из крупных поэтов того времени, Тредиаковский, переживал в это время упадок своей славы, признававшейся за ним в предшествовавшем десятилетии бесспорно. Вокруг Ломоносова и Сумарокова образуются если не школы, то группы приверженцев, возникают несогласуемые, вра-

¹ Пумпянский С. Великая Французская Революция в освещении екатерининских газет. — Звезда, 1930, № 9—10, стр. 248.

² О «Московских ведомостях» в годы их аренды Н. Новиковым см. в книге Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века» (ГИХЛ, М.—Л., 1951, стр. 389—395).

ждующие литературные воззрения, наконец, начинается в зачаточном виде литературная полемика. Ломоносов с его требованием общественного служения писателя безусловно влияет на своих противников: из сторонников поэзии-развлечения, поэзии, выражающей интимные настроения в форме элегии и песни, Сумароков и его группа превращаются в идеологических вождей дворянства. К концу 50-х—началу 60-х годов уже выступает на литературную арену вторая группа дворянских писателей, молодежь, выраставшая и воспитывавшаяся на сумароковских идеях. Она пробует заявить о себе в несколько иной форме, чем делали дворянские писатели группы Сумарокова, в основном культивировавшие рукописную форму распространения своих литературных произведений. Дворянская молодежь этих лет — выходцы из петербургского Сухопутного шляхетного корпуса и студенты Московского университета — впервые выступают с самостоятельными журналами, переходя от «салонных» методов литературной деятельности к публичным. К этому же времени и сам Сумароков начинает издавать журнал, в значительной мере состоящий из его произведений и тем самым служащий наиболее резким выражением тех же тенденций и идей. Общим для всех этих журналов было то, что они являлись уже не правительственными, а «частными».

Журналы 1759—1764 гг., несмотря на различие места их издания и возрастного и общественного положения редакторов, имеют много общего между собой, хотя июнь 1762 г. — захват Екатериной II престола — проводит между ними некоторую грань. В первую половину этого периода тогдашняя журналистика находилась в оппозиции правительству Елизаветы, правительству Шуваловых — Воронцовых; во вторую она пытается взять на себя роль истолкователя политического курса Екатерины, роль идеологического руководителя тех слоев дворянства, которые, по ее мнению, стали или должны стать во главе правления. Несмотря на такие общие черты, каждый журнал имеет свою физиономию, свою отличительную окраску. Из семи журналов 1759—1764 гг. два издавались в Петербурге, остальные в Москве. Журналы эти следующие:

- 1) «Праздное время в пользу употребленное» (Пб., 1759—1760),
- 2) «Трудолюбивая пчела» (Пб., 1759),
- 3) «Полезное увеселение» (М., 1760—1762),
- 4) «Собрание лучших сочинений» (М., 1762),
- 5) «Невинное упражнение» (М., 1763),
- 6) «Свободные часы» (М., 1763),
- 7) «Доброе намерение» (М., 1764).

«ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА»

(1759)

Хотя с точки зрения абсолютной хронологии «Праздное время» было первым русским частным журналом (разрешение на него было выдано на несколько дней раньше, чем на издание «Трудолюбивой пчелы»), тем не менее по своему общественному и литературному значению журнал Сумарокова стоит выше «Праздного времени», и рассмотрение «Трудолюбивой пчелы» должно быть сделано в первую очередь.

14 декабря 1758 г. Сумароков подал в канцелярию Академии Наук прошение, в котором сообщал о своем намерении «издавать помесечно журнал для услуги народной» и просил печатать его «по двенадцати сот экземпляров». По прошествии месяца с небольшим, в январе 1759 г., вышла первая книжка «Трудолюбивой пчелы». Назван журнал так, вероятно, отчасти в том смысле, в каком о задачах издания говорится в конце первой статьи журнала: «... чтоб читатели, обучаясь и упражняясь... на подобие трудолюбивых пчел, то только... собирали, что знание их умножить, нравоучение им подать и благополучия их причиную быть может» (стр. 33).

Издание это уже с первой страницы текста заявляло о своем политическом лице: оно было посвящено великой княгине Екатерине Алексеевне, т. е. будущей Екатерине II, находившейся в это самое время в немилости у Елизаветы из-за скандальной истории с передачей английскому послу плана войны с Пруссией, состоявшей в тесном контакте с Англией. Но помимо того, что сумароковское посвящение журнала опальной Екатерине имело характер политической демонстрации, оно представляло и личный вызов Елизавете, не терпевшей похвал красоте какой-либо женщины, кроме нее самой; посвящение же «Трудолюбивой пчелы» начиналось так:

Умом и красотой, и милостью богиня,
О просвещенная великая княгиня...

Таким образом, журнал сразу подчеркивал свою ориентацию не на Елизавету, а на «оппозиционную» и опальную Екатерину. В переводе же на язык тогдашней борьбы различных групп правящего класса за власть ориентация Сумарокова на Екатерину означала борьбу против придворной знати и за «исконное», старинное, родовитое дворянство. В дальнейших книжках журнала Сумароков в своих притчах, эпиграммах и прозаических сатирах повел регулярную борьбу с придворной кликой Шуваловых — Воронцовых, с полдерживаемой ими систе-

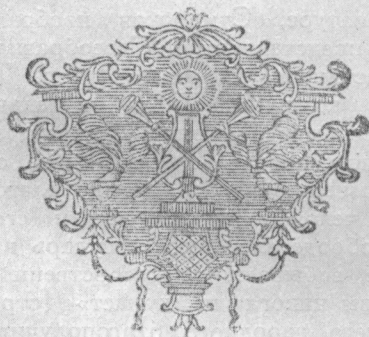
мой откупничества, казнокрадства, лихоимства и т. д., с подьячими и их взяточничеством. Энергичная борьба велась на страницах сумароковского журнала с крупнейшим представителем демократического направления в русской литературе — Ломоносовым, с политической и эстетической позицией которого издатель «Трудолюбивой пчелы» давно уже сводил счеты.

Несмотря на то, что, кроме Сумарокова, в журнале принимали участие и другие писатели одного с ним литературного направления, «Трудолюбивая пчела» больше отражает творческое лицо своего издателя, чем литературную и политическую позицию коллектива сотрудников. Большую часть материала в каждую книжку журнала доставлял сам Сумароков, а майская книжка была целиком заполнена его произведениями. Среди сочинений Сумарокова находятся и статьи по философии («О разумении человеческого по мнению Локка», стр. 259—263, не закончено), и по истории («О первоначалии и соиздании Москвы», стр. 48—58; «Российский Вифлеем», стр. 240—242), и по филологии («О истреблении чужих слов из русского языка», стр. 58—62; «О коренных словах русского языка», стр. 91—101; «К типографским наборщикам», стр. 262—274), и пр. Есть и публицистическое «Слово похвальное о Петре Великом» (стр. 579—592), которое, при обычных условиях Петру и его «дщери», Елизавете, решительным образом направлено против придворной роскоши и пышности: «Не в великолепии ищут великие государи величества, — восклицает Сумароков, — не в великолепии искал ево и ты, великий государь. Твое великолеpie было попечение о государстве, едино украшение и сияние венца, ибо все прочее пустой только блеск» (стр. 586—587). Наконец, среди прозы Сумарокова в «Трудолюбивой пчеле» следует отметить несколько переводов: «Части III из I речи Смотрителя» (стр. 229—231), «Из трактата Лонгинова о важности слова с перевода боалова» (стр. 219—224) и «Пришествие на нашу землю и пребывание на ней Микромегаса из сочинений г. Вольтера» (стр. 455—475). К последнему переводу есть примечание Сумарокова, в котором он намекает на то, что перевод «Микромегаса», помещенный в «Ежемесячных сочинениях» (1756, ч. III, стр. 31—61) и помеченный как принадлежащий А. Воронцову, был исправлен им, Сумароковым, а может быть, и просто украден у него Воронцовым.

Если внимательно рассмотреть распределение сумароковских произведений в «Трудолюбивой пчеле», то делается очевидным, что «научная» сторона, особенно заметная в первом полугодии, постепенно вытесняется сатирически-злободневными материалами; появляются в большом количестве прозаические статьи сатирического содержания, представляющие нападки на лихоимство су-

ТРУДОЛЮБИВАЯ
ПЧЕЛА.

Генварь 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

«Трудолюбивая пчела» (1759).

дей, взяточничество и плутни подьячих и т. п. Тем же темам посвящены многочисленные во втором полугодии притчи и эпиграммы, в то время как в первую часть года Сумароков печатал преимущественно элегии, эклоги, песни и духовную лирику. И притчи и эпиграммы содержат много злободневных намеков, которые не всегда могут быть раскрыты. Такова, например, эпиграмма «Не трудно в мудреца безумца претворить» (стр. 311), написанная Сумароковым по поводу получения кем-то из придворных австрийского ордена «Золотого Руна». Немалое место занимает как в эклогах, так и в эпиграммах Сумарокова эротическая тема, нередко довольно грубо трактуемая.

Наряду с сатирическими оценками не удовлетворявшей Сумарокова современности, в «Трудолюбивой пчеле» наша место и положительные идеалы Сумарокова. Пользуясь формой «сна», жанра в высшей степени распространенного в тогдашней литературе, Сумароков изображает идеальный строй, как он ему представляется. Своеобразная утопия Сумарокова «Сон — счастливое общество» (стр. 738—747) показывает незрелость политической и социально-экономической мысли писателя, имевшего претензии быть выразителем идеологии всего «дворянского корпуса». «Счастливое общество» могло стать таковым, по мнению автора, только благодаря своему государю, «великому человеку и избранным его помощникам». Воплощение всех добродетелей, «сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной пользе кроме истинной своей славы никогда не думает» (стр. 740). Религия «есть основание всего народного благополучия», и служители культа пользуются большим уважением, но «во светские дела они ни под каким видом не вмешиваются, а науки благочестия просвещением почитают» (стр. 740—741). Во главе правления находится Государственный совет, но как он конструируется, — Сумароков не указывает. Роль этого учреждения неясна: отчасти оно имеет законодательные функции, но, вместе с тем, «в него никаких частных [т. е. частных] дел не вносится» (стр. 741). Законодательство в «счастливом обществе» основано на естественном праве (стр. 742), и, как теоретически необходимое следствие отсюда, «не имеют тамо люди ни благородства, ни подлородства и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам, и столько же права крестьянской имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи» (стр. 743). Правосудие в «счастливом обществе» отправляется в прямо противоположном виде, нежели в современную автору «Сна» эпоху. Такова политическая и социально-экономическая программа Сумарокова. «Счастливое общество», по его мнению, основано на разуме,

А. П. СУМАРОКОВ
Портрет работы А. П. Лосенко.

а образованные люди этого общества, как и его духовенство, «во многом подобны стоическим философам, ибо страсти самую малую искру области над ними имеют» (стр. 740). Но одно дело — утопический «сон», другое — реальная действительность: в той же «Трудолюбивой пчеле» 1759 г. Сумароков напечатал притчу «Пахарь и обезьяна» (стр. 362—363), в которой, в противовес «мечтательному» (т. е. воображаемому) «счастливному обществу», где нет «ни благородства, ни подлородства», утверждается, что «мужик своим трудом на свете жить родился»; в следующем году в другом месте Сумароков, говоря о чиновном выходе из крестьянства (очевидно, о Ломоносове), дает ему имя «урода из сама подла рода, которого пахать произвела природа» («Праздное время», 1760, ч. I, стр. 147). Таким образом, «положительная» программа Сумарокова на практике оборачивалась самым грубым крепостничеством.

Роль сотрудников Сумарокова в «Трудолюбивой пчеле» была не особенно велика и значительна. Наиболее активными из прозаиков были: Г. В. Козицкий, давший статью «О пользе мифологии» (стр. 5—33) и ряд переводов с греческого и латинского; Н. Мотонис, поместивший «Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно» (стр. 34—47) и переводы из античных авторов; А. А. Нартов, Г. Полетика, А. Лобысевич, И. А. Дмитриевский; из стихотворцев в «Трудолюбивой пчеле» печатались С. и В. Нарышкины, С. Глебов, А. А. Ржевский, дочь Сумарокова Екатерина Александровна и др. Рассматривая продукцию сотрудников «Трудолюбивой пчелы», нельзя не заметить, что в их произведениях совершенно нет откликов на современные события (кроме выпадов против Ломоносова в статейке Тредиаковского «О мозаике», стр. 353—360). Очевидно, вся тяжесть борьбы с придворно-вельможной верхушкой ложилась на одного Сумарокова. Журнал вскоре ему пришлось закрыть, о чем он патетически заявил в стихотворении «Расставание с музами» на последней странице декабрьской книжки «Трудолюбивой пчелы» (стр. 768):

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин.
С Парнасса нискожу, схожу противу воли,
Во время пущего я жара моего
И не взойду по смерти я больше на него.
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я более писать не буду никогда.

Никаких документальных и иных данных о причинах прекращения издания «Трудолюбивой пчелы» не сохранилось. Несом-

мненно, однако, что резкий сатирический тон сумароковских статей, притч и эпиграмм, персональные нападки на придворную клику, понятные современникам и недоступные теперь нам, наконец принципиальное противодействие «свободозычию» со стороны цензуры — все это заставило елизаветинское правительство закрыть журнал Сумарокова. В связи с этим приобретает известный интерес помещенное в декабрьской книжке письмо «К издателю Трудолюбивой пчелы» (стр. 755—757). Автор, скрывающийся под псевдонимом К***, заявляет, что выступает от имени «некоторого общества, которого благородные мысли ответственны знатности их и благородию». Перечисляя заслуги Сумарокова перед русской литературой и театром («Вы установили Российский театр»), автор письма как бы подчеркивает несправедливость правительства по отношению к издателю «Трудолюбивой пчелы»: он открыл силу и красоту русского языка — а журнал его закрывают; он установил русский театр — а его отстраняют от заведывания последним. Таков смысл этого письма «от некоторого общества». Но было ли это письмо подлинным документом, или оно сочинено, по крайней мере, внушено Сумароковым, сказать трудно. В ту эпоху печатание вымышленных (и почти всегда хвалебных) писем к «издателю» широко практиковалось; поэтому следует осторожно отнестись к упомянутому письму в «Трудолюбивой пчеле». Но если даже оно и подложно, то характерна попытка Сумарокова инсценировать проявление общественного мнения в момент закрытия журнала.

Рассматривая содержание «Трудолюбивой пчелы», нельзя не выделить и те статьи, которые, с известной условностью, можно назвать филологическими. Как известно, Пушкин, едва ли, впрочем, не из полемических соображений, высказывал взгляд, что Сумароков знал русский язык лучше, нежели Ломоносов. Несомненно, живой разговорный язык различных слоев дворянства своей эпохи Сумароков знал лучше других писателей, но его филологические статьи, несмотря на наличие отдельных здравых мыслей, никак не могут быть поставлены вровень с аналогичными работами Ломоносова и даже Тредиаковского.

Статья «О истреблении чужих слов из русского языка» (стр. 58—62) начинается верным утверждением, что «восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, а порча языка». Однако пуристическая точка зрения, заставляющая его стремиться к осуществлению заглавия своей статьи, к «истреблению чужих слов из русского языка», приводит его к положениям, отвергнутым историей развития нашей литературной речи. Он восстает против слов: фрукты (предлагая: плоды), сервиз (прибор), веер (опахало), мантилья (епанечка).

суп (похлебка), дама и валет [в картах] (краля и хлап), том (часть книги), деликатно (нежно) и т. д. Впрочем, Сумароков выступает против вредных заимствований только из новых языков. Он считает, что «греческие слова введены в наш язык по необходимости и делают ему украшение, а немецкие и французские нам не надобны, кроме названия таких животных, плодов и прочего, каких Россия не имеет» (стр. 59—61).¹ В сущности, доказательству того же пуристического тезиса посвящена и вторая «филологическая» статья Сумарокова «О коренных словах русского языка» (стр. 91—101). Все его предварительные рассуждения о древности и «коренном» характере русского языка нужны ему только для того, чтобы возвратиться к прежней мысли: «Мы прекрасный свой, по естеству и древности, язык вместо того, чтоб его вести к совершенству, сами портить начинаем» (стр. 97). Кроме этого, повторяем, правильного тезиса, в статье Сумарокова есть ряд любопытных мыслей и наблюдений. Таково, например, его утверждение о том, что язык может служить не меньшим источником для историка, нежели памятники материальной культуры: «Древние медали любопытные люди к изъяснению древня истории справедливо драгоценными вещами почитают, как и всякие древние надписи, также столпы, обеласки, здания, развалины и проч. Но все то меньше служит истории, нежели происхождение и древность языка» (стр. 92). Таковы его этимологические сближения некоторых русских и немецких слов. Но когда он начинает «производить» русские слова от «скифских», кроме курьезов не получается ничего. Под «скифскими» языками Сумароков понимает монгольско-татарские, даже просто манчжурский (для него скифы — «преславный в древности мужеством народ, которым в прошедшем веке [т. е. в XVII в.] бесчисленная многонародием Хина [Китай] покорена», стр. 95). Курьезны также его словопроизводства из собственно русских (т. е. славянских), например: «сесть — сел, осел, оселок, осада, сад, садись, садно, судно, суд, потому что в нем сидят; ночь и ношь, по сопряжении слова очи с литерой Н, приятой отрицанием, знаменует Нет очей, в рассуждении Тьмы» (стр. 98—99). Конечно, не нужно ставить эти наивности в вину Сумарокову — вся тогдашняя европейская «филология», основывавшаяся на «механической теории происхождения языков» де-Бросса, стояла на том же уровне, а через 60 лет после Сумарокова профессор Петербургского университета Яков Тол-

¹ Собственно, это повторение взглядов Ломоносова. См. мою статью «Ломоносов и проблема литературного языка в 1740-х гг.» (Изв. ООИ, 1937, № 1)

мачев серьезно учил студентов, что все слова в других языках происходят от русских, например: слово «кабинет», т. е. помещение, где человек уединяется и делается недоступным другим, происходит от того, что человека «как бы нет».

В этой статье Сумарокова есть одно полемическое место, ускользавшее от внимания исследователей. Полемизируя с варваризмами некоторых авторов, Сумароков пишет далее: «Еще страннее производить из русского языка новые слова, давая им непристойные предлоги, несвойственные окончания, переменять ударения и производить слова или несвойственное имущие знаменование или против естества сложенные, и в новом образе никакого наименования не имущие, кроме тени своею первоначална. Таковые слова бесполезно на будущее употребление уповают» (стр. 96). Все это место направлено против соответствующих строк в предисловии к «Волфийнской экспериментальной физике», в которых Ломоносов, говоря о своих неологизмах в терминологии, высказывает надежду, что «они со временем чрез употребление знакомее будут».

Неоконченная статья «К типографским наборщикам» (стр. 162—174) посвящена вопросам орфографии, но содержит и некоторые общие соображения Сумарокова о языке. Особенно следует отметить тезис: «Грамматика повинуется языку, а не язык грамматике» (стр. 266). Тезис этот опять-таки полемически заострен против «Российской грамматики» Ломоносова (1755), а также против ломоносовского положения, что, хотя грамматика создается на основе языковой практики («употребления»), но эта практика в дальнейшем регулируется уже грамматическими нормами.

«Филология» Сумарокова наивна и дилетантична, но известное влияние на языковое мышление дворянских литераторов она оказала.

«ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ В ПОЛЬЗУ УПОТРЕБЛЕННОЕ.»

(1759—1760)

Журнал «Праздное время в пользу употребленное» издавался в 1759—1760 гг. группой бывших кадетов Сухопутного шляхетного корпуса и некоторыми из его преподавателей. Прошение о разрешении издавать журнал было подано на имя главного директора корпуса кн. Юсупова 18 ноября 1758 г. и подписано Ал. П. Мельгуновым, лицом в истории второй половины XVIII в. известным, но в литературе ничем себя не проявившим.

Хотя Мельгунов был в то время директором корпуса, но в заявлении он выступал как частное лицо и от имени группы

заинтересованных лиц просил разрешить издание «ежемесячных сочинений, печатая на счет их сочинителей». Получив разрешение, издатели изменили срок выпуска журнала и стали выпускать его еженедельно. Печаталось «Праздное время» в количестве 600 экз. Кто были его издатели в 1759 г., точно не известно. В 1760 г. издателем был преподаватель корпуса Петр Пастухов, заполнявший своими переводами значительную часть еженедельных листов журнала.

Переводный материал в «Праздном времени» количественно превосходит оригинальный. Если не считать вклада Сумарокова, печатавшегося в 1760 г. в «Праздном времени», то журнал этот более чем бесцветен. Переводы с французского, немецкого, датского и итальянского почти не оставляют места для самостоятельного творчества сотрудников «Праздного времени», а если они и выступали, особенно в начале издания, с такими попытками, то и этот материал звучал нежизненно, сухо, как перевод. Содержание журнала за первый год показывает, что у группы, издававшей «Праздное время», был некоторый план: авторы старались включать в свои листы переводы из «аглинского Спектатора» («Зрителя»), из немецкого «Патриота», из французского «Nouvelliste économiqne»; с датского переводы делались, вероятно, из журнала «Датский магазин», издававшегося с 1745 г. в Копенгагене.

Морально-дидактический характер имеют не только переводные статьи на тему «о привычке», «о ревности», «о чести», «о успокоении совести», «о благодеяниях», «о неблагодарности» и т. д. Им проникнуты и те статьи, которыми представлено оригинальное творчество. Особенно интересна с этой стороны статья «О беседах и книгах» (ч. I, стр. 8—11), анонимный автор которой отдает предпочтение книгам перед беседами. Беседы, по его мнению, бессодержательны или бесцельны, в особенности те, которые наполнены «стоном и жалобами о таких делах, которых ни он [собеседник], ни слушатели переменить не могут» (ч. I, стр. 8). Это, очевидно, намек на недовольство политикой Шуваловых — Воронцовых, казавшейся в конце елизаветинского царствования достаточно прочной. Завершая статью панегириком в честь книг, автор пишет: «Пусть головы пустые презирают вас [книги] и науки, как хотят, но то всегда останется в наших мыслях, что вы людей и добронравию и людскости научаете. Вы не для тех, которые малорассудны и малосильны для исправления пороков. Вы не для подлого народа. Вы не для людей, мраком невежества ослепленных» (стр. 10—11).

Мысль о том, что культура является прерогативой одного голько просвещенного дворянства, повторяется довольно часто

на страницах кадетского журнала. В статье «Письмо о пространстве разума и о пределах оного» (ч. I, стр. 43—60) есть исключительно циничное в этом отношении место. Анонимный автор предлагает проанализировать общественную позицию крепостного, или, как сказано в статье, «поселянина». В рассуждении прочих, — пишет аноним, — кажется он нам «сожаления достойным: груб, жизнь имеет суровую, не чувствует сладких увеселений, ни славы, ни злата, ни драгоценных камней не знает». Но он не забыт провидением: «К чему назначен он господним промыслом? — продолжает автор. — К нужнейшему из всех упражнений, к рачительному земледелию. Довольно имеет разума по своему состоянию. Естли б большим одарен был просвещением, не исполнил бы достойно своего звания. Естли б честь и веселия его прельщали, конечно б, почел он себя несчастным в мрачном и многотрудном своем жребии; но не для единого собственного его прибитка разум его толь тесен и знания ограничены. Несказанная целого общества польза гораздо более от того зависит. Естли бы земледелец был проникателен, остроумен и чрезмерно любопытен, восхотел ли бы он день и ночь в полях скитаться за стадом? Не почел ли бы себе за оскорбление, что должен с неусыпным попечением ходить за презренными сими животными? Между тем ежели скот и земля оставлены будут в небрежении, останемся все без одежды и без пропитания, всюду родится бедствие и нестроение. Итак, грубость и невежество поселянина немалое есть для нас благодеяние» (стр. 50—51).

Такая откровенно крепостническая точка зрения вполне отвечает общему направлению «Праздного времени», журнала дворянской учащейся молодежи. В этом издании особенно отчетливо обнаруживается специфически дворянская позиция его участников и их руководителей — и в выборе тем, и в их обработке, и даже в языке. Для учебной же физиономии журнала особенно характерны помещенные в «Праздном времени» «Правила для учащегося» (ч. I, стр. 169—172), где настойчиво подчеркивается необходимость «складно и внятно писать, также чисто и правильно говорить на природном языке», а также необходимость изучения «так называемых ученых языков» (стр. 170).

В 1760 г. на страницах «Праздного времени» стал печататься Сумароков, который, как указано было выше, незадолго до этого «навсегда» простился с музами и публично заявил, что «никогда» больше не будет писать. Если до его появления в числе сотрудников кадетского журнала «Праздное время» было лишено какого бы то ни было оттенка злободневности (отношение журнала к «политике» отмечено выше в связи с изложением статьи

«О беседах и книгах»), то в 1760 г. Сумарокову удалось продолжить борьбу со своими противниками и в этом журнале. Уже первые стихотворения его в «Праздном времени» («Из Тита Ливия» — речь матери Корниолана к сыну, притча «Осел во львовой коже» и «Эпиграмма», 1760, ч. I, стр. 144—148) имеют отчетливо политический характер. Притчи же, эпиграммы и в особенности прозаические статьи Сумарокова, помещенные во втором полугодии 1760 г. в «Праздном времени», делают этот журнал до некоторой степени продолжением «Трудолюбивой пчелы». Очень возможно, что именно это обстоятельство и вызвало прекращение журнала, издатели которого продолжали свою переводческую деятельность и в следующие годы. Оттираемый от заведывания Российским театром, Сумароков печатает в «Праздном времени» статьи «Сон» (1760, ч. II, стр. 291—292, 303—305 и 316—319) и «Блохи» (там же, стр. 334—336), в которых сводит счеты со своими недоброхотами — К. Е. Сиверсом, своим начальником по театральной дирекции, с Ломоносовым и Тредиаковским. Продолжает он преследовать своими притчами откупщиков, подьячих и знатных из враждебной ему елизаветинской группы. Таково, например, стихотворение «Ермолка», герой которого, по словам Сумарокова,

... златоуный стал ягненок... из волка.

Стихотворение это, конечно, связано с «Эпиграммой» («Не трудно в мудреца безумца претворить...») (Трудолюбивая пчела, стр. 311), о которой говорилось выше (см. стр. 120).

Недавние архивные разыскания о «Праздном времени» опровергли прежнее мнение о том, что журнал этот издавался начальством Шляхетного корпуса: это был как бы журнал на паях, где каждый автор оплачивал типографии стоимость печатания своих статей.¹ По разысканиям Д. Д. Шамрая, сотрудниками «Праздного времени», кроме лиц, подписывавших свои произведения, т. е. П. И. Пастухова, Сумарокова, Н. С. Титова, кн. Василия Белосельского (позднее российского посла в Саксонии), можно считать С. А. Порошина, П. С. Свистунова, С. Ф. Наконвальнина и др. Не опровергнутым, но и не доказанным пока остается предположение А. Н. Неустроева (Историческое разыскание, стр. 71), что некоторые из статей журнала из каких-то соображений обозначались как переводные. В частности, по по-

¹ Шамрай Д. Д. Об издателях первого частного русского журнала. (По материалам архива кадетского корпуса). Сб. «XVIII век», М.—Л. 1935, стр. 377—385.

воду особенно представлявшихся подозрительными переводов «с дацкого» следует указать, что датский язык преподавался в Сухопутном шляхетном корпусе.

Первые частные русские журналы, «Трудолюбивая пчела» и «Праздное время в пользу употребленное», несмотря на свою недолговечность, имели известное значение в развитии нашей периодической печати.

Во-первых, они показали обществу, что и без правительственной опеки, без Академической канцелярии и без чиновников от журналистики может функционировать периодическое издание. И действительно, вслед за этими журналами возникают одно за другим частные издания и в Москве, и в Петербурге, и даже в провинции (здесь, правда, через много времени).

Во-вторых, сатирическая деятельность Сумарокова в обоих журналах 1759—1760 гг. показывала читателям возможность, хотя бы урезанную и скромную, использовать литературу, журнал в политической борьбе. Для того времени это было очень серьезным политическим достижением, которое через десять лет (в 1769—1774 гг.) дало показательные результаты, обеспокоившие екатерининское правительство.

В-третьих, опыт первых двух журналов привел к тому, что постепенно образовались группы журнальных сотрудников (в особенности вокруг «Трудолюбивой пчелы»), которые позднее сосредоточиваются вокруг других журналов, объединенные одними воззрениями, политическими и литературными. Таким образом, журналистика этих лет способствовала развитию литературных объединений, оформлению теоретико-литературных взглядов, большей или меньшей четкости общественных и специально литературных позиций тогдашних писателей. Все это особенно сказалось на журналах, связанных с Московским университетом.

МОСКОВСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1760-х ГОДОВ

Если взглянуть в существо и позиции пяти московских изданий 1760—1764 гг., то нельзя не заметить, что они распадаются на три группы:

а) журналы Хераскова и выходцев из его кружка: «Полезное увеселение» (1760—1762), «Свободные часы» (1763) и «Невинное упражнение» (1763);

б) журнал сотрудников херасковских изданий, но не участников его кружка: «Доброе намерение» (1764);

в) журнал, не связанный с херасковским кружком: «Собрание лучших сочинений» (1762).

М. М. ХЕРАСКОВ.

Портрет работы неизвестного художника.

«ПОЛЕЗНОЕ УВЕСЕЛЕНИЕ»

(1760—1762)

«Полезное увеселение» выходило с начала 1760 г. по июнь 1762 г., первые два года как еженедельное, а затем как ежемесячное издание. Официально журнал считался изданием Московского университета, но фактически это был орган группы дворянской интеллигенции, собравшейся вокруг университета и возглавлявшейся М. М. Херасковым, игравшим заметную роль в университетской администрации как ассессор, которому были подчинены университетская библиотека, типография и публичные театры, русский и итальянский, состоявшие в то время в ведении университета. Херасков представлял в журнале не только университетскую администрацию, но был и идейным руководителем коллектива сотрудников. Благодаря этому, у «Полезного увеселения» есть особое лицо, отличающее его от ряда предшественников в этой области, а также и последующих изданий.

Политическая позиция Хераскова должна быть определена как осторожный дворянский либерализм и может быть правильно объяснена только на фоне культурной жизни Москвы середины XVIII в.

Исследовательница общественного движения в Москве во второй половине XVIII в. П. К. Алефиренко отмечает, что «Москва, перестав после реформ Петра Великого быть официальной столицей государства, не утратила, однако, своего первостепенного значения в экономической, общественной и культурной жизни страны, оставаясь центром дворянства, купечества, ремесленников, фабричного люда и интеллигенции. Во второй половине XVIII ст. в Москве особенно возрос состав мануфактурных рабочих и интеллигенции. Московская интеллигенция была неоднородна по своему классовому составу. Карамзин, хорошо знавший московскую интеллигенцию того времени, писал, что, наряду «с благородными молодыми людьми...», в ее состав входили «духовные, купцы и люди всякого звания». Передовая часть московской интеллигенции, воспитанная на преобразовательных идеях петровского времени, на идеях французской философии и пережившая чумный бунт и крестьянскую войну, не могла относиться безучастно к острым социальным вопросам, как то: крепостное право, неравенство сословий, культурная отсталость и др. Желание поставить и разрешить эти вопросы нашло свое выражение в разнообразных по своей форме, но единых по своим задачам общественных организациях: научные общества при университете, литературные кружки и масонские

ложи. Эти организации подходили к разрешению поставленных ими задач с разных сторон».¹

Хронологически первое место среди организаций московской интеллигенции второй половины XVIII в. принадлежит литературным кружкам. Их возникновение относится ко второй половине 50-х годов XVIII в., когда М. М. Херасков, переехавший в Москву для работы в только что открытый университет, объединил вокруг себя, следуя традициям Сухопутного шляхетного корпуса, учащуюся молодежь. «Литературный кружок Хераскова, — пишет П. К. Алефиренко, — . . . ставил социальные вопросы и допускал в своих произведениях критику, хотя и сдержанную, существовавшего социального порядка России».²

Эта характеристика журнала Хераскова довольно точно определяет общественное лицо «Полезного увеселения». Университетский журнал ставил некоторые социальные вопросы, но всегда очень осторожно, как-то отвлеченно, а такого вопроса, как крепостной, не затрагивал вовсе, разделяя в этом отношении судьбу всех русских журналов до «Трутня» Н. И. Новикова (1769). Точно так же не касалось «Полезное увеселение» и вопроса о борьбе с самодержавием, как и прочие журналы до новиковского «Трутня».

Несмотря на кратковременность своего существования, «Полезное увеселение» успело проделать небольшую политическую эволюцию: возникнув за два года до смерти Елизаветы, университетский журнал занял своеобразную критическую позицию по отношению к общественным порядкам эпохи. В стихотворении «К сатирической музе» Херасков иронически писал:

Я слабости ни в ком ни малинкой не вижу,
Здесь защищают все достоинства свои;
Что кривды нет в судах, божатся в том судьи;
Что будто грабят всех, так может быть то ложно,
Не лицемерствуют, они живут набобжно.
Отцы своих детей умеют воспитать,
И люди взрослые не знают, что мотать.³
Законники у нас ни в чем не лицемерны,
Как Еве был Адам, мужья так женам верны

(Полезное увеселение, 1760,
февраль, стр. 89—90).

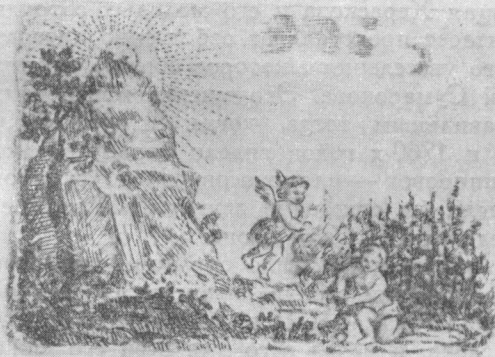
Далее поэт сатирически изображает скупых богачей, драчунов и буянов, картежников, пьяниц и т. д. Но этим по существу

¹ Алефиренко П. К. Общественное движение в Москве во второй половине XVIII столетия. — Изв. АН СССР, серия истории и философии. 1947, № 6, стр. 521.

² Там же, стр. 522.

³ Т. е. — что значит мотать.

ПОЛЕЗНОЕ
УВЕСЕЛЕНІЕ
НА
Мѣсяцъ Генварь,
1760. года.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ.

«Полезное увеселение» (1760).

и ограничивается сатира Хераскова и его сотрудников по журналу.

Политическая позиция журнала изменилась в самом начале 1762 г., когда поэты «Полезного увеселения» горячо приветствовали вступление на престол Петра III, связывая с ним возможный конец непопулярной в дворянских кругах Семилетней войны. В особенности отразилась новая позиция журнала в стихотворении М. М. Хераскова «Идиллия на заключение мира 1762 года апреля 29 дня» (Полезное увеселение, 1762, май, стр. 221—223).

Однако основная философская позиция Хераскова не претерпела и в это время изменений.

Хотя с первых же номеров «Полезного увеселения» в журнале усиленно разрабатывается тема «клеветничества» («О клеветнике» М. Хераскова — 1760, март, стр. 107—110), свидетельствующая о каких-то неблагоприятных толках об университетском органе, однако едва ли давала повод для этих толков политическая позиция Хераскова и его молодых сотрудников.

Особый интерес представляет собственно литературная позиция «Полезного увеселения», которое обычно считают журналом последователей Сумарокова. Это мнение могло считаться более или менее правильным тогда, когда в русской литературной жизни 1750-х и 1760-х годов видели борьбу только двух литературных группировок — «ломоносовцев» и «сумароковцев».

Однако было бы ошибочно считать «Полезное увеселение» органом последователей Сумарокова.

«Полезное увеселение» было органом «херасковцев», представлявших дальнейший этап в развитии дворянской общественной мысли в 60-х годах XVIII в. Для вождя этой литературной группы, Хераскова, и через него для всей его «школы» творчество Ломоносова и Сумарокова характеризует лишь начальные шаги развития русской литературы. Обращаясь к начинающему писателю, Херасков говорит:

Ты пением своим невеж увеселишь
И грубость их сердец, как Амфион, смягчишь,
Когда так станешь петь, для утешенья россов,
Как Сумароков пел и так как Ломоносов,
Великие творцы, отечеству хвала,
И праведную честь им слава воздала.

Что же касается до литературно передовых читателей, до настоящих ценителей литературы, то для них Херасковым указываются иные пути:

Разжженные сердца Парнасским жаром, пойте,
Лишь только голос свой по правилам муз стройте.

Младым россиянам уже примеры есть,
 Каким путем себя на верьх Парнасский весть

(Полезное увеселение, 1760,
 ч. II, стр. 196).

Конечно, Херасков открыто не противопоставляет себя и свою группу Сумарокову. Напротив того, он заботится об участии Сумарокова в журнале: так, в № 2 «Полезного увеселения» за 1760 г. помещены для сравнения сделанные Ломоносовым и Сумароковым переводы оды Руссо «К фортуне» (стр. 17—28); побывав в начале 1761 г. в Петербурге (Полезное увеселение, 1761, ч. III, стр. 168), Херасков получает у Сумарокова 8 притч, которые и напечатаны в «Полезном увеселении» (стр. 161—167); при всяком удобном случае Сумароков берется в «Полезном увеселении» под защиту, а его противник (литературный и общественный) — Ломоносов — подвергается нападкам. Например, в принадлежащем Хераскову «Путешествии Разума» есть такое место: Разум «увидел сидящую за столом оду, которая движением всех своих членов доказывала, что она великую работу имеет». На вопрос Разума, что она делает, Ода отвечала: «Теперь я полечу в Эфир, после побываю в Луне, оттуда мне должно спуститься в преисподнюю, испугать Цербера, смутить Фурий; после уйти, подняться к облакам, зажечь молнию, ударить громом, потрясти Олимп, оттуда стремглав слететь и не ушибиться» (Полезное увеселение, 1760, ч. I, стр. 145—146). Эта пародия на «высокое парение» Ломоносова, смыкающаяся с известными «вздорными одами» Сумарокова, имевшими то же задание, не одинока в «Полезном увеселении»: в статье «Сбытие сновидения» (1762, стр. 122—128) автор (А. А. Ржевский) обращается к Музам с просьбой помочь ему «вознести хвалою того славного оратора, которой порочит одново из первых российских сочинителей, и порочит единственно за то, что он ясно пишет и к тому же чистым московским языком» (стр. 123; ср. стр. 126: «... подружился с таким великим оратором и нужным для моего изучения в сочинениях моих, чтоб остерегаться вздору и вранья, которым наполнены сочинения ево»; ср. стр. 266: «Теперь обращаю к тебе, великий муж. Да не ослабеют силы мои тебя прославляти, и не иссякнет глас мой воспевати тебя. Шумит быстротекущая река, едва примаю перо хвалу тебе писати, великой мой оратор. Но где могу обрести довольно слов, к тому приличных? Столь трудно слабым моим пером похвалу тебе соплеести, сколь непонятно всем твое красноречие, надутое парением словянского языка. Я его что больше читаю, то больше непонятно оно мне становится. Твои надутые словянскою высокопарностию сочинения столь высоки, что никто их разуметь не может.

Естьли б и самые словяне их читали, и они бы, подобно мне, не разумели. Высокому слогу твоему дивится и просвирия та, которой я сей мой труд посвятил, затем, что и она его не понимает, хотя и охотно читает, для того что творения твои ей удивительны тем, что непонятны. Но речь моя клонится к пользе общества. Превозносятся! полезен ты ему и преплезен; полезен, повторяю, тем, что читая твои надутые и непонятные творения, познают красоту слога в писании и остерегаются, чтобы не подражати тебе во своих сочинениях, а стараются подходить к совершенству в писании, упражняясь во не нравном тебе московском языке»).

Итак, «Полезное увеселение» продолжает борьбу Сумарокова с Ломоносовым за «простоту», «ясность» и «вразумительность». Но самая-то борьба исходит в данном случае из несколько других оснований. Для Сумарокова борьба с Ломоносовым — это борьба против культуры «урода из сама подла рода, которого пахать произвела природа», борьба такого же характера, какую он вел против народных «игрищ», т. е. борьба за дворянскую эстетику как таковую. Для Хераскова же и его группы смысл борьбы заключался в другом: благодаря этой борьбе происходило размежевание между дворянской, т. е., с точки зрения «Полезного увеселения», подлинной культурой и архаической примитивной культурой «просвирен», которые, по словам Ржевского, восторгаются Ломоносовым «за непонятность», т. е. культурой мещанской. В программной статье «О чтении книг» (Полезное увеселение, 1760, стр. 3) Херасков пишет: «Несмысленной подьячей с охотой читает книги, которые писаны без мыслей; купец удивляется, по их наречию, виршам, сочиненным таким же невежею, каков сам он; однако, они не читатели». Для более правильного понимания этой точки зрения следует привести цитату из статьи — повидимому, тоже Хераскова — «Рассуждение о слове „à la Bourgeois“» (Свободные часы, 1763, ч. I, стр. 177—180): «Сказать кому: ты говоришь à la Bourgeois, так то значит: ты говоришь по мещански, то есть как сапожник, или несмысленной подьячей; кому сказать: ты живешь à la Bourgeois, значит: ты живешь подло, как извощик или пирожник» (стр. 178). В этом размежевании, в этом отделении дворянской культуры от мещанской и заключался смысл эстетической позиции «Полезного увеселения».

Но если Херасков и его группа не противопоставляли себя Сумарокову, то все же расхождение и обособление у обеих сторон были. Обращает, например, на себя внимание тот факт, что в течение 1760 г. Сумароков печатается не в «Полезном увеселении» (перевод из Руссо не показателен), подобно другому петербург-

скому писателю А. Нартову, а в «Праздном времени в пользу употребленном». В 1761 г., кроме упомянутых выше 8 притч, привезенных из Петербурга Херасковым, Сумароков не дал в «Полезное увеселение» ничего; так же и в 1762 г. С другой стороны, группа «Полезного увеселения» коренным образом расходилась с Сумароковым во взглядах на задачи журнала. Для издателя «Трудолюбивой пчелы» журнал — это плацдарм для сатирической борьбы с конкретными, персональными врагами, врагами личными, трактуемыми как враги всего дворянства в целом. Херасков, подводя итоги годичной деятельности «Полезного увеселения», писал: «Намерение, которое мы имели при издании оных [сочинений, т. е. «Полезного увеселения»], клонилось к защищению добродетелей, обличению пороков и увеселению общества» (1761, ч. I, стр. 14). Но и «защитиение добродетелей», и «обличение пороков» имело в «Полезном увеселении» иной характер, нежели то же самое у Сумарокова: борьба выражалась в абстрактных, схематизированно-обобщенных формах. Нападки «Полезного увеселения» на тех же подьячих, на то же взяточничество, судебную волокиту, на «петиметрство» и т. д. совершенно лишены той не всегда поддающейся раскрытию, но, тем не менее, постоянно ощущимой конкретности, которая отличает журнальную сатиру Сумарокова. Восхваление жизни в дворянской усадьбе, во множестве вариантов представленное на страницах херасковского журнала, пропаганда «вознесения» разума над страстями, культ дружбы и «спокойного» жития — ср. рефрен в «Стансах» Хераскова:

Всякой мысли взводт выше,

Только лутче жить потише

(Полезное увеселение,
1762, стр. 94—96), —

морализующие тенденции «Полезного увеселения» — все это идет вразрез с боевым задором Сумарокова, и, с этой стороны, журнал Хераскова не представляет шага вперед в развитии русской журналистики XVIII в. Это была проповедь политической умеренности, обывательского «невмешательства» в политику. В основном интересы сотрудников «Полезного увеселения» замкнуты в узкий круг личных переживаний и мелких чувств.

Поэтические опыты, помещавшиеся в «Полезном увеселении», вполне соответствуют интимной, замкнутой настроенности херасковского кружка: это — преимущественно послания, элегии, стансы, мадригалы, словом все те «безделки», в которых Ломоносов «не видит поэта». Среди стихотворений этого журнала есть несомненные примеры поэтического фокусничества. Особенно в этом изоширался А. А. Ржевский, которому принадлежит

«Притча 1. Муж и жена» (Полезное увеселение, 1761, апрель, стр. 115—116), набранная таким образом, что средняя часть ее представляет ромб. Ему же принадлежит «Сонет, заключающий в себе три мысли: читай весь по порядку, одни первые полустишия и другие полустишия»:

Во веки не пленюсь
Ты ведай: я тобой
По смерть не пременюсь,
Век буду с мыслью той,
Не дестна для меня
Лишь в свете ты одна
Скажу я, не маня:
Та часть тебе дана,
Быть в век противной мне
В сей ты одна стране
Мне горесть и беда,
Противен мне тот час,
Как зрю твоих взор глаз,
Смущаюся всегда,

красавицей иной
всегда прельщаться стану,
во век жар будет мой,
доколе не увяну.
иная красота
мой дух воспламенила.
свобода отнята,
о ты, что дух пленила,
измены не брегись,
со мною век любись,
я мучуся тоскою.
коль нет тебя со мною,
минутой щастлив той,
и весел, коль с тобой

(Полезное увеселение,
1761, май, стр. 135).

Но особенно поразила читателей и, очевидно, долго служила предметом насмешек, дошедших даже до сатирических журналов 1769—1774 гг., «Ода 2, собранная из односложных слов» того же А. А. Ржевского:

Как стал я знать взор твой,
С тех пор мой дух рвет страсть;
С тех пор весь сгиб сон мой,
Стал знать с тех пор я власть.
Хоть сплю, твой взор зрю в сне,
И в сне он дух мой рвет:
О коль, ах! мил он мне.
Но что мне в том, мой свет.
Он мил, но я лишь рвусь;
Как рвусь я, ты то знай,
Всяк час я мня быть тцусь,
Ты ж мне хоть вздох в мзду дай

(Полезное увеселение,
1761, апрель, стр. 114).

Возможно, что вся эта поэтическая эквилибристика была своего рода маскировкой: журнал несомненно подвергался разным нападкам, и неоднократное варьирование темы о клеветниках это подтверждает. В одной из «Прибасок» Хераскова (Полезное увеселение, 1761, август, стр. 71) говорится, что клевета таскается

Под видом старух, стариков,
Под видом святош, дураков,
Под видом ученых людей,

Купцов, петиметров, судей,
Невинных поставить стремится в вине,
И. может быть, сети сплетает и мне.

Конечно, это «может быть» поставлено для отвода глаз, иначе не имели бы смысла эти бесконечные упоминания о клевете и клеветниках. И поэтому впечатление особой жесткости, после «Прибаски» о клевете, производит следующая за ней, излагающая политическое и литературное кредо Хераскова и, тем самым, его кружка:

Не пышною славой
Мой дух заражен,
Не злобы отравой
Пишу разожжен...
Довольно без брани
Терзаемся мы.
С дурачества дани
Не емлют умы,
Любят друг друга
Велит нам закон,
Друг друга услуга
Смягчает наш стон...
Тружусь добродетель
В стихах превознесть,
Того я радетьель,
То ставлю за честь
(Полезное увеселение,
1761, август, стр. 72).

В этом стихотворении проводится мысль, принципиально противоположная сатирической установке Сумарокова, использовавшего журнальную трибуну для борьбы с елизаветинскими придворными, с ненавистным Сумарокову откупничеством, для литературной полемики с Ломоносовым. По мнению Хераскова,

Со шпагой гоняться
И слабых рубить,
То может назваться
Стихами бранить.

Он считает, что может своим поэтическим трудом «казать услуги отечеству», «превознося добродетель», смягчая нравы и подавая «порочным совет» и «отраду честным».

Одно место в этом стихотворении может повести к недоумениям, внушив нашему современному читателю мысль о демократичности Хераскова, тогда как на самом деле ни о какой демократичности здесь речи быть не может. Дело идет о следующем четверостишии:

Дар малой природа
Иметь мне дала:

Для пользы народа
К стихам привела.

У советского читателя слова «для пользы народа» всегда ассоциируются с демократическими позициями писателя (если, конечно, перед нами писатель искренний и честный, а не употребляющий эти слова с корыстной целью). Однако для правильного понимания данных стихов Хераскова (да и не только их, но и стихов других дворянских писателей, в частности — и в особенности — Сумарокова) следует помнить, что в языковом употреблении дворянства XVIII в. слово «народ» означало прежде всего дворянство, отчасти богатое («именитое») купечество, но никак не то, что понимаем под народом мы. Для крестьянства, мещанства и «рабочих людей» в дворянском языковом употреблении существовало обозначение «подлый народ», «простой народ», «простонародье». Таким образом, когда в трагедиях Сумарокова или в данном стихотворении Хераскова упоминается «польза народа», то имеется в виду «польза дворянства» и ничто иное.

«Превознесение» добродетели, равно как и «тазанье» (поругование) глупых, проводилось группой «Полезного увеселения» одинаково осторожно и в одинаковой мере всеми. Пишет ли Херасков, или А. А. Ржевский, или С. Нарышкин, А. Нартов, И. Ф. Богданович, С. Г. Домашнев, — чувствуется общность идейной платформы коллектива сотрудников. Эта одинаковость позиций настолько влияет на характер журнала, что, читая, например, какую-нибудь оду на смерть Елизаветы или на восшествие на престол Петра III, написанную Богдановичем, трудно отличить ее от посвященной тем же темам оды Ржевского или Нарышкина. Общее всем им неприязненное отношение к Семилетней войне сказывается в одинаково осторожной формуле — «как вам угодно»:

Скажи, монарх, своим сынам,
Скажи едино только слово:
В сердцах усердие готово
К наукам, к миру и к войнам

(Богданович, — Полезное
увеселение, 1762, стр. 57).

или:

Мы все готовы предпринять,
Мы все готовы исполнять,
Лишь воля ваша будь на что

или:

Ко смертоносну ль бою?
Охотно все идем,
Охотно пред тобою
Кровь нашу всю прольем...
Ко жизни ль мироденной

Рабов определишь?
 К науке ль совершенной
 Проникнуть повелишь?
 Все будет нам приятно,
 И будет не превратно
 Усердие всегда,
 Доколь наш век проданся •

(Р ж е в с к и й, — Полное
 увеселение, 1762, март, стр. 110).

Такая общность воззрений могла выработаться в группе «Полезного увеселения», по видимому, только в результате влияния и авторитета Хераскова. Несомненно, благодаря его влиянию сохранялся журнал в течение двух с половиной лет. Результатами первого года издания кружок, очевидно, был недоволен. В «Письме» (1761, ч. I, стр. 15) Херасков определяет итог этой деятельности журнала как «неудачу». Стоит ли продолжать издание журнала, — задает вопрос Херасков. Поставленные в начале задачи — защищение добродетели, обличение пороков, увеселение общества — «все сие имело ли свое действие, — говорит Херасков, — сомневаюсь» (стр. 14). Он признает, что «порок обличен мало, в результате ли слабости усилий кружка, в результате ли прочности «вредных страстей». Моральное самосовершенствование, своеобразная теория «малых дел» в плане личного (или кружкового) этического самовоспитания — вот утешение в неудаче, постигшей группу (стр. 15—16). Это, таким образом, урок «пробы сил»; сил оказалось недостаточно, препятствий очень много (важно отметить всплывшую в течение 1761 г. тему «клеветничества», — очевидно выступлений враждебных кругов против журнала), поэтому необходимо сузить сферу действия, но ни за что эти действия не прекращать.

Почему же все-таки журнал закрылся? При отсутствии фактических материалов можно высказать только предположение. С последней книжки 1761 г. и в течение всего первого полугодия 1762 г. «Полезное увеселение» слишком афишировало свою ставку на Петра III. 28 июня 1762 г. Екатерина захватила власть. Петр был убит. Херасков и его группа были застигнуты врасплох: нужно было выиграть время для перестройки.

«СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ»

(1763)

С января 1763 г., взамен прекратившегося «Полезного увеселения», Херасков начал издавать журнал «Свободные часы», печатавшийся также «при Московском университете». Следует

отметить уже сейчас (более подробно об этом будет сказано ниже), что в то же самое время начал выходить и журнал «Невинное упражнение», на титуле которого указывается, что это издание «печатано при Московском университете». Так как издателем последнего журнала был И. Ф. Богданович, еще недавно усердный сотрудник «Полезного увеселения», тогда как в «Свободных часах» нет ни одного его произведения, то можно предположить, что, в связи с захватом Екатериной престола и необходимостью определить свое отношение к этому факту, среди коллектива «Полезного увеселения» произошел раскол: часть сотрудников, заняв отрицательную или, по крайней мере, выжидательную позицию, продолжала полностью поддерживать платформу «Полезного увеселения»; другая же часть — во главе с Херасковым, — напротив того, использовала второе полугодие 1762 г. для перестройки и установления контакта с Екатериной. Херасков успел тогда же выпустить «Оду» и «Эпистола» Екатерине, где с такой же лестью, как раньше писал Петру III, восхвалял его преемницу, за что пошел в гору: он был назначен членом комиссии по организации торжественного въезда Екатерины в Москву для коронации, ему было поручено, совместно с актером Ф. Г. Волковым, устройство знаменитого маскарада «Торжествующая Минерва» и составление поэтического комментария к описанию этого маскарада; вскоре он был назначен и директором Московского университета. К участию в коронационных торжествах были привлечены и некоторые другие сотрудники «Полезного увеселения». Поэтому в «Свободных часах», несмотря на наличие традиций «Полезного увеселения», настойчиво выступает элемент политический — прославление Екатерины, стремление выступить с истолкованием и оценкой ее мероприятий. Уже в первой книжке «Свободных часов» Херасков печатает «Стихи, в которых приносится благодарность за полученную милость от е. и. в.», где автор утверждает,

Что в сей монархии имеют россы мать,
Они пылают к ней сердцами,
Она стремится их щедротами питать
И счастья украшать венцами...
Что я дела монарши славил
И к правде лести не прибавил,
Но только то вещал, что вся Россия зрит,
За то я принял милость многу
(Свободные часы, ч. 1, стр. 3—4).

Тут же рядом — «Стихи к Эпистоле, поднесенной е. и. в. ноября 24 дня 1762 года» (там же, стр. 5), в которых Херасков довольно неуклюже намекает на свое желание получить аудиен-

цию у Екатерины. В сентябрьской книжке — снова херасковские «Эпистолы» на день коронавания Екатерины (стр. 540—544) и на день рождения Павла Петровича (стр. 545—547). В первой «Эпистоле» Херасков — в соответствии со вторым, так называемым «обстоятельным», манифестом Екатерины — объясняет дворцовый переворот 28 июня 1762 г. не личными побуждениями Екатерины, а ее желанием спасти и прославить Россию:

О мати россиян, коль дорог нам сей час,
Когда восшествием на трон спасла ты нас...
Ты шла не скипетр брать, но паче нас прославить

(Свободные часы, ч. I, стр. 542—543).

Вторая «Эпистола», хотя обращена к наследнику престола Павлу Петровичу, но дает Хераскову возможность снова сказать комплимент Екатерине:

Стремись, великий князь, Екатерине вслед,
Стремись и удивляй ее примером свет

(Свободные часы, ч. I, стр. 547).

Но особенно любопытна помещенная в ноябрьской книжке «Свободных часов» херасковская «Ода на высокочоржественный день тезоименитства е. и. в.» (ч. II, стр. 627—631), в которой автор отвечает на факты, отражавшие недовольство значительной части дворянства воцарением Екатерины (заговор Хрущовых и Гурьевых, планы возведения на престол Павла, и т. д.):

Она [Екатерина] взошла заре подобно,
Скончать в России время злобно
И век начать дней златых...
... А ты, о гидра разъяренна,
Свои стоглавны жала крои!
Пред богом прах один вселенна,
Ничто и страх и ужас твой.
Дерзнет ли мысль твоя стремиться,
И сердце против ополчиться,
Кто богом на престол взведен?
Когда щастливо жить хотите,
Рабы, владык своих любите,
И весь ваш будет век блажен!
Но могут ли на свет рождаться
Такие варварски сердца,
Дабы дерзнули волноваться
Противу общих благ творца?
Исполнены к тебе любви,
Монархия, своей мы крови
Щадить не должны за тебя!

(Свободные часы,
ч. I, стр. 630—631).

Во всем прочем «Свободные часы» продолжают традиции своего предшественника: те же, что и в «Полезном увеселении», мотивы безразличия, отказа от какой-либо борьбы, ввиду того что все тленно, преходяще

Все на свете сем минется,
 Все на свете суета,
 Все, чем дух наш ни мятется,
 Все то тленность, все мечта
 (Свободные часы, ч. I, стр. 14).

или:

О гордые умы!
 О вы, надменны души!
 Сколь слабы в сердце мы,
 Твердит всечасно в уши
 Природа нам о том
 (Свободные часы,
 ч. II, стр. 497).

Подобно «Полезному увеселению», и «Свободные часы» печатают множество элегий, мадригалов, переводов из античных авторов («Метаморфозы» Овидия в переводе В. И. Майкова) и из Вольтера, и т. д. Те же нравоучительные рассуждения о защите добродетели и обличении порока. Те же сатирические нападки на петиметров, на откупщиков, на подьячих, даже те же преследования Ломоносова (ч. I, стр. 296, 301, 366—370).

Из довольно бесцветного прозаического материала «Свободных часов» следует отметить статью «О московском наречии» (ч. I, стр. 67—75), посвященную вопросам произношения русской речи середины XVIII в. Написанная в полушутливом тоне, обычно свойственном прозаическим произведениям А. А. Ржевского (поэтому можно предположить, что и эта статья — его), статья «О московском наречии» дает некоторые небезразличные для истории литературного языка факты. Автор утверждает, что «перемена языка, которая столь чувствительною для старинных книг зделалась, не дале простирается, как до одних только разговоров. Язык, которым пишут знающие по-русски, отличен от славянского, а тот, которым говорит Москва и целая почти Россия, отличен от наших писем и от произношения, которое в оных употребляется» (стр. 69). Отличительной особенностью живой речи своего времени автор считает то, что «в новом языке нашем, названном московским, все почти гласные и согласные буквы переменяются одна в другую» (там же). Касаясь, например, перехода «е» в «ё» под ударением, аноним пишет: «Сие превращение Е в Ю, нимало не повреждая силы и важности слов российских, делает их нежными и приятными, в самом деле тотчас можно услышать некоторую сладость в языке нынешнего вре-

мени; например, не лучше ли сказать вместо орел несет елку — ориол несиот нолку» (стр. 70). Отмечая более или менее прочную устойчивость звука «и», автор указывает, что и он перемещается, «а особливо когда пред собою „ъ“ встречается, наприм., в известии говорится вызвестии» (стр. 71). Интересно суждение автора о русских гласных: «Буквы Я, Ю, Ы суть двугласные и составлены Я из И и А, Ю из И и У, Ы из Ъ и И; произносятся они так же, как и пишутся, с тою только разностию, что, когда из них стоит которая в одном слове с гласною или при окончании слова, то произносится чисто и звонко, напр., с и л ь н а я, м о я, в е ю, а после согласных Я при конце слова отзывается как А, а Ю как У; напр., с к о р н я, в и д я, л ю б л ю, з р ю и пр.» (стр. 73—74).

В заключение статьи автор отвечает на возможный вопрос: «для чего и не писать так, как мы говорим?» (стр. 75): «Такая вольность будет уже безмерно велика, и наконец не останется и следов древнего языка нашего. Мы отменили старое наречие в разговорах наших, отменим его в письмах, потом насеем в свой язык чужестранных слов, наконец, вовсе по-русски позабыть можем, что очень жалко, и такого убийства с природным своим языком ни один еще народ не делал, хотя уже и так конечным истреблением наш язык угрожается. Впрочем, лучше свой стараться исправить, нежели чужой предпочесть своему, в том больше чести народу и славы языку, и думать о том похвально и нужно» (там же).

«НЕВИННОЕ УПРАЖНЕНИЕ»

(1763)

Совсем иной характер имеет выходявший в том же 1763 г. (с января по июнь) журнал «Невинное упражнение». Принято считать его издателем бывшего сотрудника «Полезного увеселения» И. Ф. Богдановича. Но последний в своей автобиографии указывает, что только «употреблен был к соучаствованию» в «Невинном упражнении», выходявшем в свет «под покровительством княгини Е. Р. Дашковой».¹ Во вступительном «Письме к читателю» (стр. 3—4) сообщается, что журнал будет

¹ Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) настойчиво называет издателем «Невинного упражнения» Хераскова (Опыт, стр. 237, или: Ефремов, Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 115). В литературе о «Невинном упражнении» высказывалось предположение, будто журнал издавался группой придворных во главе с Дашковой.

издаваться группой молодых, начинающих авторов. «Всяк знает, — говорится далее, — что нет ни одного сочинения, которое бы в том или другом не приносило читателям пользы, лишь бы сочинено было разумно. Всякой читатель догадаться может, к чему тут слово разумно сказано; естли же кто не догадается, то тем для него хуже, а мы без дальнего такому изъяснения только в заключение скажем, что наше сочинение есть смешение забавного с полезным» (стр. 4).¹

Итак, девизом журнала является «разумное». В «Невинном упражнении» помещен обширный перевод из Гельвеция «Об источнике страстей», приписываемый увлекавшейся французскими материалистами кн. Е. Р. Дашковой, перевод нашедшей поэмы Вольтера «На разрушение Лиссабона» (пер. Богдановича, стр. 173—186) и т. д. Немногочисленные оригинальные произведения, например «Письмо» (стр. 44—47), также проникнуты сенсуалистическими идеями, но выводы делаются иногда неожиданные; счастья, по мнению анонимного автора указанного «Письма», достигает «тот, кто в малом сообществе искренних приятелей, не желая ничего лишнего, нужным умеет быть доволен» (стр. 47). Все это очень напоминает позиции и традиции «Полезного увеселения», с его ограниченным рационализмом и эмпиризмом, с его культом умеренности и дружбы. Обращает на себя внимание, что во всем журнале ни строчки не уделено злободневной, политической теме, на которую так интенсивно откликались «Свободные часы». Этот момент заставляет исследователя усомниться в традиционном взгляде на степень участия кн. Дашковой в журнале. Неужели активная участница перевода 28 июня 1762 г. Дашкова не сочла возможным использовать страницы «Невинного упражнения» для тех же целей пропаганды законности воцарения Екатерины, как это делал Херасков в «Свободных часах»? Очевидно, журнал издавался ли-

¹ По поводу выхода в свет первой книжки «Невинного упражнения», как уже отмечено было выше, в «Ежемесячных сочинениях» (1763, март, стр. 280—281) была помещена небольшая рецензия. Относительно вступительного «Письма к читателям» рецензент говорит: «Нам кажется, что сие письмо есть также перевод, как и все прочее в генваре месяце Невинного упражнения содержащееся. Хулить мы ничего не намерены, да и не видим к тому причины. Молодых авторов ободрять должно, дабы в начатом деле не ослабевая, но паче бы усугубляли похвальное свое прилежание, к общей пользе склоняющееся. Но токмо надлежало им, смотря на примеры Ежемесячных сочинений, при каждом переводе объявить книгу, откуда что взято; потому что бывают иногда охотники, желающие перевод сличить с подлинником и приобрести себе чрез то познание различных свойств двух языков к удачному добрым переводам подражанию, в чем им отказать по справедливости не должно».

цами, не поддерживавшими Екатерину и именно таким способом выражавшими свою политическую позицию.

В июне 1763 г. журнал прекратился, «по многим неотвратимым препятствиям и в первых потому, что как издатели, так и те, кои подписались брать наш журнал, из Москвы разъехались» (стр. 304). Это указание, правда, находится в связи с тем, что коронационные торжества в Москве кончались и двор возвратился в Петербург. Но если бы предполагаемая группа придворных во главе с Дашковой представляла устойчивое объединение, то не было бы никаких оснований для того, чтобы не продолжить издания журнала в Петербурге. Очевидно, обстановка в середине 1763 г. настолько изменилась, что издание созерцательно-сенсуалистического журнала сделалось излишним.

«ДОБРОЕ НАМЕРЕНИЕ»

(1764)

«Доброе намерение», выходявшее в течение 1764 г., было последним журналом этого периода, так или иначе связанным с Херасковым. Издателем его являлся студент Московского университета В. Санковский, ревностный участник херасковских «Полезного увеселения» и «Свободных часов». Печатался журнал «при Московском университете». В журнале Санковского объединились частью сотрудники херасковских журналов (М. Пермский, В. Рубан, А. Вершицкий и др.), частью — новые лица (А. Костровский, А. Перепечин и др.). Среди новых авторов, выступивших впервые в печати в «Добром намерении», был выдвигавшийся позднее Екатериной поэт В. П. Петров, тогда еще студент московской Славяно-греко-латинской академии.¹ Сотрудники «Доброго намерения» были по социальному составу людьми одной и той же разнородной прослойки (за исключением едва ли не одного только Павла Фонвизина, брата Д. И. Фонвизина); это резко отделяло их от настоящих членов херасковской группы — А. А. Ржевского, А. Нарышкина, А. Г. Карина, В. И. Майкова и др. Хотя многие из студентов, впоследствии печатавшиеся в «Добром намерении», раньше работали в «Полезном увеселении» и «Свободных часах», но там им предоставлялось место скорее для поощрения, чем для разработки идейно-политической платформы, общей херасковской группе.

¹ Указание Новикова в «Опыте исторического словаря», будто автор стихов в «Добром намерении» «ныне диаконом в Москве», сделано, вероятно, с полемической целью. Самые же стихи таковы, что не оставляют сомнения в принадлежности их В. П. Петрову.

Не следует, однако, думать, что все эти обстоятельства нашли отчетливое выражение в политическом и философском кредо «Доброго намерения». Примеры херасковских журналов были у Санковского и его товарищей перед глазами, и студенты, по мере сил, старались приблизиться к авторитетным образцам. Поэтому в «Добром намерении» встречаются такие же элегии, идиллии, анакреонтические стихи, мадригалы, эклоги и т. п., что и у Хераскова; здесь печатаются такие же переводы из «Спектатора» и из античных авторов (Овидий) и т. д.

Новым является включение анекдотических новелл, вроде переведенной из Мазуччио, под названием «Приключения некоторого чужестранца в Париже» (ч. II, стр. 555—567, «перевел с французского к[оллежский] р[егистратор] В. Рубан»), или повестушек, очень приближавшихся к излюбленным во вторую половину XVIII в. «кратким и замысловатым историям».

Любопытное явление представляет и язык писателей «Доброго намерения», особенно прозаиков. Это не салонная, изящная проза А. А. Ржевского или более строгая, упорядоченная, несколько пухлая речь М. Хераскова; в лице переводчиков «Доброго намерения» выступает новая группа писателей, связанных с третьим сословием, с «подьяческим» жаргоном, с канцелярски тяжелыми оборотами, в основном идущими от практики петровских, а может быть, и до-петровских приказов. Читая прозу «Доброго намерения», чувствуешь если не истоки кургановского «Письмовника», то общие ключи, питающие их.

Не осталось «Доброе намерение» в долгу и перед «политической» лирикой. В июньской книжке были помещены «Стихи на высокаторжественный день восшествия на престол е. и. в.» В. Санковского (стр. 243—249). В этих стихах есть и развитие мыслей «обстоятельного» манифеста Екатерины:

Всеведущий господе, что хочет, то творит,
За добродетели престолы он дарит,
За беззакония престолы он отъемлет

(Доброе намерение, стр. 254);

в основном же — это захлебывающееся от восторга перечисление мероприятий первых лет правления Екатерины: создание женских учебных заведений, организация Воспитательного дома в Москве, переселение колонистов и т. д. С комически звучащим пафосом рабодлепствует Санковский:

Премудрость такову мы видя в женском поле,
Иного помышлять не должны ничего,
Как, что она творит, полезней то всего!

(Доброе намерение, стр. 245).

Как ни льстили херасковцы властям предержавшим, но в их писаниях всегда можно было найти некоторую принципиальность. А в стихах Санковского уже предчувствуется рептильность В. Рубана и других, которые из «прославления» делали источник заработка: все равно, «прославить» ли за бриллиантовый перстень, или за обед.

«СОБРАНИЕ ЛУЧШИХ СОЧИНЕНИЙ»

(1762)

Иной характер, чем журналы, издававшиеся под руководством Хераскова или выпускавшиеся выходцами из его кружка, имело периодическое издание, осуществленное профессором Московского университета по кафедре всеобщей и ученой истории Иоганном Готфридом Рейхелем (1727—1778). Полное название этого журнала таково: «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешенная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». На самой последней странице журнала напечатано: «конец квартальным сочинениям 1762 году» (ч. IV, стр. 286). Действительно, рейхелевский журнал был первым русским «квартальником» (трехмесячником).

Профессор Рейхель, учитель Д. И. Фонвизина, по сохранившимся материалам, представлял любопытную фигуру. Его переписка с Г. Ф. Миллером, опубликованная частично С. П. Шевыревым в «Истории Московского университета» и в «Биографическом словаре профессора Московского университета», свидетельствует о наблюдательности и природном юморе Рейхеля. Шевырев даже высказывал предположение, что «профессор своею ирониею и своим умением схватывать неразумную сторону жизни, — свойствами, которые в этой переписке сильно обнаруживаются, — мог иметь отчасти влияние на нравственное развитие нашего гениального комика».¹ Но если Д. И. Фонвизин в 1761—1762 гг. и перевел по совету Рейхеля и по его экземпляру «Нравоучительные басни» Гольберга, «Сифа» аббата Террасона, речь самого Рейхеля «Слово... о том, что науки и искусства процветают защищением и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве» (1762), а также деятельно сотрудничал в «Собрании лучших сочинений», где имеется шесть

¹ Биографический словарь профессоров Московского университета, стр. 345.

подписанных его именем переводов¹ и, кроме того, предположительно ему принадлежат еще три перевода,² то все же взгляд Шевырева представляется нам неубедительным.

Перед нами типичное заблуждение старого литературоведения, которое объясняло любой факт одними только «влияниями»: если Фонвизин — великий сатирик, то, чтобы понять этот факт, полагает Шевырев, надо «найти влияние» на Фонвизина какого-либо учителя или другого современника. Между тем сам Фонвизин указывает в своем «Чистосердечном признании о делах и помышлениях», что сатирические черты в его характере имеют самостоятельное происхождение: «Природа дала мне ум острый, но не дала мне здравого рассудка. Весьма рано появилась во мне склонность к сатире». Вспоминая об университете, Фонвизин ни слова не говорит о Рейхеле, хотя, если бы предположение Шевырева было правильно, Фонвизину, в соответствии с самооправдательными тенденциями «Признания», было бы легко свалить вину за свои ранние сатирические произведения на Рейхеля.

Решительно отрицая влияние Рейхеля на развитие сатирического дарования Фонвизина, нельзя все же вообще недооценивать значение его журнальной деятельности.

Рейхель, помимо истории всеобщей и ученой, под которой тогда понимали историю литературы, преподавал еще статистику и излагал в своих исторических лекциях материалы, касающиеся экономики разных европейских государств. Все эти интересы Рейхеля отразились в его журнале. Первой особенностью «Собрания лучших сочинений» было то, что в них помещались только переводы с иностранных языков. При переводе всегда указывался источник, например: «из Зрителя, франц. соч. Мариво» (т. е. «Spectateur françois par M. Marivaux») или «из Magazin françois» и т. д. И только в нескольких случаях источник перевода не указан. Почти все эти статьи касаются вопросов политической эконо-

¹ «Изыскание о древних зеркалах г. Менарда» (ч. I, стр. 1—8), «Горький муз, из Крингеровых снов» (стр. 74—83), «Рассуждение о приращении рисовального художества г. Рейтштейна, с наставлением в начальных основаниях оного» (ч. II, стр. 181—212), «Описание острова Морониза на Средиземном море г. Фокса» (стр. 220—232), «Опыт о российском переводе Сяфа» (ч. III, стр. 105—112), «Господина Ярта рассуждение о действии и существе стихотворства» (стр. 120—143).

² В журналах того времени, в особенности московских, принято было печатать произведения одного автора подряд, под одной цифрой, и подпись ставить в конце, за последней публикацией. Если принять это и для «Собрания лучших сочинений», то следовало бы признать переводами Д. Фонвизина еще: «О пользе, которую физика приносит экономии» (ч. I, стр. 49—73), «О странствовании» (ч. III, стр. 86—96) и «Приключенне пустынного» (ч. III, стр. 113—120).

нонии и проникнуты общей мыслью. Едва ли будет ошибкой признать эти статьи принадлежащими перу самого Рейхеля. На эти политико-экономические статьи следует обратить внимание.

Еще до выхода в свет первого тома, предисловие которого помечено 31 марта 1762 г., в январском номере «Ежемесячных сочинений» того же года (стр. 90—96) помещено «Известие о новом периодическом сочинении, которое в 1762 году в Университетской книжной лавке в Москве раздаваться имеет». Это — то же самое предисловие, которое было потом напечатано в первом томе «Собрания лучших сочинений», и только последний абзац, замененный в журнале другим, сообщал о форме предполагаемого издания, об условиях подписки и о желательности предварительных заявок; годовая цена «Собрания лучших сочинений» была назначена три рубля. В «Предисловии» к журналу последний абзац говорит о том, что из-за неаккуратности переводчиков не все намеченные по первоначальному плану материалы могли попасть в первый том. «Намерение мое, — заканчивает Рейхель, — всегда будет двойное. Я хочу тем сделать читателям удовольствие, но буду избирать такие сочинения, которые не только удовольствие, но и пользу принести могут» (ч. I, стр. 5 об.).

В журнале предполагались отделы физики, экономии (или домостроительства), нравоучения и политической истории. Был намечен также отдел библиографический, но кроме письма видного в то время немецкого писателя, берлинского академика Формея, о книге Билефельда «Политическое узаконение» (ч. I, стр. 156—177, перевод Александра Корсакова) никаких специальных рецензий в журнале не было.

Особенно интересна характеристика, которую Рейхель в «Предисловии» дал отделу экономии. Указав на развитие «экономических сочинений» за последнее время, Рейхель продолжает: «Сими изысканиями деревенское домоводство поправлено, коммерция на твердейшем основании поставлена и мануфактуры подкреплены таким образом, что всякая земля сама в себе нашла то, что прежде с великим убытком и иждивением из других земель получить должна была» (ч. I, стр. 3 об.—4).

Как явствует из приведенного места, в этой несомненно Рейхелю принадлежащей статье проводится уже не чистый меркантилизм, как в «Ежемесячных сочинениях», а меркантилизм поздней формации, с оглядкой на проблему баланса внешней торговли, на роль промышленности и т. д. Теми же тенденциями проникнуто анонимное и, вероятно, также принадлежащее Рейхелю «Политическое рассуждение о коммерции» (ч. II, стр. 233—278), перевод без подписи; следующий подписан Воло-

димером Золотницким (очевидно и «Политическое рассуждение» было переведено им же).

В конце 1750-х—начале 1760-х годов условия экономического развития России делали все эти проблемы животрепещущими и актуальными, и это придавало «Политическому рассуждению» несомненный интерес для тогдашнего русского читателя. Поэтому краткое изложение «Политического рассуждения» представляется не лишним в настоящей работе.

«Коммерция и мануфактуры, — начинается статья, — столь надобны к приращению государства, как дождь и солнечное сияние деревьям и растениям» (стр. 233). Из этого общего положения автор делает частный вывод, специально в применении к «коммерции»: «Купец есть дух государства, потому что торговое движение свое от него имеет, а прочие посредством торгу необходимые для жизни своей потребности получают» (стр. 235). В полном соответствии с учением поздних меркантилистов о свободе торговли «Политическое рассуждение о коммерции» утверждает, что «торг должен иметь свободу» (стр. 235).

Дальнейшее развитие этих взглядов приводит автора «Политического рассуждения» к рассмотрению вопроса о том, при каких условиях выгодна для государства внешняя торговля. Характерно, что этот раздел статьи полностью совпадает с кругом идей, изложенных в цитированном выше отрывке из «Предисловия» Рейхеля: «Чего натура и художество [промышленность] в нашей земле не произвели, то должны мы из чужих краев оное выписывать. Ежели можно нам то променять на домашние свои вещи, то такая торговля принадлежит к полезному торгу, а ежели должно будет покупать оные за наличные деньги, то такой торг государству вреден, потому что данные за такие товары деньги пропадут без возвращения» (стр. 237).

При подобной постановке вопроса неизбежны нападки на импорт (по терминологии «Собрания лучших сочинений» — «вывоз») предметов роскоши и вообще на неупорядоченность внешней торговли. Отсюда же следует и пропаганда идей протекционизма: «Справедливость требует запретить вывоз чужих товаров, а приводить домашние вещи в приращение и вместиать [полностью потреблять] оные» (стр. 243).

Любопытны также суждения о деньгах как мериле ценности и средстве обращения: «Деньги суть масштаб [sic], которым продажные вещи меряются. Они составляют богатство государства и производят полезное действие, когда они от торгу в движение и кругообращение приведены будут» (стр. 244).

Дальше затрагивается имевший существенное значение в то время для России вопрос о высокой ставке процентов. Значи-

тельность этой проблемы для середины XVIII в. была в свое время отмечена Добролюбовым в статье «Русская сатира в век Екатерины».¹ «Политическое рассуждение о коммерции», касаясь этого вопроса, выступает противником помещения денежных средств в дворянские усадьбы, видя в этом задержку «движения» и кругообращения денег: «Чем какая страна больше имеет денег и чем меньше находится случаев к употреблению оных на недвижимые имущества, тем больше распространяется торг и тем меньшие там бывают и проценты: пример сему Англия и Голландия» (стр. 249).

Последняя часть статьи не представляет общего интереса; в ней рассматриваются частные вопросы о векселях, балансе торговли и т. д. Не останавливаясь на этой части, а также и на статье «О пользе, которую физика приносит в экономии», представляющей перевод из журнала «Nouvelliste économique et littéraire», несколько слов должно посвятить статье «Изображение мануфактур-коллегии» (ч. I, стр. 128—151, анонимна, пер. Яков Дашков). Содержание ее определено в кратком предисловии-резюме, предпосланном самому «Изображению»: «Сколь везде мануфактуры и фабрики к благополучию государства необходимо надобны, столь весьма трудно оными с довольнейшим старанием управлять, естьли особая мануфактур-коллегия определена не будет» (стр. 128). Появление этой статьи было связано, повидимому, с тем, что возобновленная при Елизавете в 1742 г. Мануфактур-коллегия, основанная Петром в 1719 г. и потом соединенная с Берг-коллегией, стала приходить в упадок и казалась излишней и даже стесняющей «свободность коммерции и художеств». Ответом на недоуменные вопросы о целесообразности существования Мануфактур-коллегии и явилась, очевидно, статья в «Собрании лучших сочинений».

Кроме статей политико-экономического содержания, в журнале Рейхеля находится несколько статей по теории и истории литературы. В первую очередь следует указать на переведенное Д. И. Фонвизиным «Господина Ярта рассуждение о действии и существе стихотворства» (ч. III, стр. 120—143). Аббат Антуан Ярт (Antoine Yart, 1710—1791), поэт и журналист, автор известной в свое время серии «Идея об английской поэзии, или перевод лучших английских поэтов, до сих пор не появившихся на нашем языке» (Париж, 1749—1756, в 8 томах),

¹ Современник, 1859, октябрь, отд. III, стр. 320—321, илл.; Полн. собр. соч., М., 1935, т. II, стр. 178—179.

помещал свои критические этюды в различных французских журналах, в частности в «Magazin françois», из которого взято переведенное Фонвизиним «Рассуждение о действии и существе стихотворства». Основная мысль статьи состоит в том, что поэзия имеет нравственную задачу и действие ее заключается в исправлении нравов.

Гораздо интереснее две статьи, принадлежащие Рейхелю, одна из которых подписана его фамилией, а другая хотя и без подписи, но совпадает с тем кругом идей, которые он, член Лейпцигского общества свободных искусств, ревностный ученик Готшеда, рекомендовавшего его в Россию, развивал в своих печатных работах, дошедших до нашего времени. Первая статья Рейхеля носит название «Известие и опыт о российском переводе Сифа» (ч. III, стр. 97—105) и представляет как бы введение к следующему затем отрывку из сделанного Д. Фонвизиним перевода романа аббата Террассона «Сиф».¹ Кн. П. А. Вяземский в монографии о Фонвизине дает исключительно благоприятную характеристику статье Рейхеля: «В периодическом издании, под названием „Собрание лучших сочинений“ и проч., коего редактором в 1762 году был профессор Рейхель, есть весьма замечательное известие о сем переводе. Не в укор журналистам новейшим будь сказано, мало найдется у них критических статей, столь европейских по изложению, мыслям и общим сведениям».² Недостойный полемический выпад Вяземского против Белинского, которого он прозрачно называет «новейшим журналистом», находится в тесной зависимости от всей реакционной концепции книги о Фонвизине; тем не менее статью Рейхеля должно признать действительно очень содержательной и любопытной.

Начав с указания на то, что наибольшего развития романы достигли у французов, Рейхель в общем относится отрицательно к этому жанру: «В столь ужасном множестве романов находится более худых, нежели добрых» (стр. 98). Если внимательно всмотреться в приводимый Рейхелем материал, окажется, что под категорию романа он подводит все повествовательные жанры, включая и «арабские романы», т. е. волшебные сказки «1001 ночи», и т. д. Подобные фантастические произведения рационалист Рейхель отбрасывает. Романы, — говорит

¹ Указание П. А. Ефремова (Полн. собр. соч. Д. И. Фонвизина. СПб., 1866, стр. 664), будто напечатанный в «Собрании лучших сочинений» отрывок переведен Рейхелем, не отвечает действительности.

² Фонвизин. Сочинение Князя Петра Вяземского. СПб., 1848, стр. 35; или: Полн. собр. соч. В—го, СПб., 1880, т. V, стр. 23.

он, — «писать должно по известным правилам, кои из естества басни и из общих оснований стихотворства почерпаются» (стр. 98). Считаю, что задача романа состоит «в произведении увеселения, приятного препровождения времени, наставления в нравочении и в правилах человеческой жизни» (стр. 99), Рейхель характеризует французские романы и делит их на три группы; выше всего он ставит романы «Превот д'Ексилеса» (аббата Прево), — «романы трагические, нравочение полезно и штиль чистой» (стр. 99—100). Меньшим сочувствием пользуются у Рейхеля романы Мариво, и совершенно отрицательное отношение у него к развращающим романам «Кребильюнова сына» (стр. 100—101). Как и следовало ожидать, выше всех французских романов Рейхель ставит «Телемака» Фенелона. Затем он сообщает об аббате Террасоне и его романе «Сиф», вышедшем в 1731 г. и прошедшем незаметно среди французских читателей. Внимание к нему было привлечено после шумного успеха немецкого и английского переводов. По мнению Рейхеля, «Сиф имеет более достоинства, нежели Телемак» (стр. 103). Он «не так приятен, как Телемак, но он превосходит Телемака в учености, философии и нравочении» (там же).

Наконец, Рейхель обращается к переводу «Сифа», предпринятому Д. Фонвизиним: «Не напрасной труд имел господин фон Визин в переводе на российской язык книги сея своим согражданам. Великой благодарности достойны переводчики, когда употребляют они время свое на такие книги, кои служат к распространению учения, и которые вообще полезны для свободных наук. При толь великом множестве худых книг видно похвальное достоинство переводчика, когда избирает он нечто доброе, полезное и особливо. Что господин фон Визин в рассуждении сего зделал, о том общество узнает с удовольствием. О знании его в немецком языке я уверен, а общество видело уже силу его в российском языке, как из различных опытов, так и из басен барона Голберга. Может быть переведенные им на российский язык Овидиевы превращения будут большим еще доказательством его способности. Но я, как чужестранец, примечая все то, что может приводить в совершенство хорошей вкус народов, науки делать более общими и поощрять молодых и способных людей следовать добрым примерам, радуюсь сердечно, когда полезнейшие книги становятся общими и подают читателям наставление на их природном языке, а особливо, когда распространяют они науки и добродетель. Я ни мало не сомневаюсь о благосклонном принятии Сифа, а особливо, когда возрастает знание полезных книг. Но я желаю более скорейшего

издания книги, которая без сомнения принесет великую честь своему переводчику» (стр. 103—105).¹

В заключение должно отметить любопытные для истории борьбы с Вольтером на русской почве «Примечания к следующему письму, посланному от Г. Руссо к Г. Вольтеру» (ч. IV, стр. 231—234; самое письмо — стр. 235—273).

Рассматривая содержание «Собрания лучших сочинений», мы останавливались, главным образом, на участии в нем Д. И. Фонвизина и Рейхеля. Кроме них, принимали участие как переводчики брат Фонвизина, Павел Иванович, затем студенты М. Агентов, гр. Артемей Воронцов, Я. Дашков, В. Золотницкий, И. Калиновский, А. Корсаков и Евграф Марков.² Из перечисленных лиц, кроме братьев Фонвизиных, В. Золотницкого и И. Калиновского, принимавших эпизодическое участие в журналах Хераскова и Санковского, никто другой в прочих тогдашних журналах не участвовал.

Дела журнала Рейхеля были не блестящи. Журнал издавался «иждивением» университетского книгопродавца Вевера, на которого Рейхель жаловался Миллеру. В письме к последнему Рейхель писал: «Вы справедливо замечаете, что довершением моего периодического издания я обязан счастливому случаю. В переводчиках недостатка не было; хороши ли они были, про то знают боги; но это племя искаженное. Они не хотят переводить то, что предлагают им, но выбирают сами, а выбор их падает обыкновенно на особенные материи. Если бы я с этими людьми не взял возжей в руки, из моего периодического издания вышла бы помойная яма. Слава богу, что я еще так успел, но вперед буду осторожен. Особенно с такими книгопродавцами не желал бы иметь дела».³

Это признание Рейхеля о трениях с сотрудниками-студентами по вопросу о литературном материале для журнала становится особенно интересным, если принять во внимание обще-

¹ Интерес тогдашних читателей и литераторов к фонвизинскому переводу «Сифа» подтверждается рецензиями и аннотациями в «Ежемесячных сочинениях» (1763, кн. I, стр. 78—79; кн. IX, стр. 281—282; 1764, кн. X, стр. 371). В первой из этих заметок сообщается о том, что печатается перевод «Сифа»: «Естьли какой роман достоин чтения, то сей напаче. Он сочинен по большей части тем же вкусом, как Телемак, и содержит столько же пренарядных житейских правил, как и первый» (стр. 78—79).

² Шевырев в «Истории Московского университета» (стр. 94) называет среди участников еще «Павла Лопухина и др.». В тексте «Собрания лучших сочинений» оснований для этого нет.

³ Там же, стр. 99. Немецкий текст письма см. в «Словаре профессоров Московского университета» С. Шевырева (М., 1856, ч. II, стр. 346).

ственное оживление в 1762 г. в связи с екатерининским переворотом, а также то, что среди переводчиков были такие люди, как молодой Д. Фонвизин. Повидимому, студенты желали перевести политическую литературу, а осторожный профессор избегал «опасных материй».

Второе издание «Собрания лучших сочинений» было осуществлено Н. Новиковым в 1787 г. после смерти Рейхеля (1778).

«Собрание лучших сочинений» не может и не должно быть забыто при рассмотрении истории русской журналистики XVIII в. Как ни тяжеловесны и неуклюжи порой переводы в этом издании, все же они показывают разнообразие и серьезность направления, избранного Рейхелем. Переиздание «Собрания» через 25 лет после его выхода, притом переиздание Новиковым, чутко улавливающим потребности передового русского читателя, служит свидетельством интереса к журналу. В издании Рейхеля русский читатель находил не только любопытные в литературном отношении статьи, как «Торг семи муз» (из Кригеровых снов), «Защитение говорливости женщин» и т. д., но и новые идеи в области политической экономии и литературы. Наконец, не лишена значения деятельность переводчиков «Собрания лучших сочинений» для истории русского литературного и научного языка, в частности для истории политико-экономической терминологии.

ГЛАВА IV

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 1769—1774 гг.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Новая полоса в истории русской журналистики совпадает с началом царствования Екатерины II. Выше уже отмечалось, что к концу 1750-х годов в результате деятельности Кантемира и Ломоносова, в итоге функционирования Академии Наук, Сухопутного шляхетного корпуса, Московского университета, Российского театра значительно повысился культурный, идейно-политический уровень русского общества. Управлять страной так же деспотически и невежественно, как это делали Екатерина I, Петр II, Анна Ивановна и Елизавета, было уже невозможно. Екатерине II пришлось вести иную политику. Человек несомненно очень умный, хотя чем дальше, тем более самоуверенный и самовлюбленный, Екатерина понимала, что — по крайней мере на первых порах — ей необходимо считаться с мнением и интересами влиятельной более передовой части общества, главным образом с культурным дворянством, оказывавшим значительное воздействие на другие слои населения. Отсюда и проистекал показной, фальшивый либерализм Екатерины, неразлучный, впрочем, с прежними методами управления страной при помощи фаворитизма и деспотизма.

В цитированных уже нами кишиневских заметках по русской истории XVIII в. Пушкин писал: «Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали».

вали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе... оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве... Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не забудет ее славной памяти от проклятия России...

«Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все кралось и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

«Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского¹ в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность».

Стремление Екатерины показать свою «прогрессивность» и этим снискать поддержку «либеральной» части дворянства было продиктовано, однако, не только соображениями личной заинтересованности незаконной монархини, узурпировавшей власть, но, главным образом, тем, что к этому времени крепостные крестьяне стали все резче и резче обнаруживать свое недовольство усиливавшимся гнетом и произволом помещиков.

«В течение 1760-х годов, — пишет проф. Н. Дружинин, — одновременно были охвачены волнениями 100 тыс. крестьян церковных имений, 100 тыс. крестьян, приписанных к горным

¹ Домашний палач кроткой Екатерины. (Прим. Пушкина).

заводам, и 50 тыс. крестьян помещичьих имений; массовое брожение наблюдалось и в районах южных однодворческих поселений. Волнения охватили обширную территорию центральных и восточных губерний. Это были массовые протесты нового типа: в отличие от крестьянских бунтов XVII и начала XVIII столетий, которые являлись борьбой против процесса закрепощения, волнения церковных, приписных и помещичьих крестьян 1760-х годов были борьбой против феодальной эксплуатации, осложненной новыми, капиталистическими отношениями. Это была первая волна крестьянского протеста, который в результате усиливавшегося кризиса привел к крестьянской войне 1773—1775 гг. и сохранил свои характерные черты до самой отмены крепостного права».¹

Волнения четверти миллиона крестьян (при общем количестве населения около 20 миллионов человек) было фактом очень значительным, с которым и Екатерина и дворянство в целом должны были серьезно считаться.

«Сложившаяся в феодальной деревне новая ситуация, — продолжает цитированный выше автор, — сразу же отразилась на сознании господствовавшего класса: под непосредственным впечатлением крестьянского движения появились дворянские проекты смягчения крепостного права, а правительственная политика вылилась в форму так называемого „просвещенного абсолютизма“. Чтобы укрепить заколебавшуюся феодальную систему, дворянское государство не только усиливало политику репрессий, но и пошло на частичные уступки, стараясь приспособиться к складывавшимся буржуазным отношениям» (там же).

Такими уступками были указы о борьбе со взяточничеством, с ростовщичеством и в еще большей мере знаменитый «Наказ» и «пошлая фарса», по словам Пушкина, Комиссии для сочинения Нового уложения (1767—1768). В то же время развивались события в Польше, поведение за собой вскоре так называемый «Первый раздел Польши»; сильно обострились из-за этого отношения с Францией, в результате чего началась война России с союзником Франции — Турцией. При дворе императрицы шла упорная борьба за власть между двумя группами дворянства — крупнопоместной с аристократическими тенденциями и олигархическими симпатиями (во главе с Н. И. Паниным) и мелкопоместной, малокультурной, грубой и хищнически-крепостнической, имевшей своими вождями сперва братьев Орловых, а затем Потемкина. Все это вызывало оживленные отклики в тогдаш-

¹ Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России. — Вопросы истории, 1949, № 11, стр. 94.

ней литературе¹ и в быту, но в журналистике на первых порах отражения не нашло.

В конце 1760-х годов начался новый, интенсивный и очень значительный подъем русской журналистики. Деятели этого периода были люди, оставившие заметный след в истории русской общественности и литературы.

Отражая в своем творчестве, в меру своего понимания, в меру своих сил и возможностей, потребности народной жизни, прогрессивные писатели первой половины XVIII в. воспитали новое — второе — поколение литературных деятелей, возглавлявшихся Новиковым и Фоввизинным.

Этому поколению писателей пришлось действовать уже в иных условиях: петровские преобразования, хотя и в сильно приноровленном к интересам одного только дворянства виде, укрепились, Россия приобрела большое политическое влияние в Европе, усилилось самодержавие — несмотря на то, что в результате дворцовых переворотов, которые, по словам В. И. Ленина, «были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»,² сами монархи часто менялись, — а наряду с укреплением монархии шло усиленное развитие крепостничества в самой грубой форме.

Перед вторым поколением прогрессивных русских писателей XVIII в. встала задача борьбы с наиболее дикими формами самодержавия и крепостничества. Едва ли кто-либо из них поднимался до осознания необходимости борьбы с самодержавием и с крепостничеством как со всеобщим злом. Но борьбу против произвола самодержавия и против диких проявлений крепостничества они считали своим долгом и делом.

Особенно большое влияние на рост общественного самосознания того времени оказал роспуск Комиссии для сочинения проекта Нового уложения (1767—1768).

Комиссия эта не оправдала надежд Екатерины, несмотря на достаточно хорошо организованный порядок выборов депутатов, регламент работ Комиссии и умело подобранный административный аппарат ее. В Комиссии, вскоре после официальной торжественной части, начались довольно резкие столкновения различных социальных групп, в ней представленных, обсуждение вопросов повестки дня шло вовсе не в желательном для Екатерины направлении: крепостники-дворяне требовали отмены пе-

¹ Ср. притчу Сумарокова «Война орлов», посвященную толкам о борьбе братьев Орловых за господство при дворе (Сочинения Сумарокова, т. VII, стр. 242).

² Ленин В. И. Сочинения, т. 28, стр. 397.

тровой табели о рангах, дававшей возможность не-дворянам по происхождению становиться потомственными дворянами-помещиками по службе, а также запрещения новым дворянам покупать землю и крепостных; купцы, промышленники, духовенство и даже кулацкие элементы из свободных («государственных») крестьян заявляли претензии на право приобретать крепостных и землю; представители демократических слоев населения — однодворцы, мелкие казаки и пр., — отражая настроения крепостной массы, не имевшей права посылать депутатов в Комиссию, боролись с крепостническими требованиями большинства. Ко всему этому присоединилась еще борьба на национальной почве: депутаты недавно присоединенных «провинций» — Лифляндии, Эстляндии и более старых (Украины, Смоленской области — Белоруссии) — добились сохранения за их территориями старых местных законов, вопреки желанию Екатерины унифицировать все части государства в отношении законов.

Все эти обстоятельства, в особенности споры по поводу положения крепостных крестьян, вызвали оживленные отклики в различных слоях общества. Крепостная масса отозвалась на эти события в анонимном стихотворении, которому в науке присвоено название «Плач холопов»; в нем имеются следующие строки, касающиеся дворянских заправил Комиссии для сочинения проекта Нового уложения:

В свою ныне пользу законы переменяют,
Холопей в депутаты затем не выбирают.
Что могут, де, холопы там говорить.

Комиссия стояла в центре внимания всех слоев общества. В ее работах принимали участие многие современные писатели различных политических убеждений и социальной принадлежности. Депутатами из числа писателей были дворяне — реакционеры и консерваторы: кн. М. М. Щербатов, Д. В. Волков, А. А. Волков, Н. Е. Муравьев, И. П. Чаадаев и др., дворяне-либералы екатерининской ориентации: И. П. Елагин, А. В. Нарышкин, С. В. Нарышкин, А. А. Ржевский, А. А. Нартов, В. И. Бибииков, С. Г. Домашнев, более или менее передовые писатели, представители украинского дворянства: В. Т. Золотницкий, Г. И. Полетика, Н. Н. Мотонис, писатели-разночинцы: Я. П. Козельский, Л. В. Татищев, Г. В. Козицкий, проф. Я. Урсинус. В качестве секретарей («сочинителей»), протоколистов («держателей дневных записок», т. е. протоколов пленума Комиссии и ее частных комиссий) и переписчиков работали передовые писатели кн. Ф. А. Козловский, Н. И. Новиков, М. И. Попов, А. О. Аблесимов и др.

Таким образом, тогдашняя литература в лице значительного большинства ее представителей так или иначе принимала участие в занятиях Комиссии и, конечно, была в курсе ее дел.

18 декабря 1768 г., после почти трехмесячного перерыва в работах Комиссии, маршал (председатель) Комиссии А. И. Бибииков срочно созвал пленум и объявил о роспуске Комиссии впредь до особого извещения, мотивируя это решение Екатерины необходимостью депутатам-военным отправиться в свои воинские части для принятия участия в начинающейся войне с Турцией. Хотя формально Комиссия не была закрыта (частные комиссии продолжали собираться) и сроки ее созыва несколько раз отодвигались, но для всех было ясно, что Комиссия не удовлетворила Екатерину и была распущена по воле императрицы навсегда.

Прекращение деятельности Комиссии вызвало еще более оживленные толки, чем ее деятельность. Екатерина учла это и пришла к заключению о необходимости успокоить общественное мнение, разъяснить причины роспуска столь широко разрекламированной Комиссии и попутно изложить основные принципы правительственной политики.

Она решила сделать это при помощи периодического издания, сатирического журнала, который стал выходить анонимно со 2 января 1769 г. Журнал назывался «Всякая всячина»; это был первый литературный журнал, появившийся после закрытия «Доброго намерения» В. Санковского (1764).

Следует иметь в виду, что после некоторого оживления, наступившего в начале 1760-х годов, в русской журналистике ряд лет царил затишье: между 1764 и 1769 гг., кроме переизданий «Примечаний в Ведомостях» (1765—1766), специальных «Трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (1765—1775 и с перерывами далее) и изданного Академией Наук сборника «Библиотека российской исторической, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен» (1767), — никаких новых периодических изданий не выходило; собственно литературных журналов среди перечисленных органов не было вовсе.

Резко изменилось положение в 1769 г. Вслед за «Всякой всячиной» в конце января появилось «И то, и сию», с 21 января началось издание «Ни того, ни сего»; затем вышли «Поденщина», «Смесь», «Трутенъ», «Приятное с полезным» и, наконец, «Адская почта». В течение одного только 1769 г. — восемь сатирических журналов еженедельных и ежемесячных. Хотя в следующие годы эти журналы и не продолжают, но все же до 1774 г. тянется цепь таких изданий. В них уже нет той схематичности

и абстрактности, которая отличает сатирические статьи и стихи в журналах 1760—1764 гг.; «они были живы, блестящи, эффективны, интересны, даже дерзки...», — характеризует их Добролюбов, правда, очень ограничивающий круг тем, в которых именно такими оказывались сатирические журналы 1769 г. В самом деле, сатирическая журналистика этих лет полна движения, борьбы, резкостей, столкновений, нападков, дерзких намеков, полна жизни, и, конечно, это придает ей особый характер. Не будет преувеличением утверждение, что в журналистике XVIII в. это — наиболее сложный и интересный момент.

Однако правильное понимание отношений между тогдашними журналами и журналистами лишь постепенно делается доступным исследователю, лишь постепенно раскрываются позиции отдельных издателей, проясняются их намеки, и борьба между журналами увязывается с общественной жизнью эпохи. Но для всего этого нужно не только накопление конкретных фактов, комментирующих отдельные намеки, неясности, обмолвки старых текстов; нужно, прежде всего, очень внимательно разобраться в довольно обширной литературе вопроса, так как в существующих работах есть ряд чрезвычайно сложных постановок проблемы, выводы которых должны сказаться и сказываются в окончательной оценке как отдельных журналов 1769—1774 гг., так и их значения и роли в целом.

Первой специальной работой, посвященной рассмотрению сатирических изданий 1769—1774 гг., было исследование А. Н. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов» (1859).¹ Автор, видный историк литературы либерального направления, не случайно выбрал темой своей работы обличительно-сатирическую журналистику 70-х годов XVIII в. Как раз в конце 50-х годов прошлого века, после Крымской кампании, в нашей литературе особенно процветало так называемое «обличительное направление», выразившееся в более или менее резких нападках на отдельные и в большинстве случаев мелкие и частные стороны общественной жизни, без желания увидеть в частном проявлении более серьезных, общих настроений. Это было типично либеральное размахивание картонными мечами при полном уважении к социально-политическому строю и при опасении повредить ему нападками не по адресу. Не формулируя своего стремления показать, что сатирическая журналистика 1769—1774 гг. как бы представляет аналогию «обличительству» конца

¹ До книги Афанасьева подробнее других авторов писал о сатирических журналах 1769—1774 гг. Н. Н. Булич в диссертации «Сумароков и современная ему критика» (СПб., 1854, стр. 210—288).

50-х годов XIX в., — за него сделали это некоторые рецензенты его книги, — Афанасьев перечисляет в своей работе объекты сатиры XVIII в. и, тем самым, как бы подчеркивает: «Лишь до сих пор — не далее! Берите пример со стариков!».

Исследование Афанасьева ставило себе целью провести мысль, что плодотворность сатиры екатерининского времени явилась результатом контакта литературы и правительства; что объектами сатиры были только отдельные стороны общественной жизни, но никак не основы ее: крепостничество и самодержавие; наконец, что с этой стороны сатира 1769—1774 гг. может быть использована как урок для «обличительства» конца 50-х годов XIX в. В связи с этой точкой зрения Афанасьев собирал и группировал материал в своей книге. Самое существенное искажение, допущенное здесь Афанасьевым, заключалось в том, что для него все журналы этого периода в одинаковой мере характеристичны и все как бы на одно лицо. Все они благоговейно перед «премудрой Минервой», Екатериной; все они к тому только стремятся, чтобы споспешествовать ее политическим видам.

Книга Афанасьева вызвала ряд откликов в критике,¹ из которых следует выделить большую статью Н. А. Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины»,² представляющую специальное самостоятельное историческое и историко-литературное исследование. От пронизательности великого критика не могли ускользнуть тенденции книги Афанасьева, с одной стороны, а с другой — Добролюбову была уже в это время ясна половинчатость, беззубость и никчемность либерального «обличительства» современной ему эпохи. Не имея возможности высказать непосредственно свои воззрения на революционные задачи, стоящие перед литературой, Добролюбов воспользовался книгой Афанасьева для целей, прямо противоположных тем, какие ста-

¹ а) В—6—ъ П. [Вейнберг П. И.], — Библиот. для чтения, 1859, т. CLV, № 5, Русская литература, стр. 5—12; б) Т. Л., — Отеч. зап., 1859, т. CXXV, № 7, отд. III, стр. 45—50; в) Милорадович Г., — Русск. слово, 1859, № 5, стр. 87—88; г) СПб. вед., 1859, № 80; д) М. Ф. [Федоров М. П.], — Сев. цветок, 1859, № 27, стр. 3—4; е) Добролюбов Н. А., — Современник, 1859, т. LXXVII, № 10, отд. III, стр. 267—356. Еще раньше, когда работа Афанасьева печаталась в виде статей в «Отечественных записках» (1855, №№ 3, 4 и 6), по поводу нее были рецензии в ЖМНП (1855, ч. 88, отд. неофид., стр. 11—15); последняя глава работы Афанасьева первоначально была напечатана в «Русском вестнике» (1857, №№ 16 и 18). Ответом на книгу Афанасьева, с приближением к радикальным позициям, явилась также статья Д. А. Мордовцева «Обличительная литература в первых русских журналах и стесненные гласности» (Русск. слово, 1860, № 2, стр. 307—376 и № 3, стр. 321—377).

² Современник, 1859, кн. X, отд. III, стр. 267—356.

вил себе автор «Русских сатирических журналов 1769—1774 годов». Это обстоятельство необходимо все время иметь в виду, когда приходится обращаться к статье Добролюбова.

Но, пользуясь книгой Афанасьева как случаем высказать свои взгляды на задачи современной литературы, Добролюбов тем не менее не забывает и собственно историко-литературной стороны вопроса. Опираясь на законодательные документы соответствующего периода, а также на мемуарные и иные материалы екатерининского времени, опубликованные в специальных, иногда даже провинциальных изданиях, Добролюбов показывает, насколько ограниченной в своих тенденциях и зависимой от правительства «допущения» была сатирическая журналистика 1769—1774 гг., как боялась она договариваться до конечных выводов, как не касалась она коренных вопросов русской жизни. «Этим-то и объясняется то, на первый взгляд очень странное явление, — пишет Добролюбов, — что сатира тогдашнего времени, при своей резкости, благородстве и постоянном соответствии с правительственными мерами (разрядка моя, — П. Б.), ничего, однако же, не исправила и не переделала» (стр. 167).

Несомненно, статья Добролюбова представляет наиболее ценную работу в старой историографии сатирической журналистики;¹ несомненно, что для современного историка русской журналистики «Русская сатира в век Екатерины» является не только конкретным высказыванием великого критика по данному вопросу, но и методически важным образцом. Однако нельзя упускать из виду и некоторых особенностей этой статьи, находившихся в зависимости от тогдашнего уровня исторических и историко-литературных знаний, далеко не достаточных в те годы, чтобы разобраться в сложных отношениях между журналами, литературными и общественными группами и т. п. Это касается, в первую очередь, мнения Добролюбова, что сатирическая журналистика находилась «в постоянном соответствии с правительственными мерами». Так думать можно было до появления очень важной для истории журнальной полемики 1769 г. работы акад. П. П. Пекарского «Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II», в которой документально устанавливается факт близкого участия Екатерины во «Всякой всячине» и делается с достаточной убедительностью предположение, что она была не рядовым сотрудником, а, пожалуй, и редактором, во всяком случае — главой кружка; эта работа вышла уже после

¹ Известный интерес представляет и любопытная рецензия Т. А. в «Отечественных записках» (см. примеч. на стр. 163).

смерти Добролюбова, в 1863 г. Много позднее были обнародованы отдельные исследования об отношении журналов 1769—1774 гг. к иностранным образцам, показавшие, что наиболее важные в политическом и литературном аспекте статьи были не переводными, а оригинальными; наконец, в 1914 г. появилась основанная на материалах Архива Академии Наук книга В. П. Семенникова «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Разыскания об издателях их и сотрудниках».

Накопленные в перечисленных и иных работах данные не позволяют современному исследователю вопроса останавливаться на тех суммарных определениях журнальной сатиры 1769—1774 гг., какие находятся в книге Афанасьева и статье Добролюбова.¹ За последние двадцать лет, в связи с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 мая 1934 г. о преподавании истории, изучение истории литературы XVIII в. приобрело более серьезный исторический характер и теснее увязывается с общественно-политической и идеологической жизнью эпохи. Это не могло не отразиться на трактовке журналистики XVIII в. и, в первую очередь, на трактовке сатирических журналов 1769—1774 гг. Сейчас уже было бы ненаучно говорить о «сатире 1769—1774 гг.» вообще, о том, что журналистика этого периода шла полностью на поводу у правительства Екатерины, что борьба между журналами не имела принципиального характера.²

После обобщения накопленного по вопросу о сатирической журналистике 1769—1774 гг. материала дело представляется в таком виде. Разнообразные и далеко не благоприятные для

¹ Дальнейшим развитием вопроса об общественной роли сатирической журналистики 1769—1774 гг. были упомянутая выше статья Д. Л. Мордовцева и работа М. Туманова «Влияние русской литературы второй половины XVIII века на судопроизводство и законодательную деятельность правительства по этому вопросу» (Сб. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1903, т. LXXV, и отдельно). Выводы М. Туманова, далеко не подтвержденные материалами, основанные на натяжках и произвольных заключениях, довольно благоприятны для сатирической журналистики 1769—1774 гг. По своей тенденции и фразеологии работа Туманова является прямым продолжением книги Афанасьева и представляет как бы возражение на статью Добролюбова с позиций Афанасьева. Научного значения она не имеет.

² Наиболее значительные по объему работы о сатирических журналах 1769—1774 гг., вышедшие в последнее время: Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 282—320; Берков П. Н. Сатирическая журналистика 1769—1774 гг. — в «Очерках по истории русской журналистики и критики» (ч. 1. Л., 1950, стр. 45—81); он же. Сатирические журналы Н. И. Новикова (в книге под тем же названием, стр. 7—42); Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 113—270.

Екатерины отклики общества и литературы (главным образом в рукописном виде) на отдельные правительственные мероприятия, в частности на «Наказ», а в особенности бурная, хотя и безрезультатная деятельность Комиссии 1767—1768 гг., заставили Екатерину прибегнуть к публичному объяснению как со своими политическими противниками, так и со своими единомышленниками. Для этой цели был создан журнал «Всякая всячина», где, наряду с сатирико-нравоучительными заданиями, проводились очень важные для Екатерины политические идеи: даны были объяснения причин прекращения деятельности Комиссии 1767 г., охарактеризована внутренняя политика царицы, прокламирована любезная Екатерине теория «социальной гармонии» и т. п. Обо всем этом подробно будет сказано ниже, в изложении содержания «Всякой всячины»; сейчас же нужно отметить, что для проведения своего замысла Екатерина считала полезным не слишком выделять «Всякую всячину», поэтому было разрешено издание и других журналов. Сделано это было не в каком-либо законодательном порядке, а давалось знать заинтересованным лицам в первом, раздававшемся бесплатно листе «Всякой всячины» мимоходом, между строк: «Мой дух восхищен: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя Всякия всячины. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети: будут и уроды ее место со временем заступать» (стр. 2 об.). Последняя фраза показывает, что Екатерина ясно предвидела оппозиционные выступления.

«Поколение» «Всякой всячины», как известно, не замедлило появиться. Не зная основного замысла Екатерины, возглавлявшей кружок ближайших сотрудников «Всякой всячины», — довести до сознания читателей ряд политических тезисов, — издавали последующих журналов, а также читатели приняли за основную задачу первого сатирического журнала 1769 г. то, что было сформулировано в статье «Поздравление с Новым годом»: «Достойны быть поздравлены все те, кои дожили до сего отличного дня, в который они, может статься, увидят себя не только снаружи в зеркале, но еще и внутренние свои достоинства, начертанные пером. О коль щастливо самолюбие ваше в сей день, когда ему новый способ прискался, смеяться над пороками других и любоваться собою... добрый вкус и здравое рассуждение... одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение Всякия всячины за руку ведут» (стр. 2 об.—3).

Именно осмеяние пороков и насаждение «здравых» идей были поняты как задача, возложенная на журнальную сатиру. Поэтому перед издателями и литераторами, участвовавшими в журналах 1769 и последующих годов, прежде всего встал теоретический

вопрос: какой должна быть сатира? Вопрос этот для русской литературы был не новым.

Уже в начале 50-х годов XVIII в. тогдашние писатели спрашивали себя, насколько эффективна сатира как средство воспитания общества. Напольный (армейский) поручик Брайко в рукописной «Сатире» (1752) сомневался в пользе сатирической деятельности:

Да льзя ль и зделать что сатирую в народе?¹
 Возможно ли того достигнути конца,
 Чтоб ею обратить испорченны сердца,
 Когда мы видим, что законы, ни уставы
 Не могут истребить в народе злые нравы?²
 Когда ни самый страх, ни муки, ни гроза
 Не могут ужаснуть преступников глаза
 И несмотря на все столь строгие указы
 Не истребят худых обычаев заразы?¹

Около этого же времени Сумароков в своей «Эпистоле о стихотворстве» (1747) наметил объекты и принципы сатиры. Но, теоретически признавая сатиру на «порок», на практике Сумароков всегда выводил «лица» как воплощение порока. Таким образом, в русской литературе еще задолго до 1769 г. обозначились два течения в сатирической трактовке: абстрактная сатира на «порок» и конкретная сатира на «лица».

«Всякая всячина», хотя и была зачинательницей сатирической плеяды 1769—1774 гг., тем не менее, как верно указал Добролюбов, была «слабейшей и осторожнейшей в обличениях, чем все другие журналы ей современные».² Ее метод «исправления нравов» состоял в абстрактной сатире на «порок». Это не исключало, конечно, того, что отдельные страницы екатерининского журнала оказывались вполне конкретными, в особенности когда объектом нападения был Новиков.

Однако «добрый вкус и здравое рассуждение», на которые надеялась в своей вступительной статье «Всякая всячина», не сумели повести за собой «доброе поколение Всякия всячины»: все почти без исключения (кроме разве «Приятного с полезным») журналы 1769 г. пошли по пути сатиры на «лица». Для правительственного журнала, имевшего целью определенным образом направить и наставить литературную деятельность подданных, это было первым и серьезным предупреждением: общественное мнение, поскольку оно могло найти выражение в лите-

¹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. Л., 1936, стр. 143—144.

² Это ответ Афанасьеву, считавшему «Всякую всячину» «одним из лучших сатирических журналов своего времени» (Афанасьев, стр. 33).

ратуре, было за то, чтобы придать сатирическому осмеянию более осязательный и действенный характер. Журналы, в особенности такие, как «Смесь», «Трутень» и «Адская почта», целили в определенные личности и хотя выводили их под условными именами, вроде Злорад, Кашей, Стозмей и т. п., но, при сравнительной малонаселенности тогдашнего Петербурга и достаточной бытовой осведомленности тогдашних читателей, эти литературно-условные имена превращались в условленные обозначения определенных живых лиц. Поэтому могло случиться так, что какой-нибудь Стозмей и его любовница Перекраса, фигурирующие в «Трутне» (лист XVI, августа 11 дня), появляются в «Смеси» (лист 20, вышедший около этого же времени) и в «Адской почте» (ноябрь, стр. 315). Насколько привыкли тогдашние читатели угадывать самые незначительные намеки современных писателей, можно видеть хотя бы из следующего примера. В одном из произведений В. П. Петрова говорится о ничтожном поэте, который «угощает обедами приятелей, хулит чужие произведения, а свои стихи всем читает и разносит по большим боярам, за что слывет Горацием в Морской и Пиндаром в Миллионной; ему покровительствует какой-то меценат, живущий на Мойке, а словарь расхваливает его».¹ К этим словам исследователь делает примечание, указывая, что поэт — это В. И. Майков, меценат — это граф Э. Г. Чернышев, дом которого находится на Мойке у Синего моста, а словарь — Н. И. Новиков, издатель «Опыта исторического словаря о российских писателях» (1772).

Приведем еще пример. В листе 21 «Смеси» помещен «Разговор Меркурия с издателем Смеси», где, между прочим, Меркурий обращается к своему собеседнику с вопросом, не хочет ли он посмотреть «новых песен с изображением Пегаса». На это Издатель Смеси отвечает, что книжку эту видел, но не знает, для чего тут приплетен Пегас. Меркурий объясняет: «Ты видишь, что Пегас сердит и сшиб с себя сего писателя» (стр. 164). Афанасьев в своем исследовании раскрыл смысл этого намека: в 1769 г. Херасков издал книжку стихотворений под названием «Философические оды, или песни Михайла Хераскова», на заглавном листе которой изображен летящий Пегас.² И вот, этот беглый намек, помещенный в середине августа в «Смеси», повторяется в сентябрьской книжке «Адской почты»: «Я слышаа, Асмодей, что и Никанор стихотворцем называется. Вот как свет с часа на час чистится. Прежде подьячие и грамоте не знали, а ныне они

¹ Майков А. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 275.

² Русские сатирические журналы 1769—1774 годов, стр. 79—80.

стихотворствуют. Скоро уже челобитны будут писаться в стихах. . . Никанор теперь и в сочинителях не последнее имеет место. Он силится взползти на самый верх Парнасса, но Пегаз заднею ногою его оттуда сшиб. Итак он вступил теперь в службу ябеды» (стр. 174). Для лиц, близко стоявших к тогдашней литературе и литераторам, приведенная из «Адской почты» цитата была понятна. Выражение «свет с часа на час чистится» было перифразом любимого изречения Хераскова о необходимости «чистить» язык, разум, стихотворство; эти слова часто встречаются в его статьях в «Полезном увеселении» и «Свободных часах», даже в последующей анекдотической литературе о нем. Слова «подьячие и грамоте не знали, а ныне они стихотворствуют» надо понимать как указание на то, что Херасков был директором Московского университета, т. е. чиновником, подьячим. О смысле выражения «Пегаз заднею ногою его [с Парнасса] сшиб» сказано выше. Наконец, последняя фраза, что «он вступил в службу ябеды», связана, очевидно, с ожидавшимся переездом Хераскова из Москвы в Петербург и слухами о предполагаемом поступлении его на службу в один из департаментов Сената.¹

Таким образом, самые легкие штрихи, казалось бы, неуловимые и неосязательные намеки иногда даже самым построением фразы раскрывали тогдашним читателям адресатов сатирических нападок современной журналистики в ее «личном» направлении.²

Конечно, не в каждой строчке следует искать конкретного намека, но от мысли, что перед нами «общая», «абстрактная» сатира, нужно отказаться, как бы ни утверждали издатели тогдашних журналов противное. Например, Ф. Эмин, издатель «Адской почты», уже во второй книжке журнала пишет: «Многие говорят, что и бесы мои делают на многих, но так думающие стыдиться будут, когда при конце сего года доказана будет несправедливость их мыслей. Бесы, сколько мне понятно, описывают вообще пороки и разные злоупотребления; естли же кто себя во оных сыщет, то виноват порочный, а не бесы, и ежели он на них негодует, то сам себя выводит наружу, а не издатель» (стр. 78). Итак, Эмин категорически отрицает конкретность своих указаний. Насколько это верно, можно судить по самому маленькому письму «Адской почты» (Письмо 65. От Кривого к Хромононому, стр. 224—225): «Вчерашнего дня я обедал у Фортуниада. Сей человек, известный щастием, которое лет

¹ В мае 1770 г. Херасков действительно переехал в Петербург, но был назначен вице-президентом Берг-коллегии.

² Ср. указанную выше в примеч. 1 на стр. 159 притчу Сумарокова «Война орлов».

с двадцать ему все приятства оказывает, хотя, как тебе известно, родился между людьми самой бедной и низкой породы; однако, фортуною будучи на высокую степень вознесен, не гордится с излишеством своим благополучием, как обыкновенно делают люди из ничего во что-нибудь претворенные. Мне то вчера странно показалось, что стихотворец * в оде своей, ему поднесенной, произвел его фамилию от римских императоров, хотя не только сего господина род, но и он сам до 20 лет и о имени простого дворянства не слыхал. Ласкатели обыкновенно за счастьем вслед ходят. Теперь вельможу Фортуннада живописцы стараются представить или Юпитером, или Марсом, либо Аполлоном, а сочинители приписывают ему такой разум и такое просвещение, которого они и сами не имеют: но он, яко человек разумный, их ласкательствам смеется». Выше было сказано, что иногда самым построением фразы читатель 70-х годов XVIII в. наталкивался на раскрытие адресата. То же самое имеем и здесь. Последняя, казалось бы, абсолютно безразличная, безобидная фраза («сочинители приписывают ему такой разум и такое просвещение, которого они и сами не имеют, но он, яко человек разумный, их ласкательствам смеется») на самом деле акцентирует внимание читателя на словах «разум», «разумный» и, по звуковой аналогии, заставляет вспомнить фамилию вельможи гр. А. Г. Разумовского, судьба которого полностью совпадает с тем, что сказано о Фортуннаде; даже деталь о стихотворце, возведшем род Разумовских к римским императорам, оказывается реальной: речь идет о пиите Михайле Козачинском, который в своей поэме «Философия Аристотелева по умствованию перипатетиков» (Львов, 1745) писал о «шляхетной енеалогии благородных господ Разумовских», связывая их с Октавианом Августом.¹

Таким образом, «поколение» «Всякой всячины», в особенности радикальная его часть, пошло по линии сатиры на «лица», что немало возмутило «родоначальницу» сатирической журналистики. Началась длительная и ожесточенная полемика по вопросу о допустимом характере сатиры. Следует отметить, что инициатива в данном случае принадлежала опять-таки «Всякой всячине».

Главным противником Екатерины оказался некий Правдулюбов в новиковском «Трутне», замечательный полемист, остроумный и меткий сатирик. Поэтому важно установить, кому принадлежал этот псевдоним.

Для решения этого вопроса должно обратить внимание на одну фразу в заключительной части первого письма Правдулю-

¹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика, стр. 38—40.

бова, в которой, очевидно, даны указания на то, кто такой Правдулюбов. Письмо заканчивается обращением к издателю «Трутня»: «Из всево поколения вашей прабабки [т. е. «Всякой всячины»] вы первый, к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне, как Трутню, с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такою пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет» (Трутень, 1769, л. V).

Таким образом, Правдулюбов хотя и обращается к издателю «Трутня», но дважды подчеркивает, что сам он и есть «Трутень» («мне как Трутню...») и «для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем...»). Иными словами, мы можем полагать, что «Трутень» — Правдулюбов и есть издатель журнала «Трутень» — Новиков. Правильность этого предположения подтверждается и последующим указанием Ф. Эмина в «Адской почте» (ноябрь, стр. 315), о котором речь будет впереди.

Из дальнейшей полемики следует отметить те места, из которых явствует, что тогдашним литераторам было известно, кто скрывается под маской анонимного издателя «Всякой всячины», т. е., что этот издатель — сама Екатерина.

Во втором письме Правдулюбов упрекает «Всякую всячину» в плохом знании русского языка. Этот тезис автор письма аргументирует следующим образом: «Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как то сказано не по-русски; уничтожить, что есть в ничто превратить, есть слово самовластною свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику» (стр. 48).

Для фразеологии сатирических журналов 1769—1774 гг. цитированные места очень характерны. Всем было тогда известно, что у Екатерины, плохо владевшей русским языком, была слабость — выдавать себя за настоящую писательницу. Ее подлинные тексты иногда до уморительного неправильны, поэтому до появления в печати они подвергались серьезной правке, не всегда, однако, бывшей в состоянии устранить своеобразие языка этой «русской писательницы».¹ На слабое знание русского языка, как

¹ Печатные тексты Екатерины сплошь сфальсифицированы издателями, иногда молча, иногда откровенно (ср. указание Пекарского в «Материалах для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II», стр. 36, что им «исправлены» тексты, перепечатанные в «Приложении» к названной работе). А вот неисправленный екатерининский язык: «Де-

видно из цитированного письма Правдулюбова, указывалось не только в связи с употреблением слова «уничтожать» в смысле «ставить в ничто». Стоит прочесть начало первого листа «Всякой всячины», чтобы почувствовать, что это не русский язык, а «язык» Екатерины, исправленный Козицким, очевидно, «литературным редактором» этого журнала.¹ Таким образом, этот пункт ответа Правдулюбова был неприкрытым выпадом против Екатерины. Еще более откровенным был намек на Екатерину во втором цитированном отрывке, где автор играет терминами «самовластие», «никакая власть», «верхняя власть».

Новиков, скрываясь под псевдонимом Правдулюбов, резко высмеивал позицию Екатерины, настаивавшей на допустимости одной только сатиры «на порок» и аргументировавшей эту точку зрения «человеколюбием», стремлением не обижать человеческое достоинство осмеиваемых сатирой. Правдулюбов-Новиков едко назвал это «человеколюбие» «пороколюбием», остроумно доказывая, что сатира «на общий порок» выгодна только знатым людям, и утверждал, что путь всякой истинной сатиры идет от осмеяния конкретного порочного лица к превращению в сатиру на порок вообще: «Меня никто не уверит и в том, что бы Молиэров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок» (Трутьев, 1769, л. XXV).

Начавшаяся таким образом полемика не могла привести к хорошим результатам.

Раздраженная Екатерина отдала, очевидно, предписание построже следить за журналами, в которых печатались сатиры

душка мой на сих днях читав в Собеседнике вопросы не известного и ответы на оные вопросы сочинителя были и неблагодарны закрыл книгу, потом глаза, накланя голову на груд, и был несколько время безо всякого движения, окружающие его мы родные и двоюродные внучата поль десяток подумали, что заснул по своему обыкновению, ибо отобедал, стали говорить полудолосом и ходить на дыпочки, но когда он благосклонного молвил, шеняты что балагурить престали? Тогда узнали мы что задумался толко, а как за сим последует почти всегда какое ни на есть примечание достойное выражение, то приближились мы к нему дабы ловить чего ни на есть но не мухи... не долго остались мы во ожидании. Дедюшка выпрямился на кожаных креслах и сказал молокососы не знаете вы того чего я знаю в наши времена вопросы никто не любил» (Пекарский, назв. соч., стр. 66—67). Это «язык» Екатерины почти через 15 лет после «Всякой всячины» (ср.: Орлов А. С.—Сб. «XVIII век», 1, стр. 24—25, прим. 2).

¹ «Тысяча семь сот шестьдесят девятый год отменно щастливо начинаем; (если бы не предстояла война; но даром; на начинающего вить бог). Всякая всячина всегда с нами пребывала: но ни который год не мог позвалиться, иметь оную напечатанную» (стр. 3).

на «лица».¹ Во всяком случае, вскоре после этого в «Трутне» в статье «Ведомости», подражавшей в своей структуре «Санкт-Петербургским ведомостям», в разделе «Подряды» было напечатано следующее многозначительное «объявление»: «Издателю Трутня для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен: ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают» (лист XVIII, август 25, стр. 112). Объявление это составлено так, что могло сойти за насмешку сотрудника журнала над редактором, но могло быть понято и за сообщение читателям о цензурных притеснениях «Трутня».

Теоретический спор о характере сатиры вызвал, таким образом, усиление цензуры, а затем и полное закрытие ряда журналов. Только смягчивший свою резкость «Трутенъ» да еще правительственная «Всякая всячина» перешли в 1770 г., все прочие журналы 1769 г. прекратились постепенно в течение года издания.

Спор о принципах и границах сатиры не имел чисто литературного характера. За видимой полемикой о допустимости сатиры «на лицо» шла борьба за право писателя, право литературы критиковать не только вредные общественные явления, но и виновников их, критиковать административный аппарат, выражать свободно и открыто свое возмущение поступками «знатных особ», не исключая и самой Екатерины. Спор о характере сатирической литературы превращался в борьбу за свободное общественное мнение, за право писателей быть рупором интересов народа — так, как они понимали эти интересы, — и выступать против того, что представлялось им нарушением этих интересов.

Передовые сатирические журналисты, хорошо зная, кто стоит во главе «Всякой всячины», и пользуясь анонимностью издания, нападали на Екатерину с достаточной откровенностью. Так, в письме 11 «Адской почты» Эмина, в которой ведут переписку два беса, Кривой бес пишет Хромоногому: «Ты знаешь, брат, что я из ада определен к политическим делам. Если бы ты не был такой бес, как я, то подумать бы мог, что дурно отправляю мою должность, уведомляя тебя о маловажных случаях, которые в политику не всеми включаемы бывают. Светские люди, — многозначительно продолжает Кривой бес, — политикою назы-

¹ Прямых указаний по этому поводу в цензурном законодательстве тех лет не сохранилось, но ряд материалов подобного рода существует; см. диссертацию Д. Д. Шамрая: Из истории цензурного режима Екатерины II. Л., 1947 (машинопись; хранится в Отделе диссертаций Всесоюзной Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве).

вают, по большей части, действия самые тончайшие и тайною хитростию наполненные; однако многие из них, и по нашему рассуждая, вмещают в политику и всякую всячину» (Адская почта, 1769, июль, стр. 41; разрядка моя, — П. Б.). Предупредив, таким образом, читателя, что «Всякая всячина» рассматривается им в качестве какого-то звена в политике Екатерины, Эмин начинает следующую книжку своего журнала с «письма г. Всякой всячине». Здесь он, касаясь позиций екатерининского журнала в вопросе о характере сатиры, пишет: «Ты таким своим нравоучением всем нравиться хочешь, но поверь мне, что придет время, в которое будешь подобна безобразному лицу, беллами и румянами некстати украшивающемуся. Знай, что от всеснедающего времени ничто укрыться не может. Оно когданибудь пожрет и твою слабую политику, когда твои политические белла и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным сделается» (стр. 76—77).

Итак, Эмин совершенно откровенно заявляет, что считает «Всякую всячину» журналом политическим и к тому же журналом, проводящим «слабую», неубедительную политику. В самом деле, предпринимая издание журнала, Екатерина хотела, как уже указывалось выше, объяснить со своими читателями, дать понять, почему ею распущена Комиссия, как представляет она себе свои задачи и какое поведение подданных желательно ей. Эти свои взгляды она изложила в так называемой «сказке о мужичке» (стр. 164—168) и в статьях «Дядюшка мой человек разумный есть» (стр. 220—224) и «Молодые люди всего желают отвечат» (стр. 339—341).

Содержание «сказки о мужичке» таково. Жил да был мужичок. Когда он вырос и окреп, его старый кафтан стал ему узок. Долгое время ему не удавалось добиться у помещицкого приказчика, чтобы тот отдал приказ сделать мужичку новый кафтан. В конце концов сыскался добрый приказчик, который созвал портных, дал им сукно и велел шить мужичку кафтан. Им был даже дан «образцовый кафтан». Но портные оказались не на высоте призвания, они не справились с делом. Пока они возились, «вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и холода помирали». Мальчики, хотя и были грамотными и могли помочь незадачливому портным, но не пожелали сделать этого и стали требовать, чтобы им отдали те кафтаны, «кои у нас были, — говорили они, — как мы были пяти лет, мы в них очень нарядны будем, нам теперь пятнадцать лет». Требования мальчиков помешали портным шить кафтан мужичку, который на улице без кафтана совсем замерз. А дворецкий стал уверять мальчиков, что хозяин и их не забудет, «только им на-

перед ту милость заслужить должно, а не попустому упорствовать». Кончается сказка словами: «Продолжение впредь сообщу».

Смысла этой политической сказки таков. Мужичок — русский народ; кафтан — Новое уложение; дворецкий — приказчик Екатерины; портные — Комиссия депутатов; четыре грамотные мальчика — представители Лифляндии, Эстляндии, Украины и Смоленской области, требовавшие сохранить им их старинное местное самоуправление. Последние слова сказки и обещание сообщить «продолжение впредь» должны были объяснить подлинные причины закрытия Комиссии и условия возобновления ее деятельности.

Очевидно именно эту сказку называл Эмин в своем «письме г. Всякой всячине» «слабой политикой» и «политическими белилами и румянами».

Статья «Дядюшка мой человек разумный есть» также имеет инносказательный смысл. Дядюшка, потративший много сил на то, чтобы привести в порядок свое запущенное имение, недоволен поведением своих домашних, которые думают только о своих личных выгодах и не хотят ничем помочь ему. «Вообще все заражено двумя пороками: первый — корысть, другой — дух властвования. Наравне быть не умеют, и от того уже родиться может зависть, ненависть, злость, угнетение, когда есть возможность, несправедливости всякие, насильствие и, наконец, мучительства». Дядюшка крайне огорчен всем этим и даже расстроен и раздражен.

Конечно, дядюшка — это сама Екатерина, домашние его — это подданные, а смысл статьи — что нужно уметь «наравне быть», т. е. оставаться на том месте на социальной лестнице, где кто находится. Ту же мысль Екатерина проводит в статье «Молодые люди всего желают отведают»; она убеждает все сословия быть довольными своим нынешним положением и не стремиться к его изменению: «Слушайте, Еввины дети, истину неоспоримую и живите спокойно: все вы не можете жить один без другого, все вы есть члены одного тела».

Не только Эмину была ясна «политика» Екатерины во «Всякой всячине»; и в «Смеси», и в «Трутне» находятся статьи, которые свидетельствуют о том, что передовые представители русского общества тех лет уже не довольствовались либеральными фразами Екатерины и мужественно говорили то, что думали. Л. И. Сичкарев в «Речи о существе простого народа» пишет: «Многие сограждане видят истину, закрытую завесой ложного предрассуждения. Пусть народ погружен в незнание, но я сие говорю богатым и знатным, утесняющим человечество, в подобном себе создании» (Смесь, 1769, л. 25, стр. 198).

Но как резко ни выступали против Екатерины Эмин и Сичкарев, они далеко уступают в силе, страстности и благородном негодовании Новикову. Во «Всякой всячине» под № 103 (в этом журнале не было нумерации листов, а статьи или «отделения» шли без заглавий, но под номерами) была помещена статья, начинающаяся словами: «Некогда читал некто следующую повесть». Статья «Всякой всячины» направлена против журнала Новикова и проводит мысль, что у Новикова вовсе нет социально полезных побуждений, что его сатирические сочинения представляют сплетни, «жадность и жажду ко новизнам», что это вредно действует на умы молодых читателей.

В ответ на грубую статью Екатерины, — а эта статья безусловно принадлежит ей, это видно из ее последующего ответа, — Новиков напечатал пародию — переделку этой же статьи, взяв статью из «Всякой всячины» за основу и заменив все направленное против него соответственными нападками на Екатерину.

Вот начало и конец обеих статей:

«Всякая всячина»

Некогда читал некто следующую повесть. У моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неутолимая их жажда и жадность ко новизнам. Обыкновенно задача к тому дается одним словом или действием, а в каждом доме к одному или другому прибавляются свои рассуждения.

Если бы сие любопытство было хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который любит новизну, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего еще не знает (стр. 265).

... Читав сие, понял он причину, для чего в великом множестве наши листы охотно покупают. Хотите ли оную знать? Боюся сказать, прогневайтесь. Одно любопытство и новизна вас к сему поощряет.

Ему пришло на ум еще новенькое. Со временем составлять

«Трутень»

Некогда читал некто следующую повесть; у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство.

Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который заражен самолюбием, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда не говорят (л. XX).

... Читав сие, понял он причину, для чего сперва тысячами некоторых листы охотно покупали. Хотите ли оную знать? Боюся сказать, прогневаются; одно желание посмеяться самолюбию Авторскому к сему поощряло.

Ему пришло на ум еще новенькое, со временем составить он

он хочет ведомости, в которых все новизны напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш. Например... (стр. 266).

...Сведая сие, мы думали, что нам бы непрослительно было утаить сие важное известие от наших читателей (стр. 267).

хочет книгу, всякий вздор, в которой все странные приключения напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш, например... (л. XX).

...Сведая, я думал, что мне непрослительно было утаить сие важное от вас, г. издатель, известие и от ваших читателей (л. XX).

В результате получилась статья, исключительно смелая, резкая и полная глубокого достоинства.

Итак, Новиков ударил Екатерину ее же оружием и ударил прямо в точку: виной всему он считает самолюбие Екатерины. Знал ли он, что Екатерина вообще принимала участие во «Всякой всячине» и, в частности, была автором этой статьи (в последнем убеждают, кроме принципиальности данной статьи и повторения ее темы в ряде комедий Екатерины, также неправильности языка, не везде устраненные литературной, так сказать, редакцией)? Из тех вставок, какие сделаны Новиковым в тексте его травестии, явствует, что он не только это знал, но именно поэтому намеренно и заострил в статье отдельные моменты, подчеркивая тем самым сознательную резкость тона. Екатерина упрекает «любителей новизн и сочинителей» не только в перемиывании косточек ближних, но также и в поношении многих добрых людей». Новиков в противовес ей подробно обрисовывает следствия ее самовлюбленности и жадности к лестн. «Если бы сей человек [самолюбивый], — пишет Новиков, пародируя текст Екатерины, — если бы вздумал такие новости читать, то бы сие для него гораздо было полезнее, как мнение, что такой-то не так пишет, как он, или что такая-то безмерно в последней комедии хвалила то, что ему не нравится... или что многие хвалят те сочинения, кои несогласны с его умоначертанием, или осмеливаются тогда писать, когда он пишет; или, наконец, что все то худо, что не по его и ему не нравится. Такой самолюбивый угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся. Его умоначертание наполнено самим только собою; он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него неправильно отъемяется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаясь из дома в дом, ему похвалы возглашали, что однако есть грех» (л. XX).

Может ли после этой цитаты оставаться хоть намек на сомнение в том, что Новиков знал, кто автор статьи во «Всякой

всячине»? Это упорное повторение излюбленного Екатериной словечка «умоначертание», это намеренное сочетание понятий «самолюбие» и «ласкательство»,¹ наконец это многозначительное указание на то, что поведение «самолюбивого» «угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся», — все это, вместе с более чем прозрачным «он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает», свидетельствует о том, что автор статьи Новикову был хорошо известен и последний воспользовался случаем, чтобы, прикрываясь полемикой с неназванным литературным противником, сказать Екатерине смелые и честные слова о только эгоистической, как ему казалось, основе ее политической линии, о ее самовлюбленности и позерстве. Русская литература здесь едва ли не впервые сделала полный гражданской сознательности, резко откровенный и дерзкий по форме набег на самодержавие Екатерины. Поэтому нельзя забывать об этом поступке Новикова, когда мы читаем глубоко волнующие строки Пушкина, посвященные характеристике екатерининской политики как раз этих лет: «Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; „Наказ“ ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но перечитывая сей лицемерный „Наказ“, нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна».

Пушкин в основном был прав, — некоторые русские писатели — реакционные и либеральные — раболепствовали и подличали перед Екатериной. Но, как видно из приведенных материалов, Новиков нашел в себе мужество сказать Екатерине горькие слова обличения.

Через некоторое время после помещения данной статьи один из читателей укорял Новикова за то, что «Трутень» не выхо-

¹ Для полного уразумения смысла, который вкладывал Новиков в соединение понятий «самолюбие» и «ласкательство», необходимо обязательно привлечь к рассмотрению новиковской травести непосредственно за ней следующее в том же листе «Трутня» «письмо Огорченного», который просят издателя ополчиться «на ласкателей, на сих ядом дышущих чудовищей, противу благосостояния государства; на сих подлых тварей, которые для своего прибытка обольщаемых ими вельмож отворачивают от благотворения». «Я не буду вам описывать, — говорит далее Огорченный, — сколько они бесчестны и сколько наносят ареста государству, за тем, что я вас прошу написать на них сатиру, но скажу, что они у нас и добродетельнейших похищают вельмож». Конечно, «вельможи» здесь только замена легко возникающего в связи с дважды повторенным словом «государство» имени Екатерины.

дил в течение четырех недель. Новиков, оправдываясь, писал так: «Я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому побудившие, но для избежания хлопот, я о том умалчиваю». Не являлось ли это вынужденное молчание отчасти результатом помещения новиковской травестики?

Несомненно, что цензурный нажим на «Трутня» после этой стычки и помещенных вскоре затем «Копий с отписок старосты к помещику» усилился. Помимо указанного выше четырехнедельного перерыва в издании журнала, свидетельством цензурных воздействий на Новикова является письмо во второй части «Трутня» (1770, лист 13, № 39), в котором автор жалуется на наборщиков: «Они так портят писмена, попавшие к ним в руки, что читатель, потея и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора». На это Новиков пишет: «Сочинителю сего письма во ответ ничего теперь не скажу: пусть он изволит потерпеть, а со временем я его уведомяю о многом особливом письмом». Намек на то, что виноваты не наборщики, а цензура, здесь достаточно ясен. В следующем листе «Трутня» Новиков, отвечая «молодой сочинительнице» и через ее голову полемизируя со «Всякой всячиной» (вы угрожаете, что «будете жаловаться моей прабабке — но у меня ее нет»), писал: «Ежели бы получил я ваше письмо вчера, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверх того я взбешен был одною женщиною, так немудрено, ежели бы я вам сделал грубый ответ. . .». Едва ли стал бы Новиков оповещать своих читателей о каких-либо своих интимных ссорах; «женщина», взбесившая его, — это либо «цензура», либо, скорее всего, Екатерина. И именно для того, чтобы показать свое благородное упорство в споре с аргументировавшей свои доводы цензурным вмешательством «государыней-публицистом», как называл Екатерину один из реакционных историков, Новиков безбоязненно заявлял в журнале, т. е. публично, зная, какой резонанс это будет иметь, что он «взбешен был одною женщиной». Можно думать, что «взбешен» был Новиков сообщением о предстоящем закрытии «Трутня», который прекратился через месяц.

Велась Новиковым борьба с Екатериной и другими способами. Так, в «Трутне» (1770, л. VIII) печатается перевод с китайского А. П. Леонтьева «Чензыя, китайского философа, ответ, данный его государю», в «Пустомеле» (1770, июль) другой перевод Леонтьева — «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну»; в обоих переводах с китайского было очень много такого, что наталкивало на сопоставление с русской действительностью 1769—1770 гг. Вот, например, фраза в «Ответе

Чензья», которая совершенно злободневно звучала во время толков о роспуске Комиссии 1767 г.: «Если учреждения твои будут легкомысленны и, следовательно, не тверды, то ведай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будет» (Трутень, 1770, л. VIII). Во втором переводе обращают на себя внимание те места, в которых старый государь передает власть наследнику (напомним, что в 1770 г. Екатерина, согласно своему письменному обещанию, должна была уступить власть Павлу Петровичу, которому тогда исполнилось шестнадцать лет) и при этом формулирует основные принципы своей правительственной системы: «Не отдавайся в обман льстецам и лукавцам и не слушай развратных предложений... ведай, что от добродетельного государева жития в государстве бывает мир и согласие...» (Пустомеля, 1770, июль).

«Добродетельное житие государя» служило Новикову также одним из средств борьбы с Екатериной: и в «Трутне», и в «Живописце» находится много статей, в которых осмеивается «престарелая кокетка», подыскивающая молодых любовников (Трутень, 1769, л. VI, л. XVI; 1770, л. III, л. XIII, л. XIV; Живописец, 1772, л. II; 1773, л. 12, л. 23). Это несомненно намеки на фаворитизм, ставший особенно заметным именно в эти годы. Нападки Новикова на Екатерину по этой линии построены всегда так осторожно, что цензуре никак нельзя было придраться к чему бы то ни было, а читателям в то же время было ясно, о ком и о чем идет речь. Иногда резкость Новикова заходила чрезвычайно далеко. Такова, например, характеристика развратной «девицы», которой идет уже пятый десяток (Екатерина родилась в 1729 г.) и которая гордится тем, что «никто уже [ей] не скажет: живи с одним и люби одного»; эта же «девица» пишет письмо о «Живописце» и подписывается инициалами «Р. Г.», которые можно расшифровать, как угодно, в том числе и как «Российская Государыня».

Своеобразие борьбы Новикова с Екатериной проявлялось в том, что обычно, вслед за такими резкими нападками на свою антагонистку, Новиков помещал в том же или ближайшем листе журнала обильные, но холодные и потому производившие впечатление официальной отписки похвалы Екатерине. Этим он как бы иллюстрировал слова старца Аполлония к Коммоду из переведенного Д. И. Фонвизинным «Слова похвального Марку Аврелию»: «Если ты не будешь добродетелем, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренно».

Формы борьбы Новикова с Екатериной были настолько разнообразны и тонки, что иногда они вводили в заблуждение даже

весьма осторожных исследователей. Особенно характерен случай с посвящением («приписанием») журнала «Живописец» «Неизвестному сочинителю комедии „О время!“, т. е. Екатерине.

Потерпев неудачу на поприще сатирической журналистики в 1769 г., Екатерина в течение 1770—1771 гг. написала пять комедий. Первая из них, «О время!», была представлена в начале 1772 г. на придворном театре как пьеса «неизвестного сочинителя», но всем интересовавшимся литературой и театром было известно, что автором комедии является Екатерина. Еще в заключительном письме «Всякой всячины» Екатерина, намекая на свое обращение к драматургии, в угрожающем тоне обещала, что «достанутся от [нее] многим щедрые милости» (Барышек Всякия всячины, 1770, стр. 502). В своей комедии Екатерина нападает на «недовольных» и «критикующих» правительственные мероприятия, выставляя своих противников в карикатурном и пристрастном освещении; в ряде мест можно усмотреть прямые отголоски полемики 1769 г., иногда можно даже угадать намеки на Новикова и его «Трутьень».

Новиков воспользовался появлением сатирической комедии Екатерины и, ссылаясь на ободряющий пример «неизвестного сочинителя», стал издавать «Живописца».

Помещенное в первом листе нового журнала «Приписание» Екатерине является в панегириком «неизвестному сочинителю», как почему-то принято считать, а очень ловкой критикой пьесы Екатерины. Сказав несколько комплиментов анонимному драматургу, Новиков продолжает: «перо ваше достойно равенства с Молиэровым.¹ Следуйте его примеру: взгляните беспристрастным оком на пороки наши... Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица... Низкостепенный порочный человек, видя осмеваема себя купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, в первый раз в жизни своей восчувствует равенство с низкостепенными».

Подчеркнутые нами места достаточно отчетливо показывают позицию Новикова при оценке комедии Екатерины. Советы следовало Мольеру, смело критиковавшему пороки высшего дворянского круга, предложить взглянуть беспристрастным оком, истребить из сердца всякое пристрастие и т. д., и т. д. — все это

¹ В 3-м издании «Живописца»: «перо ваше достойно будет равенства с Молиэровым». Разрядка здесь и в тексте моя.

не что иное, как признание того, что как раз эта необъективность, пристрастность, сведение личных счетов и представляет недостатки Екатерины как автора комедии «О время!». Особенно замечательна фраза, что «пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются».

Иными словами, в форме посвящения своего журнала Екатерине Новиков вступает с ней в новую фазу борьбы, обезоруживая ее ссылками на ее собственную анонимную сатирическую комедию. Поэтому совсем особо звучит характеристика комедии «О время!», данная Новиковым несколько ниже, как «преполезного сочинения». Своим лукавым языком, в котором сознательно перемешаны элементы иронии и самообороны, Новиков произносит нечто вроде комплимента: «Примите, государь мой, сей знак благодарности за ваше преполезное сочинение от единоплеменника вашего. Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоплеменников; вы поострили меня испытать в том свои силы...».

Вопрос о характере и границах сатиры незаметно, но неизбежно перешел в борьбу с самодержавием. Конечно, это еще не борьба с самодержавием как с принципом; здесь перед нами только борьба с Екатериной как с личностью, как с нарушительницей идеала истинно добродетельного государя. Однако недооценивать значение этой борьбы нельзя. За Новиковым остается бесспорная заслуга — он первый начал литературную войну с самодержавием.

И если бы сатирическая журналистика 1769 г. в лице «Трутня», «Адской почты» и «Смеси» ограничилась одной только этой линией борьбы, то и за это она достойна была бы нашего уважения. Но за Новиковым и его соратниками была вторая, не менее важная заслуга. Они впервые поставили во всей широте и глубине вопрос о положении крепостных крестьян.

Именно эту сторону сатиры 1769 г. особенно высоко ценил Добролюбов. Он указывал, что в суждениях о положении крепостных она была «резка и беспощадна», что крестьянский вопрос был поставлен на вид «безбоязненно и серьезно». В то же время Добролюбов правильно указывал на ограниченность и слабость этой сатиры: она нападала «не на принцип, не на основу зла, а только на злоупотребление того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло» (т. II, стр. 174—175).

Таким образом, Добролюбов, говоря об ограниченности новиковской сатиры в крестьянском вопросе, отмечает как раз то, на что указывалось выше, когда шла речь об отношении Новикова к Екатерине.

Однако и в данном случае, как и в борьбе его с Екатериной, заслуг Новикова преуменьшать нельзя. В «Трутне», а затем в «Живописце» Новиков печатает и свои и чужие статьи о крепостном крестьянстве, придавая им самые разнообразные формы — «рецептов», «портретов», «писем», «копий» с переписки крестьян и помещика, «ведомостей» (газет), «путешествий» и т. д. И во всех этих произведениях проводится мысль о неотложной необходимости изменения положения крепостных. Ни Новиков, ни самые радикальные из его сотрудников не ставили прямо вопроса о необходимости отменить крепостное право. Новиков, как верно указал Добролюбов, только зывал к нравственному чувству помещиков и настаивал на прекращении злоупотреблений владельческими правами. Однако и это имело большое значение, если не по практическим результатам, то, во всяком случае, для развития в литературе гуманности, искреннего сочувствия к крепостному крестьянину и стремления верно и правдиво изобразить его жизнь.

Для более точной характеристики того, как обсуждение положения крепостных протекало в сатирической журналистике 1769—1774 гг., мы остановимся на наиболее важных статьях, посвященных этому вопросу в тогдашних журналах.

И в данном случае первое слово по этому поводу сказала «Всякая всячина», стремясь ввести обсуждение вопроса в желательные для Екатерины границы. В отделении 32 («Мне случилось жить в наемных домах»... , стр. 89—95) сообщается о жестоком соседе автора: «Лишь я успел переехать [в приобретенный дом], то услышал вместо поздравления с новосельем превеликий крик. Я осведомился, что тому причину? Мне сказали, что мой сосед милостиво наказывает своих людей на конюшне своей плетью. Я спросил, часто ли то бывает? Ответствовали мне, что кроме воскресных дней и господских праздников, почти всякий день. Я позадумался, вошел в палаты, и пенял на себя, что безо всякой осторожности купил дом, в котором мне будет такое беспокорство, моим малым детям непрерывный пример суровости; и зачал было мыслить, как сему лиху помочь» (стр. 89—90). Новая выходка злонаправленного соседа, вздумавшего рыть колодезь под стеной, отделявшей владение автора, отвлекает последнего от размышлений о положении дворовых людей соседа, и лишь в самом конце статьи автор вспоминает о них: «Видя... , что старик таков, принужден был требовать запрещения старику рыть колодезь. Но за людей кто смеет вступиться? Хотя сердце соболезнает о их страдании. О всещедрый боже! всели человеколюбие в сердце людей твоих» (стр. 95).

Таким образом, «Всякая всячина» ставит вопрос о положении крепостных не как проблему социальную, а как этическую, моральную; здесь решается не коренной вопрос классовых противоречий крепостнического государства, а казнится жестокосердие злого помещика, или, как осторожно выражается «Всякая всячина», отсутствие в нем «человеколюбия». Собственно говоря, в анализируемой статье «Всякой всячины» нет даже изображения тяжелого положения крепостных, а только разговоры о нем, суждения и благочестивые возгласы об исправлении худых помещиков. И вообще «Всякая всячина» воздерживается от сколь угодно подробной трактовки этой темы: мимоходом сообщается от имени помещичьего сына, что он бивал в детстве крестьянских ребят, своих сверстников (стр. 241); мельком говорится о том, что «господин Благодать по поводу нашей страницы 95 на сожаление о рабах [цитированное выше] нечто написал. Секретарь нашего приказа пометил над оным: бить челом и представлять, где надлежит» (стр. 248), и ни звука более по поводу этого отклика. Наконец, в очень важном отделении 127 («Молодые люди всего желают отведать»), о котором сказано выше, проводится мысль, что положение крестьян естественно, как и остальных членов общественного организма (стр. 340).

Иную позицию занимают «Смесь» и в особенности «Труть». В «Смеси» (лист 3, стр. 22) в «Разговоре Леандра с Мизантропом» есть следующее характерное место:

«Мизантроп: Мне кажется, что вы философствуете и предпочитаете умеренную и спокойную жизнь всем светским пышностям. Леандр: Без сомнения. Мизантроп: Я не думал, чтоб вы, будучи еще молоды, так здраво рассуждали. Неужели вы не променяете малого своего домика на огромные палаты, которых почти каждой камень омочен слезами разоренных крестьян».

От этого, только кстати оброненного замечания «Смесь» в развитии крестьянской темы переходит к интересной статье «Речь о существе простого народа» (лист 25, стр. 193—198). Ироническая «Речь» местами предвосхищает крыловское «Похвальное слово в память моему дедушке». Считая, вместе со всеми философами, что «один только разум отличает человека от животных», и анализируя с этой точки зрения положение крестьян, автор приходит к выводу, что они, «одним словом, делают все, что нам нужно, так точно, как работные лошади и волы. Следовательно, они имеют одно только стремление, свойственное животным, а не разум» (стр. 193). Сопоставляя жизнь «благородных» и крестьян к невыгоде последних, «Смесь» заключает:

«Чем далее кто начнет рассуждать, тот более будет находить, что по сим основаниям нет разума в простом народе» (стр. 194—195). Автор иронически сомневается, есть ли у простолюдинов добродетели, «затем что стихотворцы прославляют добродетели лирическим гласом, однако я никогда не читал похвальной оды крестьянину, так же как и кляче, на которой он пашет» (стр. 195). Особенно заслуживают внимания дальнейшие рассуждения автора: «Простой народ терпелив, он сносит голод, жар, стужу, презрение от богатых, гордость знатных, нападки от управителей, разорение от помещиков, одним словом, от всех, кои его сильнее. Можно признаться, что он терпелив; однако не смею еще вменить сие в добродетель, затем, что добродетели присвоятся одним благородным. Итак все, что можно сделать для простого народа, я сделаю и назову его терпение хорошим качеством. Ибо простолюдины безрассудны: они справедливы, верны, набожны и исполняют многие похвальные дела; но не рассуждают, для чего сие делают, и какая им из того происходит польза. Напротив того, благородные никогда без пользы не будут трудиться» (стр. 195—196). Заключается статья тезисом, «что и простой народ есть создание, одаренное разумом, хотя князья и бояре утверждают противное. Но что до того нужны: многие сограждане видят истину, закрытую завесою ложного предрассуждения. Пусть народ погружен в незнание, но я сие говорю богатым и знатным, утесняющим человечество в подобном себе создании» (стр. 198).

Затрагивает крестьянскую тему и помещенное в листе 27 «Смеси» письмо «настоящего камчадала» (стр. 209—216). Для литературы этой эпохи характерна сатира в форме замечаний дикаря, удивленного цивилизацией и видящего в современном обществе те пороки, которые сокрыты от привычного взгляда члена этого общества — «светского человека». В «наивных» рассуждениях камчадала представлены недостатки и социального и бытового уклада России XVIII в. Статья «Смеси» имеет и некоторый полемический смысл. Дело в том, что в отделении 12 «Всякой всячины», в самом начале 1769 г., было напечатано письмо некоего Аришлая Шуши, в котором предполагают гр. Андрея Петровича Шувалова. Аришлай Шуши заявляет, что родом он камчадал и давно уже выехал из своего отечества. Приписывая своим единоплеменникам, в том числе и себе, большую аккуратность, автор письма сообщает, что заказал два ящика для помещения в каждый соответственно хороших и худых листов «Всякой всячины», чтобы в конце года взвесить оба ящика и оценить остроумие журнала (стр. 37—38). Таким образом, маска дикаря-камчадала не была использована «Всякой

всячиной» в обычном для такого жанра направлении, хотя о камчадале упоминается еще несколько раз. К этому и придралась «Смесь», и ее «дикарь» заявил, что он — «настоящий камчадал».

И вот этот камчадал, изображая «здешний город», т. е. Петербург, «который кажется [ему] наполнен колдунами», после стилизованной характеристики высшего общества и чиновного круга обращается к теме о крепостных. «Колдовство, — пишет «камчадал», — уверяет простой народ, что он должен пахать, сеять и собирать жатву единственно для своих помещиков, а иногда оттого и умирать с голоду: одним словом, он думает, что рыбы, птицы и все видимое на свете принадлежит боярам» (стр. 212). Далее говорится о развращающем влиянии, которое оказывает на «праводушных крестьян» превращение в дворовых, в швейцаров, а также о проституции, рекрутируемой «из простого народа» (стр. 212—213). В конце своего письма «настоящей камчадал» переходит от описания нравов Петербурга к обобщенной характеристике провинциальной жизни, причем снова затрагивает «крепостную тему»: «Не только что в сем городе так много колдовства, но сказывают еще мне, что во всяком малом городе есть колдун в виде воеводы, и все простолюдины его боятся, затем что опасаются его гнева. Сей волхв в определенном ему пространстве приемлет в свою власть и ветры, и облака; от него зависит изобилие и недостаток; в его руках щастие и нещастие крестьян, и он так жестокосерд, что простой народ ежедневно молит бога о смягчении его сердца» (стр. 216).

Если сопоставить «филантропизм» «Всякой всячины» в отношении крепостных с тем, как та же тема изображается на страницах «Смеси», то нельзя не признать за последней демократичности и подлинного сочувствия и уважения к «простому народу». Наконец, в условиях тогдашней цензуры это местами было просто смело. Недаром «Смесь», вместе с «Трутнем», стояла на левом фланге тогдашней журналистики. Характерно, что «Адская почта» осторожного Эмина посвятила теме крепостничества одну только статью, в которой говорится о злоупотреблениях при сдаче крепостных в рекруты (июль, письмо 2, стр. 10—12), а в прочих журналах 1769 г. нет даже и этого. Зато тем рельефнее выступает на этом фоне «рабьего молчания» жгучее и горькое слово «Трутня».

Уже самый титул журнала «Труть», несмотря на все литературно-бытовые аргументы, приводимые Новиковым, имел аллегорический смысл, мало приятный для дворянства этой эпохи. И особенно подчеркивался этот смысл эпитафией к первой части журнала, эпитафией, взятым из притчи Сумарокова «Жуки и Пчелы» и гласящим так: «Они работают, а вы их труд

ядите».¹ Впрочем, к развернутой борьбе с помещичьим произволом Новиков приступил почти через полгода после начала издания журнала. В XXIV листе «Трутня» (6 октября) было напечатано продолжение «Рецептов», начатых в предыдущем номере и состоявших в перечислении средств к исправлению различных пороков: тщеславия знатной породой, судейского корыстолюбия, стихотворческого самолюбия, алчности откупщика и т. п. Среди «рецептов» XXIV листа находится резкое по началу и содержанию, но очень смягченное к концу выступление против крепостничества. «Рецепт» прописан «для г. Безрассуда». Последний «болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о том он знает только по тому, что они крепостные ево рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую *о б р о к*» (стр. 147). Далее обрисовывается высокомерное и жестокое отношение «г. Безрассуда» к своим крестьянам. «Он... думает: „Я — господин, они — мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день, и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора“. В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: „в поте лица своего съеси [ты будешь есть] хлеб свой“. Бедные крестьяне любить ево как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, ево трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем, что насилу могут платить господские поборы» (стр. 147—148). Указав, что подобное отношение Безрассуда к крепостным отражается на их самооценке, на их принижении, что «они не смеют и мыслить, что они человеки», автор переходит к морализующей части статьи — крестьяне Безрассуда несчастны, потому что он жесток и бесчеловечен. Но «прочие их братья у помещиков-отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастью, ради того, что они в своем звании благополучны» (стр. 148). Автор (вероятно Новиков) пытается урезонить Безрассуда таким доводом: «По-

¹ Притча Сумарокова «Жуки и Пчелы» направлена против Тредиаковского и была написана вскоре после выхода «Сочинений и переводов» Тредиаковского (1752), в которых были помещены его работы по стихосложению. Именно поэтому и говорит Сумароков, что

Насежи Жуки
Вспалах в науки
И стави патоку пчел делать обучать.

Аполлон, разъяренный наглостью жуков, выгоняет их и произносит фразу, использованную Новиковым в качестве эпиграфа к «Трутню».

думай, как должны гнушаться тобой истинные человеки, человеки господá, господá, отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, пре-обращающего нужное подчинение в несносное иго рабства» (стр. 148—149). Концовкой этой статьи является «от сей вредной болезни рецепт: Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, пока он найдет различие между господином и крестьянином».

Этот рецепт может напомнить аналогичные положения в старинных произведениях древнерусской и других литератур средних веков, где сравниваются кости царя и раба, мудреца и глупца, и т. д. Однако все эти средневековые легенды не содержат никаких элементов социальной сатиры; их тенденция — «общеморальная». Иной характер имеет «рецепт г. Безрассуду»; здесь центр тяжести с вопроса о равенстве людей перед лицом смерти, столь типичном выражении идеологии средневековья, перенесен на проблему социального равенства в реальной жизни.

Что же касается основной части статьи «Для г. Безрассуда», то по поводу нее должно, прежде всего, сказать, что она построена по характерному для XVII—XVIII вв. принципу: методом борьбы со злом является противопоставление отрицательному явлению положительного, не в качестве идеала, а в качестве якобы реально существующего. На этом построены трагедии Расина, на этом построены оды Ломоносова, ряд комедий XVIII в. и т. п. То, что обычно считают «лестью», «придворной ложью» и т. д., было формой проведения положительных идеалов. Таким образом, крепостные, о которых автор пишет, что они «у помещиков-отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете щастию, ради того, что они в своем звании благополучны», это не реальные крестьяне XVIII в., будто бы известные автору, а «реализованный» идеал. Этот идеал, конечно, недостаточен, он исходит из положения о «нужном подчинении», но восстает против «несносного ига рабства».

Эту недостаточность, половинчатость позиции Новикова метко охарактеризовал Добролюбов в своей работе о русской сатире 1769—1774 гг.: «Рецепт заставляет думать, что у автора была идея о несправедливости человеческой власти вообще. „Крестьяне суть тоже человеки и даже более похожи на людей, чем иные помещики; а человеку человеком владеть как вещи — не должно“. Таковы, кажется, его основные мысли. Но, всматриваясь пристальнее, находим, что и здесь была на уме у автора только отвлеченная мораль, потому что он тут же восхваляет „человеков господ, господ отцов своих детей, а не тиранов

своих рабов". Следовательно, и в этой статейке та же непоследовательность, которую страдает вообще сатира прошлого столетия. Вместо прямого вывода: „крестьяне тоже человеки, следовательно, помещики не имеют над ними никаких прав“, подставлен другой, очень неполный: „крестьяне тоже человеки, следовательно, не нужно над ними тиранствовать“.¹

Та «непоследовательность», которую заметил в «рецепте г. Безрассуду» Добролюбов, особенно проявилась в следующем, кажется не отмеченном в литературе эпизоде в деятельности «Трутня». В следующем, XXV листе новиковского журнала было помещено коротенькое письмо из Москвы (подпись — П. С.), в котором сообщалось о «новозобретенном плутовстве», при помощи которого «помещики, забывшие честь и совесть», обходят во время рекрутского набора «запрещение чинить в продажу крестьян в рекруты и с земли до окончания набора». «Плутовство» состояло в том, что покупщиком подавался фиктивный иск «в завладении дачь» и потом, согласно «мировой челобитной», проданный в рекруты крестьянин «уступался» продавцом. Автор письма заключает свое сообщение просьбой к издателю: «напишите ко отвращению сего зла средство» (стр. 155—156).² Новиков на это ответил очень своеобразно: «Это не мое дело» (стр. 156).

Трудно сказать с полной уверенностью, что имел в виду Новиков, давая такой ответ. Можно только заметить, что набран этот ответ шрифтом более крупным, чем остальной материал на той же странице, и, повидимому, это не было случайностью. Возможно, что таким необычным способом типографского оформления Новиков хотел обратить внимание своих читателей на свой ответ и, тем самым, на письмо П. С.

Комментируя данное место в своем переиздании «Трутня», П. А. Ефремов писал: «Приписок, подобных помещенной в конце этого письма, Новиков раньше не делывал».³ Этими словами в подцензурных условиях 1760-х годов Ефремов хотел указать на вынужденность реплики Новикова. Может быть, Новиков дал сначала ответ по существу письма П. С., но цензура запретила этот ответ, сказав, что «это не его дело», и он, зная, что случай этот известен публике, воспроизвел затем данную формулу в журнале, выделив ее крупным шрифтом. Можно предложить еще и другое толкование этой приписки — воспринять ее как иронию над Екатериной: читатель, прочитав, что «это не дело» из-

¹ Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 170. Этот отрывок был запрещен цензурой и в тексте «Современника» отсутствует.

² Ср.: Адская почта. 1760, июль, стр. 10—12.

³ Трутень. Изд. 3-е, СПб., 1865, стр. 354.

дателя «Трутня», задаст себе вопрос, чье же это дело, и придет в результате размышления к выводу, что «это дело правительства, которое не следит за подобным плутовством». Можно было бы предположить, что Новиков поместил свой необычный ответ, придавая ему серьезный смысл, но этому противоречит типографское оформление ответа, явно рассчитанное на то, чтобы обратить на себя внимание.¹

Однако журналистская «хитрость» Новикова, повидимому, была понята не всеми его читателями, и результатом этого было следующее.

В одном из ближайших листов «Трутня» помещено письмо некоего Заботина:

«Г. издатель! Я прибегаю к вам и прошу вашей помощи. В соседстве со мною оказались болезни, от которых господа лечители тел наших отказались, говоря: не наше де это дело. Итак, надеясь на вас, опишу вам болезни моих соседей, а вы, пожалуйста, напишите им рецепты, которые с благодарностию примет ваш слуга Заботин» (лист XXVII, стр. 163). Письмо это явно метит в самого Новикова, «рецепты» которого в XXIII и XXIV листах «Трутня» прописаны от имени «Лечителя» и который, как указано было выше, на письмо П. С. о злоупотреблениях с продажей рекрутов ответил: «Это не мое дело». Но, повидимому, издатель «Трутня» не понял намека Заботина. «Описания болезней» были помещены, и среди них и болезнь г. Злорада. Она состоит, по словам Заботина, в том, что Злорад считает, «что слуг, ему подчиненных, ко исполнению своих должностей ничем иным принудить невозможно, как строгостию, иль паче зверством и жестокими побоями». Он наказывает их даже по пустякам зверски. Отношение Злорада к своим рабам — жестокое и лютое. «Любовь к человечеству он опровергает, но утверждает, что рабам жестокость и наказание так, как и дневная пища, необходимо нужны» (стр. 164—165).

Едва ли можно сомневаться, что намерение Заботина было вызвать Новикова на решительное объяснение по вопросу о положении крепостных. Для этого был повторен материал, поданный в свое время Новиковым при изображении Безрассуда, но здесь он еще более заострен и направлен в социально-политическую, а не абстрактно-моральную сторону. Новиков, однако, остался верен себе — рецепт «для г. Злорада» (стр. 167) составлен в плане отвлеченной этики: «Чувствований истинного человечества 3 лота; любви к ближнему 2 золотника, и соболез-

¹ Такую ошибку допустил я в комментарии к «Сатирическим журналам Н. И. Новикова» (стр. 543).

нования к нещастию рабов 3 золотн., положи вместе истолочь и давать больному в теплой воде, а потом всякой час давать ему нюхать спирт, делающейся из благоразумия. Естли ж и сие не поможет, тогда дать больному принять волшебных капель от 30 и до 40. Сии капли произведут то, что он сам несколько часов будет чувствовать рабское состояние и после сего, конечно, излечится». Только последние строки ответа Новикова отступают от абстрактно-морального теоретизирования: Новиков отлично понимал, что достаточно помещику-крепостнику побыть несколько часов «в рабском [т. е. крестьянском] состоянии», чтобы излечиться от своего «зверства».

Таково отношение самого Новикова к острейшей проблеме той эпохи, к вопросу о крепостных, в самый почти канун пугачевского движения. Непоследовательность, половинчатость, «дворянский гуманизм», апелляция к «человечности» — вот что характеризует позицию Новикова в крестьянском вопросе. Но к чести его должно сказать, что, будучи сам столь двойствен и нерешителен, он давал в своем «Трутне», как позднее в «Живописце», место более радикальным взглядам. Здесь речь идет о знаменитых «Копиях с отписок» крестьян к помещику Григорию Сидоровичу и «Копии с помещичьего указа», являющегося ответом на крестьянские «отписки».

Отличительной чертой этих «отписок» является их конкретность, реалистичность. В то время как во всех почти предыдущих выступлениях журналистов 1769 г. против крепостничества мы имеем дело с обобщенными изображениями «порока» («зверство», «лютость», «суровость», «отсутствие человеколюбия», безразлично, — относятся ли они к Злораду, Безрассуду или какому-либо другому помещику), в «Копиях с отписок» каждая строка, каждая фраза звучит такой искренностью, такой жизненной правдой, такой безыскусственной простотой, что вполне понимаешь сказанное Добролюбовым: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?» (т. II, стр. 167). А в другом месте по тому же поводу он писал: «Если это письмо вымышлено, то нужно признаться, что оно вымышлено с большим талантом и знанием дела и недостатков того времени» (т. I, стр. 262).

Конечно, «Копии с отписок» и «Копия с помещичьего указа» — не подлинные документы, но они написаны с исключительным знанием настоящей жизни крепостных предпугачевского времени, и притом написаны большим мастером.¹ Поэтому да-

¹ См. публикацию: Симсон П. — Русский архив, 1891, № 7, стр. 298—302 («крестьянская челобитная» 1790-х годов).

леко не безразличным представляется выяснение вопроса, кто бы мог быть автором этих «отписок». В литературе существует две точки зрения по этому вопросу. В. П. Семенников, говоря в своем исследовании «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.» о сотрудниках новиковских журналов, останавливается на деятельности М. И. Попова, которого считает автором писем от дяди к племяннику (Трутень, листы II и XV), а также писем родных к Фалалеев в «Живописце». «По нашему мнению, — прибавляет В. П. Семенников, — перу автора этих писем можно бы приписать еще помещенные в „Трутне“ копии с отписок и с помещицкого указа (в листах XXVI и XXX). Здесь мы встречаем то же превосходное знание деревенского быта дворян того времени, — знание, которое отличает автора писем к Фалалеев; здесь так же, как и в этих письмах, рисуются некоторые картины, являющиеся резким протестом против крепостного права» (стр. 45). В. П. Семенников, не найдя даже достаточных аргументов для приписания М. И. Попову писем дяди к племяннику («мы, однако, считаем, что Попов, по указанным основаниям, почти наверное был автором этого письма»), столь же бездоказательно приписывает Попову авторство в отношении «Копий с отписок» и «Копий с помещицкого указа».

Е. А. Боголюбов¹ и Г. П. Макогоненко² столь же бездоказательно приписывают «Копии с отписок» Новикову. Е. А. Боголюбов в своей интересной по наблюдениям и дельной по некоторым обобщениям статье вообще не останавливается на вопросе об авторах анонимных и псевдонимных произведений в новиковских журналах. Хотя теоретически Е. А. Боголюбов и признает, что «журнал создавался не одним лицом, а целым творческим коллективом»,³ однако на практике он в своей статье имеет дело с одним только автором — Новиковым. Поэтому у него без каких-либо аргументов и «письма к Фалалеев» (Живописец, 1772), и «Копии с отписок», и «письма дяди к племяннику» (Трутень, 1769) признаются произведениями Новикова и анализируются как «образцы» новиковской сатирической «эпистолярной формы».⁴

Так же, как и Е. А. Боголюбов, Г. П. Макогоненко, как само собою разумеющееся, считает Новикова автором «Копий с отпи-

¹ Боголюбов Е. А. Художественные средства сатиры Н. И. Новикова. — Уч. зап. Молотовск. Гос. пед. инст., вып. 10, Фак. яз. и лит., Каф. лит., Молотов, 1946, стр. 11.

² Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 151.

³ Боголюбов, назв. соч., стр. 6.

⁴ Там же, стр. 11.

сок» и не приводит поэтому никаких доказательств в пользу этого положения.

Более осторожно отнесся к этому вопросу А. Н. Афанасьев. Характеризуя жанры журнальной сатиры 1769—1774 гг. и в частности жанр «письма», он замечает: «Некоторые из этих писем написаны пером мастерским, с соблюдением верного художнического такта; таковы помещенные в „Живописце“ и „Трутне“ письма к Фалалею от его отца, матери и дяди, отписки крестьян к помещику и другие, живо напоминающие манеру и остроумие Фонвизина в его сатирических письмах (Письмо Взяткина к покойному его превосходительству, письма Дурькина и др.). Здесь нет тех преувеличений, которыми так легко могут увлечься сатирики и которые заметны в других журнальных статьях того времени; напротив, все дышит неподдельной естественностью».¹

Кажется, Афанасьев был на верном пути, характеризуя «отписки» и некоторые другие статьи как «живо напоминающие манеру и остроумие Фонвизина». Между помещиком Григорием Сидоровичем и Тарасом Скотининым, мастером выколачивать из своих крепостных максимум возможного, много общего. Но это еще не все. Письмо, при котором препровождены издателю «Трутья» «Копии с отписок» и «Копия с помещичьего указа», гласит следующее: «Г. Издатель! Из ваших сочинений приметил я, что вы к состоянию крестьян чувствительны. Вы о них сожалеете вообще: похвально; но коликого ж достойны сожаления те, кои во владении у худых помещиков. Я к вам сообщаю отписки одного старосты к его помещику и помещиков указ к крестьянам; вы из того усмотреть можете, как худые помещики над крестьянами данную власть употребляют во зло и что такие господа едва ли достойны быть рабами у рабов своих, а не господами. Слуга ваш Правдин» (лист XXVI, октября 20, стр. 158).

Эта подпись невольно заставляет вспомнить о персонаже фонвизинского «Недоросля», носящем то же имя. Но, как известно, «Недоросль» был написан в начале 1780-х годов; таким образом, приходится считать, что в данном случае имеет место простое совпадение. Однако, повидимому, дело обстоит сложнее. Новейшие исследования устанавливают начало работ Фонвизина над «Недорослем» около 1764 г. и считают, что тексты, опубликованные в «Литературном наследстве» (№ 9—10, стр. 243—263), представляют первый набросок гениальной комедии Фонвизина. Вполне естественно думать, что к этим первоначальным эскизам Фонвизин мог позднее возвращаться не однажды. Если это так, то можно допустить, что в одном из вариантов «Недоросля» уже

¹ Афанасьев, назв. соч., стр. 102.

фигурировал Правдин, отсутствующий в набросках 1764 г., и что помещенные в «Трутне» «Копии с отписок», препровожденные в журнал при письме за подписью Правдин, возникли в процессе работы над вторым вариантом «Недоросля».

Стилистически «Копии с отписок» совершенно совпадают с «Письмами к Фалалею». Как в «Копиях», так и в «Письмах» лейтмотивом отношений помещиков к крепостным является формула «сечь нещадно», фигурирующая в обоих произведениях. Упоминаемый в «отписке» старосты Антошки помещик Нахрапов, любитель наживаться на мнимых потравах, якобы совершенных крестьянскими гусями, — прототип дяди Фалалея, Ермолая Терентьевича; ср. аналогичную ситуацию в «Корионе» Фонвизина.

Даже в препроводительных письмах, предшествующих обоим произведениям, есть нечто общее. В частности, подпись П. Р. в вводной заметке к «Письмам Фалалею» можно читать не в виде отдельных инициальных букв, как это делает Новиков (ср. его же ошибочное чтение в «Отрывке путешествия в*** И*** Т***»), а вместе — Пр., что явится сокращенным псевдонимом, фигурировавшим при публикации «Копий с отписок», — Правдин.

Вопрос же об авторе «Писем к Фалалею» должен сейчас считаться решенным. Помимо того, что ряд исследователей высказывал предположение, что автором этих «писем» является Д. И. Фонвизин,¹ мы располагаем исключительно ценным показанием, несомненно восходящим к устной традиции XVIII в.

В хранищемся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) архиве А. Ф. Кони, среди бумаг его отца, Ф. А. Кони, есть писанная рукой последнего рукопись, озаглавленная «Письма из „Живописца“ Фонвизина. Письма уездного дворянина к его сыну в Ст. Петербург. Ф. К. (они)» (шифр: Ф. 134, оп. 5, № 186. — Бумага с водяным знаком — 1826 г.). Это «письма к Фалалею».

Можно ли допустить, что Кони или его источник ошибались? Можно. Однако то обстоятельство, что в течение почти ста лет исследователи, не знавшие о списке из архива Кони, самостоя-

¹ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854, стр. 281; Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. М., 1859, стр. 102; Лурье А. Н. Письма к Фалалею. — Уч. зап. АГУ, 1939, № 47, стр. 44—68; Исакович И. В. О «Письмах к Фалалею» Фонвизина. — Там же, стр. 68—76. — В. П. Семенников, сперва присоединившийся к мнению П. А. Ефремова, что автором «Писем к Фалалею» является М. И. Попов, позднее от этой точки зрения отказался, о чем сообщил на одном из заседаний Комиссии по изучению литературы XVIII в. в Институте русской литературы АН СССР.

тельно приходили к выводу, что автором «Писем к Фалалею» является Фонвизин, заставляет отбросить предположение, что Кони или его источник ошибались.

Ко всему сказанному следует прибавить еще одно замечание. Во «Всякой всячине» (отделение 26, стр. 77—79) помещено письмо за подписью «Фалалей», которое совершенно совпадает по своему характеру, содержанию и языку с полемическими произведениями Фонвизина тех лет (Трутьев, 1769, лл. III и IV): резкие нападки на драматурга В. И. Лукина, похвалы Сумарокову и т. д. Фалалей повторяет даже ошибку, допущенную Фонвизиним в названии переведенной Лукиным пьесы «Тесть и зять», которую оба они именуют «Зять и тесть». Это дает основание предполагать, что сперва Фалалей был только случайным псевдонимом Фонвизина, а затем молодой сатирик развил его в литературный образ, окружил родственниками и развернул вокруг них типичные картины помещичьего быта.

Таким образом, при суждении об авторе «Копий с отписок» должны быть учтены также «Письма к Фалалею», и обратно.¹

Автором «Копий с отписок», по моему мнению, должно считать не М. Попова и не Новикова, а Фонвизина.

Центральная тема «отписок» и «помещичьего указа» — экономическое положение крестьян. Здесь уже нет «филантропических» и «гуманистических» рассуждений о том, что крестьяне такие же люди, как и помещики. С исключительной силой набросана картина жестокого вымогательства помещика. За одну треть года ему староста должен доставить 225 р. со ста пятидесяти душ переписного населения, т. е. по 4 р. 50 коп. с души в год. Но фактически, как сообщает староста, «после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим всею тот же» (стр. 161). Таким образом, с живой души приходится уже свыше 5 р. 60 коп. Насколько значительна была эта сумма, можно видеть из следующих данных: в «Живописце» (1772, лист 15, стр. 119) сообщается, что в деревне Григория Григорьевича Орлова оброк положен по полтора рубля с души (в год). Но, с другой стороны, из нелитературных источников известно, что некоторые помещики брали со своих крепостных

¹ Кстати, думается, что из любопытного указания И. В. Исакович (назв. соч., стр. 71) о радищевской реминисценции Фалалея как «меньшого брата Митрофана Простякова» должно сделать более решительные выводы: Радищев был сам участником «Живописца» и, конечно, мог знать, что «Письма к Фалалею» принадлежат Фонвизину; это и отразилось в датированном И. В. Исакович месте. Что же касается «славнейшего из всех дядек — Цымбалды», то появление этого героя «повести о Бове королевиче» представляло самостоятельное развитие биографии фонвизинского Фалалея Радищевым.

по 7 и даже по 8 р.¹ Таким образом, рядовые помещики — Григории Сидоровичи, Тарасы Скотнинины, Простаковы, отец Фалалея и другие хищники — непомерными оброками грабили и разоряли своих крепостных.

Но из «Копий отписок» явствует, что оброк был только частью поборов с крепостных: «Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтоб изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами» (стр. 161). Строительный лес продается крестьянам в тридорога — «по пяти рублей за избу» (стр. 161), а когда за недоимки продаются избы крестьян, то идут «две клетки за три рубля за десять алтын» (стр. 159), т. е. за одну треть стоимости. Здесь же сообщается, что корова продана «за полтора рубля». На каждом шагу на крепостных налагается денежный штраф, даже за то, что в своих челобитьях они именуют помещика отцом, а не господином (стр. 162). Меры взыскания примитивно-скотнинские: «Неплательщиков, — сообщает староста, — по указу твоему господскому, на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять» (стр. 159); «неплательщики все прибавляются, и я, по указу твоему, сбор делал всякое воскресенье, и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними ни поволитишь» (стр. 161); «с Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей, и он на сходе высечен» (стр. 162); Филатка сообщает барину, что он «на сходе высечен» (стр. 181). А в «помещичьем указе» (стр. 183—186), состоящем из 16 пунктов, только и говорится о том, чтобы сечь нещадно: старосту «за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку» (пункт 2), за то, что он якобы за взятки не собирал оброк (пункт 3); «неплательщиков при собрании всех крестьян сечь нещадно» (пункт 8); новому старосте «подтвердить, чтобы он о зборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно» (пункт 13). Почти все остальные пункты посвящены штрафам и иным формам вымогательства денег.

Лейтмотивом «отписок» и «помещичьего указа» являются деньги. В связи с этим следует отметить, что, начиная с конца 50-х годов XVIII в., в русской поэзии и, шире, в литературе

¹ Кузнецов Я. О. Из переписки помещика с крестьянами в XVIII в. Владимир, 1911, стр. 14. Под таким же названием вышли самые письма этого помещика в 1904 г. (оттиск из 6-го тома «Трудов Владимирской губернской архивной комиссии»), изд. Я. О. Кузнецовым. Данные цифры относятся к 1766—1767 гг.

возникает тема «денег», иногда выступающая непосредственно под своим именем, иногда более обще — «золото», иногда в обращенном виде — в форме мечтаний о «золотом веке», когда «не знали злата человеки». «Денежной» теме отдали дань Херасков (в «Полезном увеселении», в «Философических стихотворениях» и пр.), Богданович и многие другие.¹ В комедии тех лет «денежная тема» фигурирует в изображениях «лихоимцев», с одной стороны, и «мотов» — с другой. Несомненно, возникновение и широкая разработка этой темы в русской литературе тесно связаны с возрастающим участием России со времени Петра I в европейской торговле, с переходом помещичьей экономики от натуральных форм к денежным, и т. д. В тесной связи с этим находится множество статей по вопросам монетарной системы в журналах 1750—1760 годов, появление переводных сочинений на темы политической экономии, и пр. Художественно-литературным отражением этого процесса явилась «денежная» тема в поэзии. Характерно, что дворянские писатели группы Хераскова и в первую очередь он сам, относясь теоретически враждебно к наступающим капиталистическим порядкам, скрепя сердце признают за деньгами право на существование, отыгрываясь иронией (Херасков) или простым признанием фактов. Иное отношение, хотя опять-таки с элементами иронии, находится у Эмина, выражавшего настроения нарождавшейся русской буржуазии: «Деньги, которых отец — интерес а дочь — роскошь, все смертные, разумными называющияся, обожают. Прежде много в свете было идолов, а ныне один, то есть интерес, от которого родившиися деньги законными после него всему зделались наследниками».²

«Копии с отписок» отражают, таким образом, эту новую и характерную для той эпохи «денежную» тему.

Но «Копия с отписок» и «Копия с помещичьего указа» — не только беспощадный обвинительный акт против алчности крепостников, документ, несколько не сгущающий мрачные краски предпугачевской крепостнической действительности; это высокохудожественные образцы строгого реализма, умело соблюдающего принятый эпический тон бесстрастности в письме старосты и выражающего неподдельную горечь и отчаяние в челобитной Филатки. Сила авторского сарказма проявляется в безыскусственности и простоте, в деловитости и обыденности, которыми пропитаны «отписки» и «указ». Без патетических восклицаний

¹ Ср.: Занатов А. В. Журнал Чулкова «И то и сьо». — Сб. «XVIII век», II, стр. 97—101.

² Адская почта, 1769, стр. 143.

и слез о «несчастных поселянах» автор развертывает перед подавленным читателем потрясающую своей жизненной правдой картину и заставляет его сделать выводы, идущие гораздо дальше, чем хотелось бы Новикову. И как либерально-идиллически звучит новиковское «новогоднее пожелание поселянам»¹ после этих страниц, мрачных, вызывающих глубокое негодование и заостряющих революционный гнев читателей. Вот это пожелание: «Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил телесных, здравия и трудолюбия. Имея сие, вы будете щастливы, а щастие ваше руководствует ко благосостоянию всего государства».¹

«Копиями с отписок» и другими ранее рассмотренными произведениями далеко не исчерпывается освещение крепостной темы в сатирических журналах тех лет.

Не входя в подробный анализ всего материала, относящегося к этой теме, остановимся на знаменитом «Отрывке путешествия в*** И*** Т***».²

В этом произведении с исключительной силой была поставлена проблема аморальности крепостного права. Каждому внимательному читателю ясно, что так называемый «Отрывок путешествия», напечатанный в качестве XIV главы из путевых записок автора, на самом деле представляет самостоятельное произведение, самая форма которого дает автору возможность показать реальную, неприкрашенную жизнь крепостных того времени.

Вводная часть «Отрывка» говорит о положении крестьян в обобщенном виде. Путешественник «останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо, — говорит он, — все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия, — продолжает он, — ничего не нашел я, похвалы достойного. Б е д н о с т ь и р а б с т в о повсюду встречались со мною во образе крестьян. Неплаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. . . Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною».

Эта обобщенная картина и выводы, которые делает путешественник, тесно связаны с деятельностью всем еще в это время памятной Комиссии 1767 г. Главные споры о положении крепостных разгорелись в Комиссии в середине 1768 г. Один из наи-

¹ Трутень, 1770, лист II, январь 12, стр. 232.

² Живописец, 1772, лл. 5 и 14.

более радикально настроенных депутатов, артиллерии поручик Григорий Коробьин, выступил с «мнением», т. е. специальной запиской, в которой, отвечая на вопрос о причинах побегов крепостных крестьян от помещиков, писал следующее: «Часто я размышляла о том, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, с которой ступить почитает он за дело невозможное, покинуть родственников, жену и детей, которых видя при себе, несканно утешается, а разлучаясь с ними, источник слез проливает, странствовать по неизвестным местам и предаться толиким несчастиям, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду в такие мысли, то сам себя уверить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бегства. Чего ради должен бываю посмотреть на самих помещиков, как они поступают с ними. Думаю, из вас знают, почтеннейшие господа депутаты, многие, что есть довольно в свете таких владельцев, которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати; есть и такие, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывать одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемых с крестьян себе доходов на удовольствие прихотей своих не станет, удалив от семейства, употребляют единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такие, кои, увидев своего крестьянина трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания. Сожаления, подлинно, достойно взирать на земледельца, потом лица своего от земли мало по малу собирающего имене, почитаемое им за бесценное сокровище, в надежде во время болезни своей или старости питать себя и семью свою, такжеде платит оброк своему господину, но вдруг неожиданным помещичьим приказом, или под предлогом усмотренной за ним будто какой вины, или без всего, лишаютсегося всех своих с толиким трудом собранных пожитков и погружающегося паки паче прежней в горестнейшую бедность, что подлинно с человеколюбием сходства никакого не имеет. Но ежели все сие беспристрастно рассмотрим, увидим точно, что сие угрожает разорением целому государству; ибо тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оно члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распаляющийся, происходит. Но как известно, что земледельцы суть душа обществу, следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет; итак, от изнеможения общества души, недействительными чрез то самое остаются и члены общества, т. е. разоря крестьян, разоряются и все прочие в государстве. А сие зло коль пагубно госу-

дарству, всяк удобно понять может от единого токмо воображения разоренных граждан».¹

Далее Коробьин анализирует некоторые пункты «Наказа» Екатерины и снова приходит к выводу, что «причиною бегства крестьян, по большей части, суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением» и что «оное начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над именными своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало» (стр. 408).

Понимая, как радикально звучит его призыв «разрушить сие начало», Коробьин продолжает: «В рассуждении сей материи я бы с охотою от нея воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отчестве нашем дворяне суть такие, которых правление над своими крестьянами умножает их благополучие усугублением изобилия, и которые самым делом доказывают, что они правят ими, как отцы своими чадами. Но как из вышесказанного видеть можно, что владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться или иногда и подвергнуться самой крайней для жизни своей опасности. На первых хлебопашцы взирают как на своих отцов, а на вторых как на бич, отгоняющий их от своего семейства» (стр. 408).

В «мнении» Г. С. Коробьина отразились две точки зрения: сторонники первой считали, что между помещиками и крепостными могут быть такие отношения, как между «отцами» и их «чадами»; другие настаивали на том, что «всячески трудиться должно разрушить сие начало», сперва ограничив власть помещика над имуществом крестьян, а затем и над их личностью. Все это не было достижением и личным мнением одного только депутата козловского дворянства Коробьина: эти две точки зрения были распространены в тогдашнем русском обществе.

«Отрывок путешествия в*** И*** Т***» проводил вторую точку зрения. Помещенная в л. 5 «Живописца» (1772) первая часть «Отрывка» вызвала бурные споры в дворянских кругах. Отголоски этого находятся в самом «Живописце»; так, уже в л. 9 в письме щеголихи («Моп соеиг, Живописец!») упоминается о том, что «Отрывок» обратил на себя внимание даже таких легкомысленных читателей, как автор письма; конечно, это не подлинный отклик, как не подлинный отклик и упоминание о «Живо-

¹ Сб. имп. Русск. истор. общ., т. XXXII, стр. 406—407.

писце» в «Письме уездного дворянина к сыну» (л. 15); Новикову хотелось показать, как должны реагировать на появление «Отрывка» разные категории читателей его журнала. Но помещенная в л. 13 «Живописца» «Английская прогулка» никак не может быть причислена к откликам подобного рода.

Передавая свою беседу с одним из знатных, но добродетельных и доброжелательных к «Живописцу» читателей своего журнала, Новиков приводит некоторые суждения своего собеседника: «Без сомнения, дошли до вас, — говорил он, — толки, сим листочком произведенные; но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне пятым вашим листом недовольны, однако ж ведайте и то, что многие за оной же лист и похваляют вас».

Далее собеседник Новикова будто сказал ему следующее: «... в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому... Я знаю еще недовольных вашим листком, но неудовольствие сих людей достойно того, чтоб вы имели к ним почтение, ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели оуждали, что вы не с той стороны принялись за сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однако ж, будто они, яко благородные люди, от порицания всегда должны быть свободны...».

Вполне возможно, что Новиков действительно имел в виду реальные толки по поводу «Отрывка путешествия», помещенного в л. 5 «Живописца». Но несомненно, что суждения, приведенные им в «Английской прогулке», в какой-то мере совпадали со спорами — и, как свидетельствуют документы, с яркими спорами — в Комиссии 1767 г. по поводу положения крепостного крестьянства. Когда собеседник Новикова в «Английской прогулке» говорит о критиках пятого листка, которые были «побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому», то нельзя не вспомнить выступлений в екатерининской Комиссии кн. М. М. Щербатова, яркого и по-своему талантливый защитника интересов родовой, старинной знати, нельзя забыть «мнения» депутата муромского дворянства И. П. Чадаева «о прекращении легкого способа к достижению дворянского достоинства» и других дворянских попыток закрепить свое привилегированное положение в государстве. Особенно важны в этом смысле многочислен-

ные замечания реакционных дворянских депутатов на цитированное выше «мнение» Г. С. Коробьина.

Трудно допустить, что, рисуя различных Безрассудов, Злорадов, Надменов, Забылчестей и тому подобных реакционных дворян, Новиков и его сотрудники, в большинстве своем принимавшие участие в занятиях Комиссии, не имели в виду определенных деятелей реакционно-дворянского лагеря из числа депутатов. Зная манеру сатирических журналов 1769—1774 гг. еле заметными штрихами характеризовать сатирически изображаемых персонажей, мы не можем допустить случайности в таком факте, как наличие в л. XXXIII «Трутня» (1769) судьи Забылчесть и упоминание в «Английской прогулке» о дворянах, которые «имеют слабость забывать честь и человечество».

Таким образом, можно не сомневаться в том, что и «Копии с отписок», и «Письма к Фалалею», помещенные в «Живописце» (1772), и «Отрывок путешествия», и «Английская прогулка», и другие многочисленные и разнообразные статьи о положении крепостных и об отношениях помещиков и крепостных являлись не просто фактами литературного творчества, а живыми и темпераментными откликами на коренные вопросы, поставленные жизнью перед Комиссией для сочинения проекта Нового уложения.

Выше было упомянуто, что «Английская прогулка» была помещена после напечатания первой части «Отрывка путешествия». Собеседник Новикова, сообщив ему о неблагоприятных толках по поводу пятого листа «Живописца», в дальнейшем сам истолковывает эту первую часть «Отрывка путешествия» в смысле благонамеренном и умеренном, как произведение, выступающее только против злых и бессердечных помещиков, только против злоупотреблений помещичьей властью.

По поводу того, каково было истинное задание «Отрывка путешествия», когда он был принят к печати, сейчас сказать трудно. Дело в том, что вторая часть «Отрывка» безусловно напечатана была не в первоначальном виде, а в обработке Новикова, старавшегося после неблагоприятных толков о первой части «Отрывка» в интересах сохранения журнала смягчить острый, антикрепостнический смысл произведения. Для этого придумано было начало и конец во второй части «Отрывка» (подробнее об этом мы скажем несколько ниже). Не исключена возможность того, что и в первой части «Отрывка» фраза «О солнце лучами щедрот своих*** [царей? дворян?] озаряющее, призои на сих несчастных!» тоже была прибавлена из цензурных соображений Новиковым: ни по идейному характеру всего произведения, ни по его стилю, суровому, обличительному, мрачному, эта либе-

ральная фраза не может быть признана органической частью «Отрывка».

Характеризуя «Отрывок из путешествия», мы все время обходили вопрос о его авторе. Вопрос этот не просто библиографический или историко-литературный в узком смысле слова. Он представляет значительный интерес и для определения идейных направлений в русском обществе начала 1770-х годов.

В научной литературе определилось две точки зрения на возможного автора этой статьи. Одна, опирающаяся на указания сына А. Н. Радищева, П. А. Радищева, считает автором «Отрывка» А. Н. Радищева. Наиболее полно и обстоятельно аргументировал этот взгляд В. П. Семенников в своей книге «Радищев» (М.—Пгр., 1923, стр. 319—364: «К истории создания „Путешествия из Петербурга в Москву“»).

Вторая точка зрения признает автором «Отрывка» Новикова, толкуя буквы И*** Т*** как инициалы подписи «Издатель Трутня».¹ Эту точку зрения разделяет Г. П. Макогоненко, не включивший «Отрывок» в «Избранные сочинения» Радищева (Л., 1949).

Последняя точка зрения глубоко ошибочна, так как она стирает грани между умеренной позицией Новикова и радикальной точкой зрения автора «Отрывка».

На коренное различие между этими двумя точками зрения обратил уже внимание такой пронизательный критик, как Н. А. Добролюбов.

Касаясь статьи «Рецепт г. Безрассуду», написанный безусловно Новиковым, Добролюбов, как нам уже приходилось указывать выше, писал: «Рецепт заставляет думать, что у автора была идея о несправедливости человеческой власти вообще. „Крестьяне суть тоже человеки и даже более похожи на людей, чем иные помещики; а человеку человеком владеть как вещью — не должно“. Таковы, кажется, его основные мысли. Но, всматриваясь пристальнее, находим, что и здесь была на уме у автора только отвлеченная мораль, потому что он тут же восхваляет „человеков господ, господ отцов своих детей, а не тиранов своих рабов“. Следовательно, и в этой статейке та же непоследовательность, которую страдает вообще сатира прошлого столетия. Вместо прямого вывода: „крестьяне тоже человеки, следовательно, помещики не имеют над ними никаких прав“, подставлен другой, очень неполный: „крестьяне тоже человеки, следовательно, не нужно над ними тиранствовать“».

¹ Майков А. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII в. СПб., 1889, стр. 407.

Переходя к анализу «Отрывка путешествия», Добролюбов продолжает: «Гораздо далее всех обличителей того времени ушел г. И. Т., которого „отрывок из путешествия“ напечатан в „Живописце“... В его описаниях уже слышится ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зл в народе». Приведя затем одно из наиболее важных мест «Отрывка», где говорится о том, что измученные крестьяне работают для прихотей помещика, Добролюбов замечает: «Тирада эта очень резка, и, кажется, тогдашнее благочине вообще строго посмотрело на эту статью. Некоторых мест из нее даже нельзя было напечатать... Видно, и в то время существовали „некоторые причины“, мешавшие писателю говорить откровенно всю правду, как скоро он удалялся от тех покровов, под которыми ратовала тогдашняя сатира вообще».¹

Таким образом, Добролюбов решительно отделяет статью И. Т. от «тогдашней сатиры вообще». Указав далее, что в «Отрывке» «бросается сильное сомнение на законность самого принципа крепостных отношений» (стр. 173—174), Добролюбов обращается к знакомой нам «Английской прогулке». Вслед за большой цитатой из «Английской прогулки» Добролюбов пишет: «Нельзя не заметить, что объяснение это очень искусно написано. Но, тем не менее, оно парализовало истинную силу „Отрывка“ и придало ему тот же недалекий вид, каким отличалась вообще сатира того времени... Обличители хотели внушить помещикам правила человеколюбия, без ограничения их произвола и без изменения их юридических отношений к крестьянам. Они никак не хотели понять, что пока личному произволу оставлена хоть малейшая доля участия в распоряжении общественными делами и отношениями, до тех пор не может быть прочных гарантий для сохранения безопасности и прав личности. От этого-то непонимания и происходила та двойственность и половинчатость сатиры, которая лишила ее практического влияния на перемену нравов» (стр. 174).

К исключительно верным суждениям Добролюбова можно прибавить следующее.

Новиков на всем протяжении своей сатирической деятельности в 1769—1774 гг. стоял за создание таких отношений, при которых помещики являются отцами своих крестьян-детей. Это было в «Трутне» и в «Рецептах», в особенности в «Новогодних пожеланиях» 1770 г.

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. II, М., 1935, стр. 170—171.

Между тем автор «Отрывка» подчеркивает, что «в три дни сего путешествия ничего не нашел... похвалы достойного. Бедность и рабство (курсив в оригинале, — П. Б.) повсюду встречались со мною во образе крестьян... Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными тебе человеками. С великим содраганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удадитесь от меня ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим рукодвует!».

Совершенно ясно, что подобное начало ни в какой мере не предвещает какого-либо просвета в мрачной картине, которую рисует И. Т. Следовательно, не ему принадлежит окончание «Отрывка», где путешественник отправляется в дальнейший путь, «горя нетерпеливостью увидеть жителей благополучных деревни» и чувствуя удовольствие, что увидит крестьян благополучных. Это окончание безусловно приделано «Сочинителем Живописца», т. е. Новиковым, с тою же целью, с какой была написана «Английская прогулка», а именно, чтобы, говоря словами Добролюбова, парализовать истинную силу «Отрывка» и придать ему тот же недалекий вид, каким отличались вообще сатиры того времени.

Несомненно для этой же цели в третьем издании «Живописца» в конце «Отрывка» было сказано: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при четвертом издании сей книги» (Живописец, изд. 3-е, ч. II, стр. 229). Как известно, ни в 4-м, ни в 5-м издании «Живописца» обещанного продолжения не было. Да оно и не существовало в природе: напомним, что в «Известии» в л. 3 Новиков просил присылать «сочинения со окончанием». Следовательно, если Новиков обращался к посторонним сотрудникам, прося присылать только законченные произведения, он придавал большое значение этому моменту и не стал бы печатать «Отрывок», конца которого не имел.

При внимательном чтении и сопоставлении первой части «Отрывка» (л. 5) и второй (л. 14) бросается в глаза различие стиля. Первая часть «Отрывка» имеет строго повествовательный и местами патетический характер; отсюда проистекает чрезвычайно простой язык, без каких-либо отступлений в высокий стиль, без малейших славянизмов. Между тем начало второй части «Отрывка» выдержано совершенно в тонах новиковской сатиры: здесь все знакомые нам объекты обличения «Трутня» и «Живо-

писца» — богачи, худые судьи и взяточники подьячие, волокиты и щеголихи, «устарелые» кокетки, игроки, купцы, врачи, стряпчие.

Даже орфография меняется в начале второй части и в последнем абзаце ее: в первой части «Отрывка» нет ни одного случая употребления окончания прилагательных женского рода в род. падеже ед. числа на «ыя» или «ия». Во второй части в начале находим — «воскождения престарелыя луны, своея благодетельницы», в последнем абзаце — «увидеть жителей благополучныя деревни», «о помещике тоя деревни». В первой половине «Отрывка» (л. 5) не было ни одного случая употребления окончания прилагательного мужского рода на «ый» вместо «ой»; во второй находим «худый судья». В средней же части второй половины, где путешественник беседует с хозяином-крестьянином, стиль изложения совершенно совпадает с первой половиной «Отрывка», напечатанной в л. 5 «Живописца». Что употребление окончания «ыя» (вм. «ой») и «ый» (вм. «ой») принадлежит Новикову, явствует из стилистических изменений, внесенных в «Отрывок» в 3-м издании «Живописца»; здесь мы находим: «худый урожай», «от всякия нечистоты», «из самыя толстыя холстины», «без скорыя помощи», «из оныя». Таким образом мы видим, что в «Отрывке» на первый основной слой, принадлежащий И. Т., наложен второй, явно новиковский. Первый стиль ближе к реализму, второй ближе к классицизму, в особенности в начале второй половины «Отрывка».

Первый стиль очень близок к отдельным главам «Путешествия» Радищева, в особенности к главе «Любани». Сопоставление средней части второй половины «Отрывка» с главой «Любани» убеждает в том, что в «Путешествии» перед нами переработка первоначального варианта, данного в «Отрывке». Не останавливаясь на дальнейших сопоставлениях «Отрывка» с отдельными главами «Путешествия», так как в книге В. П. Семенникова «Радищев» (стр. 329—354) это сделано достаточно обстоятельно и убедительно, мы заметим только, что начало главы «Любани» имеет такой же условный характер, как и начало «Отрывка путешествия», якобы представляющего главу XIV уже написанной книги. Это обстоятельство может служить дополнительным аргументом в пользу того, что «Отрывок» представлял только первый вариант главы «Любани» и что автор в основном и в главном удержал наиболее для него существенное и важное, а именно обрисовку условий крестьянского труда в крепостной России.

Еще в 1858 г. М. Н. Лонгинов в примечании к статье П. А. Радищева об отце в «Русском вестнике» сделал замечание относительно указания о принадлежности «Отрывка» А. Н. Ради-

щеву. Признавая в общем возможность этого факта, Лонгинов удивлялся тому, что в «Путешествии» нет текстуальных совпадений с «Отрывком». Но разве не бывает случаев, когда писатель отбрасывает не удовлетворяющие его части произведения целиком или в новой редакции сохраняет только основное и важнейшее из отброшенного.

Таким образом, и тонкое критическое чутье Добролюбова, отрицавшего принадлежность «Отрывка» Новикову, и данные языка и стиля «Отрывка», наконец, указания П. А. Радищева об авторстве отца — заставляют отвергнуть неудачные домыслы о Новикове как авторе «Отрывка путешествия» и признать таковым А. Н. Радищева.

«Копии с отписок» и «Отрывок путешествия» представляют, несомненно, вершину сатирической журналистики 1769—1774 гг. в обсуждении крестьянского вопроса. После помещения «Отрывка», даже со смягчающими его первоначальную остроту «Английской прогулкой» и второй частью «Отрывка», «Живописцу», повидимому, было вообще запрещено касаться крепостного вопроса.

Однако и то, что было сделано Новиковым и другими издателями прогрессивных журналов, имело большое значение для последующего развития крепостной темы в русской литературе: была заложена передовая традиция в борьбе с крепостничеством.

При рассмотрении вопроса об авторе «Отрывка из путешествия в*** И*** Т***» нам пришлось обратиться к стилистическому анализу этого произведения. В связи с этим следует указать, что в обширной литературе о сатирических журналах 1769—1774 гг. и о Новикове-сатирике, не исключая и самой новейшей, совсем не обращено внимание на наличие в тогдашней передовой сатире двух резко отличных стилей, которые можно, без колебаний, назвать классическим и реалистическим.

Несмотря на то, что оба стиля отличались друг от друга, у них была одна объединяющая их черта — стремление бороться с отрицательными явлениями тогдашней действительности средствами художественной сатиры. Из этой общей черты возникала еще одна особенность обоих стилей тогдашней сатиры — необходимость изображать отрицательные явления современности в обобщенном виде, давая единичным фактам, если они касались важных сторон социально-политической жизни, широкое истолкование.

Однако в подходе к самому процессу обобщения и сказывалось резкое различие обоих стилей. Классический стиль, как бы не доверяя способности читателя анализировать литературный материал и делать из него выводы, абстрагируя их из конкрет-

ных фактов, проделывал весь этот процесс за читателя: герой прежде всего получал «говорящее» имя, т. е. не его поступки, действия или суждения, а его имя определяло его внутреннее «содержание». Поэтому для сатирика-классика характерны такие имена героев, как Безрассуд, Надмен, Забылчество, Пролаз, Вехокраса и т. д. Чтобы стали понятны взгляды или поступки героя, писатель должен найти ему соответствующее имя. Принцип обобщения в классическом стиле проявлялся в выделении какой-нибудь одной черты характера героя и в обозначении этой черты «говорящим» именем. Если же сатирику-классику приходилось иметь дело не с каким-нибудь одним героем, а группой их, он поступал приблизительно так же: одну группу обозначал «щеголи», другую «худые судьи», третью «устарелые кокетки» и т. д., не давая им особого имени.

Принципиально иной подход к обобщению находим мы у сатириков-реалистов. Их герои называются Григорий Сидорович, Трифон Панкратьевич, Акулина Сидоровна, Филатка, Андрюшка, Фалалей или — по признаку социальному — старший крестьянин, барин, приказчик, крестьянские ребята. Здесь мы имеем дело не с простым обобщением, а с типизацией. И Трифон Панкратьевич, и Ермолай Терентьевич, и Григорий Сидорович — помещики, жестоко эксплуатирующие своих крепостных; однако читатель не спутает одного из них с другим или третьим. Есть в их сатирической характеристике, помимо общих черт помещика-тирана, еще глубоко индивидуальные черты, делающие каждого из них в полном смысле слова художественным образом. В реалистическом стиле тогдашней сатиры идея произведения не навязывалась читателю заранее при помощи «говорящего» имени отрицательного или положительного героя, а вырастала, или, говоря словами Гоголя, высветлялась из самого произведения, из поступков, образа мыслей, языка героев.

Правда, иногда и в реалистическом стиле также появлялись «говорящие» имена, как, например, Нахрапцев («Копии с отписок»), но это не более чем случайный остаток привычной классической манеры, не меняющий основного эстетического принципа реализма.

Если взять в журналах Новикова произведения, безусловно ему принадлежащие, как «Рецепты» или «Смеющийся Демокрит» (в «Трутне»), «Историческое приключение» (в «Пустомеле»), «Приняв название Живописца» (в «Живописце»), то сразу же становится очевидным, что они написаны в классическом стиле. Означает ли это, что произведения, написанные в реалистическом стиле, не принадлежат Новикову? На этот вопрос нужно ответить только положительно: да, не принадлежат. Писать одно-

временно и в классическом и в реалистическом стиле, т. е. занимать одновременно две взаимно исключающиеся эстетические позиции, невозможно, в особенности писателю искреннему, честному, как Новиков, а не стилизатору, иммитатору или пародисту. «Письма к племяннику», «Копии с отписок», «Письма к Фалалею», «Отрывок из Путешествия в*** И*** Т***» принадлежат — одному или нескольким авторам — вопрос, возможно, еще подлежащий дополнительному исследованию, — во всяком случае, не классику по своим эстетическим вкусам Новикову.

Однако Новиков был писатель с достаточно широкими взглядами и не мог не заметить, что сатирические произведения, написанные в реалистическом стиле, оказываются более сильными, чем написанные в классическом. В «Трутне» последних много, в «Пустомеле» меньше, еще меньше их в «Живописце» и «Кощельке». Тем не менее совсем избавиться от классических вкусов Новиков не мог и не хотел. Поэтому, например, одно из его позднейших сатирических произведений, «Российские пословицы» в «Городской и деревенской библиотеке» (см. ниже), представляет по существу литературный документ классицизма, а не реализма. Поэтому он охотно перепечатывал в повторных изданиях «Трутня» и «Живописца», наряду с произведениями реалистическими, и классические.

Вопрос о двух стилях в сатирических журналах Новикова отвлек нас от основной темы данной главы; однако рассмотрение его было необходимо для того, чтобы попытаться остановить бездоказательные приписывания умеренному Новикову политически острых сатирических произведений, написанных в чуждом ему реалистическом стиле.

По двум пунктам шел спор у важнейших журналов 1769—1774 гг.: о сущности и задачах сатиры, переросший в борьбу с Екатериной как представительницей самодержавия, и о положении крепостных. «Всякая всячина» занимала правый фланг, колеблющаяся и компромиссная «Адская почта» — центр и решительные «Смесь», «Трутень» и «Живописец» — левый фланг. При этом надо помнить, что расхождения по этим пунктам возникли потому, что передовая часть общества смело выступала в защиту своей идейной независимости. Времена были уже не петровские, и Екатерине пришлось бороться иными методами.

Что касается освещения других вопросов русской жизни того времени, то и здесь заметно такое же расхождение. Такие проблемы, как борьба со взяточничеством чиновников («подьячих»), воспитание, этика семейной жизни, петиметрство, старинные суеты

верия, галломания, взаимоотношения литераторов между собой и т. д., находили на страницах этих журналов многообразные отклики.

Из перечисленных только что тем сатирических журналов 1769 г. здесь следует остановиться на трех: борьбе с бюрократией («подьячими»), борьбе с галломанией и отношениях писателей между собой.

Пунктом, вызвавшим оживленные прения в журналах 1769 г., был старый вопрос о бюрократии, о подьячих. И опять-таки начало полемики положила та же «Всякая всячина». В статье 60 (стр. 159) помещено письмо, подписанное «Занепрасно ободраный», очень напоминающее манеру Сумарокова и едва ли не ему принадлежащее. Автор просит «буде найдется, такой эксперимент, коим бы можно перевести подьячих, которые до третьего градуса привели меня во изнеможение. Я старался и тем от них избавиться способом, — продолжает «Занепрасно ободраный», — которым переводят клопов, блох и всех кровососных насекомых, однако ничем не мог оборониться, но истоща весь свой дом на то, и ныне стражду от сих кровососов». Редакция «Всякой всячины» на это ответила: «Подьячих не можно и не должно перевести. Не подьячие и их должности суть вредны, но статья может, что тот или другой из них бессовестен. Они менее других исключены из пословицы, которая говорит, что нет рода без урода, для того, что они более многих подвержены искушению. Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей, не умалилася ли бы тогда и на них жалоба. Но чтоб удовлетворить писателя вышепоставленные грамоты в его требовании, как перевести обычай, чтобы подьячие не приводили никого в изнеможение, в ответ ему скажу, что сие весьма легко. Не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем полюбовно миритесь без подьячих; сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот» (стр. 160).

На эту защиту бюрократического аппарата и проповедь добродетельного жития, избавляющего от подьячих и их лихоимства, откликнулась «Смесь», которая, подобно Правдулюбову, довольно резко намекнула на связь «Всякой всячины» с Екатериной и ее бюрократией: «Бабушка [т. е. «Всякая всячина»] говорит, что подьячих искушают и для того они берут взятки, а это так на правду походит, как то, что чорт искушает людей и велит им делать злое. Право, подьячие без всякого искушения сами просят за работу. Сия же старушка советует, чтобы не таскаться по приказным крючкам, то должно мириться и разделяться добровольно; всякий сие знает, и конечно попустому тягаться не смещет охотников. Верно, естли б все были совестны и наблю-

дали законы, то не надобно бы было судов и приказов и подъячим бы не шло государево жалованье. Но когда сие необходимо, то для чего ей защищать подъячих? Знать, что они-то истинное ее поколение» (стр. 86).

Другие журналы отвечали на статью «Всякой всячины» сообщением ряда материалов о плутнях подъячих, взяточничестве и криводушии судей, развращенности государственного аппарата и т. д. Все это, конечно, шло значительно дальше узких границ, намеченных «Всякой всячиной», и сатира «Трутня», «Смеси» и «Адской почты» делалась, таким образом, средством борьбы с крепостническим государством, конечно, не революционной борьбы, но, тем не менее, борьбы, имевшей для той эпохи прогрессивный характер.

Борьба с дворянской галломанией в русской литературе началась еще в первой половине XVIII в. в лубочных народных картинках сатирического характера, в сатирах Кантемира и усилилась в середине столетия, когда подражание французам стало принимать особенно значительные размеры.

Однако в борьбе с галломанией, этой ранней и особенно характерной для значительной части русского дворянства XVIII в. позорной формой низкопоклонства перед иностранщиной, следует отмечать два направления:

а) прогрессивное, выраставшее из естественного чувства национального достоинства и самоуважения, как у Ломоносова, когда он, обращаясь к своим соотечественникам, говорил им: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы; а моя слава падает и с вашею», и

б) дворянское, сперва «либеральное», затем консервативное. В начале 1750-х годов борьба с галломанией под пером Сумарокова и его сторонников имела подчеркнuto политический характер, так как проводниками французского влияния при дворе Елизаветы были Шуваловы — Воронцовы — Чернышевы, т. е. та вельможная верхушка, с которой упорно воевали литературные вожди дворянства, писатели сумароковского направления. В екатерининскую эпоху этот момент уже отпал, но его место заступил новый и более серьезный — момент экономический. Обратил на это внимание Добролюбов: «Большая часть наших злобных сатир на французов, — пишет он, — произошла не столько из „любви к отечеству и народной гордости“, сколько с досады на то, что они нас разоряют... Замечательно, что в сатирических нападках на французов экономическая и внешняя сторона играет очень видную роль, а собственно идеи французов не подвергались осмеянию до самого того времени, как полити-

ческое движение во Франции [т. е. буржуазная революция 1789 г.] заставило их опасаться» (т. II, стр. 190—191).

К сказанному Добролюбовым нужно присоединить еще один существенный мотив. Первая турецкая война, которую Россия вела с 1769 г., была, как уже было отмечено выше, спровоцирована Францией, давнишней союзницей Турции. Так, в одном из первых листов «Всякой всячины» было помещено письмо некоего Адама Адамова сына Варгейта, якобы немца-ювелира (очевидно, это псевдоним Екатерины). Варгейт описывает медаль, которая побывала в его руках: «представляет она, с одной стороны, султана турецкого, на престоле сидящего, окруженного вельможами, из которых один наднес меч на голову простертого у ног султанских человека: лилеи, изображенные на порфире его, поднесенные им в мешках деньги, лежащие у подножия престола, — все сие довольно показывает, откуда, кто и для чего сей в рабском виде представленный человек. Но другая сторона медали еще боле то изъясняет в следующей надписи: „Друг турок, друг алжирцов, друг варваров, ненавистник и гонитель христиан“. Я по латыни не разумею, а тот приятель мой, который мне сию надпись перевел, сказал мне: нечему де удивиться, что бывало, то есть и будет».¹ О политических интригах Франции против России говорится и в «Адской почте», в письме 31 от Хромононого к Кривому; там, в частности, сообщается, что «король народа, все щегольства, хитрости и всякие славные безделицы выдумывающего, призвал в главное собрание своего первого министра и спросил его, что он думает о недавней его выдумке, приведшей в несогласие двух сильнейших в свете владетелей» (стр. 113). Носились слухи, не лишённые основания, что французские артиллеристы служили в турецких войсках. В «Трутне» (лист XXI, сентября 15) помещена беседа трусливого старичка с офицером, прибывшим из действующей армии. «Я верно слышал, — говорит старичок, — будто у них [турок] все пушкари какие-то европейские христиане. Экие проклятые, проливают кровь христианскую за босорманов, а у турок и без них армия втрое нашей больше. Я думаю, что им за то и во аде места не будет» (стр. 129). Все это, вместе взятое, бросает несколько иной свет на подоплеку борьбы с французоманией в 1769—1774 гг.

Тесно связана с борьбой с галломанией и борьба передовых сатирических журналов с жаргоном петиметров и кокеток, щеголей и щеголих.

¹ Всякая всячина, 1769, стр. 40.

Еще в самом начале 1750-х годов Сумароков начал высмеивать манерничанье французолюбов вроде Дюлижа, Деламиды и Дюфизы («Сора у мужа с женою», 1750), засорявших русский язык множеством французских слов, снабженных русскими окончаниями. Это были первые зарисовки данного явления в дворянской жизни, имевшего затем долгую историю на русской почве.

В начале 1760-х годов осмеяние жаргона петиметров становится еще более важным моментом в общественно-литературной борьбе.

Даже сторонники реакционного, «развлекательного» направления в русской комедии начала 1760-х годов не могли обойти этого явления; так, А. А. Волков в комедии «Неудачное упрямство» (1764) заставляет слугу Фронтину, «делая всякие петиметрские движения», обратиться к служанке Лизете с такой речью: «А! кого я искал, с тем я и встретился. Позволь, любезная Лизета, чтобы я тебя своими низжайшими поклонами беспокоил, которые употребляю я знаком к вам глубочайшего почтения... Ты, будучи ужесть как хороша, не поверишь, радость, что вить эти движения происходят, чорт меня возьми! если не от чувствительного и тронутаго вами сердца, которое ты, если не помилуешь, так, радость, уморишь... Ах! ты не отвечаешь! Конечно, нежное мое изъяснение самым черствым тебе показалось, или я на глазах ваших неважен?» (явл. III).¹ Но у Волкова это осмеяние имело эпизодический «развлекательный» характер.

Значительно более серьезное внимание — и уже отнюдь не с «развлекательной» целью — уделено борьбе с жаргоном щеголей в комедии Лукина «Щепетильник». Лукин различал два варианта этого жаргона: с русской основой и с французской. Точного и резкого разграничения между этими жаргонами у персонажей «Щепетильника» нет. Так, петиметры и кокетки первой группы, наряду со словами русского языка, приобретшими в их использовании специфический оттенок («радость», «шутить», «уморишь», «не поверишь», «пришибать» — в значении «говорить комплименты»), употребляют и руссифицированные французские слова («жегерожство» — «великодушие», «щедность») и обрусевшие слова с необычным ударением (например, «компания» с французским ударением на «и». — «Щепетильник», явл. VII). В то же время щеголи и щеголихи второй группы, пользуясь в основном руссифицированными французскими словами («и проносуасия одна уши инкомодирует», «какое иниоранство», «ты не должен жужировать по таким малым аппаратам», «не-

¹ Подчеркнутые слова — из жаргона петиметров.

что такое, что бы могло дать случай продюировать приятные бон мо, непринужденные экивоки и инженеруезное и благопристойное похабство», «за импертинанство будешь батирован чрез наших лакеев»), употребляли изредка слова из жаргона первой группы (явл. XV).

Были ли подобные явления в реальной русской жизни того времени? В некоторых мемуарах начала 1760-х годов (в частности в «Записках» С. Порошина) находятся подтверждения того, что такие уродливые факты встречались в тогдашней действительности.

В русской комедии после 1760-х годов сатирическое осмеяние двух вариантов жаргона петиметров прочно удерживалось почти четверть века, пока события времени Французской буржуазной революции не напугали русских французолобов и не положили конец этому безобразному явлению.

Не менее, чем русская передовая комедия, придавала серьезное значение борьбе с жаргоном петиметров и кокеток, щеголей и вертопрашек прогрессивная русская сатирическая журналистика. И в «Смеси», и в «Трутне», и в «Живописце» — особенно в последнем, — и в некоторых других журналах уделялось большое внимание борьбе за единство национального языка. В жаргоне вертопрахов и вертопрашек передовые писатели видели угрозу родному языку, его единству, его развитию; они высмеивали переосмысление щеголями привычных значений слов, создание ими вычурной и непонятной лицам иного круга терминологии (например, новые названия дней недели) и фразеологии, засорение языка точными переводами с французского («кальки»), и т. п.

Наиболее решительному преследованию со стороны Новикова и близких к нему в идейном отношении писателей подвергались щеголи и щеголихи, петиметры и кокежки, вертопрахи и вертопрашки за свое умственное и нравственное убожество, за свой эгоизм, бессердечие и пустоту, и все эти и другие черты данной категории людей сатирики раскрывали читателям при помощи «щегольского наречия», при посредстве жаргона петиметров и кокеток, удачной имитацией их безграмотной орфографии.

Вот два-три примера:

«Господин издатель Трутнев! Я ужесьть как на тебя зла! я тобой взбешена, ах! радость какой ты несносный человек; па чести етова я не вображала, вазможнали што тебя ншто не может удержат ат такой склонности, какая тебе не делает чести, ты мне кажешься пахожим в етам на женьщину; из наших сестер: неуймешь какетку от амуров, манерщицу от нарядов; а тебя от переправок чужих сочинений...» (Трутень, 1770, л. XIV, № 43).

«Мои соеиз, Живописец! Ты радость беспримерной автор. — По чести говорю, ужесть как ты славен; читая твои листы, я бесподобно утешаюсь; как у тебя все славно: слог растеган, мысли прыгающ и... Ты бранишь одних только деревенских дураков; да и беспримерно: ужесть как славно ты их развернул, в 5 листе твоего Живописца — Ты уморил меня: точь в точь выказал ты дражайшего моего Папахина. — Какой ето несносной человек! Ужесть радость, как он неловок выделан: какой грубиян! Он и со мной хотел поступить также, как с мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, как ево крестьяне. Тото были люди! с матушкою моею он обходился по старине. Ласкательства ево к ней были, брань, пошочина и палка; но она и подлинно была того достойна: с едаким зверем жила сорок лет, и не умела ретироваться в свет. Бывало он сделает ей грубость палкою, а она опять в глаза ему лезет: беспримерные люди! таких горячих супругов и в романах не скоро набежишь. Ужесть как славны!..» (Живописец, 1772, ч. I, л. 9, VIII).

«Украинские ведомости, 1772 года. Из Полтавы октября от 27.

«На сих днях проявилась у нас новость; когда кто из молодых здешних благородных мужчин и женщин что говорит, то при произношении новоманерных петербургских слов несколько пришепetyвают и картавят. Случилось третьяго дни одному магистратскому судье, у здешнего знатного жителя быть на пирушке, где было великое множество молодых благородных обоого пола дворян, которые инако не разговаривали как новым петербургским щегольским наречием и при том пришепetyвали и картавили; говоря так де нежнее: коего он инако узнать не мог, выключая последних слов, когдаб ему онаго не растолковала ево родственница, будучи уже в том сама довольно искусна. Она своему старому родственнику объявила, что сие новое щегольское наречие с нежным произношением привезено из Петербурга одним приезжим молодцом между другими довольно знатным в нынешнем светском вольном обхождении; и что он так честен, что все оного правила безо всякой платы им показал, желая в таком искусстве более себе умножить сотоварищей» (Живописец, 1772, ч. II, л. 12, XIV).

Таким образом, журналы Новикова средствами жаргона петиметров добиваются большой и важной по своим результатам цели: они разоблачают общественную никчемность, социальную вредность всех этих нравственных уродов — петиметров и коке-ток, щеголей и щеголих; они сатирически показывают пошлость

и антиэстетическую сущность «щегольского наречия» с его ограниченным запасом «новоманерных» слов и с его отличающимися от нормального произношения прищептываниями и картавлением. Борьба передовых журналов с жаргоном петиметров преследовала две цели: защиту общенационального языка, охрану его общности от своекорыстных попыток данной группы дворянства создать искусственную и ограниченную в социальном использовании речь, с одной стороны, и борьбу с антинациональными носителями этой речи как группой антинародной и вредной, с другой.

Коснувшись вопроса о методах использования передовыми сатирическими журналами 1769—1774 гг. языковых средств для прогрессивной общественно-литературной борьбы с петиметрством, следует отметить, что такие же, по существу, методы применялись ими и в борьбе с реакционным крепостническим дворянством («Письма к племяннику», «Копия с господского указа» и т. п. в «Трутне», «Письма к Фалаалею» в «Живописце» и т. д.), и в разоблачениях тунеядствующего монашества («Письмо отца Тарасия» в «Живописце»), и в злых нападках на чиновников-подьячих.

Воспроизводя речь каждой из перечисленных общественных группировок, передовые сатирические журналы умело характеризовали этими речевыми средствами внутреннюю сущность тех или иных из них: грубость, некультурность, алчность, жестокость и узость умственных интересов помещиков, «прибыточность», стяжательность, ханжество и цинизм духовенства, хищность, безразличность, развращенность чиновничества.

И, наоборот, крепостное крестьянство изображается теми же средствами в сочувственных, доброжелательных тонах, характеризуется его прямота, душевная чистота, обездоленность, трудолюбие, безропотность, с одной стороны, и запуганность, забитость, с другой.

В самое последнее время журналы Новикова стали предметом изучения молодых советских языковедов.¹ Ими сделан ряд правильных и дельных наблюдений, имеющих значение и для

¹ Переходкина М. П. Борьба журнала «Живописец» за культуру русского национального языка. Л., 1949, 15 стр. машинописи (Пед. инст. им. Герцена). (Автореферат диссертации); Горшков А. И. Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах Н. И. Новикова 1769—1774 гг. «Трутенъ», «Живописец», «Кошелек». М., 1949, 19 стр. (Моск. Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина). (Автореферат диссертации). Полезные наблюдения языкового и стилистического характера содержит интересная статья проф. Е. А. Боголюбова «Художественные средства сатиры Н. А. Новикова» (Уч. зап. Молотовск. пед. инст., вып. 10, Фак. яз. и лит., 1946, стр. 3—39).

истории русской журналистики, хотя моменты собственно лингвистического изучения заслонили от молодых исследователей стилистическую, идейную сторону языковой проблемы в сатирических журналах Новикова.

Рассмотрение вопроса о методах использования Новиковым языковых средств для достижения сатирических целей при изображении дворянства, духовенства и чиновничества и гуманистических целей при изображении крестьянства отвлекло нас от характеристики тех тем, которые были общими для всей передовой, а отчасти и реакционной журналистики 1769—1774 гг.

Обращаясь к последней теме — о взаимоотношениях писателей той эпохи между собой, — должно сказать, что эта тема была наиболее общей для всех тогдашних журналов. Если на темы о подьячестве и о крепостном праве в ряде журналов нельзя найти никаких материалов, то зато «осмеяние худых стихотворцев», нападки на модных писателей находят место во всех буквально изданиях этих лет.

И все же, несмотря на большую подготовительную работу, сделанную Пыпиным,¹ Афанасьевым и другими, нельзя сказать, чтобы весь материал был исчерпан или даже правильно прокомментирован. Насколько внимательно нужно подходить даже к мелочам при анализе данных тогдашних журналов, показывает следующий случай. В листе 1 «Трутня» за 1769 г., непосредственно вслед за высмеиванием выражения «как ли не», введенного Лукиным в его комедиях и предисловиях к ним, помещена следующая «Эпитафия»:

Не проходи отнюд, не воздохнув, прохожий,
 Сего столба:
 Здесь шиб пол рожи
 И часть большую лба
 Того же имени зарытый здесь мудрец,
 Столб глупых стихачей, наставник и отец:
 Сей столб за этот столб, бежав, споткнулся,
 Упал,
 Вскричал
 И больше не очнулся.
 Прохожий, возгласи: сколь щедра к нам судьба,
 На месте одною, мы видим два столба
 (стр. 34).

Зная методы намеков и косвенных указаний в журналистике XVIII в., можно предположить, что эта «Эпитафия» имеет

¹ Отечественные записки, 1853, №№ 8 и 9; в переработанном виде помещена как вступительная статья в «Сочинениях и переводах В. Лукина в Б. Ельчанинова» (СПб., 1867).

какое-то реальное основание. Повидимому, это факт из жизни Лукина. Вот что говорится в «Парнасском шепетильнике» 1770 г. в статье о «стихотворце драматическом»: «Некогда набрел он на фонарный столб и так сильно ударился в него лбом, что оной потрясся и, хотя не упал, однако, от такого изрядного удару масло в фонаре погасло. Тогда закричали идущие мужики, не зная, что он стихотворец: столп на столп нашел» (стр. 13—14). Что Лукин был высокого роста, известно из «Трутня» (лист III, стр. 21): «в... короткое время успел... вырость без мала в два аршина с половиною... а станом похож на астронома». Следует учесть и то, что с 1756 г. по 1760 В. И. Лукин служил в гвардии, куда, как известно, принимали, сообразуясь с ростом принимаемого. Очевидно в тогдашних литературных кругах прозвище Лукина было «столб». Отсюда в «эпитафии» игра словами: «сей столб за этот столб», «сега же имени (т. е. столба)».

На этом примере видно, что из журналов рассматриваемого периода при более внимательном их анализе можно извлечь много конкретных данных о литературной борьбе тогдашних писателей. Дело в том, что до сих пор исследователи брали из материалов сатирической журналистики только то, что лежит, так сказать, на поверхности. Поэтому и выходит, что объектами насмешки в тогдашних изданиях были только Лукин, Петров, Козельский, отчасти Херасков, да еще Рубан, Чулков и Эмин. Между тем, можно не сомневаться, что этими именами вовсе не исчерпывается список осмеиваемых литераторов. И иногда оказывается, что в лице какого-нибудь особенно часто поминаемого сатириками 1769 г. персонажа перед нами не кто-либо из крупных деятелей литературы тех лет, а, напротив того, писатель в общем развитии литературы вовсе маловажный, но в силу каких-то причин обращавший на себя внимание своих современников-литераторов. Таков, например, известный Стозмей, неоднократно фигурирующий на страницах «Трутня», «Смеси» и «Адской почты». О нем известно, что он имеет отношение к литературе (Трутьень, лист XVI, стр. 97—98; Смесь, лист 22, стр. 175), в особенности к театру, в частности он претендует на то, чтобы управлять театральным ведомством (Трутьень, лист XVI, стр. 98), и т. д. Очевидно, это все же лицо крупное в дворянских кругах тогдашнего Петербурга: он «из всей мочи надседася кричит, что вы [издатель «Трутня»] обижаете целый корпус дворянства и что ваши ругательства скоро уймутся», — сообщает Новикову некто Д. К. (в письме, напечатанном в «Смеси», лист 20, стр. 154). И мы едва ли были бы в состоянии определить это лицо, если б нам на помощь не пришла редакция «Смеси», поместив в том же листе две «эпиграммы»

на Стозмея (стр. 160), из которых вторая построена по принципу «косвенных указаний»:

Я думал, что Стозмей не знает ничего,
И за глупца считали мы его,
Затем что разум в нем не всякой скоро сыщется.
Однако, я нашел, что хорошо он свищет.

Итак, достоинство Стозмея — что он «хорошо свищет», что он хороший «свистун». Вот в этом-то и заключается намек на то, кто такой Стозмей: это П. С. Свистунов, переводчик, театрал и крупный бюрократ того времени.

Можно не сомневаться, что в журналистике того времени скрыто немало указаний на иных литературных деятелей, кроме Лукина, Петрова и других; нужно только пристальнее всматриваться в лукавый иногда по содержанию и простой по внешности текст XVIII в.

Если же рассмотреть объекты критических и сатирических нападок тогдашних журналов, то представляется такая картина: писатели, вроде Лукина и Петрова, рассматривались «левым флангом», если так можно выразиться, тогдашней журналистики как писатели, выдвигаемые и покровительствуемые вельможной верхушкой, как соперники Сумарокова и Ломоносова. Поэтому в борьбе с ними принимают участие и «Трутень», и «Смесь», и «Адская почта», даже «Приятное с полезным» («О ревности», четвертый полумесяц, стр. 13—16). Но, с другой стороны, эти же журналы воюют и с рептильными стихотворцами типа Рубана. Об этих последних Эмин пишет так: «Теперь потребно с похвальными стихами или речью рыскать по всем домам и хвалить каждого, к кому придешь, и производить в герои, в ком имеешь нужду, тогда можешь прослыть хорошим автором и человеком разумным и честным. Ежели же кто живет уединенно и за пятьдесят рублей, или еще и за пару платья никому похвалы и геройства не отдает и описует пороки, никому не лаская, того почтут за человека злобнейшего и за такого дурака, глупее которого в свете не бывало» (Адская почта, стр. 293).

«Всякая всячина» берет под свою защиту Лукина, считая, что «в теперешнем положении наук у нас, мы думаем, что гораздо нужнее поощрение сочинителям, переводчикам и молодым людям, кои посвящают себя наукам, нежели строгая критика» (стр. 45—46). Зато энергичному обстрелу чуть ли не с первых страниц «Всякой всячины» подвергается Третьяковский и в особенности его «Тилемахида», что, в свою очередь, вызывает отпор в «левых» журналах. Смысл преследований «Тилемахиды» был недавно разъяснен акад. А. С. Орловым:

в «Тилемахиде» Тредиаковского не без основания усматривали вольнодумные идеи и, в частности, намеки на развратную жизнь Екатерины и узурпацию ею царской власти.¹

Таким образом, и в трактовке вопросов литературных взаимоотношений расхождения тогдашних журналов были не случайны, а принципиальны и зависели от общих позиций их издателей.

В литературе о журналистике 1769—1774 гг. не последнее место занимает вопрос о степени самостоятельности нашей сатиры того времени. Афанасьев считал, что «влияние иностранных сатирических изданий на наши журналы мы допускаем только в той мере, поскольку оно касается формы и тона статей, а содержание наши журналы брали из своей собственной жизни» (Русские сатирические журналы, стр. 5—6). Эту точку зрения позднее оспорил В. Солнцев, обследовавший отношение к иностранным образцам «Всякой всячины» и «Смеси». Выводы его очень решительны, в частности в отношении «Всякой всячины»,² за которой он почти отрицает самостоятельность. Однако положения Солнцева очень шатки и не обоснованы. Количественно заимствованные из «Спектатора» материалы не превышают одной десятой части текста «Всякой всячины», даже если взять полностью указания Солнцева (стр. 135—140); по существу же наиболее характерные статьи «Всякой всячины» и в особенности «Смеси» не являются заимствованными, вопреки указаниям Солнцева.

Что касается Новикова, то его независимость от иностранных образцов засвидетельствована «Живописцем». В письме «Доброжелателя» (Живописец, ч. II, лист 22, стр. 386—387) говорится: «Всего удивительнее то, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся».³

¹ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского. — Сб. «XVIII век», I, стр. 33—34.

² Солнцев В. «Всякая всячина» и «Спектатор» (К истории русской сатирической журналистики XVIII века). — Журн. Мин. нар. просв., 1892, № 1, отд. 2, стр. 156; Он же. «Смесь», сатирический журнал, 1769 года. СПб., 1893.

³ Налечтание письма Доброжелателя с указанием на то, что Новиков не знает ни французского, ни немецкого языка, находится в противоречии с общеизвестным фактом службы Новикова в качестве переводчика в Коллегии иностранных дел в 1770—1773 гг. (Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пгр., 1915, стр. 72—73; Вернадский Г. В. Заметки о литературно-издательской деятельности Н. И. Новикова, II. С какого языка

Однако для истории русской журналистики и литературы вопрос о связи русской журналистики с иностранной имеет второстепенное значение, поскольку даже те статьи, которые являются переводными, например о суевериях,¹ по материалу вполне совпадают с обильными показаниями мемуаров и аналогичных источников. Приноровленные к русским условиям, статьи эти уже отвечали местным требованиям и воспринимались литераторами и читателями как факты русской жизни и русской журналистики. Таким образом, для выяснения вопроса, в какой мере сатирическая журналистика отражала русскую действительность эпохи, наличие заимствованных статей не имеет большого значения.

Как уже отмечалось, некоторые журналы закрылись в течение первого года, другие — по истечении 1769 г., и лишь «Всякая всячина» и «Трутень» перешли в следующий год. В 1770 г. появились два новых издания — «Пустомеля», прекратившийся на втором номере, и «Парнасский щепетильник», просуществовавший весь год благодаря помещению статей, никакого отношения к сатире и вообще к литературе не имеющих, например «Экономические примечания о пользе огородных кореньев, к поварне принадлежащих» (стр. 215—238) и «Исторические известия польских писателей о провинциях и городах российских, бывших некогда во владении польском и потом опять россиянами взятых, принадлежащие к российской истории» (стр. 290—319) и т. д. Вообще, интерес к сатирическим журналам в 1770 г. уже иссяк. На это жалуется издатель «Парнасского щепетильника» в октябрьской книжке журнала. Выпустив в свет этот номер журнала в половинном объеме (даже меньше: вместо 48 стр. — 20) и поместив в нем «Повесть о змеи, жившем в доме у одного

переводчиком служил Н. И. Новиков? — Историко-литературный сборник. Л., 1924, стр. 90—91). Какую цель преследовал Новиков, печатая письмо Доброжелателя, сказать трудно. Возможно, служба в Коллегии иностранных дел, Новиков только занимал должность переводчика, но фактически переводов не делал. Тогда помещение письма Доброжелателя получает удовлетворительное объяснение. Кстати замечу, что в книге Г. П. Макогоненко о Новикове говорится о том, что в 1769 г. Новиков не взял аттестата о службе в Комиссии 1767 г., потому что ушел в отставку и больше никогда не служил (стр. 107). Непонятно, почему Г. П. Макогоненко не счел нужным привести документальные сведения о службе Новикова в Коллегии иностранных дел в 1770—1773 гг. «Материалы» Семенникова Г. П. Макогоненко цитирует на стр. 55 своей книги, притом ссылается на стр. 74, т. е. на следующую за теми, на которых приведены документы о службе Новикова в Коллегии иностранных дел в 1770—1773 гг.

¹ Всякая всячина, отделение 6, «Ездил я недавно обедать за Москворечье»; ср.: Солнцев В. «Всякая всячина» и «Спектатор», стр. 135—136.

крестьянина» (стр. 247—263), Чулков в конце прибавляет: «В сем месяце только [это] сообщаю читателю и прошу, чтоб оной не сердился, понеже гнев здравно человеческому вреден. Я, тот, которой говорю, ни мало не досадую, что общество наше теряет охоту ко всякому временному изданию» (стр. 264). Еще раньше, в апреле 1770 г., в «Трутне» сообщалось, что «нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего» (лист XV, апреля 13, стр. 309). То же самое наблюдается и в отношении «Всякой всячины», последние листы которой (1770) печатаются в количестве, втрое меньшем первых.¹

Это падение читательского интереса к сатирическим журналам имело свои серьезные основания. Добролюбов установил, что наступление реакции сузило круг разрешенных правительством Екатерины тем. «Таким образом, значение сатирических изданий потерялось в публике: сатиры на дурных стихотворцев, на подражателей французам, на скупцов и мотов, на хвастунов и рогатых мужей и т. п., конечно, оставались в полном распоряжении литературы; но эти предметы не могли уже так занять публику, как обличение дурных судей, помещиков, попов, вельможной спеси и невежества, пыток, ханжества и т. п.»²

Единственный новый журнал был «Трудолюбивый муравей» (1771 г.) В. Г. Рубана. Афанасьев дал правильную характеристику содержания этого журнала: «„Трудолюбивый муравей“ почти вовсе не содержит в себе указаний на характер современного ему быта; главною целью его было печатать статьи, касающиеся русской истории и географии, стихи и небольшие рассказы, далекие от русской действительности» (стр. 63).

Еще более тусклый характер имеет «Старина и новизна», издававшаяся тем же Рубаном в 1772—1773 гг. Несомненно, большую роль играли «Вечера», выходившие в то же самое время и связанные с кружком Хераскова, проживавшего тогда в Петербурге.

Самым значительным из сатирических журналов, вышедших в свет после 1769 г., был новиковский «Живописец», начавшийся в апреле 1772 г. и закончившийся в июле 1773 г. Лучшие традиции «Трутня» и «Смеси» были воскрешены в новом издании Новикова. Замечательные «Письма к Фалалею», а в особенности пользующийся исключительной и вполне заслуженной известностью «Отрывок из путешествия в*** И*** Т***» и некоторые другие статьи «Живописца» представляют собой апогей всей

¹ Семенников. Русские сатирические журналы, стр. 80.

² Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 161

сатирической журналистики этого периода и являются какой-то неожиданной счастливой для русской литературы вспышкой, тем более отрадной, что в течение 1770—1771 гг. сатирическая журналистика переживала явный упадок. Не случайно ведь «Живописец» выдержал за 20 лет пять изданий, причем последнее (1793) вышло в количестве 1200 экз., — огромный по тому времени тираж.¹

В том же 1773 г. выходил безграмотный и графомански нелепый листок «Мешенина катоноскарроническая», издававшийся каким-то иностранцем Кунцом и не представляющий никакого интереса для истории литературы и журналистики.

Наконец, в 1774 г., с июля по октябрь, выходил последний из сатирических журналов Новикова и вообще журналов данного жанра 1769—1774 гг. — «Кошелек». В нем уже не приходится искать тех резких, запоминающихся и сильных статей, какие нередко бывали в «Трутне» и «Живописце». Время было не то, на востоке Европейской России шла жестокая гражданская война между правительственной регулярной армией и отрядами Пугачева, крепостническое дворянство почувствовало всю глубину грозной опасности, вставшей перед ним, и в эти годы прерывается, хотя и временно, старая борьба между разными группировками дворянства за власть в стране. Говорить в это время о положении крепостных даже с позиций умеренного Новикова было невозможно. Ему насильно навязывается к напечатанию сусально-идиллическая пьеса «Народное игрище»,

¹ Семенников, назв. соч., стр. 88—89. Переиздания 1829 г. и 1864 г. нами в расчет не приняты. В 1806 г. выходил журнал «Московский собеседник», в котором перепечатаны «Письма к Фалалею», «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» и «Следствия дурного воспитания». Тексты первых двух произведений имеют несколько стилистических и редакционных изменений (в «Письмах к Фалалею» письмо от дяди Ермолая состоит из двух писем Ермолая — к Фалалею и письма к издателю «Живописца»; в «Отрывке из путешествия» в конце прибавлены куски из «Английской прогулки» и из послесловия издателя к первой части «Отрывка»). Журнал «Московский собеседник» (журналом он может быть назван с натяжкой, так как представляет скорее хрестоматию, составленную из статей, взятых из журналов XVIII в., преимущественно из «Детского чтения», «Вечерней зари» и т. д.) издавался с большой конспирацией: ни в объявлении о подписке, приложенном к № 101 «Московских ведомостей» от 20 декабря 1805 г., ни в самом издании нет сведений о редакторе-издателе; из всех произведений только «Речь, говоренная в день рождения М. П. Салтыковой» (апрель, стр. 353) содержит указание на автора — А. Реш. Этот псевдоним раскрывается как «А. Г. Решетников». Б. Л. Модзалевский считал, что Решетников и был издателем «Московского собеседника» (Русский биографический словарь, том «Романова—Рясковский». Пгр., 1918, стр. 742). Предположение это подтверждается цензурными материалами. (ЦГИА, ф. 733, оп. 118, д. 38762, л. 129 об.).

кое-что из представленного в цензуру в печать не попадает, и Новиков дает знать об этом читателю изменением пагинации. На девятом листе журнал прекращается.

Запрет касаться ряда тем, служивших ранее объектом серьезного критического обсуждения, привел к тому, что в «Кошелек» особенно отчетливо выделилась борьба с галломанией, представлявшая как бы единственную важную тему последнего новиковского журнала. Эта борьба имела серьезное положительное значение, хотя некоторые формулировки Новикова построены так, что может создаться впечатление, будто он выступал не только против французомании и ложного французского «просвещения», проводившегося приезжавшими в Россию парикмахерами, шулерами и разными авантюристами, но и против просветительной философии, прогрессивное значение которой общеизвестно.

С закрытием «Кошелек» — и, конечно, закрытием, вызванным административными карами (носились не лишние основания слухи о закрытии новиковского журнала по требованию французского посла), сатирическая журналистика прекратилась.

Каковы же были причины прекращения сатирической журналистики?

Их было две. Первая и важнейшая заключалась в том, что неосторожный опыт Екатерины со «Всякой всячиной» показал, как далеко вперед шагнуло русское общество в его передовой части, как быстро и смело стало оформляться общественное самосознание, как решительно пошло оно на борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Второй причиной были внутренние события России 1773—1774 гг.

Не имея возможности по цензурным условиям указать на зависимость прекращения сатирической журналистики 1769—1774 гг. от пугачевского движения, Добролюбов завуалированно объясняет этот факт: «В видах Екатерины вовсе не было того, чтобы дать литературе неограниченное право рассуждать о политических предметах и смеяться над всем, что не будет нравиться писателям. Она очень не любила, когда под видом гласности в литературу прокрадывались какие-нибудь „продерзкие речи“. Вот почему, когда внутреннее спокойствие было совершенно восстановлено [т. е. подавлено движение Пугачева], а конец первой турецкой войны возвеличил имя Екатерины и в Европе, когда остатки старого недовольства и недоверия к ней стали ей уже не страшны, она охладела к сатире, как к вещи уже ненужной и могущей быть только вредною для ее спокойствия. С 1773 г. она перестала писать комедии и возвратилась к этому занятию только уже через десять лет, когда, вместе с княгиней Дашко-

вой, вздумала подвинуть русскую науку заведением Российской Академии. В 1774 г. прекращаются и сатирические журналы».¹

После общего рассмотрения журналистики 1769—1774 гг., в котором была освещена политическая позиция крупнейших сатирических журналов тех лет, перейдем к характеристике преимущественно внешней стороны наиболее важных из них.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА»

(1769—1770)

Появление «Всякой всячины» в первых числах января 1769 г. состоялось без какого-либо предварительного оповещения читателей. Условия подписки были сообщены публике лишь в № 2 «СПб. ведомостей» (от 6 января 1769 г.), а первый лист журнала раздавался желающим бесплатно: «Сим листом, — читалось на первой странице «Всякой всячины», — быю челом, а следующие впредь изволь покупать». Такой необыкновенный в истории русской журналистики дебют нового периодического издания не мог не обратить на себя внимания читателей. Повидимому, это заранее входило в расчеты издателей. В литературных кругах была распространена версия, вероятно не без умысла, что журнал издается Г. В. Козицким, состоявшим «у принятия челобитен» Екатерине II, т. е. бывшим в то время одним из ее секретарей. На самом же деле, как выяснено исследованиями Пекарского² и Шумигорского³ и анализом «Всякой всячины», журнал издавался под наблюдением и, говоря современным термином, под «общей редакцией» Екатерины. Для некоторых современников это не было тайной, и, очевидно, этим и объясняется резкость нападков на «бабушку», в частности за ее защиту подьячих, за общий «охранительный» характер журнала, в особенности же за претензии направлять общественное мнение не в сторону конкретного сатирического, даже памфлетного обличения, а в сторону абстрактного морализирования; наконец, не безразличны нападки и на плохой язык статей Екатерины, которые и после обработки Козицкого сохраняли нерусский характер. Чего, например, стоит такая фраза: «Дядюшка

¹ Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 160.

² Пекарский П. П. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863, стр. 1—6.

³ Шумигорский Евг. Государыня-публицист. — Русск. архив. 1890, № 1, стр. 1—50; первоначально — отдельно под заглавием «Очерки из русской истории. I. Императрица-публицист» (СПб., 1887).

мой человек разумный есть. Он хотя мало учился, но много знания получил чтением лучших книг» (стр. 220).

Если для современников не было секретом, что Екатерина была не только участником, но и руководителем «Всякой всячины», то, несомненно, всех занимал вопрос, зачем было предпринято это издание. Не будучи литератором, если не считать участия в переводе «Велизария» (опубликованный ранее «Наказ» нельзя рассматривать как произведение литературное, а комедии и прочие сочинения Екатерины были написаны и опубликованы позднее), и не обнаруживая до того специального интереса к журнальной деятельности, Екатерина самым фактом участия и редактирования «Всякой всячины» заставила своих современников задуматься о причинах, вызвавших появление этого журнала. Выше (см. стр. 174) приведены были сведения о том, что Ф. А. Эмин определил «Всякую всячину» как журнал политический. Конечно, это не было индивидуальное мнение одного только Эмина. Очевидно это было понятно и другим современникам. Очевидно этого добивалась и Екатерина, поместив во «Всякой всячине» сказку о том, как шили мужику кафтан, а также напечатав статьи «Дядюшка мой человек разумный есть» и «Молодые люди всего желают отведают».

Итак, в ряде екатерининских статей в «Всякой всячине» раскрывается ее политическая позиция, ее взгляды на причины неурядиц в стране, проповедуется теория социального равновесия («каждый должен быть наравне», т. е. доволен своим состоянием), и тем самым журнал приобретает не моральный или сатирический, а отчетливо политический характер. Очевидно, Екатерину в эти годы соблазнял пример «Философа из Сан-Суси», Фридриха II Прусского, политика и писателя. Но, кажется, она была недовольна результатами своей журнальной деятельности во «Всякой всячине»; Е. С. Шумигорский утверждает, что «сквозь недомолвки и подчас малопонятные нам теперь метафоры проглядывает ясно нежелание государыни признать свое участие в журналистике 1769 г. Вот почему, вероятно, в массе материала, оставшегося нам от Екатерины и об Екатерине, мы не встречаем упоминания о ее журнальных трудах этого времени, хотя иногда и приходилось высказаться по этому поводу».¹

При систематическом чтении «Всякой всячины» видно, что центральное место в журнале занимают статьи Екатерины; все прочие бледны и в лучшем случае только дополняют сказанное ею. Исследователями установлено, что в журнале принимали

¹ Русск. архив, 1890, январь, стр. 9.

ВСЯКАЯ
ВСЯЧИНА.

Симъ листомъ бью челомъ; а слѣдую-
щія впредь изволь покупать.

участие Г. В. Козицкий, гр. А. П. Шувалов, А. В. Храповицкий, А. О. Аблесимов, П. Ф. Берг, Аф. Лобысевич, Гр. Кушалева, Мих. Жуков, И. П. Елагин, А. П. Сумароков,¹ Ив. Сичкарев.² Можно предположить, что под псевдонимом Фалалей (стр. 77—79 и 128) скрывался Д. И. Фонвизин; Трифон Остроперов — Тимофей Остервальд, близкое ко двору лицо, переводчик на русский и с русского, театрал; автор интересной статьи «Читал я в публичной вивланотеке» (стр. 315—320) — гр. А. С. Строганов;³ Стойков — кн. М. М. Щербатов. Вероятно, под одним из псевдонимов Н. Петухова, Василиса Топтоногова, Леонильда Критюхина и т. д. выступала сестра А. В. Храповицкого — М. В. Храповицкая, по мужу Сушкова. Кроме того, обращает внимание, что какой-то сотрудник «Всякой всячины» выбирал псевдоним, состоявший из имени и фамилии, начинавшихся буквами А. П. (Аристарх Примирителей, стр. 97, 175—176; Афиноген Перочинов, стр. 140—143; Анфрон Пермьяков, стр. 193—195; Аврам Правдолюбов, стр. 209—213 и 263—264).⁴

В течение 1769 г. было выпущено 52 полулиста «Всякой всячины»; в последнем редакция оповестила читателей о предполагаемом продолжении издания под названием «Барышек Всякия всячины», т. е. избыток, остаток «Всякой всячины». В следую-

¹ Кроме указанного Автономовым (назв. соч., стр. 33) и В. П. Семенниковым (Русские сатирические журналы, стр. 13—14; ср.: Петровский и Н. М., Изв. ОРЯС, 1914, кн. 4, стр. 268, прим. 2), Сумарокову принадлежат, повидимому, статьи за подписями Агаб Самануков (стр. 81—82) и Занапрасно ободранный (стр. 159); по тематике и строю фразы они очень напоминают Сумарокова (может быть, к нему относится и ответ Акинфию Сумазбродову, стр. 96).

² Предположение В. П. Семенникова об участии во «Всякой всячине» М. Пермского и Луки Сичкарева, переведивших будто бы статьи из английских сатирических журналов, отпадает вследствие указания В. Ф. Лазурского о том, что, по крайней мере, статьи из «Зрителя» делались через посредство французского перевода «Le Spectateur», а не непосредственно (Русский библиофил, 1914, № 7—8 и отд. отт.).

³ Анонимный автор статьи отмечает, что его подпись находится в числе сочинителей плана публичной библиотеки от 25 ноября 1766 г. Документ этот опубликован в «Библиографических записках» (1861, табл. 70—80). Из 19 лиц, подписавшихся под этим планом, скорее всего, по отношению к Екатерине, автором статьи мог быть именно гр. А. С. Строганов. Кроме того, см. «Путеводитель» по Центральному Гос. архиву древних актов (М., 1946, стр. 186). Кстати, статья содержит шпильку Екатерине: в статье библиотека показана как функционирующая, между тем как Екатерина разрешения на ее открытие не дала.

⁴ Если судить по настойчиво подчеркивавшимся владельцем этих псевдонимов первым буквам А и П, это должен был быть кто-то из сторонников Екатерины, имя и фамилия которого начинались данными инициалами. Может быть, это был А. И. Полянский (1721—1818), реакционный дворянский депутат Комиссии 1767 г.; впрочем, пока о литературной деятельности Полянского не было известно ничего.

щем полугодии, до 1 мая 1770 г., издано было 18 полулистов этого журнала. Название оправдывалось содержанием нового журнала: статьи в нем гораздо бледнее и просто скучнее, чем в 1769 г.; а начиная с 10 полулиста в «Барышке» стали печататься почти исключительно переводы из античных, преимущественно латинских авторов.

В архиве Академии Наук сохранилась отчетность по изданию журнала. Оказывается, первые четыре полулиста «Всякой всячины» имели второй тираж, так как спрос на них был велик. Например, первый полулист, раздававшийся бесплатно, был отпечатан в количестве 1692 экз. Повидимому, сначала тираж был определен в 1000 экз., а затем дополнительно печаталось еще 500. Так продолжалось первые три месяца; потом, вследствие постепенного и неуклонного падения расхода журнала от продажи, «Всякая всячина» и первые 12 полулистов «Барышка» печатались в количестве 1000 экз.; последние шесть номеров «Барышка» выпускались уже только в 500 экз.¹ Впрочем, в 1772 г. были дополнительно отпечатаны некоторые полулисты журнала «в дополнение оставшихся еще, за продажу, двухсот шестидесяти неполных экземпляров одного сочинения».² Очевидно «Всякую всячину» и «Барышек», как, впрочем, и другие периодические издания Академии, покупали и после окончания их выпуска. Во всяком случае несомненно, что неудачная полемика Екатерины со своим «потомством» уронила престиж правительственного журнала, и это не замедлило сказаться на падении расхода «Всякой всячины» и «Барышка».

Следует отметить, что академические документы не содержат никаких указаний, для кого печатался журнал, кто платил за издание, и т. п.

«И ТО И СЕ» (1769)

Журнал «И то и се» (название это сперва писалось «И то и сию», затем «И то и сью») был вторым по времени из сатирических изданий 1769 г. Издавал его и «трудился один без всякой себе помощи» М. Д. Чулков; в журнале приняли участие А. П. Сумароков, связанный с Чулковым еще со времени своего заведывания Российским театром, М. В. Попов и, как едва

¹ Полностью документы эти воспроизведены в «Сочинениях Екатерины II» под ред. акад. А. Н. Пыпина (СПб., 1903, т. V, стр. 337—340); в сокращении в книге Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. СПб., 1914, стр. 80—81.

² Семенников, назв. соч., стр. 8.

ли правильно предполагает Н. Н. Булич, С. Башилов.¹ Принято считать, что журнал Чулкова стал выходить с самого начала 1769 г. В. П. Семеновников построил даже целую теорию, как от Сумарокова, дружившего с официальным редактором «Всякой всячины» Г. В. Козицким, Чулков узнал о разрешении всем желающим издавать журналы и стал выпускать «И то и се».² Все же, повидимому, Чулков выпустил первые листы журнала не с самого начала января, а несколько позднее. И вообще журнал выходил не особенно регулярно: в листе девятом, первом мартовском, который по точному расписанию должен был выйти 3 марта («И то и се» выпускалось по вторникам), упоминаются номера «Поденьшины» от 8 и 9 марта; в «Поденьшине» (20 марта) говорится о выходе этого листа «И того и сего» как о факте, происшедшем чуть ли не сегодня.

Уже в первом листе своего журнала Чулков делает, хоть и не особенно резкий, выпад против «Всякой всячины», раздававшей бесплатно вступительный номер («Сим листом бью челом, а следующие впредь изволь покупать»). Чулков же, почти полностью воспроизведя первую страницу екатерининского журнала, под заглавием «И то и се» (название журнала было выбрано несомненно с оглядкой на «Всякую всячину») поместил следующую сентенцию: «Строками служу, бумагой бью челом, а обою вообще извольте покупать, купив же считайте за подарок, для того, что не большова оное стоит». В листе третьем Чулков обратился к «старейшей сестрице» — «Всякой всячине» с письмом, довольно безобидным, но не понравившимся ей, о чем екатерининский журнал оповестил публику в связи с выходом третьего журнала «Ни то, ни се», который «Всякая всячина» называла «почтительным внуком».³ Возможно, что причиной неудовольствия «Всякой всячины» было напечатание в чулковском журнале статей Сумарокова «Письмо А. В. [Храповицкому]»⁴ и «Противуречие г. Примечаеву» (неделя шестая) и письма Елисея Прямякова на ту же тему (неделя осьмая).

¹ Булич Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854, стр. 253.

² Семеновников В. П. Русские сатирические журналы. СПб., 1914, стр. 17—18.

³ «Всякая всячина» писала: «Первороденный сын [т. е. «И то и се»] так мало благодарен родительнице своей, что он ее называет безо всякого почтения большою сестрицею, не упоминая о прочих многих его поступках противу матери. Но о сей семейной ссоре нечего здесь упоминать» (стр. 74).

⁴ О принадлежности «Письма А. В. Храповицкому» перу Сумарокова сообщает Н. И. Новиков в своем «Опыте» (ср.: Ефремов. Материалы, стр. 114). Булич (Сумароков и современная ему критика, стр. 255) также говорит о том, что автором «Письма» был Сумароков, но ссылается не на первоисточник, а на более позднее указание П. П. Свиньина.

Особенно резко было письмо в «двадцать осмой неделе», подписанное буквами Д. П. Здесь критикуется статья «Всякой всячины» (№ 78, стр. 203—207), в которой под видом лягушек сатирически описывается литературное общество, группировавшееся вокруг Сухопутного шляхетного корпуса.¹ Д. П. не понял смысла статьи и обрушился на «Всякую всячину», находя в ней «от старости ослабевающий разум», и укорял ее в том, что она возненавидела людей. Наконец, в последнем листе «И того и сего» снова дается резкая, хотя и окольная оценка «Всякой всячины». В статье фигурирует какой-то развязный мальчишка, все и вся критикующий и дающий неверные, по мнению автора, характеристики разным журналам. Напоследок мальчишка говорит: «Другие же журналы куда негодны, выключая Всякую всячину, она одна только почтения достойна». Чулков после этого прибавляет следующее: «Много было тут людей разумных, однако, никто не хотел ему противуречить, почитая его совершенным дураком». Иными словами, только дурак может признать «Всякую всячину» достойной почтения. Таково было отношение Чулкова к «бабушке».

Довольно неприязненны были суждения «И того и сего» о «Трутне». Чулков считает издателя «Трутня» «неприятелем всего рода человеческого», который любит «улаживаться других поношением» («двадцатьосьмая неделя»). В последнем листе Чулков снова задевает Новикова, намекая на то, что, поместив на титульном листе две буквы А. С., которые читатели привыкли расшифровывать как А. Сумароков, «Трутень», так сказать, спекулировал на популярном имени. Обвинение неосновательное, так как эпиграф «Трутня» «Они работают, а вы их труд ядите» подписан не буквами А. С., а так: «Г. Сумар. в XLIII притче I книги»; такая форма была обычной в цитатах того времени, и мало-мальски сведущий читатель тех лет понимал, что сам Сумароков не станет подписываться Г. Сумар.

Первое из приведенных выше суждений о «Трутне» находилось в письме к «Господину сочинителю И тово и сего», подписанном Д. П. В 1770 г. в листе XV «Трутня» от 13 апреля, сообщая о двух неодобренных письмах, в которых читатели жалуются на упадок журнала, Новиков обращается к авторам этих

¹ Хотя в статье «Всякой всячины» действие будто бы происходит в Москве, на Яузе в Головинском саду, но, по точно отмеченной дате «повеления, воспоследовавшего в 1732 и 1733 году, навезти из разных сторон лягушек в сей сад» (стр. 205), несомненно, что речь идет об основании в 1732 г. Сухопутного шляхетного корпуса и приеме кадетов в 1732 и 1733 гг. Повидимому, статья направлена против «надутой большой лягушки, которая перестала петь», т. е. против Сумарокова.

писем и к одинаково с ними мыслящим читателям с указанием на то, что в предыдущем году его ругали за резкость тона, а теперь (в 1770 г.) — за противоположное. К словам о ругани он делает любопытное примечание: «Смотри и То и Съо и Всякую всячину еженедельные сочинения 1769 года, в которых брани мне написано очень много. Во Всякой всячине, правда, что она относится к лицу г. Правдулюбова, но в и То и съо, без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и походит на П. . . ., но я. . . .» (стр. 116). Н. Н. Булич в этих полунамеках и недомолвках видит «положительное упоминание „Трутня“ об участии М. Попова в чулковском журнале».¹

Между тем, Попов участвовал и в «Трутне», и вообще отношение Новикова к нему было хорошее. Поэтому утверждение Н. Н. Булича нельзя признать правильным. Несомненно только, что Новиков знал или предполагал, кто скрывается под инициалами Д. П., и, очевидно, его современникам примечание на стр. 116 «Трутня» 1770 г. было понятно. Возможно, что «Д. П.» означает Другой Правдулюбов.

Нисколько не благосклоннее Чулков к «Адской почте». Правда, в начале, в том же письме Д. П., говорится о журнале Эмина, что он весьма нов и «имеет некоторые, еще невразумительные намерения, почему о нем никакова заключения сделать невозможно», но следующее за письмом Д. П. стихотворение целиком направлено против Эмина. Все это было помещено в № 28 «И того и сего», который вышел во вторник 14 июля 1769 г. В листе XIV «Трутня» от 28 июля того же года в ответ на письмо Д. П. было напечатано письмо за подписью Б. К., которая обычно расшифровывается как инициалы «псевдонима» Ф. Эмина — Бес кривой и которую правильнее расшифровывать как «Бесовский корректор», как себя иногда называл Эмин. Письмо это начинается так: «Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели; вашему Трутню немалое было бомбардирование. Всякая всячина добрый вытерпела залп. Адскую почту атаковала какая-то неизвестная партия». Дальше Эмин говорит о пасквиле, якобы еще не опубликованном, но несомненно речь идет о стихотворении, о котором было сказано выше, направленном против Эмина и имеющем рефрен «дурак». Отрекаясь на словах от отщепенца своему «клеветнику», Эмин ловко дает понять читателю, кто автор пасквиля. «Между сочинителями бывают люди разных свойств; есть писатели благородные, достаточные и нищие; последние будучи разумом весьма скудные, всего алкают и злятся на

¹ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика, стр. 225.

тех, кои рассудком достаточнее их». Затем Эмин перечисляет хулителей общепризнанных авторов и особенно останавливается на некотором Фаидите, который был лакеем у знатного барина. Для современников, знавших, что Чулков незадолго до этого был придворным лакеем, намек был более чем понятен. Можно предположить, что помещенные за письмом Эмина стихотворения «Задача» и «Решение», использующие форму стихотворения Чулкова и имеющие несколько измененный рефрен «Умен или дурак?», были также написаны Эминым; его стихотворные сатиры известны, и поэтому нет ничего невозможного в том, что этот резкий ответ Чулкову принадлежит Эмину. В свою очередь Чулков не остался в долгу и в «тридцатшестой неделе» поместил в своем журнале «Разговоры мертвых. Разговор I. Меркурий, Харон и Злоязычник»; в лице Злоязычника опять-таки выведен осыпaeмый ругательствами Эмин. Наконец, в последнем листе «И того и сего» Чулков опять делает выпады против «Адской почты», говоря, что автор ее пишет то, что «с благопристойностью не сходно», и притом с большой вольностью.

Не входя в подробности, должно отметить, что Чулков писал и против «Поденщины» и против «Приятного с полезным».

Выше было указано, что в письме Эмина к «издателю Трутня» делался намек на то, что Чулков был некогда лакеем. В связи с этим нелишне отметить и следующее. В первом листе «И того и сего» Чулков шуточно говорит, что намерен учиться у парикмахера; к этой же теме возвращается он и в листе «четвертой недели». Итак, в этих его высказываниях отчетливо заметно желание показать, что он не знаком с парикмахерским делом. Между тем, в вышедшем в 1768 г. в Лейпциге журнале «*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste*» в статье о русских писателях дважды говорится о Чулкове, что он — придворный цирюльник (*Hofbarbier*); кстати, в одном случае делается довольно ясный намек на присвоение Чулковым чужого сочинения. Повидимому, ответом на эти места являются энергичные указания Чулкова, что он намерен будто бы учиться парикмахерскому делу, т. е. что в данный момент он этого дела не знает, а также следующий отрывок из помещенной в третьем листе «И того и сего» заметки, озаглавленной «Кто не родит, тот и не скорбит» и начинающейся словами «Кто не пишет, тот меньше о себе и приговоров слышит». Отрывок этот касается сплетен, распространяемых о Чулкове: «Иные рассуждают о моем состоянии, другие о поведении, а некоторые о моих сочинениях, и переговаривая таким образом, придерживаются сей поговорки: Красно поле с рожью, а речь с ложью». Повидимому, в этой цитате «иные» — это автор статьи в лейпцигском жур-

нале,¹ «состояние» Чулкова, ложно освещенное, — то, что он назван придворным циркульником; «поведения» — намек на литературное воровство; и, наконец, «приговоры о сочинениях» — неодобрительные отзывы о его, Чулкова, сочинениях.

Обращаясь к другим сторонам журнальной деятельности Чулкова в «И том и сем», следует указать на то, что уже давно отмечался в литературе его интерес к фольклору. В «И том и сем» имеются описания старинных обрядов, приводятся народные песни, сразу бросается в глаза обилие пословиц, влетаемых кстати и некстати, помещен «русский мифологический словарь», даны стихотворные зарисовки празднования «семика» и катания на качелях, наконец отчетливо ощутимы пуристические тенденции к изгнанию иностранных слов и к замене их русскими.²

Следует еще прибавить, что издатель, ориентируясь на читателя из мещанских кругов, помещал в своем журнале излюбленные таким потребителем «краткие и замысловатые гистории», анекдоты, подобные напечатанным в известном «Письмовнике» Курганова, а частью и заимствованные из последнего.

Впрочем, не следует переоценивать значения этого факта; сам Чулков объясняет появление подобного материала в своем журнале довольно просто и, во всяком случае, не интересом к научному изучению фольклора. Помещая в № 43 «И того и сего» описание свадебного ритуала, Чулков прибавляет: «пишу оное для того, чтобы научились люди производить свадебные обряды». Очевидно, с тою же целью сделаны описания крестин (№ 44), святочных гаданий (№ 46) и т. п. Для него все это только «суеверие», которое способно вызвать смех: «Господин читатель, — пишет Чулков в «четыредесятшестой неделе», — ты, как я думаю, не из числа тех, которые будут слушать под окошками; однако ежели ты любишь древности, то сие описание принесет тебе некоторую забаву. Я сочинитель, а ты сочинения моего читатель, я буду говорить, а ты будешь слушать и, когда вслушаешься хорошенько, то представится тебе, будто бы ты сам в оном действии находился. Только не испужайся, тут будет

¹ По вопросу об авторе этой статьи высказывались различные мнения: называли И. А. Дмитриевского, В. И. Лукяна, С. Г. Домашнева и др. По нашему убеждению, автором ее является А. А. Волков. См.: Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1931, № 8 (статьи П. Н. Беркова, А. И. Лященко и Д. Д. Шамрая, посвященные этому вопросу), а также: Иронико-комическая поэма, под ред. и с примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1933, стр. 705—706.

² Завадов А. В. Журнал Чулкова «И то и сего». — Сб. «XVIII век», II, стр. 121—139; Путилов В. Н. О журналах Чулкова («И то и сего» и «Парнасский щепетильник»). — Уч. зап. Пед. инст. им. Герцена, Л., 1940, т. XXIX, стр. 104—107.

много страшного, но, если правду выговорить, то больше будет смешнова, и когда мы с тобой расхожемся, то конечно позабудем страшиться». Таким образом, Чулков, вопреки обычному мнению, был далек от серьезного подхода к фольклору. Неправильно также утверждение А. Н. Афанасьева, что Чулков «первый обратил внимание на уцелевшие в народе памятники старинных суеверий».¹ Задолго до него, не позднее 1755—1756 гг., подготавливая материалы для своей «Российской истории», фольклором заинтересовался Ломоносов, в бумагах которого сохранились любопытные записи относящихся к этому вопросу данных; часть их он использовал в печатном издании «Истории».²

«НИ ТО НИ СЕ»

(1769)

Один из бесцветнейших журналов 1769 г., «Ни то ни се» (так писалось его название), издавался В. Г. Рубаном, выходящим из Украины, обучавшимся в Московском университете и начавшим свою литературную деятельность в «Полезном увеселении» Хераскова. «Ни то ни се» не пользовалось успехом у читателей, и, вероятно, это было причиной скорого прекращения журнала, просуществовавшего несколько больше четырех месяцев. Ни откликов на современную жизнь, ни сатиры, хотя бы в самом умеренном духе, в «Ни том, ни сем» нет. Даже тот «довольно замечательный ответ на „Письмо г. Бедняшкиной“», который привел в восторг Н. Н. Булича,³ представляет перевод с немецкого («Ни то ни се», стр. 95), в очень малой степени приуроченный к русским условиям.

Помимо издателя, в журнале «Ни то ни се» приняли эпизодическое участие М. Попов, В. П. Петров (ода Г. Томаса «Должности общежития») и др. Есть в литературе сведения об участии в журнале также С. Башилова. Относительно участия последнего следует сказать подробнее. В самом журнале инициалами С. Б. подписан только перевод из Сенеки «О провидении», помещенный в листах 15—18. Между тем Н. И. Новиков говорит о том, что Башилов «сочинил довольно сатирических писем, напечатанных в ежемесячном сочинении „Ни то ни се“, изданном 1769 года

¹ Афанасьев. Русские сатирические журналы, стр. 7.

² См. мою статью «Ломоносов и народное творчество» в сб. «Ломоносов», т. II, и заметку «Ломоносов и фольклор» (Научн. бюлл. ЛГУ, 1945, № 4, стр. 33—36).

³ Булич Н. Н. Сумароков, стр. 266.

в Санкт-Петербурге».¹ Булич, по поводу этих сведений, которые ему известны не непосредственно из «Опыта» Новикова, а из «Словаря» митрополита Евгения, замечает, что в журнале «Ни то ни се» нет писем такого рода, «кроме небольшого количества вводных, принадлежащих самому издателю — Рубану».² Следует добавить еще одно обстоятельство, вызывающее недоумение: в «Росписи» Смирдина С. Башилов указан издателем «И того и сего» (стр. 687, № 9677). Повидимому, дело объясняется следующим образом. «Ни то ни се» издавал не один Рубан, а совместно с Башиловым; на это указывает, помимо формы множественного числа во всех редакционных выступлениях, объявление, помещенное в конце № 13 (стр. 112): «В следующую субботу читатели получат вдруг четыре листа Ни того ни сего, то есть за 6, 13, 20 и 27 числа июня месяца. Сочинители его, желая доставить себе возможность попользоваться приятностями исходящей весны и начинающегося лета, за благо рассудили сим способом избавить себя на целой месяц от еженедельного издания сих листочков. . .»; вслед за этим объявлением идет в четырех номерах журнала перевод Башилова. Очевидно, в «Росписи» Смирдина Башилов по недостаточной точности устной традиции попал не как соиздатель «Ни того ни сего», а как единственный издатель «И того и сего». Если принять предположение о близком сотрудничестве С. Башилова в рубановском журнале, тогда можно считать правильным и указание Новикова о сатирических письмах Башилова в этом журнале. Вероятно, Башилову принадлежат письма, подписанные псевдонимами Неспускалов (стр. 33—36), Адалуй Емак (стр. 73—74) и Старожилов (стр. 77—79).³

Как правильно указал Н. Н. Булич, «журнал [Рубана] не имеет никакого характера и наполнен большею частью переводами».⁴ При этом переводы «Ни того ни сего», в отличие от переводов «Всякой всячины», «Смеси» и других журналов, не являются заменой оригинальных произведений на ту же тему, а представляют материал, далекий от жизни, абстрактный или «забавный», вроде «Блохи из Овидиевых фрагментов» (стр. 154—156).

¹ Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы, стр. 14.

² Булич Н. Н., назв. соч., стр. 253.

³ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII ст., стр. 400—401. Майков приписывает письмо за подписью Адалуй Емак Ф. А. Эмину, а письма Неспускалова и Старожилова считает принадлежащими С. Башилову. В. П. Семенников (Русские сатирические журналы, стр. 70) также склонен видеть в С. Башилове соиздателя В. Г. Рубана.

⁴ Булич Н. Н., назв. соч., стр. 264.

Что касается оригинальных произведений, помещенных в журнале Рубана и Башилова, то их очень немного и они не блещут никакими достоинствами. Едва ли не наиболее интересное произведение в «Ни том ни сем» — стихотворение без заглавия во втором листе, посвященное традиционной теме денег; кончается этот панегирик такими стихами:

Это есть бесспорно:
Деньгам все покорно,
Все находим в них

(стр. 11).

«Самый язык журнала, вялый и безжизненный, полный тяжелых и неправильных оборотов, — справедливо констатирует Н. Н. Булич, — резко отличается от языка других журналов».

Несмотря на кратковременность своего существования, «Ни то ни се» вынуждено было вести неизбежную полемику с другими журналами, точнее говоря, со «Всеякой всячиной». Любопытнее всего, однако, то, что в первом листе издатели настойчиво подчеркивают свое стремление следовать за «Всеякой всячиной».

[«Ни то ни се»] Как примет бытие, то будет уж похоже
На Всяку всячину, хоть имя с ней несхожо.
Различны пусть трудам даются имена,
Лишь польза обществу от них была б одна

(стр. 6).

Несколько дальше издатели журнала пишут: «Сия ж самая причина [безденежье] воспрепятствовала нам подарением первого листа сделать подражание Всеякой всячине, хотя мы к ней и всякое почтение имеем» (стр. 13).

Но «Всеякая всячина» в листе 11 (стр. 73—79) поместила два письма, направленных против «Ни того ни сего», одно за подписью Курмамет, а другое — Фаладей, предпослав им вступление, содержавшее лестные отзывы о «Ни том ни сем». Тем не менее, в журнале Рубана и Башилова появилось ругательное возражение, в котором досталось и «Всеякой всячине» (о ней было сказано, что «бабушка выжила из лет и много забывается»), и ее корреспондентам. Очень любопытна одна фраза из послесловия редакции к письму Неспускалова (так назывался ответ «Всеякой всячине»): «Любезная Бабушка. . . Вы видите, что есть на свете смельчаки, которые и против вас без раболепства говорить дерзают» (стр. 37). Смысл эта фраза может иметь только в том случае, если предположить, что издатели знали, кто такая «Бабушка», с которой надо говорить «раболепно». В письме Не-

спускалова есть такое замечание о письме Ибрагима Курмамета: «Первому [т. е. Курмамету] пусть отаукивается тот, кого он кликнул» (стр. 34). В самом деле, в листе 12 журнала Рубана и Башилова была напечатана эпиграмма «К Зоилу от молодого рифмача» (стр. 90) со следующей припиской: «Последняя сия эпиграмма прислана к нам на сих днях в обверте, не знаем от кого, с надписью: как аукнулось, так и откликнулось». Нет сомнения, что это и есть обещанный в письме Неспускалова ответ Ибрагиму Курмамету. Так как эта эпиграмма дает указания на то, кто избрал себе псевдоним Ибрагим Курмамет, то следует привести ее полностью:

К Зоилу от молодого рифмача

Разинув дераской рот, хвастливый мой Зоил
 Аакает, мьмычит, со всех раввшися сил,
 Злословия весь яд на труд мой изливает
 И ненасытную тем злость свою питает.
 Но сей Зоил меня ни мало не вредит
 Тем паче, что он есть неграмотной Пинит:
 Языков и наук он никаких несмыслит,
 Невежою его разумной свет весь числит,
 Не может говорить он чисто и читать
 И только наобум стихи марать.
 Он в дарованиях природы тварь пребедна,
 Затем то и хула его мне есть невредна.
 Безумную хулу прощаю я ему,
 Которую писал, как видно, он в шуму,¹
 Злословием его всем имя есть известно,
 Внемли, простяк! сие пишу тебе нелестно.

Для определения адресата этой эпиграммы даны следующие опорные пункты: Курмамет отличается злостью, ему приписывается незнание языков, не исключая и русского, он «аакает», т. е. произносит часто «а—а!». Всем этим данным отвечает, как известно, В. И. Лукин, которого современники обвиняли в злословии, в безграмотности, а также в неуместном употреблении междометия «а—а!». Мог ли поместить Лукин письмо во «Всякой всячине», где были выпады против его комедий (стр. 43—45)? Безусловно мог, так как вслед за этими выпадами постороннего журналу лица были помещены довольно благоприятные для Лукина замечания редакции. Впрочем, второе письмо Курмамета «Всякая всячина» поместить отказалась (стр. 96).

Повидимому, ответом на это стихотворение была растянутая эпиграмма «Молодому рифмачу», напечатанная без подписи в «осьмой надесять неделее» «И того и сего» и кончающаяся

¹ В шуму — в пьяном виде.

перифразом последнего стиха цитированного стихотворения «К Зонлу»:

Внемли, а я пишу тебе чистосердечно.

Таким образом, можно считать, что Ибрагим Курмамет — псевдоним В. Лукина.

«Ни то ни се» печаталось в количестве 600 экз.¹ Кроме того известно, что в 1771 г. вышло второе издание, которое, за исключением некоторых незначительных отмен в первом листе, «перепечатано с первого строка в строку».² Повидимому, нераспроданные листы первого издания Рубан снабдил перепечатанным в 1771 г. первым листом, на котором обозначено «второе издание», чтобы таким, кстати сказать, довольно частым в те годы способом сбыть с рук свой нераспроданный журнал.

«ПОЛЕЗНОЕ С ПРИЯТНЫМ»

(1769)

Этот журнал издавался, как установлено разысканиями В. П. Семенникова, преподавателями Сухопутного кадетского корпуса И. Ф. Румянцевым и И. А. де-Тейльсом с 13 февраля 1769 г. по 25 июня того же года.³ Впрочем, эти данные относятся только ко времени печатания журнала; выходные его сроки несколько иные: по указанию Неустроева, первый полумесяц «Полезного с приятным» был выпущен 24, а второй — 27 февраля; 7 марта появились сразу третий и четвертый полумесяц; с 11 марта журнал выходил понедельно, причем два листа его образовывали «полумесяц».⁴ Последний «полумесяц» (12) вышел в конце июня. Один из издателей журнала, И. Ф. Румянцев, вскоре после этого, — 8 августа 1769 г., — умер, и поэтому можно предположить, что именно его болезнь была причиной прекращения журнала. В. П. Семенников склонен был преувеличить роль И. А. Тейльса в издании «Приятного с полезным»; прекращение журнала в связи с болезнью и смертью И. Ф. Румянцева, а также то обстоятельство, что во «втором на десять полумесяцев», вышедшем, очевидно, без активного участия Румянцева, нет статей из «Юношеской библиотеки», откуда был почерпнут основной материал журнала (за исключением небольших статей «О говорливости» и «О успехах в науках»), — все это говорит в пользу большой активности Румянцева. Может

¹ Семенников. Русские сатирические журналы, стр. 84.

² Афанасьев. Русские сатирические журналы, стр. 200.

³ Семенников, назв. соч., стр. 21—23.

⁴ Неустроев. Историческое розыскание, стр. 139.

быть, именно он и был переводчиком статей из «Юношеской библиотеки», «сочиненной, — как сказано в «Предуведомлении», — одним славным аглинским писателем».¹

Уже Н. Н. Булич отметил серьезный характер «Приятного с полезным» и подчеркнул, что статьи журнала «все имеют достоинство, отличаются особенною ясностью».² Они посвящены либо рассмотрению тем, важных в воспитательном отношении («О воспитании», «О науках», «О обхождении и избрании друзей» — самая большая статья, «О познании света» и т. д.), либо анализу и «оуждению» пороков («О любви и волокитстве», «О притворстве», «О скупости», «О зависти», «О злословии», «О праздности» и т. д.). В свои переводы издатели не вносили ничего «применительно к российским нравам», и это делает «Приятное с полезным» мало интересным как свидетельство о современной жизни. Впрочем, надо сказать, что по поводу одной из статей, помещенных в «Приятном с полезным», с пометой «взято из второй части Аглинского зрителя» (четвертый полумесяц, стр. 30—32), в чулковском журнале «И то и се» было письмо, последние строки которого заставляют предположить, что в «кадетском журнале» (так называлось в сатирической журналистике 1769 г. издание Румянцева и Тейльса) были и псевдопереводы: «Прощай, сударь, и впредь не обманывай нас переводами из Аглинского Смотрителя, а лучше подписывай свое имя; но полно, ты и так не спрятался, тебя все знают, а собливо Прелеста» («И то и се», неделя первая надесять, стр. 5 нен.).

Но, кроме подлинных и мнимых переводов, в «Приятном с полезным» имеется ряд оригинальных статей, заслуживающих быть отмеченными. Таково, например, очень недурное «Письмо Фомы Стародурова» (второй полумесяц, стр. 23—27), которое не уступает лучшим произведениям сатирической журналистики 1769 г. и в котором высмеивается старозаветное презрение к наукам, скупость и страсть провинциальных дворян к «ябеде». Такова статья «О путешествии в чужие края» (полумесяц третий, стр. 13—16), в которой содержатся несомненные «личные» намеки на тогдашних путешественников в Париже и на их неправдоподобные и пошлые рассказы о своих впечатлениях. Об одном путешественнике сказано: «Недавно приехал из чужих краев детника. . . Он ездил не с тем, чтобы сделать себя достойным сыном отечества, но затем, чтобы посмотреть комедианок, постоять у них в передней и за то заплатить несколько сотен

¹ В упомянутой выше диссертации Д. Д. Шамрая, в главе «Правый фланг сатирической журналистики 1769 г.», установлено, что «аглинский писатель» — это *м-ше Лепренс-де-Бомон*.

² Булич. Сумароков и современная ему критика, стр. 251.

самой лутчей русской монетой; выучиться пропевать стишки из театральных сочинений, наряжаться шутком и вертеться мелким бесом, а паче всего проживать как возможно более денег. Всего же смешнее, когда зачнет он о путешествии своем рассказывать, что он в такой-то деревушке останавливался пить и видел там индийского петуха, в другой хлебал суп а луаньон, а по руски воду с луком, в третьей переменял лошадей и влюбился в крестьянскую девку, которой еще и теперь из мыслей своих истребить не может. Но в заключение своей речи произносит всегда с восторгом: О! как много удовольствия и утехи в путешествии найти можно» (полумесяц третий, стр. 14—16). Видеть в этом отрывке пародию на сентиментальные путешествия, которых тогда на русском языке еще не было, менее правильно, чем предположить, что статья эта могла метить в какого-то определенного театрала, недавно возвратившегося из Парижа; на это указывают ссылки на «комедианок», на «пропевание театральных стишков» и т. д. Возможно, что здесь имеется в виду В. И. Лукин, действительно ездивший в 1767 г. в Париж и вернувшийся назад в 1768 г.

Предположение это тем более вероятно, что нападки на Лукина в «Приятном с полезным» встречаются еще раз; в «четвертом полумесяце» помещена была статья «О ревности», якобы присланная «от неизвестного человека» и рассказывающая о том, как «один детинка, который был еще и в Париже», устроил глупую сцену своей любовнице. Изложив подробно этот эпизод, автор письма прибавляет: «А как мой витязь ничего так высоко не поставляет, как сочинения и переводы, произведенные его малоумием, то сей поступок мне и показался извинительным, тем еще более, что он после сам говорил своей любезной: А! как ли ты не неверна, я тебя прямо обожаю. А! ты меня прямо знаешь. . .» (стр. 15). Повидимому, «детинка» из статьи «О путешествии в чужие края» и «детинка» из статьи «О ревности» — одно и то же лицо, а о том, что в последнем осмеян Лукин, выпустивший в 1765 г. «Сочинения и переводы» и вызвавший град насмешек в журналах 1769 г. своими «а», «как ли не» и «прямо», сомнений быть не может.

Из остального материала «Приятного с полезным» следует отметить прозаическую басню «Лев и козерог», где изображен свирепый африканский лев, опустошивший свои владения и пытающийся заманить к себе находившегося в безопасности на горной высоте козерога; последний отвечает льву на его приглашения, что не признает его своим царем: «свирепость твоя доказывает, что ты повелевать не можешь. Владычество не свирепством, но кротостию утверждается» (полумесяц седьмой, стр. 30).

В условиях екатерининской России это был своеобразный комплимент императрице и в то же время достаточно смелое политическое суждение. Очень недурна также эпиграмма (полумесяц девятый, стр. 15), написанная исключительно чистым и гладким языком и представляющая перевод-переделку из Ж.-Б. Руссо:

По батюшкиному совету
 Глупец намерился истратить тысяч шесть,
 Чтоб показать себя, шатаясь по свету,
 И тем России сделать честь.
 Хотя намеренье его и не худое,
 Я верно бы ему сказал:
 Пожалуй издержи ты денег вдвое,
 Но только бы никто тебя не знал.

Для характеристики журнала Румянцева и Тейльса необходимо отметить помещение ими в последнем полумесяце трех статей из Вольтера, очень резких по своему антиклерикальному тону. Особенно любопытно, что «Индийская повесть» Вольтера была переведена также и в «Смеси» (лист 3, стр. 17—19), но в последней концец переделан; в «Приятном с полезным» текст дан в соответствии с подлинником.

Журнал не имел большого успеха. Печатался он сперва в количестве 600 экз. (первые четыре с половиной полумесяца), а затем до конца — в 500 экз. При этом по прекращении журнала на руках у издателей осталось 334 экз.¹

Хотя в журналистике 1769 г. отзывом о «Приятном с полезным», кроме отмеченного выше письма в «И том и сем», не встречается, тем не менее издатели журнала в «Объявлении» в «третьем полумесяце» (стр. 3), имея в виду, очевидно, устные суждения, писали: «Наше Приятное с полезным, вышед на свет, так же опытом познало, что оно не всем нравится, и многие не нашли в нем, по мнению своему, ни полезного ни приятного».

В. П. Семенников предполагает, что прозаические басни в «Приятном с полезным» принадлежат В. Т. Золотницкому.² Предположение это ничем не обосновано и поэтому мало убедительно.

«ПОДЕНЬШИНА»

(1769)

Листок «обер-офицера полевых [армейских] полков» В. В. Тузова издавался более месяца, с 1 марта 1769 г. по 4 апреля.

¹ Семенников, назв. соч., стр. 22.

² Там же, стр. 26.

1 марта вышла тетрадка за 7 дней, а с 8 марта и вплоть до конца ежедневно выходил листок «Поденьшины или ежедневных изданий».

Журнал Тузова обычно принято считать мало интересным: «Содержание его, — говорит Булич, — вообще очень слабо и не представляет ничего любопытного, обрисовывающего время и эпоху».¹ Конечно, по сравнению с «Трутнем», «Адской почтой» и «Смесью», тузовская «Поденьшина» кажется бледной. Тем не менее, в ней есть немало бытовых наблюдений и черточек, ценных для изучающего жизнь русской провинции середины XVIII в.; видно Тузов был знаком с нравами, а отчасти и языками национальностей Приуралья; наконец, он еще до Чулкова обратил внимание на «русские приметы» (лист от 17 марта), трактуя их не как «суеверие», а как одну из форм развития медицины: «Начала сего зла в роде человеческого [магии] доискаться совсем невозможно; но щитаю его происшедшим от врачебной науки, что некоторым образом и вероятно, потому что во всех, а особливо в восточных народах между непросвещенными людьми имя волшебника от лекарей неотъемлемо; тем больше, что сии простолюдные лекари знание свое в силе трав и других лечебных вещей, по случаю или по научению от других им доставшееся, прикрывают всегда видом волшебства, дабы вяшше чрез то незнающих привести к себе в порабощение».

Как Булич, так вслед за ним и Афанасьев потешаются над филологическими домыслами Тузова, посвятившего последние листки своего издания сопоставлению русских слов с арабскими, персидскими, турецкими и татарскими. Конечно, смешно выводить слово счастье от щ и ясти («может быть, в старые времена бедные люди говаривали о достаточных: так разбогател, до такого состояния дошел, что каждой день щ и есть может», — листок 4 апреля), или нищета «от неимения денег и и щ о т а, что нечего щ итать» (там же). Но, помимо этих курьезов, у Тузова есть несколько не так уже неудачных этимологических предположений, в частности его наблюдения над персидскими словами о степенях родства и о числительных. Несомненно, однако, что Тузову были известны «филологические статьи» Сумарокова в «Трудолюбивой пчеле».

О своем издании, по крайней мере в печатных высказываниях, Тузов был очень скромного мнения: «я по большей части, — заявлял он в листе от 20 марта, — пишу займное, с своим токмо расположением». Действительно, в «Поденьшине» есть переводы из «*Medicamina amoris*» Овидия, из «Мнений» гр. Оксеншерна

¹ Булич. Сумароков и современная ему критика, стр. 267.

«О смехе»; из какого-то энциклопедического издания переведены статьи «О живописстве» (хотя в ней вставлены указания на практику иконописцев-«богомазов»), «О архитектуре» и «О музыке».

В литературе отмечена полемика между «Поденьшиной» и «И тем и сим». Однако учтены не все факты. Как указано было выше, при рассмотрении журнала Чулкова, «И то и се» выходило с запозданием (лист девятый, вместо 3 марта, вышел около 20 марта); поэтому неудивительно, что в предыдущем листе чулковского журнала появилась статья, посвященная «Поденьшине», первая тетрадка которой была помечена 1 марта. Чулковская статья не остановила на себе внимания писавших о «Поденьшине». Нужно заметить, что в первой тетрадке издания Тузова было задето «И то и се»: по поводу латинского эпиграфа чулковского журнала Тузов отпустил несколько плоских шуток, сопроводив их рассуждением о том, что эпиграфы ставятся с тем расчетом, «что естли иного сочинителя вся книга ничего не будет значить, то по крайней мере, хотя бы те стишки, которые обыкновенно берутся из хороших авторов, с смыслом остаться могли». В ответ на это Чулков поместил в «восьмой неделе» своего журнала статью, начинающуюся пословицей «Не рожден не сын, не куплен не холоп, не вспоя не вскормя ворога не видать»; статья эта определенно указывает на какую-то «неблагодарность» Тузова в отношении Чулкова и в дальнейшем содержит памфлетную переделку первых страничек «Поденьшины». В следующей «девятой неделе» «И того и сего» Чулков снова говорит о «Поденьшине», останавливаясь в этот раз на различии формата первой тетрадки и последующих листков. Хотя он и уверяет в этой статье, что пишет «единственно только для одною увеселения и друга намерения не имеет», но остроумие в этих «увеселительных» замечаниях о «Поденьшине» искать безнадежно. Не представляют также интереса и ответ Тузова (лист от 20 марта), и письмо Незнаева к «Господину Сочинителю и Тово и Сево» («неделя первая надесять»), и замечания Тузова по поводу этого письма в последнем листке «Поденьшины».

Журнал Тузова печатался в количестве 600 экз.¹

«СМЕСЬ»

(1769)

Журнал «Смесь» издавался с 1 апреля 1769 г. по самый конец года; всего вышло сорок листов. Вопрос об издателе журнала

¹ Семенников. Русские сатирические журналы, стр. 85.

С М Ъ С Ъ ,

НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Началось 1769 года, Апрѣля 1 дня.

«Смесь» (1769).

нельзя считать решенным. В. П. Семенников высказал гипотезу о том, что издателем «Смеси» был Ф. А. Эмин.¹ Однако его доводы недостаточно убедительны. Когда исследователи обращаются к идейному содержанию «Смеси», якобы принадлежавшей перу Эмина, и «Адской почты», безусловно писанной им, то они вынуждены отмечать, что последний журнал гораздо умеренней и осторожней в постановке и решении кардинальных вопросов той эпохи, чем «Смесь». Нельзя обойти молчанием, подобно Семенникову, таких фактов, как то, что Н. И. Новиков, называя в своем «Опыте» Эмина издателем «Адской почты» и перечисляя все изданные и неизданные труды своего покойного друга, почему-то не упоминает «Смеси». Затем, как объяснить появление в 1771 г., т. е. после смерти Эмина, «второго тиснения» «Смеси», если не считать, что вполне естественно, Эмина и подлинного издателя «Смеси» разными лицами.² Чем объяснить, далее, что письмо Эмина по поводу нападок Чулкова на современную журналистику («И то и се», неделя двадцатьосьмая) было помещено не в «Смеси», которую, по Семенникову, он в то же время издавал, а в «Трутне». Наконец, нельзя не отметить разницы в орфографии «Смеси» и «Адской почты» («женщина» — «женьщина», «чувство», «чувствую» — «чувство» «чувствую» и т. д.). Все эти недоумения не могут быть устранены, если остаться на точке зрения Семенникова. Впрочем, он не столько был неправ, сколько доверчив в восприятии тех немногих данных, какие сохранила об издателе «Смеси» литература 1770-х годов.

Дело, повидимому, обстояло так: издатель «Смеси», бывший в хороших отношениях с Новиковым и даже пользовавшийся литературным гостеприимством на страницах «Трутня» после прекращения издания «Смеси» (Труть, 1770, лист XI), тщательно скрывал свое имя. В «Опыте» Новикова названы издатели почти всех журналов 1769 г., за исключением «Приятного с полезным» и «Смеси» (а также и «Трутня», так как статьи о самом себе Новиков не поместил). Между тем, о лицах, являвшихся издателями или «сочинителями», а также и о сотрудниках сатирических изданий в «Опыте» Новикова говорится или прямо (например о Рубане, Чулкове, Тузове, с оговоркой о Козицком, Эмине), или указывается, что они печатались в еженедельных изданиях 1769 г. (М. Попов и Храповицкий) или просто печатались в 1769 г. (Тейльс). Между тем, ни в одном

¹ Семенников, назв. соч., стр. 27—37.

² См. мою статью: О несостоявшемся журнале «Демокрит». — Научн. бюлл. Лен. Гос. унив., 1945, № 3, стр. 38—40.

случае журнал «Смесь» не упоминается. Как указывает Семенов, и в Архиве Академии Наук не сохранилось материалов, которые позволили бы сделать какие-либо заключения об издателе «Смеси»: прошение о печатании журнала писано писарской рукой, а подпись «Апопите» не дает ничего положительного в желательном направлении. Из всего сказанного явствует, что издатель «Смеси» почему-то настойчиво оберегал свое инкогнито и, возможно, воспользовался тем, что среди литераторов 1769 г. создавалось мнение, что он — Ф. А. Эмин, и поддерживал эту версию. Только этим можно объяснить наличие некоторых намеков на Эмина как издателя «Смеси» в «Плачевном падении стихотворцев» Чулкова и в предисловии В. П. Петрова к «Энею» (1769).

Все это так запутало проблему, что Н. Н. Булич писал в 1854 г.: «Вопрос, следовательно, о том, кому принадлежит „Смесь“ и кто был ее издателем, останется, по нашему мнению, нерешенным вопросом в истории нашей литературы, за исключением прямых библиографических указаний».¹

Но существует ряд фактов, не обращавших на себя внимания исследователей, хотя они позволяют с точностью указать настоящего издателя «Смеси». Данные эти следующие.

В восьмом листе «Всякой всячины» было помещено письмо к «Господину сочинителю» (под № 19), подписанное «Ваш усердный слуга Смесь» (стр. 55). Автор предлагает себя в сотрудники, говорит, что перо у него «только на одни переводы употреблялось» (стр. 52), что он просит исправлять его письма и переводы, так как он человек молодой и рад учиться. В постскриптуме он поясняет свою подпись — «Смесь» — так: «Я иначе не мог себя назвать, понеже прапрадед мой был венецианин, потомки его голландцы, мать моя грузинка, а я русак» (стр. 55). Редакция «Всякой всячины» снабдила это письмо примечанием, в котором подчеркивает, что оно — целиком или в значительной части мистификация. Тот лист «Всякой всячины», в котором было напечатано письмо «Смеси», вышел 20 февраля 1769 г.; в последующих листах никаких статей этого автора нет, а с 1 апреля начал выходить самостоятельный журнал «Смесь». Случайно ли это совпадение, или перед нами звенья одного целого? Правильнее принять последнее. Кстати, из письма с подписью «Смесь» во «Всякой всячине» можно усмотреть, что автор его из-за каких-то неладов со своим глупым начальником, возмнившим, что раз он поставлен в должность, то все уже знает, — вынужден был бросить службу.

¹ Булич. Сумароков и современная ему критика, стр. 239.

Обращаясь к журналу «Смесь», следует отметить, что в нем больше, чем в каком-либо другом сатирическом журнале тех лет, подвергался нападкам Стозмей. Нападки эти, в отличие от «Трутня», где они встречаются всего лишь пять раз и только в первом издании этого журнала, в «Смеси» идут на протяжении всего издания, в стихах и в прозе, без подписей и с подписями. Одна из таких статей, письмо издателю, подписана фамилией Правдолюбов, напоминающей псевдоним Новикова — Правдолюбов. Письмо это (лист 28, стр. 223—224) говорит, что злословный всех Стозмей горячо любит свою любовницу Перекрасу, которая подражает ему в злословии, чтобы тем показать свою верность, а на самом деле изменяет ему с другим. Письмо заканчивается так: «Удивительно, г. издатель, что сошлась такая пара, сходствующая в пороках, а и того удивительнее, что есть люди, которые, искав в них милости, поносят честных и беспристрастных людей. Мне очень приятно, что в числе гонимых ими нахожусь и я, слуга ваш, Правдолюбов» (стр. 224, ср. стр. 261).

По поводу этого памфлета появилось в одном из писем «Адской почты» любопытное разъяснение: «От Кривоного к Хромононому. Знаешь ли, друг, что на нашего Правдолюбова гневается некоторый человек, Стозмеем названный. Он на него негодовать имеет довольно справедливую причину, ибо некто другой Правдолюбов сего человека в некотором сочинении разбил вместе с его любовницею. Напротив того, тебе известно, что наш Правдолюбов о нем ничего не писал и, поверя своим друзьям, имеет теперь хорошие мысли о упомянутом человеке. Ежели новый Правдолюбов имеет причину с ним так обходиться, то он, повинувшись праву человечества, которое угнетений не может терпеть, извинения достойна за свою повседневную почти с ним ссору; но ежли он был тех мыслей, чтоб, назвавшись Правдолюбовым, свою вину збросить на другого, то такая выдумка непохвальна. Однако ж я ни вину первого, ни безвинность второго ценить не хотя, скажу только то, что знакомец мой Правдолюбов, который прежде посылал письма к разным сочинителям, впредь ничего в журналы посылать не станет, и ежели в котором сие имя найдется, то будет новых Правдолюбовых» (ноябрь, стр. 315—316).

Из этой статьи Эмина видно, что у «нашего Правдолюбова», т. е. Новикова, изменилось мнение о Стозмее. И в самом деле, после листа 17 (от 18 августа) в «Трутне» никаких выпадов против Стозмей нет. Если вспомнить, что Стозмеем тогдашние журналы именовали П. С. Свистунова (см. выше стр. 219), станет понятным появление в «Опыте» Новикова, после изменения мнения о Стозмее, исключительно благоприятного отзыва о Сви-

стунове, а также и то, что «при перепечатке в Живописце тех статей Трутня, где говорится о Стозмее, имя это во всех перепечатках исключено, тогда как другие имена остались».¹

Из этого становится прежде всего ясным, что Новиков действительно и был Правдолюбовым «Трутня», а с другой стороны, что Правдолюбов «Смеси» — постороннее лицо, пожелавшее использовать популярный псевдоним в борьбе со Стозмеем-Свистуновым. Но письмо «Адской почты» позволяет сделать еще некоторые выводы о «новом» Правдолюбове. Он, как говорит Кривой бес, имел почти «повседневную ссору» со Стозмеем и терпел от последнего «угнетения», настолько сильные, что «извинения достоин» за свою статью против Свистунова. Выражение «повседневная ссора» может быть понято только как указание, что «новый» Правдолюбов по службе имел ежедневные столкновения с притеснявшим его Свистуновым. Последний, как известно из его биографии, был в эти годы, пользуясь современным нам термином, заведующим учебной частью Сухопутного шляхетного корпуса. Ни в какой другой должности он в то же время не состоял. Таким образом, «новый» Правдолюбов был, очевидно, одним из преподавателей Шляхетного корпуса и также занимался литературной деятельностью. В 1769 г. из преподавателей корпуса выступал в литературе один только Иоанн фон-Берг, лицо мало заметное и мало интересное. Было среди близких к корпусу лиц еще одно, причастное к литературе, но оно в конце 1768 г. рассталось с корпусом и перешло на службу в Медицинскую коллегию. Это был Лука Иванович Сичкарев, поэт, переводчик «Забавного философа» (1766) и других произведений западной литературы.² Если обратить внимание на то, что Сичкарев ушел из корпуса в 1768 г., а автор письма во «Всякую всячину» за подписью «Смесь» говорил о себе, что из-за притеснений глупого начальника вынужден был оставить службу, то возникает основание видеть в Сичкареве как «нового» Правдолюбова, так и вообще издателя журнала «Смесь».

Во всяком случае, цитированное выше письмо Беса кривого категорически исключает возможность считать Эмина издателем «Смеси», как это делал В. П. Семенников. В самом деле, Эмин помещает в «Адской почте» письмо, в котором, несмотря на все оговорки о том, что не хочет «ни вину первого, ни безвинность

¹ Ефремов П. А. Трутень, изд. 3-е, примечания, стр. 348.

² Подробная биография его, очевидно основанная на показаниях Сичкарева и, повидимому, намеренно в некоторых пунктах неточная, напечатана в «Словаре русских светских писателей» митрополита Евгения (ч. II, стр. 164—166).

второго ценить и судить», все же осуждает поступок Сичкарева-Правдолюбова как неэтичный по отношению к Правдулюбову-Новикову. Могло бы ли это быть, если б Эмин, как утверждал Семенников, сам был издателем «Смеси»? Да он просто не допустил бы помещения подобного письма. Равным образом отпадает и другая версия, будто «Смесь» издавалась Эминим и Новиковым совместно. Характерно, что в «Адской почте» нет вовсе нападок на Стозмея. Единственное упоминание о нем — это в цитированном «письме 100», где говорится о «новом» Правдолюбове. Но из этого письма можно заключить, что друзья «нашего Правдолюбова»-Новикова, т. е., очевидно, сам Эмин, были хорошего мнения о Свистунове и успели переубедить и Новикова в пользу Стозмея.¹ Результатом этого было прекращение нападок на Свистунова в «Трутне» и благоприятный отзыв о нем в «Опыте исторического словаря» Новикова. И, может быть, вовсе не случайно, что, в нарушение алфавита, в «Словаре» Новикова находится рядом со статьей о Свистунове исключительно сдержанная, краткая и сухая заметка о Сичкареве.

Как было уже показано выше, при общем рассмотрении сатирических журналов 1769—1774 гг., «Смесь» была по своим взглядам очень близка к «Трутню». Такие статьи, как «Речь о существе простого народа» и письмо «настоящего Камчедала» (лист 27), были едва ли не самыми сильными после «Копии с отписки», «Отрывка из путешествия в *** И*** Т***» и «Писем к Фалалею». Заслуживает внимания письмо некоего В. М. против аличности и бесчинства духовенства (стр. 130—131) или помещенная в последнем листе журнала задача: «Кто полезнее обществу, простой ли мещанин, у которого на фабрике работают около двухсот человек и, получая за то деньги, исправляют свои надобности. Или превосходительный Надмен, коего все достоинства в том только состоят, что на своем веку застрелил 6 диких уток и затравил 120 зайцев?» (стр. 318).

Нельзя также не отметить исключительно независимую позицию «Смеси» в отношении «Всякой всячины». Здесь в этой связи уместно указать, что в работах, посвященных сатирическим журналам 1769 г., одна деталь в тексте «Смеси» истолковывалась неправильно, тогда как она вносит дополнительный штрих в характеристику политической независимости издателя «Смеси». В письме Н. Замиряева (стр. 94—95) затронут вопрос о причинах обилия на страницах «Всякой всячины» хвалебных отзы-

¹ Д. Д. Шамрай сообщил мне, что на основании подготовляемых им к печати документов из Архива Академии Наук достоверно известно, что П. С. Свистунов помогал Эмину в работе над «Российской историей».

вов; автор письма (повидимому — сам издатель «Смеси»¹) высказывает предположение, что это частью самой редакцией сфабрикованные похвалы, а частично — намеренные, с практической целью сделанные разными карьеристами. После этого идут смелые, но, по обыкновению того времени, «эзоповским» языком написанные строки: «Но то правда или нет [будто в ее собрании многие знатные господа находятся], нам того знать не нужно, и мы судить должны то, что мы видим. Есть ли и великий Могол напишет, что снег черен, а уголь бел, то я тому не поверю». В. П. Семенников предполагал, что это упоминание великого Могола — одно из частых у Эмина обращений к титулу могущественнейших индусских владетелей XVI—XVIII вв.² Между тем, в контексте «Смеси» цитата о великом Моголе была не чем иным как зашифрованным упоминанием Екатерины.³

Как сказано выше, В. Ф. Солнцев установил некоторое количество заимствований, в виде ли прямых переводов или же переделок на «русский лад», из журналов, издававшихся на французском языке Ван-Эффеном, Формеем и др. Но важно, однако, то, что ценнейшие статьи — все оригинальны, их источник не указан, так как они — продукт живого, энергичного протеста против беспорядков, наблюдававшихся автором в тогдашней русской действительности.

Сотрудниками «Смеси» считают: В. И. Майкова (хотя сомнительно, чтобы он был автором антиклерикального письма), Н. И. Новикова, Ф. А. Эмина. Можно еще указать, что письмо в листе 6 «Смеси», подписанное «votre très affectionné serviteur V. W.» и представляющее выступление «третьего рода россиянина», т. е. человека из «третьего сословия», принадлежит Василию Вороблевскому, секретарю и библиотекарю гр. Б. П. Шереметева.

Личность и литературная деятельность издателя «Смеси» Л. И. Сичкарева заслуживают специального исследования, но, конечно, не здесь.

Журнал печатался в количестве 600 экз.,⁴ но, как указано в «Смеси», «в здешнем городе [т. е. Петербурге] не наберется

¹ Ср. окончание следующей дальше в тексте цитаты («...тому я не поверю») с рефреном «Тому я верю — Тому не верю» в стихотворениях «Чему верю и чему не верю» (лист 6, стр. 46—47) и «Ответ» (лист 9, стр. 71).

² Русские сатирические журналы, стр. 29.

³ Ср. аналогичное использование образа Великого Могола в «Почте духов» Крылова (1789) (письмо XLV).

⁴ Семенников в Русские сатирические журналы, стр. 84. Первые десять листов печатались в 650 экз., прочие — по 600. Второе издание первого листа было сделано в 300 экз.

двухсот человек, которые бы его читали» (стр. 165). В связи с этим в 1771 г. был перепечатан первый лист «Смеси» и, присоединенный к остальным нераспроданным листам 1769 г., образовал «второе тиснение со многими дополнениями», хотя все они состояли из одной прозаической статьи и одного стихотворения.

«ТРУТЕНЬ»

(1769—1770)

Первый сатирический журнал Новикова выходил с 1 мая 1769 г. по 27 апреля 1770 г. Выше была подробно освещена позиция этого журнала в наиболее существенных вопросах, волновавших тогдашних писателей и читателей. Здесь же должно остановиться на следующих пунктах: в какой степени Новиков был автором статей, помещенных в «Трутне»; можно ли определить некоторых из его сотрудников.

В. П. Семенников в своем исследовании счел возможным признать принадлежащими Новикову только 12 статей.¹ Однако список этот можно расширить. Дело в том, что Семенников не включил в свой список некоторых из наиболее интересных статей в «Трутне», подписанных псевдонимом «Правдулюбов», под которым скрывался сам Новиков; статьи эти следующие: «Второй ваш листок написан...» (л. 5), «Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась...» (л. 8) и «Я уверен, что вы ненавистник пороков...» (л. 25). Первые две статьи целиком посвящены проблеме сатиры и направлены против точки зрения, отстаивавшейся «Всякой всячиной». Третья статья частично также развивает тему о роли и характере сатиры (здесь-то и находится самая исчерпывающая формулировка позиции «Трутня» в этом вопросе: «Я утверждаю, что критика, написанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного»). Однако в этой статье есть еще и другое: это — место, касающееся «раскаяния» «молодинького писца», автора комедий, имевших многие погрешности и недостатки. Сперва возомнивший о себе много, этот писец «скоро начал себя ровнять со славными писателями, а потом и вечной похвалы достойных авторов начал ругать», но его резко критиковали; сначала он принимал эти критики с огорчением, потом они на него подействовали, и он стал исправляться. Из того, что нам известно о полемике 1769 г.,

¹ Семенников, назв. соч., стр. 66—67. Впрочем, с аргументацией автора в ряде пунктов согласиться трудно. Можно полагать, что в отделе «Ведомости» действительно принимали участие, помимо Новикова, и другие лица.

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНИЕ,
на
1769 годѣ,
МѢСЯЦЪ МАЙ.

Они работающѣ , а вы ихѣ трудѣ ядите.

Г. Сумар. въ XLIII. прищѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

явствует, что речь идет о Лукине. Повидимому, в конце этого года между Лукиным и его критиками произошло примирение, но, кажется, недлительное, и в «Опыте» Новикова о нем дана все же неодобрительная заметка. Что шаги к перемирию действительно делались, подтверждает следующее место из цитированного выше 100-го письма в ноябрьской книжке «Адской почты»: «Л... говорит также, что наш Правдолюбов его бранит всегда, но это неправда: он ничего ему не зделал, и Правдолюбов, хотя заглазить некоторую свою давнюю пред Л. вину, старается теперь оную наградить почтением» (стр. 316). Если посмотреть «Трутень», чтобы установить «хронологию» нападок на Лукина, то действительно, оказывается, Эмин прав: «вина» — «давняя», т. е. все выпады против Лукина сосредоточены в первых листах журнала, и после листа 13 (от 21 июля) больше нег ни одной «обиды» Лукину до самого закрытия «Трутня». Таким образом выходит, что позиция Новикова и в данном случае совпала с позицией Правдолюбова.

Все сказанное подтверждает, что «наш Правдолюбов», т. е. Правдолюбов «Трутня», — это сам Новиков.¹

Но это предположение, в свою очередь, заставляет устранить из списка статей Новикова, составленного Семенниковым, некоторые как не принадлежащие ему. Эмин, как мы видели, указывал, что «наш Правдолюбов» ничего не писал о Стозмее — Сви-стунове. Действительно, в письмах, подписанных псевдонимом «Правдолюбов», а также в других статьях Новикова, за исключением приписываемых ему Семенниковым «Ведомостей» в листе XXVI, нет упоминаний о Стозмее. Если в «Трутне» они находятся, то в статьях, присланных со стороны (лист 13, стр. 81; лист 17, стр. 103); таким образом, очевидно, и «Ведомости», как, впрочем, и сказано в вводной заметке ко всей этой серии, «присланы от неизвестной особы» (лист 4, стр. 25), и, следовательно, Эмин был прав, говоря, что Правдолюбов лично не задевал Стозмея.

Кроме статей с подписью Правдолюбов, Новикову, по нашему мнению, принадлежали следующие материалы, помещенные в «Трутне»:

1769

Л. II. Окончание статьи 1 («Окроме сего никто из господ читателей на просьбу мою не откликнулся...»).

¹ Возможно, что, настойчиво называя Правдолюбова «наш Правдолюбов», Эмин имел в виду значение слова «наш» как название буквы «Н». Наш Правдолюбов — Н. Правдолюбов — Новиков-Правдолюбов.

Л. IV. Приписка к статье 3 («Неизвестного мне господина в корреспонденты к себе не принимаю»).

— Следующая приписка: «С того времени, как начал я издавать сей журнал».

Л. VII. «Издатель „Трутня“ обещался публике».

Л. VIII. «Издатель „Трутня“ во утешение „Всякой всячине“...».

Л. X. Статья 15. «Г. Издатель! Целую неделю у меня денег не было ни полушки...». Статья подписана латинскими буквами N. N., которыми подписывался Новиков (в его раннем почерке русское «Н» изображалось с помощью латинского «N») и которые потом он включил в свою издательскую марку 1760-х годов (см. воспроизведение этой марки в книге: Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. Л., 1946, стр. 65).

Л. XII. Статья 18. «Господин издатель! Хочу вас уведомить...». Подпись — N. N.

Л. XIII. Статья 19. «Господин издатель! Ты охотник до ведомостей...». Подпись — N. N.

Л. XIV. Статья (стихи) 20. Надпись к роше... .

— «Господин Б. К. Бомбордирование, зделанное в прошедшей вторник моему „Трутню“...».

Л. XIX. Статья 32. «Господин издатель! Самое негодное дело быть стихотворцем...». Подпись — N. N.

Л. XX. Статья 33. «Г. Издатель! Некогда читал некто следующую повесть...».

— Окончание статьи 34 («Г. Огорченный! писать сатиру на сих людей...»).

— Приписка с стихотворной надписи № 36.

Л. XXII. Приписка к стихотворению 41.

— Статья 42. «Несмыслу, богатому, но глупому дворянину...».

Л. XXV. Приписка к статье 56.

Л. XXXI. Статья 80. Приписка сделана от имени издателя; вероятно, письмо написано самим Новиковым для того, чтобы можно было поместить ответ издателя.

Л. XXXIV. Известие об издании «Трутня» в 1770 г.

1770

Л. II. Статья 3 — приписки: «Г. Влюблен» и «Я уверяю девицу ***».

— Статья 4. Известие.

Л. III. Приписка к статье 6.

Л. IV. Статья 7. «Г. Издатель! Кому-то вздумалось...» и приписка к этой статье. Принадлежность Новикову письма, под-

писанного «Благодарной», явствует из того, что «стансы», помещенные как стихи «Благодарного», принадлежат Новикову. Обвинение в неблагодарности было брошено Новикову на страницах «Всякой всячины».

— Стансы 8. Стихотворение это посвящено производству товарищей Новикова по Московскому университету: подпоручика кн. Ф. А. Козловского в капитан-поручики и прапорщика П. И. Фонвизина в подпоручики; третий друг автора стихов, упоминаемый как брат второго из награжденных, — Д. И. Фонвизин, о дружбе которого с Новиковым известно в литературе. О производстве названных лиц см. «Санкт-Петербургские ведомости» (1769, №№ 79 и 81).

Л. VI. Статья 16. «Г. Издатель! Не поверишь, радость...». Статья эта написана и для осмеяния щеголих и для того, чтобы дать основание для напечатания ответа издателя.

— Статья 17, написанная от имени издателя.

— Приписка к статье 17, также написанная от имени издателя.

Л. VIII. Приписка к статье 20.

— Приписка к статье 21.

Л. IX. Статья 23, написанная от имени издателя.

— Статья 24 с припиской.

Л. X. Статья 26, написанная от имени издателя.

— Статья 28, также написанная от имени издателя.

Л. XI. Стихотворения 30 и 31. По характеру стиха эти стихотворения напоминают «Стансы», напечатанные в «Трутне» (1770, л. IV, стихотворение 8) и принадлежащие Новикову; возможно, что и данные стихотворения принадлежат ему.

— Статья 32. «Г. Издатель Трутня! Нет средства, чтоб не писать сатир...». Подпись — N. N.

Л. XIII. Статья 37. «Госпожа Молодая сочинительница!».

— Статья 40, написанная от имени издателя.

Л. XIV. Статья 43. «Господин издатель Трутнев!» и статья 44. Аргументация та же, что и при л. VI, статьи 16 и 17.

Л. XV. Статья 46, 47 и 48 (последняя от имени издателя). Аргументация такая же, как и в предыдущем случае.

— Статья 49 и приписка издателя; статья 50 и приписка издателя.

Л. XVII. Статья 56, написанная от имени издателя.

Вероятно, Новикову принадлежат и еще некоторые другие произведения в «Трутне».

Кто же, кроме Новикова, писал в «Трутне»? До сих пор установлено участие в этом новиковском издании М. И. Попова, Ф. А. Эмина, А. О. Аблесимова, А. Л. Леонтьева, В. И. Май-

Н. И. НОВИКОВ.
Гравюра А. Осипова.

кова. Можно указать, что помещенное в «Трутне» 1770 г. «письмо к издателю» с приложением надгробной надписи Ломоносову на латинском и русском языках (лист 10) принадлежит, вероятно, Ив. К. Голенинскому, так как надписи воспроизведены в сборнике его стихов «Дар обществу» (СПб., 1779). Выше (стр. 193) было отмечено участие в Трутне Д. И. Фонвизина. Ему же принадлежит и статья в листах 3 и 4 (за 1769 г.) — первая, осмеивающая в «Трутне» Лукина, и подписанная «Во ожидании же вашего ответа пребуду вам неизвестным...». Помимо того, что статья написана с большой ловкостью и остроумием, а также того, что вражда Фонвизина к Лукину достаточно засвидетельствована его письмами к родным и И. П. Елагину, доводом за принадлежность этой статьи Фонвизину является следующее. Фонвизин был в это время в отпуску в Москве, а статья как раз прислана была из Москвы. На это указывает сообщение от редакции «Всякой всячины» (№ 63, стр. 168) следующего содержания: «Письмо подписанное „пребуду вам неизвестным. Москва. 1769 год, № 1“ не отдается от нас в печать для того, что оно уже в Трутне узрело свет» (этот лист «Всякой всячины» вышел 29 мая, т. е. после 4 листа «Трутня», помеченного 19 мая и содержавшего окончание данной статьи).

Повидимому, Фонвизину принадлежат стихи «К г. издателю Трутня!» (1769, л. XVII, 28). Это стихотворение продолжает борьбу с Лукиным, начатую Фонвизиным в лл. III и IV, написано в привычном для Фонвизина жанре «посланий» и содержит автохарактеристику, вполне совпадающую с тем, что говорил о себе позднее Фонвизин; вот эта автохарактеристика:

Нет склонности писать елгии, еклоги,
И кроме сатиры не вижу я дороги,
По коей без стыда мне можно бы итти...

Можно предположить, что статьи, подписанные «Ужесть как мила» и «Молодая сочинительница», принадлежат М. В. Храповицкой-Сушковой.

«Трутень» печатался в типографии Академии Наук.¹ Повидимому было еще одно, не известное в научной литературе издание этого журнала: мне встретились экземпляры второй части «Трутня» (1770), шрифты которых резко отличаются от напечатанных в академической типографии; такие шрифты имелись в то время только в типографии Морского шляхетного корпуса (см. ниже в конце статьи об «Адской почте»). Значит, помимо известных тиснений, «Трутень» печатался еще дополнительно.

¹ Семеновников. Русские сатирические журналы. СПб., 1914, стр. 81.

Это является новым важным подтверждением огромного успеха первого новиковского сатирического журнала.

Академическая типография осуществляла также и цензурные функции. Во втором полугодии цензором «Трутня» был назначен академик С. К. Котельников.¹ Кто был цензором в первом полугодии издания «Трутня», не известно. Во всяком случае, неприятности с цензурой у Новикова были; выше приводились некоторые косвенные свидетельства этого факта. Есть, однако, и прямые данные о притеснениях, чинившихся Новикову цензурой. В журнале «Литературный вестник» (1903, кн. 6, стр. 136—142) была помещена статья казанского профессора Н. М. Петровского «Об изданиях „Трутня“». На основании расхождений, обнаруженных им при сопоставлении ряда комплектов журнала, Н. М. Петровский высказал предположение, что, кроме известных изданий «Трутня», существовало еще одно, отличавшееся тем, что в нем была напечатана «Эпиграмма» «Очистил секретарь свои от взяток руки», отсутствующая в обычных изданиях. Экземпляр, послуживший источником для статьи проф. Петровского, сохранился;² это случайно дошедший до нашего времени цензурный лист «Трутня», а не особый вариант издания, как предполагал Н. М. Петровский.

«Трутень» печатался в 1769 г. в среднем по 1240 экз. каждый лист; в 1770 г. тираж упал до 750 экз.³ По мнению В. П. Семенникова, от издания «Трутня» Новиков имел значительный доход, так как «продавал свой журнал почти в пять раз дороже той суммы, в которую обходилось ему печатание». В рознице лист продавался по четыре копейки, годовой комплект — за 1 р. 40 коп.⁴

«АДСКАЯ ПОЧТА»

(1769)

С нашей современной точки зрения журналом это издание едва ли может быть признано: оно полностью (за исключением «письма к Издателю» Правдолюбова в ноябрьской книжке)

¹ Семенников, назв. соч., стр. 83.

² Более подробно см. в книге «Сатирические журналы Н. И. Новикова», где перепечатана «Эпиграмма» и в примечаниях сообщаются некоторые дополнительные данные.

³ Семенников, назв. соч., стр. 81—83. Лист VI был напечатан в количестве 1440 экземпляров; по правильной догадке В. П. Семенникова, увеличение спроса на этот лист журнала было вызвано тем, что здесь, в «Ведомостях» из Литейной улицы, впервые был затронут вопрос о положении крепостных крестьян.

⁴ Там же, стр. 83.

состоит из «трудов», как говорили в XVIII в., одного только лица, именно Ф. А. Эмина; оно представляет собой «переписку» двух бесов, Кривого и Хромононого или, как писал Эмин, «Хромононогого»; изредка в начале книжки имеется полемическая часть от имени «издателя», а в заключение каждой почти книжки даются «Ведомости из Ада»; наконец, в «Адской почте» совершенно отсутствует, как, впрочем, и во «Всякой всячине», стихотворный отдел. Но на взгляд современников «Адская почта» была таким же «ежемесячным сочинением», как и любое другое и как впоследствии была таким же «единоличным журналом» крыловская «Почта духов», а в XIX в. — «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского.

Первая книжка «Адской почты» появилась в июле 1769 г. (и тогда же было отпечатано второе ее издание); последняя, как можно судить по указанию самого издателя (декабрь, стр. 385), вышла с запозданием, так что в кругах противников Эмина даже распространилось мнение, что «Адская почта» «вдруг... пресекался» (там же, стр. 343). Однако замысел подобного издания у Эмина был значительно раньше: в листе 17 «Всякой всячины», вышедшем 24 апреля 1769 г., редакция отвечает (в статье № 47) корреспонденту, подписавшемуся «б... корректор», и советует ему изменить название «обещаемого нового издания, а то от страха многие не купят, боясь одного имени» (стр. 128). В обращении к «Г. Всяк. всяч.», открывающем первую книжку «Адской почты», Эмин показывает, что именно он был автором письма в редакцию екатерининского журнала: «вы меня увещавали, чтобы я имя бесов переменял в другое, утверждая, что такое заглавие и женщинам будет противно, и произведет во всех отвращение от покупки сих листов» (стр. 3). Таким образом, первое письмо Эмина, отправленное во «Всякую всячину» и, повидимому, подписанное «Бесовский корректор», сохранило ранний вариант будущей «Адской почты»: роль Эмина первоначально сводилась лишь к корректуре «писем бесов», позднее Эмин слегка изменил план журнала и стал «издателем бесовских переписок» и поэтому подписывался буквами «И. Б. П.».

Как справедливо отмечено было исследователями, «Адская почта» принадлежит к обширному сатирическому жанру писем, особенно представленному в произведениях французских писателей (ср. «Персидские письма» Монтескье; имя «Хромого беса» есть имя героя одноименного сатирического романа Лесажа). Однако в свой журнал Эмин вкладывал содержание злободневное, взятое из современной ему русской жизни. Уже первый исследователь «Адской почты» — Н. Н. Булич — писал: «Все содержание Адской почты, состоящей из 112 писем, заключается в том,

что бесы пересылаются друг с другом письмами, в которых описывают все то, что поражает их в обществе. Но в этих описаниях слишком мало оригинальности, хотя, может быть, всякий случай, описанный здесь, был фактом действительным. Конечно, современники узнавали действительные лица в выведенных здесь под придуманными именами, но для нас они не существуют».¹

Не со всем здесь сказанным можно согласиться. Иногда в «письмах бесов» фигурируют популярные анекдоты (ср. письмо 17 — стакнувшиеся слуги обворовывают скупого хозяина — и др.), но, в основном, правильно замечание, что в «письмах бесов» отразились факты современной Эмину жизни. Сам Эмин утверждает что «в каждом письме каждое приключение перемешано с посторонними случаями так, чтоб порочный не себя самого, но только порок свой видеть мог» (декабрь, стр. 335—336). Однако вторая (августовская) книжка «Адской почты» либо была вовсе уничтожена (полные комплекты, с августовским номером, крайне редки; в двух переизданиях 1788 г.² нет ни одной статьи из августовской книжки), либо подверглась запрещению. Возможно, что в ней, кроме «письма к Всякой всячине», о котором упоминалось выше (см. стр. 174), содержится еще какой-то материал, безобидный на наш взгляд и криминальный в условиях 1769 г. Затем заслуживает быть упомянутым и тот факт, что в переизданиях 1788 г., помимо того, что ряд писем опущен, а другие сокращены, и в перепечатанных имеются пропуски и замены имен упоминаемых лиц: очевидно, еще в 1788 г., т. е. почти через 20 лет, некоторые факты были памятливы современникам, и из каких-то побуждений необходимо было изложение этих случаев лишить конкретной связи с героями этих событий.

Булич утверждает, что «все внимание журнала [«Адская почта»] обращено преимущественно на мелкие случаи безнравственности: широкого, народного взгляда не видно здесь».³

¹ Булич. Сумароков и современная ему критика, стр. 248.

² Н. М. Петровский в «Библиографических заметках о русских журналах XVIII века» (Изв. ОРЯС, 1907, т. XII, кн. 2, стр. 297—300) установил, что, хотя «Адская почта, или Курьер из ада с письмами» и «Курьер из ада с письмами» помечены 1788 г., однако первая из этих перепечаток на самом деле вышла в свет не ранее 1792 г. Впрочем, поскольку расхождения между обоими переизданиями совершенно ничтожны (они приведены в указанной статье, стр. 298 и 299), мы ссылаемся на обе перепечатки как на издание 1788 г. Кстати, переиздана была «Адская почта» Петром Ивановичем Богдановичем, одно время подвизавшимся на поприще русской журналистики.

³ Булич, назв. соч., стр. 248—249.

АДСКАЯ ПОЧТА,

ИЛИ

ПЕРЕПИСКИ

ХРАМОНОГАГО БЪСА СЪ КРИВЫМЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

1769 года

МЪСЯЦЪ ЮЛЬ.

Издалъ въ свѣтъ я,

Напечатано здѣсь.

«Адская почта» (1769).

Действительно, большие проблемы, вроде тех, которые выдвигал «Трутень», — самовластие Екатерины, крепостное право, развращенность чиновничества, вопросы воспитания, — в «Адской почте» отсутствуют: есть ряд эпизодов, отдельные факты, иногда довольно остро изложенные, но все же не дающие широкой картины народной жизни. Но, очевидно, смысл «Адской почты» заключался не столько в широкой, сколько в острой постановке вопросов. В журнале «И то и се» рисуется такая сцена: развязный и пьяный молодой человек характеризует разные ежемесячные издания 1769 г. «Адская почта хороша, — кричал он, — естли бы автор оныя держался несколько умеренности и не писал тово, что с благопристойностию не сходно. Хороша Адская почта, — повторил он, — естли бы автор не говорил в ней с такою вольностию» (51 и 52 неделя, стр. 5 нenum.).

По характеру своей сатиры «Адская почта» отличается от других журналов того времени. Здесь скорее даже не сатира, а «хроника скандалов», «непристойная» и «вольная» хроника петербургских скандалов, иногда литературных, иногда семейно-бытовых, но почти всегда отдающих конкретностью, с более или менее определяемыми «героями», и поэтому неправ Булич, считая, что действующие лица «бесовских переписок» были известны современникам, но «для нас они не существуют».

Конечно, легче всего устанавливаются литературные намеки в «письмах бесов». Часты нападки на Сумарокова (письма 1, 13, 39, 40, отчасти 80), на Лукина (письма 40, 71, 75), на Чулкова (письма 69 и 70), на Рубана (письма 87, 103), на Хераскова (письмо 52), на Щербатова (письмо 86), на В. Петрова (письмо 95, ср. также декабрь, стр. 334, прим.; письмо 112, стр. 378) и некоторых других.

Много сложнее определение «бытовых» «прототипов» в «Адской почте». Так, можно предположить, что герой письма 41, Кривой, «который прежде был лакеем, чистил лошадей, а ныне по щастию попав в приказные, всеми презирает, думая, что благороднее и умнее его нет; недавно он говорил, что происходит от иностранных князей», — это гр. Сиверс, известный своими преследованиями Сумарокова, в прошлом действительно лакей, а потом видный сановник; так, лицо, о котором говорится в письме 51, что «на старость запедантствовал, учится греческому языку, веселится новоизобретенною своею музыкою и имеет честь от разума, искусства и проч. своей супруги», — это, повидимому, С. К. Нарышкин, «изобретатель» роговой музыки (фактически изобретенной Маршем), женатый на красавице М. П. Балк-Полевой.

Но некоторые намеки, вероятно, едва ли будут когда-нибудь расшифрованы, если только не придет на помощь случайность.

Принимая во внимание сказанное о характере сатиры «Адской почты», можно предположить, что ее спецификой было именно осмеяние конкретных носителей самых разнообразных «пороков» высшего и, вероятно, среднего общества тех лет, тогда как «Трутень» и «Смесь» касались основных, существеннейших и социально важнейших пороков крепостнического строя — конечно, в пределах своих возможностей и со своих идеологических позиций. Именно это разнообразие «пороков» в галлерее «Адской почты» снижает ее социальную значимость для эпохи, но сохраняет за этим журналом значение небесполезного историко-бытового источника.

В конце ноябрьской книжки «Адской почты» было помещено единственное постороннее произведение — «Письмо к издателю» за подписью «Правдолюбов». За несколько страниц до этого было напечатано «Письмо 100 от Кривого к Хромононому» (стр. 315—316), в котором подробно рассказывается о появлении в разных журналах писем за подписью «Правдолюбов», принадлежащих, однако, не одному, а нескольким лицам (см. выше, стр. 248). В связи с этим Эмин сообщает, что первый употребивший этот псевдоним «впредь ничего в журналы посылать не станет, и ежели в котором сие имя найдется, то будет новых Правдолюбовых» (стр. 316). Это предупреждение о «новых Правдолюбовых» было не случайно, и, как сказано выше, в конце той же ноябрьской книжки «Адской почты» было напечатано письмо «Правдолюбова», очевидно совсем уже «нового». Письмо это, как видно из приписки Эмина, увидело свет не полностью: издатель «Адской почты» «из оною выключил конец, потому что оный зацепил все почти журналы, которые, может статья, почли бы то за обиду, естли бы... конец... письма здесь» был напечатан (стр. 326).¹ В опубликованной же части письмо довольно корректно и не вызывает, на первый взгляд,

¹ В конце шестого листа «Трутня» 1770 г. (от 9 февраля, стр. 260) имеется редакционная заметка: «Письмо г. Правдолюбова напечатано не будет. Оно задевает Всякую всячину и критикует Господина Сочинителя за то, что от критики свободно. В том же письме Г. Правдолюбов делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену, нападает также своею критикою на некоторую переводную в стихах поэму и проч. Я сообщаю Г. Правдолюбову, что подобных сему писем и впредь печатать не буду». Очевидно, это тот же Правдолюбов, с которым имеет дело «Адская почта» и в конце письма которого также проходила оценка сатирических изданий 1769 г. «Некоторая переводная поэма в стихах» — вероятно первая песнь «Энеиды» («Энея») в переводе В. Петрова, появившаяся в рукописи около этого времени.

каких-либо предположений о злом умысле. Однако Эмин сразу почувствовал, что под внешней учтивостью и даже доброжелательностью Правдолюбова скрывается колкость, а конец, по его словам, содержал «бранию наполненное почтение» (декабрь, стр. 329). Декабрьскую книжку «Адской почты» Эмин открывает большим письмом Правдолюбову, интересным и для характеристики его этических воззрений, и как образец его — нельзя не признать — ловкой полемики. Смысл письма состоит в том, что, возражая Правдолюбову, Эмин все время имеет в виду позицию «Всякой всячины», с которой ведет полемику как бы через голову Правдолюбова; иными словами, он хочет показать, что «новый» Правдолюбов ему известен как лицо близкое ко «Всякой всячине», к Екатерине. С другой стороны, Эмин, по его словам, рисует «портрет и родословие фортуны», «обожателем» которой он называет Правдолюбова (стр. 342). Поэтому не случайным кажется предшествующая только что цитированному месту фраза: «Ныне милость покровителей и любовь сограждан на ласкательства покупать довлеет» (там же).

Конец письма заслуживает особого внимания. Из заключительных строк Эмина явствует, что Правдолюбов — лицо влиятельное («уверьте себя, что важность вашей особы произвела во мне робость») и что он даже грозился: «таких дерзких писцов надобно выгнать из города». Письмо свое Эмин кончает репликой на только что цитированную угрозу Правдолюбова: «На вашу речь, негде сказанную, отвечаю: что для меня лучше за городом, хотя и в бедности, ходить, нежели в городе ползать, а часто и у таких ног, которые по свету ходить недостойны» (стр. 343). Опять-таки, эти слова не без задней мысли. Очевидно, Правдолюбов — ползает, подобострастничает, раболепствует перед кем-то, а сам по себе «не достоин ходить по свету», он «ласкатель», покупающий своей лестью «милость покровителей». Из всего сказанного можно заключить, что Правдолюбов — какой-то придворный.

Следующее за ответом Эмина «Письмо 103 от Хромононого к Кривому» приоткрывает завесу над «тайной» Правдолюбова. В этом письме изображается некий Горбатыниус, который «во всякое лицо преобратиться может...; у здешних господ он в великом почтении за то, что он одного перед другим весьма живо представлять пересмеживать умеет... Горбатыниус славнейший здесь сатирик и едва не ученейший человек... Он своими писульками и насмешками весьма щастлив» (стр. 344—345). Во второй части письма Эмин переходит к критике неудачных выражений в журнале Рубана, имя которого, однако, не названо, но это совершенно явное желание отвести глаза от того, кто

является подлинным Горбатыниусом — Правдолюбовым. Можно предположить, что здесь изображен небезызвестный «шпынь» (шут) Екатерины — вельможа Л. А. Нарышкин. Если это предположение правильно, тогда делается понятно выражение в приведенном выше ответе Новикова на письмо Правдолюбова (1770, лист 6, стр. 260): «письмо задевает Всякую всячину и критикует Господина сочинителя за то, что от критики свободно». Очевидно, в письме Правдолюбова — Нарышкина с провокационной целью затрагивался какой-то коренной вопрос русской жизни, «то, что от критики свободно», для того чтобы можно было потом иметь повод для закрытия «Трутня».

Если наше предположение правильно и Горбатыниус Эмина — действительно Л. А. Нарышкин, то это значит, что не только Екатерина, но и придворная клика ставила себе целью бороться с наиболее яркими журналами того времени, и возможно, что прекращение «Адской почты» на декабрьской книжке, содержащей ответ Нарышкину, было таким же вынужденным, как и «Трутня», о насильственном пресечении издания которого откровенно заявил Новиков в прощальном письме к читателям.

«Адская почта» печаталась не в Академической типографии, и поэтому сведений о ее тираже не сохранилось, по крайней мере в печати они не появлялись. Можно только отметить, что, судя по шрифтам, «Адская почта» печаталась в той же типографии, что и чулковское «И то и се». Просмотр изданий 1768—1769 г. дал возможность установить, что шрифты эти принадлежали одной только типографии, именно типографии Морского шляхетного корпуса.¹

«ПАРНАССКИЙ ЩЕПЕТИЛЬНИК»

(1770)

Вскоре после прекращения «И того и сего» М. Д. Чулков приступил к изданию «Парнасского щепетильника»,² первая книжка которого вышла 15 мая 1770 г. Всего до конца года было выпущено 8 книжек, из которых октябрьская была по объему значительно меньше остальных. Содержание последних

¹ Д. Д. Шамрай, по моей просьбе, установил, что в Архиве Морского шляхетного кадетского корпуса в деле № 136 (1773 г.), лл. 30—31, в «Ведомости, сколько каких ныне [в августе 1773 г.] при типографии на лицо печатных книг имеется» под № 24 указано: «месячного сочинения называемого Адская почта декабря месяца 486 экземпляров по 20 коп.».

² Щепетильник — продавец галантерейных мелочных товаров.

выпусков «Парнасского щепетильника» имеет совсем случайный характер, и вообще создается представление, что Чулков торопился кое-как довести издание до конца года, чтобы, с одной стороны, не оказаться в долгу перед публикой, как издатель вышедшего в том же году «Пустомели», прекративший издание после 2-й книжки, а с другой — чтобы не возвращать денег подписчикам, как сделал Новиков при прекращении «Трутня».

В связи с тем, что в апреле 1770 г. закрылись последние журналы из «племени 1769 г.», очевидно, новые издания должны были дать правительству гарантии своей лояльности. Поэтому Чулков во вступительной статье спешит оградить себя от каких-либо возможных подозрений: он указывает, что стремится «ко избежанию всего того, что может противно быть нежному слуху», и главное его желание «основано на том только, чтобы сие его издание не показалось кому-нибудь подозрительным» (стр. 10). Действительно, в «Парнасском щепетильнике» еще меньше, чем в «И том и сем», можно найти откликов на современную жизнь, если не считать «Победительной песни» на победы над турками. Здесь печатались неизбежные переводы из Вольтера («Мемнон, или премудрость человеческая», сентябрь, стр. 199—214), из Овидия, из Агриппы Нетесгеймского и др. Продолжает Чулков публикацию материалов из фольклора («Древние русские простонародные загадки», май, стр. 46—48) и народной медицины и т. д.

Наибольший интерес представляют помещенные в первых книжках сатирические статьи о современной литературе. Чулков заявляет во вступительной статье, что, кроме Ломоносова и Сумарокова, хороших писателей на российском Парнассе нет и что постановлено было всю эту парнасскую мелочь распродать с аукциона и распродана поручена ему как щепетильнику, продавцу мелочных галантерейных товаров. Далее Чулков в стиле аукциониста сообщает о продаже стихотворца драматического, затем лирического, после переходит к рассказам о приключениях писателей, но уже в четвертой книжке ничего не находится в этом роде, идут переводы, «надписи», эпитафии, отрывки из «путешествия» В. Григоровича-Барского, исторические материалы. Очевидно, и в тех сатирических статьях, которые были напечатаны в трех первых книжках, цензура усмотрела «подозрительное», и Чулкову пришлось обратиться к более невинным и безопасным темам.

О «Парнасском щепетильнике» высказаны были в литературе два диаметрально противоположных мнения. Булич считал, что и в сатирических частях журнала «критика Чулкова чрезвы-

чайно обща и не оригинальна. Меткого взгляда он не имеет.¹ Такой же точки зрения держался и Афанасьев, кстати сказать, почти всегда примыкавший к мнениям Булича и даже списывавший у последнего отдельные формулировки без ссылок. Иной взгляд был высказан В. Н. Мочульским, профессором Новороссийского (т. е. одесского) университета. По мнению одесского профессора, «издатель „Парнасского щепетильника“ М. Д. Чулков в виде вступительных статей счел долгом выяснить положение сатирических писателей, которым угрожает тяжкое наказание за самые невинные нападки на частную жизнь и частных людей. Итак, это была тонкая сатира, но не на сатирических писателей, а на тех, которые поставили их в такое положение. Как бы в ответ на вопрос, что же при таких обстоятельствах остается делать сатирическим писателям, Чулков отвечает своим журналом: остается заниматься и торговать парнасскими мелочами».² И, исходя из такого понимания сатиры «Парнасского щепетильника», Мочульский усматривает контрабандную сатиру даже в переводах из Овидия («Салмациса, где рассматривается происхождение гермафродитизма»), в которых видит намеки на распушенность нравов екатерининского времени, и в рассуждениях Агриппы Нетесгеймского о карточной игре, и т. п.

И та, и другая точка зрения грешит односторонностью и не учитывает фактического материала. Надо различать в «Парнасском щепетильнике» два периода: начальный, сатирический, охватывающий первые три книжки журнала, и последующий «безразличный». В первом сатира вовсе не так «обща», как представлялось это Буличу. Можно только заметить, что от методов сатиры 1769 г., прямо «целившей» в определенные личности, Чулков в «Щепетильнике» отказался. Его «портреты» сборные, они складываются из отдельных черт, казавшихся ему достойными осмеяния; поэтому, в отличие от журнальных портретов 1769 г., нельзя сказать, однако, что «стихотворец драматический» — это такой-то писатель, а «лирический» — такой-то поэт. Нетрудно указать, с полной уверенностью, у кого из современных писателей были взяты те или иные частности. Так, например, характеризуя «стихотворца драматического», Чулков пишет, что он «сочиняет стихи из одних односложных слов, а многосложные ненавидит, и оттого его стихи ни остры, ни замысловаты» (стр. 12). Едва ли может быть сомнение, что

¹ Булич. Сумароков и современная ему критика, стр. 270.

² Мочульский В. Н. К истории журналистики XVIII века. I. «Парнасский щепетильник» (1770 г.). — Русск. филолог. вестн., 1913, № 1, стр. 117.

здесь имеется в виду очень запечатлевшееся в памяти современников стихотворение А. А. Ржевского в «Полезном увеселении», составленное из одних лишь односложных слов.¹

Если вспомнить, что во второй половине 1766 г. Ржевский написал две трагедии в стихах — «Прелеста» и «Лже-Смердий», — то намек Чулкова оказывается не таким беспочвенным. Эпизод с фонарным столбом (стр. 13), как мы видели выше (стр. 217), тоже имеет конкретный смысл и, очевидно, относится к Лукину. Перечисленные на стр. 14 «Щепетильника» «книги» драматического сочинителя, в особенности написанные «стихами без рифм», едва ли не метая в Хераскова, «философические оды» которого, да и другие стихотворения были написаны необычным еще тогда для русской поэзии белым стихом. Вообще на Хераскова эпохи до «Чесменского боя» смотрели без особенного уважения. Так, в письме к «г. Сочинителю», помещенном в ноябрьской книжке «Парнасского щепетильника» и подписанном «И. А.», заключается насмешка над стихами новых «стихотворцов», которые «хуже еще сочиненных королем Нумою и певаемых салийскими жрецами» (стр. 276). «Нума, или процветающий Рим» Хераскова был издан в 1768 г.²

В «Парнасском щепетильнике» сотрудничали, кроме М. Д. Чулкова, еще В. Г. Рубан, Ив. Посников, Ив. Ванслов и некто, скрывшийся под инициалами «И. А.».

Печатался «Парнасский щепетильник» в типографии Морского шляхетного корпуса, подобно предшествующему журналу Чулкова «И то и се». Хотя в тексте журнала место печатания не указано, однако это устанавливается сравнением шрифтов.

«ПУСТОМЕЛЯ»

(1770)

Последний лист «Трутня» вышел в конце апреля 1770 г.; в начале июля того же года в «СПб. ведомостях» появилось объявление о выходе июньской книжки журнала «Пустомеля».

¹ Ср.: Шкловский В. Б. Чулков и Левшин, стр. 126—127. Здесь высказывается малоубедительная гипотеза, что «стихотворец драматический» — М. М. Херасков. Ср. также указанную выше статью В. Н. Путилова в «Ученых записках Педагогического института им. Герцена» (т. XXIX, стр. 99, прим. 4).

² Не лишне отметить, что и в «Трутне» встречаются насмешки над Херасковым: в «Ведомостях» (Трутьень, 1769, л. 18, 25 августа) есть объявление в отделе «Продажа»: «Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторова сочинителя продаются в его доме повольною ценою» (стр. 113). Здесь несомненно имеется в виду поэма Хераскова «Плоды наук» (1761).

В настоящее время, после разысканий В. П. Семенникова¹ и др., можно считать несомненным, что издателем «Пустомели» был Новиков. Очевидно, закрывая «Трутень», Екатерина распорядилась, чтобы Новикову не печатали другого журнала, и поэтому издателю «Пустомели» пришлось обставить свое выступление некоторыми предосторожностями: с «доношением» об издании он обратился в Академию Наук не лично, а через подставное лицо; в литературных кругах инкогнито «сочинителя Пустомели» не было раскрыто, и, полемизируя с новым журналом, Чулков полагал, что имеет дело с литературными дельцами, а не с настоящим писателем (ср. последнюю страницу «Парнасского шепетильника»). Рядом исследований, существующих в литературе, как отмечалось выше, убедительно доказано, что издателем «Пустомели» был Новиков. К доводам Семенникова и Вернадского можно прибавить следующее.

Еще в «Трутне» 1770 г., после того как Новикову стало известно, что дальше издавать «Трутень» ему не разрешено (см. выше, стр. 179), он поместил ответ на письма читателей (л. XV, статья 48), где намекает на то, что может появиться новый ежемесячный журнал: «Ежели так, то не прикажете ли всякой месяц переменять заглавия...». «Расставание с читателями» Новиков закончил опять-таки намеком на то, что он будет продолжать издание сатирического журнала, и одновременно с этим посмеялся над Екатериной.

В заключительной статейке «Барышка Всякия всячины» Екатерина серьезно писала о том, что собирается сочинять комедии; Новиков иронически говорит: «Слушайте, читатели, я хотел сочинить двенадцать трагедий... двадцать комедий, пятнадцать романов, ... но вы ничего этого не увидите. Читайте. — Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова». Таким образом, последнее слово его к читателям — «Читайте»; это, несомненно, означает, что читать надо не трагедии, не комедии, не романы, а то, что явится взамен «Трутня».

Несмотря на предпринятую конспирацию, Новиков не мог удержаться от колкостей по адресу «Всякой всячины», т. е. Екатерины, в первой же статье. «Ну, г. Читатель... может быть, захочешь ты прежде всево узнать мое имя, однако ж, не жди, чтоб я тебя об оном уведомил... Вы часто о сочинениях судите

¹ Семенников В. П. Русские сатирические журналы, стр. 72—80; Вернадский Г. В. Заметки о литературно-издательской деятельности Н. И. Новикова. I. Кто был Сочинитель Пустомели? — Историко-литературный сборник. Л., 1924, стр. 85—90. Возражения, сделанные против предположения Семенникова Н. М. Петровским (Изв. ОРЯС, 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 271—274), нельзя признать убедительными.

по сочинителям, а некоторые из вас и не читавши, но по одному только слуху делают неправильные заключения; итак, польза моя требует, чтобы я имя свое утаил. Не знаяши оно, как скоро прочтешь ты десять строк моего сочинения, то наверное заключишь, что я писатель не третьей статьи; может быть, подумаешь, что я человек знатной, следовательно критиковать не осмелишься; ты подумаешь, может быть, что я — но нет, этого не скажу, а оставляю на твою догадку. Если бы узнал мое имя, то, может быть, и переменял бы ты свое намерение, и, вместо почтения, начал бы меня уничтожать...» (стр. 15—16 по переизданию 1858 г.). Не приходится особенно много доказывать, что вся эта цитата с выпадами против «знатности» издателя журнала, с употреблением излюбленного скатерининского словечка «уничтожать», вызвавшего в свое время (см. выше, стр. 174) нападки «Трутня», — направлена против Екатерины.

Можно дополнить наблюдения исследователей также данными и из области литературных оценок «сочинителя Пустомели». Помимо насмешек над Лукиным, примирение с которым, надо полагать, не состоялось, В. Петровым и Чулковым, в «Пустомеле» находим выпады против Хераскова, который осмеивался и в «Трутне». Несомненно его имеет в виду «сочинитель Пустомели», когда рисует стихотворца, «который равняет себя со славными российскими писателями и говорит только о чищении русского языка, похвалу себе и хулу других, и которое чищение разумные люди называют порчею русского, без порчи прекрасного наречия» (стр. 96).

Дополнительный штрих для характеристики литературных взглядов Новикова представляет насмешка над Н. Г. Кургановым, выпустившим в 1769 г. свою «Российскую универсальную грамматику», первый вариант знаменитого «Письмовника»; против содержащихся там анекдотов обращено следующее место вступительной статьи «Пустомели»: «Кляно пусть ходит по гостинному двору, рассказывает купцам разные истории и тем себя кормит» (стр. 22). Любопытно, что, наряду с похвалами Сумарокову (стр. 108), в «Пустомеле» дается благоприятный отзыв о «Евгении» Бомарше и о переводе этой «комедии», как она названа тут. Как известно, перевод «Евгении», сделанный Н. В. Пушкиновым, вызвал яростные ругательства Сумарокова против «пакового рода слезных драм».

Печатавшиеся в «Пустомеле» «Ведомости» посвящены только военно-политическим и театральным темам. Кстати, характеризуя во второй книжке журнала слухи и отзывы о первом номере «Пустомели», Новиков, явно намекая на иное содержание «Ведомостей» в «Трутне», писал следующее: «Еще были люди, кото-

«Пустомеля» (1770), июнь.

рые говорили, на что ему мешаться в политические дела, мало ли в городе новостей, которыми бы он читателям своим гораздо больше сделал угождения, нежели как ведомостями о политических делах» (стр. 92).

Особенный интерес представляют театральные разделы «Ведомостей» в «Пустомеле». Прежде всего следует вспомнить, что это, по существу, первые театральные рецензии в нашей прессе, так как встречавшиеся до того времени сообщения о различных придворных и иных спектаклях в «С.-Петербургских» и «Московских ведомостях» представляли только хроникерские заметки, тогда так в «Пустомеле» — несомненные театрально-критические отчеты. В первой (июньской) книжке журнала была помещена корреспонденция из Москвы: «Г. Д*** [т. е. И. А. Дмитриевский], актер придворного российского театра, приехав к нам, столько наделал шуму, что во всем городе только и разговоров, что о нем; и подлинно московские жители увидели в нем славного актера. Он играл в Семире Оскольда и всех зрителей пленил. В Евгении комедии графа Клариндона; искусство, с каким он сей роль представлял, принудило зрителей оную комедию просить еще три раза, в чем они были удовольствованы, и в каждое представление в новое приходили восхищение; казалась, будто искусство г. Д*** по степеням еще больше возрастало. Надобно отдать справедливую похвалу и г. переводчику сей комедии; ибо он все красоты, находящиеся в подлиннике, сохранил и на российском языке.

«Г. Д*** играл еще Вышеслава и Ревнивого с равномерною же от всех похвалою; а еще ожидают представления Хорева и Беверея. Зрители собирались в театр в таком множестве, что многие по причине великой тесноты не могли получить билетов, естли хотя мало опаздывали. Наконец, должно сие заключить тем, что г. Д*** московских жителей удивил, привел в восхищение и заставил о себе говорить по малой мере два месяца» (стр. 55—57).

Не менее интересна вторая, петербургская, театральная рецензия в «Пустомеле» (июль, стр. 108—110), посвященная представлению «Синава и Трувора» на сцене придворного театра. В этом отзыве отмечается, между прочим, и то, что «трагедия сия играна была по переправленному вновь г. автором подлиннику» (стр. 108). После комплиментов «сочинителю сея трагедии г. Сумарокову» рецензент добавляет: «что ж касается до актеров, представлявших сию трагедию, то надлежит отдать справедливость, что г. Дмитриевский и г. Тропольская привели зрителей в удивление. Ныне уж в Петербурге не удивительны ни Гарики, ни Лекены, ни Госсенши. Приезжающие вновь французские актеры и актрисы то подтверждают» (стр. 109).

Хотя «Пустомеля» по своему типу и заглавию являлся журналом сатирическим, но, в отличие от его предшественников и последующих сатирических изданий, на его страницах мы находим произведения не только критического, но и положительного характера. Словно Новиков хотел дать своим читателям, в противовес галерее отрицательных персонажей, также и образы героев положительных. Такой характер имеет повесть «Историческое приключение», помещенная в первой книжке «Пустомели».

Повести этой Новиков, повидимому, придавал большое значение: она напечатана сразу же после статьи, озаглавленной «То, что употребил я вместо предисловия». Хотя «Историческое приключение» не окончено, все же можно догадаться, как должно было идти развитие сюжета. Главный герой повести — юноша Добросерд, сын новгородского дворянина Добронрава. Отец воспитал Добросерда «так, как воспитывают детей своих, — по словам автора повести, — благоразумные отцы нашего времени». Далее Новиков характеризует воспитание Добросерда, видя в нем идеал современной педагогики. Здесь Новиков впервые дает положительную программу воспитания и образования в национальном русском духе, как бы набрасывая первый эскиз будущей своей педагогической системы, развитой с большой подробностью позднее в «Прибавлениях к Московским ведомостям» и «Детском чтении».

«Отец старался природные его дарования изострить учением и приумножить хорошим воспитанием, для чего выписывал из Петербурга людей известных разумом, учением и добропорядочным поведением ему в учителя. Он не следовал примеру многих безрассудных стариков, которые детей своих обучают по-французски и по-немецки для того только, чтобы они на чужих языках могли болтать с праздношатающимися французами и немцами, удалившимися из своего отечества, может быть, для того только, что за беспорядочное свое и распутное житье честными и разумными людьми были презираемы. Но следуя благоразумию, употреблял остроту сына своего в собственную его пользу, в пользу отечества и в свое утешение; обучал его иностранным языкам для того, чтобы мог чтением славных авторов просветить разум и украсить память. Добросерд помощью своих наставников в скорое время обучился трем языкам: французскому, английскому и немецкому. Прочел почти всех славных авторов, получил истинное о вещах понятие посредством логики и физики; обучался с прилежанием математике, истории и географии; последней особливо для того, чтобы совершенно знать положение областей своего отечества и соседственных с ним держав, ведать силу их и недостатки. Знал сокращенно деяния наших предков,

хотя тогда печатной Российской истории еще и не было, наставлен был в познании христианского закона и истинном богопочитании, удален от суеверия, делающего в мыслях разврат; короче сказать, Добросерд научен был всему тому, что нужно знать человеку, приготавливающему себя к высшим степеням, так что по справедливости почитался украшением и примером всех молодых дворян их уезда».

В этой характеристике воспитания Добросерда мы находим в сжатом виде все основные элементы последующих педагогических воззрений Новикова. Важнейшие пункты его воспитательной программы были следующие: во-первых, сочетание образования с воспитанием, что было в то время еще взглядом новым; во-вторых, цель воспитания — подготовка дворянина-патриота, который с честью сможет служить отечеству «на вышних степенях»; в-третьих, воспитатели должны быть русские, а не иностранцы; они должны зарекомендовать себя «разумом, учением и добропорядочным поведением». Только они смогут обучить юношу отечественной истории и географии, нужным для образования в национальном духе.

Положительный герой должен получить такое воспитание, которое в каждый серьезный момент жизни подскажет ему, как нужно поступить правильно, поступить, как подобает патриоту. В этом и заключается, в понимании Новикова, смысл воспитания в национальном духе. Добросерд с честью выдерживает испытание, когда, находясь в отпуску с военной службы, «получил ордер явиться немедленно к полку и идти против неприятеля»: он отправляется на театр военных действий. Новиков объясняет мотивы поведения Добросерда: «Не любочестие от отца и его любезной отвлекало, но подданическая должность, ибо естъли бы Добросерд по примеру других захотел остаться, то, имевши друзьями знатных бояр, легко бы мог сие сделать». У него, пожалуй, и были колебания, но его невеста Миловида, такой же положительный персонаж, как и Добросерд (и даже больше), настояла на том, чтобы он пошел на войну. На этом повесть обрывается, но предпосланные ей вступительные строки «Сочинителя Пустомели» дают возможность понять дальнейшее развитие сюжета: «Часто бывает, что люди впадают в пороки по одному добросердечию, но среди самых преступлений праводушие их сияет, и великость духа оказывается [обнаруживается]». Повидимому, Добросерд нечаянно, «по одному добросердечию», совершает какое-то преступление, но потом получает прощение за свое «праводушие» и «великость духа». Возможно, что в основе повести лежит реальный факт, на эту мысль наводит заглавие — «Историческое приключение».

Таким образом, Новиков поставил своей целью дать образ положительного русского героя своего времени, русского по воспитанию, по складу характера и по поведению. Это была первая в русской художественной повествовательной литературе попытка решения проблемы положительного героя. Новикову, таким образом, принадлежит большая заслуга, хотя решал он ее, оставаясь на эстетической позиции классицизма (Добросерд, Добронрав, Миловида, Осторожна) и на идеологической платформе передового дворянина.

Есть в «Историческом приключении» еще одна интересная подробность. Выше было показано, что в «Пустомеле» впервые в русской журналистике появились театральные рецензии. Естественно возникает вопрос, чем вызвано их появление, каково было отношение Новикова к театру. На этот вопрос и отвечает нам «Историческое приключение». «Одни театральные позорищи, — пишет Новиков, — понравились Добросерду: он почитал театр истинною школою не только для молодых людей, но и для стариков, в которой нужные всем наставления преподаются, и для того не прогуливал ни одного представления. Не следовал он примеру молодых людей, которые в театр затем только ходят, чтобы посмеяться; но, рассматривая с прилежанием, нужное замечал и по выходе исследовал сам себя, как строгой судья, не имеет ли какой слабости, которые того дня публично были осмеяны. Сим средством театральное позорище обращал он в свою пользу». Это свидетельство отношения к театру не как к забаве, а как школе воспитания очень важно и объясняет введение в «Пустомелю» театральные рецензии.

Таким образом, наряду с критической установкой, в «Пустомеле» проводилась и положительная программа. Однако это начинание осталось только опытом и дальнейшего развития не получило.

В основном «Пустомеля», как и «Трутень» и позднее «Живописец», — журнал сатирико-политический, антикатерининский.

Несомненно, Новиков сознательно делал вызов Екатерине: во втором номере журнала он помещает резкую политическую статью, представляющую перевод с китайского, но как-то удивительно подходящую к русским условиям 1770 г., перепечатывает вольнодумное «Послание к слугам» Фонвизина¹ и совсем недвусмысленно приоткрывает завесу над своим инкогнито, дав в самом конце место «Эпиграмме г. Кондратовича к г. издателю Трутня», не сопровождаемой никакими пояснениями, которые

¹ Оно вышло в свет в 1769 г. См. мою статью «К хронологии произведений Д. И. Фонвизина» (Научн. бюлл. АГУ, 1946, № 10).

как-нибудь осветили бы неожиданное появление этого произведения на страницах «Пустомели».

За исключением указанных выше произведений Фонвизина, Кондратовича и перевода Леонтьева весь остальной материал в «Пустомеле» принадлежит, повидимому, Новикову. Возможно только, что в разделе «Ведомости» мнимые корреспонденции из Константинополя и Парижа были взяты Новиковым из бумаг, оставшихся после Ф. А. Эмина (умер в апреле 1770 г.); по своему характеру политические «Ведомости» в «Пустомеле» чрезвычайно напоминают аналогичные «Ведомости» в «Адской почте» Эмина.

На второй книжке журнал прекратился. Он был, очевидно, закрыт Екатериной, подобно «Трутню». На это намекает одно место в «Объявлении о издании еженедельника „Трудолюбивый муравей“»: «Прошлого 1770 лета начали было показываться по-недельно Трутень и помесячно Пустомеля; но оба, не окончив года, пресекались. Один только Щепетильник, начавшись с мая, совершил течение свое постоянно до окончания года, не выдерживая в типографиях, по примеру прочих, карантина». Если здесь речь идет не о закрытии, то, во всяком случае, о каких-то цензурных злоключениях.

«Пустомеля» издавался в количестве 500 экз.¹

«ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ»

(1771)

Журнал этот, единственный в 1771 г., издавался В. Г. Рубаном и выходил еженедельно в течение второй половины года. Объявление о нем появилось в конце июля и, после краткого обзора журнальной продукции 1769—1770 г. и указания целей нового издания — увеселения публики, — оповещало, что к 30 июля будет отпечатано пять номеров «Трудолюбивого муравья», каждый лист которого будет продаваться по 4 коп. Всего вышло 26 листов. В последнем листе Рубан сообщил читателям, что, прекращая еженедельное издание, намерен выпускать «полугодовые труды»; при этом он подчеркивает, что публика «его трудами была довольна, в чем удостоверился великим, бывшим на листы его расходом, во все время своего течения». Впрочем «великим» назвать расход «Трудолюбивого муравья» можно только относительно: он издавался всего лишь в количестве 400 экз.,² т. е. много меньше сатирических журналов 1769—1770 гг.

¹ Семенников. Русские сатирические журналы, стр. 85.

² Там же, стр. 71 и 85—86.

Как и первый журнал Рубана «Ни то ни се», «Трудолюбивый муравей» очень бледен, сатирического элемента в нем нет вовсе. Поэтому права была одна из сотрудниц журнала, писавшая: «В вашем журнале не увидишь, так мне кажется, ни брани, ничего такого, что называют г. авторы в свое оправдание сатирами. . . Ваше издание, право, карантинное в типографиях выдерживать не будет» (стр. 92). Содержание журнала более чем тускло: неизбежные переводы из Вольтера («Жанот и Колин», «Разговор в царстве мертвых» и др.), перевод «похвального слова Петру Великому» Фенелона, ряд других переводов, обязательные надписи к фаворитам Екатерины, бр. А. Г. и Г. Г. Орловым, побасенки, загадки и т. д. Наиболее интересные статьи о Крыме, принадлежащие, очевидно, самому издателю (они подписаны буквой «Р», т. е. Рубан); помещение этих статей связано с «недавно учиненным победоносным российским оружием всего Крыма покорением» (стр. 62).

Не лишены некоторого интереса письма некоего Люборуссова, из которых последнее, третье, посвящено вопросам словообразования в русском языке (стр. 201—203). С. К. Булич в своем «Очерке истории языкознания в России» (СПб., 1904, т. I, стр. 278—279) считает статью Люборуссова исключительно наивной. С этим нельзя согласиться: при полном отсутствии в тогдашней русской науке о языке работ по данному вопросу самый факт появления таких статей показывал, что даже не в кругу ученых, а среди рядовых читателей возникал интерес к явлениям языка. Да и самые домыслы Люборуссова о производных словах от корней «беда» и «стоять» вовсе уж не так неудачны. И напрасно усматривает С. К. Булич иронию в совете Рубана своему корреспонденту заняться составлением «словаря производных русских слов», — первые составители «Словаря Российской Академии» были не меньшими фантазерами, нежели Люборуссов.

В общем «Трудолюбивый муравей» не был журналом, в котором отражалась боевая, оппозиционная мысль того времени: «шинельный» поэт Рубан был далек от таких передовых тогдашних писателей, как Новиков и Фонвизин, и, как справедливо отмечали исследователи, его взгляд, искренно или из карьерных соображений, «совпадал с правительственной точкой зрения на общественное неустройство».¹

Соответственно рептильной позиции «Трудолюбивого муравья» комплектовался и круг сотрудников рубановского жур-

¹ Мочульский В. Н. К истории журналистики XVIII века. II. Трудолюбивый муравей 1771 г. — Русск. филолог. вестн., 1913, № 1, стр. 129.

нала: среди них, за исключением В. И. Майкова, и то, кажется, случайно выступившего здесь, нет ни одного крупного писателя тех лет. Почти все статьи подписывались инициалами или псевдонимами: «М. Т.» и «Т. М.», т. е. «Трудолюбивый муравей», т. е. сам Рубан, «М. С.» (М. Спиридов), 200.4 (С. Д. — Сергей Домашнев?), «И. В.» (Иван Ванслов? Ив. Вейдемайер?), «А. К.», архим. Дмитрий Грозинский, «Н. Б. К.» (Н. Н. Бантыш-Каменский), «И. М.» (Ив. Мошков?), «К. П. Д.» (князь Петр Долгорукий), «А. Р.», «И. С.» (Иван Сичкарев). Следует отметить, что подпись одного из сотрудников «Трудолюбивого муравья» читалась не вполне правильно: не «Свало. Михайловский», а «Киевской Академии студент У. Свапо. Михайловский» (стр. 56). У. Свапо — значит «урочище Свапо», находившееся в Курской губ.

«ЖИВОПИСЕЦ»

(1772—1773)

Третий по счету журнал Новикова выходил в течение 1772 г. (с апреля) по июнь 1773 г. Самый факт появления нового издания Новикова после двукратного закрытия предшествующих его журналов представляется не вполне объяснимым. Конечно, «приписание» или «посвящение» «Живописца» Екатерине («неизвестному сочинителю комедии О, время!») имело характер явного вызова: предполагать, что Новиков, за два года до того бросивший в лицо Екатерине резкие обвинения в самовлюбленности, в позерстве, в нетерпимости к чужим мнениям (см. выше, стр. 176), а затем в «Пустомеле» продолживший борьбу со «Всякой всячиной», т. е. с Екатериной, — предполагать, что Новиков действовал с ведома императрицы, едва ли правильно. «Когда Новиков принимался за издание „Живописца“, — писал В. П. Семенников, — он был уже хорошо известен императрице: она сумела оценить дарование и благородные убеждения своего прежнего литературного противника, и только доверием к его личности справедливо объясняют то, что Новикову было разрешено выступить с новым сатирическим журналом через два года после того, как сатирические издания 1769 года должны были или прекратиться, или обесцветиться. Сама Екатерина сотрудничала в „Живописце“; несомненно, у Новикова явились теперь сильные покровители, зародились связи с придворными сферами, отчасти отражающиеся в „Живописце“. Совсем не то было, когда Новиков стал издавать „Трутень“: тогда он был только отставным и незнатным поручиком армии, ничем в литературе себя

ЖИВОПИСЕЦЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

на

1772 годѣ

СОЧИНЕНІЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

«Живописецъ» (1772).

не зарекомендовавшим и едва ли имевшим какие-либо связи в придворных кругах».¹

Если так обстояло дело, как изображает Семенников, то как же объяснить несомненный, всеми исследователями отмеченный факт «побледнения» журнала во вторую половину его издания? Как согласовать «доверие к личности» Новикова с обильными купюрами текста, так и оставшимися зияющими пустотами на страницах «Живописца»? Как понять безусловно вынужденную перепечатку в листе 23 «Живописца» за 1773 г. (стр. 389—392) письма «Доброхотного сердечка» с очень резким ответом издателя, напечатанных ранее в листе 10 за тот же год (стр. 281—284)? Очевидно, и заполнение второй части «Живописца» «речами» церковных ораторов и благонамереннейшими «одами», равно как и приписки издателя вроде следующей: «первой сюжет мне рассудилось оставить, а для чего его сделал, г. сочинитель сего письма сам может догадаться» (стр. 345), — все это было вызвано стремлением как-нибудь сохранить журнал, получивший, несомненно, ряд напоминаний и предупреждений со стороны цензуры. Журнал был закрыт, подобно своим предшественникам, и вовсе не потому, что Новиков не оправдал «доверия» Екатерины или что «сильные покровители» Новикова из «придворных кругов» оказались бессильными перед цензурой, — а потому, что ничего подобного на самом деле не было: все это придумано и никак не увязано с содержанием «Живописца».

Дело представляется таким образом: в 1768 г. или в начале 1769 г. Екатерина разрешила — повидимому неофициально, без фиксации в форме печатного указа — издание журналов каждому, кто бы пожелал. По этому поводу существует косвенное свидетельство В. Тузова во «Вступлении» к издававшейся им «Поденшине»: «Пользуясь блаженством настоящего времени, в котором между бесчисленными для благополучных россиян выгодами, и издание каждому в печать трудов своих беспрепятственно дозволяется, предпринял я издавать гражданству сии листочки» (стр. 1). Надо полагать, что, помимо непосредственных цензурных вмешательств в продолжение издания, вплоть до закрытия его (как было с «Пустомелей»), екатерининское правительство располагало еще одним средством борьбы с нежелательными ей журналами — дачей разрешения на издание только в течение одного года. Впрочем, однажды пропущенный текст мог быть потом беспрепятственно перепечатан, и, таким образом, могло случиться, что, например, известное антицерковное письмо В. М. в «Смеси», вызвавшее недовольство Екатерины, не было,

¹ Семенников, назв. соч., стр. 40—41.

несмотря на это, исключено из второго издания этого журнала.¹ Пользуясь этим неотменным словесным распоряжением Екатерины об издании журналов, Новиков и приступил к публикации «Живописца». Нужно при этом учесть, что разочаровавшаяся в результатах своей журнальной деятельности Екатерина обратилась в том же 1772 г. к изданию сатирических комедий как более действенному средству «перевоспитания» «народа». Этим обстоятельством не преминул воспользоваться Новиков, который с некоторой долей иронии и неоспоримым лукавством предупреждал Екатерину в «Приписании» о будущем содержании «Живописца» как о следовании «по стезе, ею проложенной и ею указанной». Поэтому посвящение журнала Екатерине никак не должно быть воспринимается в буквальном смысле, — это очень тонкая, насмешливая сеть, ловко закинутая и заканчивающаяся полукомплиментом, полуугрозой: «без вашего примера не отважился бы я напасть на пороки», — иными словами, «что дозволяешь ты себе, должно быть дозволено и нам».

Ни о каком примирении с Екатериной «Живописец» не свидетельствует. Уже в листе 2 Новиков нападает на покровительствуемого императрицей В. Петрова («высокопарный неподад», стр. 10), на Лукина («дерзкий Кривотолк», стр. 11), на Чулкова («писатель, старающийся забавлять разум своими сочинениями», там же), на саму Екатерину («нравоучитель, порицающий всех критиков и утверждающий, что сатиры ожесточают только нравы», там же), на А. А. Ржевского («трагический писатель... говорит: комедия развращает только нравы и научает порокам», стр. 12).

Если всмотреться в круг писателей, осмеиваемых Новиковым в этой статье, ясно видно, что это либо писатели екатерининского окружения, либо политически близкие к нему, во всяком случае далекие от позиций самого Новикова. В следующих листах «Живописца» продолжают нападки на Екатерину, то ли в безыменной форме, то ли в виде кивков в сторону «Всякой всячины», и т. д. Так, в листе 6 находится письмо за подписью «М. М.»; здесь мы читаем следующее: «Я заметил, что осмеяние порока умалет силу его более, нежели иногда нравоучение со скукою смешанное» (стр. 51—52). Сравнивая дальше «нахалов» обоего пола с погаными грибами, автор письма заканчивает свое обращение к издателю так: «Пожалуйста, не слушайте тех, кои скажут вам, что пример поганых грибов невежлив: это была бы слабость учтиво обходиться с пороками» (стр. 54). Нет никакого

¹ Семенников В. П. К истории цензуры в России в екатерининскую эпоху. — Русск. библиофил, 1913, № 1.

сомнения в том, что это — поздний отклик на полемику 1769 г. между «Трутнем» и «Всякой всячиной» о характере сатиры.

Не останавливаясь на других, более мелких уколах Екатерины на страницах «Живописца», должно обратиться к письму «Дворянина с одною душою» (лист 25, стр. 193—200), где дается ответ на статью Екатерины во «Всякой всячине» «Молодые люди всего желают отведать» (стр. 339—341). Статья Екатерины проводила мысль о необходимости сохранения «социальной гармонии»: «слушайте, Еввины дети, истинну неоспоримую, и живите смирно» (стр. 341). Письмо «Дворянина с одною душою» изображает невежественную «деревенскую барыню», враждебно относящуюся к образованию, к науке; и именно в уста этого «отрицательного» персонажа вкладываются слова перифраза екатерининской «социальной гармонии»: «В нашем отечестве из стари положено для дворянина шпага, для стряпчего перо, а грамота для попов» (стр. 199). Повидимому «Картина из самой далечайшей древности», помещенная в листе 5 «Живописца» 1773 г. (стр. 247—248), также имеет в виду Екатерину, жадно слушающую клевету и окруженную незнанием или невежеством и подозрением; клевета в левой руке держит горящую свечу, а «правою влечет за волосы юношу, подымающего руки на небо, и богов в невинности своей свидетелями призывающего» (стр. 247). Но и помимо непосредственных нападок на Екатерину «Живописец» продолжал борьбу с ней как раз по тем пунктам, в разрешении которых журналы Новикова оказывались наиболее резкими среди сатирических изданий 1769—1770 гг. Важнейшим вопросом был крестьянский. Ему посвящена знаменитая статья Радищева «Отрывок путешествия в *** И*** Т***», серия «Писем к Фалалею» Фонвизина и статья «Следствия худого воспитания» (лист 18, стр. 137—142).

Поскольку при общем рассмотрении сатирических журналов (см. выше, стр. 193—209) уже было сказано основное и существенное об этих статьях, сейчас остается отметить несколько подробностей. В листах 3 и 4 «Живописца» 1772 г. была помещена большая статья, посвященная теме первой кантемировской сатиры. Любопытно, что Новиков местами просто перелагает высказывания Сильвана¹ и Медора² или подобных им. В конце

¹ Ср.: «Вы [добрые старички] рассуждаете так: „деды наши и прадеды ничему не учились, да жили щастливо, богато и спокойно, науки да книги переводят только деньги; какая от них прибыль, одно разоренье“» (стр. 19). — У Кантемира: «Сильван другую вину наукам находит: „Ученье, — говорит, — нам голод наводит; Живали мы преж сего, не зная латыне, Гораздо обильнее, чем живем мы ныне“...».

² Ср. речь Наркиса (стр. 20—21) и жалобы Медора у Кантемира.

этой статьи Новиков полувопросительно обращается к читателю, не наскучила ли ему подобная тема: «Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее, — кончает Новиков, — потерпи, пожалуй, все будет: только чур не сердиться!» (стр. 32). И следующий (5) лист открывается «Отрывком путешествия». Таким образом, несомненно окончание листа 4 относится именно к этой статье, и ясно, что Новиков отдавал себе отчет в важности и опасности этого материала и старался оградить себя этим «только чур не сердиться». Как известно, «Отрывок путешествия», начиная с 3-го издания «Живописца», сопровождался указанием, что продолжение будет напечатано в следующем № (или новом издании). Едва ли это было настоящим обещанием; можно считать вполне вероятным, что это замечание делалось с определенной целью — успокоить цензуру, которая могла бы возражать против помещения в журнале только отрицательных картин из жизни крепостных. Это тем более вероятно, что в листе 3 «Живописца» за 1772 г. было «известие» (стр. 24), в котором, между прочим, говорилось, что «сочинитель сего журнала просит покорно, чтобы сообщаемые сочинения присылаемы были со окончанием». Таким образом, едва ли можно принять возможным положение, что в ближайшем же листе начнет печататься статья, окончание которой не было прислано. Либо надо допустить, что цензура почему-то не позволяла печатать продолжение статьи, в котором должна была идти речь о деревне Благополучной, а о деревне Разоренной, напротив, говорить разрешила. Несообразность этого предположения заставляет снова признать единственно возможной гипотезу: «Отрывок путешествия в *** И*** Т***» не должен был иметь «благополучной» развязки; выше было указано, что не только обещание дать продолжение путешествия, но и конец второго отрывка, где вдруг неожиданно, без какой-либо предварительной подготовки, всплывает «Благополучная деревня» и ее добрый помещик, возникли под влиянием неблагоприятных толков о пятом листе «Живописца», содержавшем первую часть «Отрывка». Уже «Английская прогулка» (лист 13, стр. 97—102) должна была смягчить остроту первого «Отрывка», о котором говорили, что он «огорчает целый дворянский корпус» (стр. 98); смысл этой разъяснительной статьи сводился к тому, что в «Отрывке» описано «злоупотребление» и что «все честные и добросердечные дворяне» не должны принимать сатиру на свой счет.

Такой же разъяснительный характер имела фраза, вставленная в письмо анонимной щеголихи в листе 9: «Ты бранишь одних только деревенских дураков; да и беспримерно: ужесть как славно ты их развернул в 5 листе твоего Живописца.

Ты уморил меня: точь-в-точь выказал ты дражайшего моего папахина» (стр. 66—67).

Заслуживает также внимания письмо отца Тарасия и ответ на него Новикова (лист 21, стр. 161—165). Они обычно не привлекали внимания писавших о сатирической журналистике 1769—1774 гг., да это и понятно, так как по своему характеру письмо отца Тарасия резко антиклерикально. Поэтому глубоко ошибочно видеть здесь только комический момент и пародию слога церковных документов; еще более неправильно принимать письмо это всерьез и считать, что задачей Новикова было создать «образ сурового моралиста „пречестного отца Тарасия“ с его старомодной церковно-славянской речью» (Е. А. Боголюбов). Письмо это, конечно, не подлинный документ, но написано безусловным знатоком монашеского быта и церковного эпистолярного стиля; едва ли оно было написано самим Новиковым: его ответ — довольно бледная имитация, тогда как послание отца Тарасия блещет всеми красками и оттенками схоластической «речеточивости». Вся соль письма Тарасия заключена в последней части, в которой он просит «нечто провозвестить и в нашу пользу, сиречь еже умножится... во обитель нашу» (стр. 162). Пропущенные слова явно говорят о притоке денежных пожертвований «во обитель нашу», т. е. подчеркивают «прибытокжадность» и стяжательность монахов. Следующие за тем слова — «сего ради [т. е. за «провозвещение» о пожертвованиях] благоговейно целуют тя во первых отец игумен с братиею, та же особо бывшие иногда отец Келарь, отец Казначей и т. д.», — тоже имеют определенное назначение. Перечисление всех этих монастырских чиновников (эконом, ризничий, уставщик, гробовый, конюшенный, крепостной, трапезный, рухлядный, чашник, площадный, будильник, подкеларник и т. д.), которые «вси целуют тя лобзанием святым», должно было показать, как обширна и разнообразна коллекция тунеядцев в многочисленных монастырях. Ответ Новикова опять же не так уж прост и забавен. Помимо намек на Екатерину («семо поучают, а иде же поучаются? Онде исправляют, и где исправляются? — не исправятся убо поучаемые, донеже не исправятся поучаши», стр. 164), в письме Новикова заключается ответ на просьбу о денежных пожертвованиях: «не имам иное что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен» (стр. 165). И продолжая свою не выраженную прямо мысль о безнравственности монастырского стяжания, он цитирует евангельский текст о том, что скорее пройдет верблюд сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в царствие небесное.

«Ведомости» в «Живописце» не имеют такого резко памфлетного и портретного характера, как в «Трутне». Тем не менее,

кое-кого из современников они задевают персонально. Так, «подряды» в листе 20 можно, кажется, расшифровать: молодой господин, подыскивающий секретаря, который бы умел для своего хозяина сочинять комедии и писать стихами песни и другие мелкие стихотворения, — это, может быть, П. С. Потемкин, автор песенок, который около этого времени также сочинил ряд пьес.¹ Знатный господин, которому потребно 12 ловких дворян, умеющих создавать «общественное мнение» в пользу своего патрона, живущий в «собственном его доме, построенном из корыстей, полученных прапрапрадедом его под Чигирином», — это, возможно, кто-либо из потомков боярина Ромодановского (может быть по линии Ромодановских-Ладыженских) или И. Н. Ржевского, которые возглавляли московские войска во время похода на Чигирин в 1676 г.

Переходя к вопросу о том, кто, кроме Новикова, принимал участие в «Живописце», к уже известным именам — Екатерина, кн. Дашкова, П. С. Потемкин, В. Рубан, еп. Самуил, Д. И. Фонвизин, Радищев, М. В. Сушкова,² Амвросий Подобедов, архангелогородский купец А. Фомин — можно присоединить Федора Каржавина (ему принадлежит в листе 17 «Живописца» за 1773 г. письмо, подписанное «Богодар Вражкани, Брынской правдописец», — Богодар = Феодор; «Вражкани» — это анаграмма «Каржавин»; письмо это имеет биографический характер и касается взаимоотношений Каржавина с отцом).

Первое издание «Живописца» печаталось в количестве 636 экз. первая часть и 758 экз. — вторая. О тираже последующих изданий (второе — в 1773 г., третье — в 1775 г., четвертое — в 1781 г.) сведений в печати не сохранилось. Известно, что пятое издание (1793), предпринятое купцом Г. Зотовым уже после ареста Новикова, было отпечатано в 1200 экз.³

Все издания «Живописца», начиная с третьего, представляли уже не журнал, разделенный на листы, а книгу из двух частей; в обе части вошли, наряду с избранными статьями из «Живописца», также статьи из «Трутня». Отдельные статьи подвергались сокращениям, а некоторые были слегка стилистически отредактированы Новиковым.

В недавнее время в научной литературе было высказано мнение о том, что третье издание «Живописца» состояло из одних только произведений Новикова, и на этом основании «Копии с отписки», «Отрывок путешествия в *** И*** Т***», «Письма

¹ Новиков. Опыт — Материалы Ефремова, стр. 86.

² Семенников. Русские сатирические журналы, стр. 62, прим. 4.

³ Там же, стр. 86—87.

к племяннику» и «Письма к Фалалею» были приписаны Новикову.¹

Выдвинувший эту точку зрения Г. П. Макогоненко основывается на следующих двух утверждениях:

«Отличительной особенностью третьего издания Живописца... является полное (курсив здесь и ниже — в оригинале, — П. Б.) отсутствие в нем чужих, анонимных и подписанных, произведений».²

«В специальном предисловии [к третьему изданию Живописца] Новиков делает публичное заявление, что все здесь собранное — „мое сочинение“».³

Признать данные утверждения Г. П. Макогоненко и вытекающую отсюда принадлежность Новикову произведений, перечисленных выше, никак нельзя по следующим основаниям.

Совершенно не верно, что в 3-м издании «Живописца» нет чужих произведений:

1) Вторая часть «Живописца» открывается статьей, подписанной «Любопытный зритель». Первые строки, явно написанные Новиковым, таковы: «На сих днях получил я писание, скрепленное Любопытным зрителем, которое гласило тако». Далее следует самая статья, кончающаяся подписью «Любопытный зритель», а затем есть пост-скрипtum: «Скажут, что сему Любопытному зрителю одна муса подарила превеликие два штофа разума, а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, то есть честностию и скромностию (курсив в оригинале, — П. Б.)». Г. П. Макогоненко считает, что Любопытный зритель — Новиков (других авторов в «Живописце» ведь нет) и что данная статья представляет «переделку сочинения „Торг семи муз. Из Кригеровых снов“, переведенного в пору пребывания в университете Фонвизиним и напечатанного в 1762 г. в журнале „Собрание лучших сочинений“...». Если это так, значит пост-скрипtum Новиков адресует самому себе и расхваливает свой «превеликий разум», свою «честность и скромность». Все, что известно нам о Новикове, говорит против подобного предположения. Далее, — хорошо известно, что Новиков был в дружеских отношениях с Фонвизиним. Стал ли бы он без ведома (или с ведома?) Фонвизина переделывать перевод последнего? И почему, учитывая вступительную заметку и пост-скрипtum, не принять более простое решение вопроса, — что переделка принадлежит самому переводчику — Фонвизину?

¹ Макогоненко Г. П. и Западов А. В. Русская проза XVIII века. М.—Л., 1950, т. I, стр. 593.

² Там же, стр. 594.

³ Там же, стр. 596.

В пользу этого предположения говорит аналогичный характер послесловия, которым сопровождается было в новиковском «Пустомеле» «Послание к слугам» Фонвизина, а также «Ведомости. С Парнаса. . . 1769 года», в которых речь идет о «Бригадире» Фонвизина («Трутень», 1769, л. XVIII).

2) Если признать Любопытного зрителя Фонвизиним, то, чтобы быть последовательным, надо считать его также автором-переводчиком «Известия, полученного с Еликона», перепечатанного в той же второй части третьего издания «Живописца»; в тексте этого произведения музы говорят: «Это он, это он — это любопытный зритель, описатель нашего путешествия».

В первых двух изданиях «Живописца» эта статья называлась «Известие, полученное с Еликона, или дополнение ко второму листу втория части Живописца» («Живописец», 1772, ч. II, л. 11, статья XIII), т. е. дополнение к статье Любопытного зрителя.

Таким образом, два произведения в третьем издании «Живописца» уже безусловно не принадлежат Новикову, а раз это так, то нельзя признать правильным утверждение (ни на чем не основанное), что в данном издании «Живописца» — «полное отсутствие чужих произведений».

3) Нельзя сомневаться, что статья «Листочки ваши с великим удовольствием я читаю», подписанная инициалами М. С. («Живописец», изд. 3, ч. I, статья VI), принадлежит давней сотруднице Новикова, М. В. Сушковой-Храповицкой.

4) Остаются в силе наши указания о принадлежности Фонвизину «Копий с отписки», «Писем к племяннику» и «Писем к Фалаалею», а также Радищеву «Отрывка путешествия в *** И*** Т***».

5) Повторю вновь, что в «Сатирических ведомостях», перепечатанных из «Трутня», безусловно принимали участие, кроме Новикова, и другие лица, в частности Фонвизин (см. выше, стр. 254).

6) Не принадлежит Новикову также статья «Будучи всегдашним читателем похвалы достойных ваших листов» («Живописец», изд. 3, ч. II, статья XIX); она была напечатана в основных изданиях «Живописца» в более полном виде; в третьем издании опущены два больших абзаца, в одном из которых находились следующие, немыслимые в устах Новикова, слова: «От простого народа ничего лучшего и не ожидают, как опытов крайняя глупости и сумасбродного суеверия» («Живописец», 1772, ч. I, л. 19, статья XXXV). Естественно, что в 1775 г., после подавления восстания Пугачева, Новиков при перепечатке этой статьи удалил все, что отражало крепостнические взгляды анонимного

автора, сохранив лишь то, что могло содействовать просветительскому характеру журнала.

Таким образом, совершенно несостоятельно утверждение Г. П. Макогоненко, что в третьем издании напечатаны одни только произведения Новикова.

Другим доводом Г. П. Макогоненко за то, что третье издание «Живописца» состоит целиком из произведений Новикова, является истолкование им значения слов «мои сочинения».

Хотя слово «сочинение» имело в XVIII в. и наше современное значение как «произведение» (например, «Сочинения и переводы Василья Тредиаковского», 1752; «Сочинения и переводы Владимира Лукина», 1765), но с 1750-х годов вплоть до конца века оно употреблялось и в значении «журнал».

1) Так, первый литературно-научный академический журнал назывался «Ежемесячные сочинения», позднее был журнал «Новые ежемесячные сочинения» и т. д.

2) В объявлении об издании журнала «И то, и се» сказано, что «еженедельное сочинение под именем И то, и се, которое продолжаться будет целой год и выходить по вторникам, продается там-то.¹ Журнал «Ни то, ни се» в объявлении назван «новым сочинением» (Неустроев, стр. 136), «Полезное с приятным» — «полумесечным периодическим сочинением» (там же, стр. 139), «Смесь» — «новым еженедельным сочинением» (там же, стр. 144).

3) Сам Новиков, называя «Трутень» на титульном листе «еженедельным изданием», в объявлении именовал его «новым еженедельным сочинением» (там же, стр. 148), а «Живописец» и на титульном листе был назван «еженедельным сочинением».

4) Даже третье издание «Живописца», как гласит титульный лист, называлось «еженедельным сатирическим сочинением», хотя разделение на листы, как указывалось выше, не было сохранено.

5) Слова Новикова «мое сочинение» и «журнал мой» имеют один и тот же смысл. Все встречающиеся в предисловии «К читателю» выражения «сочинение» и «сочинения» имеют только такой журнально-жанровый смысл: «Если бы я был самолюбив, то скорый сей расход Живописцу неотменно поставил бы на счет достоинства моего сочинения». Совершенно ясно, что, говоря о расходе первых двух изданий «Живописца», Новиков уж ни в коем случае не думал, что в этих изданиях все принадлежит ему.

¹ СПб. ведомости, 1769, 30 января, № 9; цит. по Неустроеву, стр. 132.

«Сие сочинение [т. е. этот журнал — первое и второе издание «Живописца»] попало на вкус мещан наших».

«Впрочем, должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменял, иное исправил, другое заключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями [т. е. из других моих журналов, «Трутня» прежде всего]. «Сие сделал я по примеру французских писателей, которые весьма часто сие употребляют для лучшего расхода своих сочинений». Действительно, французские журналисты, переиздавая такие журналы, как «Misanthrope», «Nouveau spectateur françois», «Mentor moderne» и пр., поступали подобно Новикову, и слова «для лучшего расхода своих сочинений» имеют только один смысл — «для лучшего сбыта своих журналов».

Невнимание Г. П. Макогоненко к семантике слова «сочинение» и «сочинитель» приводит его к явной непоследовательности. Если слово «сочинение» надо понимать только в нашем современном смысле, то, следовательно, и «сочинитель» должно означать не «редактор», а «автор». В таком случае, чтобы быть последовательным, — а для исследователя это *conditio sine qua non*, — Г. П. Макогоненко должен признать журнал «Пустомеля» изданием Д. И. Фонвизина, а не Новикова: ряд статей в «Пустомеле» подписан «С. П.», что значит «Сочинитель Пустомели»; в «Пустомеле» напечатано «Послание к слугам моим» Фонвизина; значит, если следовать толкованию Г. П. Макогоненко, «Сочинителем [т. е. автором] Пустомели» является Фонвизин.

Между тем Новиков еще в первом издании «Живописца» (1772, л. 3, стр. 24) называл себя «сочинителем сего журнала» (цитата приведена нами выше), то есть не «автором», а «редактором-издателем». Впрочем, и слово «автор» в новиковское время имело не вполне тот смысл, который вкладываем в него мы. Фразы «Автор к самому себе», «Ты делаешься автором, ты принимаешь название Живописца» (л. 2) и «Приняв название Живописца и сделавшись автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей» (л. 3) означают, что слово «автор» понимается Новиковым не как «писатель», а как «редактор»: «Они [читатели], — продолжает Новиков, — без сомнения потребуют в каждую неделю полулиста моего сочинения». Так как «сочинение» означает «журнал», то следовательно «автор еженедельных листов» означает «редактор, издатель еженедельного журнала».¹

¹ Н. К. Гудзий в рецензии на книгу Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», в которой повторено утверждение, что третье издание «Живописца» — собрание сочинений Новикова, — отвергнув эту точку зрения, высказал предположение о «коллек-

Таким образом, отпадает и второй, якобы неотразимый, довод Г. П. Макогоненко в пользу выдвинутой им гипотезы.

Остается признать, что третье издание «Живописца» не является «собранием сочинений» Новикова, а представляет отбор лучших сатирических произведений разных авторов, преимущественно Новикова, Фонвизина, а также Радищева, Сушковой и других, ранее печатавшихся в «Трутне» и первом издании «Живописца».

И хотя гипотеза Г. П. Макогоненко оказывается основанной на несостоятельных доводах, надо быть благодарным ему за полную перепечатку третьего издания «Живописца».¹

«СТАРИНА И НОВИЗНА»

(1772—1773)

Издававшийся В. Г. Рубаном как сборник (первая часть которого вышла в августе 1772 г., а вторая — в 1773 г.), этот журнал был именно теми «полугодовыми трудами», о предполагаемом выпуске которых говорил издатель «Трудолюбивого муравья» на последней странице своего журнала.

Сборник этот еще в меньшей мере может считаться сатирическим изданием, чем два предыдущие журнала Рубана. Если не считать нескольких переводов из Вольтера, то сатирического элемента, в особенности связанного с русской жизнью, в «Старине и новизне» вовсе не найти. Однако помещенные здесь исторические и старые литературные материалы, извлеченные из различных архивов, представляют интерес. Своеобразным вызовом общественным приличиям было помещение во второй части сборника (стр. 190—192) «Оды в похвалу любви», представляющей отредактированную Рубаном «Оду» И. С. Баркова: тогдашним любителям литературы «Ода» Баркова была безусловно известна, и напечатание ее, даже в исправленном виде, производило впечатление скандала.

В «Старине и новизне», кроме Рубана, принимали участие братья Ал. Г. и М. Г. Спиридовы, Ив. Вейдемайер, кн. И. А. Вяземский, Г. Р. Державин (здесь было первое его выступление в печати, впрочем без его ведома), Ал. Протасов, Г. Федоров, кн. Е. С. Урусова, М. М. Херасков и др.²

тивности автора» «Живописца» (Большевик, 1951, № 21, стр. 71). С этой гипотезой согласиться, ввиду недостаточности аргументации, трудно.

¹ Русская проза XVIII века, под ред. Г. П. Макогоненко и А. В. Западова, ч. 1, стр. 322—448.

² Тихонравов Н. С. В. Г. Рубан. — Соч. Н. С. Тихонравова. М., 1898, т. III, стр. 175—176.

«Старина и новизна» печаталась в количестве 500 экз. в типографии Академии Наук.¹

Вторым выпуском «Старины и новизны» журнально-издательская деятельность Рубана закончилась.

«ВЕЧЕРА»

(1772—1773)

«Вечера» издавались небольшим литературным обществом в течение 1772—1773 гг. Так как почти ни одна статья, напечатанная в журнале, не имеет подписи и в литературе последующего времени не сохранилось каких-либо сведений о «Вечерах», то до сих пор документально не установлено, кто был редактором этого издания и кто в нем принимал участие. В первом номере «Вечеров», в статье, открывающей журнал, редактор сообщает, что издание это возникло в дружеской среде, желающей содержательно проводить свой досуг. «Мы все составляем небольшое общество, сие общество вознамерилось испытать, может ли благородный человек один вечер в неделе не играть ни в вист, ни в ломбер, и сряду пять часов в словесных науках упражняться». Затем редактор более подробно описывает участников салона: «К нам приходят от лица Минервы, разделять с нами приятные вечерние часы. Тут сходятся Фемидины наперсники, в наших опытных вечерах ревностное участие приемлющие. Сыны Марса, труды словесного вечера на себя принимающие: вот все наше общество» (стр. 7).

Несмотря на то, что журнал был анонимным, тем не менее в литературе существует мнение, что «Вечера» издавались М. М. Херасковым, жившим с 1770 г. в Петербурге. Вокруг него и его жены Е. В., тоже писательницы, группировались поэты, близкие им по направлению, — В. И. Майков, А. А. Ржевский, А. В. Храповицкий, И. Ф. Богданович и др. Если сопоставить с данными о салоне Херасковых приведенный отрывок из первой статьи «Вечеров», то окажется полное совпадение: «от лица Минервы», богини мудрости, покровительницы наук, приходил А. А. Ржевский, бывший с 29 мая 1771 г. по 25 октября 1773 г. вице-президентом, а одно время и о. президента Академии Наук; «Фемидиным наперсником» должно признать В. И. Майкова, прокурора военной коллегии с 15 марта 1770 г.; наконец, среди «сынов Марса», посещавших вечера Херасковых, безусловно считался А. В. Храповицкий, состоявший в 1772 г. при фельд-маршале гр. К. Г. Разумовском генерал-аудитор-лейтенантом.

¹ Семенников, назв. соч., стр. 70.

Повидимому, принимали участие в журнале и другие лица. Так, Л. Н. Майков называет Е. В. Хераскову, М. В. Храповицкую-Сушкову и В. Светова.¹

Журнал Хераскова нельзя сравнить с начавшим выходить несколько позднее, но в том же 1772 г. «Живописцем» Новикова или каким-либо другим из серьезных сатирических изданий 1769 г. Сатирический элемент в «Вечерах», несмотря на то, что на титуле журнала помещена виньетка, изображающая сатира, очень незначителен и далеко уступает любому из хороших журналов 1769—1772 гг. Такова, например, статья «Воспитатели», развивающая тему о худых гувернерах-французах, которая встречалась в «Трутне», в «Адской почте», «Полезном с приятным», «Всякой всячине», а позднее, и с гораздо большим талантом, — в «Кошельке». Таковы статьи: «Что вижу, то и брежу» (вечер 10, стр. 73—76), писанная женщиной, возможно Е. В. Херасковой;² «Для известия» (вечер 20, стр. 153—155) — нечто вроде подражания, очень слабого, «Ведомостям» «Трутня» и «Живописца»; «Упражнение отставных» (вечер 7, стр. 49—52) — едва ли не лучшая сатирическая пьеска в журнале, представляющая галерею типов дворян, воспользовавшихся «вольностью дворянское» (1762) и в праздности проводящих свою жизнь. Но, в общем, прав был один из корреспондентов журнала, писавший так: «Естьли вы любите правду, то могу вам сказать, что сатир ваш только что смеется и осмехает, а не кусает и не язвит, как в нынешнее или, не помню, в которое-то время многие вздумали, — продолжает он, намекая на «Адскую почту» и «Ведомости» «Трутня», — что пасквили суть сатиры высокого слога и достойны удивления и похвалы» (ч. II, вечер 23, стр. 178).

И литературная полемика «Вечеров» имеет такой же блеклый, невыразительный характер, как и их сатира. Участники журнала, повидимому, принципиально отказывались от всякой «критики». Не без некоторой доли иронии поместили они среди юмористических объявлений в статье «Для известия» следующее: «Знающий человек приискивать ключь ко всякому сочинению и умеющий хорошо угадывать, что имянно на кого написано, из любви к правде и дружелюбию, намерен как прежние еженедельные из-

¹ Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII ст., стр. 405 и 407.

² В статье «Что вижу, то и брежу» идет речь о некоем патриоте, обвиняемом своими согражданами в фанатизме. Возможно, имеется в виду Новиков. Во всяком случае, в статье «Автор к самому себе» («Живописец», лист 2, стр. 15) Новиков, несомненно намекая на эту статью, писал: «Тут предстает перед мои глаза толпа писателей, которые то бредят, что видят. Их сочинения иногда читают, но ничего им не отвечают. — О, пребедные авторы! ваша участь достойна сожаления».

ВЕЧЕРА,
еженедѣльное изданіе

на
1772 годѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

«Вечера» (1772).

дания, так и наши Вечера ясно толковать и через то со всей охотой перессорить друзей с друзьями и братьев с братьями. Все сие он будет исправлять даром, из одного доказательства, сколько он правдушен и догадлив. Живет в трактире под знаком телянка, в скотской улице, наименованной Злоречие» (вечер 20, стр. 115).

Тем не менее в «Вечерах» можно уловить несколько ноток полемического тона. Так, в вечере 5 (стр. 40) напечатана была басня «Пчела и Муравей», явно метившая в издававшийся в том же 1772 г. журнал Рубана «Трудолюбивый муравей», названный так по аналогии с сумароковской «Трудолюбивой пчелой» (1759). Кончается басня так:

[Пчела] разгневалась на речи столько грубы,
 Надула губы
 И сей дала продержку [Муравью] ответ:
 «То правда, что и ты трудишься очень много,
 Но ежели дела рассмотрят наши строго,
 Так будет в них довольно разноты:
 Я, делая соты,
 Преображаю в них и розу и навоз,
 А ты
 Из самых лучших роз,
 Да делаешь навоз».

К наиболее ярким проявлениям полемической струи в «Вечерах» относится стихотворение «Мысли», приписываемое А. В. Храповицкому. В этом стихотворении встречаются обычные в тогдашних журналах нападки на Лукина и В. Петрова; при этом о Петрове в «Мыслях» говорится дважды: в первый раз — в стихах 27—30, вторично — в стихах 61—72. И Афанасьев, и Л. Н. Майков, и ряд других авторов останавливали свое внимание на первых стихах, затрагивающих В. Петрова:

Кто несколько стихов негодных издал в свет,
 Уже меж многими Виргилием слывет;
 Кто портит только слог певцов преславных россов,
 Уже считается второй здесь Ломоносов

(стр. 30).

Гораздо любопытнее второй намек на Петрова в стихотворении Храповицкого:

А естли хочешь ты пленить умы людские,
 Старайся только в стих збирать слова такие,
 Которых бы никто совсем не разумел,
 Чтоб стих твой у тебя без разума гремел.
 Такие то у нас певцы в великой моде,

Которые совсем идут вопреки природе.
 Когда прямую мнишь победу одержать,
 Старайся только их ты слогу подражать.
 Пиши поэмы ты и оды пухлым слогом,
 То будешь возглашен от всех парнасским богом.
 Чем будет более затменных мыслей в ней,
 Тем более хвалы услышишь от людей

(стр. 31).

Несмотря на очевидную резкость этих стихов, нужно отметить, что они представляют уже вторую, смягченную редакцию, присланную по предложению издателей «Вечеров». Дело в том, что издатели журнала поместили в вечере 25 первой части следующие, характеризующее их осторожность и стремление избежать неприятностей извещение: «Остерегаясь, чтобы нашими Вечерами не навести на себя неудовольствия, письмо г. Доброхотова напечатано не будет; также и стихи под именем мысли вмещены не будут же, потому что во оных есть критики, могущие нас с некоторыми писателями поссорить, однако ежели сочинитель оных позволит выкинуть те стихи, которые нам показались сумнительны, и букву, метящую в одного писателя, то оное сочинение напечатается» (стр. 200).

Через некоторое время в «Вечерах» было напечатано письмо Ненезнакомого (Храповицкого), где, между прочим, говорилось следующее: «В посланных мною к вам Мыслях, щитая от 61 до 69 стиха, уничтожаю, а на место их посылаю к вам восемь других, которые, мне кажется, не столько колки, как прежние» (ч. II, стр. 29). Очевидно, именно в этих замененных стихах была и «буква, метящая в одного писателя».

Если отбросить сатирические и полемические произведения «Вечеров», то останется значительное количество материалов художественно-литературных. Эстетическая ценность этих произведений очень невысока, но некоторый историко-литературный интерес они представляют. Оставляя в стороне «литературные безделки», вроде задач, загадок, буриме и т. п., следует остановиться на трех группах художественных произведений в «Вечерах»: идиаллиях (оригинальных и переводных), переводах из юнговых «Ночей» и переводах «Поцелуев» Иоанна Секунда.

В «Вечерах» на всем протяжении их издания было напечатано столько идиаллий, эклог, сцен из пастушеской жизни, что не без основания можно полагать, что именно этот журнал имел в виду Новиков, характеризуя во втором листе «Живописца» (стр. 13—15) автора идиаллий.

Но, пожалуй, еще злее, чем Новиков, осмеляли свои слащавые, неискренние эклоги и идиаллии сами участники «Вечеров», напечатав в своем журнале пародию на излюбленный ими жанр:

Эклога

Где снега вечные и стужи где несносны,
 Терновые кусты растут, высоки сосны,
 Стояла хижина, и это все не ложь;
 Та хижина была из рваных все рогожь,
 Пастушка там сидит, жвав руки на пенечке,
 В печальном рубище, в замараной сорочке,
 И как лучинками поджареной котел
 С приятной кашицей довольно уж кипел,
 Пастушка к высоте простерла очи неба,
 Вещая: «Нет у нас куска к обеду хлеба.
 А ты, неверный мой и лютой пастушок,
 На рынок потащил с волвянками мешок.
 Пошел и в хижину ко мне не возвратился.
 Конечно, на шинке неверной очутился
 И все дражайшие товары распродал,
 Иль пьяный где сидишь или лежишь нездрав».
 Такие пени ей из сердца вырывались,
 По хижине они, как бубны, раздавались.
 Потаявал под ней от плача белый снег,
 И глас ее, как шум, во все углы пробег.
 Померкло над главой и небо тут хрустально,
 И очень было в сем пастушку зреть печально.
 Мне кажется, из ней ушел бы в тартар дух.
 Когда бы не пришел нечаянно пастух
 И хлеб красавице с учтивостью не подал,
 Который он купил за то, что ныне продал.
 Тут горесть скрылася с пастушкина чела,
 И кошка с радости мяукать начала.
 Пастух красавицу по роже глядя нежит,
 Рассказывает все, краюшку хлеба режит,
 Садятся за пустой любовники обед,
 Светлые кажется обем солнца свет,
 И кушают они, подставя два колена,
 Набивши целый рот и высунув колена;
 Очистили они и ложки и горшки.
 Так весело живут российски пастушки!

Такая травестированная эклога представляет несомненно явление любопытное. Проникнутая одним направлением с «Елисеем, или раздраженным Вакхом» Майкова, возможно им и написанная, так как слишком похожи манера письма и грубоватость юмора в обоих произведениях, «Эклога» эта, может быть, и была сочинена под влиянием Новикова, после его саркастической, издевочной характеристики поэта-идиллика. Последняя реплика Новикова — «Бедный автор, ты других и себя обманываешь» — имеет большое значение как документ, свидетельствующий о том, что эстетика Новикова требовала от литературы не «обольщающего обмана», не украшения, а правдивости и искренности. Автор «Эклоги» как бы отвечает: «а, ты требуешь правдивого изображения, требуешь неприкрашенной наготы, — вот тебе!» —

и создает по замыслу травестированную идиллию для посрамления Новикова, а по существу пародию на культивируемый «Вечерами» жанр. И хотя и после этой «Эклоги» в журнале продолжали печатать «пастушеские сочинения», тем не менее, самый факт помещения пародии на идиллический жанр уже вносил в сознание читателей новое отношение к эклогам и идиллиям, разрушая целостность прежнего восприятия.

К числу новых литературных явлений в «Вечерах» должно отнести и переводы из «Ночей» Эд. Юнга, этого провозвестника «кладбищенской» поэзии. Перевод этот прозаический, повидимому сделан с французского перевода 1769 г. и носит название «Вторая Иунгова ночь о времени, смерти и дружбе» (вечера 14—17, стр. 105—136). Он приписывается М. В. Храповицкой-Сушковой. Эта публикация «Вечеров» была первым русским переводом из Юнга и представляет одно из самых ранних проявлений интереса к преромантизму в русской литературе.

Нельзя также не отметить появления на страницах «Вечеров» четырех переводов «Поцелуев» новолатинского поэта голландца Иоанна Секунда (Johannes Secundus Everaertes 1511—1536). Кто был автором этих переводов, сейчас нам не известно, но самый факт обращения к такому мало распространенному, но, тем не менее, прекрасному, тонкому поэту (пускай через посредство французского перевода — на это указывает форма «из Иоанна П. Евварда») делает честь вкусу переводчика.¹ Переводы эти очень недурны, в особенности «Поцелуй V» (Как страстно ты меня, Неара, обнимаешь...», ч. II, вечер 8, стр. 61—62) и «Поцелуй X» («Приятное в душе раждающие свойство...», там же, стр. 62—63). В сопроводительном письме переводчик просит редакцию напечатать посылаемые им стихотворения «не для перевода моего, но ради автора, который в сих простых и мало-важных чувствах столь постиг естество, что едва ли кто с ним поравняться может и из славных стихотворцев» (там же, стр. 60—61).

Непритязательный, миролюбивый журнал Хераскова и его салона едва ли мог рассчитывать на большой успех среди читателей в то самое время, когда выходил лучший из новиковских журналов — «Живописец». И действительно, архивные данные свидетельствуют, что «Вечера» печатались всего в количестве 500 экз.²

¹ Как мне любезно указал Б. В. Томашевский, в основу перевода было положено издание 1771 г. с параллельным французским прозаическим переводом, принадлежащим Мутоне де-Клерфону (Moutonnet de Clairfons).

² Семеновиков, Русские сатирические журналы, стр. 86.

Впрочем, в некоторых кругах читателей «Вечера» были встречены благоприятно, и в 1788 г. вышло в Москве в типографии Новикова второе издание этого журнала с сохранением в полном виде текста и опущением деления на «вечера».

«КОШЕЛЕК»

(1774)

«Кошелек», издававшийся с 8 июля по 2 сентября 1774 г., был последним из сатирических журналов Новикова и одновременно последним в ряду сатирических изданий 1769—1774 гг. Закрывтие «Живописца» в 1773 г. не прекратило журнально-издательской деятельности Новикова, изменился только характер этой деятельности: вместо сатирических листков, откликавшихся на злобу дня, вместо негодующей и язвительной сатирической хроники современности Новиков обратился к прошлому и стал издавать «Древнюю российскую вивлиофику, или собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев».

Выпуская в свет это специальное издание, которое могло представить интерес лишь для немногих и, конечно, не давало материальных выгод, подобно «Трутню» или «Живописцу», Новиков не мог рассчитывать на большой успех. Но, повидимому, для Новикова была важна самая возможность показать родную старину русскому читателю, в особенности читателю из высших кругов общества, относившихся пренебрежительно к национальным культурным ценностям и к родной истории и исповедовавших своеобразный космополитизм, точнее — проникнутых рабской влюбленностью в самые слабые, внешние стороны французской цивилизации. Незадолго до этого времени в Париже появилась книга некоего аббата Шаппа д'Отероса «Путешествие в Сибирь», в которой автор легкомысленно и с развязностью судил о России и русских. Эта книга вызвала большое волнение и среди галломанствующих верхов, и среди передовых дворянских интеллигентов того времени, с любовью относившихся к народу, к родной культуре, к русской истории. «Древняя российская вивлиофика» и должна была служить ответом придворным французолубам. Обращение Новикова к древностям вполне устраивало Екатерину — едкий, остроумный и темпераментный журналист, незаурядный полемист и прирожденный, так сказать, литератор, Новиков был для Екатерины более удобен в качестве

КОШЕЛЕКЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

СОЧИНЕНІЕ

1774 ГОДА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

«Кошелек» (1774).

издателя исторических материалов, нежели как сатирический писатель, трактующий современность. Поэтому Екатерина несколько раз давала Новикову субсидию на издание убыточной «Вивлиофики», сообщала ему через своего секретаря Козицкого исторические материалы для опубликования в журнале, наконец разрешила ему пользоваться архивами для извлечения нужных рукописей.

подавить, однако, в себе тягу к сегодняшнему дню Новиков не мог. В «Предисловии к читателю», помещенном в первой части «Древней российской вивлиофики», Новиков четко поставил вопрос об издании нового журнала в связь с «зараженностью Франциею» известной части общества.

Но для Новикова, привыкшего регулярно беседовать со своими читателями по вопросам текущей общественной жизни, «Вивлиофика», при всей ее значительности и научной, и национально-воспитательной, все же не могла заменить издания сатирического журнала. И он делает последнюю попытку — четвертую по счету! — наладить выпуск периодического «сочинения», опять-таки сатирического характера. В бумагах Г. В. Козицкого сохранилось письмо Новикова от 8 июня 1774 г. с просьбой поднести Екатерине первый лист «еженедельного сочинения, вновь выходящего».¹ Из контекста явствует, что издание «Кошелька» было предпринято без ведома Екатерины, поэтому, посылая Козицкому третий лист своего еженедельника, Новиков, из опасения с закрытием «Кошелька» потерять и эту возможность общения с читателем, просит Козицкого уведомить его, «угодны ли сии листы» Екатерине. «Ибо сие одно, — пишет он, дипломатически маневрируя, — и есть моею целию, чтобы всегда делать ей угодное. Сие бы самое уведомление послужило мне ободрением к продолжению оных».²

Но, повидимому, ободрения не последовало, и, выпустив еще несколько номеров своего еженедельника, Новиков вынужден был напечатать в одном из них, последнем, слова — «Конец Кошелька». Это было неизбежно. Хотя опыт трех первых журналов многому научил Новикова и он уже не касался в «Кошельке» основных вопросов тогдашней русской жизни, — крепостного права, развращенности двора, продажности чиновничества, — но даже в той завуалированной форме, в какой Новиков изображал галломанов и французов, говорить о высшем французозофильском обществе было признано предосудитель-

¹ Письма Сумарокова, Щербатова и Новикова к Г. В. Козицкому. — Летописи русск. литерат. и древн., издаваемые Н. Тихонравовым, 1862, т. IV, отд. III, стр. 45.

² Там же.

ным. Как ни относиться к выдумкам М. Н. Макарова, писавшего в конце 30-х годов XIX в. о журналистике екатерининских времен, но полностью считать их ложью нет оснований, — кое-что в сообщениях Макарова, вероятно, отвечает реальным фактам. Поэтому нельзя считать невозможным, что есть что-то правдоподобное в приводимых им сведениях о том, что нападки Новикова в «Кошельке» на французов вызвали недовольство французского посланника, характеризовавшего это издание как орудие английских интриг.¹ Вполне реально и то, что в домах таких вельмож, как ген.-прокурор кн. А. А. Вяземский и А. А. Ржевский, неодобрительно толковали о новиковском журнале.²

Неверно было бы отождествлять позицию Новикова в «Кошельке» с позицией более поздних «борцов с Западом», вроде адмирала Шишкова и его соратников. Ссылки на авторитет Плеханова в данном случае едва ли правильны. Можно с уверенностью повторить справедливое наблюдение Добролюбова: «Замечательно, что в сатирических нападках на французов экономическая и внешняя сторона играет очень видную роль, а собственно идеи французов не подвергались осмеянию до самого того времени, как политическое движение во Франции заставило их опасаться. В 1770 годах, напротив, господствовало даже и в обществе, и в самой литературе полнейшее уважение и к господину Вольтеру, и к Женевскому философу Жан-Жаку Руссо, и к ученому Дидероту и пр.»³ В «Кошельке» Новиков выражает полное сочувствие и уважение европейской науке в лице немецкого профессора, в уста которого он вкладывает свои собственные мысли и взгляды. Этот профессор уличает французского проходимца-парикмахера (т. е. «обрабатывающего» голову с внешней стороны), выдающего себя за Шевалье де-Мансонжа (*pepsonge* — ложь), в абсолютном невежестве: «Между нами скажут, вы и сами, кроме французского языка, ничего не разумеете... Вы воспитанием своим удобнее можете развратить, а не исправить сердце юного своего воспитанника, сделаете таковым, каких ко стыду России видел я довольно проезжающих мою отчину...» (стр. 33—35). И дальше этот профессор, идейный рупор Новикова, говорит то, что, по существу, является основным: «Разумные россияне, кроме вертопрахов, уважают уже не тебя, француза, но язык французский» (стр. 45). Это значит, что поверхностная галломания, усвоение внешних элементов французской цивилизации верхами русского общества, оттолкнув

¹ Отечественные записки, 1839, № 1, отд. VIII, Смесь, стр. 38.

² Там же, стр. 39.

³ Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, стр. 191.

сознательную часть русских писателей того времени от французов — проводников подобного влияния, вместе с тем не заставили их отвернуться от французской культуры в целом. На всем протяжении «Кошелька» нельзя найти критики французских «идей» как таковых. Даже наиболее близкое к этому место изложено так, что не дает основания соглашаться с утверждением, что задача «Кошелька» заключалась в прославлении российских добродетелей древних времен и в дискредитации Франции и тем самым новой французской философии. Вот что писал Новиков в этом единственном более или менее подходящем к критике «идей» месте «Кошелька»: «Ныне развращение во нравах учителей наших столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли, и столь далеко умствованиями своими заходят, что во аде рай свой найти уповают...» (стр. 9).

Так как «учителями» Новиков на всем остальном протяжении «Кошелька» рисует французов типа Шевалье де-Мансонж, то было бы неправильно обобщить это цитированное место и отнести его ко всей «новой французской философии». Здесь речь идет только о моральной нечистоплотности французских авантюристов, приезжающих в Россию *pour être outchitel*, и ни о чем больше. Новиков о «развращении нравов учителей» собирался поговорить «пространнее на своем месте» (стр. 9). Напечатан в листе четвертом и пятом «письмо защитника французов», Новиков предупреждал, что имеет в виду ответить на это письмо; шестой, седьмой и часть восьмого листа были заняты присланной со стороны (см. ниже) пьесой «Народное игрище», но и в предисловии к этой публикации Новиков снова подтверждал, что его «ответ на письмо защитника французов будет помещен в предь» (стр. 82). Однако в печать этот ответ не попал, и безусловно под цензурным воздействием. Чтобы не быть голословным, приведу факты. Уже в листе четвертом, печатая письмо «защитника французов», Новиков сделал ряд мелких купюр, легко, впрочем, восстанавливаемых и касающихся вопросов религии; но в листе пятом пропуски более значительны (один занимает почти всю стр. 70, другие — части стр. 71 и 72; Новиков делает к этим купюрам примечание, не оставляющее сомнений в том, что здесь имело место именно цензурное вмешательство: «Здесь я против желания моего принужден был многое выключить из сего писма», — стр. 70). Но, помимо этих пропусков, в «Кошельке» можно обнаружить еще один, и гораздо более крупный. Если проверить нумерацию листов «Кошелька», все окажется в порядке, счет идет от листа первого до девятого включительно. Однако, если обратить внимание

на пагинацию, то оказывается, что за стр. 112 (конец листа седьмого) идет сразу стр. 129, т. е. выпадает 16 стр., иными словами, целый лист. И так как «ответа на письмо защитника французов», дважды обещанного Невиковым, в журнале нет, можно с уверенностью предположить, что именно оно и находилось в этом злополучном листе восьмом (стр. 113—128); после запрещения цензурой этого листа Новиков, чтобы не нарушать общего счета номеров журнала, назвал следующий снова восьмым, но для того, чтобы читателям была ясна цензурная урезка, сохранил пагинацию с учетом не выпущенных в свет страниц.

В «Кошелек» была помещена комедия «Народное игрище», очень слабая в художественном отношении, с грубо крепостнической тенденцией: у идеального помещика все идет хорошо. Это — ответ на пугачевское движение; это — урок злонаправленным дворянам, но методами не сатиры, а идиллии. Помещение подобной комедии в журнале Новикова, печатавшего прежде «Копии с отписок», «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***», «Письма к Фалалею» и тому подобные антикрепостнические произведения, представлялось бы крайне странным, если бы не было известно, что эта пьеса прислана была «со стороны», и безусловно из екатерининского окружения. То обстоятельство, что для ее публикации Новиков принужден был экстренно отложить печатание текущего материала, именно ответа «защитнику французов», говорит о том, что издателю «Кошелек» предложено было немедленно поместить эту бездарную и слащавую идиллию. Существует совершенно необоснованная версия о принадлежности этой пьесы кн. Е. Р. Дашковой. К. К. Истомина выдвинул точку зрения, будто автором «Народного игрища» был близкий ко двору Д. В. Волков, автор комедии «Воспитание» (1774).¹ Кто бы ни был действительным автором, очевидно — это было лицо придворного круга. Во всяком случае, нельзя делать Новикова ответственным за взгляды, какие проведены в этой комедии. Возможно, под влиянием пугачевского движения политические убеждения Новикова, как и некоторых других писателей того времени, стали более умеренными, но, тем не менее, и надо стучать краски и винить Новикова за пошлую, бездарную пьесу.

В литературе о сатирических журналах и в биографических работах о Новикове обычно указывается, что название «Кошелек» было дано журналу с каламбурной целью: слово «кошелек» тогда означало не только то, что и теперь (портмоне), но и

¹ В докладе, сделанном весной 1937 г. в группе XVIII в. Института литературы АН СССР; ср. также его статью в «Сборнике в честь акад. А. С. Орлова». Версия о Дашковой — у Семенникова (стр. 58).

сетку, надевавшуюся на косу, которую носили в те времена и мужчины-дворяне, а также чиновники и солдаты. Сам Новиков во вступительной статье «Вместо предисловия» говорит, что «причину избрания заглавия сему журналу... [читатель]... усмотрит из Превращения русского кошелька во французской, которое сочиненьице здесь помещено будет» (стр. 10). Обещанное «сочиненьице» не было опубликовано, но в «письме защитника французов» есть интересное место, показывающее замысел Новикова. «Защитник французов» пишет: «Не желаете ли, чтобы науки, в Россию помощью обращения со французами с великим трудом введенные, опять оные из России изогнаны были вместе со французами? Не того ли вы ищите, чтобы бросили французское платье, претворившее нас из варваров в европейцев? — Здесь я разумею острую и замысловатую вашу шутку о введении в Россию французских кошелев; и если я не ошибаюсь, то, кажется мне, что вы разумели здесь французские кошельки [не]¹ те, кои с некоторого времени почти все европейцы начали носить на волосах, а под именем кошелька вы разумели все французское платье, вместо старого русского употребляемое» (стр. 57—58). Иными словами, «Кошелек» для Новикова — символ всей внешней стороны французской цивилизации. А «русский кошелек» — это те старинные добродетели, то «золото», которое было отдано за «французский кошелек», понимаемый, как это разъяснено в связи с письмом «защитника французов».

В девятом листе «Кошелька» была помещена «Ода России» начинавшего писателя Аполлоса Байбакова, впоследствии ставшего известным своими «Правилами пиитическими», выдержавшими множество изданий.² На этом листе издание прекратилось, очевидно под давлением цензуры.

О тираже «Кошелька» сведений не сохранилось.

ЗНАЧЕНИЕ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1769—1774 гг.

Сатирическая журналистика 1769—1774 гг. представляет бесспорно самое значительное общественное и литературное явление в истории русской журналистики XVIII в. В самой постановке ряда вопросов, волновавших писательскую среду того времени, в методах и формах разрешения этих вопросов, в темпераментности и страстности тона почти не прекращавшейся

¹ В оригинале «не» отсутствует, но оно необходимо по контексту.

² Сухомлинов М. И. История Российской академии, т. IV, стр. 469—470.

полемики — во всем этом проявились лучшие стороны тогдашней русской литературы и определилось, — наряду с другими фактами и факторами русской жизни, в значительной мере и под влиянием этой журналистики, — развитие прогрессивных тенденций в литературе последующего времени. Конечно, сказанное относится, в первую очередь, к журналам Новикова, отчасти к его союзникам — «Смеси» и «Адской почте». Во всяком случае, воздействие сатирической журналистики этих лет на дальнейшее творчество Фонвизина, на раннего Крылова и так далее, вплоть до Грибоедова (на последнего, конечно, не непосредственно, но как известная традиция), едва ли оспоримо.

Сатирические журналы 1769—1774 гг. показали и правительству и народу, что литература делается серьезной общественной силой и помогает оформлению общественного мнения. Именно этой причиной обусловлены были цензурные придирки и преследования передовых журналов, именно эта боязнь пробуждения в народе сознательного отношения к социальным проблемам влекла за собой закрытие лучших изданий этого периода. В этих журналах передовые писатели боролись за право на независимую, не опекаемую екатерининским правительством мысль, за право на критику представителей верховной власти и их окружения, за право на самоуважение.

Вместе с тем, в сатирической журналистике тех лет серьезное, честное отношение к критике социальных бедствий эпохи требовало простоты и точности в изображении действительности.

Борясь с фальшивыми уверениями Екатерины и ее окружения о том, что положение крепостных превосходно, Новиков и его сотрудники и журнальные соратники, Эмин (в меньшей степени) и Сичкарев (в большей), противопоставляют им картины подлинной русской крестьянской жизни того времени.

Это порождало — в недрах классицизма, господствовавшего тогда в нашей литературе, — нарастание реалистических элементов. Больше того, некоторые статьи в журналах Новикова и в «Смеси» представляют не только «нарастание», но и несомненные этапы в развитии русского «критического реализма», в особенности это относится к «Копиям отписок», к «Отрывку путешествия в*** И*** Т***», к «Письмам к Фалалею». И тем самым сатирическая журналистика полностью опровергает распространенное мнение, будто в условиях классицизма проникновение реалистических элементов допускалось только для жанров комических и для вящего комизма. Требование «не обманывать ни себя, ни других», выставленное Новиковым в «Живописце», — это программа, идущая вразрез с эстетикой класси-

цизма и, больше того, порывающая с ней. Кажущаяся идентичность этих требований с «правдой», «естественностью» канонических «искусств поэзии» классицизма не должна закрывать перед исследователем и читателем подлинного своеобразия русской трактовки этих проблем.

Необходимо отметить и исключительную гибкость, легкость и чистоту языка сатирических журналов. На эту сторону вопроса в дореволюционном литературоведении обратил внимание едва ли не один только Добролюбов. Между тем, как этап в создании русского литературного языка, лучшие образцы художественной продукции этих журналов ближе стоят к языку XIX в., чем проза и, тем более, стихи последней четверти XVIII в. Язык Фонвизина (в комедиях), Крылова и Грибоедова не понятен без учета речевой практики сатирических журналов 1769—1774 гг.

Подводя итоги деятельности сатирической журналистики тех лет, отмечая ее значение как фактора общественности, как этапа в развитии русского языка, как одного из важнейших звеньев в развитии «критического реализма», нельзя не выделить особо фигуру Новикова. Последующая, масонская, полоса жизни этого замечательного писателя и общественного деятеля, объем, характер и значение которой сильно преувеличивались буржуазными литературоведами, — дальше будет показано, что и в этот период Новиков во многом остался верен своим прежним взглядам, — не должна влиять на оценку той исключительной и, в условиях того времени, прогрессивной роли, какую он играл в период 1769—1774 гг. Несомненно, он — центральная фигура этой журналистики. Историей не будут забыты высокое благородство поставленных им целей, остроумие, меткость полемических ударов, смелость и решительность в борьбе, наконец, преследования, которым подвергались все его сатирические издания. Но и Новиков, конечно, был человеком своей эпохи. Добролюбов был прав, говоря, что сатира екатерининского времени не добралась до «сути дела», т. е. до подлинного анализа и последовательной критики, а значит, и революционной борьбы с крепостным правом. Новиков в этом вопросе был умереннее, чем некоторые из его сотрудников, в частности Радищев. Оставаясь в пределах «законности», Новиков боролся с злоупотреблениями крепостным правом. Возможно, что, помещая «Копии с отписок», «Отрывок из путешествия» и пр., Новиков искренно считал, что способствует не только борьбе с «злонравными дворянами», но и с коренным злом. Во всяком случае, в этом основном пункте Новиков не так решителен и последователен, как в своей политической оппозиционности, в своей борьбе с Екатериной. Здесь

он страстен, смел, талантлив; он неистощимо изобретателен в своей литературной борьбе, в отыскании и применении новых сатирических жанров, подчиненных основным его политическим идеям, в создании в обход цензуры эзоповского языка. В истории русской литературы и общественной мысли Новикову принадлежит великая и бесспорная заслуга. Новиков не просто отражал современную ему русскую жизнь, он смело критиковал ее отрицательные явления, упорно боролся с ними и тем самым воспитывал политическую мысль своих современников; его с полным правом можно назвать первым русским политическим журналистом.

А. В. Луначарский вспоминал, что в 1918 г. В. И. Ленин сказал ему:

«Ставьте, как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мысли и прямоту их чувства. Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольными камнями в здании трудовой социалистической культуры».

В составленном вскоре после этого списке будущих памятников, одобренном В. И. Лениным и И. В. Сталиным, стояли имена двух русских писателей XVIII в.: первый был А. Н. Радищев, за ним следовал Н. И. Новиков.

ГЛАВА V

ЖУРНАЛИСТИКА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С 1774—1775 гг. русская журналистика XVIII в. вступает в последнюю фазу своего развития. Около этого времени завершается Первая турецкая война (1774), значительно повысившая политический вес России; несколько раньше (1773) состоялась первый раздел Польши. Во внутренней политике в 1774—1775 гг. произошли также крупные события: подавлено движение Пугачева, упрочивается на многие годы влияние Потемкина, усиливается централизация власти.

В то же время это период наибольшего укрепления и развития крепостных порядков. В страхе перед повторением крестьянского движения, подобного пугачевскому, Екатерина юридически оформляет дворянскую диктатуру изданием «Учреждения для управления губерний» (1775); еще большее значение для расцвета крепостничества имела опубликованная Екатериной десять лет спустя «Жалованная грамота российскому дворянству», предоставившая дворянам право служить или не служить, т. е. освободившая их от каких-либо обязанностей по отношению к государству и даровавшая им почти неограниченные права в отношении крепостных крестьян.

Крепостное право в результате всего этого принимает самые разнузданные формы. Именно на последнюю четверть XVIII в. падает большая часть газетных объявлений о продаже «крепостных девок» и об аукционах крепостных, мемуарных сообщений об обмене крепостных на породистых собак, на лошадей и коляски, судебных дел об истязаниях, увечьях и убийствах крепостных помещиками.

Время с 1775 г. является также периодом наибольшего развития в России системы фаворитизма; фаворитизм сделался на-

столько постоянным и неотменным явлением, что уже не нуждался в оправданиях со стороны Екатерины. За одно только десятилетие (1775—1785) Екатерина сменила семь фаворитов, а в начале 90-х годов XVIII в. императрица, которой было уже свыше шестидесяти лет, определила в свои любимцы совсем юных братьев Платона и Валериана Зубовых. Всех своих фаворитов и просто придворных она щедро одаряла за счет государства как крупными денежными суммами, так и тысячами крепостных и десятками и сотнями деревень. «Долголетнее царствование императрицы Екатерины II, — писал в 1874 г. Е. П. Карнович в ценном фактическом материалом экономическо-историческом исследовании, — было ознаменовано самыми щедрыми наградами, и положительно можно сказать, что если бы их не было, то в России далеко не явилось бы столько тех частных богатств, о которых приходится говорить в нашем исследовании по этому предмету».¹

Отметив далее, что одни только братья Орловы получили от императрицы за 21 год (1762—1783) 45 тыс. душ крестьян и «что еще важнее, 17 000 000 рублей наличными деньгами и разными драгоценностями», Карнович указал, что «в царствование Екатерины было роздано частным лицам до 800 000 ревизских душ. Вся эта раздача производилась на счет лично свободного до того времени крестьянства, или имений, отобранных от монастырей»,² т. е. на счет крепостных крестьян, принадлежавших ранее монастырям.

Все это не могло не обострить положения крепостной массы и не повлечь за собой новой полосы крестьянских волнений, которые начались с 1778 г. и продолжались в течение всего царствования Екатерины, а по восшествии на престол Павла I крупные выступления охватили 32 губернии и потребовали вмешательства значительных воинских сил для усмирения восставших крестьян. Несмотря на невероятную жестокость, проявленную екатерининским правительством при подавлении движения Пугачева, крепостные не могли примириться со своим положением и отдельными восстаниями давали знать о своем недовольстве.

Этот основной источник недовольства в стране влиял и на позиции других общественных групп, прежде всего наиболее сознательной части разночинной интеллигенции³ и передовых

¹ Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874, стр. 295.

² Там же, стр. 297.

³ Сивков К. В. Г. И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России конца XVIII века. — Вопросы истории, 1947, № 62, стр. 80.

групп дворянства. На этот период приходится подъем антиклерикальных настроений в этих слоях русского общества, настроений, обнаруживавшихся и в подпольной литературе, и в политических процессах, и в росте общественного сознания.

Свое высшее выражение антикрепостнические и антимоноархические настроения крестьян нашли в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева.¹

Следует, однако, различать первые годы этого периода (1775—1781) и последующие (1782—1790 и 1791—1800); каждый из этих отрезков времени имеет свои отличительные черты, и вместе с тем у них есть нечто общее, как можно увидеть из дальнейшего.

Правительство Екатерины с еще большей, чем прежде, подозрительностью приглядывается к общественной жизни, к литературе. Сатирические журналы прекращаются, периодическая печать делается значительно бледнее; пугачевское движение произвело заметное поправление в рядах тогдашних дворянских писателей, и многие из прежних оппозиционно настроенных литературных деятелей идут на мировую с Екатериной и ее режимом. Другие обращаются к масонству, в теориях и практике которого находят известный выход из положения. Лишь немногие писатели, как, например, Радищев и Фонвизин, продолжают оставаться на прежних позициях. Больше того, под влиянием движения Пугачева и аналогичных, хотя и меньших по размерам, волнений последующего времени, а также событий за рубежом радикализируется мировоззрение многих тогдашних писателей, и даже рядовой читатель тех лет привыкает связывать события своей родины с фактами европейской и внесреднейской политики.² Интерес к современной политической жизни сделался ощутимым, и это не замедлило сказаться на тогдашней журналистике.

Революция во Франции не явилась каким-либо переломным моментом во внутренней политике Екатерины. Централизация

¹ Сивков К. В. Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII в. — Вопросы истории, 1946, № 5—6, стр. 90—95; он же. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. — Истор. зап., 1946, вып. 19, стр. 63—101; Светлов А. Б. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1949, № 5, стр. 446—450; Орлов В. Н. Радищев и русская литература. ГИХЛ, М., 1949, стр. 27—35.

² Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. ГИХЛ, М.—Л., 1951, стр. 389—395.

власти и подавление каких бы то ни было проявлений самостоятельной общественной жизни (включая и волнения крепостных) приобретают лишь более открытый, неприкрашенный характер.

Дело Радищева, арест Новикова, уничтожение «Вадима» Княжнина, указ о закрытии частных типографий, усиление иностранной цензуры и мероприятия по сокращению печатной продукции внутри страны — все это звенья единой цепи, которой правительство Екатерины стремилось удушить общественную жизнь в ее литературных проявлениях. По подсчетам И. О. Сержпутовского и А. И. Малеина, наивысшей точки русская книжная продукция достигла в XVIII в. перед самой Французской революцией:

в 1787 г. было издано 542 книги (по Сержпутовскому) или 388 (по Малеину);

в 1788 г. — 572 (по Сержпутовскому) или 439 (по Малеину).

С 1789 г. начинается резкое снижение числа издаваемых книг, падающее в 1797 г. до 240 (Сержпутовский) или 165 (Малеин).¹

Екатерининская реакция отразилась и на журналистике последней четверти XVIII в.

В 1789 г. издавалось 16 периодических изданий, в 1796 г. — только 9, а в 1797 г. при Павле осталось только 5, и то из них две официальных газеты — «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости».

Большая часть издававшихся в этот период журналов отличалась такою же недолговечностью, как и издания 1769—1774 гг.

С 1774 г. по 1799 г. возникло 83 новых периодических издания, из которых около 50 просуществовало не более одного года. Любопытно, что в 1797 г., в первый год царствования Павла, не вышел ни один новый журнал или сборник.

Тем не менее, вопреки желаниям Екатерины и Павла, русская журналистика продолжала в последнюю четверть XVIII в. развиваться.

Усиливается журнально-издательская деятельность учебных заведений. Появились новые виды журналов, например музы-

¹ Неопубликованные статистические данные Сержпутовского и Малеина находятся в моем собрании материалов по XVIII в. За любезное предоставление мне статистической таблицы И. О. Сержпутовского приношу благодарность чл.-корр. АН СССР проф. Н. К. Пиксанову. Расхождения между данными Сержпутовского и Малеина вызваны тем, что первый включал в число книг также и отдельные номера журналов, летучие издания (указы, манифесты, оды, напечатанные на одном листке) и т. п.

кальные,¹ модные,² детские,³ медицинские,⁴ агрономические⁵ и т. д. Журнальная деятельность перестала быть привилегией только столичных городов: возникают литературные и научно-популярные издания в провинции — в Ярославле,⁶ в Тобольске,⁷

¹ Музыкальные журналы были следующие: а) Музыкальные увеселения. М., 1774. Ежемесячно. №№ 1—4; б) Санкт-Петербургский музыкальный магазин для клавикордов или пианофорте, посвященный жеяскому полу и любителям сего инструмента. СПб., 1794—1795. Ежемесячно. №№ 1—10; в) Карманная книга для любителей музыки на 1795—1796 год. СПб., 1795—1796; г) Магазины музыкальных увеселений, или Собрание вокальных пьес самых лучших и новейших всякого рода. М., 1795, ч. I. Ср.: Ансовский Н. М. Музыкальные альманахи XVIII в. СПб., 1882.

² Модные журналы (или, по крайней мере, журналы, в которых давались приложениями модные картинки): а) Модное ежемесячное издание, или Библиотека дамского туалета. СПб. и М., 1779, чч. I—IV (см. ниже, среди изданий Новикова); б) Магазины английских, французских и немецких новых мод. М., 1791. Ежемесячно. №№ 1—9; в) Магазины общепользных знаний и изобретений с присовокуплением Модного журнала, раскрашенных рисунков и музыкальных нот. СПб., 1795. Ежемесячно. Ср.: Библиографический отдел Первой Международной выставки исторических и современных костюмов и их принадлежностей. История модных журналов. СПб., 1902, 4 стр.

³ Детское чтение для сердца и разума. М., 1785—1789. Ежемесячно (см. ниже, среди изданий Новикова).

⁴ Санкт-Петербургские врачебные ведомости. СПб., 1792—1794. Ежедневно.

⁵ Кроме «Трудов Вольного экономического общества», основанных в 1765 г., с 1778 г. стали выходить частные агрономические журналы: а) Санктпетбургское еженедельное сочинение, касающееся до разноможения домостроительства и распространения общепользных знаний. СПб., 1778. Ежедневно; б) Сельской житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание. М., 1778—1779. Ежедневно; в) Экономической магазин. М., 1780—1789. Два раза в неделю; г) Журнал о земледелии для Всероссийской империи. СПб., 1799. Ежемесячно.

⁶ Уединенный пошехонец (1786). Ежемесячное сочинение (1787). Ср.: Трефолов Л. Н. «Уединенный пошехонец», первый русский провинциальный журнал. — Русск. архив, 1879, № 9, стр. 88—135; Трефолов Л. Н. «Уединенный пошехонец». Ярославль, 1883 (оттиск из «Вестника Ярославского земства», 1883, №№ 130—138); Иновемцев И. Г. «Уединенный пошехонец» (Первый областной журнал). Антиквар, 1903, № 1—4, стр. 23—31; Коплан Б. И. Первый краеведческий провинциальный журнал. — Краеведение, 1924, № 4, стр. 401—404.

⁷ Иртыш превращающийся в Иппокрену (1789—1791). Журнал исторический, выбранный из разных книг (1790). Библиотека ученая (1793—1794). Ср.: Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. Изд. 3-е, СПб., 1903; Сибирская энциклопедия (статьи о перечисленных журналах), а также статьи В. Ракитина (Омская правда, 1940, 23 марта), А. Гуревича (Восточно-Сибирская правда, 1940, 3 апреля), А. Ольхона (там же, 1940, 16 июля), З. Жукова (Омский альманах, 1939, I, стр. 123—150), посвященные столетиям существования журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Тамбове.¹ Большое количество журналов 1769—1774 гг. переиздается (например «Живописец», «Вечера», «Адская почта»). Наконец, появляются такие крупные факты в истории нашей журналистики, как издания Крылова и Карамзина. Конечно, уровня, на котором стояли журналы 1769—1774 гг., периодика последней четверти XVIII в., за редкими исключениями, не достигает; тем не менее, культурно-воспитательная роль ее делается заметнее, во многих журналах этого периода вводятся регулярные отделы библиографии, театральной критики, политические обзоры, как внешнеполитические, так и внутренней жизни. Растет, насколько можно судить по скудным данным, и тираж газет и журналов.

Выше было указано, что в последнюю четверть века возникло свыше 80 новых периодических изданий. Если попытаться объединить близкие по содержанию и направлению журналы и установить общность их позиций, то можно представить движение журнальной литературы в этот период в следующем виде.

Кроме старых правительственных изданий, выходящих, правда, от имени Академии Наук и Московского университета («Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей», других газет не было еще в течение сорока лет — до появления «Северной почты», 1809), появляются новые журналы, также имеющие официальный характер и стоящие на екатерининских позициях. Большая часть этих изданий связана с Академией Наук, хотя не во всех из них принимают участие академики. Журналы эти лишены какой бы то ни было яркости, за исключением «Собеседника любителей российского слова», представляющего в литературном и общественном отношении явление значительное. К группе правительственных изданий этого периода следует отнести и возникший в 1790 г. «Политический журнал», выходящий «при Московском университете» и являвшийся переводом реакционного гамбургского журнала под таким же названием. Можно не сомневаться, что появление этого журнала в 1790 г. ни в коей мере не случайно, а безусловно связано с желанием екатерининского правительства соответствующим образом осветить «безначальство и переворот во Франции». В качестве официального журнала он издавался вплоть до 1831 г.

Близко к правительственным журналам подходят такие издания, как «Санкт-Петербургский вестник», «Зеркало света», «Новый санкт-петербургский вестник»; политическое лицо их

¹ Тамбовские известия (1788). Ср.: Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. Изд. 2-е, М., 1924, стр. 41.

достаточно бесцветно, и литературная позиция совершенно невыразительна. Именно к этой группе изданий XVIII в. больше всего подходят слова Добролюбова о том, что журналы этого времени «все отличались более или менее полным отсутствием убеждений и более или менее яркою пестротой противоречивых понятий и взглядов».¹

Действительно, в них отсутствуют серьезные, значительные темы; в вопросах литературной современности эти журналы также очень осторожны и смиренны. Лишь изредка появляются в них отмеченные печатью индивидуальности вещи, как, например, ранние оды Державина и «Сатира» Капниста в «Санкт-Петербургском вестнике» или стихотворения Ермила Кострова в «Зеркале света».

В первую половину рассматриваемого периода возникают масонские издания. Эти журналы представляют явление достаточно крупное и заметное для своего времени, но было бы ошибочно считать их совершенно однородными: можно с уверенностью утверждать, что масонские издания Новикова («Утренний свет» и «Московское ежемесячное издание») представляли, так сказать, левый фланг масонской журналистики, тогда как «Вечерняя заря», «Избранная библиотека для христианского чтения» и «Магазин свободно-каменьщический» были реакционными по своим установкам.

Нельзя сказать, что сатирическая журналистика в этот период вовсе прекратилась. Уже с 1780-х годов вновь появляются журналы сатирического характера («Что-нибудь», «Раскащик забавных басень», «От всего помаленьку», «Лекарство от скуки и забот», «Разные письменные материи» и пр.). Однако все перечисленные издания имеют больше развлекательный характер, чем собственно сатирический, и никогда не поднимаются до постановки серьезных, общих вопросов. По существу только «Почта духов» Крылова, «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» Крылова и Клаушина могут считаться журналами сатирического направления, продолжающими традиции лучших сатирических изданий 1769—1774 гг. и вновь поднимающими русскую журналистику на высокий уровень идейности и политической заостренности. Близко к журналу Крылова и Клаушина примыкает «Сатирический вестник» Н. И. Стрхова.²

¹ Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 34.

² Западов А. В. Николай Стрхов и его сатирические издания. Сб. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», М.—Л., 1940, стр. 292—323; Русская проза XVIII века. Подготовка текстов А. В. Западова и Г. П. Макогоненко. ГИХЛ, М.—Л., 1950, т. II, стр. 607—610 (статья) и 611—622 (тексты).

«Московским журналом» начинается серия периодических изданий Н. М. Карамзина, представляющих явление выдающееся по своей роли в истории русской литературы и, специально, в истории русского языка. Но журналы как Крылова—Клаушина, так и Карамзина настолько значительны, что им ниже уделяется особое место вне общего рассмотрения истории журналистики последней четверти XVIII в.

Последняя, и наиболее важная, группа журналов этого периода — издания, отражавшие настроения радикальных и близко к ним примыкающих литературных кругов. Почти все эти издания в какой-то мере связаны с А. Н. Радищевым, либо непосредственно участвовавшим в них в качестве сотрудника («Беседующий гражданин»), либо оказавшим своими произведениями и личной судьбой идейное влияние на издателей («Санкт-Петербургский журнал»). О значении Радищева в развитии русской журналистики 1790-х годов см. ниже (стр. 532—542). Сюда же надо отнести и журнал вольтерьянца Рахманинова «Утренние часы», а также попытки Ф. Кречетова («Не все и не ничево» и «О всех и за вся, и о всем ко всем, или Российский патриот»).

Таким образом, журналистика этого периода имеет, по сравнению с предшествующими периодами, ряд новых черт. Она растет вширь, захватывая и провинциальных читателей, предлагая им свою, местную прессу; она обращается и к особым интересам читателей, переходя от «энциклопедических» форм журналистики, основание которых было заложено «Примечаниями к Ведомостям» и «Ежемесячными сочинениями», к журналам специальным и научным. Наряду с этим возникают, в изданиях Карамзина, собственно литературные журналы, из которых в XIX в. разовьется специфическая для русской периодической печати форма толстого журнала.

Вместе с тем необходимо отметить, что в течение последней четверти XVIII в. в нашей журналистике не возникало никаких крупных теоретических споров и конкретной полемики, подобной борьбе сатирических журналов в 1769 г. Потемкинское удушение общественного мнения прежде всего ослабило боевой характер даже наиболее передовых тогдашних изданий.

Некоторые явления русской и иностранной жизни все же служили поводом для более или менее дружного обсуждения или, по крайней мере, освещения в ряде тогдашних журналов. События этими нужно признать, в первую очередь, войну Северо-американских английских колоний за независимость и Французскую революцию.

Известия о борьбе американцев с Англией печатались в обеих тогдашних газетах, «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях», отчасти в «Собрании новостей», «Санкт-Петербургском вестнике» и т. д. Не меньше интереса проявляли наши периодические издания и к политическому строю, определившемуся в Соединенных Штатах после окончания войны за независимость. Так, в новиковских «Прибавлениях к Московским ведомостям» печатались статьи «О образе правления у американцев и о гражданском их установлении» (1784, № 68), «О влиянии независимости соединенных областей северо-американских в политическом состоянии Европы» (1784, №№ 39—43), «Краткое описание жизни и характера генерала Вашингтона [Г. Вашингтона]» (1784, №№ 46—47), «Всеобщее описание американских нравов» (1784, №№ 65—69). Несомненно, в связи с этими же событиями находится интерес к Северной Америке в историческом, экономическом и политическом отношении в журналистике конца 1770-х и начала 1780-х годов; сюда же должно отнести статьи и стихи, посвященные Америке и деятелям войны за независимость (Франклину, Вашингтону), помещавшиеся как в столичных, так и в провинциальных изданиях (напр. «Аллегорическое и философическое письмо от Франклина к г. Б...» в «Уединенном пошехонце», 1786, сентябрь, стр. 552—557).

Еще более пристальное внимание направлено было русской журналистикой конца 1780-х и начала 1790-х годов на революционные события во Франции. Не только официальные «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости» освещали развитие революции во Франции,¹ но и в ряде тогдашних изданий, начиная с «Политического журнала», находили современные читатели либо изложение французских событий, либо отклики на

¹ Брикнер А. «Санкт-петербургские ведомости» во время Французской революции. — Древн. и нов. Россия, 1876, № 1, стр. 71—87; № 2, стр. 158—173; Кириличников А. И. «Московские ведомости» в 1789 г. и начало французской революции. В кн.: Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1902, изд. 2-е, ч. I, стр. 12—39; Пумпянский С. Франция накануне Великой революции. — Красн. знамя, 1927, № 20; Пумпянский С. Великая французская революция в освещении екатерининских газет. — Звезда, 1930, № 9—10, стр. 247—252; Богословский Н. Н. Французская революция и русские писатели. — Литер. газ., 1939, 10 июля; Альтман В. Русская пресса и начало Французской революции 1789 г. — Книга и пролет. револ., 1939, № 7—8, стр. 86—90; Каганова А. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и современная ей русская пресса. — Вопросы истории, 1947, № 7, стр. 87—94; Алефиренко П. К. Правительство Екатерины II и французская буржуазная революция. — Истор. зап., 1947, т. 22, стр. 206—251.

них.¹ Материалов, отражающих французскую революцию, в русской журналистике и — шире — в русской литературе чрезвычайно много; тема эта уже привлекла внимание исследователей.²

Русские дворянские «либералисты», считавшиеся опасными вольнодумцами, встретили Французскую революцию иллюминациями в честь взятия Бастилии и переводами «Марсельезы», но вскоре в дворянском обществе возобладали более умеренные, а затем и резко враждебные оценки французских событий; впрочем, немногие действительные сторонники революционных идей, имея перед глазами катастрофу Радищева, не могли в эпоху екатерининской и павловской реакции открыто высказывать в печати свои симпатии перевороту во Франции. Поэтому в журналистике того времени отражается прежде всего «неприятие» революции. Оно высказывается не только в форме более или менее бездарных вирш тогдашних вторс- и третьестепенных поэтов, но иногда и в превосходных по языку и интересным по содержанию произведениях Карамзина («Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» в «Аглае», 1795, кн. II, стр. 63—78 и 78—95). Что касается сочувственного отношения к революционным событиям во Франции, то здесь приходится больше умозаключать, исходя из «факта умолчания», потому что говорить о французской революции в те годы можно было только в форме «ругательной».

События внутривосточные не могли ни при Потемкине, ни при сменившем его Зубове, ни, наконец, при Павле быть предметом откровенного и безбоязненного обсуждения. В конце 1770-х и в течение 1780-х годов журналы ограничиваются помещением официальных правительственных указов, выделяя из их обширного круга те, которые представляли в какой-то мере явления крупные. Оценку же и освещение эти факты получали не в статьях публицистического характера, как это имело место впоследствии, а попрежнему — в форме оды. Таковы, например, ода Капниста «На истребление на Руси звания раба Екатериною II»,³ такова «Ода на случай заведения государственного хозяйства» студ. А. Филалковского,⁴ и т. д.

¹ Ср. библиографию вопроса в книге Н. К. Пиксанова «Два века русской литературы» (изд. 2-е, М., 1924, стр. 51—52).

² Существующие по этому вопросу работы А. Я. Кучерова «Французская революция и русская литература XVIII в.» (сб. «XVIII век», под ред. акад. А. С. Орлова, Л., 1935, стр. 259—307) и Н. К. Гудаян «Французская буржуазная революция и русская литература» (М., 1944, стр. 3—47) ставят интересные вопросы и дают иногда любопытные материалы, но не исчерпывают темы.

³ Нов. ежемес. соч., 1786, ч. XV, стр. 52—57.

⁴ Растущий виноград, 1786, август, стр. 9—17.

Только что было отмечено, что за одой сохранялась в основном функция публицистического истолкования событий — внутренней и международной жизни. Но, с другой стороны, именно в указанный период в нашей журналистике происходит накопление литературных сил, подготавливающих падение господства классицизма, в особенности в его сумароковской трактовке. Такие явления, как «Сатира» В. Капниста, дважды напечатанная («СПб. вестник» и «Собеседник любителей российского слова»), как оды Державина, в особенности «К Фелице» и др., а также отход от классических канонов, обнаруживавшийся многими современными писателями, в особенности в области комедии, — «Недоросль» Фонвизина, «Фомушка, бабушкин внучек» П. А. Кропотова, «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка» и «Что наше, тово нам не нада» А. Д. Копьева, «Бобыль» и другие пьесы П. А. Плавильщикова, «Злоумный» анонимного автора, комедии молодого Крылова и его временного союзника А. И. Клушина, и т. д., и т. д. — были явными признаками того, что в русской литературе, под влиянием нового подъема недовольства в крестьянских массах, обозначился рост реалистических и сатирических, критических тенденций.

Все это отразилось и в журналистике этого периода, в особенности в журналах И. А. Крылова — «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий», — в «Беседующем гражданине», в котором принимал участие А. Н. Радищев, в «Санкт-Петербургском журнале» И. П. Пнина и А. Ф. Бестужева и некоторых других изданиях.

Однако отход от классических канонов наблюдался и в другом, нереалистическом направлении, в направлении, которое привело позднее к «кладбищенскому» романтизму и которое принято называть «ранним романтизмом» или «преромантизмом». Деятельность М. Н. Муравьева, Е. И. Кострова, позднее С. С. Боброва и Г. П. Каменева и др., особенно писателей, связанных с масонством или вышедших из него, определила своеобразные идейные и художественные черты этого нового направления в русской литературе. В особенности сказалось это в журнальной практике, где, наряду с оригинальными исканиями русских писателей, а отчасти и предшествуя им, публиковались переводы западноевропейских преромантиков. Так, уже в «Вечерах» (1773) печатались первые переводы из юнговских «Ночей», а с 1778 г. переводы из Юнга делаются особенно частыми («Утренний свет» и др.); с конца 1780-х годов появляются упоминания, а позднее и переводы из «Оссиана», влияние которого было очень заметно в конце XVIII и начале XIX в. Уже в «Покоющемся трудолюбце» (1785, ч. IV, стр. 187—191)

появляется «Кладбище, элегия Греева»; в 1789 г. в «Беседующем гражданине» (ч. III, стр. 138—144) дается другой перевод под названием «Элегия на сельское кладбище. Соч. г. Грея». Много других переводов из Грея печатается в «Чтении для вкуса», в «Иппокрене, или Утехах любословия» и др. Встречаются часто переводы из томсоновских «Времен года», из Гольдсмита, Гете и пр. По-иному воспринимается в этот период и Руссо. Того резко отрицательного отношения к «Женевскому гражданину», которое было выражено в рецензии в «Ежемесячных сочинениях» 1763 г. (см. выше, стр. 100—101), в журналистике последней четверти XVIII в. уже не встретить.¹ Переводы из Руссо довольно часто печатаются в журналах 1770—1790-х годов. Не менее часты статьи о нем биографического и критического характера. Однако в этот же период бурно растет количество журнальных, равно как и отдельно издаваемых переводов из Вольтера. В некоторых журналах публикуются переводы из Гельвеция («Собрания новостей», «Санкт-Петербургский журнал»). Таким образом, повременная печать этого периода делает большую и полезную работу по ознакомлению русского читателя с самыми разнообразными философскими и литературными течениями Западной Европы, отчасти авторитетно укрепляя, а отчасти оправдывая то новое и оригинальное, что нарождалось и росло в русской словесности последней четверти XVIII в. Можно смело сказать, что в журналистике 1770—1790-х годов заметнее, чем в других проявлениях русской литературы этого периода, обозначилось формирование русского преромантизма (в творчестве, например, С. Боброва) и сентиментализма (М. Н. Муравьев).

Заканчивая общую характеристику журналистики 1775—1799 гг., следует отметить огромную роль ее в развитии русского литературного языка. Обычно, согласно сложившейся традиции, «реформу» языка приписывают Карамзину, в литературной практике которого с особенной яркостью и рельефностью проявились новые речевые тенденции эпохи. Однако внимательный анализ материалов, доставляемых в изобилии журналисткой последней четверти XVIII в., показывает, что у писателей конца 1770-х—начала 1780-х годов заметен новый подход к слову, — не только как к «адекватному» выразителю мысли, но и как к возбудителю эмоций, к источнику «настроений». Отсюда вытекает более тщательный отбор словесных комплексов, конструируются новые стилевые принципы, перерастающие в фор-

¹ См. мою статью «Русские отклики на смерть Вольтера» (сб. «Вольтер. Статьи и материалы», под ред. проф. М. П. Алексева, Л., 1948).

мирование новой семантики и нового синтаксиса. Все это несколько не умаляет индивидуальной заслуги Карамзина, но ставит ее в определенные исторические условия, объясняющие и определяющие характер его стилистической «реформы», представляющей важный этап в истории русской литературной речи.

Таким образом, журналистика последней четверти XVIII в., жившая, так сказать, ото дня к дню, имела все же большое значение для своей эпохи, способствуя культурному росту тогдашнего читателя, расширяя его философский и политический кругозор, знакомя его с достижениями отечественной и европейской литературы и науки, давая ему недурные, а иногда и прекрасные образцы нового литературного языка.

ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК

После прекращения «Ежемесячных сочинений» в 1764 г. Академия Наук в течение 15 лет не издавала ни одного журнала энциклопедического характера. Лишь в 1779 г. появляются «Академические известия», в которых участвовал ряд академиков и других лиц, связанных с Академией. Впрочем, как уже давно отметил акад. А. А. Куник, «Академические известия» возникли под непосредственным влиянием журнала «Собрание новостей», издававшегося с сентября 1775 г. независимо, а с января 1776 г. — «при Академии Наук».¹ Предположение А. А. Куника о том, что «в числе основателей или редакторов этого журнала [«Собрание новостей»] были некоторые из академиков» (там же, стр. LXXXIII, прим.), в дальнейшем подтвердилось, хотя и не вполне; во всяком случае, рассмотрение «Собрания новостей» должно предшествовать изложению истории собственно академических изданий.

«СОБРАНИЕ НОВОСТЕЙ»

(1775—1776)

«Собрание новостей» издавал поэт И. Ф. Богданович с сентября 1775 по декабрь 1776 г. включительно. Первоначально «Собрание новостей» выходило как частное издание Богдановича, хотя имя его как издателя нигде не было обозначено; когда же в конце 1775 г. он был принят на службу в Академию Наук

¹ Куник А. А. Об ученых сборниках и периодических изданиях Академии Наук с 1726 по 1852 г. и о издании «Ученых записок». — Уч. зап. Академии Наук по первому и третьему отделениям, 1852, т. I, вып. 1, стр. LXXXII и примечание там же.

в качестве редактора «Санкт-Петербургских ведомостей», ему удалось, благодаря покровительству тогдашнего директора Академии С. Г. Домашнева, печатать свой журнал, который стал называться «Собранием разных сочинений и новостей», за академический счет; выходил этот журнал в количестве 300 экз.¹

Задачи журнала Богданович формулировал в «Предуведомлении» следующим образом: «... История настоящего времени, то есть знание вещей, к нам ближайших и нас окружающих, остается в толиком небрежении, что мы едва знаем о самых примечательных в Европе происшествиях, в то время когда знать о том надобно. Некоторые нации восчувствовали, однако, предпочтительную пользу ведать самые новейшие бытности, а особливо до их земли касающиеся; и в сем виде издаются у них ежетрехмесячные,² ежемесячные, еженедельные и другие журналы, собранные из разных верных ведомостей и описаний почти в едино время с происхождением вещей, кои в сих журналах описываются. . . Издатели мнили, — продолжает он, — что сочинение такова же рода в России может нравиться. . . Намерение издателей есть дать ведать о том, что происходит наиболее примечательного в сей Империи, потом сообщаемы будут известия и о чужих областях, выбранные из лучших ведомостей. А к тому прибавлены будут другие партикулярные всякого рода известия, служащие к пользе нации и всего человечества, некоторые приличные ко времени и к журналу сочинения, как то речи, описания, стихотворствы, и прочая, примечания на издаваемые вновь на российском языке книги, сочиненные или переведенные. Когда же будет место в журнале, то приобщены будут пиесы избранные в рсде моральном или просто забавные».

Намеченная в «Предуведомлении» программа издания была выполнена довольно аккуратно, хотя в порядок размещения материала с января 1776 г. было внесено незначительное изменение: до того времени «исторические артикулы о России и о прочих государствах» печатались в начале каждой книжки журнала; с начала же 1776 г., чтобы «самые позные новости» «могли быть помещены приличным образом», решено было этот отдел

¹ Автобиография И. Ф. Богдановича перепечатана в «Русской поэзии» С. А. Венгерова (СПб., 1897, стр. 552—554; указание на издание журнала «СПб. вестник» см. «Собрание новостей» — стр. 553); Коноплева М. С. Ипполит Федорович Богданович. — Русск. архив, 1911, № 9, стр. 108—116; вопрос об издании Богдановичем «Собрания новостей» и об отношении этого журнала к Академии Наук освещен в этой статье на основании архивных материалов (стр. 108—112).

² Интересная попытка передать термин «trimensuel», «quarterly review», «kwartalnik» (И. Б.).

перенести в конец каждого номера и последними печатать сведения о России, «для удобного помещения приспевающих новостей»; с этого же времени расширен был собственно литературный отдел за счет зарубежных известий.

Отдел заграничных новостей составлялся достаточно разнообразно и умело; почти в каждом номере давались сведения о Турции (или, как тогда писали, «Туреции»), Швеции, Германии, Франции, Италии, Польше и Англии. В сообщениях об Англии главное внимание обращалось на войну «мятежных селений»¹ с «Отечеством», т. е. на борьбу Северо-американских колоний за независимость; при этом обычно материалы о военных действиях и об экономическом и моральном состоянии американцев черпались из английских источников, далеко не объективных. Впрочем, иногда публиковались сведения иного происхождения и соответственно иного характера. Такова, например, «Выписка из писем некоторого филадельфского жителя к своему приятелю Барбе ди Бург в Париж» (1776, март, стр. 14—18). Автор письма, житель Филадельфии, всячески расхваливает свое отечество, в особенности его «гражданское правление», конечно, умалчивая о рабстве негров и об истребительной политике в отношении индейцев, и настойчиво подчеркивает, что «все у них [американцев] идет по естественному порядку». Совсем в американско-рекламном стиле говорит филадельфийский житель о штате Пенсильвания, в котором, по его словам, «в законах и правах государствуется на высоком степени общая и частная таковая простота, каковой в истории еще примера не было» (стр. 14—15). Дальнейшая часть этой статьи производит впечатление незаконченности и несомненной цензурной урезки, но и то, что напечатано, показывает стремление издателей (или издателя) «Собрания новостей» дать своим читателям более разностороннее освещение американских событий.

Внутренняя жизнь России отразилась в «Собрании новостей» преимущественно в форме перепечатки указов, отчетов о придворных торжествах, о производстве в чины и т. д. Довольно много места занимают аннотированные списки «новонапечатанных книг». Так, по поводу выхода в свет книги «Омировы творения. Часть I, содержащая в себе 12 песен Илиады. Перевел с греческого языка коллежский секретарь Петр Екимов» «Собрание новостей» пишет: «Перевод Омировых или Гомеровых стихотворений, ныне издаваемый, может служить некоторую эпоху российских словесных наук, кои преподает нам красоты славного греческого творца в их, так сказать, природном изображении и

¹ «Селения» представляют тогдашний перевод слова «колонии».

обещают нам своих собственных Гомеров» (1776, декабрь, стр. 44; ср. 1775, ноябрь, стр. 102—104).

Литературная часть «Собрания новостей» представлена, главным образом, стихами В. И. Майкова, М. Хераскова, самого И. Богдановича, А. П. Сумарокова. Но наряду с ними в «Собрании новостей» встречаются оды и другие произведения В. П. Петрова, В. Г. Рубана и даже Ф. Козельского. Может быть, помещать поэтическую продукцию Петрова, поэта официального, издателям «Собрания новостей» приходилось поневоле. Но, во всяком случае, соседство Майкова и Сумарокова, с одной стороны, и Петрова, с другой, производит странное впечатление. В майской книжке журнала напечатаны были «Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» В. Майкова и «Ответ на Оду» Сумарокова, — два знаменитых, программных стихотворения уже пережившей себя сумароковской школы. Майков писал:

Не пышность во стихах приятно,
 Приятство в оных чистота:
 Не гром, но разума богатство
 И важны речи красота.
 Слог должен быть и чист и ясен:
 Сей вкус с природою согласен...
 ...Случайны вкусы все суть ломки,
 И не дойдут они в потомки

(1776, май, стр. 11).

Сумароков отвечал, что:

Витийство лишнее природе злейший враг,
 ... Ум здравый завсегда гнушается мечты

(там же, стр. 12).

А через несколько страниц, в той же майской книжке «Собрания новостей», помещены рядом два стихотворения В. П. Петрова: одно — «Письмо Павлу Петровичу», овдовевшему тогда наследнику престола, другое — «Ода Екатерине на новые учреждения для управления губерний». Первое, — по самому характеру своему, как «утешительное письмо», — должно было быть простым и лишенным специфических вычур, но и здесь Петров умудрился вернуть редкие славянизмы, затрудняющие восприятие стихотворения:

Что срящут очеса господни на тебе?
 Ты тверд в надежде нань, покорен ты судьбе

(там же, стр. 18).

В «Оде на учреждение губерний» Петров не имел никаких оснований сдерживать свою изощренную музу: здесь прихот-

диво сменяются восьмистрочные четырехстопные рифмованные строфы тринадцатистрочными безрифменными трехсложными; широко практикуется инверсия, временами делающая отдельные стихи почти непонятными:

Слаба доброте страх подкрепа:
Он есть отчаянья отед.
В поверженных душах свирепа
Родится буря наконец.
Вотще закон свой мечь иссунет,
Коль чувства к благу в них не вдунет.
Их кара вяще жесточит,
Их милосердие мягчит. . .

(стр. 22).

Торжественница вне и дома
Могущих нас бороти враг,
Со громом, равно и без грома
Живый для нас источник благ. . .

(стр. 23).

Такое же отсутствие выдержанности наблюдается и в выборе переводов в «Собрании новостей»: здесь наряду с Вольтером — Руссо, рядом с Гельвецием — Юнг. Создается впечатление, что у издателя «Собрания новостей» не было четкой литературной и философской платформы. Но дело обстояло, повидимому, иначе, чем представляется на первый взгляд. Известно, что Богданович начал свою литературную деятельность как один из левых учеников Хераскова; при рассмотрении журнала «Невинное упражнение» было указано, что в условиях первых лет царствования Екатерины позицию Богдановича можно понять только как неприятие нового режима. Дальнейшая деятельность Богдановича была столь же радикальной, но пугачевское движение на него поваяло устрашающе, и с этого момента начинается его поправление. Документацией этого процесса и является журнал «Собрание новостей» со всеми его политическими, философскими и литературными противоречиями. С одной стороны, Богданович публикует статью о преимуществах «свободного» труда крестьянина-арендатора перед барщинным трудом крепостного;¹

¹ Собр. нов., 1775, ноябрь, стр. 57—61. Из цензурных опасений Богданович поместил эту статью в раздел, озаглавленный «Черты благодарений человеческому роду»; в данном номере журнала этот раздел начинается сообщением о том, что французский король опубликовал во всеобщее сведение купленный им у «некоторой вдовы» рецепт лекарства против солитера и что способ употребления этого лекарства приводится ниже в этой же книжке журнала. Непосредственно за этой заметкой идет статья о преимуществах свободного труда перед крепостным, изложенная в виде рецензии на якобы вышедшую в Германии книгу по этому вопросу.

с другой — в льстивой и омерзительно пошлой форме он сообщает, что «из первых полечений е. и. в. по прибытии [из Москвы] в сей город [т. е. Петербург] было то, что полководцы и другие военные чины, споспешествовавшие к искоренению общего возмутителя Пугачева, участвовали в ея награждениях и благодеяниях, коими самодержица наша любит отличать заслуги и достоинства...».¹

В «Собрании новостей» напечатано было несколько статей, посвященных вопросам русского языка и русской библиографии. Таковы статьи о плане «российского словаря» (1775, сентябрь, стр. 115—121), о подготовке образцового письмовника (октябрь, стр. 81—84), о «словаре художеств, каков может быть выбран и сокращен из Энциклопедии» с очень интересным списком французских слов-статей с параллельным русским переводом (ноябрь, стр. 91—101); особенно следует отметить две статьи: «Опыт о языке вообще и о российском языке» (октябрь, стр. 58—79) и «Предположение издать каталог всех напечатанных книг на российском языке» (декабрь, стр. 46—48).

Характеризуя первую статью, С. К. Булич писал в своем «Очерке истории языкознания в России», что она «примечательна смесью наивного рационализма с проблесками здравого смысла» (стр. 279). Это верно, но лишь отчасти. Статья неизвестного автора «из Ярославля» любопытна прежде всего внимательным анализом тенденций развития русского языка, его стремления к краткости и ассимиляции иностранных слов. На первых страницах все у анонимного автора вполне серьезно, но когда он начинает приводить образцы словоизменений, — например философ (вм. философия), комедь (вм. комедия), трагедь (вм. трагедия), исторь (вм. история), пруденца (вм. пруденция) и т. д., желань (вм. желанье), изобиль (вм. изобилие), любительна (вм. любительница), родительна (вм. родительница), — когда он предлагает писать вм. Буало — г. Боалов, вм. Руссо — Руссов, вм. г-жа Севиньи — Севиньина, трудно не поддаться искушению считать все это мистификацией и издевкой над какими-то современными автору статьи филологами.

Сообщение о предполагаемом издании каталога русских печатных книг и иностранных книг о России представляет ценное свидетельство о высоком сознании современниками научного значения подобного начинания и заслуживает более внимательного

О какой книге идет здесь речь, установить не удалось. Возможно даже, что такой книги и не было. За этой статьей идет упомянутый выше «рецепт», стр. 61—70.

¹ Там же, сентябрь, стр. 8—9. Ср.: 1776, январь, стр. 5—11, «Песнь Екатерины II на Новый 1776 год».

анализа. Не находится ли этот замысел в связи с работами Н. Н. Бантыша-Каменского, от которого сохранились интересные библиографические материалы? ¹

Пожалуй, самыми интересными разделами «Собрания новостей» были «Ученые известия», «Редкости», «Полезные изобретения»; в них сообщался любопытный разнообразный материал из области науки, техники и явлений природы и общества. Для истории культуры XVIII в. эта часть анализируемого нами журнала дает очень много; жаль только, что собственно русский материал несколько беднее представлен, нежели иностранный.

Но и в этих разделах, и в обзорах политических событий, не говоря уже о литературном отделе, «Собрание новостей» следовало в основном как образцу «Ежемесячным сочинениям» 1755—1764 гг.

Кроме писателей, указанных выше, в «Собрании новостей» принимали участие Ал-др Дружинин, Г. Л. Брайко, И. А. Тейльс.

В январской книжке «Собрания новостей» Богданович в предупреждении отмечал «отличное удовольствие, с которым публика приняла некоторый опыт ежемесячного нашего сочинения, начатого с сентября месяца прошлого 1775 года, и многочисленный расход книг сего издания». Повидимому, фактически дело обстояло несколько иначе и, во всяком случае, не так блестятельно, как изображал это Богданович. Часть тиража 1775 г. оказалась нераспроданной, и Богданович (или кто-либо иной, действовавший от его имени) счел нужным, согласно практике XVIII в., чтобы скорее сбыть эти экземпляры, перепечатать титульный лист «Собрания новостей», заменив его другим. Таким образом появился новый только по названию журнал «Зритель света».

«АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ»

(1779—1781)

Журнал этот издавался с января 1779 г. по июль 1781 г. «при Академии Наук»; за это время вышло восемь частей, из которых первые семь содержали по четыре книжки, а последняя, восьмая, — только три; если судить по июльской книжке 1781 г., издание, повидимому, прекратилось внезапно: во всех статьях, за исключением одной, обещано было «продолжение в следующем месяце».

¹ Белокуров С. А. Материалы Н. Н. Бантыша-Каменского. — Книговедение, 1894, №№ 2, 3, 4. Ср.: Эдобнов Н. В. История русской библиографии. М., 1944, т. I, стр. 54—56; изд. 2-е, М., 1951, стр. 71—73.

Редактировал этот журнал Петр Иванович Богданович, лицо мало заметное в литературе того времени, но заслуживающее внимания.¹

О П. И. Богдановиче сохранились противоречивые сведения: так, можно предполагать, что он был в каких-то отношениях с А. Н. Радищевым; в 1796 г., признанный человеком «беспокойным, и упорного нрава, неповивающимся властям», он был выслан из Петербурга в Полтаву к отцу, где, повидимому, провел остальную часть жизни; вместе с тем, он служил в Тайной экспедиции Шешковского, владел типографией, печатавшей нравоучительные книги, и в жизни, как видно, был неприятным человеком.²

Заглавие журнала, несколько изменявшееся на протяжении издания, передает довольно точно характер «Академических известий». Вот это заглавие: «Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных, извлечение из деяний славнейших академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным искусствах, отличнейшие письмена во всей Европе, академические задачи, любопытные и странные тяжбы и прочие примечательные происшествия». Не все из намеченных в заглавии журнала отделов были в нем представлены, но, в общем, «Академические известия» отличались разнообразием содержания. Для них, как и для «Собрания известий», образцом являлись «Ежемесячные сочинения».

Из области «истории науки» в «Академических известиях» была напечатана большая статья П. Богдановича «История о математике», представляющая перевод сочинения французского математика Ж. Э. Монтюкла (Montucla, J. E.) «Histoire des mathématiques» (Paris, 1758, 2 тома); она печаталась из номера в номер, и, хотя П. Богданович утверждал, что статья эта переведена им, имеются данные, говорящие о том, что он, пользуясь своим положением директорского любимца, присваивал себе ра-

¹ Акад. А. А. Куник, а за ним Неустроев и Лисовский указывают в качестве редакторов «Академических известий» Румовского, Крафта, Озерецковского и Головина (Куник, назв. соч., стр. LXXXVI). Однако это опровергается официальными документами, в которых «издателем» (т. е. редактором) журнала назван П. И. Богданович. Ср.: Протоколы заседаний Конференции Академии Наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1900, т. III, стр. 392; Семенов В. П. Материалы для истории русской литературы. Пгр., 1915, стр. 22.

² О П. И. Богдановиче см.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Изд. М. И. Акнифиева, СПб., 1907, т. II, стр. 332—333; Русск. биограф. словарь (Беганкур-Бякстер). СПб., 1908, стр. 135.

боты академических переводчиков.¹ Эта деталь, как ни кажется она незначительной, хорошо рисует тяжелое положение рядовых научных тружеников того времени и характеризует литературные нравы второй половины XVIII в.

В «Академических известиях» печатались статьи ряда академиков — Георги, Гильденштета, Гмелина младшего, Крафта, Лекселя, Лепехина, Озерецковского, Палласа и др. Большая часть этих статей посвящена описаниям различных местностей России в естественно-научном отношении.

Значительный интерес для характеристики политико-экономических взглядов журнала представляет напечатанная в ряде номеров «Речь о произведении превосходства в продаже в чужие края российских товаров перед покупкою иностранных» акад. А. И. Гильденштета. Здесь проводится точка зрения физиократов, и в соответствии с ней Гильденштет утверждает: «Дабы торговлю с чужестранцами соблюсти в выгодном состоянии для дражайшего нашего отечества, то надобно тщательно стараться о размножении наших произведений как для собственных издержек, так и для отпуску в чужие края» (ч. IV, март, стр. 360). Но наряду с этим новым для экономической мысли в России документом «Академические известия» печатают большое стихотворение «Послание к деньгам» (ч. II, июль, стр. 279—285) И. Ф. Богдановича,² целиком выдержанное в тонах, обычных для предшествующих меркантилистских воззрений; кончается оно так:

О деньги, деньги! вас достойно любит свет,
Вы дурны лишь тогда, как вас в карманах нет
(стр. 285).

Заслуживает внимания перемена, происшедшая в трактовке темы воспитания; прежние рассуждения о необходимости укреплять разум, рассудок в его борьбе со страстями, с чувствами уже оставлены. В соответствии с высказываниями Екатерины в эти годы, «Академические известия» во «Вступлении» (ч. I, январь, стр. 8—9) пишут, что науки при Екатерине «получили корень

¹ Семенников. Материалы, стр. 22—23.

² В «Академических известиях» это стихотворение анонимно, но потом оно в несколько измененной редакции было перепечатано в «Собеседнике любителей русского слова» (ч. I, стр. 70—72), впрочем, также без подписи; в примечании к статье Любослова «Сумнительные предложения господам издателям Собеседника от одного невежды, желающего приобрести просвещение» (Собеседник, ч. IV, стр. 20) Богданович объявляет себя автором «стихов к деньгам». Ср.: Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 92.

воспитанием, ум философический или ум истинны предшествует здесь учению, воспитание, насаждающее нравы и дающее прямую цену учености, есть ныне возлюбленнойший предмет правления, чувствующего, что один благовоспитанный делается судиею сколь просвещенным, столь и справедливым, военачальник неустрашимым и распорядительным, министр проныцательным и благонамеренным». Той же теме посвящено и «Письмо от господина И[здателя?] к его приятельнице, которая сообщила ему сочиненный ею план воспитания детей своих» (ч. I, февраль, стр. 161—173). Здесь встречается почти перифраза из сентенций на педагогические темы в комедиях Екатерины: «Для него [сына] собственно, для меня и для сообщества, в котором он жить будет, я желаю, чтоб он имел хорошую душу, хотя и без высокого разума» (стр. 161).

Едва ли не в первый раз в нашей журналистике того времени встречается в этой статье ставшее позднее столь частым рассуждение о вкусе. В наиболее сконцентрированном виде оно выразилось в следующем месте «Письма»: «Есть честные люди, имеющие пространный разум, но недостает в них вкуса. Я спрашивал себя, каким образом дать вкус моему сыну, и себе отвечивал: вкус есть особое ощущение правильного, доброго, полезного, приятного, прекрасного, величественного, высокого, благопристойного, честного, во нравах, в обычаях, в сочинениях, в художествах» (стр. 169). Автор считает, что этическое воспитание тем самым уже дает и критерии эстетические.

В «Академических известиях» была помещена очень дельная статья В. Светова, филолога того времени, «Некоторые общие примечания о языке российском» (ч. III, январь, стр. 77—91). Не входя в подробности, следует, однако, отметить, что принципиально автор против неологизмов, он укоряет новых писателей, что они употребляют вместо отечество слово отчизна, вместо придворной — царедворец и т. д., но, с другой стороны, он пишет: «Сама премудрая законодательница в просветительном своем Наказе и в новом учреждении губерний соблагволила употребить многие речения, не теряя красоты и важности слога» (стр. 84).

Кроме самого П. Богдановича и перечисленных академиков, в «Академических известиях» принимали участие Державин, Княжнин, В. Петров, М. В. Храповицкий, кн. М. М. Щербатов («Опыт о древних российских монетах»), переводчики М. Смирнов, Ив. Богаевский, Мих. Головин (племянник Ломоносова) и др. Довольно много стихотворений напечатано за подписью «Ж. Ж.». Принимал в журнале участие и С. Г. Домашнев. Ему принадлежит в ряде номеров «Академических известий» обзор деятельности научных учреждений («Показание новейших трудов

разных академий»), представлявший сокращенные рефераты западноевропейских академических изданий; внешним отличительным признаком этих обзоров Домашнева является отсутствие в них твердого знака, вызвавшее создание анонимной «Челобитной от ера».¹

Закрывтие журнала связано было, очевидно, с борьбой академиков с С. Г. Домашневым, который, как утверждали некоторые историки Академии Наук, вел дела далеко не бескорыстно.

«СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА»

(1783—1784)

Появление этого журнала в качестве издания Академии Наук, хотя ни один из тогдашних академиков не принимал в нем участия, обычно объясняется так. После отрешения от должности директора академии С. Г. Домашнева (1783) его место было занято кн. Е. Р. Дашковой, которая давно уже выступала как писательница. Около этого же времени Г. Р. Державин написал «Оду к Фелице», которую показал своему знакомому, молодому писателю О. П. Козодавлеву. Последний служил в это время советником Академии Наук, т. е., говоря современным языком, помощником директора по административной части. Ода Державина была через кн. Дашкову представлена Екатерине, и в связи с этим, как рассказывал сам Козодавлев, а за ним и другие авторы, возникла идея издания журнала «Собеседник любителей русского слова».²

Повидимому, однако, дело обстояло несколько сложнее. Едва ли можно предположить, что журнал, в котором исключительно интенсивное участие принимала и как редактор и как сотрудник Екатерина, возник по такому случайному поводу, как появление «Оды к Фелице». Тем более, что, как заметили исследователи, вслед за тем, как Екатерина перестала принимать участие в «Собеседнике», журнал прекратился.³ То обстоятельство, что Козодавлев, непосредственный редактор «Собеседника», давал приве-

¹ Срезневский Всев. Домашнев, Сергей Герасимович. — Русская поэзия, под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1897, Примечания, стр. 139.

² Исторические, философические, политические и критические рассуждения о причинах возвышения и упадка... Собеседника любителей русского слова. — Собеседник, 1784, ч. XVI, стр. 6—11.

³ Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова». Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784. — Полн. собр. соч., т. I, стр. 42—43.

СОБЕСѢДНИКЪ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКАГО СЛОВА,

Содержащій разныя сочиненія въ сти-
хахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ Россій-
скихъ писателей.

ЧАСТЬ II.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Изданъ въ Императорской Академіи Наукъ
1783 года.

«Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» (1783).

денное выше объяснение, не может служить достаточным основанием для того, чтобы принять его без критики.

Скорее всего можно предположить, что «Собеседник» возник в связи с тем, что около этого времени общественное мнение было взволновано рядом событий: в самом конце марта 1783 г. умер Никита Панин, старый вождь дворянских либералов, враждебно настроенных против Екатерины и ее фаворитов; незадолго до того были предприняты мероприятия по разгрому «панинской партии», арестованы и высланы близкие к Панину и наследнику престола Павлу Петровичу флигель-адъютант Бибииков и кн. Ал-др Куракин; сам Павел Петрович, недавно возвратившийся из навязанного ему заграничного путешествия, не смел посещать находившегося при смерти своего воспитателя Н. Панина, а вскоре затем был отправлен в Гатчину для того, чтобы не иметь случаев вмешиваться в политические дела. Вместе с тем, как раз в это время напряженную борьбу вела и «панинская» партия: 24 сентября 1782 г. был поставлен впервые «Недоросль», программное произведение Фонвизина, в то же время распространялось в списках «Политическое завещание» Никиты Панина, также написанное Фонвизиним. Одной из форм борьбы сторонников Паниных с Екатериной был выход в отставку: в течение 1781—1782 гг. в отставку по собственной просьбе вышли П. И. Панин, А. Р. Воронцов, Д. И. Фонвизин, петербургский вице-губернатор Глебовский и др. Смерть Никиты Панина не могла не рассматриваться как результат опалы его и его брата Петра Ивановича, и, конечно, все это усилило отрицательное отношение передовых и либеральных кругов русского общества к Екатерине и ее режиму. И в этот момент Екатерина решила, подобно тому как это было сделано ею в 1769 г., использовать журналистику в качестве средства воздействия на умы, в качестве аппарата для распространения благоприятных для нее истолкований явлений внутривнутриполитической жизни страны.

«Ода к Фелице» была с этой точки зрения очень удачным литературным документом: сатирическое изображение придворного окружения и подчеркнутая идеализация Фелицы-Екатерины давали возможность, в особенности для людей, не слишком близко знавших подлинное положение вещей, винить во всех тогдашних российских беспорядках вельмож-мурз и, с другой стороны, приписывать все положительное деятельности «богоподобной киргиз-кайсацкой царевны».

Помещенная на первом месте в первой книжке «Собеседника» «Ода» Державина представляла нечто большее, чем просто литературное произведение. Это была также своего рода программа,

как и «Недоросль» Фонвизина, это было политическое указание, может быть ставшее таковым помимо замысла и воли автора.¹

Ограничиться помощью посторонних литературных сил, как бы эффективны и общественно значимы они ни были, Екатерина не могла и не хотела. Несмотря на то, что от первых журнальных выступлений у нее осталось неприятное воспоминание, заставлявшее ее избегать каких бы то ни было разговоров и даже намеков по поводу ее участия во «Всякой всячине»,² Екатерина все же хорошо понимала общественное значение литературы, особенно возросшее в течение 1770-х годов: за четырнадцать лет, протекших с того времени, она многому научилась и на этот раз повела журнальную работу иначе, чем в 1769 г.

Центральное место в «Собеседнике» было отведено большому произведению Екатерины, «Запискам касательно российской истории», которые, по подсчету Добролюбова, заняли почти половину журнала (1348 страниц). Эту цифровую справку Добролюбов привел в своей статье не случайно: он превосходно понимал политический характер как этого труда Екатерины, так и всего «Собеседника», он прекрасно отдавал себе отчет в том, что «Записки касательно российской истории» имели целью показать, «каким путем должны развиваться в России исторические знания».³ Не имея возможности, по цензурным условиям, сказать прямо о той фальсификации, которую проделывала в своей исторической работе Екатерина, Добролюбов остроумным приемом показывает это читателю, скрывая от цензоров свой замысел внешними знаками почтения к особе Екатерины и ее деятельности. Впрочем, в самом начале статьи Добролюбов достаточно ясно выразил свое настоящее отношение к показной, пэзерской деятельности императрицы: «Вся литературная деятельность Екатерины II, — замечает Добролюбов как бы мимоходом и как бы намеренно ограничивая свое суждение вопросами литературы, предоставляя читателю поставить вопрос шире, — имеет вид высокой правды и бескорыстия, которое не могло не действовать и на других писателей, действовавших в то время» (стр. 35).

После такого введения нельзя, конечно, всерьез принимать те похвалы Екатерине, которые встречаются у Добролюбова

¹ В ч. IV «Собеседника» (стр. 11—26) была напечатана анонимная критическая статья о «Фелице» — «Сумнительные предложения г-м издателям Собеседника от одного невежды, желающего приобрести просвещение». Она принадлежала П. С. Батурину (см.: Записки П. С. Батурина. — Голос минувшего, 1918, № 1—2, стр. 65—66).

² Шумигорский Е. Государыня-публицист. — Русск. архив, 1890, январь, стр. 6.

³ Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 42.

в дальнейшем изложении. Умелым подбором фактов Добролюбов вскрывает подлинную тенденцию Екатерины «показывать во всем, чем только можно, что всякое добро исходит от престола и что в особенности национальное просвещение не может обойтись без поддержки правительства» (стр. 45). Исследователь убедительно группирует материалы и показывает еще более откровенную и важную для Екатерины тенденцию, состоящую в том, что «великий князь никогда не является виною междоусобий, но всегда решителем распрей, миротворцем князей, защитником правого, если только он следует внушениям собственного сердца; коль скоро он делает несправедливость, которую нельзя скрыть или оправдать, то вся вина складывается на злых советчиков, всего чаще на бояр и на духовенство» (стр. 49). Поэтому более чем иронически звучит итоговая часть этого раздела добролюбовской статьи: «Вообще в „Записках о российской истории“ императрица, дав образец своих взглядов на историю, вместе с тем представила и образец умения провести свою мысль во всем труде и направить его к подтверждению своей идеи, не прибегая ни к явным натяжкам, ни к совершенному искажению достоверных фактов. Иногда она давала им свой смысл, умалчивала об одном и изменяла тон рассказа о другом; но искусство рассказа было таково, что читающему даже не приходило в голову, что могло быть что-нибудь другое, кроме того, что ему сообщается» (стр. 52; разрядка моя. — П. Б.).

Таким образом, Добролюбов обнаруживает сугубую тенденциозность екатерининских «Записок касательно российской истории» и наталкивает читателя на мысль о том, что императрица-историк хотела специально препарированной картиной прошлого объяснить современную действительность. И тогда между поэтическим введением к «Собеседнику» — «Одой к Фелице» — и «научным» трудом Екатерины обнаруживается полное единство: киргиз-кайсацкая царица — безупречна, а виновны во всем и всегда ее мурзы. Ее нелюбовь к Паниным и их группе можно, таким образом, объяснить нежеланием слушать дурных советчиков.

Одновременно с «Записками касательно российской истории» в «Собеседнике» печатались «Были и небылицы», также принадлежавшие перу Екатерины. «В них, — пишет Добролюбов, — все легко, шутливо, неглубоко, все писано, как будто импровизацией, без особого плана и заботы о том, чтобы составить стройное целое» (стр. 52). После этой обобщенной и, очевидно, намеренно неуточненной характеристики Добролюбов показывает пустоту, претенциозность и самодовольное любование Екатерины своим остроумничанием в «Былях и небылицах», раскрывает пошлость

и бессодержательность этой безудержной болтовни и дает понять, что только особое положение автора заставляло видеть в «Былях и небылицах» серьезную сатиру.

Действительно, лишь то обстоятельство, что «Были и небылицы» принадлежали Екатерине, заставляет историка журналистики и литературы со вниманием отнестись к этим несколько не остроумным и утомительным своими притязаниями на забавность фельетонам. Акад. Я. К. Грот подчеркивает «непринужденно-веселый тон» «Былей и небылиц», отмечает «шуточно-сатирический» характер «этой царственной шалости» и, когда уже не может обойти молчанием особенности этого безалаберного произведения, пытается поставить эти «бессвязные, но остроумные речи о всякой всячине» в связь с манерой Стерна.¹ Впрочем, из осторожности Грот ограничивает свой тезис словом — «кажется».

Не приходится и говорить, насколько натянуто сравнение юмора Стерна с потугами на остроумие Екатерины. Тем не менее, оценивая так сурово «Были и небылицы» как художественное произведение, мы не должны упускать из виду исторического интереса, заключающегося в фельетонах Екатерины. Исследователями установлено, что в среде персонажей, фигурирующих в «Былях и небылицах», есть несомненные портретные зарисовки. Так, в первой серии «Былей и небылиц» (ч. II, стр. 145—164) изображены «самолюбивый, нерешительный, лгун, мог, щеголиха, вздорная баба, мелочный человек. Это, — по словам Добролюбова, — самая обильная сатирическим элементом статья. В следующих гораздо более болтовни и менее подобных портретов» (стр. 55). Я. К. Грот считал возможным отождествить данный Екатериной портрет «самолюбивого» с мужем ее обер-гофмейстрины Чоглоковой; в «нерешительном», по указанию самой Екатерины, был выведен И. И. Шувалов, и т. д. (назв. соч., стр. 6).

Но, несомненно, самым важным моментом в истории «Собеседника» было помещение на его страницах «Вопросов» Д. И. Фонвизина² и «Ответов» на них Екатерины. «Вопросы» Фонви-

¹ Грот Я. К. Сотрудничество Екатерины II в Собеседнике княгини Дашковой. — Сборн. Русск. истор. общ., 1877, т. XX и отд. отд.; также перепечатано в «Трудах» Грота (т. IV, стр. 311—328). Цитирую по отдельному оттиску из «Сборн. РИО», стр. 4—8. Ср. указания на связь «Былей и небылиц» с манерой Стерна в «Истории русской словесности древней и новой» А. Д. Галахова (изд. 2-е, СПб., 1880, т. I, отд. 2, стр. 132).

² Акад. М. И. Сухомлинов высказал в своей биографии И. И. Шувалова (История Российской Академии. СПб., 1885, т. VII, стр. 96—97 и 497) парадоксальную мысль, что не Фонвизин, а Шувалов был автором «Вопросов» Ошибка Сухомлянова вызвана была тем, что он принял ука-

зина были помещены анонимно и безусловно имели целью вызвать со стороны Екатерины решительное объяснение по вопросам внутренней политики. Это была смелая, но заранее обреченная на неудачу попытка публично потребовать у Екатерины отчет о том, что так волновало мыслящих, передовых людей того времени. Таковы, например, вопросы десятый¹ и восемнадцатый,² связанные с законодательными затеями первых лет царствования Екатерины, позднее заброшенными, в частности с Комиссией для сочинения проекта Нового уложения. Таковы вопросы девятый,³ одиннадцатый⁴ и дважды повторенный четырнадцатый,⁵ касающийся системы фаворитизма и придворного карьеризма. Таковы вопросы второй⁶ и шестой,⁷ намекающие на правительственный террор в отношении «панинской партии» и вообще оппозиционных кругов столичного общества. Не менее остро поставлены были и остальные вопросы, в частности о привилегированности гвардейских полков (вопрос седьмой), о правительственном покровительстве заводчикам и откупщикам (вопрос четвертый) и т. д. Некоторые вопросы производят впечатление личных выпадов: например восьмой — «Отчего в наших беседах слушать нечего?» (стр. 163), очевидно, намек на бессодержательность журнала «Собеседник». Екатерина расценила этот намек именно так: «Оттого, — ответила она, — что говорят небылицу», парируя укол Фонвизина ссылкой на «Были и небылицы». Возможно, на «Были и небылицы» намекает и семнадца-

знание Екатерины на Шувалова как на инспиратора «Вопросов» за указание на него как на автора.

¹ «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» (ч. III, стр. 163).

² «Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?» (там же, стр. 166).

³ «Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?» (там же, стр. 163).

⁴ «Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения?» (там же, стр. 164).

⁵ «Имея монархию честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться проискивать их обманом и коварством?» — «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют, и весьма большие?» (там же, стр. 164—165).

⁶ «Отчего много добрых людей видим в отставке?» (там же, стр. 162). Ср. мою статью «Театр Фонвизина и русская культура» в сб. «Русские классики и театр» (Л., 1947, стр. 91).

⁷ «Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?» (там же, стр. 163).

тый вопрос — «Отчего у нас часто преострые люди пишут так бестолково?» (стр. 166).

Как известно, Екатерина была возмущена «дерзостью» Фонвизина и в ответе на второй из двух четырнадцатых вопросов со злобейшей подчеркнутостью обвинила автора в «свободоязычии». Фонвизин ответил письмом, которое показало, что он понимал, в какое неловкое положение поставил Екатерину своими колючими и требующими прямолинейности в ответах вопросами; под видом извинения за редакционную неловкость некоторых формулировок он повторил горькие упреки правительству Екатерины за то, что оно не обращает внимания на существование среди дворян «многих злонаправных и невоспитанных членов сего почтенного общества»; он пишет, что «видел дворян раболепствующих» и это «растерзало его сердце». Фонвизин ловко использует ответ Екатерины на вопрос его о причинах того, что «тяжущиеся не печатают тяжб своих и решений правительства»: указание Екатерины, что частные типографии были разрешены только в 1782 г., Фонвизин истолковывает как позволение опубликовывать отчеты судебных разбирательств (ч. V, стр. 145—151), чего, однако, Екатерина вовсе не думала делать. Таким образом, внешняя форма «покаянного» письма не должна скрывать внутреннего смысла фонвизинского ответа.

Екатерина сперва попала на удочку, закинутую Фонвизиным, приняла его «покаяние» всерьез и именно в таком духе характеризовала фонвизинское письмо в очередной серии «Былей и небылиц» (ч. V, стр. 151). Но, очевидно, ее не вполне убедило утверждение автора «Вопросов», что перо его «никогда не было и не будет омочено ни ядом лести, ни желчью злобы» (стр. 147). На всем протяжении «Собеседника» после третьей книжки, в которой были напечатаны «Вопросы», встречаются выпады против Фонвизина, обязательно связанные с обвинениями в зависти и злобе. Так, в одном месте «Былей и небылиц» задетые «Вопросами» «балагуры» (т. е. Л. А. Нарышкин) противополагаются скучным «Маремиянам плачущим и о всем мире косо и криво пекущимся, от коих обыкновенно в десяти шагах слышен уже дух скрытой зависти противу ближнего» (ч. IV, стр. 170). «Были и небылицы» в ч. V «Собеседника» начинаются «портретом» человека, который «читая, со всяким сочинителем завсегда соглашается». «Сверх того, — продолжает Екатерина, — он мысли и понятие о вещах, кои сорок лет назад имел, и теперь те же имеет, хотя вещи в существе весьма переменились. . . В свое время сей человек слыл смышленным и знающим, но как нынче вещи переменились и смысл распространился, а его понятие отстало, он же к тому понятию привык и далее

не пошел, то о настоящем говорит он, как говаривал сорок лет назад о тогдашнем; сколько же сие нескладно, он о этом не мыслит: а как он весьма тверд и упрям, то ничем и никак иначе его говорить не заставишь. . .» (ч. V, стр. 140—141). Что все это метит в Фонвизина-Стародума, более чем очевидно. В особенности неприкрыто было это выражено в автографе Екатерины, сохранившемся до настоящего времени и опубликованном акад. А. Н. Пыпиным в «Сочинениях Екатерины II»; здесь мы читаем: «В свое время он слылся смысленным и знающим, но как вещи переменились и смысл распространился, он же остался с своими понятиями о тогдашнем, к которым привык и далее не пошел, то он о настоящем говорит, как говаривали, то всего того, в чем в 1760 году сорок лет назад, колико же сие не идет на нынешние обстоятельства, о сем и понятие не имеет, и как он весьма тверд и упрям в своих принятых сорок лет назад вымыслах, то ничем не заставишь мысли переменить».¹

Против Фонвизина обращена также анонимная «Басня. Заслуги свои часто измеряем несправедливо», помещенная в ч. VIII «Собеседника». Она связана с знаменитым четырнадцатым вопросом о том, почему шуты, шпыни и балагуры нынче имеют весьма большие чины. Уже в четвертой книжке «Собеседника» один из наиболее любимых Екатериной персонажей «Былей и небылиц» — «дедушка», — отвечая на четырнадцатый вопрос, высказал мысль о том, что «шпынь без ума быть не может, в шпыньстве есть острота; за то, — продолжал он, — что человек остро что скажет, вить не лишишь его выгод тех, кои в обществе даются в обществе живущим или обществу служащим» (ч. IV, стр. 169). Анонимная «Басня» объединяет два обвинения против Фонвизина — в зависти («заслуги свои часто измеряем мы несправедливо») и в неумении быть приятным Екатерине. Хотя басня сама по себе достаточно ясна, но издатель сочли необходимым снабдить ее пояснительным послесловием. Вот эти басня и послесловие:

Волк льву пенял, что он не сделан кавалером,
 Что лифик² с лентою и с лентою осел,
 А он сей почести еще не приобрел,
 И стал его к себе немилостей примером,
 Когда их носят шут, да и слуга простой,
 А он не получил доньше никакой.
 Лев дал ответ: а ты не токмо не служил,
 Но даже никогда умно и не шутил.

¹ Сочинения Екатерины II, под ред. А. Н. Пыпина. СПб., 1903, т. V, стр. 136—137.

² Обезьяна (П. Б.).

Смысл басни сей выводит, что самолюбие наше употребляет разные весы, когда свои или чужие достоинства мы весим. Кажется довольно ясно, что есть ли пифик и осел недостойны быть отличия, то и волк равно оно не заслужил (ч. VIII, стр. 62—63).¹

«Вопросы» Фонвизина были безусловно самым интересным его выступлением в «Собеседнике». Но наряду с «Вопросами» в «Собеседнике» были помещены его статьи как будто невинного филологического содержания, на деле же политически заостренные и не менее язвительные, чем некоторые «Вопросы». Статьи эти представляют образцы применения синонимов и называются «Опыт российского сословника». Эта форма позволила Фонвизину сделать несколько остроумных сатирических ударов по враждебной ему придворной клике. Во второй из этих статей, в четвертой книжке «Собеседника», Фонвизин продлила линию, намеченную «Вопросами». В этой же четвертой книжке журнала была помещена смелая по замыслу фонвизинская «Челобитная Российской Минерве от российских писателей» (ч. IV, стр. 7—10); в этой «Челобитной» Фонвизин ставил с остротой и прямолинейностью вопрос об общественном положении писателей в крепостническом государстве.²

Однако наиболее совершенное из сатирических произведений Фонвизина, приготовленное для «Собеседника», — «Всеобщая придворная грамматика», не пропущенная на страницы журнала и напечатанная много лет спустя по рукописи. Это один из самых ярких и беспощадно злых памфлетов против фаворитизма во всей мировой литературе XVIII в.

Борьба Фонвизина с Екатериной невольно привлекает больше внимания, чем прочий материал, печатавшийся на страницах «Собеседника». Между тем, в литературном отношении «Собеседник» представляет явление очень любсытное; это был первый русский журнал, совершенно отказавшийся от помещения на своих

¹ Возможно, что против Фонвизина обращена эпиграмма в ч. IX «Собеседника» — «На сочинение Финтáкова» (ударение в журнале):

Финтáков написал стихов и прозы много,
Но, критики, судить его не строго:
Вить что он ни писал,
Все у других украл.

Вымышленное имя Финтáков, начинающееся буквой «Ф» и с подчеркнутым ударением на втором слоге, как и Фонвизин, позволяет предположить, что эпиграмма направлена против автора «Вопросов»; впрочем, эта эпиграмма была опубликована еще раньше (см. Санкт-Петербургский вестник, 1780, ч. VI, стр. 200); повторение ее в «Собеседнике» в разгар полемики Екатерины с Фонвизинным, конечно, не случайно.

² Более подробно об участии Фонвизина в «Собеседнике» см. в указанной выше моей статье «Театр Фонвизина и русская культура», стр. 89—96.

страницах переводов: «сие собрание издаваться будет по частям, заключаая в себе только одни подлинныя российскія сочинения; почему присылающіе труды свои для напечатанія в сем Собеседникѣ благоволят присылать только таковыя, или подражанія сочинениямъ, изданнымъ на другихъ языкахъ; а переводы, какого бы они рода ни были, помещены здѣсь не будутъ. Ежели же напечатается что-нибудь в сем собраніи под названіемъ перевода, — предупреждаетъ редакция, имея в виду «Оду къ Фелице», якобы переведенную Державиннымъ с арабскаго, — то сие только будетъ в такомъ случаѣ, когда кто изъ сочинителей, желая остаться неизвѣстнымъ, назоветъ себя переводчикомъ».

Издание журнала, состоявшаго изъ однихъ только оригинальныхъ произведеній, имело для русской литературы того времени большое значеніе, показывая ея ростъ и зрелость и побуждая писателей къ серьезной работѣ надъ собою. Действительно, здѣсь было опубликовано много превосходныхъ произведеній тогдашнихъ русскихъ писателей. Добролюбовъ, немало потрудившійся надъ темъ, чтобы показать подлинный характеръ журнала кн. Дашковой и Екатерины II, темъ не менѣе считалъ, что «это было замечательное явленіе въ русской журналистикѣ» (стр. 39) и «что в продолженіе двухъ лѣтъ своего изданія онъ [«Собеседникъ»] совмещалъ в себѣ почти всю литературную деятельность русскихъ писателей того времени» (стр. 32).

В самомъ дѣлѣ, кромѣ Екатерины, кн. Дашковой и Фонвизина, в «Собеседникѣ» приняли участіе Державинъ, Капнистъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Козодавлевъ, Костровъ, Херасков,¹ Муравьевъ, Бобровъ, Нелединскій-Мелецкій, Д. Хвостовъ, В. Левшинъ, Плавильщиковъ и др.

Журналъ печатался «при Академіи Наукъ» въ количествѣ 1812 экз.² Но, несмотря на неоднократныя указанія въ самомъ журналѣ о большомъ читательскомъ успѣхѣ его, все же онъ расходился, очевидно, не слишкомъ хорошо. Добролюбовъ въ свое время отметилъ, что по мѣрѣ приближенія къ концу изданія цена отдельной книжки понижалась, а передъ самымъ закрытіемъ «Собеседника» первыя номера его продавались со скидкой въ 50%. «Ясно, — говоритъ Добролюбовъ, — что книга плохо шла съ рукъ» (стр. 38—39).

Впрочемъ, въ 1809 г. было сделано второе изданіе XV и XVI частей «Собеседника» (на бумагѣ съ водяными знаками 1804 г.). Возможно, что это переизданіе находилось въ связи съ осуще-

¹ Сухомлиновъ М. И. История Россійской Академіи. СПб., 1882, т. VI, стр. 344. Прежнія указанія, что «М. Х.» — это М. В. Храповицкій, ошибочны.

² Там же, стр. 33.

ствленными около этого же времени перепечатками «Комментариев» и «Ежемесячных сочинений» (см. выше).

Из журналов XVIII в. «Собеседник» изучен лучше всего. Замечательная статья Добролюбова представляет осбенный интерес как со стороны методологической, так и методической.

«РОССИЙСКИЙ ФЕАТР»

(1786—1794)

Это периодическое издание выходило «при Академии Наук» с 1786 по 1794 г.; всего было издано 43 части. Полное название журнала было следующее: «Российский феатр, или полное собрание всех российских феатральных сочинений». В литературе сложилось мнение, что это издание возникло по инициативе кн. Е. Р. Дашковой в годы ее директорства в Академии Наук. Предполагалось дать полный репертуар как уже напечатанных, так и до того не опубликованных русских пьес, в основном оригинальных, но нередко и переделанных и даже просто переведенных. Можно, однако, предположить, что одной из основных причин, вызвавших к жизни этот журнал, было желание Екатерины II как можно шире популяризировать свои комедии 1772 г. и в особенности антимасонские комедии 1785—1786 гг. В этом убеждает, в частности, то обстоятельство, что из первых двадцати частей «Российского феатра», вышедших до середины 1788 г., пять было отведено комедиям Екатерины.¹

В «Российском феатре» были перепечатаны драматические произведения Сумарокова, Ломоносова, Тредиаковского, М. Хераскова, В. Майкова, И. Богдановича, Н. Николева, Я. Княжнина, И. Крылова, А. Аблесимова, М. Прокудина, В. Лукнина и др.

Из-за помещения в XXXIX части журнала трагедии Княжнина «Вадим» «Российский феатр» подвергся цензурным преследованиям, «крамольная» пьеса была вырвана (с кусками предшествующей и последующей), и даже в таком виде злополучная книжка журнала не была пущена в продажу раньше, чем через 64 года. В связи с неприятностями из-за «Вадима» вскоре «Российский феатр» был закрыт.

¹ Д. Д. Шамрай обратил мое внимание на приведенное С. Смирновым в «Истории Московской славяно-греко-латинской академии» (М., 1885, стр. 332, примечание) письмо кн. Е. Р. Дашковой от 30 марта 1786 г., где указывается, что она, Дашкова, «имеет долг, во исполнение высочайшей ее императорского величества воли, издать в свет собрание всех российских феатральных сочинений».

«Российский феатр» не был журналом в прямом смысле слова. Это — серия драматических произведений разных жанров, выходившая отдельными выпусками или частями. Несмотря на то, что здесь, наряду с общепризнанными театральными авторами, как Сумароков, Княжнин, Херасков, печатались иногда начинающие писатели, которые ничем больше себя в литературе не проявляли, «Российский феатр» имел немалое значение для истории нашей театральной культуры. В особенности интересно то, что в «Российском феатре» находили место и пьесы с свободолобивыми тенденциями, вроде «Сорены и Замира» Николаева, «Вадима» Княжнина, комедий опального (в 1793—1794 гг.) Ив. А. Крылова и т. д. В сорока трех частях «Российского феатра» было напечатано 175 пьес, из них около 150 современных для той эпохи драматургов. Тексты пьес воспроизводились точно, но без предисловий и с изменением орфографии.

Фактическим редактором издания был коллежский советник В. А. Ушаков.¹

Тираж Российского феатра был невелик: первая часть была напечатана в 612 экземплярах.²

«НОВЫЕ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ»

(1786—1796)

Начавшие выходить с июня 1786 г. «Новые ежемесячные сочинения» были последним литературно-научным журналом Академии Наук не только в XVIII в., но и вообще. Подобно своему прообразу, «Ежемесячным сочинениям», новый журнал имел характер энциклопедический. «Ежемесячные сии сочинения, — предупреждали издатели в первой книжке, — будут вместить в себя всякого рода творений. В них помещаемы будут философические, физические, экономические, исторические, географические и вообще все рассуждения, какие только к приращению человеческих знаний способствовать могут. Описания разных художеств, ремесл, рукоделий и промыслов тем охотнее будут принимаемы, что каждое из сих искусств заключает в себе особливые вещам наименования, которые к обогащению российского языка неотменно послужат, и, следовательно, от таких сочинений сугубая будет польза. Но поелику и из просвещенных людей не всяк и не всегда имеет достойной предмет, о котором бы мог писать,

¹ Архив АН, фонд № 3, опись № 1, дело № 558, л. 193. За это указание приношу благодарность Д. Д. Шамраю.

² Там же, л. 193.

РОССИЙСКІЙ
ТЕАТРЪ

или

Полное собраніе
всѣхъ
россійскихъ Театральныхъ
сочиненій.

Часть I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ,
1786 года.

то в сочинениях сих равное дается место и переводам, как в прозе, так и в стихах».

Литературный отдел в его оригинальной части представлен именами лучших тогдашних писателей. Здесь, кроме Карамзина, печатались, кажется, все крупнейшие поэты тех лет. Но, за немногими исключениями, в «Новых ежемесячных сочинениях» публиковались довольно бледные вещи. Так, Державин, кроме «Видения мурзы» (1791, ч. LVI, февраль, стр. 3—10)¹ и «Песни лирической россу на взятие Измаила» (1791, ч. LVIII, апрель, стр. 3—22), не поместил здесь каких-либо крупных в художественном отношении стихотворений. Такими же незначительными произведениями представлены в этом журнале Херасков, Богданович, Княжнин, Капнист. Впрочем, последний поместил здесь известную «Оду на истребление в России названия раба» (1787, ч. XV, сентябрь, стр. 52—56). И. И. Дмитриев перепечатал в «Новых ежемесячных сочинениях» свою знаменитую «Песню: На смерть голубка к Хлое» («Стоит сизый гслубочек...», 1794, ч. XCVIII, август, стр. 66—67), впервые опубликованную в «Московском журнале» Карамзина (см. ниже).

Кроме этих авторов, в академическом журнале участвовали Н. П. Николов (под своим именем, анонимно и под псевдонимом «Моисей Слепцов»), В. Рубан, Д. И. Хвостов, П. Карабанов, Н. Струйский, А. А. Майков и др.

Кроме произведений современных писателей, в «Новых ежемесячных сочинениях» помещались и некоторые материалы из прошлого русской литературы. Такова, например, приписываемая Ломоносову эпиграмма на пензенского воеводу Александра Жукова (1786, ч. VI, декабрь, стр. 66) и более любопытная пародия под названием «Надгробная надпись», представляющая стилизацию под Тредиаковского (там же, стр. 66). В препроводительном письме сочинителем пародии назван некий «Б.», который, по словам автора письма, «был студент в вашей академии». Речь идет, конечно, об И. С. Баркове, известном вообще своими удачными пародиями-стилизациями. Кстати, имитацию манеры Тредиаковского представляет «Цидулка к слагателю мусикийской комедии: название ей: Февей», подписанная «Стихоткач Телемахидин»; этот псевдоним считается принадлежащим Николову.

В литературном отделе «Новые ежемесячные сочинения» делали шаг назад по сравнению с «Собеседником любителей российского слова», давая место наряду с оригинальными произведениями также и переводам. Последние, в конце концов, заняли

¹ Ранее опубликованного в «Московском журнале» Карамзина (1791, январь).

Н О В Ы Я
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Часть I.

МЪСЯЦЪ ІЮЛЬ

1786 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
Изданіемъ Императорской Академіи
Наукъ.

«Новые ежемесячные сочинения» (1786).

первенствующее положение в академическом журнале. Но переводы в «Новых ежемесячных сочинениях» не делались по какому-либо определенному плану. Редакция, очевидно, вполне зависела от присылаемого материала, выбиравшегося самими переводчиками; поэтому, наряду с Овидием, которого «Превращения» и другие произведения занимают много места в журнале, находим переводы из Шолье, из Мерсье, Галлера, Геллерта, Аддисона и даже из «Спектатора» (ч. СХХI) и Вольтера. Любопытно помещение самоедской сказки, напечатанной *texte en regard* с русским переводом (1787, ч. XII, июнь, стр. 61—70).

Подобная же эклектичность замечается и в других отделах, в частности в философском. Здесь встречаются и переводы из «De l'Esprit» Гельвеция («О несправедливом употреблении слов», пер. П. Ж., 1786, ч. VI, декабрь, стр. 69—87), и из Бэкона («Философические примечания, взятые из нравоучительных опытов Бэкона. О юности и старости», пер. Б. Поленова, 1791, ч. LXVI, декабрь, стр. 27—35), и даже из Боэция («О утешениях философических», пер. М. Завьялова, 1786, ч. VI, стр. 80—83), а также множество переводов из пияетистов и других философов-идеалистов, имена которых в большинстве случаев не указываются.

Научный отдел «Новых ежемесячных сочинений» не менее бесцветен, чем остальные. Как кн. Дашкова, так и сменивший ее в конце 1794 г. П. В. Бакунин требовали от академиков обязательной присылки в каждую книжку журнала произведений «по части наук». Академики, как это явствует из «Протоколов конференции Академии Наук», тяготились этими требованиями, и поэтому, в особенности в последние годы существования журнала, почти из книжки в книжку печатались статьи, взятые из архива Г. Ф. Миллера и т. п. Несомненный научный и еще больший культурный интерес представляют статьи по истории России и по экономическому и географическому изучению северного края страны, присылавшиеся из Архангельска местными писателями из купцов В. В. Крестининым и А. И. Фоминым. Дятельность этих ранних краеведов безусловно заслуживает серьезного изучения; в частности, следовало бы подробнее осветить их сношения с Академией Наук, членами-корреспондентами которой они оба были: первый — с 1786 по 1795 г., второй — с 1795 по 1804 г.

Вопросы языкознания занимали в «Новых ежемесячных сочинениях» довольно видное место, — здесь были помещены некоторые интересные статьи по вопросам диалектологического и исторического изучения русского языка (Крестинин, Фомин и др.), теории литературного перевода (Ив. Захаров, П. Лепехин; статья

последнего — переводная), теории русского стихосложения (анонимная, но несомненно принадлежит Н. Николеву).¹

В политическом отношении «Новые ежемесячные сочинения» представляют наиболее откровенно консервативное издание из всех выпускавшихся Академией Наук. Особенно отчетливо проявилось это в 1793 г., накануне и после казни Людовика XVI. Уже в декабрьской книжке «Новых ежемесячных сочинений» 1792 г. было помещено очень резкое антиреволюционное письмо, приписываемое кн. Е. Р. Дашковой (ч. LXXVIII, стр. 3—5);² в нем французы называются «ветренным, взбесившимся народом, который к легконравию своему присоединил беснующуюся злость к исторжению всего святого, который к бесчеловечным, содрагающим душу действиям, присоединил дерзость и закон отвергать». По словам автора, «Париж... есть только скопище разбойников, каторжников и бунтовщиков». Еще враждебнее к Французской революции стихотворения Дашковой «Мнение некоего россиянина о единоначалии» (1793, ч. LXXX, февраль, стр. 4—7) и «Правило россиянина» (ч. LXXXI, март, стр. 25—31).³ В этих же книжках журнала напечатаны и другие произведения аналогичного характера; таковы, например, притчи Пфедфеля в февральской книжке — «Народное правление» (стр. 82) и «Французская вольность и равенство. Две притчи: 1. Употребление вольности. 2. Органы» (стр. 96—99). В мартовской книжке помещен «Тропарь, предложенный к случаю кончины Л[юдвика] XVI» (стр. 97—99). Подобного характера антиреволюционная продукция встречалась и позднее.

Вопрос о редакторах «Новых ежемесячных сочинений» освещался до сих пор в литературе не вполне точно, вследствие ошибки, сделанной еще в 1852 г. акад. А. А. Куником. В своей известной работе «Об ученых сборниках и периодических изданиях Академии Наук с 1726 по 1852 год», напечатанной в I томе «Записок Академии Наук по первому и третьему отделениям» и представлявшей основной источник по истории академической периодики как для А. Н. Неустроева, так и для Н. М. Лисовского, Куник указал, что «в числе редакторов „Новых ежемесячных сочинений“, между прочим, были, один за другим, академики Румовский и Протасов» (стр. ХСІ). Неустроев, обычно дословно повторявший текст Куника, в данном случае, однако, сделал некоторое отступление: между фамилиями Румов-

¹ Штокмар М. П. Библиография работ по стихосложению. М., 1934, стр. 23.

² Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пгр., 1914, стр. 32—34.

³ Там же, стр. 37—39.

ского и Протасова он вставил фамилию Озерецковского (стр. 403). Эти сведения были потом повторены и Лисовским.

На основании «Протоколов Конференции Академии Наук с 1725 по 1803 год» (том IV, 1786—1803, СПб., 1911) точно устанавливается, что первоначально, с июля 1786 г., не один за другим, а одновременно редакторами были Озерецковский¹ и Протасов; но уже с конца 1789 г. по май 1796 г., т. е. до своей смерти, Протасов редактирует один;² после него недоданную книжку журнала редактируют И. Лепехин (за май 1796 г.)³ и Я. Захаров (июнь—август).⁴

ЧАСТНЫЕ ЖУРНАЛЫ УМЕРЕННО- ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Наряду с изданиями, проводившими правительственные взгляды, а иногда и непосредственно руководимыми правительством, в конце XVIII в. было несколько частных журналов, политическая физиономия которых была мало выразительна и определена. В этих изданиях довольно заметны либеральные по тому времени тенденции, но ничем ярким журналы эти себя не ознаменовали. Если не считать «Санкт-Петербургского вестника», о котором ниже, все остальные журналы этой группы — «С.-Петербургское еженедельное издание», «Утра», «Растущий виноград», «Новости» и т. д. — были изданиями невысокого идейно-литературного уровня.

Наибольший интерес из журналов этой группы представляет «С.-Петербургский вестник».

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВЕСТНИК»

(1778—1781)

Журнал этот издавался ежемесячно в течение трех с половиной лет (с 1778 по середину 1781 г.). Редактором его был Г. Л. Брайко, незадолго до этого принимавший участие в «Собрании новостей» и, кроме того, переведший с французского отрывок из знаменитого «Землеописания» А. Ф. Бюппинга «Коре-

¹ Об Озерецковском — стр. 90, 106, 153 (здесь он назван «соредактором»), 182, 208.

² О Протасове — стр. 222, 420 (здесь указывается, что он редактирует журнал с июля 1786 г. и просит разрешить ему довести журнал до полного десятилетия).

³ О Лепехине — стр. 513 и 546.

⁴ О Захарове — стр. 550, 552, 557 и 569. Августовская книжка журнала в свет не выходила.

САНКТПЕТЕРБУРГСКИЙ В Ъ С Т Н И К Ъ,

содержащій:

всѣ Указы
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
и правительствующаго Сената;

извѣстія о достопамятныхъ произшествіяхъ
въ столицахъ, въ Намѣстническихъ и Гу-
берніяхъ; Росписаніе всѣмъ выходящимъ въ
Государствѣ новымъ Книгамъ, съ краткимъ
разсужденіемъ объ оныхъ; разныя мѣкія
Сочиненія, для полезнаго и приятнаго
чтенія; перечень важнѣйшимъ ино-
страннымъ новостямъ,
и проч.

Съ Высочайшею
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
привилегією.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
отъ Января до Юня 1778. года.

Въ Санктпетербургѣ
у Книгопродавца Ив. Вейтбрехта.

Печатано
въ вольной Типографіи Вейтбрехта и Шнора.

«Санкт-Петербургский вестник» (1778).

левство английское, или Великобритания и Ирландия» (СПб., 1772). Повидимому, перевод этот не был случайным, так как и в «С.-Петербургском вестнике» явно заметен интерес к Англии.

Добролюбов ставил высоко «С.-Петербургский вестник». «Этот журнал, — писал он, — менее обнаруживающий склонности к отвлеченным, бесплодным умствованиям, больше вникавший в жизнь и лучше ее понимавший, нежели остальная журнальная братия, скоро овладел общим вниманием и продолжался непрерывно, в течение почти четырех лет, — явление очень редкое в то время». Перечислив существовавшие в «С.-Петербургском вестнике» отделы, Добролюбов продолжает: «все это придавало журналу небывалые до того живость и разнообразие и, конечно, много содействовало его успеху в публике».¹

Оценка Добролюбова нисколько не преувеличена: «С.-Петербургский вестник» был серьезным, выдержанным и интересным журналом. Уже «Предупреждение», которым открывалась первая книжка, обнаруживает строгую продуманность плана издания. Еще любопытнее «Фрагменты, или мысли, взятые из разных авторов. Вместо предисловия» (ч. I, январь, стр. 9—15). Брайко отказался от идеи вводной статьи, заменив ее рядом цитат из иностранных и русских авторов, тем самым подчеркивая свою солидарность с высказанными в них взглядами. Особенно интересна выдержка, в которой говорится о зависимости развития и процветания литературы от «свободы мыслить» (там же, стр. 13—14). Едва ли есть необходимость указывать, что появление в «С.-Петербургском вестнике» подобной выдержки было связано со стеснениями печати, проводившимися при Екатерине, в особенности после подавления восстания Пугачева. Вероятно, из опасения цензурных осложнений Брайко, приведя цитату о свободе мыслить, счел нужным сейчас же внести ограничение: «Сие разумеется о вольности, управляемой благоразумием и законами. Честный человек иной свободы не знает».

Вторую причину расцвета некоторых литератур Брайко усматривает в наличии в них большого числа переводов и в серьезном отношении к переводческому делу. «Превосходный переводчик там не менее сочинителя почитаем и прославляем; не менее оного ему откровен путь ко бессмертию, и все там умеют познавать цену услуги, им обществу оказанной».

Некоторые из Фрагментов не имеют подписи. Не должно ли принять это как указание на принадлежность их перу редактора? Один из них, опять-таки очень понятный в условиях екатерининского царствования, особенно заслуживает быть отмеченным:

¹ Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 34.

«Почто хотят воспретить живущему свету судити наши дела, когда потомства суд тем строжае будет» (стр. 14).

Очень интересно введение Брайко к отделу «Известия о новых книгах» в первой книжке журнала (стр. 56—59). Здесь дана программа библиографической оценки новых изданий, заслуживающая внимания своей серьезностью и систематичностью.

Литературная позиция «С.-Петербургского вестника» может быть охарактеризована как переход от классицизма к преромантизму. С одной стороны, здесь имеет место сильное поклонение Сумарокову (в первой же книжке журнала, стр. 39—49, была помещена «Сокращенная повесть о жизни и писаниях А. П. Сумарокова», переведенная из немецкого журнала «S.-Petersburgisches Journal», издававшегося «издивением» того же Вейтбрехта, который выпускал и «С.-Петербургский вестник»). Но, с другой стороны, тут же печатается ряд ранних стихотворений Державина, «Сатира» Капниста, перевод знаменитой «Оды Гаралда Храброго» (перевод Г. Брайко, в прозе, ч. I, апрель, стр. 312—314), «Опыты калмыцкого стихотворения» (ч. I, март, стр. 230—232), «Отрывок из китайского букваря» (ч. VI, ноябрь, стр. 370—372), «Отрывок из английской книги *Jouiks sentimental jougneys* [!] Иорикова чувственное путешествие чрез Францию и Италию. Сочинение г. Стерне» (ч. IV, июль, стр. 24—32, перевод Б. Арндта), переводы из Клейста, Виланда, Геснера, Галлера, Честерфильда и т. п. В «Анекдотах» приводятся романтические предания вроде истории графа Глейхена (ч. III, февраль, стр. 141—143). В рецензиях рекомендуется переводить «сочинения г. Рехардзона, Филдинга, Стерна» (ч. I, март, стр. 319). В отделе «Перечень иностранным новостям» наряду с политическими событиями сообщается о смерти Галлера, Линнея, Вольтера и Руссо (ч. II, июль, стр. 80), Гаррика (ч. III, февраль, стр. 170—181). В «Известиях о разных происшествиях [внутренних]» помещено было сообщение о гибели библиотеки Киевской академии, «славной редкими своими рукописными сочинениями» (ч. VI, апрель, стр. 319).

Иногда отделы критики и иностранных новостей служили способом проведения политических воззрений редакции. Так, в майской книжке 1779 г. сообщалось о том, что «польский князь Франц Сулковский объявил всех своих крепостных крестьян вольными и укрепил им в собственное владение их усадьбы, которыми они, яко подданные, временно только пользовались» (стр. 411). В рецензии на книгу шеваля Вильгельма Тампля «Опыт о народных недовольствах», крайне реакционную, приводится характеризующая направление книги цитата и многозначительно прибавляется: «Сии сделанные нами выписки упова-

тельно просвещенным нашим читателям довольным будут способом судить, как об образе рассуждений сочинителя, так и об успехе г. переводчика» (ч. II, декабрь, стр. 486).

Перечисляя достоинства «С.-Петербургского вестника», Добролюбов отмечал наличие в нем «библиографии — довольно полной и дельной для своего времени».¹ Действительно, в каждой книжке журнала находится по нескольку отзывов на разнообразные книги, обычно на вышедшие только что из печати. Отзывы эти не имеют характера рецензий, какие появляются лишь в журналах Карамзина. Здесь же это, в большинстве случаев, — небольшая характеристика автора (или переводчика), а затем дается отрывок текста для ознакомления читателей со слогом рецензируемой работы. Руководствуясь принципами, изложенными во введении к критико-библиографическому отделу в первой книжке, редакция «С.-Петербургского вестника» почти всегда дает положительные оценки книгам. Впрочем, иногда, как в приведенном выше примере с отзывом об «Опыте» Тампля, имело место молчаливое осуждение книги. Иногда рецензенты отваживались делать кое-какие замечания, и тогда возникала полемика. Наиболее известен случай, когда И. Ф. Богданович, недовольный недостатком почтительным отзывом о его «Историческом изображении России» (ч. II, июль, стр. 55—60), поместил в редактируемых им «С.-Петербургских ведомостях» (1778, № 64) раздражительный ответ; в «С.-Петербургском вестнике» было напечатано ответное письмо Богдановичу, к чести редакции, очень выдержанное и корректное и в то же время вполне убедительное.

Другой случай полемики на страницах «С.-Петербургского вестника» не был связан с рецензиями, а был вызван резкой «Сатирой первой» Капниста (ч. V, июнь, стр. 440—447), в которой, между прочим, были перечислены как бездарные виршеписцы современные писатели со слегка измененными фамилиями:

Котельский, Никошев, Вларикин, Флезиновский,
Обвесимов, Храстов, Весевкин, Компаровский.

Эти имена расшифровываются так: Козельский, Николев, И. Владыкин, Фрезиновский, Аблесимов, А. Хвостов, Веревкин и Я. Кантаровский.² «Сатира» Капниста вызвала толки в литературных кругах, и вскоре на страницах «С.-Петербургского вестника» было напечатано «Письмо к господину К., сочи-

¹ Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 34.

² Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2-е, М., 1869, стр. 43. У Дмитриева «Компаровский» не идентифицирован с Кантаровским. Последний указан В. И. Саитовым в статье о Капнисте в «Русской поэзии» Венгерова, стр. 726.

нителю сатиры первой» (ч. VI, сентябрь, стр. 234—237), подписанное так: «Д.—». Письмо это любопытно по ряду оснований: во-первых, оно представляет интересный образчик литературной полемики той эпохи, полемики резкой, запальчивой и не всегда соблюдавшей приличный тон; автор особенно негодует на то, что задеты почтенные писатели, вроде Веревкина, Николева и др.; во-вторых, оно является в то же время примером литературной критики того времени, в особенности в той части, где автор указывает на «заимствования» Капниста у своих предшественников на поприще сатиры, — у Фонвизина, Сумарокова, Буало; в некоторых случаях автор письма иронизирует над Капнистом: «В этом месте кажется не Боало вам подражал, сказавши...»; в другом месте автор колко пишет по поводу стихов Капниста:

«Где с кем я ни сойдусь, с кем речь ни начинаю,
«Или невежество, или порок встречаю!»

(Сат. I, ст. 5, 6).

Повидимому, слышалась от Ваньки, который говорит:

«Куда ни обернусь, везде я вижу глупость,
«И всякой, чтоб набить потуже свой карман,
«За благо рассудил приняться за обман».

Смотри послание к слугам моим Шумглову, Ваньке и Петрушке, стих 50, 58, 60 (стр. 236).

Кончается письмо довольно дерзко: «Теперь открыв вам мои мысли об вас и об вашей сатире, я предоставляю вам мыслить, с каким я вам почтением пребываю, государь мой, ваш покорный слуга Д.—» (стр. 237).

Редакция «С.-Петербургского вестника» снабдила письмо это своим послесловием, став на сторону Капниста. По ряду оснований, автором этого письма следует признать Д. И. Фонвизина, ученика М. И. Веревкина (по Московскому университетскому пансиону); он единственный из авторов, упомянутых в письме, но не названных в критикуемой сатире; письмо своими ироническими выпадами и ядовитым концом вполне напоминает фонвизинскую манеру. Наконец, подпись не просто «Д», а «Д.—», т. е. можно понять, что автор проставил первую букву имени, а вместо фамилии поместил тире.¹

В ноябрьской книжке «С.-Петербургского вестника» 1780 г. на первой странице (ч. VI, стр. 315—316) было напечатано

¹ Это письмо перепечатано в «Сочинениях» Капниста (в смирдинском издании), вероятно для того, чтобы понятея был помещенный ниже ответ Капниста. Впрочем, в литературе высказывалось мнение, что это «письмо» — мистификация самого Капниста.

стихотворение Державина «Ода, преложение псалма 81», в которой очень резко говорится о «царях, земных богах». Это стихотворение вызвало цензурное преследование журнала: из большинства экземпляров стихотворение было вырезано и первая страница заменена другой, напечатанной более разгонисто, содержавшей только начало другой статьи, шедшей в основном тексте за стихотворением Державина.¹ Вместе с тем, редакции были очевидно сделаны какие-то внушения, так как в той же книжке журнала есть объявление от «издателей» следующего содержания:

«Некоторые обстоятельства побуждают издателей оного с переменением года переменить и план оного, о чем в следующем месяце пространно объявлено будет; впрочем, оно сохранит старое свое имя и начнется I томом» (стр. 387). В следующем месяце, однако, обещанного разъяснения дано не было, а с января 1781 г. журнал явно захирел. В июньской книжке 1781 г. было сообщено, что «разные непредвидимые обстоятельства, помешав порядочному Санкт-Петербургского вестника изданию, принуждают издателей оного окончить оное сею седмою, или нынешнего года первую частью» (стр. 1 нен.).

Не имея возможности указать на насильственное закрытие «С.-Петербургского вестника», Добролюбов, сравнив его с «Московским телеграфом» Полевого, писал, что «уничтожение последнего [т. е. «С.-Петербургского вестника»], всего вероятнее надо искать в обстоятельствах, теперь нам неизвестных».²

В «С.-Петербургском вестнике», помимо перечисленных выше лиц, принимали еще участие Я. Б. Княжнин, И. И. Хемницер, Я. Я. Штелин, П. П. Бекетов, М. А. Дьякова, Ф. Козельский, М. Костин, П. Тимченко, И. И. Татищев, Гавр. Медведев, Андрей Бахерахт и др.

О тираже точных сведений нет. По перечню имен подписчиков видно, что в первое полугодие 1778 г. было 299 лиц, во второе — 89 (повидимому, новых), в 1779 г. — 292. За следующие годы имена подписчиков не печатались.

ЧАСТНЫЕ ЖУРНАЛЫ ПРОГРЕССИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Первые годы после подавления движения Пугачева в журналистике функционировали только издания правительственного и умеренно-либерального направления, а также издания масонские.

¹ Полный экземпляр из собрания известного библиофила С. Д. Полторацкого находится в Библиотеке АН СССР (Ленинград).

² Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 34.

Лишь в середине 1780 годов вновь делаются попытки публикации журналов с более прогрессивными устремлениями.

«ДРУГ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ, ИЛИ СТАРОДУМ»

Одному из этих журналов не пришлось даже увидеть света, несмотря на то что объявление о его издании было напечатано. Имя издателя этого неосуществившегося журнала было настолько однозвучно, что екатерининское правительство могло ожидать немало хлопот с проектируемым изданием. Журнал должен был называться «Друг честных людей, или Стародум», издавать его намеревался Д. И. Фонвизин. Представив в Петербургскую управу благочиния первую часть «Друга честных людей» для цензурного рассмотрения, Фонвизин уже в начале апреля 1788 г. сообщал гр. П. И. Панину: «Здесьняя полиция воспретила печатание Стародума; итак, я не виноват, если он в публику не выйдет».¹

Не только неприязнь Екатерины к Фонвизину за его дерзкие «Вопросы», опубликованные в «Собеседнике», была причиной запрещения «Стародума»: самое содержание нового журнала было таково, что в годы потемкинских режимов его издать было невозможно. Уже само название журнала, несмотря на полемику Екатерины с Фонвизиним-Стародумом, подчеркивало, что то новое, свидетелем которого был автор «Недоросля» и которое выдавалось Екатериной за успехи цивилизации, его не удовлетворяло. Обращение к «честным людям» еще больше подчеркивало неприятие потемкинской действительности, и совсем угрожающе звучало посвящение журнала — Истине.

В самом деле, по своему содержанию, по своему общественному пафосу, по своей исключительно художественной форме «Друг честных людей, или Стародум» представляет выдающееся явление в русской журналистике. В печатном объявлении о предполагаемом издании говорилось: «Напрасно было бы предварять публику, какого рода будет сие сочинение, ибо образ мыслей и объяснения Стародума довольно известны».²

Действительно, в сохранившейся первой части журнала видно строгое единство направления, полная идеологическая выдержанность, целиком совпадающие с позицией Фонвизина в «Недоросле» и «Вопросах сочинителю Былей и небылиц». С первым объединяет журнал Фонвизина не только идеологическая общность, но и то, что в качестве сотрудников издания фигу-

¹ Сочинения Д. И. Фонвизина под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866. стр. 356.

² Там же, стр. 227.

рируют некоторые персонажи великой комедии, например, Стародум, Софья, Тарас Скотинин; с «Вопросами» роднит «Друга честных людей» ряд идей, а иногда и формулировок, знакомых нам по «Собеседнику». Такова, например, мысль о роли вольных типографий, о «рабских душах, обитающих в теле знатного вельможи», и т. д.

Но «Друг честных людей» не представлял бы интереса, если бы только повторял прежнего Фонвизина: ценность этого журнала заключается именно в дальнейшем развитии художественного дарования автора. Некоторые страницы «Друга честных людей» являются лучшим из того, что создано было русской литературой XVIII в. Такова, например, «Всеобщая придворная грамматика», бичующая ирония которой достигает исключительной силы художественной выразительности и гражданской смелости. Таково «Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой», в котором Фонвизин, расширяя и углубляя образы прежних своих героев, уже в какой-то мере намечает методы салтыковской сатиры: Скотинин сообщает сестре о смерти своей любимой свиньи Аксиньи, названной им из сыновнего почтения именем покойной матери; «сие несчастное приключение, — пишет Тарас Скотинин, — переменяло совсем нрав мой. Мне свет опостылел. Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту; но надобно чем-нибудь заняться». И вот нравственно переродившийся Скотинин, как будущие герои Щедрина, начинает чувствовать в себе склонность к этическим проблемам: «Хочу прилепиться к правоучению, — пишет он сестре, — то есть, исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнеее средство, то находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березой» (стр. 237). Гротескный образ Тараса Скотинина — насадителя нравственности — должен быть причислен к совершеннейшим созданиям антикрепостнической сатиры. Но возможно, что в «Письме Тараса Скотинина» Фонвизин хотел также осмеять теории Екатерины по воспитанию «новой породы людей» в условиях крепостнической действительности, как бы говоря, что при сохранении власти в руках помещиков всякие попытки в данном направлении волей-неволей обратятся в «исправление нравов березой» по методу Тараса Скотинина.

Еще более остроно против екатерининского режима «Письмо надворного советника Взяткина». Этот надворный советник представляет несомненное дальнейшее развитие образа Советника из «Бригадира» — тот же елейный тон, та же манера пересыщать речь своеобразно примененными церковными текстами,

Д. И. ФОНВИЗИН.
Портрет работы Ж. Ф. Караффа.

та же хищническая ухватка, та же отвратительная подьяческая этика. Но, если в «Бригадире» потомство Советника, в лице Софьи, не повторяет отцовских пороков, поскольку это вполне разрешалось классической теорией, в «Письме Взяткина» сделан решительный шаг в сторону реалистического изображения действительности. Фонвизину, конечно, была очевидна несообразность появления добродетельной Софьи в семье алчного ханжи Советника; скорее можно было допустить иное, более близкое к реальной жизни эпохи — появление еще больших взяточников и лихоимцев. И вот в своем письме Взяткин характеризует своего сына Митюшку, который, — по его словам, — «к приказным делам весьма сроден», «уже под моим смотрением, — хвалится Взяткин, — сочинил совсем нового рода сводное уложение, прискав на каждое дело по два указа, из коих по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелевается» (стр. 243).

Надо помнить, что во вторую половину екатерининского царствования всякого рода напоминания о разогнанной Комиссии для сочинения нового уложения воспринимались как дерзкие выпады против императрицы. А в цитированном отрывке из письма Взяткина как раз содержатся подобные намеки. В то время как правительство вынуждено было отказать от ранее поставленной цели, молодой подьячий «сочинил совсем нового рода сводное уложение». Иными словами, екатерининское царствование оказалось только на руку тем самым элементам, против которых выступала Екатерина на словах.

«Письмо Взяткина» разрушало еще одну иллюзию. Обычно сатира екатерининского направления считала и изображала плутами, взяточниками и мошенниками мелких подьячих, идеализируя, не без влияния «Всякой всячины», вельмож и даже более или менее крупных чиновников. «Письмо Взяткина» обращено к «милоствивцу», «его превосходительству» и помечено не каким-нибудь задним числом, позволяющим хотя бы из цензурных соображений отнести сатиру к царствованию Елизаветы или даже Анны Ивановны; дата, выставленная в начале «письма», — «Москва 1777» — подчеркивала неприкрытость нападения, а близость ее ко времени непосредственно следовавшему за подавлением движения Пугачева, как бы показывала связь между ними. В своем «письме» Взяткин обращается к его превосходительству с поздравлением по поводу того, что адресат «так сказать, из ничего, по единой божеской благодати, слепым случаем, произведен в большой чин и посажен знатным судьей, весьма в непродолжительное время и без всяких трудов, по единой милости создателя, из ничего всю вселенную создавшего»

(стр. 242). При умении читателей XVIII в. делать широкие выводы из сатирических нападок современных писателей, цитируемое место не могло не восприниматься как явная критика фаворитизма, господства «случая», делавшего «из ничего» вчера еще незаметных людей «знатными особами». «Ответ» его превосходительства показывал, что Фонвизин разрушил старую традицию идеализации доблестных сановников, обнаруживая в «произведенном в большой чин» те же черты, которые подвергались осмеянию в подьяческой мелюзге.

Наконец, характеризуя не осуществленный в печати, но известный в списках журнал Фонвизина, необходимо отметить статью, в которой проводится мысль о конституции западноевропейского образца. Выражена эта мысль очень осторожно. Между молодым вельможей, пишущим стихи на французском языке, и его собеседником идет спор, есть ли в России ораторы. Стародум, сообщая об этом издателю, ставит вопрос о действительных причинах слабого развития у нас ораторского искусства. Он приходит к выводу, что «истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустою похвалою, но претурою, архонциями и консульствами награждается. Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тиряннина, а Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны» (стр. 248). Намекая, таким образом, что государственное устройство монархически-крепостнической России является причиной отсутствия у нас политического красноречия, Фонвизин устами Стародума утверждает далее, что существующие налицо задатки свидетельствуют о том, «какого рода и силы было бы российское красноречие, если бы имели где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих» (стр. 249).

Насколько смела была в годы потемкинского режима даже так контрабандно, так сказать, проведенная мысль о парламенте, ясно само по себе. «Друг честных людей, или Стародум» был слишком передовым по тому времени журналом, и потому он не был разрешен к изданию. Имел ли он влияние, распространяемый в рукописном виде, сказать трудно. Но если даже принять более правильное предположение с том, что «Друг честных людей» не оказал заметного влияния на читателей, то, во всяком случае, рассматривать его как продукт развития русской

журналистики безусловно необходимо, равно как и необходимо признать его одним из выдающихся памятников передовой общественной мысли в России.

Не следует думать, что «Друг честных людей» был в эти годы единственным журналом прогрессивного направления. Еще несколько раньше него была сделана также не удавшаяся попытка осуществить издание, ставившее себе целью распространять полезные знания, главным образом юридические, а также способствовать организации учебных заведений (в первую очередь «для женского полу»).

«НЕ ВСЕ И НЕ НИЧЕВО»

(1786)

И

«О ВСЕХ И ЗА ВСЯ И О ВСЕМ КО ВСЕМ,
ИЛИ РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТ И ПАТРИОТИЗМ»

(1788)

Эти журналы были задуманы и подготовлены Ф. В. Кречетовым, но так и остались в рукописи, если не считать первых листов — объявлений об этих изданиях.

Собственно говоря, как о журнале можно говорить только о первом издании, о «Не все и не ничего». Заглавие этого периодического органа было связано, как указывалось в шестом листе его, с книгой «Все или ничего»,¹ вышедшей, повидимому, в начале 1760-х годов. Смысл названия журнала отчасти поясняется в следующих стихах:

Не всё мы знаем, что есть в свете,
Но знаем: все — не ничего.

Оба издания Кречетова — «Не все и не ничего» и «О всех и за вся» — представляли популяризацию деятельности общества, организованного редактором-издателем с просветительно-патриотической целью. Каждый лист «журнала» «Не все и не ничего» может рассматриваться как отчет с заседаний этого общества. Изредка печатались здесь и литературные произведения, вроде «Разглагольствия, или богине Флоре, то есть богине цветов, за благотворения ее изъявления от всех народов приписуемой чести, славы и благодарности» (лист второй) или

¹ Все или ничего. Повесть нравоучительная. Пер. с французского А. Салтыкова]. М. (без указания года). Сам Кречетов передавал название этой книги не совсем точно: «Все и ничего».

«Испуганного стихотворца с сатаною в противодействиях перемирне» (лист шестой). Первое названное произведение написано белыми стихами, что в середине 1780 годов было довольно еще редким явлением; второе, начавшись такими же стихами, в дальнейшем переходило в прозу. Оба произведения написаны, как и все прочие творения Кречетова, тяжелым языком, иногда совершенно затемняющим смысл фразы.

Запутанные, витиеватые, обильные славянизмами и придуманными сложными словообразованиями статьи и стихотворения в «Не все и не ничего» при беглом чтении создают впечатление, что Кречетов — ярый монархист и искренний приверженец Екатерины. Однако в произведениях писателей екатерининского времени надо отличать настоящее их мнение от шаблонной и неизбежной комплиментарной формы. Так и в журнале «Не все и не ничего»: наряду с восхвалениями Екатерины (особенно это отразилось в названном выше «Разглагольствии, или богине Флоре изъявлении благодарности»), Кречетов все время превозносил, ссылаясь и истолковывая «Наказ» Екатерины, о котором к этому времени императрица давно забыла и напоминация о котором были ей крайне неприятны. Позднее, когда Кречетов по доносу был арестован и содержался в тюрьме, свидетели показали, что «о Наказе Екатерины II он высказался, что государыня совсем оставила его без действия и боится, „чтоб из него чего страшного не вышло“, если б было возможно она совсем бы истребила свой Наказ». Поэтому понятно, что неоднократные ссылки Кречетова на Наказ в «Не все и не ничего» были более показательными для характеристики его политических взглядов и потому имели больше значения, чем бросающиеся сразу в глаза похвалы Екатерине.

«Обвинители Кречетова, — пишет Н. П. Чулков, — утверждали, что он желал освобождения крестьян и установления республики и агитировал среди солдат, при помощи которых хотел совершить переворот. Конечно, писать об этом открыто Кречетов не мог, если таковы и были его желания. Вообще в деятельности Кречетова, — продолжает цитируемый автор, — надо различать его писания, в которых он является пламенным почитателем Екатерины II, ее Наказа¹ и созданных ею учреждений, и его разговоры, в которых он проводит совершенно другие взгляды, понося тирана Петра I и распутницу Екатерину II».²

¹ Н. П. Чулков в трактатке отношений Кречетова к «Наказу» был не прав, как видно из сказанного выше.

² Статья Чулкова и прочая литература о Кречетове указаны ниже.

Стройного и законченного мировоззрения у Кречетова не было. Политический вольнодумец, тираноборец и республиканец, «в религиозном отношении он стоит на старой платформе и, наравне с законом естественным, закон христианский у него является основой всего» (Чулков). В этом отношении Ф. В. Кречетов очень похож на другого радикального деятеля тех лет, тоже разночинца, Г. И. Попова.¹ Вообще конец XVIII и начало XIX в. создали особый тип русского политического вольнодумца и в то же время религиозного человека; литературное изображение подобных людей мы встречаем в известной повести И. С. Тургенева «Пунин и Бабурин».

Задуманное Кречетовым общество должно было распространять просвещение также и путем печатания полезных книг. Перечисление предположенных к выпуску сочинений составило содержание второго издания Кречетова — «О всех и за вся, и о всем ко всем, или Российский патриот и патриотизм». Проанализировав с биографической точки зрения эти материалы, историк русской библиографии Н. В. Здобнов пришел к выводу, с которым мы вполне согласны: «Для истории библиографии чрезвычайно важным является факт использования Кречетовым библиографии в качестве одного из средств пропаганды своих просветительных идей и стремлений, а также тот факт, что книгоиздательский проспект Кречетова был первым в России конфискованным и уничтоженным библиографическим изданием».²

Вместе с тем нельзя согласиться с Н. В. Здобновым, видевшим в Кречетове только «мирного просветителя». Надо полагать, что Кречетов путем печатных изданий, популяризовавших идею просветительно-патриотического общества, добивался расширения круга сотрудников, на которых — уже устным путем — намерен был действовать в более радикальном направлении.

Н. П. Чулков в статье о Кречетове³ сообщил подробные сведения о деятельности издателя, просидевшего с 1793 по

¹ О Гавр. Попове см.: Сивков К. В. Г. И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России конца XVIII в. — Вопросы истории, 1947, № 12, стр. 80—87; Светлов Л. Б. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. — Изв. АН СССР, Отд. истории и философии, 1949, № 5, стр. 447—448.

² Здобнов Н. В. История русской библиографии. М., 1944, т. I, стр. 67; изд. 2-е, М., 1951, стр. 87.

³ Ф. В. Кречетов — забытый радикальный журналист конца XVIII в. — Литературное наследство, 1933, № 9—10, стр. 453—470. О Кречетове, кроме того, см.: Корольков М. Я. Поручик Федор Кречетов. Шансбургский узник XVIII столетия — в его книге «Минувшее». Пгр., 1917, стр. 59—83 (ранее в ж. «Былое», 1906); ж. «Записки библиофила», изд. А. Бурцова, 1912, вып. II, стр. 21—32; Плеханов Г. В. Сочинения, т. XXII, стр. 233—241; Здобнов Н. В. История русской библиогра-

1801 г. в Шлиссельбургской крепости, и сделал интересную и убедительную попытку истолковать его произведения, в том числе и журналы, как проявление русской радикальной мысли конца XVIII в. Перепечатанный в 1898 г. журнал Кречетова «Не все и не ничево»¹ свидетельствует, что он представлял попытку основания органа свободной общественной мысли в то время, когда реакция прекратила деятельность других передовых изданий. И хотя из шести подготовленных листов журнала в свет вышел только один, все же в истории русской журналистики XVIII в. издания Кречетова должны быть упомянуты.

«УТРЕННИЕ ЧАСЫ»

(1788—1789)

Обращаясь к печатным журналам конца 80-х и 90-х годов XVIII в., в первую очередь надо остановиться на «Утренних часах» (1788—1789) И. Г. Рахманинова и П. А. Озерова.² Журнал этот несколько раз подвергался историко-литературному анализу, и за ним укрепилась репутация в общем мало интересного органа. «„Утренние часы“, — писал Ф. А. Витберг, — был журнал бессодержательно-нравоучительный, с очень несмелым, так сказать безличным сатирическим или, вернее, обличительным оттенком, почти весь наполненный переводными отрывками из разных нравоучительных произведений европейской литературы, из сборников анекдотов и даже из буквально детских книг, вроде *Lettres pour les enfants*».³ В. П. Семенников, характеризую личность одного из издателей — И. Г. Рахманинова, известного и страстного вольтерьянца, писал: «Повидимому, Рахманинов не играл руководящей роли в выпускавшихся при ближайшем его участии журналах; об этом свидетельствует

фин. Изд. 2-е, стр. 84—87 и 496—497; Сивков К. Общественная мысль и общественные движения в России в конце XVIII века — Вопросы истории, 1946, № 5—6, стр. 95. Известно также, что в 1936 г. в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ) М. Г. Седов защитил кандидатскую диссертацию «Кречетов и раннее просветительство в России» (Ежегодник диссертаций, 1936, стр. 51). Кажется, из этой диссертации в печати ничего не было опубликовано.

¹ В 1786-й год новой. Новое издание *Не все и не ничево*. Текст с предисловием Е. А. Лядского. М., 1898 (Из «Чтений в Обществе истории и древностей российских», 1898).

² Подробно о составе редакции «Утренних часов» см. в статье В. П. Семенникова «Литературно-общественный круг Радищева» (А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Л., 1936, стр. 226—233).

³ Витберг Ф. А. Первые басни И. А. Крылова (исправленный оттиск). СПб., 1900, стр. 35.

УТРЕННИЕ
Ч А С Ы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧАСТЬ I.

печашано съ дозволенія указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1788.

отсутствие в них идейной выдержанности. Это проявляется и в „Утренних часах“, где „вольтерьянства“ очень мало, и журнал носит преимущественно нравоучительный характер с примесью сатирического элемента.¹

Несколько лет назад Б. И. Коплан установил, что в «Утренних часах» Рахманинов усердно печатал свои переводы Л. С. Мерсье, радикального автора эпохи, непосредственно предшествующей Французской революции.² Переводы из «Картин Парижа», «Спального колпака» и «2440 года», проникнутых пафосом тираноборчества и убежденного республиканизма, имели большое значение как для русских читателей того времени, так и для молодых писателей с демократическими симпатиями, поддерживая и укрепляя антикатерининские и антипотемкинские настроения в русском обществе, питавшиеся сознанием тяжелого положения народных масс.

С этой стороны «Утренние часы» представляют безусловно интересное явление в журналистике XVIII в. В остальном же этот журнал ничем не замечателен: здесь нет ни откликов на современную русскую жизнь, политическую или хотя бы литературную, ни чего-либо выдающегося в художественном отношении. Есть здесь вариация на знакомую тему — статья «Деньги» (ч. III, неделя XXXIII, стр. 81—96); любопытна по языку (типично сентименталистскому) переводная пьеса «Лунное затмение, или пустынный» (ч. III, неделя XXVIII, стр. 17—31); наконец, здесь из номера в номер печатался отдел «Черты великодушия и добродетели», аналогичный отделу «Черты благодетель» в «Собрании новостей».

В «Утренних часах» принимали участие, кроме И. Г. Рахманинова и П. А. Озерова, еще А. А. Нартов, также переводивший Мерсье, И. А. Крылов, поместивший здесь свои первые три басни, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, А. Ф. Лабзин, В. С. Подшивалов, Т. И. Ильин, С. Д. Печенев и др. Выказанное Ф. А. Витбергом³ предположение об участии в «Утренних часах» А. Н. Радищева рассматривается ниже (см. стр. 536—537).

Но, как справедливо отметил В. П. Семенников,⁴ журнал «Утренние часы» интересен не столько сам по себе, сколько по тому отношению, которое он имел к возникновению в следующем, 1789 г. двух замечательных журналов — «Беседующего гражданина» и «Почты духов»; как доказал цитируемый автор,

¹ Семенников, назв. соч., стр. 229.

² Коплан Б. И. Философические письма «Почты духов» (1789 г.). — А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Л., 1936, стр. 384—385.

³ Витберг Ф. А., назв. соч., стр. 44.

⁴ Семенников, назв. соч., стр. 232.

«Утренние часы» послужили почвой, на которой выросли названные два журнала 1789 г. (стр. 233).

«БЕСЕДУЮЩИЙ ГРАЖДАНИН»

(1789)

Журнал этот издавался «Обществом друзей словесных наук», возглавлявшимся М. И. Антоновским, в прошлом студентом Московского университета, связанным с Шварцем и Новиковым. Антоновский был председателем «Общества университетских питомцев» и активным участником журнала «Вечерняя заря».¹ Однако было бы ошибочно на основании биографических данных об Антоновском делать вывод, что «Общество друзей словесных наук», а также издаваемый им журнал «Беседующий гражданин» представляли прямое продолжение масонской линии Шварца. Если можно говорить о связи «Беседующего гражданина» с Новиковым, то скорее всего с Новиковым «Прибавлений к Московским ведомостям» и «Московского ежемесячного сочинения», с их интересом к вопросам политики, гражданской морали и философии.

Впервые обративший внимание на журнал «Беседующий гражданин» П. Е. Щеголев писал: «В истории русского общественного мнения ему принадлежит видное место. Достаточно указать, что он посвящен разработке вопроса о принципах политической деятельности гражданина и выяснению отношений гражданина к своим согражданам и государству. По своему идейному содержанию журнал очень близок к „Путешествию“: можно сказать, он подготавливал книгу Радищева. Сравнительный анализ „Беседующего гражданина“ и „Путешествия“ выясняет общность взглядов журнала и книги на многие политические и философские вопросы».² Как установлено было П. Е. Щеголевым, в «Беседующем гражданине» принимал участие и сам А. Н. Радищев, поместивший в декабрьской книжке журнала статью «Беседа о том, что есть сын отечества».

Что касается названия журнала, то по этому поводу существует предположение В. П. Семенникова о том, что оно связано с первоначальным названием книги Радищева — «Проницающий гражданин, или Путешествие из Петербурга в Москву», — и «можно думать, что самое название журналу было дано не без воздействия Радищева».³ При всей заманчивости подобной гипотезы

¹ Там же, стр. 215—223.

² Щеголев П. Е. Исторические этюды. СПб., 1913, стр. 11.

³ Семенников, назв. соч., стр. 260.

тезы, все же надо не упускать из виду следующего: в январской книжке «Беседующего гражданина», вслед за стихотворением «Награжденное тщание живописца», где восхваляется Екатерина, и статьей «Почерпнутые правила о монархическом воспитании», названной так несомненно из цензурных соображений, идет очень важный очерк с невинным заглавием «Придорожная гостиница, или нечаянная беседа». В гостинице происходит беседа между стариком, гражданином неизвестной идеальной страны, и его слушателями, жадно ловящими мудрые вещания старца об «обязанности общежития». В этом-то очерке, героем которого является неизвестный старец, последний, между прочим, назван и «беседующим стариком». Статья эта, несомненно, программная, и, возможно, отсюда взят образ «беседующего гражданина»; впрочем, не исключена возможность обратного, — что для иллюстрации предложенного Радищевым названия был написан этот очерк. Кстати, бросается в глаза удивительная близость «Придорожной гостиницы» к «Беседе» Радищева — как со стороны содержания, так и языка.

П. Е. Щеголев писал, что «Беседующий гражданин» «подготавливал книгу Радищева». Это, конечно, неверно. Не под влиянием «Беседующего гражданина» формулировал отдельные положения своего «Путешествия» Радищев, а, напротив, в процессе работы над «Путешествием» разрабатывал отдельные вопросы в форме журнальных статей.

Исследовавший материалы «Общества друзей словесных наук» и в особенности журнал «Беседующий гражданин» В. П. Семенников полагал, что «содержание журнала, в действительности, показывает, что и название „Беседующий гражданин“, и заявление издателей о том, что главною их целью является „разливать чувствования любви к гражданским добродетелям“, если и оправдываются текстом журнала, то в очень небольшой степени. В действительности, основная часть журнала состоит вовсе не из статей такого характера, а из разных морально-религиозных рассуждений, имеющих далеко не тот прогрессивный характер, которого естественно было бы ожидать от журнала с таким названием. Направление большинства статей — реакционно-охранительное... Культ религии, а вовсе не „гражданские добродетели“, стоит в журнале на первом месте... Но в журнале есть небольшое количество статей, которые, несмотря на уверения издателей, не только не связываются идейно с этим основным содержанием журнала, но просто вторгаются в него каким-то чужеродным клином, явно противореча руководящим позициям журнала. Эти статьи являются отражением совсем другого общественно-политического мирозерцания, и это

БЕСѢДУЮЩІЙ ГРАЖДАНИНЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ,

заключающее въ себѣ

Разсужденія вольнымъ слогомъ и на слухахъ, какъ на природномъ Россійскомъ языкѣ сочиненныя, такъ и заимствованныя переводомъ у самыхъ лучшихъ Иностранныхъ Писателей, чрезъ разные роды Твореній открывающія путь къ ясному познанію главнѣйшихъ обязанностей человека въ особенноти, а именнѣе Гражданина.

Ч А С Т Ъ І .

Печатаемо съ дозволенія указнаго

В О Г Р А Д Ѣ С В Я Т А Г О П Е Т Р А 1789. Г О Д А .

«Беседующий гражданин» (1789).

подтверждает, что в Обществе друзей словесных наук не было единства общественно-политических убеждений. Наоборот, в нем шла борьба, которая сказалась и в невыдержанности характера журнала».¹

Эту общественно-философскую струю в «Беседующем гражданине» В. П. Семенников справедливо связывает с участием в «Обществе друзей словесных наук» и в журнале А. Н. Радищева.

Если вообще заняться более систематическим и всесторонним изучением журнала, чем это сделал В. П. Семенников, придется внести существенные поправки в его схему. Многие из того, что исследователь принимал за выражение «религиозно-морального направления» «мистически настроенных учеников Московских масонов» (стр. 247—248), повидимому следует отнести за счет маскировки, «необходимой» в те годы накалявшейся политической атмосферы, за счет цензурного «отвода глаз». Нельзя согласиться с В. П. Семенниковым и в том, что декларативная часть журнала не повлияла в дальнейшем на его содержание. Не Антоновский и его единомышленники, а Радищев определял физиономию «Беседующего гражданина». Не слашаво-растянутые рассуждения, вроде «О первой и единственной обязанности человека к высочайшему существу» или «Рассуждение на слово: несть мира нечестивым», создали у современников репутацию журналу. Только в «гражданственности», в культе «гражданских добродетелей», в неподкупном патриотизме журнала заключалось его влияние на современное общество, и только этим можно объяснить, что, когда петербургская городская дума, рассмотрев вопрос о бедственном положении местных ремесленников, явившемся результатом злостных неплатежей заказчиков-дворян, вынесла постановление обратиться к Екатерине «с подробным донесением и описанием долгов, равно как состояния и имен тех дворян», вторым пунктом было принято решение «сию дневную записку [т. е. протокол] обнародовать посредством Беседующего гражданина» (ч. II, июль, стр. 290). Это свидетельствовало о большой популярности «Беседующего гражданина» среди тогдашних читателей и о его серьезной общественной репутации.

Центральное место в журнале занимает упомянутая выше радищевская «Беседа о том, что есть сын Отечества» (ч. III, декабрь, стр. 308—324). Ей, повидимому, придавалось большое значение издателями «Беседующего гражданина», так как в «Заключении к просвещеннейшей публике» (ч. III, декабрь, стр. III

¹ Семенников, назв. соч., стр. 244—247.

особ. пагин.) отмечалась важность разъяснения вопроса, что есть сын отечества. Из записок одного из участников Общества друзей словесных наук, С. А. Тучкова, известно, что произнесенная в виде речи статья Радищева вызвала опасения членов Общества, полагавших, что цензура не пропустит ее.¹ Вероятно, в связи с этим в некоторых местах совершенно неожиданно, но безусловно для «отвода глаз» вставлены в статье слова «монархия», «государь» и т. д.: «Сим [патриотическим честолюбием] да начинает украшать он величественное наименование сына Отечества монархии» (стр. 319) (ср. аналогичный случай в статьях «Почерпнутые правила о монархическом воспитании», стр. 3—7), «государь есть отец народа», стр. 322; «богомудрые монархи», стр. 324, и т. д.²

В. П. Семенников высказал мысль, что в «Беседе» есть «непосредственный отголосок на тогдашние [французские] революционные события». Он имел в виду фразу Радищева о том, что «без надлежащего воспитания и просвещения Науками и Знаниями» патриотизм может привести к отрицательным результатам и наводнить «целые государства злочестиями, беспокойствами, раздорами и неустройством» (стр. 323). Однако Семенников не прав, утверждая, что «эти намеки о „злочестиях, беспокойствах, раздорах“ дают нам заключительную черту для характеристики настроения Радищева в первые месяцы французской революции»,³ т. е. что Радищев относился отрицательно к революции. Скорее всего и эта фраза была вставлена в текст «Беседы», чтобы отвлечь внимание цензуры от центральной идеи произведения, имевшей для Радищева и его сторонников в «Обществе друзей словесных наук» первостепеннейшее значение.

«Беседа о том, что есть сын Отечества» построена Радищевым в форме логического анализа понятия «патриот».

Начинается статья с тезиса, который может на первый взгляд — но именно на первый взгляд — показаться похожим на точку зрения дворянского идеолога Сумарокова и его реакционных последователей, утверждавших, что только дворяне имеют право называться «сынами отечества», а все прочие жители государства являются «рабами отечества». «Не все рожденные в Отечестве, — пишет Радищев, — достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). —

¹ Записки С. А. Тучкова. 1766—1808. Под ред. К. А. Военского, СПб., 1908, стр. 42.

² Я полагаю, что в новом академическом издании сочинений Радищева эти маскировочные элементы должны воспроизводиться не в основном тексте «Беседы», а только в комментариях.

³ Семенников, Радищев, стр. 51.

Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем». Иными словами, крепостные крестьяне не имеют права называться патриотами.

Однако такое начало «Беседы» было для Радищева только поводом для того, чтобы перейти к пространной и с большой страстностью написанной характеристике тяжелого положения крепостных. По силе чувства, глубине мысли и красноречивой убедительности языка эта характеристика может стать рядом с лучшими страницами «Путешествия из Петербурга в Москву».

Характеризуя мрачное положение крепостных крестьян, Радищев между строк дает понять, что революционные вспышки крепостных неизбежны: «... случается иногда, что жестокая печаль, объев дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца» (стр. 309).

Не формулируя точно своей мысли, Радищев намекает, что, несмотря на тяжелое положение, в котором они находятся, крепостные крестьяне не всегда будут безропотно сносить иго рабства: «Нет человека, который бы не чувствовал прискорбиа, видя себя унижаема, поносима, порабощаема насилием, лишаяема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием и не обретая нигде утешения своего. ... Всяк желает лучше быть уважаем, нежели поносим, всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе». Радищев возражает против тезиса Аристотеля, «что сама природа расположила уже род смертных так, что одна и притом гораздо большая часть оных должна непременно быть в рабском состоянии и, следовательно, не чувствовать, что есть Честь, а другая в господственном». От природы все люди одинаково «честолюбивы», и — теоретически — нельзя отказать и крепостным крестьянам в их праве на «честь». Если же крепостные находятся в рабском состоянии и «уподоблены тяглому скоту», то это происходит только в результате «насилия» и «коварства». Всем ходом «Беседы» Радищев подводит читателя к мысли, что подлинный патриот только тот, кто борется против «насилия» и «коварства», кто хочет «рабов отечества», говоря языком Сумарокова, сделать «сынами отечества» в том высоком смысле, какой вкладывает в это понятие Радищев.

Смысл статьи заключается в следующем: истинный сын отечества обладает тремя признаками — он честолюбив, благороден и благороден. Во все эти понятия Радищев вкладывает «гражданское», а не «бытовое» для своей эпохи содержание.

Особенно заслуживает внимания объяснение последнего термина. «Истинное благородство есть добродетельные поступки,

оживотворяемые истинною честью, которая не инде находится, как в непрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по законам естества и народоправления» (стр. 322—323). Если вспомним, что слово «народоправление» — это перевод термина «демократия», тогда станет еще более очевидным значение указанных выше вставок как способа скрыть от цензуры основной — революционный и демократический — замысел статьи.

Все три признака «истинного сына отечества» сводятся к тому, что он желает подлинной свободы для своих сограждан и в борьбе за эту свободу проявляет свой патриотизм.

В «Беседе о том, что есть сын Отечества», помимо положительной программы, находятся яркие и сильные критические и сатирические изображения дворянских «сынов отечества».

«В этих зарисовках, — пишет Д. Д. Благой, — перед нами проходят старые знакомцы: вертопрахи, щеголи, праздные тунеяды — традиционные персонажи сатирической литературы XVIII века, от сатир Кантемира до сатиры Новикова и Крылова.

«Однако Радищев накладывает на эти знакомые читателю фигуры еще более резкие, густые краски, изображает их с сарказмом и убийственной иронией, превосходно выражающими ненависть и презрение к ним автора.

«В сатирическом изображении угнетателей Радищев идет значительно дальше, чем сатирики XVIII века, — он поднимается до прямых политических обличений крепостничества и самодержавия».¹

Говоря об обличении Радищевым самодержавия в «Беседе о том, что есть сын Отечества», Д. Д. Благой несомненно прав. Среди портретов лже-патриотов Радищев рисует портрет Екатерины: «Не сей ли есть сын Отечества? — или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилем, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, словом, всеми, одному ему известными, средствами раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другие сим подобные? — потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но услаждают его душу».

Вероятно, именно это место и фраза о «народоправлении» заставили участников «Общества друзей словесных наук» осо-

¹ Благой Д. Д. Александр Радищев. 1749—1949. М., 1949, стр. 25.

бенно опасаться того, что цензура не пропустит «Беседу» Радищева в печать.

Хотя «Беседа о том, что есть сын Отечества» была напечатана анонимно, но, благодаря свидетельству С. А. Тучкова, сомнения в авторстве Радищева у нас нет. Это обстоятельство позволяет вновь связать в одно целое название журнала «Беседующий и гражданин», упоминавшийся выше очерк «Придорожная гостиница, или нечаянная беседа», где героем является «беседующий старик», и «Беседу о том, что есть сын Отечества».

Несомненно, статья эта является наиболее важным произведением, опубликованным в журнале «Общества друзей словесных наук». Несомненно также, что «Беседа» принадлежит к числу лучших образцов русской публицистики XVIII в., образует вершину ее. Несомненно также, что «Беседа» в идеологическом отношении тесно примыкает к «Путешествию из Петербурга в Москву» и должна рассматриваться в неразрывной связи с ним.

Естественно возникает вопрос, ограничился ли Радищев этим единичным выступлением в журнале «Общества друзей словесных наук», или в «Беседующем гражданине» есть еще и другие его статьи.

Исследователи уже останавливались на этом вопросе. Так, В. П. Семенников счел возможным приписать автору «Путешествия» еще статью «Рассуждение о том, в чем состоит разумлюбодумия» (ч. I, март, стр. 255—275). С меньшей уверенностью В. П. Семенников говорит о возможной принадлежности Радищеву «Рассуждения о человеке и его способностях» (ч. III, октябрь, стр. 121—137) и «Рассуждения о связи естественного права с гражданским» (ноябрь, стр. 193—202); затем им высказываются соображения о допустимости участия Радищева в составлении заключительного обращения к читателям.¹

По поводу статьи «Рассуждение о том, в чем состоит разумлюбодумия» В. П. Семенников писал: «Рассуждение это — не простая рядовая статья; это статья крупного, принципиального значения, это — своего рода программа, определяющая все мироозерцание» (стр. 252). Исходя из того, что Радищев был самым старшим, образованным и авторитетным среди членов «Общества друзей словесных наук», В. П. Семенников заключил, что автором «Рассуждения» мог быть только он. Идеиные и фразеологические совпадения отдельных мест «Рассуждения» с произ-

¹ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева. — Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 252—260.

ведениями Радищева служили исследователю дополнительным доказательством авторства Радищева.

Между тем в «Рассуждении о том, в чем состоит разум любомудрия», наряду со взглядами, совпадавшими с воззрениями Радищева, имелись и расхождения. Пересматривая аргументацию В. П. Семенникова, новейший исследователь вопроса Ю. М. Лотман пришел к выводу, что «ни одна из статей журнала, кроме тех, относительно которых мы можем предполагать возможное авторство Радищева, не выходит за рамки взглядов московских масонов». Включая в число этих статей и «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия», Ю. М. Лотман указывает, что все они «характеризуются смесью мистицизма и дворянского либерализма, сочувствия крестьянам с убежденностью в неизбежности крепостного права, проповедью просвещения и самовоспитания со знакомыми уже нам утверждениями об эгоистической, злой природе человека, непознаваемости мира и т. д.»¹ Наблюдения молодого исследователя заслуживают внимания, и с характеристикой, данной им статьям «Беседующего гражданина», следует считаться. Это не означает, конечно, что предложенные им решения все правильны. В частности, Ю. М. Лотман считает, что автором «Рассуждения» не был Радищев: «Анализ „Рассуждения о разуме любомудрия“, — пишет он, — заставляет предполагать, что автором его был [К. А.] Лубянович».² Участник «Общества друзей словесных наук», в прошлом ученик московских масонов, Лубянович был в 1789 г. по мнению В. П. Семенникова, идейно близок к Радищеву; Ю. М. Лотман, признавая «допустимость известного влияния Радищева на Лубяновича» (стр. 100), считает, опираясь на свидетельство одного мемуариста XVIII в., что «у нас нет никаких оснований зачислять его [Лубяновича] в разряд единомышленников Радищева» (там же).

К сожалению, Ю. М. Лотман не приводит в своей статье доказательств принадлежности «Рассуждения» Лубяновичу. В академическое издание сочинений Радищева это произведение не было включено. Подобная осторожность представляется мне вполне оправданной.

Статью «Рассуждение о связи естественного права с гражданским», приписанную В. П. Семенниковым Радищеву, — правда, не столь категорически, как первую, — Ю. М. Лотман, не приводя доказательств, также отвел. Только с предположением Се-

¹ Лотман Ю. М. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. — Сб. «Радищев. Статьи и материалы», под ред. чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеева. Л., 1950, стр. 101.

² Там же.

менникова о принадлежности Радищеву статьи «Рассуждение о человеке и его способностях» Ю. М. Лотман счел возможным согласиться и даже пытался обосновать эту гипотезу новыми соображениями. Кроме того, Лотман приписал Радищеву «Рассуждение о труде и праздности». Оба «Рассуждения» перепечатаны в приложении к цитированной статье Лотмана.¹

Доводы как Семенникова, так и Лотмана не имеют убедительности, и поэтому вопрос об авторе перечисленных статей в «Беседующем гражданине» должен считаться открытым.² Ввиду его отношения к проблеме литературного наследия Радищева можно надеяться, что к нему будут еще не раз обращаться в дальнейшем.

Внимание всех писавших о «Беседующем гражданине» привлекали исключительно прозаические статьи. Между тем, среди стихотворений этого журнала находится несколько чрезвычайно смелых по своему содержанию и резких по формулировке. Таково, например, «Рондо» С. Тучкова (ч. III, декабрь, стр. 305—308), в котором первая строфа сразу определяет оппозиционность произведения:

О времена! О нравы!
Златый скончался век.
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек;
Астрея удалась,
Неправда водворилась,
Всяк чтит ее уставы.
О времена! О нравы!

(Стр. 305).

Если вспомнить, что в течение всего пребывания Екатерины на престоле ее царствование сравнивалось с «веком Астреи», тогда антиекатерининская направленность «Рондо» Тучкова делается очевидной. И совсем в духе «гражданской поэзии» звучит последний куплет:

¹ Сб. «Радищев», под ред. М. П. Алексеева, стр. 117—128.

² Еще дальше В. П. Семенникова и Ю. М. Лотмана пошел Р. А. Закруткин, защитивший в 1949 г. в Педагогическом институте им. Герцена (Ленинград) кандидатскую диссертацию «Из истории русской журналистики конца XVIII века. „Беседующий гражданин“». Т. Закруткин, кроме «Придорожной гостиницы», «Рассуждения о том, в чем состоит разум любомудрия» и «Рассуждения о человеке и его способностях», о которых говорилось выше, приписывает Радищеву еще предисловие к «Завещанию уездного дворянина» (июль, стр. 218), «Беседу между уклоняющимся от служения отечеству и прилепленным к оному» (август, стр. 311—330) и «Начертание воспитанию благоурожденного юноши» (октябрь, стр. 97—120). Доказательства т. Закруткина строятся по аналогии с аргументацией В. П. Семенникова, разделяя с последними степень убедительности.

О времена! О нравы!
 Несчастлива страна!
 Честь, истинны уставы
 Суть правды имена;
 Хоть всем оне здесь лестны,
 Но малым, ах! известны,
 Как блеск прямая славы. —
 О времена! О нравы!

(Стр. 307—308).

Не менее показательно анонимное «Послание к Правдону» (ч. III, декабрь, стр. 372—379). Здесь находятся такие же рассуждения по поводу «века Астреи», но поданные в несколько ином окружении:

Правлением наш век Астреину подобен. —
 Теперь тебя никто не может притеснить,
 Отнять имения, и жизни прекратить.
 Законы святы все, коль были б соблюденны. —
 И нам завидуют концы всея вселенны:
 Да люди с слабостями, а истина суха,
 Так за нее тот час скроют и треуха!

(Стр. 375).

Таким образом, по словам анонимного поэта, «век Астреи», «зависть всей вселенной», «святость законов» — все это слова, а когда дело дойдет до «сухой истины», то за нее получают пощечины («скроить треуха» — «дать оплеуху»).

Поэт продолжает:

Ведь ты не Буало! Зовет тот кошку кошкой,
 А вора вором звать здесь ставится оплошкой.
 Грабителя казны зовут здесь хитрецом,
 Буяна, драчуна зовут все удалцом;
 Мздоимца же судью все бойким называют,
 Начальника, емца,¹ случайным почитают...
 Ролета Боало мошенником хлеснул,
 Помпеем навван был в глаза емцом Лукулл. —
 А ныне век не тот, и люди в просвещение;
 Весть именем назвать вменяют в преступление!

(Стр. 375).

Дальше анонимный поэт пишет Правдону по поводу некоей Сластяковой, в которой, несмотря на кое-какие «отводы глаз», нетрудно указать черты Екатерины:

В письме своем ко мне бранишь ты Сластякову,
 Что жизнь ведет она роскошну, не сурову,
 Приветлива ко всем, в любви не верна,

¹ Емец — взяточник (П. Б.).

Полюбят вдруг и вмиг изменит же она.
 С запасным стариком ведет любовны шашни,
 И между тем, как он ей сказывает басни,
 Она лишь дакает и мыслит о другом,
 Кому назначила в диване ждать своим. —
 Ты пишешь, что она неискренна и льстива,
 Притворствуется всегда, во всем самолюбива;
 Не быв воспитана, не быв и учена,
 С постыдной дерзостью о многих врег она;
 Безнаказательно кого злословить смеет,
 Заочно разбранит того и не краснеет.
 А свидевшись с ним, начнет ему ласкать
 И на словах ему готова все отдать...
 Такая жизнь гнусна, не спорю я с тобою,
 Но можно ль к счастью бресть дорогою иною?
 (Стр. 377—378).

Такова эта несомненно сильная и политически небезопасная в те годы сатира анонимного автора. Не менее замечателен «Сонет. Придворная жизнь» (ч. I, март, стр. 296):

Быть предану Властям и оным лишь служить,
 Зависеть от других и воли не иметь,
 В местах тех обитать, где б не хотелось быть,
 За несколько утех премного скуп терпеть.
 Что в сердце чувствуешь, того не смей сказать,
 Любимцам следовать, при том их не любить,
 Надеждой богатеть, а в существе нищать,
 То, чем гнушаешься, из силы всей хвалить.
 С вельможей льстивну речь искусно продолжать,
 Смеяться верности, пронырствовать, ласкать,
 Есть поздно завсегда, день в ночь преобразить,
 Лобзати всякого, а друга не иметь. —
 Казать веселый вид, спокойствия ж не зреть,
 Вот кратко: при дворе как должно ныне жить.

Таким образом, видно, что репутация «Беседующего гражданина» как органа молодых масонов, на которых пытался воздействовать, и будто безуспешно, Радищев, — требует пересмотра. Оказывается, что благонамеренный масон С. А. Тучков писал резко оппозиционные по отношению к Екатерине стихи. «Монархическая» терминология в ряде случаев прикрывала революционную и демократическую направленность («Беседа о том, что есть сын Отечества»).

Стихотворные и прозаические публикации «Беседующего гражданина», выдержанные в радикальном направлении, показывают ту атмосферу, которой дышал «радищевский круг». «Беседующий гражданин», таким образом, должен рассматриваться как орган Радищева, как самый передовой русский журнал XVIII в.

«Беседующий гражданин» заслуживает и ждет специального исследования.

Следует попутно отметить, что в «Беседующем гражданине» имелась любопытная тенденция к изгнанию иностранных слов, или, по крайней мере, к пояснению их (в скобках) русскими: например духи (спирты, ч. I, стр. 42), буеверие (фанатизм, стр. 47), здравое суждение (критика, стр. 149), противножные или противуножные жители (антиподы, стр. 260 и 349), бесносвятство (фанатизм, стр. 273), сообщество (публика, стр. 291), деописание (история, ч. III, стр. 118), отечестволюбец (патриот, стр. 120), отделение (департамент [как единица административного деления], стр. 250), происшествие (анекдот, стр. 273) и т. д.¹

Кроме Радищева, в «Беседующем гражданине» принимали участие М. И. Антоновский, С. С. Бобров, С. А. Тучков, К. А. Лубянович, С. С. Пестов, И. П. Степанов, И. Ф. Софонович, П. П. Икосов, С. С. Завалиевский, В. Щереметев, М. Доброгорский, А. М. Вындомский (отец П. А. Осиповой-Вульф).

В каком количестве печатался «Беседующий гражданин», сведений не сохранилось, но, благодаря наличию в каждой части журнала списков «особ, подписавшихся на ежемесячное издание Беседующего гражданина», можно говорить о количестве подписчиков, включая, впрочем, в это число и сотрудников, фамилии которых перечислены среди подписчиков в третьей части. Всего подписчиков оказалось 201 человек.

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЖУРНАЛ»

(1798)

«Санкт-Петербургский журнал», вышедший в течение 1798 г., был последним прогрессивным изданием XVIII в. Во главе его стоял известный литератор конца XVIII и начала XIX в. И. П. Пнин, «первый радищевец», как его иногда называют. Кроме него, близкое участие в редактировании журнала принимал А. Ф. Бестужев, отец четырех декабристов.

В литературе о Пнине установилась тенденция принижать роль А. Ф. Бестужева в издании «Санкт-Петербургского жур-

¹ Следует отметить, что в статье Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества» тоже встречаются указанные языковые особенности, например сын отечества (патриот, стр. 308), смертный сон (летаргия, стр. 310), смесь нестройная (хаос, стр. 316). Среди приведенных выше примеров некоторые приходятся на статью «Рассуждение о том, в чем состоит разумлюбодия», которую, как отмечено, В. П. Семенников признает радищевской.

нала». Между тем в мемуарах и письмах членов семьи Бестужевых настойчиво проводится мысль о том, что организационная и руководящая роль в журнале принадлежала именно А. Ф. Бестужеву и что И. П. Пнин был как бы подставным лицом.¹ А. А. Бестужев-Марлинский вспоминал даже, что за опубликование на страницах «Санкт-Петербургского журнала» «Исповеди» (т. е. «Чистосердечного признания о делах и помышлениях») Д. И. Фонвизина какие-то лица вызвали А. Ф. Бестужева на дуэль.² Не верить Марлинскому нет оснований, а если это так, то, следовательно, посылая вызов на дуэль А. Ф. Бестужеву, а не официальному издателю «Санкт-Петербургского журнала» Пнину, оскорбленные лица знали, кто является фактическим руководителем издания.

Степень участия А. Ф. Бестужева в редактировании «Санкт-Петербургского журнала» не представляет вопроса чисто библиографического.

Дело в том, что оба соредатора по своим политическим убеждениям были людьми разными и неодинаковость их идейных позиций явно отражалась на характере издания.

В. Н. Орлов, специально изучавший «Санкт-Петербургский журнал», пишет об интересующем нас вопросе следующее: «Разделяя в теоретической сфере идеи французских материалистов и радикальных просветителей, А. Ф. Бестужев в решении вопросов собственно политических не поднялся выше умеренного и расплывчатого либерализма. Его положительный политический идеал сводился к представлению о „просвещенном монархе“. В дальнейшем Бестужев продвинулся еще более вправо... Особого внимания заслуживает группа статей в „Санкт-Петербургском журнале“, которые по тем или иным основаниям можно приписать перу И. П. Пнина. Именно в них особенно ощутима радищевская традиция: в важнейших своих положениях и выводах они очевидным образом соотносятся с проблематикой и темами Радищева... В отличие от дюжинных реформистов, Пнин... выдвигал радикальное требование сперва освободить русских крестьян, а потом уже заняться их просвещением, отчетливо понимая, что „истинное просвещение“ остается химерой, пока существует рабство. Однако при всем том в своих практических выводах, сделанных применительно к условиям русской действи-

¹ Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., 1951, стр. 225, 254, 402; Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800-х годов. ГИХЛ, 1950, стр. 79—82 и 100—101.

² Орлов В. Н. назв. соч., стр. 80.

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ
Ж У Р Н А Л Ъ

ИЗДАВАЕМЫЙ И. ПИИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1798.

Qu' il est difficile d' être content de quelqu'un!
de la Bruyere.

ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,
Въ Типографіи І. К. Шнора.

«Санкт-Петербургский журнал» (1798).

тельности, он уклонился от революционного решения социально-политической проблемы».¹

В правильную в общем характеристику обоих издателей, принадлежащую В. Н. Орлову, необходимо внести существенные поправки. Во-первых, идейная позиция А. Ф. Бестужева и в год издания «Санкт-Петербургского журнала» была достаточно умеренной. В. Н. Орлов усматривает поправление взглядов А. Ф. Бестужева в том, что, издавая отдельной книгой свою журнальную статью, которую мемуаристы и вслед за ними исследователи называют «Опыт о военном воспитании», А. Ф. Бестужев изменил ее заглавие: «В новом издании книга называлась „Опыт военного воспитания относительно благородного юношества“», — пишет В. Н. Орлов, выделяя слово «благородного» курсивом (стр. 101). Однако это совершенное недоразумение: статья и в журнале носила почти то же самое название, в котором слово «благородного» имелось налицо; она была озаглавлена: «О воспитании военном относительно благородного юношества».

Во-вторых, говоря о Пине как «последователе» Радищева, продолжателе радищевских «традиций», мы должны постоянно помнить, что все эти — ко многому обязывающие — слова имеют в применении к Пину очень условный характер. Радищев — революционер, признающий справедливость, законность и историческую неизбежность крестьянской революции. Дворянские революционеры — декабристы представляли шаг назад по сравнению с Радищевым. Только Чернышевский в середине XIX в. поставил вопрос о крестьянской революции так же, как и Радищев. Именно это, очевидно, имел в виду И. В. Сталин, когда в письме к Д. Бедному, говоря о России революционной, в первую очередь называл Россию Радищевых и Чернышевских.² Это значит, что между Радищевым и Чернышевским не было в истории России ни отдельных лиц, ни групп лиц, которые стояли бы на революционных в полном смысле слова позициях.

Тем самым возникает вопрос, правильно ли называть И. П. Пина и других участников «радищевцами», «последователями Радищева», «продолжателями радищевских традиций»? Можно ли назвать Пина «первым радищевцем», когда самого основного — признания крестьянской революции — мы у него не находим; больше того, когда принцип революционного переустройства общества ему чужд или, как осторожно говорит В. Н. Орлов,

¹ Орлов, назв. соч., стр. 101, 113.

² Сталин И. В. Сочинения, т. 13, стр. 25.

когда «он уклонился от революционного решения социально-политической проблемы?»

Поэтому правильнее называть И. П. Пнина просветителем с элементами радикализма, но ни в коем случае не видеть в нем продолжателя радищевских традиций. Это нисколько не умаляет роли и значения радищевских идей в России конца XVIII—начала XIX в. и в частности в «Санкт-Петербургском журнале», но Радищев как подлинный революционер стоит на таком высоком пьедестале, что до Чернышевского никого нельзя поставить рядом с ним, даже в качестве ученика, последователя, продолжателя традиций.

Исследователи считают «Санкт-Петербургский журнал» наиболее интересным и общественно значительным периодическим изданием последнего десятилетия XVIII в. В самом деле, от других органов печати царствования Павла «Санкт-Петербургский журнал» отличается содержательностью, серьезностью и удивительной в цензурных условиях эпохи пропагандой материалистической философии. При всем разнообразии печатавшихся в нем материалов особенно выделяются переводы из «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха, а также и из «Руин» Вольфеня, на которые внимание русского читателя, сразу после их выхода в свет, обратил в своем «Московском журнале» Карамзин (об этом подробнее см. в главе о периодических изданиях Карамзина). Значительным воздействием материалистической философии отмечен печатавшийся на протяжении всего издания «Санкт-Петербургского журнала» педагогический трактат Бестужева.

Уделяли внимание издатели и вопросам экономическим, печатая на страницах «Санкт-Петербургского журнала» в большом количестве переводы из наиболее передовых экономических трудов конца XVIII в.

Таким образом, журнал Пнина и Бестужева оказался в какой-то мере рупором наиболее прогрессивных философских и экономических идей эпохи.

В то же время из цензурных опасений политическая линия журнала менее выдержана. Наряду с пропагандой идеи ответственности царя перед законом («Рассуждение Ксенофонта о Лаккедемонской республике», ч. III, июль, стр. 26—27), политической необходимости просвещения («Просвещение», август, стр. 85—87) и т. п., в «С.-Петербургском журнале» печатается стихотворение «К истине. Соч. 1793 году» (подпись: «М»; не И. И. Мартынов ли?), резко критикующее Французскую революцию.

Эти противоречия не случайны. Можно было бы привести еще много подобных же примеров, подтверждающих политиче-

скую сбивчивость и противоречивость позиций «С.-Петербургского журнала».¹ Впрочем, можно ограничиться еще одной только иллюстрацией. В августовской книжке журнала было напечатано «Послание к земледельцам» (стр. 22—31), представляющее прозаический перевод «Épître au peuple» А. Л. Тома (Thomas, Antoine-Léonard, 1732—1785), произведения, привлечшего в свое время (1760) большое внимание остротой постановки вопроса о роли крестьянства в социальной жизни. Приведем начало этого перевода:

О! вы, которые несправедливою гордостью осуждены быть в числе подлых, которые, родясь без предков и живя без неги, одни в государстве несете бремя законов, и служите своими трудами отечеству своему и государю. Почтенное сословие полезных граждан, презираемых гордыми глупцами, но мудрым уважаемых; земледельцы! я дерзаю восстать против сего наглого презрения, пусть другие льстят знатым, но вы будете предметом моих похвал

(стр. 22).

А несколько раньше, в мартовской книжке «С.-Петербургского журнала», было опубликовано «Наставление богатому сыну от бедной матери» (стр. 279—282), где анонимный автор,² касаясь отношений к крепостным, пишет следующее:

Не будь тиран рабам, о пользе их пекися,
Будь снисходителен, но с ними не дружися;
Достойнейших из них старайся награждать,
Без строгости умей пороки исправлять.
Тем к большему одних усердию побудишь,
От слабостей отстать других совсем принудишь
И равно сих и тех пленишь в любовь сердца,
Прямого будут зреть в тебе рабы отца

(стр. 281).

Как же согласовать эти противоречия?

Повидимому, став на путь теоретического ниспровержения феодального мировоззрения, Пнин и его соиздатель не могли решиться на практический вывод о революционном преобразовании общества, испугавшись мысли о выведении из равновесия народа, якобы не приуроченного к приятию истины.

Подобная позиция привела Пнина к систематическому обеднению идейного наследия Радищева. Так, обратившись к той же

¹ Не лишены интереса наблюдения по этому поводу см. в книге: Колупанов Н. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889, т. I, кн. 1, стр. 128—129.

² В. Н. Орлов считает это произведение принадлежащим безусловно Пнину и включает его в текст «Сочинений Пнина» (стр. 83—84). Доводы (там же, стр. 240) не имеют полной убедительности.

самой теме, которую Радищев развивал в «Беседе о том, что есть сын Отечества», Пнин в статье «Гражданин» (ч. II, июнь, стр. 215—218) совершенно не касается двух основных проблем, волновавших автора «Беседы». Ни вопроса о крестьянах как гражданах, ни вопроса о революции как условии превращения крепостных рабов в «сынов отечества» Пнин не ставил. Из остальных передовых идей радищевской «Беседы» Пнин усвоил учение о демократии. Подобно тому как Радищев, говоря о «законах естества и народоправления», «контрабандно» проводил мысль о том, что не монархия, а народоправление, республика есть истинное отечество патриотов, так и Пнин утверждает, что «истинный гражданин есть тот, который, общим и избранным (разрядка моя, — П. Б.) возведен будучи на почтительный степенъ достоинств, свято исполняет все должности, на него возлагаемые» (стр. 216).

Здесь та же республиканская терминология, что и у Радищева, — «гражданин», «общее избрание» (а не «назначение»), «должности». Однако у нас нет уверенности, что основное понятие, разделявшее дворянских либералов и революционера Радищева, — понятие «народ» — истолковывалось Пниним так же, как и Радищевым. Выше было показано, что дворянские либералы, в особенности со времени Сумарокова, под словом «народ» разумели только дворянство, богатое купечество и высшее духовенство. Остальные группы населения в понятие «народ» не включались, а крепостное крестьянство и трудящиеся слои городского населения обычно назывались «простой народ», «подлый народ», «черный народ». Если стихотворение «Наставление богатому сыну от бедной матери», упоминавшееся выше, принадлежит Пнину, то не может быть никаких сомнений в том, что в трактовке понятия «народ» Пнин шел не за Радищевым и что слова «гражданин», «общее избрание», «должности» и пр. он воспринимал как либерал:

Не будь тиран рабам, о пользе их пекися,
Будь снисходителен, но с ними не дружися...
Прямого будут зреть в тебе рабы отца.

Даже там, где Пнин совершенно очевидно следует за Радищевым, набрасывая портреты не-истинных граждан, он решительно отступает от сатирического метода своего предшественника. У Радищева, как мы видели в набросках портретов дворянских «сынов отечества», была реалистическая конкретность, позволявшая определять в том или ином персонаже действительное историческое лицо, например Екатерину. В «портретах» не-истинных граждан Пнина все настолько схематизировано, настолько

общо, что к ним никак нельзя применить приведенной выше мастерской характеристики, сделанной Д. Д. Благим. И происходит это не из-за того, что у Радищева был большой художественный талант, чем у Пнина, а потому, что революционно-политический кругозор первого был много-много шире, чем просветительский ограниченный горизонт второго.

Если же нужно оценивать литературные произведения не только в сопоставлении с более общественно важными явлениями литературы предшествующего времени, но и учитывая политическую обстановку, в которой они создавались, то статья «Гражданин», напечатанная в разгар цензурных преследований Павла I, заслуживает высокой оценки как проявление гражданского мужества. И все же нельзя забывать, что «Гражданин» Пнина представлял шаг назад по сравнению с радищевской «Беседой о том, что есть сын Отечества».

Среди вопросов, связанных с изучением «Санкт-Петербургского журнала», заметное место занимает установление автора так называемых «Писем из Торжка». В «Санкт-Петербургском журнале» (ч. III, сентябрь, стр. 16—31; ч. IV, октябрь, стр. 38—42, ноябрь, стр. 113—122, декабрь, стр. 295—303) были напечатаны четыре письма к издателю, без специального заглавия, как обычно печатались такие произведения в XVIII в.; подписаны они были псевдонимом «Читатель»; кроме того, все они были помечены г. Торжком как местом написания. Так как глава о цензуре в «Путешествии» Радищева также была помечена Торжком, то в литературе возникла гипотеза о том, что не желавший выступать в печати под своим именем Радищев при помощи упоминания о Торжке давал понять читателям, кто является автором этих писем. Высказавший это предположение В. П. Семенников писал: «В „Торжке“ у журнала, несомненно, никакого сотрудника не было».¹ Совершенно в тех же словах формулирует свое отношение к вопросу о Торжке как мнимом местопребывании автора писем и В. Н. Орлов.² Однако оба исследователя делают из этого положения разные выводы: В. П. Семенников считал, что автором писем следует признать А. Н. Радищева; В. Н. Орлов, отвергая действительно малоубедительные доводы своего предшественника, выдвинул кандидатуру И. П. Пнина как автора «Писем из Торжка». Издавая сочинения Пнина в 1934 г., В. Н. Орлов осторожно включил «Письма из Торжка» в отдел произведений, приписываемых Пнину. В своей недавней книге о русских просветителях 1790—1800-х годов он

¹ Семенников. Радищев, стр. 454.

² Пнин. Сочинения, М., 1934, стр. 290; Орлов. Русские просветители, стр. 86—87.

рассматривает этот вопрос как почти окончательно решенный в пользу авторства Пнина.

Мне представляется, что основное положение, из которого исходили В. П. Семенников и В. Н. Орлов, — о том, что в Торжке у журнала, несомненно, не было никакого сотрудника, — не подкреплено никакими аргументами и поэтому совершенно не убедительно. Вовсе не исключена возможность, что в Торжке действительно были читатели «Санкт-Петербургского журнала» и что один из них и написал эти письма. Утверждение, что в Торжке у журнала «несомненно», как говорил В. П. Семенников, или «конечно», как говорил В. Н. Орлов, не было никакого сотрудника, проистекало из недостаточного доверия к русской провинции XVIII в., к ее умственным интересам и ее культурным возможностям. А ведь мы знаем, что в последней четверти XVIII в. возникает ряд провинциальных журналов, причем некоторые даже в Сибири («Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Библиотека ученая, экономическая и т. д.»). А Торжок в XVIII—XIX вв. считался лучшим уездным городом Тверской губернии, в течение года здесь происходили три ярмарки, велась торговля с Москвой, имелись учебные заведения. Так что нет оснований сомневаться в подлинности указания на Торжок как на место, где писались «Письма» издателю «Санкт-Петербургского журнала».

Сами «Письма из Торжка», посвященные проблеме свободы печати, заслуживают особого внимания. Первое представляло по форме рецензию на реакционную книгу немецкого мистика Эккартсгаузена, переведенную М. Антоновским, в прошлом одним из основных участников «Беседующего гражданина». По существу же это была статья, целью которой было проведение передовых взглядов на цензуру: «Там, где разум в тесных заключен пределах, — пишет «Читатель» из Торжка, — где не смеет прейти границ, ему предположенных, там всегда найдешь философов льстецов, писателей низких и ползающих, защищающих иногда самые нелепые мнения вопреки истине, дабы не подвергнуться гонению, которого всякий человек страшится».

Охарактеризовав положение печати в государстве деспотическом, — современникам было ясно, что автор имел в виду Россию времен Павла, — «Читатель» из Торжка попытался осветить положение деятелей культуры в свободных странах; такими ему представлялись буржуазно-республиканская Голландия и буржуазно-монархическая Англия. Явно идеализируя положение печати в этих странах, «Читатель» из Торжка все же получил, благодаря этому, возможность высказать свои воззрения по ряду важных вопросов, в частности по поводу цензуры и задач

историографии. «Читатель» резко обрушился на реакционных истолкователей теории «естественного человека» Руссо. «Не к истории дряблого человека, который умственно ныне только разумем и быть может, — писал автор, — но к истории человека гражданственного, паче всего прилежать нужно» (разрядка здесь и ниже — в оригинале, — Л. Б.). Предметом такой истории должна быть патриотическая деятельность выдающихся людей. Задача такой истории прежде всего воспитательная. В качестве примера исторических личностей, «оживотворенных любовью к отечеству, сею первейшею добродетелию гражданина», автор «Писем из Торжка» называет римских республиканцев и тираноборцев Катона, Брута, Курция. Характерно, что «Читатель» попутно делает ссылку на одного из наиболее радикальных французских историков эпохи Просвещения, на Рейналя, что также свидетельствует о его политических воззрениях. В заключение автор «Писем» вновь повторяет свой тезис о необходимости «к истории гражданственности прилежать», «потому что она есть... самое лучшее средство, к образованию гражданина и человека служащее».

В этом «Письме» отчетливо видно близкое знакомство анонимного автора с «Кратким повествованием о происхождении цензуры», включенным Радищевым в «Путешествие из Петербурга в Москву» (глава «Торжок»). Поэтому, если даже и не принять гипотезы В. П. Семенникова, разделяемой В. Н. Орловым, о «напоминающем» значении названия «Торжок», все же нужно признать, что «Письма из Торжка» определенно пропагандировали идеи Радищева по вопросу о свободе печати.

Три последующих письма «Читателя» представляли его резко отрицательные отклики на незадолго перед тем вышедшие книги литературного дельца Глеба Громова; последний спекулировал изданием порнографических макулатурных книжек с приманчивыми для невзыскательных, малокультурных читателей заглавиями — «Любовь книжка золотая», «Любовники и супруги, или мужчины и женщины (некоторые)» и «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами (продажными)». Автор «Писем из Торжка» ополчается против Громова за то, что тот профанирует смысл деятельности литератора, что он не знает, в чем «состоит долг честного человека, долг гражданина, долг писателя».

Таким образом, и три последние «Письма из Торжка» приемыкают к кругу вопросов, затронутых «Читателем» в первом «Письме», ставившем, между прочими проблемами, и вопрос о воспитательном значении литературы.

Обращаясь к собственно литературной части «С.-Петербургского журнала», должно отметить переводы из А. Галлера, Гес-

нера, Парни и др. Оригинальные произведения представлены именами второ- и третьестепенными, вроде А. И. Бухарского, А. Е. Измайлова, Н. М. Шатрова, Е. А. Колычева, Н. Скрипичина, девицы М. (по предположению В. Н. Орлова, одна из сестер Магницких).¹ Переводы в «С.-Петербургском журнале» принадлежали, кроме Пнина и Бестужева, еще И. И. Мартынову, П. А. Яновскому, Н. И. Анненскому.

По сравнению с философским, экономическим и педагогическим отделами, литературный несомненно слабее и бледнее. Особенно относится это к стихотворной части, представленной преимущественно идиллиями и мелкими сентиментальными жанрами. Впрочем, стихотворения Пнина — и именно бесспорно принадлежащие, а не приписываемые ему, — выгодно выделяются среди поэтического материала «С.-Петербургского журнала».

Но, за всем тем, чувствуется, что не в этом отделе видели издатели основное содержание «С.-Петербургского журнала». Следует помнить, что серьезное значение в конце XVIII в. придавалось только прозе. А проза в «С.-Петербургском журнале» была более выдержана, чем стихи. Все это позволяет присоединиться к формулировке В. Н. Орлова: «Журнал Пнина был самым ярким, после „Путешествия“ Радищева, проявлением русского философского и социально-политического радикализма конца XVIII века».²

Тираж «С.-Петербургского журнала» не известен.

ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА И ПРИПИСЫВАВШИЕСЯ ЕМУ (1777—1789)

После закрытия в 1774 г. «Кошелька» журнально-издательская деятельность Новикова не прекратилась, но приняла иное направление. Со второй половины 1774 г. учащается выпуск исторического журнала «Древняя российская вивлиофика», посвященного публикации архивных и иных материалов по истории России; до конца 1775 г. были выпущены части VI—X. В 1776 г. сперва Новиков предполагал издавать «Сокровище российских древностей», но затем выпустил «Повествователя

¹ Орлов В. Н., назв. соч., стр. 86.

² Орлов В. Н. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. (Очерки из истории русской литературы и общественной мысли 1830-х годов). Тезисы к диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Лен. Гос. ун-в., Л., 1940, стр. 2—3; Русские просветители 1790—1800-х годов, стр. 97.

древностей российских» (одну лишь книжку), представлявшего издание, аналогичное «Древней российской вивлиофике» и вошедшее впоследствии полностью во второе издание «Вивлиофики». К разряду научных журналов Новикова надо отнести и издававшиеся им в течение марта—августа 1777 г. «С.-Петербургские ученые ведомости», первое русское специально библиографическое издание; оно представляет несомненный интерес, и подробнее о нем будет сказано в дальнейшем изложении.

В том же 1777 г., с сентября, начал выходить новый журнал Новикова «Утренний свет», явившийся результатом его масонских отношений. Как известно, в 1775 г. Новиков вступил — а по его словам, был вовлечен — в масонскую организацию; как бы то ни было, с этого времени он связал с масонством всю свою деятельность. Вслед за «Утренним светом», издававшимся в течение трех лет, начатым в Петербурге и законченным в 1780 г. в Москве, выпускалось Новиковым «Московское ежемесячное издание» (1781), затем в продолжение 1782—1783 гг. в его типографии печаталась «Вечерняя заря» и, наконец, в 1784—1785 гг. — «Покоющийся трудолюбец». Впрочем, к последним двум журналам Новиков прямого отношения не имел.

Но, наряду с этими более или менее тесно связанными с масонством изданиями, Новиков выпускал и другие, в которых проявлялась иная сторона его журнальной деятельности — политическая и просветительская. Все эти издания печатались во взятой Новиковым в аренду типографии Московского университета и относятся к издававшейся ранее университетом, а с мая 1779 г. — Новиковым газете «Московские ведомости». К этим журналам необходимо присоединить еще «Модное ежемесячное издание, или Библиотеку для дамского туалета», первые четыре книжки которого были отпечатаны в Петербурге еще до переезда Новикова в Москву.

В течение многих лет, в результате недостаточной научной осведомленности и сознательного искажения объективных фактов, буржуазное литературоведение представляло Н. И. Новикова после 1775 г. ревностным масоном и изображало всю его кипучую просветительскую деятельность как осуществление масонской программы.

Эта точка зрения была принята и Г. В. Плехановым, а вслед за ним длительное время признавалась и в советском литературоведении.

Работы ряда советских исследователей (Г. П. Макогоненко,¹

¹ Московский период деятельности Н. Новикова. Тезисы диссертация. Изд. ЛГУ, Л., 1945, 5 стр.; Н. Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951.

Л. Я. Фридберга,¹ С. О. Петрова²) опровергли традиционное представление о Новикове и характере его деятельности. Расходясь в частности, названные выше исследователи согласны в основном: «Отойдя от критико-обличительного направления в середине 70-х годов, Новиков целиком становится на путь мирного просветительства. Деятельность Новикова в 80-е годы не является периодом пропаганды мистических идей в русском обществе, как это утверждают Пыпин, Плеханов, Барсков и др., но представляет органическое продолжение и вместе с тем расцвет его просветительской деятельности, основным звеном которой явилось книгоиздательство», — пишет в автореферате своей кандидатской диссертации киевский исследователь С. О. Петров (стр. 10).

«Не будучи политическим борцом и революционным мыслителем, Новиков в отличие от Радищева избрал путь мирной общественно-просветительской деятельности, — формулирует свою позицию Л. Я. Фридберг. — Но Московский период — не разрыв с прошлым (Плеханов, Барсков), а органическое продолжение просветительской линии в мировоззрении и общественной практике Новикова первого периода. Вместе с тем 80-е годы — время наибольшего расцвета деятельности Новикова, которая в своем последовательном развитии становится несомнимой с крепостническим правительством. Количественный размах общественно-просветительской деятельности Новикова перерастает в 80-е годы в новое политическое качество. Именно поэтому московский период, несмотря на некоторый отход от критического направления 70-х годов, является для Новикова как общественного деятеля главным и определяющим этапом. Отсюда исходное значение политической борьбы мирного просветителя Новикова и революционного демократа Радищева».³

«Изучение деятельности Новикова и содержания издававшихся им в ту [Московскую] пору журналов и газеты, — пишет Г. П. Макогоненко, — показывает, что Новиков поступал и действовал не как истинный розенкрейцер, что в его деятельности и взглядах было много такого, что прямо или косвенно расходилось с главными принципами розенкрейцеров. Больше того, как свидетельствует сам Новиков и „братья“ — Шварц,

¹ Н. И. Новиков (Московский период деятельности, 1779—1792 годы). — Докл. и сообщ. Истор. фак. МГУ, вып. 6, 1947, стр. 59—67; Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова в Москве (1779—1792). — Вопросы истории, 1948, № 8, стр. 23—42.

² Книгоиздательская и книготорговая деятельность Н. И. Новикова. Автореферат диссертации. Киев, 1951, 17 стр.

³ Фридберг Л. Я. Н. И. Новиков. — Докл. и сообщ. Истор. фак. МГУ, вып. 6, 1947, стр. 62.

Шредер, Лопухин, — между ним и руководителями была „холодность“, была борьба... Заняв особое, независимое положение в ордене, он в непрестанной борьбе со Швардом и Шредером отстаивал свободу своих действий. А именно в 80-е годы, когда русское общество жило особо интенсивной политической жизнью, Новиков считал важным всячески способствовать быстро растущему самосознанию русских людей. Вот почему он так непреклонно и настойчиво дрался за типографию университета, создал новую на основе капиталов Типографической компании, всеми силами охраняя свою книгоиздательскую деятельность от вмешательства масонских начальников... Современники и последующие поколения отлично понимали, как смел и как удачен был почин Новикова — использовать и организационную форму масонства и денежные средства ордена для объединения многих десятков передовых людей вокруг патриотического, большого, общественного, просветительского дела».¹

Таким образом, московский период журнальной и книгоиздательской деятельности Новикова должен рассматриваться как новое и более широкое наступление на самодержавие и отчасти крепостничество. Если раньше, в период издания сатирических журналов 1769—1774 гг., Новиков избрал оружием борьбы сатиру, которая обнажала самые уязвимые, самые слабые стороны екатерининского режима, если сама эта борьба Новикова представляла проявление формирующегося общественного мнения, то деятельность Новикова в московский период — это продуманная, планомерная пропаганда просветительских идей, самостоятельно выработанных идей русского просвещения, имевшая целью всемерно расширить социальную базу для борьбы с самодержавием и — тем самым — крепостничеством. Взяв в свои руки издание «Московских ведомостей» и давая к этой газете разнообразные приложения, — от специально агрономических до журнала для детей, — Новиков систематически, настойчиво и неуклонно расширял свою аудиторию, приобретал последователей и пробуждал в читателях сознательное, критическое отношение к окружающей действительности.

Однако, как и в первый период, и в годы своего пребывания в Москве Новиков большее внимание уделял борьбе с Екатериной, с ее самодержавно-деспотической политикой и значительно слабее затрагивал крепостной вопрос. Здесь вновь проявилась характерная черта русской общественной мысли до Радищева — решительная политическая борьба с самодержавием и робость,

¹ Макогоненко Г. П. Н. Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 351, 360.

непоследовательность в отношении крепостного права. Субъективно не принимая и протестуя против крепостничества, против угнетения многомиллионного крестьянства, передовые русские люди дорадищевского периода (Новиков, Фонвизин) и даже либералы (Княжнин, Николев) резко выступали против Екатерины и меньше внимания уделяли борьбе с крепостничеством.

В этом смысле сатирические журналы Новикова, конечно, стоят выше его московских изданий. Современники это отлично понимали и соответствующим образом выражали свое отношение к этому.

В самом деле, несмотря на исключительную плодovitость журнальных предприятий Новикова в пятнадцатилетие между 1774 и 1789 гг., несмотря на внешнюю интенсивность, кипучесть этого журналиста, сумевшего издать за это время около десяти периодических изданий, все же характерно, что в этот же самый промежуток трижды был переиздан славный «Живописец», вершина новиковской гражданской сатиры, а в 1793 г. уже после ареста Новикова, «Живописец» был издан в пятый раз. И в историю русской общественной мысли, в историю русской литературы и журналистики Новиков вошел прежде всего как замечательный зачинатель общественно-политической сатиры, как издатель «Трутня», «Пустомели» и «Живописца».

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ УЧЕНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

(1777)

«С.-Петербургские ученые ведомости», выпускавшиеся Новиковым с марта по август 1777 г. еженедельно (всего 22 номера), представляли реализацию предложенного за двадцать лет до того Ломоносовым совершенно аналогичного издания и даже с тем же почти названием.¹ Хотя «С.-Петербургские ученые ведомости» стали выходить не с начала года, датировка их идет с января 1777 г. и прекращается 2 июня того же года.

В «Предисловии» (в № 1) Новиков указывал, что общество, состоящее из нескольких человек, предприняло издание «периодических листов», в которых должны быть изображены «распространение наук в России и успехи во оных наших единосоземцев». Это может быть достигнуто «уведомлением о напечатанных книгах с присовокуплением критических оным рассмотрений». Кроме

¹ Куник А. А. Об ученых сборниках и т. д. — Уч. зап. Акад. Наук по I и III отд., т. I, вып. 1, стр. LXV—LXVI.

этой основной задачи, в «С.-Петербургских ученых ведомостях» предполагалось печатать «мелкие стихотворения», главным образом надписи к портретам русских писателей и художников, а также их биографии. В частности, издатели приглашали читателей сочинить надписи Феофану Прокоповичу, Антиоху Кантемиру, Поповскому, художникам Лосенкову и Чemezову. Отсутствие Ломоносова в этом списке объяснено было в последнем номере журнала тем, что уже существует «надпись к личному изображению» его, сделанная Поповским.

Следует иметь в виду, что жанр стихотворной «надписи» представлял в то время нечто вроде историко-литературной и литературно-критической характеристики лица, которому надпись посвящена.

Литературная позиция «С.-Петербургских ученых ведомостей» представляет заметное изменение позиций Новикова, если сопоставить их с временами «Трутня», «Пустомели» и «Живописца». Достаточно привести следующее обращение Новикова к В. И. Майкову, приславшему в журнал шесть «надписей»: «Мы просим г. сочинителя быть сотрудником нашим и предложим труд, пера его достойный, а именно писать о сочинениях славнейших наших стихотворцев, т. е. Михаила Васильевича Ломоносова, г. Сумарокова, г. Хераскова, г. Петрова и других, что все с удовольствием помещено будет в наших листах» (№ 22, стр. 173). В этом списке на первом месте не Сумароков, «а по нем г. Ломоносов», как было раньше у Новикова, но наоборот. Затем — Петров, прежде объект самых резких насмешек Новикова, здесь фигурирует в числе «славнейших наших стихотворцев». Литературная позиция Новикова выразилась и в формулировке того, как предполагалось осуществлять критическую оценку новых изданий в «С.-Петербургских ученых ведомостях».

Указав, что «критическое рассмотрение издаваемых книг... по истинне может почитаться душею сего тела [т. е. журнала]», издатели, т. е. фактически Новиков, испрашивали «у просвещенных нашей публики, да позволится нам вольность благодарных критики». «Во критике нашей, — писал Новиков, — будет наблюдаема крайняя умеренность», «она с великою строгостию будет хранима во пределах благопристойности и благонравия. Ничто сатирическое, относящееся на лице, не будет иметь места в Ведомостях наших, но единственно будем мы говорить о книгах, не касаясь нисколько до писателей оных» («Предисловие», стр. 3 ненум.). Екатерина, проповедовавшая во «Всеякой всячине» именно эту точку зрения в противовес позиции Правдулюбова-Новикова, настаивавшего в «Трутне» на том, что сатира не на «лицо», а на «порок» не достигает цели, могла торжествовать.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ
УЧЕНЫЯ
ВѢДОМОСТИ,

НА 1777 ГОДЪ.

№ I.

Печатаны и изданы въ Кнгопродавца К. В.
Миллера,
въ Типографіи Вейтбрехта и Шнора.

«Санкт-Петербургскіе ученые ведомости» (1777).

Все же не нужно думать, что «прежний» Новиков целиком сдал свои позиции: первая книга, о которой была помещена рецензия в «С.-Петербургских ученых ведомостях», был знаменитый «Наказ» (№ 2, стр. 13—16; № 3, стр. 17—21); если вспомнить, что «Наказ» в то время был книгой почти запрещенной, — или, во всяком случае, неудобной к напоминанию, — то выбор Новикова нельзя не рассматривать как демонстрацию. Конечно, все это сопровождается самыми неумеренными похвалами Екатерине, но она знала достаточно хорошо цену подобным «ласкательствам», — незадолго до этого, в 1773 г., именно под этим предлогом Екатерина отклонила предложенное Новиковым посвящение ей «Древней российской вивлиофики».

Рецензии в «С.-Петербургских ученых ведомостях» не одинаковы по своему размеру и содержанию: от кратких аннотаций информационного или оценочного характера до больших критических статей, вроде отзыва об «Известиях византийских историков» Ив. Штриттера (№ 7, стр. 49—56). В каждой рецензии обязательно отмечается качество «слога» автора или переводчика.

Однако среди этих обычных стилистических оценок встречаются высказывания и принципиального характера, представляющие значительный интерес для истории русского языка, для истории русских языковедческих воззрений в последнюю треть XVIII в.

Так, в рецензии на «Древнюю Российскую вивлиофику» Новикова анонимный автор, — возможно, сам Новиков, — высказывает ряд пожеланий, которые, по его мнению, надлежало бы осуществлять при издании исторических документов; среди этих пожеланий заслуживает внимания следующее: «... что бы древнее правописание не было изменяемо на новое, а напротив, что бы ни чего прибавляемо, убавляемо, или поправляемо не было, но напечатано было бы точно так, как обретається в подлиннике» (№ 4, стр. 28).

Вопросам правописания «Санкт-Петербургские ученые ведомости» придавали серьезное значение, и это было вполне правильно в те годы, когда правописание Ломоносова уже не обладало полной силой авторитета и когда почти у каждого автора были свои орфографические причуды. В рецензии на перевод итальянской оперы Метастаззио «Нитета» мы читаем: «Перевод сей Оперы довольно изряден. Но мы при сем случае не можем воздержаться, что бы не пожелать к пользе Российских их писем, дабы в переводах наблюдаемо было единообразие во правописании. Дотыне же усматриваем мы, что каждый Писатель и Переводчик свои имеет правила, как в рассуждении правописания особенно, так и вообще до Грамматики касаю-

щихся. Сие единообразие утвердило бы непрменные правила, которые молодым Писателям и Переводчикам много бы принесли пользы. Но о сем будем мы говорить пространнее на другом месте» (№ 5, стр. 38). Однако ни «на другом месте», ни «проще» рецензент, подписавшийся буквой «И» (Издатель?), не касался этого вопроса; впрочем, в рецензиях, подписанных другими буквами или вовсе не подписанных, встречаются упреки авторам и переводчикам в несоблюдении «правил Российского словосочинения и правописания» (№ 5, стр. 40, подписано буквой К; № 14, стр. 111; № 16, стр. 125 и т. д.). Даже молодой поэтессе счел нужным Новиков адресовать тот же упрек (№ 22, стр. 176).

Забываясь о «наблюдении единообразия во правописании», сами сотрудники «Санкт-Петербургских ученых ведомостей» не всегда были строго последовательны и допускали некоторые колебания в этой области. Так, в одних случаях они писали «во критике», «во пределах», «ко приведению» (№ 1, стр. 3 нenum.), «во предприятии» (там же, стр. 4 нenum.), «ко книгопродавцу» (там же, стр. 5 нenum.), «изо 123 листов» (№ 3, стр. 20), т. е. перед словом, начинающимся двумя согласными, писали «полную» форму предлога, а в других — краткую: «в 23 день Июня» (№ 6, стр. 44), «в 24 день Ноября» (№ 10, стр. 73; и тут же — «во 12 день Генваря»).

Встречаются колебания и в употреблении формы родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений женского рода: наряду со старинной формой на *ья* или *ия* встречаются — правда, гораздо реже — формы на *ой* или *ей*: «от трудившегося в переводе Юстиевой же книги» (№ 12, стр. 93); «обязан честию вашей переписки» (№ 15, стр. 114; там же: с моей стороны).

Гораздо интереснее суждения журнала о языке литературных произведений, в частности драматических. Вопрос о степени точного воспроизведения крестьянских говоров в драматической литературе встал перед русскими комедиографами еще в 1760-х годах. Фонвизин в комедии «Корнион» (1764) первый попытался придать местный колорит языку эпизодического персонажа — крестьянина. С этого времени проблема «крестьянской речи» не переставала привлекать внимание комедиографов. Наивысшей степени натуралистического воспроизведения «крестьянской речи» достигла комическая опера «Анюта» М. Попова. В «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» была помещена рецензия на книгу Попова «Мои досуги», в которой (книге) была напечатана и «Анюта». Рецензент, между прочим, остановился и на вопросах языка действующих лиц. «Справед-

ливость побуждает однакож нас сказать, что Ироиня его пьесы А н ю т а во всей Опере разговаривает и мыслит благороднее, и больше приятнее, и правильным наречием, нежели сколько могло позволить ей крестьянское воспитание; также, кажется нам, что и крестьяне в сей Опере разговаривают хотя и справедливым своим наречием, в отдаленных Провинциях употребляемым, но для Оперы сие наречие кажется нам несколько дико. Стихотворцы, хотя и обязаны в таких случаях Подражать Nature, но им оставлена вольность избирать лучшую: а Российские крестьяне не все одинаким наречием говорят. Есть Провинции, в коих употребляют такое наречие, которое ни в какой феатральной пьесе не будет противным нежному слуху Зрителей. Впрочем обе сии погрешности, от неосторожности или от обстоятельств происшедшие, легко могут быть извинены и почитаться маловажными во сравнении изрядства всея пьесы» (№ 8, стр. 63—64).

Подобные возражения против введения в литературный язык местных наречий не являлись, как явствует из приведенной цитаты, следствием отказа от «подражания натуре». Сотрудники «Санкт-Петербургских ученых ведомостей» исходили из глубокого убеждения, что русский литературный язык достаточно богат для того, чтобы удовлетворить все возможные потребности писательской практики. Вот что находим мы в послесловии редакции журнала к рецензии на перевод сказки Мармонтеля «Алцест излечившийся от своенравия, или исправленный человеконенавидец». Редакция, указав, что рецензия прислана со стороны и не вполне выдержана в требованиях, предъявляемых к подобным статьям, сообщила, что все же поместить «сей артикул» побудило ее то, что перевод сказки Мармонтеля очень плох. И далее мы читаем следующее: «Впрочем склонность наша к начинающим упражняться в переводах, побуждает нас предуведомить их, что в наши времена путь на Парнасс стал чрезмерно крут, труден, скользок, и наполнен колючим тернием. Сверх того, слышали мы от Стихотворцев, достойных вероятия, что ныне Аполлон весьма полюбил и пристрастился к Российскому языку; и для сего издал указ, которым повелевается не впускать ни одного Писателя и Переводчика на Парнасс, который в писаниях своих не старался о свойствах и чистоте Российского языка, и не украсил оные наблюдением Грамматических правил».

Далее идет самое интересное место в этом редакторском послесловии, представляющее, впрочем, развитие взглядов Ломоносова на характер и отличительные свойства русского языка: «Притомже слышали мы, что Аполлон ни чем так не раздражается, как ответами некоторых Переводчиков: Этова на

Русской язык перевести нельзя; и всегда ответствует таковым: ты не знаешь Российского языка; ибо он, как сказывают, уверен в том, что Российский язык ко всем родам писаний весьма удобен» (№ 11, стр. 86—87).

Мы только что упомянули, что эти суждения представляют развитие соответствующих взглядов Ломоносова. Здесь уместно напомнить, что в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» видно решительное изменение отношения Н. И. Новикова к Ломоносову и Сумарокову. Раньше Новиков на первое место всегда ставил Сумарокова, «а по нем» — Ломоносова. В данном журнале Ломоносов называется «Отцом Российского Стихотворства» (№ 5, стр. 34), следовать его примеру приглашаются молодые авторы (там же, стр. 36), а имя Сумарокова встречается в «Санкт-Петербургских ведомостях» только раз (№ 22, стр. 173).

Это не помешало Новикову через несколько лет дважды (1781 и 1787) издать полное собрание сочинений Сумарокова.

Кто были рецензенты, кроме Новикова, сказать трудно. Подписи «И», «К», «Л» едва ли надо рассматривать как реальные инициалы фамилий или имен сотрудников. В стихотворном отделе приняли участие Ив. И. Дмитриев, В. И. Майков, Ф. Я. Козельский и некто, выставивший вместо подписи название города «Тферь».¹

Тираж «С.-Петербургских ученых ведомостей» не известен. Причина прекращения журнала также не выяснена. По мнению А. Н. Неустроева (Розыскание, стр. 225), причиной было предпринятое в это время Новиковым издание журнала «Утренний свет».

«С.-Петербургские ученые ведомости» лишь отчасти документируют идейное развитие Новикова: отказ от сатиры на лицо, стремление объединить для одних только просветительных, а не политических целей своих единомышленников, строгий и серьезный отбор книг для рецензий, наконец нравственная цельность критических установок — вот то новое, что встречается в «С.-Петербургских ученых ведомостях». Но в еще более отчетливом виде проявилось воздействие масонства в «Утреннем свете».

«УТРЕННИЙ СВЕТ»

(1777—1780)

«Утренний свет», издававшийся ежемесячно с сентября 1777 г. по август 1780 г. включительно, сперва в Петербурге,

¹ Возможно, это был М. Н. Муравьев, проживавший в то время в Твери и находившийся в переписке с Новиковым.

а затем в Москве, из всех «духовно-нравственных» изданий Новикова имел особенно большой успех. Первое издание его за 1777—1778 гг. вышло в 1000 экз., и затем потребовался еще дополнительный тираж.¹ В 1778—1779 гг. количество отпечатанных экземпляров было еще больше, насколько можно судить по отчетным данным, опубликованным Новиковым.² Сообщение списка подписчиков показывает территориальное и социальное распространение новиковского журнала. Среди подписчиков на первом месте стоят, конечно, дворяне, затем лица духовного звания, наконец купцы, приказчики и мещане; встречаются имена известных и второстепенных писателей. Нельзя не отметить, что регулярным подписчиком «Утреннего света» был известный «кнутобойца», начальник Тайной экспедиции Ст. И. Шешковский. В первый год журнал получался свыше чем в двадцати пунктах страны.

Журнал издавался с благотворительной целью: доходы с него шли на организацию и содержание школ для немущих детей. Не следует забывать, что в это время еще не было в России ни одной общественной школы для детей демократических слоев населения; Академическая же гимназия в Петербурге и Гимназия для разночинцев при Московском университете не могли удовлетворить потребности городского демократического населения в низшей школе. Таким образом, организованные Новиковым на доходы от «Утреннего света» школы для «бедных детей» — Екатерининское и Александровское училища — были по сути дела первыми школами для детей мелкой буржуазии.

В «Предуведомлении» Новиков писал, что издающее журнал «собрание» состоит из десяти человек, а «сложив вместе время нашей жизни, — продолжал он, — составит не более тридцати лет» (ч. I, сентябрь, стр. III). Комментаторы видят в последней цифре указание на общий масонский стаж всех участников новиковского «Собрания». Это место обратило на себя внимание подписчиков и вызвало ряд писем в редакцию; издатели поместили только одно (ч. I, октябрь, стр. 179—182). Гораздо охотнее предоставляли они страницы журнала авторам писем не критического, а мистического содержания, вроде аллегорического «сновидения» некоего Иакова Всегдатута (ч. I, ноябрь, стр. 253—275; ч. II, апрель, стр. 339—383).

В последней книжке IX части «Утреннего света» Новиков выступил со статьей, озаглавленной «Заключение журнала под

¹ Утренний свет, 1778, ч. III, август, стр. 387; 1780, ч. IX, август, стр. 247.

² Там же, 1779, ч. VI, август, стр. 392.

названием Утреннего света» (ч. IX, август, стр. 203—218); здесь разъясняется позиция журнала, определяются задачи, преследовавшиеся в продолжение его издания, и даются ответы на некоторые «неудовольствия», высказывавшиеся в публике против «Утреннего света». Новиков отмечает, что издатели «не имели другой побуждающей причины, как истинное, а не слепое и безумное к заблуждению стремление или энтузиазм и любовь к отечеству, проистекающую из чистейших источников. Ласкались мы, — продолжает он, — изданием такового журнала, как наш, искоренить и опровергнуть вкравшиеся правила *Вольномыслия* [курсив в тексте], которого следствия, как для самых зараженных оным, так и для общества весьма пагубны» (стр. 206). В самом деле, журнал вел борьбу с материалистическими и даже рационалистическими философскими системами, главным представителем которых считал Вольтера, пропагандируя в то же время моральные доктрины античных и европейских философов-идеалистов (Паскаль, Мендельсон и пр.).

Такие тенденции проводились главным образом в прозаических статьях и в крупных по объему стихотворных произведениях. Вместе с тем, в некоторых мелких прозаических и стихотворных песках заметны иные устремления. Все это дало Добролюбову основание указать, что в «Утреннем свете» является уже более характер философский, нежели сатирический, и только стихотворения да анекдоты все еще напоминают веселую сатиру».¹

Не указывая источников, откуда им почерпнуты сведения, Г. П. Макогоненко в своем исследовании о Новикове говорит, что в коллективном руководстве «Утренним светом» было проведено разделение функций: «За Новиковым было общее наблюдение за журналом, вся деловая, практическая сторона и отдел философии. . . Литературный отдел был на попечении маститого писателя Хераскова и его учеников».²

Философский отдел «Утреннего света» — наиболее интересная часть этого журнала. Однако нельзя затушевывать то обстоятельство, что, хотя во главе его и стоял Новиков, хотя здесь и печатались главы из «Сокращенной Баконовой философии»,³ все же «Утренний свет» — «журнал эклектический».⁴ И если Новиков печатает отрывки из книги Бэкона и помещает свои собственные статьи, посвященные проблемам этики, разрабаты-

¹ Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 33.

² Макогоненко Г. П. Н. Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 301—302.

³ Там же, стр. 310.

⁴ Там же, стр. 345.

ваемым в прогрессивном духе, то тут же — и, конечно, не против его воли (раз на нем был отдел философии) — находит место «настойчивая проповедь „единения“ как единственно великой цели человеческого существования, высказанная в сочинениях Паскаля, Юнга, Виланда, напечатанных в „Утреннем свете“ по воле Хераскова и Кутузова».¹

В «Утреннем свете» принимали участие, кроме Новикова, еще М. М. Херасков, В. И. Майков, И. П. Тургенев, М. Н. Муравьев, друг Радищева А. М. Кутузов, И. Захаров, Т. Кириак, Ант. Тейльс, П. Терликов, Ф. Краснопевков, П. Алексеев, В. Прянишников, Н. Калинин, Г. Медведев, П. Лихонин, А. Петров, Н. Попов, Д. Рыкачев, П. Садорский, Л. Давыдовский, Алексей Малиновский, Елиз. и Наст. Свиныны, В. Данилов и др.

«МОДНОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ»

(1779)

В 1779 г. Новиков издавал первый русский журнал для женщин под названием «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета».²

Именно с этой стороны надо рассматривать данное издание Новикова. Обращаясь к женской аудитории, Новиков не мог, конечно, не учесть специфических особенностей своих читательниц. Если в сатирических журналах, в особенности в «Живописце», он напал на щеголих, на их вычурный и изломанный жаргон, на их фривольные манеры, то после 1775 г., после перехода на масонские позиции, Новиков начал действовать в воспитательном направлении и на читательниц этой категории. Среди переводных повестушек, идиллических стихов и т. п. произведений для «легкого чтения» нет-нет да и проскользнет серьезная идея (ср. «Повесть о Евгение, или торжество добродетели над честолюбием», ч. I, январь, стр. 29—59); даже «легкая поэзия» в журнале все же была известным умственным занятием для щеголих и модниц тех лет.

Впрочем, читала ли журнал эта категория подписчиц, — сказать трудно.

Что касается «мод» в «Модном ежемесячном издании», то, как правильно заметил один автор, писавший об этом новиковском журнале, его «можно было бы считать первым русским модным журналом в том смысле, в каком понимаем мы это теперь,

¹ Макогоненко Г. П. Н. Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 323.

² Первые четыре книжки в Петербурге, остальные в Москве.

МОДНОЕ
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ,
ИЛИ
БИБЛИОТЕКА,
ДЛЯ
ДАМСКАГО ТУАЛЕТА.
ЧАСТЬ I.

Съ Генваря по Апрель мѣсяць.

Въ Санктпетербургѣ.
Печатано
въ вольной Типографіи Бейтбрехша и Шнора
1779 года.

«Модное ежемесячное издание» (1779).

если бы самое содержание журнала не находилось в явном противоречии с его названием. В действительности, «Модное ежемесячное издание» — журнал чисто литературный и никаких сведений о модах не заключающий. Единственно, что дает журналу некоторое право именоваться «модным», — это картинки с изображением модных нарядов и уборов, прилагавшиеся к каждой книжке журнала.¹

Эти модные картинки заслуживают особого внимания: рассматривая их, нельзя отделаться от впечатления, что перед нами либо самые настоящие карикатуры, либо сильно шаржированные картинки мод и что это делалось с целью осмеять нелепые моды и модниц, ими увлекающихся. Вероятно, в целях осмеяния перепутаны подписи к июльской и августовской картинкам.

В «Модном ежемесячном издании» печатались произведения незадолго до того умерших Сумарокова и В. Майкова, а также Я. Б. Княжнина, Дм. Стропина и др.; большинство напечатанных пьес подписи не имеет.

Тираж «Модного ежемесячного издания» не известен.

«МОСКОВСКОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ»

(1781)

«Утренний свет» в последний год своего издания не пользовался таким успехом, как вначале. Издателям были сообщаемы «неудовольствия» подписчиков, материальная сторона издания оказалась также не вполне удовлетворительной, и только с помощью некоторых «споспешествователей» смог Новиков приступить к выпуску нового журнала, «Московского ежемесячного издания». Этот журнал выходил один только 1781 год; в программе его Новиков принужден был сделать некоторые изменения по сравнению с «Утренним светом», именно — ему пришлось ввести «политическое, историческое и географическое отделения». Сообщая об этом в последней книжке «Утреннего света» (ч. IX, август, стр. 218), Новиков писал: «Мы ласкаем себя, что сим расположением более угодим вкусу публики и склоним к ощущению удовольствия и тех читателей, которым казалось, что будто журнал наш весь наполнен одинакими материями».

Политический отдел в «Московском ежемесячном издании» напоминает журналы Новикова 1769—1772 г. Особенно Примеча-

¹ Вл. [Семенников В. П.]. «Модное ежемесячное издание», журнал 1779 года. — Русск. библиоф., 1913, № 6 и отд. (цит. по отд. отд., стр. 1). Авторство В. П. Семенникова устанавливается по его автографу на экземпляре, поднесенном им Библиотеке Академии Наук.

тельна в этом отношении статья «Два письма» (ч. II, август, стр. 239—258). Первое «письмо» называется «О льстецах и о всех людях вообще» и, несмотря на то что целиком выдержано в тонах «перевода с французского», представляет ответ на старую статью Екатерины во «Всякой всячине» («Молодые люди всего желают отведать», стр. 337—341; см. выше, стр. 175), где проводилась идея предустановленности общественной иерархии. В «письме» новиковского журнала сперва повторяется характеристика общественной структуры, как она дана в екатерининской статье, но затем делается обобщение, ставящее эту характеристику под полное сомнение: «Итак, жизнь человеческая протекает в беспрестанных беспокойствах, и когда придет смерть, то вместо, чтоб сказать, что жили, должны признаться, что во всю жизнь свою ненасытные только имели желания». И далее следует еще более резкое в условиях екатерининской России суждение: «Тот по справедливости щастлив, кто, удалясь в уединение, удален от суеты света и, не имея честолюбия, не имеет недостатка в нужном и живет, не опасаясь превратностей. Щастлив тот, кто не знает знатных, и еще щастливее, когда не знаем ими» (стр. 246—247).

Еще более современно звучало в то время второе «письмо» — «О государях» (там же, стр. 247—258). Хотя в нем говорилось о «государе» в мужском роде, однако все было настолько мало завуалировано, что намеки на Екатерину не могли не быть поняты: «Любовь столько ж беспорядков у государя производит, сколько лезть и подлая клевета. Государь, коего разумом обладают женщины, не может приобрести славы. Любовница истребляет плод двадцатилетних трудов [Екатерина овладела престолом почти за двадцать лет до того] в одно мгновение. Ежели разобрать царствования государей, которые слишком горячи были к своим любовницам, то откроется, что сколь они ни были великого духа, однако часто любовь верьх над геройством одерживала и не преминула наделать беспорядков... Всякое государство лучше управляемо быть может праздным государем, чем страстным» (стр. 252—253). Прочитывая далее «одного славного писателя», который говорил, что «чем более государь царствует, обыкновенно менее умеет управлять», автор письма прибавляет: «Мало государей, которые начинают, как Август, и еще меньше, которые так оканчивают» (стр. 254—255).

И, наконец, в этом «письме»: «Какая в том разница народу, отчего он нещастлив: от напрасного ли угрызения совести, или от любовной склонности? Причина, оные [т. е. несчастья народа] производящая, их не исправляет и не оправдает виновника оных» (стр. 255).

Не только проблема идеального государя давала «Московскому ежемесячному изданию» повод высказать достаточно смело по тому времени суждения. Не менее резко отзывался новиковский журнал о духовенстве. Как часто бывало в XVIII в., замысел скрыт в форме перевода; в данном случае речь шла об «испанских нравах», но попутно затронут был вопрос об «испанских духовных». Автор пишет: «Вообще из сих последних находятя такие люди, которые премного делают в государстве расстройки. . . Сии люди, не трудясь ни мало, снедают наилучшие плоды человеческих трудов и, находясь в поноснейшей праздности, поглощают драгоценности своего государства. . . Одним словом, все почти действия их наполнены пустосвятством, которое, по моему мнению, порочнее, нежели злонаравие беспутной черни, коей составляют они корень» (ч. II, июнь, стр. 89—90). Насколько Новиков придавал значение этой статье, видно из того, что через некоторое время в издававшемся им «Прибавлении к Московским ведомостям» (1784, № 36, стр. 287—288) был напечатан новый перевод ее (см. ниже, стр. 422).

Любопытна также статья «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук» (ч. I, апрель, стр. 281—287), основная мысль которой состоит в том, что предпосылкой развития наук является свобода мысли, что «вольностью оне процвитают», что «народ — первый собиратель плодов науки».

Как ни разбросаны эти политические статьи между прочими материалами «Московского ежемесячного издания», которое Новиков называл «продолжением Утреннего света» и в котором действительно печатались статьи также мистико-морального характера, тем не менее они показывали, что в обществе еще не угасли стремления к самостоятельной, трезвой мысли и критическое отношение к екатерининскому режиму фаворитизма.

В «Московском ежемесячном издании» принимали участие, главным образом, студенты Московского университета: Д. Серебряков, В. Еропкин, Л. Давыдовский, Н. Лаба, А. Малиновский, Д. Рыкачев, А. Брянцев, П. Колязин, М. Жуков, И. Мещеринов, В. Данилов, И. Рокотов, П. Воейков, А. Жилин. Кроме того, печатались произведения А. М. Кутузова, друга Радищева, а также «Эклога» кн. Ф. А. Козловского, погибшего в 1769 г. при взрыве корабля во время Чесменского боя.

Тираж «Московского ежемесячного издания» не известен.

«Московское ежемесячное издание» представляет очень важный факт в журнально-издательской деятельности Новикова: оно и издававшиеся в 1783—1784 гг. «Прибавления к Московским ведомостям» своей политической заостренностью резко выде-

ляются среди прочих журнальных предприятий Новикова, в которых заметен отказ от общественной борьбы.

«ГОРОДСКАЯ И ДЕРЕВЕНСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

(1782—1786)

С 1782 г. Новиков стал издавать журнал «Городская и деревенская библиотека, или забавы и удовольствия разума и сердца в праздное время». Приступая к изданию этого журнала, он предполагал сперва выпустить в течение года двенадцать частей или книжек; однако издание растянулось на пять лет.

В этом не привлекавшем к себе до недавнего времени внимания журнале Новиков, как установил Г. П. Макогоненко,¹ вновь обратился к сатирическому жанру, продолжая в новой форме борьбу с Екатериной, начатую еще в «Трутне».

В «Городской и деревенской библиотеке», наряду со множеством переводных произведений, печатались (в первой, второй и четвертой частях) «Пословицы российские», бесспорно принадлежащие Новикову (за исключением, может быть, последней).² Это произведение представляет политически направленные опыты сатирического объяснения возможного происхождения отдельных пословиц. И раньше Новиков прибегал «к пословице, запечатлевшей многолетний и тяжкий опыт народа... В новых рассказах Новиков... брал пословицу, ставил ее в главе и строил рассказ, который как бы должен был объяснить причину ее возникновения в народе. Рассказ всегда был аллегорическим и сатирическим на темы политические или просветительские. Таким образом вывод, вытекавший из сюжета рассказа, вдруг усиливался во много раз, приобретая уже характер не частного суждения человека, а приговора народа, приговора, справедливость которого покоилась на самом прочном основании — опыте многомиллионного угнетенного крестьянства».³

Уже один выбор пословиц был в условиях потемкинского режима смелым выступлением против самодержавия, против Екатерины. Так, во второй части были напечатаны рассказы для пояснения пословиц «Близ царя, близ смерти» (стр. 347—

¹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 462—483.

² Много лет спустя (в письме Д. П. Руничу от 14 ноября 1810 г.) он признавался: «Я люблю русские пословицы, они очень правдоподобны и исправляют даже и память» (Автографы имп. Публичной библиотеки, вып. 1. М., 1872, стр. 110).

³ Макогоненко, назв. соч., стр. 463.

356), «Седина в бороду, а бес в ребро» (стр. 357—366), «Сиди у моря, жди погоды» (стр. 367—376). Каждый из этих рассказов был хорошо понятен тогдашним читателям, хоть скольконибудь разбиравшимся в политической обстановке. Например, пояснение пословицы «Сиди у моря, жди погоды» почти неприкрыто воспроизводило историю П. И. Панина, находившегося в оппозиции к Екатерине, попавшего по этой причине в опалу, а затем, во время восстания Пугачева, призванного вновь к командованию армией. Столь же ясно и неприкровенно излагались в рассказе «Седина в бороду, а бес в ребро» отдельные моменты из жизни Екатерины конца 1770-х—начала 1780-х годов. Высмеивает увлечение Екатерины каруселями «пословица» «Фортуна велика, да ума мало» (ч. IV, стр. 345—358).

Новиков и не скрывал того, что «русские пословицы» имеют конкретную направленность: «Сие изречение, — пишет он по поводу пословицы «Битому псу только плеть покажи», — может быть, более иносказательно, нежели как видится оно при первом взгляде. Человек, приобывнувший не довольствоваться наружным письмен смыслом, легко усмотреть может, что битой пс изображает находящегося при вельможе преданного ему искателя, а плеть — самого сего строптивого боярина» (ч. II, стр. 345). Более прямого указания на то, что следует искать скрытый смысл, в тогдашних цензурных условиях Новиков сделать не мог.

Надо полагать, что намеки, содержащиеся в «Русских пословицах» второй части журнала, вызвали цензурные осложнения для Новикова: в третьей части пословиц нет вовсе, а пословицы, напечатанные в четвертой, все, — за исключением одной («Фортуна велика, да ума мало»), — не имели политического характера, были посвящены борьбе за просвещение и вообще оказались последними. Вместо предположенных двенадцати частей Новиков издал в 1782 г. только пять, в два следующие года по две части, в 1785 г. одну и в 1786 — две. И содержание журнала после 1782 г. меняется: если в первый год издания, наряду с «Русскими пословицами», здесь печатались переводы из Дидро и такие политически интересные вещи, как «Перечень¹ аглинской книги, называемой Слабоумный вельможа» (ч. 1, стр. 73—120), то в последующие годы «Городская и деревенская библиотека» заполнялась переводными произведениями малоизвестных или анонимных авторов. Видно, что Новиков охладел к этому журналу, будучи увлечен другими, более отвечающими его интересам изданиями.

¹ Перечень — пересказ, конспект (П. Б.).

Последняя «политическая» пословица в «Городской и деревенской библиотеке» — «Фортуна велика, да ума мало» — заслуживает внимания. Герой рассказа, поясняющего происхождение данной пословицы, — Лавид, молодой человек, которому благодаря покровительству Фортуны постоянно везет. В результате благоприятного стечения обстоятельств он становится государем на неизвестном острове, несмотря на явную неспособность к государственным делам. Когда к нему обращаются подданные с требованием приступить к управлению ими, Лавид, пародируя стиль екатерининских манифестов, говорит: «Устроить мир и благоденствие избран я вами... Повелеваю и прошу вас, — говорил он, — построить карусель» (ч. IV, стр. 354). «Тогда увидели жители острова сделанную ошибку в выборе государя, но не утверждают в оном.¹ Привыкнув к суеверию, ожидают впредь своего счастья и с поспешностию исполняют приказ Лавидов» (стр. 356). Беспутное правление Лавида приводит страну островитян на край гибели: «Началися роскоши... Разорвалася связь родства... Браки уничтожены... Учредилась смертная казнь от богачей... В короткое время много бы истребился народа, естли бы по счастью их не поспела карусель» (стр. 356).

Что же это за «карусель», столь настойчиво подчеркиваемая в «пословице» Новикова?

Нет сомнения, что здесь высмеивается Новиковым увлечение Екатерины всякими забавами, начиная с «рыцарской карусели» 1766 г. Об этой карусели и об аналогичных увеселениях Екатерины подробно рассказывается в очерке М. И. Пыляева «Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России».²

Однако интерес «пословицы» «Фортуна велика, да ума мало» заключается не столько в этих явных намеках на екатеринины развлечения, сколько в резко политической концовке. Во время карусели Лавид погибает. Островитяне обращаются с упреками к тому отшельнику, который когда-то предсказал им, что из моря к ним выплывет человек и станет их царем. Лавид, по мнению островитян, не отвечал требованиям, которые должно предъявлять к правителю страны. Отшельник сердито ответил им: «Впредь будьте осторожны в выборе людей, поставьте над собой правителем человека, а не скота» (стр. 357).

Как ни колки «пословицы» «Близ царя, близ смерти», «Седина в бороду, а бес в ребро», «Сиди у моря, жди погоды», но

¹ Т. е. не делают выводов из этого (П. Б.).

² Пыляев М. И. Старое житие. Очерки и рассказы. Изд. 2-е. СПб., 1897, стр. 137—166.

нет сомнения, что более смелой и откровенной оценки Екатерины, чем та, которая заключалась в словах отшельника, в русской журналистике XVIII в. не было.

В журнале в качестве сотрудников работали А. Ф. Малиновский, впоследствии участник издания «Слова о Полку Игореве», А. М. Грибовский, ставший через несколько лет секретарем Екатерины, П. И. Сумароков, князя Алексей и Сергей Голицыны, В. Протопопов, А. Ефимовский, П. Ф. Берг (П. Ф. Б.), В. А. Левшин (один из сделанных им переводов подписан латинскими инициалами В. L.), П. П. Неелов (П. Н.) и др.

Тираж «Городской и деревенской библиотеки» не известен.

«ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ»

(1782)

К новиковским журналам долгое время причислялась «Вечерняя заря, ежемесячное издание, служащее продолжением Утреннего света». Проблема личного самоусовершенствования, христианское смирение и принятие существующего миропорядка как предустановленного, совершенный отказ от политической борьбы, переключение общественной активности единственно лишь в сферу частной благотворительности — вот характерные черты «Вечерней зари» со стороны идеологической.

Вопросы политические не вовсе устраняются из программы журнала, но только им придается морально-этический характер, переводящий их из плоскости конкретной борьбы с екатерининско-потемкинским режимом в область нравственности, в область отношений между людьми и обязанностей человека по отношению к государству. В этом плане особенно характерно стихотворение «Ответы восьми греческих философов на данный запрос: какое народное правление счастливо?» (ч. I, февраль, стр. 112—113); все философы отвечают, что «счастливо» лишь такое «народное правление», где добродетельны граждане, «в котором страстен всяк ко доброму всему».

Реакционно звучала в «Вечерней заре» в условиях усилившейся в начале 1780-х годов борьбы с Екатериной статья полубеллетристического, полупублицистического характера, озаглавленная «Аристид, рассуждающий о политических делах» (ч. II, июль, стр. 196—216). Собеседник Аристида, Крисфен, задает ему, между прочим, такой вопрос: «Государь не может ли во зло употребить свою власть? что же тогда делать?». Аристид отвечает: «Покориться и лить слезы; слезы тогда становятся свидетельством и всегдашними упреками на его забвение».

Каков бы подданный ни был, он всегда есть токмо тень могущества. Когда уже учинена присяга и дана верность, в какой бы ты степени ни приблизился к трону, прикосновение к оному есть осквернение. Возмутитель есть вероломец, стыд государя и ужас государства. Отраженный луч высочайшей власти долженствует устрашить сердце и вкоренить в него долг». Далее Аристид, с несомненной аллюзией на Екатерину, восклицает: «Более скажу еще, естли бы я жил под правлением государя, хотя и такого, который бы достоин был моего презрения, однако ж, я его признавал бы; и хотя бы после мне следовало принести себя на жертву, естли бы мне силы мои дозволили, пронзил бы всякого, кто бы ни обагрился его кровию. Нет ничего священнее государя, ничего нет мерзостнее бунтовщика» (стр. 200).

Уже наличие одной этой статьи в «Вечерней заре» является решающим доводом за то, что Новиков не мог иметь отношения к изданию этого журнала. В самом деле, в том же 1782 г. Новиков печатал в «Городской и деревенской библиотеке» антикатерининские, резко сатирические «Российские пословицы», среди которых были и такие, которые оправдывали свержение «недостойного» царя («Фортуна велика, да ума мало»). Правда, нельзя утверждать, что статья «Аристид, рассуждающий о политических делах» представляет ответ на только что упомянутую «пословицу» Новикова, так как «Аристид» был напечатан в июльской книжке «Вечерней Зари», а «Фортуна велика, да ума мало» появилась в четвертой книге «Городской и деревенской библиотеки», вышедшей с запозданием (объявление о выходе первой книги этого журнала было напечатано в «Московских ведомостях», 1782, 9 марта, № 20), но обратное допустить можно.

Во всяком случае политическая позиция «Вечерней зари» решительно расходилась с позицией Новикова. Так же резко противоположны были и философские взгляды Новикова начала 1780-х годов и редакции «Вечерней зари».

Стихотворный отдел «Вечерней зари» представляет мало интересного. Из номера в номер печатаются «Мадригалы», «Загадки», «Рондо», «Эпиграммы», не имеющие какой-либо острой направленности. Помещаются «Сонеты, состоящие в двух мыслях: читая весь увидишь одну мысль, а когда станешь читать одно последнее полустишие особливо, то найдешь смысл иной» (ч. II, июль, стр. 233—234; ср. ч. I, январь, стр. 77—78). Лишь иногда появляются более или менее заслуживающие внимания сатирические произведения, но и они, как показывают уже самые заглавия их, направлены против галломании. Это —

«Французская лавка» (ч. II, июль, стр. 230—233), «Французский променад» (ч. II, август, стр. 311—314) и др. Первая из названных сатир принадлежит А. Ф. Лабзину; вероятно, также и вторая.

Если исключить статью «О начале и происхождении козаков малороссийских, запорожских, слободских, донских и их переманях» (ч. I, февраль, стр. 124—143), весь прочий прозаический материал представляет одни только теософские и морально-назидательные статьи. «В Вечерней заре, — писал Добролюбов, — уже преобладают рассуждения — о посте, о бессмертии души, о суете сует, об истинном блаженстве, о совести, об откровении, о египетской морали и догматике и т. п. Самые стихотворения представляют большую часть переложение молитв, псалмов и душеспасительные размышления. . .»¹

В журнале «Вечерняя заря» очень мало подписанных статей: под теми немногими, где подписи находятся, указаны фамилии Ф. Ключарева, В. Галенкина, Ив. Ляпина, Ф. Поспелова, М. Антонского, А. Антонского, П. Икосова, И. Софоновича, П. Сохацкого, архимандрита Феоктиста. Кроме того, из оповещений издателей известно, что в журнале участвовали в качестве переводчиков и авторов студенты Московского университета: М. И. Антоновский, Л. М. Максимович, Л. Я. Давыдовский, П. П. Брауншвейг, А. В. Могилянский, И. А. Фабиан, Ф. А. Тимонович, А. Ф. Лабзин, П. А. Пельской, М. И. Багрянской, М. Г. Гаврилов, П. П. Неелов, И. П. Тургенев, А. Е. Оболенский, С. И. Спешницкий, П. Д. Антонович, В. Ф. Трипольский и А. Ф. Малиновский.

Из названных лиц только немногие выдвинулись впоследствии в литературной и научной областях, например Лабзин, М. Антоновский, Пельской, Багрянской, Гаврилов, А. Антонский, П. Икосов, И. Софонович, П. Сохацкий.

Тираж «Вечерней зари» не известен.

Самое название журнала имело, по объяснению издателей, мистический смысл — человеческий разум, в результате «первородного греха», лишен света премудрости и с трудом различает окружающее, подобно тому как бывает при мерцании «Вечерней зари».

До недавнего времени «Вечерняя заря» по традиции считалась журналом Новикова, а реакционно-мистическое содержание этого журнала служило основанием для изображения «дальнейшего идейного падения» Новикова. Г. П. Макогоненко убедительно доказал, что мнение это в корне ошибочно. На основании

¹ Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 33.

фактического материала, а также остроумных наблюдений, например, что «Вечерняя заря» объявлялась «продолжением „Утреннего света“» после того, как и «Московское ежемесячное издание» уже фигурировало в качестве продолжения того же «Утреннего света») Г. П. Макогоненко пришел к выводу, что «Вечерняя заря» издавалась правоверной частью масонской организации в целях борьбы с политической направленностью новиковских изданий.¹

«ПОКОЮЩИЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦ»

(1785)

Также приписывавшийся Новикову журнал «Покоющийся трудолюбец» издавался в течение 1785 г. поквартально. «Покоющийся трудолюбец» в основном заполнялся произведениями студентов Московского университета. В четырех частях «Покоющегося трудолюбца» были напечатаны произведения М. Антонского, В. Подшивалова, А. Антонского, П. Сохацкого, К. Мисловского, И. Софоновича, М. Петровского, А. Росинского, Кассиана Келембета, Як. Благодарова, Игн. Голубовского, являвшихся основной группой сотрудников журнала. Кроме того, печатались в «Покоющемся трудолюбце» Сем. Бобров, С. Тучков, М. Багрянской, княжны Ек. и Т. Голицыны, иеромонах Виктор, М. Доброгорский, И. Алферов, П. Молчанов, В. Псиол, М. Окулов. Одно стихотворение принадлежало Державину. Наконец, по неизданной рукописи была напечатана ода В. И. Майкова. Некоторые статьи и стихотворения подписаны инициалами «Д. Р.» (вероятно Дм. Рыкачев) и «Н. Л.» (из Рязани).

Журнал этот в общем мало интересен, представляя, как и указано на его титуле, «продолжение Вечерней зари»: те же рассуждения на темы «о люблении истинны», «о выборе друзей», «о должности человека иметь особенное попечение о своей душе» и т. д.; те же стихотворные переложения молитв, те же рондо, загадки, мадригалы и т. д.

Политические темы в «Покоющемся трудолюбце» почти вовсе отсутствуют. То немногое, что можно отнести к этому разделу, продолжает линию «Вечерней зари» (ср. «Завещание Кирова перед смертью», ч. I, стр. 109—117; «Искусство править государством, или Наставление престарелого персидского монарха сыну его», там же, стр. 117—123). «Просветительские» тенденции издания сказались в статьях данной категории: «Люби

¹ Макогоненко Г. П. Н. Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 450—452.

науки, — обращается «престарелый персидский монарх» к сыну, — она весьма нужны и полезны; она возвышают душу и влекут в нее любовь к порядку. Никто не склонен столько к бунту, как непросвещенные народы. Народы, озаренные светом учения, управляются одною ниткою, как между тем те имеют нужду в узде» (ч. I, стр. 121).

Такой же «моральный» характер имеет трактовка «крепостной» темы, неожиданно появляющейся на страницах студенческого журнала. В стихотворении «Письмо к другу» анонимная поэтесса пишет, тематически предвосхищая пушкинскую «Деревню»:

Я, размышляя так, из рожи выхожу,
С сердечной горестью на поселян гляжу;
Они работою и зноем утомлены
Присутствием моим бывают ободренны,
Трудясь для себя, но более для нас,
Отдохновения едва ль имеют час.
Кровавой пот они, трудясь, проливают
И пищу нужную для нас приготавливают.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучим не стыдясь подобных нам людей!

(ч. IV, стр. 229).

Окончание этого большого стихотворения представляет дальнейшее развитие того же морального осуждения крепостничества, но никак не протест или призыв к борьбе с ним.

Узнавши, коль бедна пред нашею их часть,
Стараюсь уменьшить мою над ними власть,
Вхожу в заботы их, о пользе их радею,
Люблю, как братьев, их и, как друзей, жалею!

(Там же).

Но данное стихотворение интересно не только со стороны трактовки «крестьянской» темы:

Не умствовать хочу, но чувствам предаюсь, —

пишет неизвестная поэтесса. Действительно, и «Письмо к другу», и многие другие стихотворные и прозаические произведения в «Покоящемся трудолюбце» проникнуты новыми, «сентиментальными» настроениями; по-новому ощущается природа, вводится лирический пейзаж, появляется тема «уединения», «сладкой грусти» и т. п.

Для характеристики литературных позиций «Покоящегося трудолюбца» характерно «Письмо к издателям» (ч. I, стр. 224—242), где описывается посещение Парнасса в сневидении. Наиболее крупные поэтические фигуры, представляющиеся автору

письма на Парнассе, — это «Мильтон, Шекспир и Ломоносов» (стр. 230); впрочем, для пояснения к имени Шекспира сделана под строкой сноска: «Shakespear — агличанин»; очевидно, не слишком велики были сведения о нем у автора письма.

Нельзя не отметить исключительно интересного языка большинства статей «Покоющегося трудолюбца», почти свободного от архаизмов, славянских конструкций и намеренной торжественности «Утреннего света» и «Вечерней зари». В этом смысле «Покоющийся трудолюбец» может считаться одним из предшественников карамзинской реформы.

Тираж этого журнала не известен.¹

«Вечерняя заря» и «Покоющийся трудолюбец» печатались в университетской типографии, находившейся в то время в аренде у Новикова.

Издавая «Московские ведомости», Новиков стал прилагать к ним разнообразные литературные приложения. Из них наибольший интерес представляют «Прибавления к Московским ведомостям» и «Детское чтение».

ПРИБАВЛЕНИЯ К МОСКОВСКИМ ВЕДОМОСТЯМ

(1783—1784)

Появление «Прибавлений к Московским ведомостям» в 1783—1784 гг. не было случайностью.

Как известно, в начале 1780-х годов после короткого затишья, последовавшего за подавлением восстания Пугачева, в якобы «умиротворенной» стране обнаружилось признаки нового общественного подъема. Крепостное крестьянство вновь стало выражать свое недовольство; там и сям возникали крестьянские «волнения». Как отражение этого брожения крестьянства усилилась борьба передового дворянства с потемкинским режимом. В 1781—1783 гг. появился ряд литературных произведений, направленных против Екатерины, ее политики, ее литературных и педагогических мероприятий («Недоросль» Фонвизина, его же так называемое «Завещание Панина», «Российские пословицы» Новикова, анонимная комедия «Злоумный», написанная в 1781 г.,

¹ Г. П. Макогоненко в упомянутой выше книге доказывает, что и «Покоющийся трудолюбец» издавался ортодоксальными масонами, борющимися с Новиковым. Следует отметить, что такой доказательности, какой отличаются суждения автора о «Вечерней заре», эта часть его книги не имеет. Впрочем, приводимые Г. П. Макогоненко материалы достаточны, чтобы сильно поколебать традиционную точку зрения. Единственная статья о «Покоющемся трудолюбце», «Студенческий журнал прошлого века» (Русская мысль, 1889, кн. XII, стр. 109—124), явно преувеличивает значение этого издания. Автором ее является Сергей Тимофеев.

опубликованная в 1787 г.). Около этого же времени Радищев начал писать «Путешествие из Петербурга в Москву». Политические интересы стали занимать в жизни передовых слоев русского общества больше места, чем в конце 1770-х годов.

Отчасти отвечая на эти общественные потребности, отчасти — и в значительной мере — стимулируя интерес к политике, Новиков стал издавать в качестве приложения к «Московским ведомостям» научно-популярный журнал, проникнутый передовыми политическими настроениями. Его заглавие — «Прибавления к Московским ведомостям» — напоминало первый русский научно-популярный журнал «Примечания к Ведомостям». Еще больше сходства между обоими изданиями обнаруживается в энциклопедическом составе печатавшихся в них статей. Даже в своем стремлении «скольکو-нибудь пополнить у нас недостаток помогающих чтению ведомостей лексиконов»¹ напоминали «Прибавления» академические «Примечания».

Однако оба журнала решительно расходились в своих политических позициях. «Примечания к Ведомостям» были выразителем «академического просветительства» в реакционный послепетровский период и поэтому совершенно не касались вопросов политики, в особенности положения крепостного крестьянства. Новиков же, печатая в «Прибавлениях» оригинальные и передовые научные статьи, снабжая последние примечаниями от издателя, умело и удачно подбирая разнообразный и интересный материал, настойчиво проводил передовые по тому времени взгляды на многие стороны общественной жизни, не «отстрашаясь», говоря языком «Прибавлений», намекать и на положение крепостных.

В «Прибавлениях» Новиков продолжал борьбу с Екатериной, начатую им еще на страницах «Трутня» и «Живописца» и несколько приглушенную после разгрома движения Пугачева. На фоне оживления общественной борьбы в начале 1780-х годов возникновение «Прибавлений» представляет, таким образом, факт значительный и закономерный: просветитель одержал в это время в Новикове верх над масоном, политический журналист победил моралиста.

«Прибавления к Московским ведомостям» прилагались почти к каждому номеру газеты (в первый год издания вышло 104 номера по 4 страницы, во второй — 94 по 8 страниц). Здесь совершенно отсутствовали статьи на «духовно-нравственные» темы, зато много места отводилось истории, политической экономии, географии, текущей иностранной политике и т. д. Некоторые

¹ Прибавления к Московским ведомостям, 1783, № 3, стр. 9.

П Р И Б А В Л Е Н И Е

Къ Московскимъ Вѣдомостямъ, 1783 года, No 1.

О Т О Р Г О В Л Ѣ В О О Б Щ Е.

В п е д е н і е.

Вѣкъ нашъ, просвѣщенный болѣе всѣхъ прежнихъ столѣтій во всѣхъ предметахъ подлежащихъ познанію человѣческому, есть такая эпоха, въ которой просвѣщеннѣйшіе Государи и Министры пекутся о политическомъ благосостояніи гражданъ. Между прочимъ извѣщено въ немъ въ прежнюю время весьма важное для человѣчества дѣло, то есть Торговля, и избрано съѣтомъ разсудка и Философіи то правило, которое можеть она имѣть во всюту часть Государственнаго состава.

Были задумки употреблявшие долго правила Торговли якобы скрытно; но не знаяши довольно сихъ правилъ видѣли только ихъ дѣйствія и удивлялись онымъ. Наконецъ могущество и богатство торгующихъ народовъ побудили начальниковъ земныхъ образцовъ вниманіе на Торговлю. Самые просвѣщеннѣйшіе умы употребляли дара свои на изсѣдованіе важнаго сего дѣйствія и утвердили правна онаго; *Нептоновъ* и *Локк* писали о матеріяхъ касяющихся до того. Такимъ образомъ произошла маю по малу правила такой науки, которой безчисленные ошдѣлы приписываются въ употребленіи на всѣ потребности человѣчества, и которая не можеть уклониться отъ вниманія полнѣйшаго, имѣя важное вліаніе во всѣ части общества управленнаго изъ.

Достоинные и просвѣщенные мужи и въ наше время со счастливымъ успѣхомъ

проявляли труды свои ко всѣмъ частямъ Торговли, къ открытію правилъ ея, къ съдѣствіямъ и дѣйствіямъ оныхъ. Гемъ, Шмигъ, Таубе, Эйзенфельдъ, Пинто, Райналь, Фортисоне, и многіе другіе, открыли подлинныя правила Торговли и показали весьма ясно всѣ ея отношенія.

Для подавіи соотечественникамъ яснымъ понятію о сей наукѣ, намѣрены мы выбирать изъ сочиненій поминувшихъ мужей и другихъ означенныхъ заслугами въ сей матеріи то, что поважется намъ нужнѣйшимъ, и приобщать въ публичнымъ Московскимъ Вѣдомостямъ. Исполненіе сего намѣренія начинаемъ теперь *Разсужденіемъ о полезномъ вліаніи Торговли къ влгосостоянію Государства*. Оно раздѣляется на четыре ошдѣленія, изъ которыхъ:

Въ первомъ будемъ говорить о произхожденіи Торговли въ политическихъ обществахъ.

Во второмъ опредѣнимъ понятіе о Торговлѣ, различныя роды ея и учрежденныя въ оныхъ разпорядокъ.

Въ третьемъ представимъ историческія выгодныя дѣйствія Торговли въ знатнѣйшихъ торговыхъ Государствахъ.

Въ четвертомъ наконецъ покажемъ то, каковымъ образомъ Торговля имѣя вліаніе во всѣ средства пропитанія и въ совокупленное съ ними упражненіе гражданъ, приводитъ чрезъ то благополучіе гражданское въ Государствѣ въ вѣншащее состояніе.

Предметъ нашъ есть шолъ, чюбъ сдѣлать пользу и угожденіе нашимъ читателямъ; и достиженіе сего предмета будемъ намъ наградою.

А

ОТДѢ-

статьи были исключительно велики по размеру: так, статья «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия» занимала четверть всего количества номеров за 1783 г., а статья «О торговле вообще» была напечатана в том же году в 38 номерах.

Наиболее значительным в «Прибавлениях» был отдел педагогический, которому и количественно уделено было первое место.

Вопросы воспитания особенно занимали в эти годы русское общество. Екатерина с первых лет своего царствования стремилась создать правительственную монополию на воспитание и образование подданных. При ней одно за другим возникали правительственные учебные заведения для детей разных слоев населения (кроме крестьян), печаталась на государственный счет учебная и педагогическая литература, по форме якобы «либеральная», но по существу грубо консервативная, целью которой было воспитывать подрастающие поколения в монархическом духе, «вкоренять» в юности «довольство» своим социальным положением и оберегать его от «суемудрия» и свободомыслия. В особенности рьяно насаждала Екатерина свои педагогические воззрения со времени восстания Пугачева и после его подавления.

Однако передовым писателям приходилось бороться не только с «монаршей педагогикой» Екатерины, но и с распространенным в тогдашнем провинциальном дворянстве невежеством и предубеждением против образования. В среде столичного дворянства царил галломания, низкопоклонство перед Францией, что отражалось и в области образования и воспитания молодого поколения: низкий моральный и образовательный уровень большинства французских гувернеров, подвизавшихся в дворянских домах конца XVIII в., достаточно известен. Все это приводило к тому, что материальное и моральное положение немногих еще в то время русских домашних воспитателей было тяжело и не стимулировало роста русских педагогических сил.

Выступив с обширной статьей «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия»,¹ Новиков (а произведение это безусловно принадлежит ему) включился в антиекатерининскую борьбу начала 1780-х годов уже не как сатирик, а как педагог-публицист, выдвинувший положительную программу воспитания и образования детей в национальном духе. Следует отметить, что проблема вос-

¹ Прибавления к Московским ведомостям, 1783, №№ 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34, 80—94.

питания стояла в то же самое время в центре внимания другого передового русского писателя, Д. И. Фонвизина («Недоросль» был напечатан в том же 1783 г.). Педагогика была в те годы ареной, на которой прогрессивная русская общественная мысль боролась с дворянским невежеством, с одной стороны, и с реакционными педагогическими теориями Екатерины, с другой.

Учитывая большую распространенность «Московских ведомостей», можно предполагать, что педагогические статьи Новикова оказали положительное воздействие на читателей, для которых они писались.

Основная идея обширного педагогического трактата Новикова состоит в том, что задача «тонкой науки», педагогики, — «образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами».¹ Путь к достижению этой цели заключается, по мнению автора, в развитии мыслительных способностей ребенка: «Чем рачительнее обрабатывается и образуется разум дитяти или юноши, тем большего можно надеяться успеха в рассуждении образования его сердца».² Требование Новикова развивать разум дитяти или юноши неизбежно приводило к критическому отношению к екатерининской политике, к существовавшему тогда порядку вещей.

Не формулируя точно, что подразумевается им в выражении «счастливые люди и полезные граждане», Новиков все же дает читателям понять свое несогласие с основным тезисом екатерининской педагогики: цель воспитания — создание верноподданных рабов. Новиков предостерегает родителей-воспитателей: «Не трудитесь тщетно истребить натуральные их [детей] желания удовольствия, похвалы, чести, спокойствия и свободы, а старайтесь только благоразумно оные умерить и мало по малу устремить на достойнейшие роды удовольствия, похвалы, чести, покая и вольности. Собственными их и чужими опытами научайте их отмечать вид от истины и соединять настоящее с будущим».³

Требование научать детей и юношей «отличать вид от истины» в условиях екатерининской России представляло призыв к критическому отношению к тогдашней действительности. «Соединить настоящее с будущим» — означало воспитывать в молодом поколении ответственность за будущее своей страны.

Содержание огромной статьи Новикова не исчерпывается изложенным. Очень интересны мысли Новикова о выборе «гофмейстеров» (домашних учителей). Принимая во внимание немногочисленность в то время русских воспитателей и вынужденную необходимость приглашать гувернеров-иностранцев, Новиков вы-

¹ Прибавления к Московским ведомостям, 1783, № 2, стр. 5.

² Там же, № 84, стр. 331.

³ Там же, № 92, стр. 361.

двигает требование готовить русских гофмейстеров, изменить к ним отношение и поставить их в более благоприятные условия. От иностранных же воспитателей надо требовать знания русского языка, так как гофмейстер, не знающий русского языка, принесет только вред воспитываемым.

В известной степени как вызов крепостнической психологии тогдашнего дворянства звучали требования Новикова приучать детей с раннего возраста к трудолюбию, дисциплине, порядку и прилежанию, воспитывать у них привычку рано вставать, быстро и без помощи слуг одеваться, не привередничать в пище и т. п. Позднее в «Детском чтении» (см. ниже) Новиков развил эти взгляды в полубеллетристической «Переписке отца с сыном о деревенской жизни».

Однако наряду с передовыми и здравыми воззрениями и советами Новиков, отдавая дань времени и своим личным заблуждениям, в разделе «Нравственное воспитание» уделил очень значительное место вопросам «религии и христианства»; впрочем, рассматривал он эти проблемы не с церковной и даже не с деистической позиции. В этом сказались идейные противоречия, свойственные многим просветителям XVIII в. до Радищева.

Дополнением к статье «О воспитании и наставлении детей» послужил ряд оригинальных и переводных статей педагогического содержания («О воспитании»,¹ пер. с нем., 1783, №№ 40, 43, 46, 50, 53, 56, 59, 63, 66, 70, 72 и 74; «Некоторые правила для гофмейстеров», 1784, № 27; «Рассуждение о некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве», №№ 51, 52; «О раннем начале учения детей», №№ 54—56; «О сократическом способе учения», №№ 56—59; «О эстетическом воспитании», №№ 59—61, и др.). Повидимому, не все статьи принадлежали перу Новикова как автора или переводчика (очень заметно различие их стиля); однако несомненно, что подбор материала и выдвижение некоторых педагогических тем целиком зависели от Новикова.

¹ Эта присланная из Германии статья была выдержана в духе екатерининской педагогики: автор рекомендовал воспитывать в детях довольство, правительством Екатерины, которое, — писал немецкий панегирист, — «по единогласному признанию опытнейших и мудрейших людей» — одно из «мудрейших, правильнейших и благодетельнейших» (Прибавления, 1784, № 72, стр. 281). Возможно, что она была инспирирована Екатериной. С автором этой статьи Новиков полемицировал посредством «примечаний от издателя», а также в последней части своего трактата, печатание которого было временно приостановлено, чтобы опубликовать присланное немецкое сочинение. О воспитании «монархических чувств» Новиков в своем трактате не говорил ничего.

Подробно разрабатывал в своем большом трактате и в отдельных статьях по педагогике различные проблемы воспитания и образования. Новиков — безусловно сознательно — обошел вопрос о «воспитании монархическом», т. е. тот, который составлял основу екатерининской педагогики. Так же поступил он и в следующем своем педагогическом издании, в «Детском чтении» (см. ниже).

Выше указано было, что проповедь «религии и христианства» как важнейшей части «нравственного воспитания» составляла слабое место в прогрессивной в общем педагогической теории Новикова. Г. П. Макогоненко в книге о Новикове отметил, что последний мало и нерешительно боролся с центральным тезисом екатерининской педагогики — проповедью послушания. Исследователь справедливо заключает, что «выступить резко и категорически против проповеди послушания мешала Новикову его просветительская ограниченность. Он не был революционером, и это рождало его идейную слабость, его ограниченность, его робость в решении важнейших политических вопросов. Задачу разгрома педагогической системы самодержавия мог выполнить только революционер. Таким в ту пору был один Радищев».¹

Рядом со статьями на педагогические темы по своему значению стоят в «Прибавлениях к Московским ведомостям» трактат «О торговле вообще»² и статьи по экономическим, географическим и историческим вопросам. На первый взгляд может показаться, что вся эта группа статей имела целью распространить в русском обществе правильные и систематические сведения по экономическим вопросам и не преследовала никаких политических задач. Проф. А. И. Незеленов, автор старого исследования о Новикове, так и писал: «Редакция Моск. ведомостей напечатала сочинение о торговле, конечно, с целью способствовать развитию этого дела в России и сделать известными условия и правила для его ведения».³

Проблемы торговли имели в то время для русского общества не только теоретический, но и практический интерес (вспомним, что в 1780 г. по инициативе Н. И. Панина и, повидимому, его секретаря Д. И. Фонвизина была разработана доктрина о вооруженном нейтралитете, охраняющем свободу торговли). Однако

¹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 497.

² Прибавления к Московским ведомостям, 1783, №№ 1, 4, 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 25, 26, 28—30, 32, 33, 36, 38, 41—45, 47—50, 54—55, 57, 58, 60, 61, 64, 65, 67, 68.

³ Незеленов А. И. Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. СПб., 1875, стр. 351—352.

для Новикова трактат «О торговле вообще» и прочие статьи по экономическим и иным вопросам, помимо своего непосредственного назначения,¹ были способом проведения прогрессивных политических взглядов.

Торговля для автора трактата «О торговле вообще»² важна тем влиянием, «которое она может иметь во всякую (подчеркнуто мной, — П. Б.) часть государственного состава».³ Смысл этой фразы постепенно раскрывается в трактате. Стоя на точке зрения меркантилистов, автор трактата считает внешнюю торговлю единственным источником благосостояния государства, но лишь при условии предварительного удовлетворения внутренних потребностей народа. В деспотических государствах, например в Турции, торговля находится в упадке. Объяснение этому явлению дается в специальной статье «Краткое описание нынешнего состояния Турции»: «Народ, беспрестанно притесняемый государем, пашами и их подчиненными, оставляет в запустении прекрасную землю и не хочет приобретать себе собственности, которая не осталась бы у него, но наконец перешла бы в руки деспотических его владельцев. Нация, знающая свое невольничество, становится ленива и ослабевает» (1784, № 37, стр. 275). Намек на крепостническую Россию екатерининского времени просвечивает в этой характеристике деспотической Турции достаточно ясно.

Развитие торговли находится, по мнению автора трактата, в зависимости от ряда факторов — географических (положение страны), исторических (предприимчивость нации) и, главное, политических — «вольности народа» и мирной политики правительства. Революция в Нидерландах привела к расцвету голландской торговли. Вообще к Голландии автор трактата проявляет особое внимание. По его мнению, республиканский строй в особенности способствует развитию торговли; республикам оказывается кредит в гораздо большей степени, чем государствам деспотическим.

Интерес «Прибавлений к Московским ведомостям» к Голландии не был в то время фактом единичным. В комедии П. Кропотова «Фомушка, бабушкин внучек» (1785) положительный герой, морской офицер Остромыслов, характеризуя политический

¹ Надо полагать, что, помещая эти статьи, Новиков имел в виду читателей-купцов. Для них же печатались в «Прибавлениях» 1783 г. «вексельные курсы».

² Статья печаталась от имени редакции журнала. Г. П. Макогоненко считает автором Новикова (назв. соч., стр. 498). У меня нет полной уверенности, что авторство Новикова в отношении этой статьи столь же несомненно, как в отношении статьи «О воспитании и наставлении детей».

³ Прибавления к Московским ведомостям, 1783, № 1, стр. 1.

строй посещенных им европейских и азиатских государств, с особой подробностью остановился на республиканском устройстве Голландии, а о Турции, опять же с намеком на екатерининскую Россию, сказал: «Я чаю оное государство деспотизма или господственное, то есть государь без законов, затем что может всякой час их переменять, не требуя общего совета».¹

Таким образом, интерес автора трактата «О торговле вообще» к Голландии был не случаен: эта торговая республика со своим буржуазно-демократическим строем очевидно представлялась передовым русским людям конца XVIII в. одним из наиболее удачных решений социально-политических вопросов.

Перечисляя полезные следствия развития торговли, автор трактата неоднократно отмечает упрочение политической свободы нации (№№ 14, 17, 23 и 25).

При изложении данных о торговле европейцев в Африке трактат по неизбежности должен был затронуть актуальный в то время вопрос о торговле невольниками. К этим последним автор относится с явной симпатией и называет их «несчастливыми невольниками, погибающими в американских рудокопных или сахарных заводах»; он отрицает справедливость того порядка, «когда людей делают невольниками», и иронически говорит о законодательстве французских рабовладельцев (№ 54). Эти взгляды автора находятся в тесной связи с помещенной в «Прибавлениях» (1784) статьей «Понятие о торговле невольниками» (см. ниже); и в том и в другом случае суждения о неграх-невольниках являлись для Новикова, как, впрочем, и для других русских авторов конца XVIII—начала XIX в., способом напомнить о русских крепостных крестьянах.

Если не считать возмущения торгом невольниками и осуждения роскоши, которая, по мнению автора, приносит вред и частным лицам и государствам, трактат «О торговле вообще» не видит отрицательных сторон торговли. И в этом пункте, как и в вопросах воспитания, автор-просветитель уступает революционеру Радищеву, который зорко видел отрицательные стороны капиталистического строя и буржуазной нравственности и дал им должную оценку («Путешествие из Петербурга в Москву», гл. «Новгород»).

Не меньше интереса, чем трактаты о воспитании и торговле, представляют в «Прибавлениях к Московским ведомостям» сравнительно короткие статьи на животрепещущие темы современных политических событий. Здесь Новиков особенно энергично про-

¹ Русская комедия и комическая опера XVIII века, под ред. П. Н. Беракова, стр. 390—391.

должает свое политическое просветительство; в ряде статей явственно звучит далеко не безопасное в те годы религиозное свободомыслие.

Статьи географического и этнографического характера также служили Новикову средством проводить передовые взгляды. В статье «Выписка из описания путешествия в Испанию» (1784, № 36) есть главка «Нечто статистического содержания и о монахах». Хотя речь в ней шла только об испанском монашестве, но русские читатели хорошо понимали, в кого метили такие строки в «Прибавлениях»: «Сии люди, не работая, съедают самолучшие плоды человеческих трудов и в поноснейшей праздности утучняются мозгом государства. Они строят алтари суеверию и называют то религиею, чтоб споспешествовать невежеству своих сочеловеков и отнимать у здорового рассудка изряднейшие его свойства» (стр. 288).

Необходимо остановиться также и на статье «Понятие о торге невольниками» (1784, №№ 72—74, стр. 545—564). Статья эта представляет «письмо от одного путешественника к своим приятелям» и, несмотря на некоторые оговорки, содержит защиту института невольничества; автор полагает, что в рабство надо продавать только «порочных». Но не статья важна, а примечание к ней издателя, т. е. Новикова: «Мы сообщаем сие письмо наипаче для того, что оно писано благомыслящим очевидцом. Хотя и не выпустили мы предварительного защищения торга невольниками, однако не соглашаемя на оное, ибо оно утверждено на многих ложных основаниях... Извинения, что мы в Европе делаем подобные несправедливости, что посредством торга невольниками производится много добра, которое без оного должно бы остановлено быть, — все сии извинения не уважаются пред судом рассудка и человечества и не доказывают еще справедливости права, присвоенного белыми человеками над черными их собратьями» (стр. 545). Насколько это примечание имело отношение к крепостнической России ясно само по себе.

Война американских «селений» с англичанами освещалась в «Прибавлениях» сочувственно. Генерал «Вашингтон» (т. е. Г. Вашингтон) ставился выше всех великих исторических деятелей античности и нового времени; его заслугу «Прибавления» видели в том, что «он основал республику, которая, вероятно, — осторожно оговаривается автор статьи, — будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом» (1784, № 47, стр. 372). Также высоко ценили «Прибавления» и В. Франклина (1783, № 70, стр. 557). Это уважение к национально-освободительной борьбе американцев не препятствовало «Прибавлениям» сочувственно отзываться о невольниках-неграх,

гибнущих «в американских рудопромышленных и сахарных заводах» (см. выше).

Однако и в этом пункте Радищев, проникательно увидевший фальшь и ложь американской демократии на самых первых шагах ее исторического пути, пошел дальше просветителя Новикова.

Все же, несмотря на свою просветительскую ограниченность, Новиков изданием «Прибавлений» оказал русскому обществу большую историческую услугу, способствуя развитию его политического кругозора. Совершенно естественно, «Прибавления» были на дурном счету у Екатерины, и некоторые статьи в них вызвали цензурные осложнения для Новикова. Так, в № 61 за 1784 г., как уже указывалось выше, начата была печатанием статья «О влиянии успеха наук в человеческие нравы и образ мыслей» (стр. 483—488), но продолжения ее не последовало. В экземпляре «Прибавлений», находящемся в Библиотеке Академии Наук, сделана пометка владельца или библиотекаря: «номера 62, 63, 64 не присланы и извинение писано в Ведомостях». Действительно, следующий номер «Прибавлений» был уже 65. Известно также, что статья об «Истории ордена иезуитов» (1784, №№ 69—71, стр. 524—541) вызвала неудовольствие покровительствовавшей иезуитам Екатерины. В комплектах журнала за 1784 г. отсутствует и № 92, но, вероятно, здесь скорее ошибка в нумерации, чем цензурная задержка (кроме нумерации «листов» «Прибавлений» в журнале идет буквенное обозначение типографских листов; в данном случае, как и в порядке пагинации, нарушения нет).

Таким образом «Прибавления к Московским ведомостям» должны быть признаны одним из наиболее важных изданий Новикова после 1775 г. Их общественная роль неизмеримо выше всех масонских журналов, начиная от «Утреннего света» и кончая «Покоющимся трудолюбом».

Сотрудники «Прибавлений» нигде не обозначены, но, повидимому, они рекрутировались из числа студентов, работавших в качестве переводчиков в остальных изданиях Новикова.

Тираж «Прибавлений», как и самих «Ведомостей», точно не известен. Приведенные выше указания Карамзина, повидимому, относятся к периоду наибольшей популярности газеты.

«ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА»

(1785—1789)

«Детское чтение» было первым русским журналом для детей и издавалось Новиковым в качестве приложения к «Московским

ведомостям», по одному листу (16 стр.) в неделю; каждые 13 листов образовывали «часть»; в году, таким образом, было четыре части, а за все время издания вышло 20 частей журнала.

«Детское чтение» тесно связано с общественно-педагогической и литературной деятельностью Новикова. Придавая исключительно большое значение проблеме воспитания детей и считая его, подобно многим своим современникам, чуть ли не единственным способом изменения социальных неурядиц, Новиков уже в «Прибавлениях» поместил ряд статей на педагогические темы.

В объявлении о подписке на «Московские ведомости» на 1785 г. Новиков писал следующее: «Благоразумные родители и все старающиеся о воспитании детей признаются, что между некоторыми неудобствами в воспитании, одно из главных в нашем отечестве есть то, что детям читать нечего. Они должны бывают такие читать книги, которые либо совсем для них непонятны, либо доставляют им такие сведения, которые им иметь еще рано; того ради намерены мы определить Прибавления к Ведомостям для детского чтения и помещать в них исторические, до натуральной истории касающиеся, моральные и разные другие пиесы, которые писаны будучи соразмерным детскому понятию слогом, доставляли бы малолетним читателям полезное и купно приятное упражнение». Указав далее сроки выхода и характер нового издания для детей, Новиков отметил: «Мы не требуем за оные [«Прибавления» для детей] никакой излишней платы, а жертвуем сим нашим убытком пользе общества».

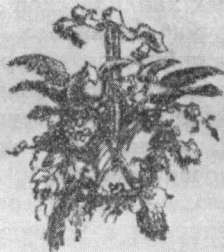
Издававшееся в течение пяти лет «Детское чтение» только первые два года находилось под непосредственным влиянием Новикова.

Когда, по распоряжению Екатерины, Московский университет не возобновил арендного договора с Новиковым, «Московские ведомости» со всеми прибавлениями, включая и «Детское чтение», перешли к другим издателям (см. выше, стр. 115), при которых общий просветительский характер изданий в основном сохранился, но все же все они утратили свое политическое «новиковское» лицо. В особенности заметно это изменение на «Детском чтении».

Вероятно какие-то расхождения в понимании задач издания для детей были в редакции журнала еще раньше. Первые восемь частей «Детского чтения» (1785—1786) составлялись очень разнообразно, преобладали короткие статьи, повести перемежались «разговорами», исторические и естественно-научные статьи сменялись нравоучительными «письмами»; для укрепления «нравственных понятий» у малолетних читателей в начале каждого номера журнала, в соответствии со взглядами Новикова

Д Ъ Т С К О Е
Ч Т Е Н І Е
Д Л Я
С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

У Л С Т Ъ И I.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,

1785.

на воспитание «религии и христианства», помещался какой-либо небольшой текст из Ветхого или Нового Завета. С 1787 г., когда основными сотрудниками журнала стали А. А. Петров и Н. М. Карамзин, в «Детском чтении» по преимуществу печатаются длинные переводные повести Н. М. Карамзина, так что, например, двенадцатая часть журнала (1787) состоит только из двух произведений: продолжения нравоучительной сказки «Альфонс и Далинда» (занимающей 190 стр.) и очерка «Зима» (14 стр.); исчезают естественно-научные и исторические статьи, прекращается печатание библейских текстов, не встречаются довольно многочисленные ранее театральные пьесы. В общем, характер издания столь не схож в эти два периода его существования, что одна исследовательница пришла к решительному выводу: «Журнал распадается на две половины, которые нельзя рассматривать вместе, так как они настолько различны, что кажутся двумя различными журналами».¹

Эту же точку зрения разделяет и новейшая исследовательница «Детского чтения», историк русской детской книги, Е. П. Привалова. В тезисах кандидатской диссертации «„Детское чтение для сердца и разума“ Новикова — первый русский детский журнал» (1943) она пишет по интересующему нас вопросу следующее: «В журнале отчетливо различаются два периода. „Детское чтение“ 1785—1786 годов осуществляло программу, развернутую Новиковым, и являлось коллективным органом, одушевленным одним мировоззрением и одной целью. Журнал 1787—1789 годов разрешал задачи, интересующие редакторов — Петрова и Карамзина, интересы в первую очередь литературно-художественные, и постепенно отходил от педагогики и детей. Подобная эволюция совершалась под влиянием правительственных гонений, которым подвергались масоны, в частности молодежь педагогической и филологической семинарии» (тезис 6).

Столь четко определившееся различие в физиономии «Детского чтения» в оба периода его существования привело к тому, что исследователи стали обращать внимание преимущественно на первую половину его, почти вовсе пренебрегая второй. Конечно, в общественно-воспитательном отношении «Детское чтение» важно лишь в первый период своего существования, но и карамзинское «Детское чтение» имеет очень большое и недостаточно оцененное значение в истории русской культуры, о чем подробнее будет сказано ниже.

¹ Бекетова Н. А. Очерк русской детской журналистики (1785—1855). — Материалы по истории русской детской литературы (1750—1855), под ред. А. К. Покровского и Н. В. Чехова, М., 1927, вып. 1, стр. 93.

В соответствии со своими философскими, этическими взглядами Новиков, определяя программу «Детского чтения» («Благородному российскому юношеству»), на первый план выдвигал идеал патриотического воспитания. Отметив, что в тогдашней русской литературе совершенно не было книг для детского чтения и что ввиду этого дети, владеющие иностранными языками, обращаются к французским и немецким книгам, Новиков, признавая полезным чтение хороших иноязычных книг, с особой силой подчеркивает: «Однако несправедливо оставлять и собственной свой язык, или еще и презирать его. Всякому, кто любит свое Отечество, весьма прискорбно видеть многих из вас, которые лучше знают по-французски, нежели по-русски, и которые, вместо того, чтобы, как говорится, с матерним молоком всасывать в себя любовь к Отечеству, всасывают, питают, возращают и укореняют в себе разные предубеждения против всего, что токмо отечественным называется» (1785, ч. I, стр. 4).

Как ни разнообразны в жанровом отношении материалы, напечатанные в новиковский период «Детского чтения», как ни многочисленны использованные редактором и сотрудниками источники, над всем высятся и в основе всего лежит патриотический идеал Новикова — воспитать, сформировать взгляды молодого культурного дворянина, горячо любящего Отечество.

Следует остановиться на двух важных особенностях общественной позиции «Детского чтения» этого периода: на вопросе об отношении к крестьянам и на трактовке проблемы отношения к государю.

Исходя из известной нам по предшествующему изложению теории «нужного подчинения» и аргументируя ее доводами от религии («Разговор между отцом и сыном о том, для чего в свете одни бедны, а другие богаты», 1785, ч. III, стр. 129—137), Новиков — автором или, по крайней мере, «инициатором» большей части «Разговоров» и вообще основных оригинальных статей журнала в этот период следует считать его — проводит мысль, что существующие порядки необходимы для того, чтобы бедные не впадали в пороки, а богатые имели случай делать добро.

Еще интереснее в этом отношении рассказ «Крестьянское состояние». Мальчик Феденька не сразу допустил к своему отцу, помещику, пришедшего к последнему крестьянина Памфила. «Для чего ж ты тотчас не впустил его ко мне? — спросил отец. — И, батюшка! — отвечал Феденька, — он простой мужик». После ухода Памфила, «когда сели обедать, то отец приказал подать себе хлеб и разделил его так, что Феденьке ничего не досталось». На вопрос удивленного мальчика отец отвечает, что

старый Памфил не привез муки и поэтому для него, Феденьки, нехватало хлеба. Этот ответ послужил поводом для нравоучительного вывода: «Добрые эти люди [крестьяне] живут в бедности и отправляют тяжкую работу, для того чтоб мы спокойно питались их трудами... Кто презирает крестьянина, тот недостойн питаться хлебом». Приведенный после обеда на поле, Феденька попросил у Памфила извинения за свой дурной утренний поступок. «Для меня все равно, как бы ты со мной ни поступил, — отвечал старик, — но для тебя же лучше, что ты стал поумнее». Рассказок кончается так: «Отец часто показывал Феденьке крестьянские труды. Он узнал, сколь полезны сии люди, и научился уважать их состояние» (1785, ч. III, стр. 25—27). В таком же духе написаны и другие произведения в «Детском чтении».

Особо следует остановиться на «Переписке отца с сыном о деревенской жизни» (1785, ч. II, стр. 113—125, 129—142, 145—170), которую Белинский считал замечательной.¹ Это — апология здоровой деревенской жизни, уважения к труду, в особенности к крестьянскому, это — одно из интереснейших свидетельств развития и укрепления в русской литературе «чувства природы», внимания к красоте деревенского пейзажа и умения тонко и изящно рисовать словесный ландшафт. Городской дворянский мальчик, порядочно испорченный крепостническим воспитанием, попадает по желанию благоразумного, но постоянно занятого делами отца в деревню к дяде-помещику, воспитывающему своих детей по принципам Новикова. Двоюродные братья приезжего барчука встают рано, сами одеваются, едят простую пищу, с увлечением работают на огороде и т. д. Городской мальчик сперва иронизирует над ними в письмах к отцу, затем просит взять его домой, а кончает тем, что входит во вкус деревенской жизни к удовольствию своего отца.

«Не посягая на крепостнические устои, — пишет автор недавно вышедшей «Истории русской детской литературы», — издатели „Детского чтения“ стараются облагородить отношение дворянских детей к крестьянству, смягчить их, сделать гуманнее».²

Вместе с тем не следует затушевывать, как делают некоторые историки детской литературы, слабых сторон «Детского чтения» — пропаганды «религии и христианства», хотя и в «очищенном» виде, проповеди неизбежности существующих крепостниче-

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1901, т. V, стр. 209.

² Бабушкина А. П. История русской детской литературы. М. 1948, стр. 103.

ских порядков и сведения задач воспитания и самовоспитания только к личному самоусовершенствованию. Все это, как уже отмечено было в обзоре «Прибавлений к Московским ведомостям», отражало половинчатость просветительского мировоззрения Новикова.

Однако, наряду со слабыми сторонами «Детского чтения», следует отметить одну особенно положительную черту, на которой мы останавливались, говоря о «Прибавлениях к Московским ведомостям».

Проблема отношения к государю, столь важная в общей системе взглядов Новикова и в его практической деятельности как журналиста, разрешена в «Детском чтении» очень своеобразно. Указав во вступительной статье («Благородному российскому юношеству»), что содержание журнала составят «писэсы», из которых молодые читатели смогут научиться «должностям к богу», «должностям к государю, родителям, наставникам» и статью «добрыми гражданами Отечества», Новиков в дальнейшем не помещает ни одного сколько-нибудь значительного произведения на тему о воспитании «монархических чувств». Журнал явно ставит своей целью подготовить будущих «добрых граждан Отечества», а не слуг монарха. Создается впечатление, что отсутствие статей «о должностях к государю», обещанных во вступительном обращении к читателям, вовсе не случайное, а сознательное.

Таким образом, новиковский период «Детского чтения» отмечен, как мы видим, теми же положительными чертами, что и другие его издания 1778—1788 годов. «„Детское чтение“ первых двух лет издания, — пишет Е. П. Привалова, — орган боевой и пропагандистский, сознательно сосредоточивающий внимание читателей на проблемах общественного характера и развивающий новую широкую социальную тематику» (тезис 15).

Особое внимание должно обратить на язык «Детского чтения». В цитированном выше объявлении о предполагаемом издании «Детского чтения» Новиков писал, что статьи в журнале «писаны будут соразмерным детскому понятию слогом». В самом деле, обращаясь к детской аудитории, не знакомой с стилистическими особенностями тогдашней русской журналистики, Новиков и его сотрудники неизбежно должны были принаравливаться к кругу понятий и к языку своих читателей.¹ Поэтому в «Детском чтении» нет славянизмов, нет запутанных,

¹ В послесловии к «Повести о Селеме и Ксамире», помещенной непосредственно за вступительной статьей, Новиков спрашивает читателей, все ли им понятно: «мы старались писать так, чтоб вы все могли понять» (1785, ч. I, стр. 42).

сложных грамматических конструкций. Это отчетливо заметно в журнале в новиковский период его издания. В еще большей мере простота и чистота языка журнала становятся заметными во второй, карамзинский период его существования. Для Карамзина работа в «Детском чтении» была важным этапом языкового развития. Реформа русского языка была начата Карамзиным, пока еще бессознательно, как продолжение традиций Новикова, можно сказать, на страницах «Детского чтения». Здесь же, в особенности в 1789 г., печатается ряд важнейших поэтических произведений Карамзина-сентименталиста.

Е. П. Привалова высказала мнение, что возможно предположить знакомство Пушкина со статьей «О некотором ядовитом дереве, находящемся на острове Яве в Ост-Индии» (1786, ч. VII, стр. 101—109), очень близкой по содержанию к «Анчару» (тезис 23).

Помимо Новикова, Карамзина и Петрова, сотрудниками «Детского чтения» исследователи называют, не приводя, впрочем, доказательств, А. А. Прокоповича-Антонского, В. С. Подшивалова, С. С. Боброва. Статьи же в журнале печатались без подписей. Безусловно можно указать еще одного сотрудника «Детского чтения»: это — Н. Н. Сандунов (1769—1832), автор известной «радищевской» драмы «Солдатская школа» (1794), поместивший в детском журнале драму в двух действиях «Добрые дети» (1786, ч. VII, стр. 37—101; перепечатана в «Детском театре» Сандунова: М., 1802, ч. II, стр. 1—124).

«Детское чтение» пользовалось у детей-читателей большим успехом, в начале XIX в. неоднократно переиздавалось, и, по словам историков русской детской книги, «ряд произведений из новиковского журнала продолжают жить в сознании советского ребенка» (Е. П. Привалова, тезис 22).

Тираж «Детского чтения» не известен, но, повидимому, совпадает с тиражом «Московских ведомостей» за каждый год.

ЖУРНАЛЫ И. А. КРЫЛОВА И ЕГО СОТРУДНИКОВ

В истории русской периодической печати конца XVIII в. журнал Крылова «Почта духов» (1789) и журналы «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), издававшиеся при ближайшем участии Крылова, первый — П. А. Плавильниковым и А. И. Клушиным, второй — одним только Клушиным, занимают важное и, в известной мере, определяющее место. В общих обзорах литературной деятельности Крылова его журнальным предприятиям хотя и уделяется внимание, но не соответствующее их историческому значению: Крылов-баснописец

заслонила Крылова-журналиста, а если все же заходит речь о журналах Крылова, то они рассматриваются лишь в качестве лаборатории, в которой подготовлялся будущий гениальный баснописец. Сами по себе, как особое явление русской общественной жизни, журналы эти не изучаются; делая беглые замечания о крыловских изданиях, исследователи не учитывают их положения в тогдашней русской журналистике, и поэтому и сами эти журналы не получают должной оценки, и русская журналистика конца царствования Екатерины II лишается одной из самых интересных страниц.¹

Крылов не только продолжал традиции сатирической литературы XVIII в., в частности журналистики 1769—1774 гг., но и поднял новые важные вопросы, дав свежие, оригинальные решения некоторых из них.

Значение журнальной деятельности Крылова было понятно отдельным его младшим современникам; кое-кто из них был склонен даже ставить Крылова-журналиста выше Крылова-баснописца. Так, например, П. А. Плетнев, первый биограф великого писателя, в «Жизни и сочинениях Крылова» писал по поводу «Почты духов»: «Разнообразие предметов, до которых он касается, выбор точек зрения, где становится как живописец, изумительная смелость, с какою он преследует бичом своим самые раздражительные сословия, и в то же время характеристическая, никогда не покидавшая его ирония, резкая, глубокая, умная и верная, — все и теперь еще, по истечении слишком полувека, несомненно свидетельствует, что перед нами группы, постановка, краски и выразительность гениального сатирика. Крылов этим одним опытом юмористической прозы своей доказал, что, навсегда ограничившись впоследствии баснями, он опрометчиво сошел с поприща счастливейших нравописателей».²

Мнение Плетнева не осталось одиноким в истории русской литературы и в начале XX в. было поддержано видным специалистом по изучению Крылова, В. В. Каллашом. Свою статью «Журнальная деятельность и сатирические статьи Крылова» исследователь заключает следующей, несколько бьющей на эффект, но в известном смысле обоснованной фразой: «Русская жизнь загубила в Крылове одного из величайших наших сатириков, направив его сатирическое дарование по узкому и тесному руслу, не дав ему правильно развиваться, даже во многих отноше-

¹ Наиболее ценные замечания о журналах Крылова находятся в книге Д. Д. Благого «История русской литературы XVIII в.», изд. 2-е, стр. 605—622.

² Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885, т. II, стр. 49. Статья о Крылове была написана Плетневым вскоре после смерти поэта.

ниях искажив его. Настоящий Крылов, каким бы он мог выработаться для нашей литературы, проглядывает больше всего, хотя и не вполне, в его сатирических статьях, в этом заключается их громадное историко-литературное значение».¹

Таковы восторженные отзывы двух буржуазных историков литературы, принадлежащих к разным эпохам и разным научным направлениям. Если откинуть некоторый элемент преувеличения, понятного у авторов, впервые ощутивших большое художественное и политическое значение забытого материала, все же остается бесспорной заслугой их то, что они оценили важность журнально-сатирического наследия великого баснописца.

Обращает на себя внимание то, что исследователи обходят молчанием третий журнал, в котором Крылов принимал ближайшее участие, — «Санкт-Петербургский Меркурий». Писавшие о журнальной деятельности Крылова авторы излагают дело так, будто от журнала к журналу его сатирическое дарование тускнеет и будто в последнем журнале, «Санкт-Петербургском Меркурии», Крылов внешне смирился и в связи с этим стал здесь печатать преимущественно стихи; о его сатирических произведениях этого периода почти или вовсе не упоминают.

Между тем, сатира Крылова в «Меркурии» нисколько не уступает «Почте духов» и «Зрителю» и в известной мере еще радикальнее.

«ПОЧТА ДУХОВ»

(1789)

В журнальном наследии Крылова «Почта духов» занимает важнейшее место. Но и она изучена совершенно недостаточно. К тому же при изучении этого органа печати его рассматривают как обычный журнал XVIII или XIX в. с одним или несколькими редакторами и со многими сотрудниками. К «Почте духов» подобный подход совершенно не правилен и неизбежно должен привести к неверным выводам.

В самом деле, Крылов и в отдельном изданном объявлении о подписке на «Почту духов» и в публикации в № 100 «С.-Петербургских ведомостей» 1788 г. (от 15 декабря) называет «Почту духов» «ежемесячным изданием», «ежемесячно издаваемым собранием писем».²

¹ Крылов И. А. Полн. собр. соч., под ред. В. В. Калаша. СПб., 1904, т. II, стр. 301. Курсив в оригинале.

² Неустроев А. Н. Историческое розыскание о русских периодических изданиях и сборниках. СПб., 1874, стр. 542—544.

ПОЧТА
ДУХОВЪ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ,

ИЛИ

Ученая, Нравственная, и Крипическая переписка Арабскаго Философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами.

ЧАСТЬ I.

~~~~~

Печашано съ дозволенія указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1789 ГОДА.

«Почта духов» (1789).

В последние два десятилетия XVIII и первое XIX в. понятие «ежемесячное», «периодическое» издание или сочинение не совпадало с понятием «журнал», хотя нередко употреблялось взамен последнего. «Периодическое» или «ежемесячное сочинение» или «издание» — это, прежде всего, произведение одного писателя; во-вторых, — это произведение цельное и законченное, которое лишь ради личных удобств автора или издателя (очень часто — для расчетов с типографией) выпускается в свет не сразу, а частями, книжками. Наконец, «периодическое издание» не имеет строго замкнутой фабулы, а представляет более или менее удачно мотивированное нанизывание правоописательных сатирических картин или философско-религиозных медитаций.

Что «Почта духов» подходит под категорию таких изданий, можно заключить из следующего места в рецензии А. И. Клушина в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), посвященной роману Луве де-Кувре («г. Лувета», как называет его рецензент) «Приключения шевалье де-Фобласа»: по мнению Клушина, «можно сказать утвердительно, что [роман сей] писан без плана, — но таковых, — продолжает рецензент, — множество. Жилблас, Бакалавр Саламанский суть не что иное, как сочинения периодические без всякой завязки и которые мог сочинитель кончить, где ему угодно было — в Фобласе этого сделать нельзя» (стр. 94).

«Почта духов» как раз и отвечает этому представлению о «ежемесячном издании» или «периодическом сочинении». Первое такое «ежемесячное издание» — «Адская почта» Ф. А. Эмина (1769), подзаголовок которой «Переписка Хромононого беса с Кривым» дает нам представление о литературной традиции. Характерно, что в отношении «Адской почты» никогда не ставился вопрос о количестве участвовавших в ней лиц.

В литературе о «Почте духов» установилась такая точка зрения на происхождение названия крыловского издания: в память эминского журнала 1769 г. молодой Крылов, может быть даже в целях указания преемственной зависимости своей сатиры от журналистики 1769 г., избирает близкую сюжетную схему и соответствующее заглавие. Может быть, это в общем и верно, но полезно иметь в виду и следующие факты. Крылов, как известно, очень внимательно следил в 1780-х годах за нововыходящими, не слишком многочисленными книгами. Поэтому от него никак не могла ускользнуть «Адская почта» Ф. Эмина, издание второе (СПб., 1788). Это издание как под обычным названием, так и под измененным «Курьер из ада с письмами» появилось как раз в том году, когда Крылов, повидимому, закончил или заканчивал свою «Почту духов», объявления о которой были напечатаны

в конце 1788 г. (см. выше). Таким образом, выбор формы издания и заглавия для него определился у Крылова конкретными обстоятельствами литературной жизни конца 1780-х годов.

Конкретными обстоятельствами русской общественной жизни конца 1780-х годов определилось и идейное содержание крыловской «Почты духов». Современность 1780-х годов, вплоть до 1789 г. включительно, отразилась в журнале Крылова, как будет показано ниже, очень широко. Однако, прежде чем мы обратимся к рассмотрению этой стороны вопроса, необходимо остановиться еще на одном важном моменте — на окружающей «Почту духов» сатирической журналистике.

После пышного, хотя и кратковременного расцвета сатирической журналистики в 1769—1774 гг. наступает лет на 5—6 затишье, и лишь с 1780 г. начинают вновь выходить журналы будто бы сатирического направления, но это никак не общественно-сатирические, а юмористические, «забавные» журналы. Таковы «Что-нибудь» (1780), «Рассказчик забавных басен» (1781), «От всего помаленьку» (1782), «Парнасские ведомости» (1782), «Сатирический вестник» (1790—1792), «Переписка моды» (1791), «Разные письменные материи» (1791), «Дело от безделья» (1792), «Прохладные часы» (1793), «Что-нибудь от безделья» (1800) и др.

Из всех этих журналов один только «Сатирический вестник» и «Переписка моды» Н. И. Стрхова должны быть выделены как издания, преследовавшие собственно сатирические, а не развлекательные цели.¹ Таким образом, перечисленные выше журналы представляли принципиально иную линию, нежели сатирическая журналистика 1769—1774 гг. Вместе с тем, традиции передовых журналов эпохи «Трутня» и «Живописца» не совсем заглохли. Во-первых, Новиков, пользуясь действовавшим в цензурной практике екатерининского времени порядком, согласно которому однажды одобренные цензурой произведения вторично на просмотр перед печатанием не должны были представляться, перепечатал «Живописца» в 1775 и 1781 гг., объединив лучшие статьи из этого последнего журнала и из «Трутня». В 1788 г., как уже отмечалось выше, была переиздана — правда, с очень сильными урезками — «Адская почта» (издателем был знакомый нам по «Академическим известиям» Петр Богданович). В 1787 г. сделал безуспешную попытку издать «Друга честных людей, или Стародума» Фонвизин; журнал этот, как указывалось выше, не

¹ Западов А. В. Николай Стрхов и его сатирические издания. Сб. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII в.», М., 1940, стр. 292—323; Западов А. В. и Макогоненко Г. П. Русская проза XVIII века. М.—Л., 1950, т. II, стр. 607—610.

разрешенный управой благочиния, стал распространяться в списках. Наконец, около этого же времени (1786) Ф. Кречетов начал издавать не совсем сатирический, но, по существу, оппозиционный журнал «Не все и не ничего». Таким образом, «Почта духов» возникла в окружении значительного количества журнальных и книжных изданий сатирического или оппозиционно-критического характера.

Отношение Крылова к сатирической традиции XVIII в. мало привлекало внимание исследователей. Между тем, его сатирическое творчество представляет итог всего предшествующего развития в России этого жанра. Даже больше того: в «Почте духов» легко прослеживается непосредственное воздействие на Крылова его предшественников — Кантемира, Новикова, Эмина. В духе Новикова осмеивает «Почта духов» вяточников, крючкотворцев, щеголей и щеголих, вертопрахов, надутых вельмож, расточителей, мотов, развратников и развратниц, нахалов, невежд, тунеядцев, скупцов, плохих судей, дурных стихотворцев и т. д. При этом Крылов идет по пути сатиры «на лицо», сатиры конкретной, а не отвлеченной.

Еще больше и очевиднее связь «Почты духов» с сатирой Фонвизина. Не исключена даже возможность, что положительный персонаж, выведенный Крыловым в письме XIX под прозрачным псевдонимом Старомысла, есть не кто иной, как создатель Стародума.

Но Крылов не был бы первоклассным сатириком, если бы он только учился и подражал другим, хотя бы и выдающимся писателям.

Во-первых, у перечисленных предшественников Крылова сатирические выступления имеют разрозненный, раздробленный характер, представляя отдельные, порой блестящие, яркие и умные, но несистематизированные нападки на нестроения моральной, экономической и политической жизни современного им общества. У Крылова все это вставлено, наподобие специально подобранных цветных камешков и стеклышек, в общую раму пестрого калейдоскопа русского быта конца XVIII в.

Во-вторых, «Почта духов» представляет исключительно остроумную композицию, одна идея которой делает честь молодому автору. Корреспондентами волшебника Мааликульмулька являются гномы (Зор, Буристон, Вестодав), сивльфы (Дальновяд, Световид, Выспрепар), ондины (Бореид), Астарот и философ Эмпедокл. Если внимательно присмотреться к письмам этих корреспондентов, то сразу же делается очевидной несостоятельность взгляда на якобы случайный характер их «авторов». Анализ писем приводит к выводу, что каждой группе корреспонден-

тов присвоена в «Почте духов» определенная функция. Крылов в объявлении об издании «Почты духов» и в «Предуведомлении» к ней называет свой журнал перепиской арабского волшебника Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. В терминологии «тайных знаний» средневековья, вызывавшей в скептических кругах XVIII в. ироническое к себе отношение, духи земли — гномы — считались ведающими все, относящиеся к человеческому быту; ондины (ундины) были связаны с более тонкой стихией, водой, и в их ведении находились более высокого порядка дела людей; затем следовали по степени тонкости стихий, ими представляемых, духи воздуха, сиффы, которые отведены были философские размышления о природе, обществе и человеке. Наконец, духам огня, саламандрам, представителям самой высокой и могущественной стихии, присвоены были наиболее разнообразные и многочисленные функции.

В «Почте духов» фигурируют не все стихийные духи, например саламандры отсутствуют; зато имеются персонажи, принадлежащие не к системе «элементарных духов», а частью к восточной мифологии (Астарот — финикийское божество луны, согласно Библии), частью к античной культуре (философ Эмпедокл). Но те из стихийных духов, которые участвуют в «Почте духов», вполне отвечают той иерархии и тому распределению функций, какие были закреплены за ними в «герметических науках» XVI—XVIII вв. Поэтому письма в «Почте духов» имеют индивидуальный характер, а у их «авторов»-духов есть у каждого свое лицо. На это отчасти указывал в «Предуведомлении» сам Крылов: «сочинители сих писем — все духи очень знающие, . . . многие из них очень добрые духи; но только иные не любят крючкотворцев, ростовщиков и лицемеров, а иные не жалуют щегольства, волокитства и мотовства».¹

В самом деле, если присмотреться к характеру писем каждой категории корреспондентов Маликульмулька, можно установить следующее. Письма гномов, как общее правило, имеют конкретный характер, в них изображаются дурные судьбы, игроки, щеголи и щеголихи, купцы-плауты, надутые вельможи и т. д.; при этом нет никаких обобщений, никаких философских размышлений о замечаемых беспорядках и отклонениях от общественных норм.

Ондин Бореид, представитель водяной стихии, в первом из своих двух (единственных) писем касается вопросов политики (русско-турецкая война) и религии (проблема веротерпимости

¹ Полное собрание сочинений И. А. Крылова. М., 1945, т. I, под ред. Н. Л. Степанова, стр. 11. В дальнейшем цитаты даются по этому изданию и ссылки приводятся только в тексте (цифра в скобках, без повторения «стр.»).

и своекорыстия служителей всех культов); второе письмо по своему содержанию вполне совпадает с письмами гномов, и, очевидно, только из соображений сюжетных (дело частично происходит на дне моря, во владениях Нептуна) автором его называется ондин.

Прямо противоположный характер имеют письма сильфов. Они, как общее правило, лишены конкретного содержания в том смысле, как оно выражается в письмах гномов, ондина и Астарота. В основном письма сильфов представляют философские комментарии к предшествующим им конкретным письмам гномов, ондина и Астарота. Иногда такие медитации следуют непосредственно за соответствующим фактическим материалом, большею же частью они обобщают значительный по объему конкретный материал предшествующих писем. Еще более обобщающий характер имеют письма «безумного мудреца» Эмпедокла, и, наконец, как бы философский итог всей «Почты духов» представляют два письма самого Маликульмулька, очевидно отражающие возвращение Крылова.

Такова, — не вдаваясь в большую детализацию и уточнения, — композиция «Почты духов». Совершенно понятно, что при подобной индивидуализации духов-корреспондентов стиль их писем а priori не мог и не должен был быть одинаковым. Этим и объясняется поражавшая литературоведов, исследовавших «Почту духов» в связи с вопросом об участии в ней А. Н. Радищева, общность сатирической нравоописательной манеры в письмах гномов, с одной стороны, и серьезность тона и якобы тяжеловесность языка писем сильфов Дальновида и Световида. Не совсем понятно, почему недоумение исследователей вызвали только письма этих двух корреспондентов «Почты духов»; с наименьшим правом можно было бы поставить в той же плоскости и вопрос о письмах сильфа Выспрепара, философа Эмпедокла и волшебника Маликульмулька.

Поскольку «Почта духов» — не журнал обычного типа, а «ежемесячное издание», постольку автором ее естественно был один Крылов,¹ и разница в характере писем гномов и сильфов и про-

¹ Приводимое обычно указание Быстрова (Северная пчела, 1845, № 203), со слов Крылова, о том, что у Крылова и И. Г. Рахманинова, владельца типографии, в которой печаталась «Почта духов», вышел спор относительно названия журнала, ни в коем случае не говорит за участие Рахманинова в качестве автора в данном издании. Как лицо, на средства которого печаталось «ежемесячное издание» Крылова, Рахманинов имел право рассматривать «Почту духов» как свою литературную собственность (Калаш, II, 310). Из приводимых Калашом документов явствует, что «оригиналы», принадлежавшие Рахманинову и проданные им купцам Акову и Козыреву, вовсе не являются литературными произведениями Рах-

чих аналогичных участников «Почты духов» объясняется не чем иным как сознательным изменением стилистической манеры. А как превосходно умел имитировать различные речевые стили Крылов в эпоху «Почты духов», можно видеть из письма надворного советника Евстрата Халкина (180), из письма другого взяточника Авдея Частобралова (201—204), из пересыпанной церковными оборотами речи корыстолюбца, попавшего в царство Нептуна (270—276), из гротескного, в духе прои-комических поэм, изображения царства Нептуна.

Если признать «Почту духов» произведением одного лица, то из различных элементов, отрицательных — сатирических и положительных — философских, вырисовывается нравственный облик автора как носителя должного, противопоставляемого существу, оцениваемому с позиций моральной нормы.

Мерилом для оценки человека в «Почте духов» является его отношение к родине. Так, молодому богачу Бесчетнову бросается упрек в том, что он имеет лучших в городе лошадей и прекрасную любовницу, а «сделал важного для отечества только то, что посредством своих денег надел на себя военный мундир, довольно порядочной степени, и умножил тем число титулярных служивых» (45). Иронически изображается на именных купца Плутореза «вельможа, одетый с ног до головы во французский глазет и убранный по последней парижской моде, защищающий пользы отечества и выхваляющий любовь к оному» (67); как и в чем проявляется патриотизм вельможи, Крылов показывает несколько ниже (70—71). Не с большей симпатией относится Крылов к тому разряду военных конца царствования Екатерины, которые предоставляли Суворовым и Ушаковым одерживать победы на суше и на море, а сами предпочитали заботиться лишь о своих материальных выгодах: «Нет, любезный Плуторез, — говорит такой военный купцу-имениннику, — если ты хочешь, чтобы сын твой был полезнее своему отечеству, то я советую тебе записать его в военную службу» (71). И далее идет галерея таких же своекорыстных лжепатриотов.

Как было обычно в «Почте духов», после этих конкретных и отрицательных характеристик следует теоретическое осмысление всего сюда относящегося материала, в форме письма сальфа

маннинова: среди «оригиналов» есть «Известие о дворянах Российских» Г. Ф. Миллера (Сопиков, № 4411), драма Леблана «Алберт I, или Торжествующая добродетель» в перев. И. А. Дмитриевского (там же, № 3390), «Пример матерям», перев. с фр. А. Муравевой (там же, № 9011). Поэтому вполне понятно, почему не возражал Рахманинов, как видно из документа, приведенного у Каллаша (II, 314—315), против опубликования в 1802 г. «Почты духов» как сочинения Крылова по его, Рахманинова, «оригиналу».

Дальновида к волшебнику Маликульмульку. Письмо это посвящено вопросу о том, что такое честный человек. Дальновид считает, что есть «великая разность между честным человеком, почитаемым таковым от философов, и между честным человеком, так называемым в обществе. Первый, — продолжает Дальновид, — есть человек мудрый, который всегда старается быть добродетельным и честными своими поступками от всех заслуживает почтение; а другой не что иное, как хитрый обманщик, который под притворною наружностью скрывает в себе множество пороков, или человек, совсем нечувствительный и беспечный, который хотя не делает никому зла, однакож и о благодеянии никакого не имеет попечения». Далее корреспондент Маликульмулька уточняет свой взгляд на истинно честного человека: «Оного еще не довольно для получения сего названия, чтобы не делать никому зла и не обесславить себя бесчестными поступками, а истинно честному человеку надлежит быть полезным обществу во всех местах и во всяком случае, когда только он в состоянии оказать людям какое благодеяние». Полностью раскрывает Дальновид свой взгляд на существо истинно честного человека в том месте, где говорит, что «надлежит к благосостоянию народа изыскивать всевозможные способы и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вред отечеству» (143—144).

Именно этот тезис о позитивной и негативной деятельности в интересах своего народа и своего отечества является определяющим все оценки «Почты духов». Очень важен поэтому взгляд Крылова на обязанность писателя в отношении своего народа. В письме IX гном Зор сообщает Маликульмульку, что, желая узнать «нравы и обычай сего государства [т. е. России]», стал «читать их книги, но во многих писателях нашел или пристрастных льстецов, сокрывающих пороки своих одноземцев, или гнусных сатириков, которые ругают свое отечество без всякой другой причины, как только, чтобы показать остроту своего пера» (56). Трудно сказать, кого конкретно имел в виду Крылов, говоря о пристрастных льстецах и гнусных сатириках; несомненно, однако, что идеальный писатель, по Крылову, должен быть одушевляем благородным рвением изыскивать всевозможные способы к благосостоянию (материальному и моральному) народа и прекращать всякое зло — реально-практическое и нравственное, способное причинять вред отечеству. Предъявляя такие требования писателям, Крылов был вполне последователен, высмеивая в той же «Почте духов» трагедию Княжнина «Рослав» (101—102), комическую оперу «Две невесты» (248—250), а также писателей модного тогда пессимистического направления (см. ниже).

И. А. КРЫЛОВ.
Портрет работы О. А. Кипренского.

Из всего заключающегося в «Почте духов» материала явствует, что Крылов признает сатиру важным национально-воспитательным средством и соответственно этому оценивает роль писателя-сатирика. Поэтому понятно, что в старом споре по вопросу о «личности» сатиры, т. е. о ее конкретной направленности, адресованности, Крылов занимал позицию передовой русской литературы, примыкая к традиции Кантемира — Новикова — Фонвизина, считавших, что, отправляясь от отдельной личности, писатель осмеивает и бичует «общий порок». Именно эта точка зрения заставляла старых сатириков протестовать против обвинения в «личности», т. е. снижении общезначимого характера сатиры за счет памфлетного, пасквильного ее истолкования. «Меня никто не уверит и в том, — напомним слова Новикова в «Трутне», — чтобы Молиэров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок; осмеянной по справедливости Кашей [герой комедии Сумарокова «Лихоимец»] со временем будет общий подлинник всех лихоимцев. Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного». Крылов присоединяется к этой линии передовой литературы; он понимает, что обвинение сатиры в «личности» исходит из реакционных кругов, заинтересованных в консервативном состоянии общества; поэтому Крылов с горечью замечает, что «комедия, написанная на какой-нибудь порок, почитается здесь личностью» (251).

Было бы, однако, грубой ошибкой видеть в «Почте духов» Крылова, как впрочем и во всей передовой сатирической журналистике 1769—1774 гг., присоединяя сюда и рукописного «Друга честных людей, или Стародума» Фонвизина, только сатиру нравов: и «Почта духов» и сатирические журналы Новикова, Сичкарева, Эмина и Фонвизина перерастали в сатиру политическую. Среди вопросов общественной нравственности во всех передовых журналах 1769—1774 гг. постепенно выкристаллизовывался вопрос о реальном и идеальном государе, по существу — вопрос об идеальном политическом строе. Переводы с китайского («Чензыя, китайского философа, совет, данной его государю» — «Трутенъ», 1770, лист VIII), портреты идеальных владетелей и тому подобные способы пропаганды должного, борьба с Екатериной и ее «самолюбием» как основой ее политики, — вот те пути, по которым шла до-крыловская сатира. В «Почте духов» проблема государя (реального, царствующего, т. е. Екатерины, и идеального) занимает значительное место. В 1789 г., когда Екатерина процарствовала больше 25 лет и

давно уже отказалась от нужных ей на первых порах для упрочения своей власти либеральных поз и жестов, либеральных тенденций, когда ее нескрываемое пристрастие к быстро сменяющимся фаворитам и безудержное расхищение последними государственного достояния вызывали резкое недовольство даже в тех социальных слоях, которые были издавна связаны с монархическим строем. — в это время вопрос о реальном и идеальном государе приобретал большое, хотя и не практическое значение.

Уже на первых страницах «Почты духов» встречаемся мы с достаточно прозрачной характеристикой «порабощенной страстям» Екатерины. В первом по счету письме сальфа Дальновида, посвященном доказательству тезиса о том, что истинное блаженство состоит в добродетели, корреспондент Маликульмулька утверждает, что в глазах настоящего философа «все люди, в каком бы состоянии ни были, суть равно несчастны». Свое «исследование» Дальновид начинает с государя.

По словам Дальновида, государь, «который для удовольствования непомерного своего честолюбия разоряет свое государство и приводит в крайнюю гибель своих подданных, не может назваться благополучным. Таковые государи, предающиеся страстям своим, сами чувствуют, сколько поступки их противны истинной чести, целомудрию и человеколюбию, ибо такова есть участь всех людей, порабощенных порокам: что бы они ни делали, однако, не могут толико быть ослеплены, чтоб иногда тлеющая искра их совести не представляла им от времени до времени страшной истины». Веря в сохранение порочным государем способности беспристрастно оценить свои поступки, сальф Дальновид, очевидно выражая мнения молодого Крылова, пишет далее: «В каком бы состоянии человек ни был, и какое бы лицо ни представлял, но ничто не может его избавить от терзания возмущенной совести: повсюду, где нет истинной добродетели, порок обитает, а с ним купно и внутренние угрызения, всегда за ним последующие. Тщетно порочный государь мыслит под защиту своего самодержавства успокоить страх свой, который посреди величества его, славы и беспечности повсюду за ним следует, непрестанно его мучит и терзает до самого того времени, когда лишится он жизни и, вместе с оною, и пышных своих забав, смешанных со многими скорбями и мучениями» (27—28).

Намеки на порочность Екатерины щедро рассыпаны и в других письмах «Почты духов», иногда в такой форме, которая свидетельствует о проницательности и едкости молодого автора. Так, в одном письме Крылов, имея в виду переписку Екатерины с французскими философами-просветителями, говорит о «многих

государях, которые слушают ласкательства для своего удовольствия, а наставления мудрецов — для того, чтобы по вечерам засыпать от их нравоучения» (261); в другом месте Крылов, напоминая об инспирированных Екатериной в начале ее царствования разговорах о возвращении века Астреи, писал: «Весь народ питался безумною утехою, ибо им возвещено было о возвращении золотого века, которого никогда не бывало, и уверяли их, что самые жирные колибри, совсем уже изжаренные, будут к ним ниспадать с небес и что им не нужно будет ни о чем иметь никакого попечения» (255). Совсем иронический характер имеет хвалебная ода Екатерине, помещенная в XIV письме (от гнома Зора) и начинающаяся словами:

Что в древни времена был Рим,
Чем славились Египет, греки,
То возрожденным в наши веки
Мы в сей одной державе зрим
(стр. 243).

Проблема идеального государя переплетается у Крылова непосредственно с критикой деятельности Екатерины. Особенно важно в этом отношении одно письмо сальфа Выспрепара, вообще редко (всего трижды) выступающего в «Почте Духов» и всегда затрагивающего серьезные темы. В XLV письме Выспрепар изображает молодого наследника Великого Могола в окружении вельмож-льстецов и стихотворцев-панегиристов, поздравляющих его со вступлением на престол и вымогающих при этом тепленькие местечки для себя.

Неожиданно в толпу придворных, окружающих молодого Могола, с криком врывается некий проповедник истины, «один из тех, которые пишут», как рекомендует его «чиновный»; этот мечтатель надеется воздействовать на юного государя своими увещаниями в почти библейском духе. Между ними происходит разговор, из которого видно, что прямым адресатом речей мечтателя — точнее, Крылова — является Екатерина. Первый тезис мечтателя таков: «Те государи, кои наиболее при жизни их превозносимы были похвалами, не были от того лучшими». Далее он говорит, обращаясь к Моголу: «Почтенный юноша! Ты был предназначен высшим Провидением владычествовать над великим народом, но гнусная политика, или, лучше сказать, подлое ласкательство сокрыло от тебя должности, присоединенные к сему достоинству»; наш проповедник радуется, что «тщеславное властолюбие... еще не ослепило» молодого монарха, очевидно в противоположность другим властелинам, под которыми естественно было подразумевать Екатерину. Затем мечтатель выдвигает вто-

рой тезис: «Если государи не любят истины, то и сама истина, с своей стороны, не более к ним благосклонна». Не останавливаясь на последующих перипетиях беседы юного Могола с «умствователем», необходимо указать, что, согласно сатирическому плану Крылова, молодой монарх, сперва находившийся под известным впечатлением выслушанной речи, затем с еще большим интересом смотрит какое-то забавное и чувствительное, к тому же великолепное зрелище и совсем забывает о проповеднике истины (255—261). Этот финал вызывает приведенную уже выше тираду Выспрепара о «многих государях», с удовольствием слушающих льстецов и засыпающих от нравоучений мудрецов.

Критике Екатерины как государыни посвящено в «Почте духов» немало страниц. Осуждается ее финансовая политика и раздаривание государственных земель разным фаворитам (122), несочувственно отзываясь Крылов о завоевательных стремлениях Екатерины (121 и 234—235), признавая в то же время справедливые войны «для защиты своих областей и для поддержания прав и преимуществ своего народа» (121); иронизирует «Почта духов» над заявлениями императрицы об искоренении взяточничества (33), об уничтожении воровства (63) и т. д. Не приходится и говорить о резко враждебном отношении Крылова к фаворитизму и фаворитам, в частности — к Потемкину. Кстати, следует отметить эпизод о придворном Людовика XIII, «мисантропе», не оказывавшем никогда ни малейшего почтения кардиналу Ришелье. В этом рассказе нельзя не узнать известного анекдота о пренебрежительном отношении Суворова к Потемкину, причем знаменитый ответ полководца фавориту Екатерины, что он служит царице и в покровительстве Потемкина не нуждается, приходится как раз на февраль 1789 г., т. е. незадолго до выхода соответствующей книги «Почты духов».¹

Вопрос об идеальном государе был для Крылова особенно существен, так как сатирик, как и многие его современники, стоял в то время на «просвещенно-абсолютистской» точке зрения. Для него монарх во многих отношениях является силой, определяющей характер народа. Поэтому неудивительно, что в «Почте духов» встречаются такие слова: «Ах! — подумал я сам в себе, — сколько на земле в нынешние веки умирает таких людей, которым нужен бы был один слабый пример их владетеля, чтобы сделаться Цицеронами, Катонами и Демосфенами, и которые, вместо того, проводили свою жизнь в вымышлении новых нарядов и над ческою своих волос». «Я перебирал в уме

¹ Впрочем, некоторые авторы относят этот эпизод к 1790 г., когда Суворовым был взят Измаил.

многих древних государей и видел, что Виргилии, Горации, Вароны, Расины, Боалы и Мольеры бывали по большей части только тогда, когда жили Титы и Лудовики XIV, или когда они не боялись рассердить тем, что они умнее, того, кто может отнять у них умы вместе с головами» (32).

Таким образом, Крылов поясняет нам причины не только собственного, но и всей почти литературы XVIII в. стремления воздействовать средствами художественного слова на царствующих особ, чтобы приблизить их к мыслимому идеалу не ради них самих, а для пользы их подданных.

Однако уже через несколько лет отношение Крылова к самодержавию резко изменилось, и он пишет такие сатирические произведения антимонархического характера, как повесть «Кайб» (см. ниже стр. 474—475), как «шутотрагедия» «Трумф».¹

Несмотря на свой трезвый взгляд на вещи, Крылов часто склонен был (и как будто всерьез) говорить о вредном влиянии на государей их вельмож — «ласкателей». Иногда «Почта духов» делает смелые и понятные современникам намеки на некоторых придворных, например Потемкина, Орловых, Нарышкина. Последнего при дворе Екатерины за его паясничество называли «шпынь» — шут. В XVI письме «Почты духов» гном Буристон приводит свой разговор с неким актером (едва ли воображаемым; может быть имеется в виду Дмитревский или Плавильщиков). Буристон по ходу разговора высказывает мысль, что «быть народным шутом — это очень тягостно».

Его собеседник возражает: «Лучше заставлять народ смеяться, или принимать участие в мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми с ним поступками». И тут он прибавляет многозначительные и достаточно понятные слова: «Есть шуты, которые очень дорого стоят народу, но мало его забавляют, а мы из... числа тех шутов, которые не подвержены пороку публичной лести: мы и перед самими царями говорим, хотя и не нами выдуманную, однако ж, истину» (100). Напомним, что против Нарышкина-«шпыня» выступал в 1783 г. в своих «Вопросах сочинителю Былей и небылиц» Д. И. Фонвизин, чем вызвал сильный гнев Екатерины.

Помимо знати, служилого дворянства, мелкого чиновничества, купечества, сатирическое внимание Крылова привлекает духовенство, в частности монашество. Монахов «Почта духов» ехидно вышучивает под именем «ефунопалов», о которых автор в при-

¹ Об антимонархической направленности «Трумфа» см. «Русскую комедию и комическую оперу XVIII века» под моей редакцией (М.—Л., 1950, стр. 55—63).

мечанин говорит, что это «живущие под самым экватором народы; они так же черны, как арапы, с тою разностию, что у них от обжорства гнилые зубы и толстые брюха». Ефунопалы «ходят по селам и городам, сказывают сказки, брав за то дорогую цену; они одни имеют хитрость вдруг и брать милостыню, и налагать подати, и продавать какие-то моральные лекарства от физических болезней, за которые им платят очень много, хотя никто от них не вылечивается»; далее также понятными намеками рисуются монастыри и т. п. (98—99).

Однако вопрос о духовенстве рассматривается Крыловым не только в плане нравоописательной сатиры, но и в связи с проблемами веротерпимости (122—123). «Смеете ли вы, несмысленные и бесчеловечные богословы, утверждать, — говорит сальф Дальновид в письме к волшебнику Маликульмульку, — чтоб мучить людей повелено было вам милосердным Богом. Вы не только не ужасаетесь своих родителей, но и Всевышнее Существо представляете столь же кровожаждущим, каковы вы сами» (123).

Проблема веротерпимости переходит у Крылова незаметно в проблему фанатичности духовенства, и можно даже предполагать, что, говоря о «суеверии», Крылов пользуется этим термином вместо понятия религия. Подтверждением этого взгляда являются любопытные строки из письма ондина Борейда, в которых мусульманин, очутившийся, вместо ожидавшегося им рая, на дне морском, восклицает: «я вижу, что наши муфтии и иманы обещают нам селения в таких местах, куда они сами никогда прибыть не надеются, и для того, не полагаясь на будущую жизнь, собирают с нас деньги, чтобы было им чем райски жить на земле» (235). «Жрецы» для Крылова как для истого сына скептического XVIII в. — обманщики, материально заинтересованные в распрях между людьми, которые, как говорит мусульманин, «никакого мне зла не сделали». Нептун спрашивает попавшего в его владения мусульманина, какую причину имели турки драться с русскими и что понудило его, оставя спокойную жизнь, итти искать своей гибели на море. «Увы! — отвечал обожатель Магомеда, — мне сказано было от муфтия и от имана, что люди, живущие от меня за несколько тысяч верст, которых я отроду в глаза не видывал, ужасно обидели и меня и пророка Магомеда, которой уже несколько сот лет лежит спокойно в Мекке, и что я непременно должен итти драться с этими людьми, если не захочу быть лишен на бесчисленное множество веков райских гурий» (234—235).

Изображая безрадостные картины современного ему общества, Крылов приходит к горьким, пессимистическим выводам и относительно положения науки в этом обществе.

Он очень высоко ставит в принципе науку и просвещение: «Науки суть светила, просвещающие души: человек, объятый мраком невежества, во сто раз слепее того, который лишен зрения от самого своего рождения» (53). Но в испорченном обществе своего времени, корыстном, тщеславном, бессердечном, Крылов видит также и падение науки. Его отталкивают «люди, в науках упражняющиеся единственно для того, чтоб имя свое сделать бессмертным». Ученые в таком развращенном обществе, — кажется раздраженному зрелищем социальных искривлений Крылову, — в своей деятельности «подстрекаемы единственно тщеславием». Они, эти ученые, изучают такие вопросы и занимаются исследованием таких фактов, которые не приносят непосредственной пользы другим людям. Если бы философы и «ученые, — пишет сальф Дальновид, — трудящиеся с толикою прилежностью о сообщении людям приобретенных ими познаний, не иным чем были к тому побуждаемы, как единою любовию к мудрости», а не тщеславием и другими суетными соображениями, они пришли бы к выводу, что «во сто раз полезнее научить людей способу жить благополучными и спокойными, нежели гоняться за открытием некоторых таких истин, коих познание совсем бесполезно и притом приобретаетя бесконечными трудами» (184). Возражая против подобной схоластической и бесплодной науки, Крылов не намерен вовсе занимать позицию Руссо с его отрицанием положительной роли науки: «Сколь ни было бы бедственно упорное желание о приобретении славы большей части ученых, однако ж, любезный Маликульмульк, люди должны их и в том извинить, в рассуждении получаемой от них пользы, ибо соревнование, которое они один против другого чувствуют, поощряет их производить многие прекраснейшие творения. Надлежит о них более соболезновать, что они не делают того единственно из мудрости, что делают по честолюбию: люди должны благодарить самый сей порок, который заслуживает осуждение, ибо без него науки доныне были бы погружены во мрачной неизвестности» (187). Отсюда явствует вывод, что в нормальном, благоустроенном обществе наука должна играть еще более возвышенную и полезную роль. Пока же, в испорченном обществе, наука разделяет общую участь со многими другими полезными установлениями, как литература, которую не читают (57), как театр, который «сделался не училищем нравов, но их развращением» (246), и т. д.

Итоговая оценка общества в «Почте духов» безотрадная, мрачная. Гном Зор посещает маскарад и видит множество людей разного звания и состояния в безобразных личинах. В связи с этим у него возникает вопрос: «Для того ли они наряжаются

таким образом, чтоб показать себя в настоящем своем виде по расположению своих душ, сходствующих, может быть, с тою приемлемою ими безобразностью; или, что они любят быть неузнаваемыми и казаться всегда в другом виде, нежели каковы они есть в самом деле?». «Если сие замечание, — продолжает гном, — справедливо, то можно сказать, что весь свет наполнен чудовищами, или что сей свет есть не что иное, как обширное здание, в котором собрано великое множество маскерованных людей, из коих, может быть, бóльшая часть под наружную личиною в сердцах своих носят обман, злобу и вероломство» (60—61). Эта мысль не единична и отнюдь не случайна; с еще бóльшей определенностью принадлежит самому Маликульмульку и как бы подытоживающем весь горький опыт арабского волшебника и его корреспондентов: «Бóльшая часть людей злобны и развращены» — вот лейтмотив этого мизантропического письма (277, 278 и далее). Естественно, что у сальфа Световида «от сообщения с людьми нынешнего века» возникает сомнение, «можно ли жить между такими людьми» (97), а сальф Дальновид утверждает, что для людей было бы лучше спать, чем жить (134).

Но следует иметь в виду, что, говоря об «обществе», о «бóльшей части людей», Крылов исключает из этого понятия демократические слои населения. О них он отзывался с теплой симпатией, умеет оценить их положительные человеческие черты. Так, сальф Дальновид, этот рупор мнений Крылова, пишет: «Я почитаю в людях одну только мудрость и добродетель, и под какими бы видами оные мне ни представлялись, я всегда равное имею к ним уважение. Мещанин добродетельный и честной крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до 30 дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые также, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева» (204—205). В замечательном письме о «честном человеке» сальф Дальновид полагает, что «люди должны бы стыдиться бедственного своего состояния, что в свете между ними столь мало находится истинно добродетельных и достойных заслуживать от философов название честных людей». «По справедливости надлежит сказать, почтенный Маликульмульк, — продолжает Дальновид, — что гораздо более таковых можно найти в простых людях, не прилепленных ни к придворной, ни к статской, ни к военной службам, ибо, будучи обреме-

нены немногими должностями, гораздо менее имеют они затруднения учиниться истинно честными людьми» (146). Глубокое уважение и сочувствие к крестьянам вызывают со стороны Крылова ряд негодующих инвектив против помещиков и екатерининского правительствa, разоряющих крепостных непомерными поборами. Все письмо XVII посвящено вопросу о разорении крестьян мотовством помещиков; об обнищании крестьян из-за безрассудной роскоши дворянства говорится и в другом месте (214 и сл., 239—241). Останавливается Крылов и на вредном влиянии дворянских театральных и музыкальных причуд, отрывающих крепостных от полевых работ, на нормальное ведение крестьянского хозяйства (249—250). Отдельные подобные места производят очень сильное впечатление. Таково, например, осуждение налоговой политики Екатерины: «Смерть воина, сраженного во время битвы скоропостижным ударом, не столь мучительна, как смерть бедного земледельца, который истраивает под бременем тяжелой работы, который в поте лица своего снискивает себе пропитание и который, истощив все свои силы для удобрения земель, видит поля, обещающие вознаградить его обильною жатвою, расхищаемые корыстолюбивым государем; смерть, говорю я, сего бедного земледельца во сто раз жесточе смерти воина, оканчивающего в одно мгновение жизнь свою на сражении. Тщетно бедные подданные стараются скрыть малые остатки своего стяжания от жадности корыстолюбивого государя: определяемые от него надзиратели, сборщики и поставщики пробегают беспрестанно города и селения, и сии ненасытные пиявицы высасывают кровь у бедного народа даже до последней капли» (122). Едва ли не больше, чем в каком-либо другом месте «Почты духов», здесь явно ощутимо влияние на Крылова гражданского пафоса и активного гуманизма Радищева.

В другом духе, но не менее сильно то место, где «шалун» Промот, вертопрах, щеголь и мот, спорит со своей любовницей, имеющей отдающее нескромной веселостью XVIII в. имя Непотказы; когда последняя сообщает ему о том, что выходит замуж за Припрыжкина, Промот укоряет ее и перечисляет при этом, сколько душ крестьян «продепансировал» (издержал) он, чтобы нравиться своей любовнице: «Познай, бесчеловечная, — продолжал он с трагическим восклицанием, показывая ей правую руку, усеянную перстнями, — познай, что на этих пальцах сидит мое село Остатково; на ногах ношу я две деревни, Безжитову и Грабленную; в этих дорогах часах ты видишь любимое мое село Частодавано; карета моя и четверня лошадей напоминают мне прекрасную мою мызу Пустышку; словом, я не могу теперь взглянуть ни на один мой кафтан и ни на

одну мою ливрею, которые бы не приводили мне на память заложенного села или деревни, или нескольких душ, проданных в рекруты, дворовых» (138—139).

Но было бы ошибочно предполагать на основании приведенного материала, что крепостное крестьянство представляет для Крылова только предмет сентиментального филантропизма и слезливых вздыханий. «Почта духов» с понятной и законной гордостью отмечает факты, свидетельствующие о талантливости и достижениях представителей народных, преимущественно крепостных масс в различных областях культуры. Крылов с удовлетворением отмечает, что ему случалось видеть в самых знатнейших домах портреты ученых людей, очевидно имея в виду Ломоносова; впрочем, он тут же с горечью прибавляет, что «те самые ученые совсем не имели входу и в их прихожие» (57). С неменьшей гордостью говорит Крылов об одном актере, т. е. И. А. Дмитревском, с которым «многие честные и разумные вельможи ищут знакомства» (100). Особенно подробно останавливается «Почта духов» на судьбе талантливого гравера Г. И. Скородумова, учившегося в Англии и пользовавшегося там большим успехом, а затем «принужденного», как он говорит в крыловском журнале, вернуться в Россию, где он спился и умер в возрасте 37 лет. Этот замечательный художник, выступавший под именем Трудолюбова на именинах купца Плутореза, рассказывает о своих злоключениях по возвращении на родину и с болью отмечает равнодушие своих одноземцев к национальному искусству: «Здесьние жители, — говорит Трудолюбов-Скородумов, — своих художников и их работу ни за что почитают, а уважают одно привозимое из-за моря» (73—74).

Таким искренним и здоровым патриотизмом проникнуты все те места «Почты духов», где Крылов говорит о дарованиях и способностях родного народа. С понятной симпатией и гордостью пишет Крылов об «искусном полководце», в котором сразу угадывается Суворов (127); в другом месте Крылов, несмотря на свое отвращение к войнам, не вызванным необходимостью народной самозащиты, с явным удовлетворением и радостью констатирует, что турки повсюду бывают поражаемы своими храбрыми неприятелями-русскими, «имени которых они страшатся и как на море, так и на земле, недолго выдерживают с ними сражение, но всегда вынуждены бегать или от них бегать без памяти, или, положи оружие, отдаваться на их волю» (235—236).

Таким образом, несмотря на резко отрицательное отношение и пессимистическую оценку современного ему дворянского общества, Крылов, опираясь на свою веру в силу талантливых

народных низов. питает горячую любовь к родному народу и его культуре, является глубоким, искренним патриотом, болеющим за униженное, а иногда — и чаще всего — бесправное положение выдающихся представителей народа, как Ломоносов, Дмитриевский, Скородумов и т. д.; при этом он высоко ценит не только моральную и интеллектуальную, но и военную одаренность своих одноземцев. Этот бодрый и умный патриотизм является своего рода светлым лучом в том темном царстве русской жизни, которое так смело и решительно, едко бичует Крылов.

Возвращаясь к вопросу об отношении «Почты духов» к положению закрепощенного крестьянства, следует сказать, что, изображая в разных ракурсах и планах подневольность, угнетение крепостных, Крылов не дает ответа на вопрос о том, какой выход может быть здесь предложен. Возможно, что неожиданное и преждевременное прекращение «Почты духов», приостановившейся на восьмой книжке, вместо обещанных двенадцати, не дало возможности Крылову ответить на этот неизбежный вопрос. Во всяком случае, несмотря на общую свою пессимистическую оценку современного ему общества и социального уклада, Крылов все же находит некоторый просвет в окружающем его мраке: он верит, как и другие просветители XVIII в., в могущество искреннего и сильного слова. Другьями человечества представляются ему «мисантропы» — «суровые и задумчивые мудрецы, которые ненавидят только пороки, сожалеют о порочных и, упрекая людей, зараженных оными, поставляют главнейшим своим предметом их исправление» (38). Но исправление пороков людей «мисантроп» осуществляет не проповедью отвлеченной, теоретической морали, а с помощью язвительной сатиры. Считая, что «врожденное людям самолюбие управляет с самого почти младенчества всеми их деяниями и что нельзя сыскать лучшего средства к исправлению их погрешностей, как изобразя гнусность тех пороков, которым они порабощены, обращать их в насмешку, а через то уязвлять сродное каждому человеку тщеславие», Крылов полагает, что «никто не может исполнить сие с лучшим успехом, как мисантроп; следовательно, — заключает он, — нет человека, который столько бы полезен был обществу, как он» (36). Таким образом, Крылов приходит к признанию исключительного значения сатиры и сатириков в современной ему жизни: «мисантроп» — это он сам, Крылов, гордящийся тем, что принадлежит к людям, «кои, не беспокоясь нимало о том, что будут об них говорить, не опасаясь злости и ненависти своих сограждан, с презрением и смело осуждают все то, что видят в них худова» (36).

Как же осуществлял Крылов свою «мисантропическую» сатиру в «Почте духов»?

Поскольку по самому замыслу издания в нем принимали участие в качестве корреспондентов Маликульмулька различные стихийные духи, постольку исключена была возможность, — в соответствии с эстетическими воззрениями автора, о которых ниже, — пользоваться одним стилем, одними речевыми приемами. Так, в одних случаях Крылов прибегает к гротеску, шаржу. Этим приемом начинается первое письмо «Почты духов», в котором сообщается о возвращении в ад супруги Плутона, богини Прозерпины, гостившей полгода у своей матери на земле. Богиня входит в модном французском платье, в шляпке с перьями и в прекрасных башмачках на высоких, тоненьких, в три вершка каблучках. Она говорит языком щеголих XVIII в., настаивает на том, чтобы Плутон выбрил себе бороду, нарядился во французский кафтан и т. д. (22—25, 30—31 и 232—236).

Если здесь Крылов следует традициям ирои-комической поэмы и только в еще большей мере, нежели авторы пародий и трагедий, способствует распаду классицизма, то в других случаях он применяет гротескную манеру, борясь с теми литературными проявлениями дворянской эстетики, которые представлялись ему фальшью, неискренностью, особой формой испорченности современного общества. В этом отношении интересны страницы «Почты духов», посвященные высмеиванию модного тогда Державина. Пародист Крылов цепко ухватился за две противоречивые тенденции в поэзии Державина: тему тленности и преходящести земного и тему эпикурейского наслаждения благами земными, преимущественно вкусными яствами и питьями («На смерть князя Мещерского», «К соседу» и др.).

Сатирическому освещению поэзии и отчасти биографии Державина этого периода посвящено XLIII письмо «Почты духов». Сильф Световид сообщает Маликульмульку о встрече в публичном саду с двумя людьми, скромно прогуливавшимися в отдаленной аллее и производившими впечатление людей серьезных и умных. Световид невидимкой подслушивает разговор этих людей, «которых, — по его словам, — многие почитали философами». Они сетуют на горести, наполняющие человеческую жизнь; в промежуток между вздохами о том, сколь мало важна человеческая жизнь, условливаются пойти обедать и направляются в трактир. «Вошел в трактир, оба они непрестанно твердили: ах! боже мой, сколь мало важна человеческая жизнь... „Что у тебя есть к обеду?“ — спрашивали они у трактирщика. — „Часть самой жирной телятины, — отвечивал он им, — спаржа, котлеты, сосиски, соус с голубями, сладкой пирог и еще, если будет что

угодно“. — „Очень хорошо, — говорили два философа, — приготовь еще нам хорошей рыбы и дай побольше устриц“... „Ах, боже мой! — повторяли они, — как жалки люди! вся жизнь их преисполнена величайшими бедствиями... Пойдем, сядем за стол. Хозяин, дай нам две бутылки хорошего шампанского и бургонского вина“... „Подлинно, маловажна человеческая жизнь!“. После сего сели они оба за стол и начали есть с добрым аппетитом, продолжая непрестанно оплакивать человеческую судьбину и почасту спрашивая друг друга: „Не хочешь ли выпить вина, любезной товарищ?“ — „С великою охотою, любезной друг“. — „Ваше здоровье!“ — „Ваше здоровье!“ — „Знаешь ли ты, что я вчера умер было от желудка“. — „А я третьего дня в кофейном доме пил очень много ликеру и оттого во всю ночь был в превеликом жару“... „Ах! как маловажна человеческая жизнь!“ (243—245).

Вообще страницы «Почты духов», посвященные вопросам литературы и в особенности театра, отличаются остроумием и веселостью. Чувствуется, что здесь Крылов особенно в своей сфере, что именно здесь он как-то особенно едок, оригинален и свободен, особенно остер на язык, даже колок. Попутно тут же Крылов высказывает свои теоретические взгляды на задачи и цель искусства. Обрушиваясь на трагедию Княжнина «Рослав» и на комическую оперу «Две невесты», Крылов вскрывает ходульность, неестественность и неправдоподобие сюжета этих пьес, неумение строить и показывать характер, отсутствие идейности, даже простой идеи в них. Обнаруживает Крылов пустоту и ничтожность названных пьес, пересказывая с комментариями их содержание, не всегда придерживаясь точного соответствия оригиналу, но почти всегда весело, забавно, зло. «Рослав» Княжнина представлен в качестве трагедии, якобы виденной гномом Буристонном на посещенном им острове. «Трагедия, — пишет он Малюкульмульку, — была сочинена по вкусу островитян в 8 действиях 12 стошными стихами... Главный герой сей трагедии был некоторый островской Дон Кишот. Он был вдруг: философ, гордец и плакса; актер по смыслу слов очень изрядно поддерживал свой характер; он храбрился в тюрьме, читал на театре рассуждения тогда, когда надобно ему было что-нибудь делать; будучи простолюдином, гордился перед своим государем и плакал перед своею любовницею, как дитя от лозы, когда она делала ему ласку, а чтобы ему чаще хлопали, то он, оборотясь к зрителям, почти при всяком стихе твердил им, что он их одоземец. Островитяне иногда краснелись, что такой чудак родился между ими, однако ж нередко хлопали ему, чтоб не заснуть от праздности. Другая, т. е. его любовница, была царская дочь; она

была несколько его поумнее, но столько хвалила своего любовника, как будто бы желала вытти за него без приданова, хотя и не видно было, подлинно ли имела она это намерение, будучи богаче своего жениха. Третие лицо изобразить хотело какого-то злодея. — Писатель характер его заключил в словах, а не в действии. Он ничего не делал, но иногда кричал, что он всех перережет и передавит, а между тем, когда он спал на театре, то самого его удавили в седьмом действии, и осьмое доигрывается уже без него. Наконец, четвертый, как говорят, был прекрасный характер; на нем основывалась вся трагедия; сказывают, что это был предобротельный человек и им окончалось зрелище, но жаль только того, что автор не выводил его на театр. Может быть, добродетельный характер был для него слишком труден» (101—102).

В приведенном изложении Крыловым содержания «Росслава» обращает на себя внимание интересная реплика сатирика по поводу третьего лица трагедии, в котором драматург намерен был изобразить злодея: «Писатель, — говорит Крылов устами гнома Буристона, — характер его [злодея] заключил в словах, а не в действии»; иными словами, Крылов стоял на позиции, приближающейся, несмотря на связанность с практикой классицизма, к нашему пониманию художественной правды, когда характер выражается не внешними («слова»), а внутренними («действия») средствами.

Содержание комической оперы «Две невесты» Крылов передает не в последовательности характеристик персонажей, как при изложении «Росслава», а по актам. Сатирик умело и ловко обнаруживает нелепости и неслаженности этой действительно бестолковой пьесы. Остановившись на завершающем оперу решении отца обеих невест выдать одну из дочерей за добивающуюся ее руки молодого человека, Крылов продолжает: «Сия пара столь была тому обрадована, что целомудренная невеста кричит во все горло, что когда она наживет себе с своим мужем пару детей (подлинно деушкино желание), то приготовит им гудок и балалайку или что-то такое, во что я уже не вслушался. Сие желание так понравилось старику и другой его дочери с полуитальянцем [женихом], что и они тоже закричали, а напоследок сколько ни было тут [на сцене] крестьян и крестьянок, всякой из них захотел по паре детей и по гудку с балалайкой, и тем окончили оперу, оставшись все при таком прекрасном желании, которого никакая честная и скромная деушка не может, не краснея, произнестъ ниже перед своим любовником, а не только перед шестьюдесятью человеками народу. После сего, — продолжает Крылов, — закрыли занавес, и это было самое лучшее место из всей оперы» (249, ср. там же 262—263).

Передача содержания «Двух невест» нужна Крылову для того, чтобы поставить ряд вопросов как применительно к данной комической опере, так и общего порядка. Он задает себе прежде всего вопрос, есть ли какое-либо содержание в этой опере, явно отличая содержание пьесы от ее сюжета. Его интересует далее, какую цель преследовал своей пьесой автор, не знающий театральных правил, что такое он хотел осмеять, ибо пороки у него торжествуют. Крылов указывает, что «тут нет ни характеров, ни завязки, ни развязки, ни правильных действий, ни умного, ни смешного, а это все, кажется, — прибавляет сатирик, — не лишнее в шутильной опере» (250). Давая в дальнейшем общую оценку этой пьесы, Крылов высказывает при этом свои принципиальные суждения о театре. «Театр, — говорит он, — есть училище нравов, зеркало страстей, суд заблуждений и игра разума» (250), он «учит глупых» (246), актер полезен тем, что «изображает на театре пороки. Он может поправить те части злоупотребления, до которых не достигают законы и которые более вреда и разорения приносят государству, нежели самые хищные откупщики» (100). Суды Крылов называет «фабриками правосудия» (74), «лавками Фемисы» (там же). Об одной барыне он говорит, что она может служить «примером добродетели: она вечно или перебирает свои четки на молитве, или бьет ими своих девок; а достальное время проводит в набожных разговорах наедине с своим учителем богословии» (103). Известная уже нам Неотказа сообщает о своей матери, что «если она не препятствует своей дочери в некоторых забавах, то это, конечно, не от того, чтоб не знала к тому способов, но или ленится, или не имеет времени, протверживая очень часто сама веселые зады любовной азбуки» (137). В другом месте, излагая содержание трагедии Княжнина «Владисан», Крылов пронизирует над некоторыми авторами, которые «нередко ошибочно ставят конец страницами тридцатью позже, нежели ему быть надобно» (263), а при характеристике комической оперы «Две невесты», исходя из тезиса, что театр — не только училище нравов, но и «игра разума», пишет: «что ж касается до игры разума, то не в противность адешной учености, автору, кажется, нечем было поиграть» (250).

Для полноты характеристики литературно-общественной позиции «Почты духов» необходимо остановиться на отношении этого журнала к «Беседующему гражданину», выходявшему одновременно с ним. Уже давно отмечено было исследователями, что к «Беседующему гражданину» «Почта духов» относилась неприязненно. В письме XXX, помещенном в майской книжке «Почты духов», гном Зор в письме к волшебнику Маликуль-

мульку, перечисляя книги, «приносящие стыд ученому свету», назвал среди них «Бредящего мещанина», в котором не трудно узнать «Беседующего гражданина». В письме XL философ Эмпедокл (в июльской книжке) писал, что «сочинители Бредящего мещанина почитают прекраснейшими творениями глупые свои бредни, хотя многим довольно известно, что нет почти ни одного из их читателей, кто мог бы с удовольствием прочитать с начала до конца хотя одну их книжку».

Чем же вызваны были эти иронические строки, эта язвительная переделка названия «Беседующего гражданина»? Ведь сотрудники обоих журналов были, как это неопровержимо доказал В. П. Семенников, людьми одного и того же передового круга.¹ Вопрос этот давно уже заинтересовал исследователей. Кажется, первый поставил его П. Е. Щеголев. В статье «А. Н. Радищев в 1789 г.» Щеголев особенно много внимания уделил идейно-политической позиции редакции «Беседующего гражданина», беря при этом под свою защиту весь журнал со всеми его противоречивыми взглядами. Отношение П. Е. Щеголева к Крылову было явно не объективное: «Крылов, — писал Щеголев, — никогда не возвышался до той чистоты намерений, которая характеризовала издателей „Гражданина“, ни до той глубокой принципиальности, которая управляла их общественной деятельностью. . . Он, несомненно, был человек темный и далеко отставший в своей образованности от редакторов „Беседующего гражданина“ . . .»²

Дав такую неблагоприятную характеристику «малокультурному» Крылову, Щеголев, тем самым, — со своей точки зрения, последовательно, — объяснил нападки «Почты духов» на «Беседующего гражданина»: «Крылов никогда не питал сочувствия к отвлеченностям теоретическим и философским: он был весь в мире лиц и событий. Политическое его мировоззрение не носит следов теоретической разработки. Не мудрено, что серьезное, философское содержание „Беседующего гражданина“, дидактический тон его поэзии сразу оттолкнули Крылова от журнала, который к тому же и был его конкурентом».³

Таким образом, по Щеголеву, причиной иронических выпадов Крылова против «Беседующего гражданина» была мелкая зависть малокультурного конкурента. Не объясненным оставалось при этом, почему Крылов дал своему противнику такое, а не

¹ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева. — Сб. «Радищев. Материалы и исследования», Л., 1936, стр. 233—267.

² Щеголев П. Е. Исторические этюды. СПб., 1913, стр. 30 (первоначально статья эта была напечатана в журнале «Минувшие годы», 1903).

³ Там же, стр. 28.

иное прозвище, почему не хотел он видеть в журнале «Общества друзей словесных наук» «гражданина», а видел только «мещанина», к тому же еще «бредящего».

В. П. Семенников не присоединился к мнению П. Е. Щеголева и выдвинул свою точку зрения на «враждебное», как он писал, отношение Крылова к «Беседующему гражданину». В. П. Семенников видел две причины этого: 1) неодобрительную позицию «Беседующего гражданина» в отношении сатиры и 2) религиозную настроенность руководителей «Беседующего гражданина»: их, — говорит В. П. Семенников, — «не могло не коробить» издевательское отношение к «духам», которые в крыловском журнале «фигурировали порой в самых комических положениях».¹

Обе «причины», предложенные Семенниковым, если признать их убедительность, объясняют отношение «Беседующего гражданина» к «Почте духов», но не обратное. «Объяснения» Семенникова, так же как и Щеголева, оставляют открытым вопрос о том, почему Крылов именно так переименовал название «Беседующего гражданина».

Ближе всех подошел к правильному решению вопроса Б. И. Коплан. В статье «Философические письма „Почты духов“ (1789 г.)», касаясь взаимоотношений между обоими журналами, Б. И. Коплан писал, что сатирические выпады Крылова могли быть вызваны религиозно-мистическими статьями «Беседующего гражданина» и что, по существу, позиция «Почты духов» «очень близка к пониманию обязанностей гражданина, истинного „сына Отечества“ и очень далека от мистических настроений».²

Иными словами, Крылов потому нападал на «Беседующего гражданина», что не видел в этом журнале «гражданина», «патриота», а в его «бреднях» (Б. И. Коплан видит в этих словах намек на «Бредни праздного педанта» в «Беседующем гражданине») слышал голос «мещанина», «обывателя».

Можно к сказанному прибавить еще следующее: резко отрицательное отношение «Почты духов» к Екатерине являлось одной из самых характерных черт этого «периодического сочинения». Редакция же «Беседующего гражданина» хотя и посвятила свое издание «Отечеству», однако во вступительной статье сделала столько комплиментов Екатерине, утратившей к тому времени последние остатки былой «популярности» в литературных

¹ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева. IV. «Беседующий гражданин» и «Почта духов». — Сб. «Радищев. Материалы и исследования», стр. 264—265.

² Сб. «Радищев. Материалы и исследования», стр. 368.

кругах, что вполне естественно могло возникнуть предположение о подкупленности панегиристов из «Беседующего гражданина».

Таким образом, «бреднями» являлись не столько «Бредни праздного педанта», сколько афишированные монархические позиции «Беседующего гражданина» на первых шагах его существования. «Бреднями» в глазах молодого Крылова была, очевидно, идеализация Екатерины, проводившаяся в посвящении и отчасти в «Правилах монархического воспитания» в первой книжке «Беседующего гражданина».

Не корыстные расчеты «темного» Крылова, опасавшегося образованных конкурентов из «Беседующего гражданина», как полагал П. Е. Щеголев, не споры на почве разного отношения к «духам», как считал В. П. Семенников, а политические разногласия радикального «сочинителя» «Почты духов» и монархически настроенной части редакции «Беседующего гражданина» были причиной их журнальной борьбы.

Рядом с вопросом о том, в каких формах и какими способами Крылов осмеивал и критиковал современное ему общество, должно поставить также вопрос о языке «Почты духов». Язык Крылова не раз привлекал внимание исследователей (В. Ф. Истомина, В. А. Гофман, В. В. Виноградов и др.), но, к сожалению, только язык его басен. Между тем, отрывать язык басен Крылова от его сатирической прозы совершенно неправильно. На фоне языковой сглаженности и нивелированности конца 1780-х годов речевая манера Крылова в «Почте духов» и других его журналах резко выделялась и отличалась своеобразием и силой. Это заметил и П. А. Плетнев в своей биографии Крылова. Касаясь журнальной деятельности великого баснописца, преимущественно «Почты духов», Плетнев писал: «Тут он и языком русским далеко опередил современников. В его стихотворениях, относящихся к этому периоду жизни его, вы чувствуете, как рабски подчиняется он образцам, заимствуя из них известные выражения, изысканность украшений, обороты и неестественный тон. Но в прозе ни от кого не зависим он. Кроме легкого, правильного и сильного языка, изумляют читателя новые мысли, без малейшей натяжки связываемые с шутками в разговорах».¹

Язык «Почты духов» и других журналов Крылова представляет настолько интересное и важное в истории русского литературного языка явление, что требует специальной большой работы. Но уже сейчас, при сравнительно беглом и не детальном рассмотрении материала, можно сделать некоторые, как мне ка-

¹ Плетнев. Соч. и переводы, СПб., 1887. т. II, стр. 49.

жется, исключительно важные наблюдения: и в области лексики и фразеологии, и народной семантики, и индивидуальной выразительности, внутренней оригинальности, и, наконец, стилистического разнообразия, со включением легкого и уместно используемого диалектного налета, язык «Почты духов» предвзвешивает и превосходит язык басен Крылова; «Почта духов» является как бы языковой лабораторией молодого Крылова, где он пробует, примеряет, взвешивает и отбирает для языка своих будущих басен самые разнообразные и почти всегда удачно выделяемые речевые элементы. Насколько умело, своеобразно и смело делается это, можно видеть хотя бы из спора о сотрудниках Крылова в «Почте духов», поднятого А. Н. Пыпиным в статье 1868 г. «Крылов и Радищев» и продолжающегося свыше трех четвертей века, до наших дней. Такие видные литературоведы и языковеды, как Пыпин, Каллаш, Щеголев, Семенников, Виноградов и др., с большей или меньшей степенью определенности высказываются за наличие у Крылова сотрудников, исходя только из впечатлений языкового разнообразия «Почты духов».

Из изложенного видно, как обширна и продуманна картина русской жизни в «Почте духов». Если вспомнить, что автору было всего только двадцать лет, невольно возникает вопрос о степени его самостоятельности, о литературной атмосфере, в которой развивался гений молодого Крылова. После работ В. П. Семенникова и ряда других советских литературоведов (Д. Д. Благого, С. В. Дурылина, Н. Л. Степанова и др.) укрепилось мнение о том, что Крылов в конце 1780-х—начале 1790-х годов находился под сильным влиянием А. Н. Радищева и был даже учеником его. Как ни убедительны и почетны для молодого Крылова соображения названных советских литературоведов, но мне подобная концепция представляется сужением литературного горизонта молодого Крылова. Сосредоточивая свое внимание на огромной и оригинальной фигуре А. Н. Радищева, наши литературоведы забывают, что в рассматриваемую ими эпоху не Радищев, мало еще известный до выхода в свет «Путешествия», а Фонвизин и Новиков были для широкой писательской и читательской аудитории определяющими передовые тенденции литературы авторами.¹ Если у нас иногда еще отме-

¹ Характерно в этом отношении следующее суждение о Фонвизине в «Санкт-Петербургском журнале»: «Кому из соотечественников наших не известны сочинения г. Фонвизина, сего знаменитого писателя? Писателя, которому по сие время не было еще у нас достойных подражателей, и не знаю, будет ли когда-нибудь — другой Фонвизин? ...Его нет более! — Но доколе свет наук будет озарять отечество наше, он всегда будет почтен.

чают влияние Новикова на некоторых сатирических писателей конца XVIII в. (например А. В. Западов в работе о Н. И. Страхове), то о влиянии Фонвизина не говорит никто. Между тем, непредвзятое и документированное изучение материала устанавливает несомненное влияние на Крылова не только Радищева, но и Фонвизина, и Новикова, и Кантемира, т. е. всей той линии «критической» литературы, которую Белинский справедливо считал самой плодотворной и самой жизнеспособной в истории русской словесности. Крылов гениально синтезировал все передовые тенденции в сатирической по форме и социально-критической по содержанию русской литературе XVIII в. и спаял этот итог с великим и лишенным сентиментальной рыхлости народолюбивым Радищевым; если присоединить сюда огромную индивидуальную оригинальность Крылова, то и получится то замечательное явление в истории русской литературы, которое мы видим в «Почте духов» и других произведениях молодого Крылова; сатирик в двадцатилетнем возрасте мог не только формулировать, но и практически показать, что всякому честному человеку «надлежит к благосостоянию народа изыскивать всевозможные способы и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вред отечеству» (144).

Внешняя история «Почты духов» мало выяснена. Известно, что в конце 1780-х годов молодой Крылов познакомился с вольтерьянцем И. Г. Рахманиновым и что «Почта духов» печаталась в типографии последнего. Из одного позднего высказывания Крылова исследователи сделали вывод о том, что Рахманинов либо непосредственно принимал участие в «Почте духов», либо помогал Крылову литературными советами. Из документов, собранных В. В. Каллашом и данных им в качестве приложения к вводной статье при переиздании «Почты духов»,¹ явствует, однако, что «Почта духов» была продана Крыловым Рахманинову, который распоряжался ею, как своей литературной собственностью (см. выше примеч. на стр. 438—439).

Данных о тираже «Почты духов» не сохранилось. В 1802 г. «Почта» была переиздана, по словам Каллаша, «почти точка в точку, с очень незначительными отменами».²

После прекращения «Почты духов» (вместо предположенных 12 книжек вышло лишь 8; почти незаметно оборвать издание

и творения его останутся навсегда драгоценным памятником для его читателей» (ч. III, июль, стр. 63—64). В. Н. Орлов включил этот отрывок в «Сочинения» Пнина в раздел приписываемых. Думаю, что скорее он принадлежит А. Ф. Бестужеву.

¹ Соч. Крылова, изд. «Просвещение», т. II, стр. 313—317.

² Там же, стр. 311, примеч.

в любом месте позволяла его композиция) Крылов в течение двух последующих лет журнальной деятельностью не занимался.

Между тем в 1790—1791 гг. произошло много важных политических событий. Кроме того, в 1791 г. стал выходить «Московский журнал» Карамзина. В 1791 же году Крылов, вместе с П. А. Плавильщиковым, И. А. Дмитриевским и А. И. Клушиным, приобрел у Рахманинова типографию и мог уже самостоятельно печатать свои труды. Все это отразилось на последующих журнальных изданиях Крылова.

«ЗРИТЕЛЬ»

(1792)

25 февраля 1792 г. отправляющий должность петербургского полицеймейстера Андрей Жандр подписал «одобрение» первой (февральской) книжки нового журнала, печатавшегося «в типографии г. Крылова с товарищи». Журнал назывался «Зритель» и выходил в течение одиннадцати месяцев книжками в 80—96 стр. Издателем журнала обычно считают Крылова, хотя прямых доказательств этого предположения не имеется: ни на титульном листе, ни где-либо в других местах журнала никаких указаний на руководящую роль Крылова в издании «Зрителя» нет. Единственным основанием для признания Крылова главным руководителем журнала является то, по существу ни к чему не обязывающее, обстоятельство, что типография, в которой печатался «Зритель», называлась типографией «г. Крылова с товарищи». Между тем расположение литературного материала в книжках «Зрителя» таково, что возникают сомнения в том, что редактором журнала был Крылов: в шести книгах «Зрителя» (из одиннадцати) произведения трех главных участников журнала — П. А. Плавильщикова, А. И. Клушина и И. А. Крылова — печатаются группами, сперва все материалы Плавильщикова (публикующиеся без подписи), затем — А. И. Клушина, наконец — Крылова. Очень редко крыловский материал помещался в середине книжки «Зрителя» и никогда — в начале. Хотя прямых доказательств излагаемой ниже точки зрения нет налицо, как нет и доказательств той, согласно которой редактором был один только Крылов, но при внимательном чтении «Зрителя» создается впечатление, что журнал издавался на одинаковых правах всеми тремя сотрудниками. Не случайно, вероятно, в первых строках своего издания они говорят: «Один или многие будут издавать Зрителя, о том, кажется, нет нужды уведомлять благосклонного читателя».

Название журнала было объяснено во «Введении» так: «Пускай представляют человека, который любопытным взором смотрит на все и делает свои примечания. Сей-то воображаемый Зритель позволяет себе, выбрав из самой природы, образовать разные свойства по своему рассуждению, не дерзая ни мало касаться личности, подобно как живописец, желая написать на своей картине различные страсти, рисует человека во всех правилах естества, но ничьего прямо лица не изображает» (февраль, стр. 3).

Из приведенной цитаты можно было бы сделать вывод, что название журнала означало лишь внешний прием подачи материала — «любопытным взором человек смотрит на все и делает свои примечания». Однако это не так: «Зритель» не просто смотрит, но выбирает «из природы» и «по своему рассуждению» образует «разные свойства», «не дерзая ни мало касаться личности». Таким образом, «Зритель» оказывался не безучастным и равнодушным свидетелем происходящего, но выдвигал какие-то принципы отбора и руководствовался какими-то критериями оценки. Как это далеко от пессимистического вывода, который находится в «Почте духов»: «Дабы получить успех в изучении мудрости, надлежит лучше быть зрителем, а не действующим лицом в тех комедиях, которые играют на земле» (стр. 164).¹ За два года, протекшие со времени прекращения «Почты духов» (за 1790—1791 гг.), столь насыщенные политическими событиями, молодой Крылов на деле убедился, что такая «созерцательная» позиция противоречит характеристике, которую он сам дал «мисантропу»; поэтому его сатира в «Зрителе» стала гораздо резче, «действительнее».

В цитированном выше отрывке из «Введения», где объяснялось название нового журнала, интересна еще одна, мало обращающая на себя внимание современного читателя, деталь: для людей конца XVIII в., привыкших к литературным аллюзиям и скрытым указаниям, она служила достаточно ясным намеком на традицию, к которой более или менее открыто привключал себя «Зритель». Когда во «Введении» читатель конца XVIII в. встречал фразу: «подобно как живописец... рисует человека во всех правилах естества, но ничьего прямо лица не изображает», ему легко понято становилось указание на знаменитый новиковский журнал «Живописец» с его определенной морально-политической программой, столь хорошо известной читателям по

¹ Ср. несколько ниже: «Я очень много путешествовал в намерении, чтоб получить пользу от обозрения различных странных действий, которым я был простым только зрителем, и ты, без всякого сомнения, можешь поверить, что я находил тут обширное поле к размышлению» (там же).

З Р И Т Е Л Ъ

ежемѣсячное изданіе

1792 года

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.
въ типографіи Г. Крылова съ товарищи.

«Зритель» (1792).

неоднократным переизданиям журнала (последнее к тому времени — четвертое — было выпущено в 1781 г.).

Таким образом, «Зритель» подчеркивал и в собственной программе и в программе «Живописца» отказ от портретности, прокламировал желание «ни мало не касаться личности». В какой мере осуществлялся этот принцип в журнале, будет сказано ниже. Прежде всего, следует отметить своеобразный характер «Зрителя» как периодического органа.

Выше уже указывалось, что материалы, доставлявшиеся Плавильщиковым, Клушиным и Крыловым, печатались группами. Если отбросить немногочисленные произведения других, повидимому, случайных сотрудников (А. Бухарского, И. Баракина, Захарова и др.), то прочий литературный материал, печатавшийся в «Зрителе» и принадлежавший трем основным участникам этого издания, оказывался не монолитным и придающим единое выражение лицу журнала, а распадающимся на группы, сосуществующие независимо друг от друга.

П. А. Плавильщикову принадлежат: статья «К самому себе» (ч. I, стр. 5—9), являющаяся введением к его же рассуждению «Нечто о врожденном свойстве душ российских» (ч. I, стр. 9—26, стр. 163—182), статья «Мир» (ч. I, стр. 83—107), статья «Театр» (ч. II, стр. 121—145, стр. 251—277; ч. III, стр. 25—39, стр. 113—137, стр. 249—255), «Письмо к издателям» (ч. III, стр. 3—23), подписанное «Покорный ваш слуга NN», а также возражение на эту статью, озаглавленное «Ответ на критику» (ч. III, стр. 40—63). Кроме того, Плавильщикову принадлежит ряд стихотворений, довольно слабых самих по себе и еще более бледных и невыразительных при сравнении со статьями того же автора. Поэтому в дальнейшем обзоре «Зрителя» следует останавливаться лишь на статьях Плавильщикова, которым издатель журнала, очевидно, придавали большое значение: они печатались, как правило, в начале каждой книжки журнала, а лишь в некоторых случаях главы рассуждения «Театр» помещались не в самом начале номера, а вслед за каким-либо стихотворением, часто политического характера. Это предпочтение, оказывавшееся статьям Плавильщикова, отнюдь не случайно.

В самом деле, оба большие рассуждения Плавильщикова были посвящены важнейшим вопросам, волновавшим русскую литературную общественность в последнюю четверть XVIII в., в особенности с 80-х годов. Первый вопрос — о национальном характере русских людей, второй — об отличительных чертах русского национального искусства, в частности драматического.

Быстрота политического, культурного и экономического роста России со времени Петра Великого обратила на себя внимание

всего культурного мира. Суждения о русском национальном характере щедро рассыпаны в различных описаниях путешествий по России; эти суждения являлись необходимым элементом каждого сочинения исторического или политического содержания, если только в этом произведении шла речь специально или попутно о России. Особенно популярными стали высказывания о русском национальном характере после выхода в свет известного «Путешествия в Сибирь» аббата Шапп д'Отероса (1768) и вызванного этой книгой «Антидота» Екатерины II (1770). В связи с тем, что Екатерина как в этом произведении, так и в других своих — письменных и устных — высказываниях о русском народе подчеркивала кротость, смирение и преданность монархам как основные черты душевного склада русского народа, находится последний, двадцать второй, из «Вопросов сочинителю „Былей и небылиц“» Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?».

Статья Плавильщикова представляет дальнейшее развитие этих споров. Ею, если не считать короткого редакционного «Введения», открывается первая книжка «Зрителя». В начале своей статьи Плавильщиков рассказывает, между прочим, что был в театре, но предупреждает, что не намерен давать разбор виденной им трагедии. «Из театра поехал я, — продолжает Плавильщиков, — ужинать к приятелю моему: там было много молодых людей и несколько чужестранцев; речь зашла о том, что есть национальный характер, эта речь [выражение] латино-греческая, и все меня уверяли, что ее по-русски выразить нельзя. Но не о том слово... все начали говорить о врожденном свойстве россиян. Говорили много и, наконец, утвердились на мнении одного весьма скоро говорящего француза, что у нас нет собственного свойства и что мы не что иное, как обезьяны, способные только перенимать... Боже мой! — с возмущением продолжает Плавильщиков, — я видел и слышал, что все тут бывшие молодые вертопрахи не только согласились, но еще благодарили француза как будто за открытие какой алхимической тайны» (ч. I, стр. 8—9). Далее автор рассказывает, что «не мог вытерпеть сего постыдного разговора» и, уйдя от приятеля домой, написал рассуждение под заглавием «Нечто о врожденном свойстве душ российских».

Таким образом, Плавильщиков уже своим пуристическим заглавием подчеркивал, что хочет говорить с читателем по-русски — и со стороны содержания, и со стороны лексики. В самом деле, статья Плавильщикова написана исключительно чистым языком, намеренно избегающим иностранных слов и оборотов. В то же время Плавильщиков далек от тяжеловесностей поздних эпигонов

Ломоносова, у него почти не встречаются славянские словесные конструкции.¹

Статья Плавильщикова интересна не только со стороны языковой. Ставя своей задачей выяснение «врожденного свойства душ российских», Плавильщиков прежде всего полемизирует с широко распространенным мнением о подражательном характере русских. Опровергая и отвергая измышления враждебных России недобросовестных иностранцев, Плавильщиков разбирает исторические и литературные свидетельства, извлекает из них многочисленные данные о положительных свойствах русского национального характера и в результате приходит к выводу, что «изотченных здесь свойств у россиян никто опспорить не может, то есть, что вообще россияне во всех состояниях и сословиях неустрашны, правдивы, славолюбивы и об ней [т. е. о славе] скромны, великодушны, жалостливы, быстропонятны ко всему, благочестивы без суеверия, терпеливы и веселы; а главное их свойство, что они во всем тверды» (ч. I, стр. 18). Слабости и даже пороки, наличие которых Плавильщиков не отрицает у русских, происходят, по его словам, «от неумеренной, а иногда и некстати употребленной добродетели» (там же).

¹ Любопытен в этом отношении следующий эпизод. В мнимой полемической статье, которую Плавильщиков написал против собственного рассуждения «Театр» (см. об этом ниже), автор, обращаясь к своему воображаемому противнику, пишет следующее: «Богатство российского языка неоспоримо. Но естли он в источнике изобилен, то беден в отделке и не ограничен в употреблении... Богатый наш язык, имея множество необесценных выражений, не может иногда сыскать точного слова для названия вещей, которые всегда перед глазами. Напр. каждый день мы видим публику, а не умеем ее назвать по-русски; каждый день мы ходим по каменным тропинкам, сделанным для пешеходов, и не знаем именно [т. е. по имени] того, что под ногами; вы сами, имея множество дарований природных или приобретенных, не иначе их называете, как французским словом талант. Не входя в глубину метафизики, которой я не понимаю, и в обширность учебных технических изречений, о которых я слышал, у нас нет собственного слова к изъяснению *Génie*, то есть превосходного пропитательного ума; даже религия называется чужим словом. Я бы вам наскучил, естли ли бы собрал все те слова, которых нам недостает» (ч. III, стр. 8—10). На это Плавильщиков отвечал: «Вы признаетесь, что российский язык богат и требует ему отделки; да об чем же и я говорил, когда объяснял, что здесь больше прилежат к французскому, нежели к своему... Естли же вы не находите многих точных слов, в том не моя вина. Когда обнародываются указы, а вы не знаете, как назвать публику; ходите по каменным закраинам улиц, имеете дары или дарования, а спрашиваете, что такое талант; имеете ум, а ищете, что значит *Génie*, исповедуете христианскую веру, а спрашиваете, что такое религия» (ч. III, 55). Любопытно, что к слову *Génie* Плавильщиков делает ссылку: «В Собеседнике напечатан опыт российского сословника», — имея в виду известную статью Фон-визина.

Сопоставление статьи Плавильщикова с ответами Екатерины Фонвизину и в особенности с ее «Антидотом» убеждает в том, что имеющиеся налицо совпадения случайны и что взгляды Екатерины вряд ли оказали сильное воздействие на Плавильщикова.

Знакомство последнего с «Антидотом» подтверждается тем местом статьи, где он полемизирует с «аббатом Шарпом» (как он называет аббата Шаппа).

В отличие от своих товарищей по журналу Плавильщиков гораздо ближе к позиции Екатерины в вопросе о «социальной гармонии». В статье «Мир», посвященной заключенному в конце 1791 г. миру с Турцией, Плавильщиков изображает в идиллических тонах состояние помещичьей России: «С великим удовольствием посещает дворянство свои поместья; земледельцы орошают слезами восхищения господ своих, своих отцов, проливавших кровь за веру, за государя и за их безопасность... поселяне радостными вопросами услаждают слух господ: „барин! не с тобой ли служит мой Гаврюшко? не с тобой ли мой Митюшко? мой Андрюшко? Каков-то он? чай нечего было у него взять басурманам? посмотри-ка, барин! сколько мы без тебя хлебушка напахали... твоя барыня, наша матушка, все без тебя с нами плакала и, бывало, как придет от тебя весточка, так и плачет-то и радуется-то“» (ч. 1, стр. 95). Плавильщиков считает, с одной стороны, что «в изобилии жизненных прозябений истинное богатство России существует» (стр. 97), а с другой, — подчеркивает, что «торговля, другой источник богатств и союзов, торговля, может быть, более всего обрадованная миром, летает по всему купечеству с прибыльною заботливостию» (там же).

Статья «Театр», «Письмо к издателям» и «Ответ на критику» посвящены в основном одному, но очень важному, в особенности в то время, вопросу — вопросу о самобытности русского искусства, в частности искусства драматического. Хотя статья «Театр» имеет обширные размеры, однако самое основное было сказано автором в начале ее: «Отечественность в театральном сочинении, — говорит Плавильщиков, — кажется, должна быть первым предметом. Что нужды россиянину, что какой-нибудь Чингисхан Татарский был завоевателем Китая и он там много наделал добрых дел? Гораздо чувствительнее детям видеть, что их отец велик, нежели другой кто. Добрые дела везде любезны и привлекательны, но посторонние добрые дела постороннее имеют и действие над сердцами, а притом не все то добро в России, что добром почитается в других землях. Какая нам нужда видеть какую-то Дидону, тающую в любви к Энею и

беснующегося Ярба от ревности? Что нам нужды до непримиримой вражды, какова изображена в Веронских Гробницах?¹ Надобно наперед узнать, что происходило в нашем отечестве. Кузма Минин купец есть лице, достойнейшее прославления на театре, его твердость, его любовь к отечеству, для коего жертвовал он всем, что имел, непреодолимое мужество князя Пожарского и благородный его поступок при возведении на царство законного наследника извлекли бы у зрителя слезы, наполнили бы их души и сердца восхищением, и все сие послужило бы совершенным училищем, как должно любить отечество» (ч. II, стр. 128—129).

Вся остальная часть статьи представляет только развитие этого основного положения. Плавильщиков требует «создать на театре вкус, приличный нашему свойству» (стр. 133); он уверен, что «русский... театр в своем вкусе может щеголять не хуже всякого» (стр. 259). Признаки этого автор видит в успехе оригинальной русской комической оперы Аблесимова «Мельник колдун, обманщик и сват». «Отчего, — спрашивает Плавильщиков, — опера Мельник со всеми слабостями сочинения и ненаблюдениями аристотелевых правил более 200 полных представлений выдержала и всегда с удовольствием принимается, а Нелюдим, славная Мольерова комедия, никогда полного собрания не имела? Для того, что Мельник наш, а Нелюдим чужой» (стр. 131).

Чтобы отвести возможные упреки в узком национализме, Плавильщиков выступил с «Письмом к издателям» (ч. III, стр. 3—23), якобы присланным из Орла и подписанным, как указывалось выше, «Покорный ваш слуга NN». В этом письме Плавильщиков суммировал возможные возражения против своей статьи, а затем в «Ответе на критику» (ч. III, стр. 40—63) шаг за шагом отверг доводы своего воображаемого противника. Принадлежность обеих статей Плавильщикову явствует из того, что и «Письмо к издателям» и «Ответ на критику» перепечатаны в «Сочинениях» П. А. Плавильщикова (1816, т. IV).

Следует остановиться, хоть и очень бегло, еще на одном произведении Плавильщикова, напечатанном в «Зрителе» без заглавия (ч. II, стр. 306—322), а в оглавлении названном «Без надписи». Это — любопытные фрагменты то диалогического, то эпистолярного характера, в которых уже чувствуется мастерство Плавильщикова, автора комедий «Бобыль», «Сиделец» и др. В особенности интересны те отрывки, которые представляют переписку хлыновского (вятского) и питерского купцов; в этих

¹ «Веронскими гробницами» называлась в то время переделка «Ромео и Юлии» Шекспира, сделанная в 1782 г. Мерсье (П. Б.).

опытах Плавильщикова чувствуются сознательные поиски искусства, отвечающего «русскому вкусу», о развитии которого наш автор говорил в статье «Театр».

Рассмотрение произведений Плавильщикова, помещенных в «Зрителе», приводит к выводу, что задачей их была разработка программы положительных ценностей — в области национального самосознания вообще и в области национального искусства в частности. Может быть, именно поэтому статьям Плавильщикова отводилось в книжках «Зрителя» почти всегда первое место.

Этим наличием положительных материалов «Зритель» отличался от сатирических журналов 1769—1774 гг. и от «Почты духов». Во всех этих изданиях положительный идеал ощущался сквозь сатирическую ткань, не выступая самостоятельно¹ и лишь конструируясь из отрицательных фактов, сатирически поданных и освещенных. В «Зрителе» подобное изображение жизни также имелось — в статьях Клаушина и Крылова. Если сопоставить положительную программу Плавильщикова с конструируемым на основе сатирического изображения жизни положительным идеалом Клаушина и Крылова, окажется, что полного единства в рядах сотрудников «Зрителя» не было.

Объединяют их всех неоднократно заявления о том, что они делают свои «примечания» вообще, «не дерзая ни мало касаться личности» (ч. I, стр. 3). Так, Клаушин в конце первой серии своих «Портретов» в обращении «К читателю» предупреждает последнего: «Несправедливо ты судить станешь, обидишь меня, ежели подумаешь, что я описываю лица, а не пороки». Сопоставляя деятельность сатирика с «должностью медика», который истребляет болезнь, а не больного, Клаушин пишет: «Сравним с ним и сатирика: его должность осмеивать не лица, удрученные слабостями и пороками, яко действие, но слабости и пороки, яко причину» (ч. I, стр. 51—52). Вторит ему и Крылов, вкладывающий в уста богини Ночи следующий наказ сатирику: «Печатай все, что увидишь, но берегись личности» (ч. I, стр. 154—155).

Впрочем и Клаушин, и в особенности Крылов не «берегутся касаться личности»: и в «Портретах» первого, представляющих галерею сатирических характеристик, и в «Ночах», «Похвальной речи в память моему дедушке» и «Камбе» второго — много конкретных изображений литературных и политических деятелей тех лет. Так, исследователи творчества Крылова (В. В. Каллаш

¹ Исключение представляет «Историческое приключение» в «Пустомеле» (см. выше, стр. 272—274).

и др.) высказали предположение, что в лице «Антирихардсона», упоминаемого несколько раз в «Ночах» и в «Речи, говоренной повесою в собрании дураков» Крылова, осмеивается П. Ю. Львов, автор «Российской Памелы».¹ Следует отметить, что и у Клушина встречается лицо, которое «предпринимает снова уронить Рихардсона, а на сей конец и готовится выдать небольшой роман в 24 тома в лист» (ч. I, стр. 57).² Также часто затрагивается Клушиным и Крыловым некто, называемый ими «Мнимый Детуш». В. В. Каллаш и за ним Н. А. Степанов, комментируя Крылова, совершенно бездоказательно признали в этом персонаже В. И. Лукина, тогда как из контекста явно видно, что речь идет о Я. Б. Княжнине, постоянном объекте сатирических преследований Крылова в эти годы, а никак не о Лукине, уже двадцать лет назад переставшем быть активной литературной фигурой. Можно было бы без труда умножить перечень осмеиваемых Крыловым и Клушиным литературных деятелей конца 1780-х—начала 1790-х годов. Однако и так достаточно ясно, что, прокламируя теоретически отказ от «личности», сатирики «Зрителя» на деле, подобно своим предшественникам 1769—1774 гг., нападали на конкретных деятелей своего времени. Крылов даже обосновал возможность сочетания двух таких, казалось бы, исключających друг друга точек зрения. В «Речи, говоренной повесою в собрании дураков» Крылов заставляет воображаемого оратора произнести следующее: «Почему ж, возразят мне, быть может, некоторые, вооружаются вы на сатиру за то, что она нападает на порок, не указывая ни на чье лицо? Будто рассказывать дурачества разных особ не есть то же, что выставять их лица на осмеяние. Так, государи мои, не выставлены наши имена, но дела наши обнаружены» (ч. II, стр. 49). Таким образом, отказ от «личности» сатирики «Зрителя» видели в том, что прямо имена осмеиваемых людей ими не назывались. Такова была первая черта, объединявшая участников журнала.

Одинаково и их отношение к вопросам воспитания. Плавильщиков посвящает нападкам на модное воспитание много места в первой своей, как бы программной статье. Уже на первых страницах автор, говоря о примерах, в которых проявляется русский национальный характер, «кои образуют свойство душ рос-

¹ Сочинения Крылова, изд. «Просвещение», т. III, стр. 226, прим. 1; стр. 259, прим. 1; Полн. собр. соч. Крылова, изд. ОГИЗ, т. I, стр. 469.

² Лицо это Клушин называет «Миниатюркиным». Н. М. Карамзин в письме к И. И. Дмитриеву от 18 июня 1792 г. прямо указывает, что «Миниатюркин» — П. Ю. Львов (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 28).

сийских», утверждает: «Я скажу только то, что нельзя увидеть ясно врожденного свойства россиян в модном нынешнем воспитании, которое, однако ж, сколько ни силится обезобразить его, но совсем исполнить того не может. Спросят у меня, что это за чудовище такое модное воспитание? Я об нем скажу, и скажу самую истину» (ч. I, стр. 12). И дальше на протяжении ряда страниц (12—20, 176—177) Плавильщиков яростно нападает на «язву модного воспитания».

Модное воспитание служит объектом нападков и Крылова и Клаушина. «Речь, говоренная повесою в собрании дураков» Крылова представляет сатирическую «историю нашего модного просвещения» (ч. II, стр. 43). Крылов в обычной для тех лет сатирической манере заставляет своего героя-повесу восхищаться «первыми рачителями моды, французами, которые, делая нам честь, для нас оставляли в своем отечестве достоинство французских водоносов и разносчиков, чтобы образовать наши нравы и обычаи» (стр. 44). Не только французское воспитание осмеивается Крыловым. Его герой восклицает: «Говоря о просвещении, нельзя умолчать мне об агличанах. Им-то, — продолжает он, — обязаны мы искусством изъясняться с аглинскими лошадами и превращать грубых наших крестьян в стальные пуговицы и пряжки» (ч. II, стр. 45). С тех же позиций подвергается сатирическому бичеванию модное воспитание в анонимном «Покаянии сочинителя Крадуна» (ч. II, стр. 70), повидимому принадлежащем Крылову.

Не отстает от Крылова в насмешках над модным воспитанием и Клашин. В его «Портретах» встречаются «молодой просвещенный человек» (ч. I, стр. 45), «петиметр» (стр. 130—131), Ветрогон (стр. 216—217) и т. д.

В отличие от Плавильщикова и Клаушина, Крылов не ограничивается критикой одного только «модного» воспитания. С меньшей силой обрушивается сатирик и против старинного дворянского воспитания, образец которого представлен им в «Похвальной речи в память моему дедушке». Звениголов, герой этого произведения, проходит курс наук под руководством своего отца; «в пять месяцев ученик сделался сильнее учителя и с ним взапуски складывал гражданскую печать. Такие успехи утрашили его родителя. Он боялся, чтобы сын его не выучился бегло читать по толкам [т. е. слитно, не по слогам] и не вздумал бы сделаться когда-нибудь академиком, а потому-то последнюю страницу букваря кончил его курс словесных наук. „Этой грамоты для тебя полно, — говорил он ему, — стыдись знать более: ты у меня будешь барин знатной, так непристойно тебе читать книги“» (ч. III, стр. 70—71).

Таким образом, в этом пункте Крылов не примыкает к Плавильщикову, идеализирующему старинные российские добродетели и все бедствия современного ему общества видящему в «язве модного воспитания». Расхождение это не случайно и не имеет частного характера. И Крылов и Клушин видят в воспитании одно из основных условий, определяющих отношение человека «из общества» к крепостным крестьянам.

В то время как Плавильщиков, как было показано выше, изображал взаимоотношения помещиков и крестьян в слащавых тонах «Народного игрища» из «Кошелька» (1774), Крылов и Клушин в модном воспитании видят причину роскоши, которая является источником разорения помещиков и гибели крестьян. «Но обратимся к роскоши, — пишет Клушин, — сему стремительному источнику, который все поглощает и, подобно Везувию, извергает из себя единый смертоносный состав для человечества. . . Имение, нажитое трудами праотцев, отдается селениями во французские и аглинские магазины; крестьяна сих гибельных сынов отечества [молодых дворян, зараженных роскошью] стонут от поборов, человек влечется во узах и становится в меру для исполнения безумных желаний его властителя — для содействия модного фрака, жилета, для щегольской кареты, ливреи, для стола, на котором уставлены сладострастные блюда и от которых восходящие пары поглощает тучный обжора». Клушин предлагает дворянину, расточающему свое имение на прикоти и затем роскоши, обратить свой взор на крепостных: «О если бы посмотрел он на состояние своих крестьян пронизательными глазами! увидел бы, чего мнимая его великость стоит им. Не поту, который орошает беспрестанные труды их, но слез и самой крови» (ч. I, стр. 218—220).

Крылов также то специально, то мимоходом останавливается на положении крепостных, приносимых в жертву помещичьим роскошеством. Этой теме в основном посвящена одна из наиболее сильных антикрепостнических сатир XVIII в. — «Похвальная речь в память моему дедушке» (ч. III, стр. 63—80). Касается этой темы Крылов и в цитированном выше отрывке из «Речи, говоренной повесой в собрании дураков», и в «Ночах», вспоминая, что «крестьянин потеет и трудится целые годы, чтобы выплатить колесо богатой кареты или пуговицу с кафтана своего господина Промотова, которых он никогда не увидит» (ч. I, стр. 232).

Вообще, рассмотрение сатирических произведений XVIII в., в особенности конца его, в которых наши писатели нападали на роскошь, на французские и английские моды, модные магазины и т. п., приводит к выводу, что это была иносказательная кри-

тика крепостного уклада, продиктованная цензурными условиями эпохи. Впрочем, и в этих обстоятельствах сатирики «Зрителя» находили достаточно сильные средства, чтобы выразить свое возмущение и негодование злоупотреблениями крепостников: «Кого я вижу? — спрашивает Клушин в своих «Прогулках». — Г. Расточилова. Не могу удержаться восхищения, которое возродилось во мне к нему с того времени, как сей просвещенный муж триста пахотных мужиков сделал преподлезными гражданами для отечества, то есть преобразил их в левцов, актеров, тансеров и музыкантов. . . говорят, что и они оправдали его выбор, ибо все думают, что они для сохи и рождены не были и что отечество должно их кормить на счет хлебопашцев. Последний анекдот сего великого человека должен составить эпоху в нашей истории: за две своры гончих собак отдал он с величайшим хладнокровием пять семей крестьян. Тот безрассуден, кто осмелится упрекнуть его, что он мало человечество уважает и что не столь же полезен для общества, как и славные его гончие» (ч. I, стр. 214—215).

Вопрос о дворянстве привлекал внимание сотрудников «Зрителя» и независимо от проблемы отношений между дворянами и крепостными. В анонимной статье «О дворянстве» (ч. III, стр. 150—154) проводится мысль, что дворянство должно не только давать права, но возлагать большие моральные обязанности на тех, кому оно присваивается. Поскольку дворянство, по мнению автора, — награда за добродетель, постольку «еще славнее предавать такое дворянство, коним одолжены самим себе» (стр. 153), т. е. быть родоначальником дворянского рода, а не потомком. Такая же мысль проводится и в «Похвальной речи в память моему дедушке» Крылова. Особенно отчетливо выражено это в той части «Речи», где говорится о происхождении Звениголова. Это, пожалуй, самое антидворянское место в данном произведении.

Выше было указано расхождение между Плавильщиковым, с одной стороны, и Клушиным и Крыловым, с другой, в изображении отношений помещиков и крепостных. Но такое же расхождение заметно и в вопросе о торговле. Для Клушина и Крылова торговля иностранцев, французов и англичан, — причина разорения и помещиков и в особенности крестьян. Плавильщиков не вдается в анализ причин и следствий роскоши и торговли, удовлетворяющей ее потребности. Развитие отечественной торговли для него важно само по себе. В статье «Мир» Плавильщиков уделяет довольно много места рассуждениям о выгодах, которые приобрела торговля от прекращения военных действий и заключения мира. Хотя изображаемые им в этой части

статьи купцы, Михай Силуянович и Оксень Касмиц, беседуя о своих делах и о купцах-«наземцах» (иноземцах), мимоходом и отмечают, что иностранные товары «прихотные», однако они мечтают о том, чтобы взять внешнюю торговлю в свои собственные руки и остаться «с прибылью, да еще и с такою, какой отцам нашим, — говорит один из них, — никогда и во сне не видалось» (ч. I, стр. 96—100).

Не менее противоречива и политическая позиция «Зрителя». Статьи Плавильщикова, в особенности его «Мир», проникнуты глубоким и, повидимому, искренним преклонением перед Екатериной II, перед ее политической линией. Такими же восхвалениями императрицы переполнена ода Вас. Свистуновского «На мир России с Портою, заключенный декабря 29 дня 1791 года». Ода эта выдержана в ломоносовском духе и местами представляет простую перефразировку од Ломоносова. Но, наряду с этим, ощущается воздействие Державина, правда, не в сатирическом плане, а в плане идеализации образа Екатерины.

Наряду с панегириками Екатерине и ее политике, в «Зрителе» находит место и самая злая ирония в отношении монархини. «Восточная повесть» Крылова, озаглавленная по имени главного героя — «Каиб», представляет наиболее политически острое сатирическое произведение русской литературы XVIII в. К сожалению, в «Каибе» принято видеть только забавную и занятную повестушку, а на основную мысль этого произведения как-то не обращают внимания. Может быть, причиной этого является то, что идея повести проведена достаточно скрытно и что чисто сюжетная сторона, искусно построенная, заслоняет идейную. По форме «Каиб» представляет обычную «ориентальную повесть», каких после галаановского перевода «1001 ночи» появилось в Европе огромное количество. Восточный государь Каиб, пресыщенный властью, богатством, любовью женщин, томится от скуки. Однажды бессонной ночью Каиб спасает мышь от преследований кошки. По словам автора, одной из причин того, что Каиб принял бедную мышку, прыгнувшую в его постель, под свое покровительство, было следующее: «он начитался, что в таких случаях делаются великие чудеса, как прекрасная Шехерезада, сей неподражаемый историк его предков свидетельствует, а Каиб верил сказкам более, нежели Алкорану, для того что они обманывали несравненно приятнее» (ч. III, стр. 102).

«Дело и подлинно кончилось чудом, — продолжает Крылов; — менее, нежели в минуту, мышь превратилась в прекрасную женщину. „Какой вздор!“ — скажет любезный мой читатель, но прошу не дивиться: в Каибов век была такая мода на чудеса, как ныне на аглинские шляпки, и тот дом, в котором не случа-

лось в неделю, по крайней мере, два чуда, был так же смешон, как ныне дом, где не играют в карты» (стр. 102—103).

Эти саркастические замечания по поводу сказок, которые «обманывают несравненно приятнее», нежели религия, по позоду веры в чудеса, вызывавшей скептицизм у трезвых читателей конца XVIII в., не исчерпывают иронических суждений Крылова об отношении к «невероятностям»: Каиб наутро после ночного приключения с мышкой-феей видит у себя в руках перстень с длинной надписью; изложив этот эпизод, Крылов прибавляет: «„Вот довольно огромная для перстня надпись! — скажет критик. — Может ли она уместиться на перстне? Это невероятность“. Очень сожалею, когда свет ныне так испортился, что не верит сказкам» (стр. 106).

Это настойчивое подчеркивание сладостного обмана сказок, вздорности веры в чудеса, необходимости скептического отношения к невероятностям — и все это в применении к проблеме идеального государя, ибо именно таким идеальным государем представляется раскаявшийся в конце повести Каиб, — вот это и составляет смысл крыловского произведения. «Не верьте в возможность существования идеальных государей, — говорит «Каиб» Крылова. — Это возможно только в волшебных сказках!».

Но еще более злой выходкой сатириком «Зрителя» представляется помещение вслед за окончанием «Каиба» статьи «О умеренности в забавах» (ч. III, стр. 307—313). Это небольшое рассуждение, якобы переведенное с французского, завершает последнюю книжку «Зрителя» и, вместе с «Каибом», должно было, по видимому, наталкивать тогдашних читателей, при сопоставлении идеального Каиба с реальной Екатериной, на мысль о ее «забавах», отнюдь не вызывавших уважения со стороны ее подданных. Статья написана осторожно, но все же намеки на Екатерину достаточно ясны: «Почтительная старость есть награждение мудрого, но она не может быть таковою, есть ли влечет за собою юношеские ветренности. . . Привычка. . . к забавам постоянная и непрерывная производит скоро в нас неизлечимое отвращение, а принужденное к оным поощрение — нечувствительность и самое распутство, унижающее человечество» (ч. III, стр. 310—312). Как это далеко от панегириков Екатерине со стороны Плавильщикова!

Таким образом, и политическая линия журнала оказывается столь же невыдержанной, как и социально-экономическая.

Литературная позиция «Зрителя» менее сложна и противоречива, чем социально-экономическая и политическая. И Плавильщиков, и Клушин, и Крылов в одинаковой мере являются противниками крайностей классицизма и упрочивавшегося в те годы сентиментализма. Сотрудники «Зрителя» исходили при

этом из требований формировавшегося в то время национального искусства. Именно этим общим критерием характеризуются и нападки Крылова на оды и идиллии в «Каибе», и резкие оценки им и Клушиным комедий «Мнимого Детуша» — Княжнина и сентиментальных повестей и романов «Антирихардсона» — Львова, наконец, теоретические рассуждения Плавильщикова в статье «Театр», где проводится мысль, что «мещанская или гражданская трагедия» и драма (разницы между которыми автор не ощущает) являются высшим и наиболее трудным драматическим родом.

Литературно-художественный материал «Зрителя» крайне пестр. Наряду с обильно рассыпанными на страницах журнала стихотворениями эротического характера («Поцелуй, 1—3» Плавильщикова, «Романс» Клушина, его же сказки «Опекун и питомица» и «Несчастье от лорнета» в духе французской «легкой поэзии»), в журнале печатались прозаические переводы Захарова из Оссиана («Ойна-Моголь» и «Дартула»), стихотворение крепостного И. И. Варакина «Долина», повидимому навеянное «Сельским кладбищем» Грея, перевод которого был помещен в 1785 г. в «Покоящемся трудолюбце» и в 1789 г. в «Беседующем гражданине»; печатались здесь же переводы Андрея Бухарского из Катуллы, из Сафо, из «Антологии» (правда, не с оригинала, а с французских переводов). И здесь же находят место «Ода на мир России с Портою» В. Свистунского, перевод поэмы Цахаризэ «Четыре возраста женщины», басни Д. И. Хвостова, и т. п.

Невольно возникает и крепнет убеждение, что материал, заполнявший страницы «Зрителя», помимо произведений главных его сотрудников, имел случайный характер.

Эта пестрота литературного отдела, вместе с установленным выше отсутствием единства в социально-экономическом, политическом и литературном направлении журнала, создает впечатление, что «Зритель» представляет скорее конгломерат, чем стройное целое.

Так, несомненно, что Крылов уже в эти годы все больше и больше становился реалистом, хотя окончательно завершился этот процесс только в басенный период его творчества. Также несомненно, что Клушин в 1792 г. еще противник сентиментализма, но признать его творчество этого периода реалистическим без натяжки нельзя, а в следующем году он пишет сентиментальные повести. И совсем другое дело Плавильщиков, который умел сочетать интерес к «мещанской или гражданской трагедии» и драме с приверженностью к «правильной» классической трагедии; «Сумароков, Княжнин, Херасков, Николев, Майков и другие сочинители трагедий, — пишет Плавильщиков, — суть дока-

зательством, что у нас они есть, а представления оных и слезы зрителей уверяют, что есть и актеры» (ч. III, стр. 47).

Все эти данные приводят к выводу, что полного единства во взглядах трех основных участников «Зрителя» не было и хотя это был орган «третьего сословия», но целостным и выдержанным по направлению журнал не был; по крайней мере, создается впечатление, что участие Плавильщикова лишало журнал Крылова и Клушина единства направления. Конечно, оба сатирика не могли не ощущать двойственного характера помещавшегося в «Зрителе» материала. Невольно возникает вопрос, зачем же они мирились с таким положением вещей. Ответ на это можно дать лишь предположительный. Во-первых, нельзя мерить идейную выдержанность изданий XVIII в. мерками конца XIX и даже XX в. Во-вторых, не исключена возможность, что введение Плавильщикова в состав основных сотрудников «Зрителя» и печатание его статей на первом месте преследовало цели цензурной маскировки.

Должно быть, взаимоотношения между сотрудниками «Зрителя» были не особенно хорошими. Во всяком случае, в следующем журнале Крылова, в «Санкт-Петербургском Меркурии», Плавильщиков участия уже не принимал.

Внутренняя история журнала «Зритель» мало известна. В 1899 г. были опубликованы документы, из которых стало ясно, что со стороны екатерининского правительства журнал подвергался преследованиям. В марте 1792 г. в типографии Крылова был произведен обыск; «осмотр, — как сообщалось в письме петербургского губернатора П. Коновницына П. А. Зубову, — учинен частным приставом, но вредных сочинений не нашлось». Были отобраны у Крылова «оригинальное сочинение под названием „Мои горячки“», а от Клушина, у которого в комнате был также произведен обыск, было взято письменное объяснение по поводу содержания его рукописи «Сатирические, философические и аллегорические сны». Намеренно сбивчивое изложение Клушина не оставляет сомнения в том, что в криминальном произведении с симпатией изображались французские революционные события и осуждались действия европейских реакционных правительств. В результате обыска за типографией, как и за Крыловым и Клушиным, было установлено наблюдение. Из полицейских документов явствует, что Плавильщиков не одобрял некоторых произведений Клушина. К сожалению, до нас дошли только отрывки из этого дела, и неизвестно, какие последствия для журнала имел обыск.¹

¹ Рождественский Н. В. И. А. Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 г. М., 1899, стр. 7—16.

Из отзывов современников о «Зрителе» известно только несколько пренебрежительных замечаний Карамзина в письмах к И. И. Дмитриеву. Карамзин считает главным действующим лицом журнала А. И. Клушина, о котором насмешливо и презрительно говорит как о ничтожном противнике, а о «Зрителе» отзывается как об издании, жестоко разящем «петербургских актеров нижнего разбору и Венериных жриц».¹ Одно место в письме Карамзина от 3 января 1793 г. с запросом о том, действительно ли издателей «Зрителя» брали под караул,² является, по видимому, поздним отголоском обыска в крыловской типографии, состоявшегося в марте 1792 г. Впрочем, возможно, что у Карамзина речь идет о чем-то другом.

Сведений о тираже «Зрителя» не сохранилось. В списке «особ, подписавшихся на сие издание», находится 105 лиц, но этим тираж едва ли исчерпывался.

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕРКУРИЙ»

(1793)

Последний журнал, издававшийся Крыловым, носил название «Санкт-Петербургский Меркурий». В русской журналистике это было первое издание, в названии которого составной частью было имя римского бога торговли, дорог, путешествий — Меркурия, вестника богов, символа связи, информации, быстрой передачи новостей. На Западе с середины XVII в. многие издания носили названия, в состав которых входило имя Меркурия. В 1672 г. известный французский драматург Донно де-Визэ стал издавать журнал «Mercure galant», в котором были сообщаемы придворные, светские и литературные новости; а также печатались анекдоты, стихи, обзоры мод и рецензии нововыходящих книг. Журнал продолжал издаваться под названием «Mercure de France» и просуществовал без перерыва до первой четверти XIX в., сохраняя в основном характер, приданный ему его организатором. Этот парижский «Меркурий» был журналом настолько определенного типа, что когда Крылов прекратил издание «Зрителя» и стал выпускать в свет «Санкт-Петербургский Меркурий», то это означало переход от одного журнального типа (сатирического) к другому (общелитературному).

¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 17, 26, 27, 28, 33. К письму 15 (стр. 16—17) см. упомянутую выше брошюру Н. В. Рождественского (стр. 8, примеч.).

² Письма Н. М. Карамзина, стр. 33.

С: ПЕТЕРБУРГСКІЙ

МЕРКУРІЙ,

ежемѣсячное изданіе

1793 года.

МѢСЯЦЪ ГЕНВАРЬ.

Часть Первая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ типографіи И. Крылова съ товарищи,
1793 года.

«Санкт-Петербургский Меркурий» (1793).

«Санкт-Петербургский Меркурий» Крылов издавал совместно с Клушиным в течение 1793 г. В «Предисловии» к первой книжке журнала издатели сообщали: «Цель издания нашего двоякая: и желание угодить, и быть полезным нашим читателям. Мы имеем множество периодических изданий; много хороших; но едва ли есть на нашем языке два журнала, подобных журналам иностранным. В них или мало, или совсем ничего нет свойственного журналам. Для чего не сказать публике, — продолжают Крылов и Клушин, — о новых произведениях российской литературы? Для чего не возвестить о театре, что на нем играно особливо нового, и как играно? — Сие право дозволенное, и мы хотим им пользоваться. Наши замечания, наши суждения по сей части не есть суждения деспотические. Рецензор [т. е. рецензент] ошибается, критик восстает и исправляет его погрешности, а вот уже очевидная польза для наших словесных наук» (стр. III—IV).

Далее Крылов и Клушин указывали, что «сочинения в стихах и прозе, подражания и переводы издателей» будут печататься с их именами. «Какая нужда скромничать именем, — прибавляют они, — ежели цель сочинения не противна благонаравию и не нарушает ничьего спокойствия?» (стр. V). Таким образом, хотя и косвенно, мимоходом, издатели подчеркивали, что журнал не будет печатать «противное благонаравию» и не станет «нарушать ничьего спокойствия». Очевидно такое заверение в благонамеренности журнала было необходимо после прекращения «Зрителя», явно переступавшего границы «благонаравия» и «спокойствия».

Издатели ввели отдел «Российские анекдоты» (материал для него доставлялся преимущественно Клушиным, иногда Алдром Струговщиковым и др.), стали, вслед за «Московским журналом» Карамзина, давать сведения о новых книгах, помещали театральные рецензии, печатали в большем количестве, чем в «Зрителе», стихотворения (иногда они занимали более трети всей книжки, а в последней, двенадцатой, — пять восьмых).

Оригинальная проза доведена до минимума. Две сатирические «речи» Крылова, сентиментальная повесть Клушина «Несчастный М-в», сентиментальное «Пробуждение», напоминающее карамзинскую «Деревню», — вот и все, что «Санкт-Петербургский Меркурий» представил читателям по части «сочинений в прозе и подражаний».

Общее впечатление, оставляемое «Санкт-Петербургским Меркурием», значительно слабее, чем от «Зрителя» и «Почты духов». События 1792 г., как европейские, так и русские, рост реакционных настроений в политике Екатерины, наконец быстрое развитие революционной борьбы во Франции в 1793 г., вызвавшие усиление и так уж чрезвычайно строгой и придирчивой цензуры,

привели к тому, что в журналистике можно было пробавляться только эротическими сказочками вроде «А муж? — Он спит. Приятный сон!» (Санкт-Петербургский Меркурий, ч. I, стр. 52—65), «Лунатик по неволе» (ч. II, стр. 91—112) и т. д. Но даже и эти невинные пустяки не оставались без строгого надзора цензуры. Характерен в этом отношении один эпизод: в июньской книжке «Санкт-Петербургского Меркурия» было помещено стихотворение А. Бухарского «Наказанное хвастовство. Сказка, взятая из истории» (ч. II, стр. 200—212). Сюжет сказки был взят автором из Геродота и представлял предание о лидийском царе Кандавле (Бухарский, пользовавшийся, повидимому, французским переводом, называет его «Кандол»). Согласно Геродоту, царь страстно любил свою супругу, и, когда его приближенный Гигес восхвалял однажды царицу, Кандавл решил, тайно от жены, показать Гигесу ее в момент раздевания. Спрятанный в опочивальне царедворец неосторожным движением обнаружил свое присутствие. Разгневанная царица, узнав от Гигеса обстоятельства, приведшие его в опочивальню, обращает свою ярость против Кандавла, заставляет Гигеса убить ее мужа и затем становится женой захватившего власть Гигеса. В сказке Бухарского конец скомкан:

Когда все так, я говорю, —

воскликает царица, —

То гнев свой весь я усмирю,
Но чувства им мои пылают —
Я гнев к супругу обращаю.
Он виновен, так ему отищу,
Как женщины мужьям отищают.

Дальше Бухарский, очевидно под давлением цензуры, так передает кровавую развязку истории Гигеса:

Царев любимец сей расстроен,
Вспален, испуган, воскищен,
В различны страсти погружен,
Не знал, как с делом развязаться,
Но должен был царице сдаться

(ч. II, стр. 212).

Следом вмешательства цензуры, кроме отсутствия кровавой развязки, является оставшееся без рифмы сказуемое в первом стихе приведенного отрывка.

Если подсчитать количество опубликованных в «Санкт-Петербургском Меркурии» произведений Крылова и Клушина, окажется, что последний бесспорно играл главную роль в журнале,

Ему принадлежит 14 стихотворений и поэм, большая повесть, рецензия на «Вадима» Княжнина и ряд «российских анекдотов». Произведения Клушина печатались преимущественно на первом месте. Стихотворения других авторов часто сопровождалась примечаниями, подписанными Клушиным. Характерно, что Н. М. Карамзин в письмах к И. И. Дмитриеву считал «Санкт-Петербургский Меркурий» журналом одного только Клушина: «Скажи, пожалуй, — писал Карамзин 4 мая 1793 г., — что у Вас говорят о периодическом сочинении Клушина, о его важных замечаниях, анекдотах, рецензиях, несчастном М-ве».¹ Через месяц (2 июня 1793 г.) Карамзин снова упоминает о «Меркурии». «Но ныне мне, право, и критиком быть не хочется, в то время, когда Клушины издают журналы, пишут рецензии и т. д.»² Вероятно, Клушин и в самом деле был лицом, задававшим тон в журнале, а Крылов отошел постепенно в сторону.

Литературная позиция «Санкт-Петербургского Меркурия» еще сложнее и противоречивее, чем позиция «Зрителя». Стихотворения Клушина, Крылова, А. Бухарского, И. И. Мартынова и др. представляют смесь влияния Державина, даже Ломоносова, чистейшего сентиментализма и «легкой поэзии»; здесь налицо и оды, и дружеские послания, и мадригалы, и флиртующие сказочки, которым отдавали в это время дань и правоверные сентименталисты, вроде И. И. Дмитриева.

Для определения литературных вкусов журнала имеет значение помещенное во второй части «Меркурия» «Рассуждение об оде» «из соч. д'Аламберта» (ч. II, стр. 114—129). Основная мысль этого трактата состоит в том, что «правила» в оде не столь важны, как вкус, мысли и душа. «Великие художники во всяком роде, — пишет Даламбер, — имели почти одно правило; оно состоит в том, чтоб не быть холодными и скучными» (стр. 116). Отсюда автор делает дальнейший вывод: «Итак, оставим определения, рассуждения и законодательства всякого рода и будем учиться из образцов» (стр. 117). Отметив, что ода не пользуется во Франции симпатиями публики, Даламбер указывает, что «благосклонной прием, какового ода, кажется, лишилась, повидимому перешел ныне к эпистолам» (стр. 123—124). По мнению автора, эпistolы, менее нарядные, чем оды, позволяют пользоваться более слабыми стихами; «она [эпистола] представляется скромно и без пышности» (стр. 124). Самое важное в посланиях Даламбер видит вот в чем: «При всем том и философия, сия философия, которая самоизвольно или по при-

¹ Письма Н. М. Карамзина, стр. 36.

² Там же, стр. 36.

нуждению вежде втирается, думает, что она и тут более в своем месте, поелику она тут свободнее и более может располагать своим тоном» (стр. 124—125).

Таким образом, появление в «Санкт-Петербургском Меркурии» и несколько ранее в «Зрителе» первых в русской поэзии дружеских посланий представляет не случайный факт, а явление самостоятельное, хотя и аналогичное современному состоянию европейской литературы. В «Санкт-Петербургском Меркурии» печатаются в переводе «Индийская повесть» Вольтера, «Опыт о человеке» Попа, идиаллии Геснера, Галлера, сентиментальная «Ночная прогулка» и т. п. На страницах журнала находит место большая панегирическая статья «О Ричардсоне» (в переводе с французского Федора Пучкова), в которой попутно дан очень хвалебный отзыв о Руссо. Если вспомнить нападки на «Антирихардсона» в «Зрителе», такое изменение отношения к английскому романисту представляется знаменательным.

Еще значительнее тот факт, что Клушин печатает в «Меркурии» своего «Несчастливого М[асло]ва». Герой произведения, почувствовав любовь к своей ученице Софье, охотно проводит время в глухой части сада. «Уныл, нередко орошал слезами цветы, украшающие место его уединения. Обращая взоры на окружающие себя предметы, он воспевал потерю своей вольности. Юнг и Попе были от него отброшены. Вертер и Новая Элоиза лежали на томящейся груди его» (ч. I, стр. 159). Когда отец Софьи разлучает любовников, Маслов душевно перерождается: «Веселый нрав, острота разума, которым он прежде оживотворял общества своих приятелей, увяли. Он беспрестанно помышлял о Софье, стонал в уединении, трепетал и помыслить изменить своей скромности, боготворил в тишине души. Глубокая меланхолия пригупляла его чувствования. Он переродился совершенно. Вертер и портрет Софьи не выходили из рук его. Чтение первого увеличивало движение души его и делало несносными его несчастья; последний впечатлевал в сердце черты любезной, и соединенными силами восставали противу твердости его, которая давно уже поколебалась. — Вертер! — вскричал он, — ты понес с собою во гроб ленточку Шарлоты, портрет Софьи драгоценнее для меня. Когда существо мое превратится в ничтожество, когда душа моя обратится к своему началу, он будет со мною, — в моем сердце. Время все истребит, миры разрушатся, величественные светила падут, неизмеримый океан иссохнет, — любовь моя к Софье продолжительнее самой вечности» (стр. 196—197).

И приведенные отрывки, и вся повесть, и в особенности «Эпитафия», сочиненная Масловым самому себе, показывает, как глубоко проникли черты преромантизма в творчество Клу-

шина. Это никак не стилизация, которая всегда выдает себя каким-нибудь фальшивым звуком. Несомненно, что эта повесть — вполне искреннее и непосредственное произведение Клушина.

Но одновременно с повестью «Несчастный М-в», отмеченной следами знакомства с творчеством Гете и новой преромантической поэзией, Клушин резко высказывается против Шиллера, Лессинга, Коцебу. Для него произведения новейших немецких драматургов — «безобразные выродки литературы, в которых нет никаких правил, даже самого важного — единства действия». Клушин обрушивается на сторонников преромантического искусства: «И есть люди, которые предпочитают немецкие драмы французским. — Отчего же? Оттого только, что, читая последние, не понимают, каким образом играть их. Что думать о сих знатоках? Или что они не знают правил театральные, как и того, что значит самая драма, или слепое имеют пристрастие к немчизне» (ч. I, стр. 67—68, примеч.).

Едва ли можно видеть в этих нападках Клушина на приверженцев новых литературных течений (как небезосновательно полагают исследователи — на Карамзина и др.) отстаивание требований создать национальное русское драматическое искусство, выдвинутых в «Зрителе» Плавильщиковым в статье «Театр». Нигде в «Санкт-Петербургском Меркурии» Клушин не обнаруживает стремления реализовать в какой-либо форме предложения Плавильщикова. Противоречия в его теоретических воззрениях так и остаются несогласованными и необъяснимыми.

Говоря о литературной деятельности Клушина в «Санкт-Петербургском Меркурии», нельзя обойти вниманием введенный им отдел «Российские анекдоты». В короткой вступительной заметке «От издателей», написанной безусловно Клушиным (почти все «анекдоты» были сообщаемы им, Крылов не поместил ни одного), указывается, что, в то время как существуют многочисленные томы исторических анекдотов французских, английских и немецких, в которых отмечены выдающиеся или странные факты из жизни людей соответствующих народов, у нас таких изданий нет. «Неужели, — спрашивает автор, — мы не имеем ни одного анекдота, образующего некоторым образом свойство нации? Конечно, есть, — продолжает он, — но оставляются без внимания» (ч. I, стр. 82—83). Ни одного сколько-нибудь действительно замечательного эпизода, или «анекдота», как называет их Клушин, в «Санкт-Петербургском Меркурии» мы не находим. Но самое желание показать «некоторым образом свойство нации» связывает «Санкт-Петербургский Меркурий» со статьей Плавильщикова в «Зрителе» «Нечто о врожденных свойствах душ российских».

Количественно меньший вклад Крылова в «Санкт-Петербургский Меркурий» качественно представляет, бесспорно, самое ценное в этом журнале; однако сопоставление произведений Крылова, опубликованных во второй половине 1793 г., с тем, что было им дано в «Почте духов» и в «Зрителе», приводит к выводу о несомненном приглушении — именно о приглушении, а не об утрате — прежней социально-политической остроты его творчества. Можно даже заметить, что в первых книжках «Меркурия» Крылов еще сохраняет в значительной мере связь с собственными тенденциями поры «Почты духов» и «Зрителя» и лишь позднее, с июня 1793 г. (в майском номере журнала не было ни одной пьесы Крылова), исчезают произведения с сатирическими темами, сменяясь дружескими посланиями («Мое оправдание. К Аниуте», «К другу моему А. И. К[лушину]»), одами («Ода на случай фейерверка», «К счастью»), песнями («Мой отъезд») и т. д.

«Похвальная речь науке убивать время, говоренная в Новый год» (ч. I, стр. 22—52) тесно примыкает к сатирическим «речам» «Зрителя». Оратором у Крылова является человек из светского круга, один из тех, «которой целый год одевался и раздевался, причисывался и растрепывался», «кто пропрыгал и прошаркал триста шестьдесят шесть дней», кто «целые двенадцать месяцев таскал попустому свою голову» (стр. 23).

Речь его посвящена доказательству тезиса, что «наука убивать время есть одна наука, прямо достойная благородного человека, которой умеет чувствовать, что небо дало ему голову только для того, чтобы она пересказывала, когда желудку его нужна пища» (стр. 24). Далее в привычных для этого жанра иронических тонах оратор констатирует, что «молодые люди наши, воспитанные в глазах французских гувернеров и в виду гоньчих и борзых собак, наполняются благородною страстию расточать время», что «по прошествии юности учителя отдают их с рук на руки французским ростовщикам, иностранным магазейнам и театральным сборщицам сердец», что «в сем новом свете получают они новые способы убивать время и иногда в одной переписке векселей не видят, как проходят целые годы» и т. д. (стр. 28—29). Оглядываясь на своих слушателей, оратор, среди прочих присутствующих, с удовольствием видит «почтенных старичков, которые с таким же просвещением входят в мону, с каким вошли в колыбель, и еще кажутся младенцами. Они примечают глубокую свою старость только потому, что им нельзя грызть орехов». Эти-то «почтенные старички» дают оратору повод произнести следующую злоую тираду: «Какая скромность! проносить семьдесят лет голову и не сделать из нее

никакого употребления! Прожить век на скотном дворе и ограничить отличие свое от животных только тем, чтоб ходить на двух ногах! иметь душу и не дать никому приметить, что ее имеешь, или, что еще более, самому этого не заметить! вот чрезвычайная умеренность, которой не понимают тщеславные философы, хотя умеренность они и проповедают» (стр. 31).

Наш оратор считает, что «делать, ничего не делая, говорить, ничего не сказывая, — вот два сильнейшие способа убить время» (стр. 41). Как образец людей, превосходно осуществлявших эти способы, оратор приводит сплетника-карьериста Подлона, расточителя Замотова, шулера Подборова и, наконец, писателя Скукобрёда. Изложив «теоретические» и «конкретные» материалы, связанные с рассматриваемой темой, оратор, следуя правилам сочинения похвальных речей, подводит в заключении итог своему слову: «Теперь, милостивые государи! надеюсь я, что вы можете чувствовать, что есть наука убивать время, можете видеть ее необходимость и силу в большом свете. Главная уловка состоит в том, чтобы никогда не думать. Педанты скажут, что это невозможно, но вы, не вдаваясь в словесные споры, можете им доказать истину на самом деле. Правда, молодым девушкам очень пристало иногда задумываться, но думать — никогда. Это ремесло прилично только тем низкорожденным людям, которые не могут обойтись без своей головы и которые имеют бесстыдство не различать нас с обезьянами» (стр. 49—50).

Такова эта речь, посвященная на первый взгляд невинной теме — «науке убивать время». В 1792—1793 гг., когда вся феодальная Европа с ужасом и проклятиями слушала антидворянские лозунги парижских революционеров, выступление с такой «речью» было равносильно публичному признанию солидарности с творцами этих лозунгов. И только на фоне событий Французской революции должно рассматривать крыловскую «Похвальную речь науке убивать время», только в этой связи может она быть правильно понята, только в таком случае она перестанет представляться *quantité négligeable* и займет законное место среди лучших и живейших откликов на европейские события.

Значительно менее политически остро, на первый взгляд, последнее сатирическое произведение Крылова в «Санкт-Петербургском Меркурии» — «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей» (ч. II, стр. 26—55). Имя «Ермалафид» было придумано Крыловым на основе семинарского слова «ермолафия», что означает «шумная, бестолковая болтовня, пустословие». ¹ «Похвальная речь Ермалафиду», как и остальные

¹ Даль в. Толковый словарь, т. I, табл. 1299; ср.: Грот Я. К. Труды, т. II, стр. 92, примеч.

произведения Крылова в этом жанре, в форме панегирика высмеивает какого-то молодого писателя. Со времен Я. К. Грота (1867) принято считать, что «речь» эта «явно содержит в себе многие черты, которые могут относиться только к Карамзину».¹ В доказательство своего тезиса акад. Грот привел ряд более или менее убедительных сопоставлений, с одной стороны, тех намеков, которые заключаются в «Похвальной речи» Крылова, и близких мест из произведений Карамзина, — с другой.² Но едва ли можно согласиться с этим мнением. Даже Я. К. Грот вынужден был признать, что «конечно, далеко не все в Ермалафиде может быть применено к Карамзину: иное относится к другим; так, например, под комедией, написанной Ермалафидом после трагедии, разумеется, вероятно, какое-нибудь современное подражание Мельнику Аблесимова или Сбитенщику Княжнина: „На сцене появляется целый народ в лаптях, в зипунах и в шапках с заломом — в парадизе раздались радостные восклицания“ и т. д.».³ С этими замечаниями акад. Грота нельзя не согласиться. Вероятно, Крылов, вышучивая комедию Ермалафида, имел в виду псевдонародное «игрище невзначай» Н. А. Львова «Ямщики на подставе». В пьесе Ермалафида Крыловым скорее всего осмеивался жанр комической оперы с ее якобы народными персонажами («сапожники, разнощники, каменщики»), прикрашенным изображением жизни («на сцене появлялись флажки», «на сцене заплясали», стр. 47).

Нельзя согласиться, в то же время, с мнением Я. К. Грота о том, что к Карамзину относятся обвинения Крылова в смешении Ермалафидом в одном произведении признаков разных жанров: «Удивительная способность, Мм. гг! часто дописав до половины свое сочинение, он еще не знал, ода или сатира это будет; но всего удивительнее, что и то и другое название было прилично...». Приведя эту цитату, акад. Грот пишет: «Здесь Карамзин, вместе с некоторыми другими стихотворцами Московского журнала, осуждается за несоблюдение наружных форм различных родов поэзии, что в то время было еще ново».⁴ Натянутость этого объяснения очевидна; есть ли необходимость привлекать неопределенные «несоблюдения» Карамзиным «наружных форм различных родов поэзии», когда как раз в смешении оды и сатиры обвиняли Державина в связи с его «Фелицей» и другими произведениями?

¹ Там же, стр. 92.

² Там же, стр. 91—94.

³ Там же, стр. 94.

⁴ Там же, стр. 93.

Вообще «Ермалафид», по замыслу Крылова, — не какое-либо конкретное лицо из современных литературных деятелей, а собирательный тип «молодого писателя». Так, Ермалафид заявляет: «Довольно долго страдала республика ученых, стесненная правилами: я родился их разрушить и для того-то хочу развязать своим примером молодые умы; хочу писать без правил и доказать на самом деле, что словесность есть свободная наука, не имеющая никаких законов, кроме воли и воображения» (стр. 43). Таким образом, всякое нарушение «правил», проявляется ли оно у Державина, у авторов комических опер, у Карамзина и его последователей (любопытно, что в «Похвальной речи» снова упоминается «Антирихардсон», стр. 41), вызывало протесты Крылова. Не случайно и то обстоятельство, что «оратор», сам «молодой писатель», произносит свое похвальное слово Ермалафиду «в собрании молодых писателей».

Для Крылова «молодые писатели» — разновидность тех светских людей, которых он изобразил в своей предыдущей сатире, в «Похвальной речи науке убивать время». Подобно тому как в этой речи подвергалась осмеянию основная черта светского человека, состоящая «в том, чтобы никогда не думать» (стр. 50) и «делать, ничего не делая, говорить, ничего не сказывая» (стр. 41), так в «Похвальной речи Ермалафиду» молодые авторы осмеиваются за свой дилетантизм и за светскую пустоту: «Плачевное предчувствие! — восклицает оратор, — скоро, я думаю, надобно будет прежде читать, нежели писать; надо будет думать — слезы навертываются у вас на глазах, милостивые государи! привыкших писать не думавши; такое порабощение словесности, конечно, для нас будет ужасно. И в чем же неумолимые сии критики, — продолжает оратор, — полагают свободу словесных наук, если думают они, что писатель должен последовать правилам или читать авторов, дабы подражать их красота? Нет, любезные читатели: великий ум никогда ничему не следует. Не нужны ему ни правила древних, ни их творения, и он, не справляясь ни с какими книгами, садится за письменный столик, как скоро почувствует только позыв на письмо» (ч. II, стр. 28—29).

Вообще можно сказать, что «Похвальная речь Ермалафиду» представляет, по существу, только развитие одного абзаца из «Похвальной речи науке убивать время». Говоря об «особах, которые с возможною ревностью убивают время, достигающее на их часть», оратор приводит затем в пример «неподражаемого героя, который силится убить время даже своих потомков», — это писатель Скукобред (ч. I, стр. 47). Предупреждая далее своих слушателей, что этот пример выставлен не для возбужде-

ния охоты подражать ему, а для возбуждения удивления, оратор продолжает: «Мы уже видели, сколь вредно и опасно благородному человеку заниматься книгами. Но со всем тем, есть ли кто из вас, милостивые государи! чувствует в себе геройскую смелость, никогда не читав, начать писать, тому не советую оставлять такой прекрасной склонности, которая производит пирамиды печатных бумаг в честь Парнасским Каникулам нынешнего времени» (ч. I, стр. 48).

Вот из этого-то отрывка «Похвальной речи науке убивать время», полагаем, возникла «Похвальная речь Ермалафиду». Задача последней — показать состояние литературы в «Парнасские Каникулы нынешнего времени» и объяснить причины этого литературного оскудения. Для Крылова современная ему дворянская литература — продукт деятельности дилетантствующей светской молодежи; ее салонность и интимность — измена тем серьезным задачам, которые ставила и разрешала литература прежних времен — античная, классическая французская («Мольер, Расин, Вольт, Корнель», стр. 53) и наша (Ломоносов, у которого молодые писатели, «за недостатком резких подлинников, принуждены с великим трудом отыскивать погрешности и их выкрадывать», стр. 37—38; любопытно более отрицательное отношение к Сумарокову: «или занимать их у Сумарокова, там же»).

Установление связи между двумя крыловскими «Похвальными речами» позволяет несколько по-иному понять значение «Похвальной речи Ермалафиду». Последняя до сих пор трактовалась только в плане литературном;¹ между тем, если признать, что панегирик Ермалафиду представляет развитие идей «Похвальной речи науке убивать время», имевшей, как было показано выше, остро политический характер, то станет очевидным, что «Похвальная речь Ермалафиду» также имеет политический смысл.

Двумя «Похвальными речами» в «Санкт-Петербургском Меркурии» завершается сатирическая деятельность Крылова как журналиста в XVIII в. Можно смело утверждать, что эти последние образцы сатирического творчества Крылова не уступают лучшим страницам «Почты духов» и «Зрителя».

Кроме сатирических произведений, Крылов поместил в «Санкт-Петербургском Меркурии» две театральные рецензии (на комедии Клушина «Смех и горе» и «Алхимист») и ряд стихотворений. Рецензии представляют попытку «беспристрастно рассмот-

¹ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е. стр. 621.

реть» комедии, пользовавшиеся успехом у публики, и объяснить этот успех из свойств самих произведений. Рецензент считает, что «пристрастная и чрезмерная похвала изнеживает и расслабляет дарования, колкая брань и насмешка их повергает в отчаяние и задушает в самом рождении, но беспристрастное суждение очищает вкус и, указывая погрешности одною рукою, увенчивает другою красоты. Такое суждение не утешает и не ослепляет самолюбия, но оставляет его в той степени, какая нужна для воспламенения дарований» (ч. I, стр. 106).

Рецензия на комедию «Смех и горе» интересна тем, что Крылов систематически проводит требование соединять идейную и сценическую стороны. Он настаивает на том, что персонажи должны «заключать более действия, нежели слов», что задача комического автора «во всех характерах соединить сатиру с действием».

Более сдержанна рецензия на комедию «Алхимист». Крылов отказывается видеть в этой пьесе серьезную комедию; для него это — «не что иное, как забавная шутка, освобожденная от всех строгих правил театра и от самого вероподобия — она состоит из одних разговоров» (ч. II, стр. 215—216). По существу, — это в вежливой форме признание «Алхимиста» неудачным произведением.

Не останавливаясь на стихотворениях Крылова в «Санкт-Петербургском Меркурии», так как к ним в более или менее полном виде относится сказанное о стихотворениях Клаушина,¹ можно подвести итоги вкладу Крылова в этот последний журнал. Бесспорно, что и сатирические произведения его, и рецензии с их серьезными и здравыми требованиями «истины и природы» представляют наиболее ценное в «Санкт-Петербургском Меркурии». Это не было упадком или оскудением Крылова как сати-

¹ Следует обратить внимание на то, что среди стихотворений, имеющих узко личную тематику, неожиданно, как островок в море, вкраплено реалистическое сравнение, предвосхищающее будущего баснописца. В стихотворении «Мое оправдание. К Аняте» Крылов убеждает героиню произведения в том, что ведет войну только с женской глупостью, а не с женщинами вообще, и прибавляет, что если бы поступал иначе, то был бы похож на глупого пастуха:

Так пастух в лесу тоскостом,
Голосом лелеяя чистым
Милой пенички своей,
Чтоб дать боле места ей,
Прочь от дерева гоняет
Глупых каркливых ворон,
Но тем пеничку пугает,
Робка пеничка слетает,
И ее теряет он,
Как приятной, сладкой сои
(ч. II, стр. 192—193).

рического писателя: грозные события 1793 г. заставили его замолчать или говорить не на социальные, а на сугубо личные темы: сравнение начала года (с двумя «Похвальными речами») и конца года (с одами, посланиями и песнями) говорит само за себя.

Из других сотрудников «Санкт-Петербургского Меркурия» следует остановиться на И. И. Мартынове, игравшем к концу издания все большую роль (через несколько лет, в 1796 г., он издавал собственный журнал «Муза», а в начале XIX в., в 1804—1806 гг., выпускал серьезные журналы «Северный вестник» и «Лицей»). В «Меркурии» Мартынов помещал, главным образом, стихи, изредка — прозаические переводы. Стихи его интересны несомненным влиянием преромантизма — тут и Осиан, и античность, воспринимаемая сквозь трактовку Винкельмана, и Державин. Его эпитеты неуклюжи, но иногда обращают на себя внимание своей неожданностью: «гордо-искренние струны» (ч. II, стр. 179), «Головка бела поднялася У мшистого цветка» (ч. II, стр. 147), «часто-златые звезды» (ч. I, стр. 229) и т. д. Он вводит новые слова. По крайней мере, к стиху «Под ясным небосклоном» Клушин делает примечание по поводу последнего слова: «Слово вновь произведенное, прекрасное и музыкальное. Оно коротко изображает горизонт, то место, где, кажется, склоняется небо. Желать должно, чтобы так производили все те слова, в которых мы имеем недостаток» (ч. I, стр. 229, примеч. «г»).

Помимо перечисленных сотрудников, в «Санкт-Петербургском Меркурии» принимали участие Н. П. Николев, кн. Д. П. Горчаков, кн. Г. Хованский и др. Кн. Горчакову приписывают (и вполне правильно) стихотворения, подписанные инициалами «К. Д. Г.» и цифрами «20. 4. 3», буквенное обозначение которых то же: «К. Д. Г.». Вероятно, ему же принадлежит стихотворение «Совет Темире» (ч. II, стр. 11), тематически связанное с последующими стихотворениями «К Темире» (ч. III, стр. 204—207 и 207—208), подписанными цифровым псевдонимом Горчакова.

Среди прочих стихотворных произведений, помещенных в «Санкт-Петербургском Меркурии», имеются стихи, резко направленные против идей революции, гражданской свободы, равенства, народного правления («три притчи Господина Пфелфеля из Кольмара», ч. III, стр. 210—214).

Помещение в журнале подобных произведений в 1793 г. было не случайно: издатели «Санкт-Петербургского Меркурия» были несомненно не на блестящем счету у екатерининского правительства. Они были вынуждены печатать эти произведения

в противовес тому, что печаталось в журнале раньше. В 1792 г., как было указано выше, типография Крылова и комната Клушина подверглись обыску, за обоими издателями и за типографией был установлен надзор. Возможно, что в конце 1792 г. с ними было снова какое-то недоразумение, вызвавшее запрос Карамзина об их аресте. Появление в январской и апрельской книжках «Санкт-Петербургского Меркурия» резко антидворянских «Похвальных речей», повидимому, не прошло незамеченным. Не могла Екатерина (или наблюдавшее за типографией Крылова начальство) не обратить внимания на то, что в июльской книжке «Меркурия» был помещен отрывок из ненавистного императрице аббата Рейналя. Хотя сам по себе отрывок этот («Об открытии Америки») и не содержал ничего явно «предосудительного», но проводимая в нем мысль о неизбежности революции и самое появление перевода из сочинений одного из идейных вдохновителей Французской революции были фактом незаурядным.

Под влиянием ли этих обстоятельств или, может быть, и в результате плохого ведения дел в типографии Крылов и Клушин в июле 1793 г. добились разрешения перевести печатание «Санкт-Петербургского Меркурия» в типографию и «на счёт» Академии Наук. Августовская книжка была отпечатана уже в академической типографии (разница шрифтов еле заметна, бросается в глаза другая начальная заставка в этой и последующих книжках журнала). Было ли перенесение печатания «Санкт-Петербургского Меркурия» в академическую типографию попыткой издателей обезопасить журнал от грозившей ему беды, было ли это формой правительственного воздействия, замаскированной в виде милости, было ли это, наконец, случайностью, — одно только несомненно: последние книги «Меркурия» крайне бледны и бессодержательны.

Следует, впрочем, оговориться. В августовской книжке журнала в отделе «О новых книгах» помещена была рецензия на «Вадима Новгородского» Княжнина, написанная А. И. Клушиным. Отдельное издание трагедии Княжнина, известной выпавшими на ее долю гонениями, появилось в мае—июне 1793 г. и не вызвало никаких преследований; «история» «Вадима» началась в ноябре того же года. Таким образом, рецензия Клушина не могла быть продиктована желанием автора продемонстрировать свою политическую благонадежность путем отрицательной оценки «крамольной» трагедии. А рецензия Клушина, несмотря на то, что в ней с натяжками можно видеть «недостаточную» политическую четкость, все же имела резко отрицательный характер; рецензент находит в пьесе всяческие недостатки — и в за-

вязке, и в обрисовке героев, и в развитии действия, и в музыкальности стиха, и в языке. Для Клушина Рурик — «кроткий, милосердный и благоразумный государь», Вадим — «строгий, предприимчивый, иступленный и, можно сказать, безумный республиканец». Его замысел «возвращения вольности новгородцам тогда, когда они добровольно вручили и власть и корону Рурику», есть «покушение безрассудное». «Желание обратить их в прежнее безначалие не есть ли желание самого лютейшего их зла? Не для того ли хотеть низвергнуть с престола Рурика, дабы самому обладать республикой? — и, сделавшись идолом народа, повергнуть их в мучительные цепи рабства, что всего чаще делается в республике?» (ч. III, стр. 138—139). Клушина не удовлетворяет развязка трагедии. Ему кажется более правильным, «если бы Вадим признал в Рурике благотворителя новгородцев и выдал бы за него свою дочь Рамиду». Такая развязка представляется рецензенту «живее, неожиданнее, благоразумнее и нравоучительнее». «Что почерпнет для сердца и разума зритель и читатель из развязки настоящей? — спрашивает Клушин и отвечает: — или презрение к непреклонности безумца республиканца, или — ничего» (стр. 141). Первая часть ответа рецензента несколько неожиданна: ведь как раз для общего хода его рассуждения и желательно вызвать у читателя и зрителя «презрение к непреклонности безумца республиканца», а по рецензии выходит, что это как раз нежелательный вывод из трагедии. Но, очевидно, Клушин имел в виду не такое толкование своего тезиса; ему, вероятно, казалось недостаточным возбуждение в читателе и зрителе «презрения к республиканцу», нужно укрепить уважение и симпатии к монархии. Такова, несомненно, идея рецензии. В результате Клушин формулирует свое отношение к рецензируемой пьесе так: «Вообще Вадим не есть лучшая из трагедий г. Княжнина. Кажется, что он начал и кончил Дидоной» (стр. 144).

Итак, рецензия Клушина никак не должна рассматриваться как замаскированное сочувственное изложение трагедии. Скорее это, может быть, продолжение старой, идущей еще из «Зрителя», линии борьбы с Княжнинным. Впрочем, в «Несчастном М-ве» Клушин в особом примечании выражает уважение к памяти «знаменитого нашего драматического стихотворца Як. Бор. Княжнина». Говоря о «Дидоне», Клушин спрашивает: «Кто не согласится, что сия трагедия есть лучшее театральное произведение на нашем языке, произведение, которое бы и французскому театру сделало честь? Наша словесность лишилась сего мужа, сего редкого поэта. — Он мертв, — а мертвым льстить не можно; — он мертв, — но смерть потребляет только человека.

Кровавые челюсти ей слабы поглотить его дарования, его славу. Похвала по смерти есть самое лестное воздаяние талантам. Оно беспристрастно, не управляемое лестию» (ч. I, стр. 141—142, примеч. «б»).

Таким образом, рецензия Клушина, на фоне его постоянной вражды к Княжнину, показывает, что видеть в ней проявление какой-то особой, радикальной, чуть ли не революционной линии автора было бы неправильно. Изучение материалов, опубликованных в «Санкт-Петербургском Меркурии» и о нем, приводит к заключению, что Клушин сравнительно скоро изменил свои «оппозиционные» взгляды; известно, что Екатерина дала Клушину средства на заграничное путешествие. Конечно, ненадежному и неблагонадежному писателю Екатерина денег давать не стала бы; очевидно, прежний «поднадзорный» достаточно зарекомендовал себя, и ему были даны деньги на поездку за границу для ученья. Так, по крайней мере, можно заключить из опубликованного в ноябрьской книжке «Меркурия» стихотворения Клушина «Благодарность Екатерине Великой за всемиловнейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем». Здесь поэт говорит, что явившаяся ему

Во образе самой Паллады

Екатерина рекла:

Прими ты благости Мои
И, шествуя наук стезею,
Не будь невежества рабом;
Сражайся сердцем с ним, умом,
Как луч сражается со тьмою,
И буди добрый гражданин!

(ч. IV, стр. 92).

В декабрьской книжке журнала, вышедшей с опозданием, было помещено извещение от издателей, сообщавшее, что за их отъездом из Петербурга журнал больше издаваться не будет.

В литературе почти не сохранилось сведений о том, как относилось современное общество к «Санкт-Петербургскому Меркурию». Письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 2 июня 1793 г. открывает некоторую закулисную борьбу вокруг журнала. Карамзин как раньше к «Зрителю», так теперь к «Меркурию» относится с нескрываемой неприязнью; для него — это «журнал Клушиных». Но его раздражает, что в перечне подписчиков на «Меркурия» и среди читателей этого журнала найдутся знакомые литературные имена (сам он также значился в списке подписчиков): «Да скажи еще, к которому сорту читателей Клушина принадлежат Державин, Львовы, Козодавлев, Капнист? Может быть, я оскорблю их сим вопросом, но ты

не донесешь на меня. Впрочем, — продолжает он, — в свете бывает много странностей, — согласишься ли ты, например, что Николев до небес превозносит Меркурия, удивляется знаниям и чувствам Клушина (с которым он недавно познакомился) и говорит, что приключение несчастного М-ва гораздо лучше Вертера? Поверишь ли, что Горчаков с ним соглашается? ¹ Но старик Херасков и Нелединской крайне сожалеют, что у нас на Руси можно *inripement* [безнаказанно] писать такие нелепости.²

Повидимому, интерес к «Санкт-Петербургскому Меркурию» среди читателей все же был. Так, в списке подписчиков значатся книгопродавцы Ступенин и Занкин, подписавшиеся первый на 15, второй на 10 экземпляров, очевидно, для розничной продажи. Каков был тираж этого журнала, точных сведений у нас нет. Число «особ подписавшихся» не показательно: подписка была произведена всего на 160 экземпляров.

Прошедшие перед нами три журнала Крылова — «Почта духов», «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» — показывают, как верно и талантливо пытался молодой журналист в трудных условиях последних, отмеченных особой реакционностью лет царствования Екатерины возобновить прогрессивные традиции сатирической журналистики 1769—1774 гг. Задачей Крылова было не только связать порванную, однако не замиравшую (благодаря переизданиям «Живописца») сатирическую традицию, но и ответить на коренные вопросы русской и европейской жизни, при этом уже не середины, а конца XVIII в., эпохи после движения Пугачева, эпохи развития Французской революции. И только в таком политическом контексте можно понять суждения молодого Крылова об идеальном государе, о светском обществе и роскоши, об идейности литературы и многом подобном.

Примечательно и то, что для проведения своих воззрений Крылов пользовался самыми разнообразными жанрами: и эпистолярным, и ораторским, и философской медитацией, и «ориентальной повестью», и рецензии, и т. д. Не во всем являясь новатором, Крылов повсюду умел быть оригинальным, свежим, остроумным и содержательным. И бесспорно, что в «Почте духов», «Зрителе» и «Санкт-Петербургском Меркурии» он на короткое время придал русской журналистике ту социально-политическую силу и блеск, которых ей не хватало со времен Новикова и которые были вновь обретены — с большей политической и философской глубиной, с большей литературной яркостью —

¹ Позднее и Николев и кн. Горчаков, как было указано выше, стали сотрудниками «Санкт-Петербургского Меркурия».

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 37.

позже, в XIX в., в добролюбовском «Свистке» и в щедринской сатире.

Крылов много сделал для развития стиля журнальной сатиры. Хотя в «Похвальных речах» встречается немало оборотов, которые представляют шаблон, но это как раз не недостаток, а именно то, к чему стремился автор, — осмеяние трафаретной, довольствующейся традиционными и немногочисленными формулами академической риторики. В «Каиб» Крылов смело и дерзко имитирует стиль официальной историографии, цветистой, выспренней, гиперболичной и лишенной внутреннего содержания, как и ее объект — официальная придворная история; здесь же в издательском тоне представлена пасторальная любовь капризного деспота Каиба и неизбежной в подобных ориентальных повестях красавицы Роксаны. Можно сказать, что стиль Крылова-журналиста в основном образуется с помощью пародирования обычных для его эпохи литературных стилей. При этом пародия Крылова не «прямая», имеющая в виду какие-либо определенные, индивидуальные объекты, а именно пародия в более широком смысле — пародия на стиль. Происходило это, очевидно, потому, что Крылов видел в стиле выражение определенной общественной, а не индивидуальной позиции.

Таким образом, несомненно, что на рубеже 1780-х и 1790-х годов после Радищева Крылов являлся одной из самых замечательных фигур в русской журналистике. Рядом с ним в качестве журналиста может и должен быть поставлен только Н. М. Карамзин.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ Н. М. КАРАМЗИНА

Н. М. Карамзин еще до путешествия за границу был причастен к журнальной деятельности. Выше отмечалось, что при его ближайшем сотрудничестве издавалось «Детское чтение». Тогда же Карамзин принимал активное участие и в издании сочинений немецкого пастора пиетиста Христофа-Христиана Штурма (1740—1786) и его продолжателя И. Ф. Тиде (1732—1795), напечатанных в Германии в виде обычных книг, а в России выпускавшихся как «периодическое издание».¹ Сочинения Штурма

¹ Беседы с Богом, или размышления в утренние часы, на каждый день года. Издание периодическое. Перевод с немецкого языка. М., 1787—1789, чч. I—IV; Размышления о делах Божиих в царстве природы и провидения, на каждый день года. Издание периодическое. Перевод с немецкого языка. М., 1787—1788, чч. I—IV; Беседы с Богом или размышления в вечерние часы, на каждый день года. Издание периодическое. Перевод с немецкого языка. М., 1787—1788, чч. I—IV. Печатались эти «периодические изда-

П. М. КРАМЗИН.
Портрет работы Дамона.

в конце XVIII в. выдержали на немецком языке до тридцати изданий и были переведены на французский, голландский, датский и шведский языки. Тогда же стало выходить и русское издание. Среди переводчиков последнего был и Карамзин, которому, согласно сведениям, сообщенным М. П. Погодиным и П. П. Пекарским, принадлежало начало перевода и наблюдение за печатанием.¹

Уже во время путешествия Карамзина, за границей, у него возникает намерение издавать журнал нового типа. Осенью 1790 г., находясь в Петербурге, Карамзин познакомился с Державиным и, сообщив ему о своем намерении, просил поэта принять участие в предполагаемом издании. Державин одобрил замысел Карамзина и обещал сотрудничать в журнале. Изъявили свое согласие и Херасков, и Ю. А. Нелединский-Мелецкий, и И. И. Дмитриев. У самого Карамзина в рукописях было много литературных материалов, как стихотворных, так и прозаических, возникших и до путешествия, и во время него, и по возвращении в Россию.

«МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ»

(1791—1792)

В ноябре 1790 г. в «Московских ведомостях» было напечатано от имени Карамзина следующее объявление:

«С января будущего 91 года намерен я издавать журнал, если почтенная публика одобрит мое намерение. Содержание сего журнала будет составлять:

«1) Русские сочинения в стихах и прозе, такие, которые, по моему уверению, могут доставить удовольствие читателям. Первый наш поэт — нужно ли именовать его? — обещал украшать листы мои плодами вдохновенной своей музыки. Кто не узнает певца мудрой Фелицы? Я получил от него некоторые новые

ния» в новиковской типографии. Подробности об этом издании см.: Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1877, стр. 444—469; Семеновиков В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова. Пб., 1921, стр. 91—92.

¹ Участие Карамзина в этом издании одно время отрицалось (см.: Галахов А. Д. Н. М. Карамзин. Материалы для определения его литературной деятельности. — Современник, 1853, т. XLII, № 1, отд. III). В 1866 г. одновременно М. П. Погодин в своей монографии «Н. М. Карамзин» (М., 1866, ч. I, стр. 48) и П. П. Пекарский в статье «О книгах, печатанных в типографии Н. И. Новикова, и об издании Карамзина *Беседы с Богом*» (в книге: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, стр. 465—472) привели неоспоримые доказательства того, что первые книжки «Бесед с Богом» принадлежат перу Карамзина.

песни. И другие поэты, известные почтенной публике, сообщили и будут сообщать мне свои сочинения. Один приятель мой, который из любопытства путешествовал по разным землям Европы, — который внимание свое посвящал природе и человеку, преимущественно пред всем прочим, и записывал то, что видел, слышал, чувствовал, думал и мечтал, — намерен записки свои предложить почтенной публике в моем журнале; надеюсь, что в них найдется что-нибудь занимательное для читателей.

«2) Разные небольшие иностранные сочинения, в чистых переводах, по большей части из немецких, английских и французских журналов, с известиями о новых важных книгах, выходящих на сих языках. Сии известия могут быть приятны для тех, которые упражняются в чтении иностранных книг и в переводах.

«3) Критические рассматривания русских книг, вышедших, и тех, которые вперед выходить будут, а особливо оригинальных; переводы, недостойные внимания публики, из сего исключаются. Хорошее и худое замечается будет беспристрастно. Кто не признается, что до сего времени весьма немногие книги были у нас надлежащим образом критикованы.

«4) Известия о театральных пиесах, представляемых на здешнем театре с замечаниями на игру актеров.

«5) Описания разных происшествий, по чему-нибудь достойных примечания, и разные анекдоты, а особливо из жизни славных новых писателей.

«Вот мой план. Почтенной публике остается его одобрить или не одобрить; мне же в первом случае исполнить, а во втором молчать.

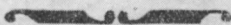
«Материалов будет у меня довольно; но есть ли кто благоволит присылать мне свои сочинения или переводы, то я буду принимать с благодарностию все хорошее и согласное с моим планом, в который не входят только теологические, мистические слишком ученые, педантические, сухие пиесы. Впрочем все, что в благоустроенном государстве может быть напечатано с указанного дозволения — все, что может нравиться людям, имеющим вкус, тем, для которых назначен сей журнал, — все то будет издателю благоприятно.

«Журналу надобно дать имя; он будет издаваем в Москве, и так имя готово: Московский журнал».

Далее следуют условия подписки — 5 рублей в год в Москве и 7 рублей в других городах — и указываются места, где принимается подписка.

Объявление Карамзина очень важно. По внешнему виду оно похоже на обычные журнальные объявления XVIII в. Однако

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Pleasures are ever in our hands or eyes.

РОРК.

Часть 1.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Огорокова.
1791 года.

здесь обращает на себя внимание четкое выделение пяти отделов, из которых третий и четвертый имелись у предшественников «Московского журнала» («Ежемесячные сочинения», «Санкт-Петербургский вестник», «Пустомеля»), но были нерегулярными, случайными, а пятый был в русской журналистике вообще новым («описания разных происшествий, анекдоты из жизни славных новых писателей»).

Заявляя о приеме к напечатанию «всего хорошего и согласного» с планом издания, Карамзин решительно отклоняет «только теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пиесы». Несомненно исключение подобного материала было вызвано, с одной стороны, преследованиями масонских организаций, усилившимися к концу 1790 г., с другой — боязнью политической тематики после только что происшедшей радищевской катастрофы. На это именно намекает непосредственно затем следующая фраза о том, что издателю будет «благоприятно» все, что в благоустроенном государстве может быть напечатано с указного дозволения. По существу, это означало вообще отказ от всякой политической тематики. И в самом деле, именно отсутствием политической тематики в обычном для журналистики XVIII в. плане и характерен «Московский журнал» Карамзина. Во всех двадцати четырех книжках этого издания, за все два года его существования на страницах «Московского журнала» не было помещено ни одной статьи по вопросу об идеальном государе, о взаимоотношениях между дворянством и крестьянством и другими классами, о национальном характере русского народа; словом, не было ничего того, что было характерным для политических интересов русской читающей публики 1780—1790-х годов.

Чем же объяснить тот несомненный успех, который выпал на долю карамзинского журнала? Хотя в конце первого года издания «Московского журнала» Карамзин жаловался, что у него всего триста подписчиков (подписчиков), едва оплачивающих типографские расходы по изданию, но ни у одного из журналов конца XVIII в. (за исключением «Трутня» и «Живописца», выдержавших по нескольку тиснений) не было такого количества подписчиков. В начале XIX в. «Московский журнал» был издан вторично. Таким образом, признаки успеха журнала налицо. Кроме того, известны многочисленные одобрительные отзывы современников о «Московском журнале» — его читали, им зачитывались, им увлекались. Очевидно, причина успеха заключалась в том, что журнал Карамзина ответил на какие-то потребности современного ему общества. Краткий анализ некоторых материалов, относящихся к истории издания «Московского жур-

нала», позволит указать более или менее точно, каким общественным запросам удовлетворяло это издание.

В «Предуведомлении», напечатанном в январской книжке «Московского журнала» 1791 г., Карамзин писал: «Вот начало. Издатель употребит все силы свои, чтобы продолжение было лучше и лучше. Журнал выдавать, — делится Карамзин далее мыслями со своими читателями, — не шутка, я знаю; однако ж чего не делает охота и прилежность? Множество иностранных журналов лежит у меня перед глазами; ни одного из них не возьму я за точный образец, но всеми буду пользоваться» (стр. 5). Карамзин сохранял независимость в своем выборе образцов; включение в большом количестве русских материалов оправдывало название издания как журнала московского. Только большой скромностью Карамзина можно объяснить его указание на имеющиеся в его распоряжении иностранные журналы как на источник («всеми буду пользоваться»); на самом деле он лишь использовал их организационный опыт, идя собственным путем, учитывая потребности русского читателя и в меру своего разумения и в соответствии со своими политическими воззрениями удовлетворяя эти читательские запросы.

О серьезном влиянии журналов Карамзина на русское общество говорил Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы»; касаясь проблемы влияния журналистики на общество, он подчеркивал, что «распространение круга журнальных читателей» — исключительно «важная услуга общественному развитию», и, перечисляя «сильных двигателей нашего просвещения», называет Карамзина непосредственно вслед за Новиковым и перед Пушкиным и Гоголем (гл. II). Впрочем, еще задолго до Чернышевского также и Белинский указывал, что своими повестями Карамзин заинтересовал русских читателей и приучил их к регулярному чтению. А ведь повести Карамзина как раз печатались в издававшихся им «Московском журнале» и «Вестнике Европы» и в альманахе «Аглая».

«Московскому журналу» принадлежит в этом смысле первое место — и хронологически, и по силе влияния. В самом деле, на страницах журнала были опубликованы в течение двух лет, одно за другим, следующие произведения, «интересные» своим сюжетом: «Чудный сон» (ч. I, февраль, стр. 194—202), «Мария» (из Стерна) (ч. II, апрель, стр. 51—56; май, стр. 179—189), «София» (ч. II, июнь, стр. 253—276; ч. III, июль, стр. 13—31), «Фрол Силян, благодетельный человек» (ч. III, июль, стр. 31—37), «Райская птичка» (ч. III, август, стр. 198—201), «Раиса. Древняя баллада» (ч. IV, ноябрь, стр. 118—122), «Жизнь и дела Иосифа Бальзамо, так называемого графа Калиостро»

(ч. IV, ноябрь, стр. 205—235; декабрь, стр. 325—342; ч. V, январь, стр. 57—84; февраль, стр. 234—271), «Лиодор» (ч. V, март, стр. 305—335), «Стонет сизою голубочек» И. И. Дмитриева (ч. VI, июнь, стр. 217—218), «Граф Гваринос. Древняя гишпанская историческая песня» (ч. VI, июнь, стр. 219—226), «Бедная Лиза» (там же, стр. 238—277), «Наталья, боярская дочь» (ч. VIII, октябрь и ноябрь, стр. 13—69; декабрь, стр. 237—278). В этот перечень не вошли «анекдоты» и «смесь», жанр которых был хорошо известен русскому читателю XVIII и даже XVII вв. по так называемым «кратким и замысловатым историям»; правда, содержание «смеси» «Московского журнала», при всей «краткости» и «замысловатости» отдельных анекдотов, — более современное и связанное с литературными интересами читателей журнала. Не включены в список и «Письма русского путешественника», из номера в номер сообщавшие читателю множество бытовых, исторических, литературных, философских, политических и других сведений.

Характеризуя «Московский журнал», М. П. Погодин вполне справедливо определил как роль издателя, так и состояние московского общества начала 1790-х годов и, в известной мере, объяснил успех журнала. Он писал так: «Рассматривая это издание, нельзя не удивляться искусству молодого издателя, его вкусу, уменью пользоваться иностранными источниками, знанию потребностей общества. Он понял верно, на какой степени образования оно находится, что может быть для него приятно и вместе полезно, чем можно на него подействовать и возбудить его любопытство, и доставил ему в „Московском журнале“ такое занимательное чтение, которое, вполне его удовлетворяя, вместе трогало, шевелило, открывало вид в прекрасную, дотоле неизвестную область».¹

Указывая в своем объявлении о предполагаемом издании «Московского журнала», что в портфеле редакции «материалов довольно», Карамзин имел в виду, в первую очередь, собственные произведения (так, он печатал в журнале стихотворения значительно более раннего времени, например стихотворение «Многие барды», написанное в 1788 г., стихотворение «Поэзия» 1787 г. и т. д.). Но в «довольное» количество материалов входили и обещанные и действительно присылавшиеся ему произведения Державина, Хераскова и других авторов. Откликнулись на приглашение Карамзина сообщать свои сочинения и переводы посторонние лица. Порою такие присылки ставили его в неловкое положение: «Люди, мною уважаемые, — сообщал Карамзин

¹ Погодин. Н. М. Карамзин, ч. I, стр. 172.

Дмитриеву 1 сентября 1791 г., — иногда просят, чтобы я помещал в журнале вялые рифмосплетения или детей их, или племянниц, или племянников. Иногда бываю принужден исполнять их желания» (Письма, стр. 22—23).¹

Наличие в «Московском журнале» произведений представителей старшего литературного поколения (Державина, Хераскова и др.) и «вялых рифмосплетений» протее «уважаемых людей» лишало издание Карамзина цельности и единства. Но благодаря четкому членению материала на отделы это заметно было только в первом отделе — стихотворном. В самом деле, стихотворный отдел — пожалуй, наименее характерный в «Московском журнале». Сентиментальные баллады и песни Карамзина и Дмитриева, стихотворения Подшивалова, Нелединского-Мелецкого, Николаева перемешаны здесь с произведениями, выросшими на иной эстетической основе. Впрочем, во второй год издания и стихотворный отдел «Московского журнала» приобретает большую стройность и выдержанность.

Наиболее ценную часть стихотворного отдела карамзинского журнала представляют стихотворения его самого и Дмитриева. Здесь были опубликованы «Выздоровление» («Нежная мать, Природа!») (ч. I, стр. 146—148), «Господину*** [Дмитриеву]», «Многие барды...» (ч. II, стр. 113—114), «К прекрасной» («Где ты, Прекрасная, где обитаешь?») (ч. III, стр. 123—125), «Осень» («Веют осенние ветры») (ч. IV, стр. 11—12), «Раиса» («Во тьме ночной ярилась буря») (ч. IV, стр. 118—122). Из стихотворений второго года издания журнала, помимо упоминавшихся выше в общем перечне важнейших публикаций, следует отметить оду Карамзина «К милости» (1792, ч. VI, май, стр. 117—119). В апреле 1792 г. по распоряжению Екатерины был арестован Н. И. Новиков. Карамзин, в это время отошедший уже от масонства, написал, движимый гражданским чувством и стремлением помочь уважаемому писателю, оду, достаточно смелую и сильную.

Что может быть Тебя святее,
О Милость, дщерь благих Небес? —

спрашивает поэт. И далее он отождествляет Милость и Екатерину:

Любовь Твои стопы лобзает
И нежной Матерью зовет.

Все эти вводные элементы нужны автору для того, чтобы предупредить императрицу об опасности для ее авторитета провидившейся в то время реакционной политики:

¹ Ср. там же, стр. 17 и 19, отзывы об одах Ф. И. Туманского.

Блажен, блажен народ, живущий
 В пространной области Твоей!
 Блажен Певец, Тебя поющий
 В жару, в огне души своей! —
 Доколе Милостью пребудешь,
 Доколе пользоваться будешь
 Ты правом матери одной;
 Доколе гражданин покойно,
 Без страха может засыпать,
 И всем Твоим подвластным вольно
 По мыслям жизнь располагать,
 Везде Природой наслаждаться,
 Везде наукой украшаться
 И славить прелести Твои;
 Доколе злоба, дщерь Тифона,
 Пребудет в мрак удалена
 От светлосолотого трона;
 Доколе правда не страшна,
 И чистый в сердце не боится
 В своих желаниях открыться
 Тебе, Владычице души:
 Доколе всем даешь свободу
 И света не темнишь в умах;
 Доколь доверенность к народу
 Видна во всех твоих делах: —
 Дотоле будешь свято чтима,
 От подданных боготворима
 И славима из рода в род.

После этого, достаточно независимого урока Екатерине Карамзин, имея в виду французские события 1789—1792 гг., уверяет императрицу:

Спокойствия Твоей державы
 Ничто не может возмутить;
 Для чад Твоих нет большей славы,
 Как верность к Матери хранить.
 Там трон вовек не потрясется,
 Где он любовию брежется
 И где на троне — ты сидишь

(ч. VI, стр. 117—119).

Ода «К Милости» была едва ли не единственным непосредственным откликом Карамзина в журнале на политическую современность, как отечественную, так и — косвенно — европейскую. Вообще же, как отмечено было выше, отсутствие политического материала в «Московском журнале» было резко ощутимо и выделяло его среди большинства других журналов последней четверти XVIII в.

Это не значит, конечно, что у Карамзина и у журнала не было никакой политической программы или, по крайней мере, политических симпатий. Они были и воспринимались читате-

лями, которые, очевидно, потому и читали «Московский журнал» и создали ему известность, что предлагаемый редактором материал был интересен и сюжетно, и идеологически. Когда читатели восторгались «Бедной Лизой», «Флором Силиным», «Письмами русского путешественника», они очевидно солидаризировались и с теми взглядами, которые проводил в этих произведениях Карамзин.

Особенностью журнальной манеры Карамзина в 1791—1792 гг. было то, что он ни разу не излагал ни в полном, ни в сколько-нибудь развернутом виде своих политических, социальных и моральных воззрений. У него нет таких статей, какие встречались в «Беседующем гражданине», «Почте духов», «Санкт-Петербургском журнале» и др. Мимоходом, вскользь, одной-двумя фразами намечает Карамзин проблему, заставляя читателя больше догадываться и додумывать ее за автора, чем воспринимать ее у него в готовом виде и именно в том направлении, которое желательно ему. Главным образом, встречается это в «Письмах русского путешественника».

То он приводит беседу свою с Кантом и с видимым сочувствием цитирует мысль философа о практической деятельности человека: «Деятельность есть наше определение» (ч. I, стр. 169). «Человек рожден к общежитию и дружбе», — пишет Карамзин далее (ч. I, стр. 331). Его пугает запальчивость полемики, которую ведут берлинские просветители против так называемого «тайного иезуитизма». Изложив довольно обстоятельно относящийся к этому вопросу материал (ч. I, стр. 304—345), он прибавляет: «Признаться, сердце мое не может одобрить тона, в котором господа берлинцы пишут. Где искать терпимости, есть ли самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они? Тот есть для меня истинной философ, — развивает свою мысль Карамзин, — кто со всеми может ужиться в мире; кто любит и тех, которые с ним разное думают. Должно показывать заблуждения ума человеческого с благородным жаром, но без злобы. Скажи человеку, что он ошибается и почему, но не поноси сердца его и не называй его безумцем. Люди, люди! — сентенциозно заканчивает Карамзин этот абзац, — под каким предлогом вы себя не мучите?» (ч. I, стр. 345—346).

Выступая апологетом терпимости и философского беспристрастия, Карамзин вместе с тем старается внушить своим читателям неприязнь и отвращение к воинствующему религиозному изуверству. Находясь в Эрфурте в бенедиктинском монастыре, Карамзин пожелал осмотреть могилу погребенного там героя средневековой легенды, графа Глейхена. «Мне надлежало идти

через длинные сени или коридор, где в мерцающем сумраке представились глазам моим распятия и угасшие лампы. Проводник оставил меня и пошел искать отца-церковника. Трудно описать, что чувствовал я, прохаживаясь один в глубокой тишине по сим темным переходам и поглядывая на распятия, на лампы и на старые картины, на которых изображены были разные страшные сцены. Мне казалось, что я пришел в мрачное жилище Фанатизма. Воображение мое представило мне сие чудовище во всей его гнусности, с поднявшимися от ярости волосами, с клубящеюся у рта пеною, с пламенными, бешеными глазами и с кинжалом в руке, прямо на сердце мое устремленным. Я затрепетал, и холодный ужас разлился по моим жилам. Из глубины прошедших веков загремели в мой слух адские заклинания, но, к счастью моему, в самую сию минуту пришел мой проводник, и призраки моего воображения исчезли» (ч. III, стр. 183—184). Этой и подобными сценками, мыслями, цитатами, афоризмами Карамзин незаметно заставлял своих читателей и читательниц задумываться над различными вопросами, не всегда имевшими только умозрительный характер.

В особенности интересно, как Карамзин в самом конце 1791 г., когда политические события во Франции приняли уже не местные, а всемирно-исторические очертания, изображает начальный этап революции. В письме из Страсбурга, помеченном 6 августа 1789 г., т. е. через три недели после взятия Бастилии, Карамзин говорит об истинной свободе. Оказывается, эта «неоцененная свобода человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения», заключается в том, что, в противоположность животным, «привязанным к некоторым климатам, не могущим выйти из пределов, начертанных им натурою, и умирающим, где родятся», «человек, силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат — ищет везде наслаждений и находит их — везде бывает любимым гостем природы, повсюду отвергающей для него новые источники удовольствия, — везде радуется бытием своим и благословляет свое человечество» (ч. IV, стр. 51). Этот панегирик «географо-климатической свободе человека» не случайно открывает письмо из Страсбурга, во второй части которого сообщается о «приметных волнениях», о всеобщих разговорах о революции, о «новом бунте». Очевидно, публикуя это письмо в 1791 г., Карамзин хотел показать, что истинная свобода заключается не в правах политических, за которые борются французы, а во внутренней свободе человеческой личности.

Отношение Карамзина к политической свободе — сложное и противоречивое. С одной стороны, он открыто выражает симпа-

тии республиканскому устройству Швейцарии: «Итак я уже в Швейцарии, в стране живописной природы, в земле свободы и счастья! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее: дыхание мое стало легче и свободнее, стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве» (ч. IV, стр. 65). Конечно, «с гордостью» помышлял «о своем человечестве» Карамзин не потому, что Швейцария — «страна живописной природы», а потому, что это — «земля свободы и счастья». Любопытно, что в 1797 г., издавая «Письма русского путешественника» отдельным изданием, Карамзин нашел нужным, учитывая строгость павловской цензуры, заменить слова «земля свободы и счастья» более благонадежной формулой — «земля тишины и благополучия».¹ А это значит, что именно политические свои симпатии к Швейцарии хотел он несколько завуалировать.

Нельзя в этой связи не напомнить известное место из письма, писанного Карамзиным по выезде из Базеля: «Уже я наслаждаюсь Швейцариею, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце мое и развеивает в нем чувство радости. Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и в восторге целовал землю. Счастливые швейцары! всякой ли день, всякой ли час благодарите вы небо за свое счастье? При всяком ли биении пульса благословляете вы свою долю, живя в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и перед одним Богом наклоняя гордую свою выю? Вся жизнь ваша есть, конечно, приятное свидение, и самая роковая стрела должна кротко влетать в грудь вашу, не возмущаемую тиранскими страстями» (ч. IV, стр. 168—169).

Это сентиментально-идиллическое изображение жизни «счастливых швейцаров» вполне гармонирует со знакомыми уже нам суждениями Карамзина о терпимости как высшем, идеальном принципе общежития и о фанатизме, «гнусном чудовище», внушающем ему ужас и отвращение. То, что было сказано Карамзиным в эрфуртском письме о фанатизме религиозном,² позволяет понять его отношение к французской революции. Обычно принято считать, что вначале Карамзин относился сочувственно к революции и лишь позднее, к 1801 г., резко изме-

¹ Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 173.

² Ср. еще одно замечание Карамзина о фанатизме в рецензии на «Тайную историю философа Перегринуса Протеуса» Виланда (ч. VIII, стр. 160).

нил свое отношение к ней. Ссылаются при этом на эпизод, сообщенный М. П. Погодиным, будто по возвращении из-за границы Карамзин на обеде у Державиных «заспорил горячо с Новосильцовым и выражал некоторые мнения, не совсем согласные с общепринятым в России образом мыслей. Жена Державина, подле которой он сидел, дала ему знак пожатием ноги, чтоб он выражался осторожнее». Но характерно, что Погодин, ссылаясь на лицо, сообщившее ему этот факт якобы со слов самого Карамзина, ставит после фамилии Новосильцова знак вопроса; по видимому, Погодину вообще не все казалось в этом эпизоде ясным. Во всяком случае, от выражения мнений, «не совсем согласных с общепринятым в России образом мыслей», до сочувствия идеям Французской революции далеко. Ведь в 1790 г., в эпоху свирепой реакции, и умеренно либеральные взгляды, выраженные человеком, приехавшим из Парижа, могли быть восприняты каким-нибудь консерватором как революционная пропаганда.

А Карамзин, каким он является в своей частной переписке этих лет и в «Московском журнале», в особенности в «Письмах русского путешественника», был безусловно либералистом, прекраснородушным туристом, «обожаящим» швейцарскую демократичность, немецкое научное просветительство, европейскую «общественность», под которой он понимает налаженность быта, комфортабельность и доступность жизненных удобств всем, как ему кажется, людям. Для большинства же дворянских читателей «Московского журнала», в равной, по видимому, степени не сочувствовавших екатерининской реакции, как и «ужасам» французской революции, гуманистический идеализм либерала Карамзина был вполне близкой и понятной формой отношения к явлениям современности, отечественной и зарубежной. Его сентиментальные повести, вроде «Фрола Силина», «Бедной Лизы», в известной мере воспитывали в помещицкой среде более мягкое, более гуманное отношение к крепостным крестьянам. Конечно, «Бедная Лиза», в которой осуждение дворянина Эраста, обольстителя «невинной поселянки», производится с позиций моральных, а не социальных, уступает в силе общественного звучания «Похвальной речи в память моему дедушке» Крылова и тем более «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева, но из этого нельзя делать заключения, что сентиментализм Карамзина вообще не играл положительной роли в русской общественной жизни. Неверно было бы, ссылаясь на Белинского, ограничивать значение Карамзина только тем, что «он распространял в русском обществе познания, образованность, вкус и охоту к чтению» и реформировал русский язык. Ведь ря-

дом с этим Белинский указывает, что деятельность Карамзина была «важным шагом вперед для литературы и общества». В условиях преследований, а затем и подавления радикальной литературы реакционным правительством Екатерины даже умеренно либеральная проповедь Карамзина была своеобразным признанием того, что не все обстоит благополучно в «царстве северной Астреи».

В деятельности Карамзина как редактора-издателя «Московского журнала» следует отметить еще одну сторону, сыгравшую положительную роль в истории нашей журналистики. Хотя sporadически и раньше в журналах XVIII в. печатались рецензии на вновь выходящие книги, однако специальный регулярно ведомый критико-библиографический отдел был организован впервые Карамзиным в «Московском журнале». С первой книжки журнала до последней печатались рецензии, принадлежавшие преимущественно Карамзину; они знакомили современных читателей с выдающимися или, по крайней мере, заметными произведениями западной литературы; останавливались также и на явлениях тогдашней русской литературы, давая им справедливую оценку. Чернышевский, характеризуя в «Очерках гоголевского периода» критическую деятельность Шевырева, отметил, что теоретические принципы ряда европейских и русских критиков, в том числе и Карамзина, «были неудовлетворительны в научном отношении, а между тем, эти критики, благодаря своему уму и вкусу, об отдельных произведениях литературы судили очень здраво, хорошими называли действительно лучших писателей своего времени, восхищались именно тем, что было у этих писателей лучшего» (гл. III).

Иногда рецензии Карамзина были значительны по объему. Так, например, рецензия на «Путешествие молодого Анахарсиса» Бартеlemi печаталась в трех книжках «Московского журнала» 1791 г. и занимает в общей сложности 40 стр., рецензия на «Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки», перепечатанная из «Mercure de France», занимает 35 стр., на «Кадма и Гармонию» Хераскова — 21 стр. Но были и очень коротенькие, иногда в несколько строк. Такова, например, рецензия на «Жизнь Вениамина Франклина, им самим написанную». Повидимому, эта рецензия, как и большинство помещавшихся в «Московском журнале», принадлежит Карамзину.

Еще показательнее краткая рецензия, посвященная одновременно «Руинам» Вольнея и биографии Руссо, написанной Мерсье: «Сии две книги можно назвать важнейшими произведениями французской литературы в прошедшем году» (ч. V, стр. 150—151). Совершенно понятно, что ни излагать книгу

Вольнея, ни как-либо критиковать ее, не затрагивая ее содержания, Карамзин не мог. Но уже одной своей авторитетной оценкой книг Вольнея и Мерсье он побуждал своих читателей обратиться к этим произведениям.

Но приведенные образцы рецензий не дают полного представления о критико-библиографической манере Карамзина. Может быть, наиболее удачным примером оригинальной большой рецензии в «Московском журнале» является помещенная в первой книжке за 1791 г. и посвященная «Кадму и Гармонии» — «древнему повествованию» Хераскова. Политико-философский роман Хераскова вышел в свет в 1789 г. и к началу 1791 г. не утратил еще характера литературной новинки. Рецензия Карамзина начинается с указания источника херасковского романа, именно сжатого рассказа Овидия о Кадме и Гармонии, или Гермione; при этом он подчеркивает, что отсюда заимствована лишь фабула. Затем рецензент, едва ли не впервые в русской литературе, проводит разграничение между философом и писателем: «Философ не-поэт, — утверждает Карамзин, — пишет моральные диссертации, иногда весьма сухие; поэт сопровождает мораль свою пленительными образами, живит ее в лицах и производит более действия» (ч. I, стр. 80). От этого общего положения рецензент переходит вновь к роману Хераскова: «Таким образом, сочинитель „Кадма“ хотел в привлекательной мифологической одежде сообщить с вои нравоучения, политические наставления и понятия о разных вещах, важных для человечества, учить нас, так сказать, неприметно, питая наше любопытство приятным повествованием вещей чудесных, — одним словом, он хотел написать нам второго Телемака».

Мы видим, что перед нами первая в русской критике XVIII в. попытка определить специфику художественной литературы: «мораль, сопровождаемая пленительными образами» Херасков, по мнению рецензента, тем и замечателен, что с вою мораль, с вою политическую доктрину облек в «одежду», как говорит Карамзин, заимствованную у Овидия.

Остановившись затем бегло на вопросе о жанровой природе «Кадма», который, как он полагает, есть поэма, и высказав при этом мнение, что «поэма, по общепринятому понятию на других языках, означает всякое творение вообразительной силы»,¹ Карамзин кратко излагает содержание «древней повести» Хераскова. Сжатой характеристикой «Кадма» рецензент завершает

¹ «Таким образом, — продолжает Карамзин, — комедия, роман есть поэма» (стр. 81). Подобное толкование термина поэма, повидимому, входило в те годы в употребление. По крайней мере, Крылов применял его в своих рецензиях.

первую часть своей статьи: «В сем сочинении найдет читатель, кроме рассуждений, прекрасные поэтические описания, любопытные завязки, интересные положения, чувства возвышенные и трогательные, обороты свободные и натуральные; слог же всегда приятен и возвышен без надутости» (стр. 82). В приведенной цитате все интересно и показательно: здесь были употреблены новые еще в русской критической практике термины, как «положение», «трогательные чувства», «свободные и натуральные обороты»; именно здесь возникала специфическая литературоведческая русская терминология, складывавшаяся отчасти и раньше, в предисловиях В. И. Лукина, в статьях и в «Опыте исторического словаря о российских писателях Н. И. Новикова, в рецензиях «Санкт-Петербургского вестника» и «Санкт-Петербургских ученых ведомостей», но именно под талантливым пером Карамзина приобретающая вполне национальный характер и звучание.

В конце приведенной выше общей характеристики «Кадма и Гармонии» Карамзин дал оценку «слога» романа. Последующие шестнадцать страниц рецензии представляют иллюстрации этой оценки. Здесь Карамзин идет по стопам своих предшественников, рецензентов «Ежемесячных сочинений», «Санкт-Петербургского вестника», «Санкт-Петербургских ученых ведомостей» и т. д. Но, в отличие от своих предшественников, такими иллюстрациями, в большинстве случаев, ограничивавшихся, Карамзин посвящает последнюю часть рецензии «несовершенствам, или ошибкам, или неисправностям» «Кадма». По мнению Карамзина, некоторые места романа Хераскова отмечены печатью модернизации; он пишет: «Рецензент, читая „Кадма“, при многих местах думал: „Это слишком отзывается новизною; это противно духу тех времен, из которых взята басня“»¹ (стр. 98—99). Впрочем Карамзин извиняет Хераскова, принимая во внимание трудность «писать ныне так, как писывали древние, столь отдаленные от нас по образу жизни, по образу мыслей и чувствований» (стр. 99). В связи с вопросом о неизбежности модернизации при изображении жизни древних народов Карамзин делает любопытное замечание, имевшее большое и эстетически плодотворное значение. «Кто не знает, — спрашивает Карамзин, — Телемака Гомерова и Телемака Фенелонова? Кто не чувствует великой разности между ими? Возьми какого-нибудь пастуха — швейцарского или русского, все одно, — одень его в греческое платье и назови его сыном царя Итакского: он будет ближе к Гомерову Телемаку, нежели чадо Фенелонова воображения, которое есть не что иное, как идеальный образ царевича французского, vedo-

¹ «Басня» здесь — точный перевод латинского «фабула».

мого не греческою Минервою, а французскою философією» (там же).

Подобные замечания Карамзина помогали русским читателям воспринимать искусство античное и новое в его национальном выражении и сущности, освобождали их от классического космополитизма в искусстве, сводившегося, по существу, к недооценке, а иногда и к полному пренебрежению к родным традициям и национальному содержанию.

Помимо упрека, хотя и смягченного, в модернизации, Карамзин среди «несовершенств, или ошибок, или неисправностей» «Кадма» отмечает ряд погрешностей стилистических и семантических; указания эти очень убедительны и свидетельствуют о превосходном «чувстве языка» у Карамзина. Чтобы закончить ознакомление читателей с рассматриваемой рецензией, заметим, что заключается она высокими похвалами автору и уверениями, что «Кадм будет жить с Россиядою и Владимиром» (стр. 101).

Не все рецензии Карамзина похожи на только что рассмотренную. Варьируются они в зависимости от анализируемых произведений, их темы и отношения к ним рецензента. Но надо признать, вслед за Чернышевским, что все карамзинские критические разборы интересны, умны и дельны, в особенности, если принять во внимание уровень тогдашней журнальной критики. Рецензии об иностранных книгах Карамзин переводил иногда из европейских журналов. Часто подобная рецензия оказывалась очень злободневной и интересной применительно к русским условиям; читатели разных наций вкладывали различное конкретное содержание во внешнюю форму рецензии. Так, например, обстояло с рецензией на «*Romantische Gemälde der Vogwelt*» (автор не указан). Рецензент «Немецкой библиотеки», похвалив сочинителя, отмечает у него «некоторые противные слова, в которые он, кажется, влюблен, по примеру наших лучших писателей в сем роде, которые от времени до времени перерывают гниль нашего языка и с великим торжеством вытаскивают оттуда разные брошенные слова, давно уже замененные гораздо лучшими и равно сильными. Однако ж есть очень хорошие старые слова, которые надобно ввести в употребление» (ч. II, стр. 205—206).

Переведенная на русский язык, рецензия эта естественно включалась в языковую борьбу конца 1780-х—начала 1790-х годов, когда Российская Академия в своих заседаниях и в подготавливаемом ею «Словаре» культивировала обветшавшие, вышедшие из употребления слова и любовно коллекционировала всякие словесные редкости из церковных книг. Можно даже предпо-

жить, что данная рецензия не случайно была переведена Карамзинным, — книга сама по себе заинтересовала его мало, он не отметил даже фамилии автора, а привлекло его внимание в этой рецензии, очевидно, отношение к языку, похожее на аналогичные русские взаимоотношения: призывы рецензента к очистке языка от архаизмов и любопытное указание на наличие выпавших из обихода хороших слов, которые надлежало бы вновь ввести в употребление.

Здесь уместно сказать вообще о роли «Московского журнала» в карамзинской реформе русского языка. Именно здесь вполне сознательно, после «Детского чтения», где это имело еще характер опыта, были заложены и в значительной мере осуществлены основные принципы карамзинского языкового направления. Он сам на каждом почти шагу вводит новые слова, иногда просто заимствуя их («жени» — гений), иногда калькируя (*touchant* — «строгательный»), иногда придумывая их. В отдельных случаях Карамзин обращает внимание читателей журнала на свои неологизмы, печатая последние курсивом или снабжая их примечаниями. «Везде во Франкфурте знаки трудолюбия, промышленности, изобилия» (ч. III, стр. 298). К слову «промышленность», напечатанному в журнале курсивом, есть сноска: «Не может ли сие слово означать латинского *industria* или французского *industrie*?» (там же). Но большинство нововведений Карамзин пускает в оборот без специальных отметок.

Очень интересны замечания семантического характера в рецензиях Карамзина. Выше мимоходом на это было указано, когда шла речь о рецензии на «Кадма и Гармонию» Хераскова. Значительную часть рецензии на «Естественную историю» Бюффона (ч. I, стр. 241—247) Карамзин посвятил вопросу о языковых особенностях перевода. Фразу за фразой, строку за строкой сличает он перевод с оригиналом и указывает тонкие оттенки, не учтенные переводчиками «Естественной истории». Он предлагает, например, вместо слова «ископаемые», которым переводчики передали «*minéraux*», употребить слово «минералы»: «Я не знаю, — пишет он, — для чего бы *minéraux* не назвать *минералами*; сие слово известно всем тем, которые и никаких иностранных языков не знают. Название *ископаемые* скорее бы могло означать *fossiles*, *фоссилии*, слово, не столь уже известное в русском языке, как *минералы*. Как же мы будем переводить *eux minérales*? К тому же минералы лежат и на поверхности земли: следовательно, ископаемость не есть общий отличительный характер их» (ч. I, стр. 246).

Все же необходимо отметить, что внимательное рассмотрение материала, представляемого «Московским журналом» по вопросу

о языковой стороне деятельности Карамзина, заставляет несколько ограничить идущие еще от его младших современников неумеренные похвалы его языковому чутью. Говоря о заслугах Карамзина в развитии русского языка, заслугах несомненных и очень важных, обычно останавливаются только на том, что из предложенного им прочно вошло в языковое употребление и осталось на долгое время, может быть и до наших дней. А между тем, нисколько не умаляя заслуг его перед родной культурой, следовало бы показать, как в своей журнальной практике Карамзин обнаруживал по временам некоторую языковую глухоту. Так, например, в переводе «Мармонтелевых вечеров» встречается следующее. Юноша, с особенным усердием учившийся в школе, рассказывает: «Поверхность, какой не имел я никогда в нижших классах, была плодом моей меланхолической прилежности» (ч. I, стр. 287). Здесь «поверхность» представляет непривившийся перевод французского «superficie», т. е. «превосходство».¹ В другом месте находим такое замечание Карамзина по поводу перевода в «Естественной истории» Бюффона термина «Subdivision» русским словом «подразделение». Что принадлежит до *подразделения*, — пишет Карамзин, — то русскому трудно понять, как можно что-нибудь *подразделять*; не лучше ли было бы сказать, вместо *подразделения*, *переделения*?» (ч. I, стр. 246). Как видно, возражая против вошедшего в научный, а затем и общелитературный обиход слова «подразделение» и предлагая вместо него имеющее совсем другое значение слово «переделение» (кстати, в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова этого слова нет), Карамзин обнаружил недостаточное понимание тенденций развития русского научного языка. Интересны следующие отступления от литературной нормы в «Московском журнале»: «Итак, есть ли бы у Калигулы не был испорчен желудок, то он не вздумал бы построить мосту на Средиземном море? — спросил я» (ч. III, стр. 295); «Сего добродушного мясника увидел упомянутой Офицер по взятии города, бросился обнимать в нем своего благодетеля и не дал солдатам разграбить дому его» (ч. IV, стр. 107). Примеры подобного рода можно было бы умножить, но все это нисколько не изменит общего положения: «Московский журнал» был исключительно серьезным шагом вперед в развитии русского литературного языка; какие бы ни обнаруживались частные факты ошибочных суждений или недостаточного языкового чутья Карамзина, он останется в истории русской культуры, в том

¹ Впрочем, «одержать поверхность» встречается и в комедиях Екатерины II в 1787 г.

числе и в истории русской журналистики, одним из наиболее замечательных деятелей конца XVIII в.¹

В числе особенностей «Московского журнала» была еще одна, бегло упомянутая ранее, — это постоянный отдел театральной критики. Статьи по вопросам театра встречались уже в журналистике первой половины XVIII в. (в «Примечаниях к ведомостям»), а театральные рецензии спорадически появлялись с 1770-х годов — в «Пустомеле», в «Почте духов» и, после «Московского журнала», в «Санкт-Петербургском Меркурии». Но серьезно поставленная театральная критика началась у нас именно в журнале Карамзина. Свой постоянный интерес к театру Карамзин засвидетельствовал в «Письмах русского путешественника», в особенности в письме из Парижа от 29 апреля 1790 г., помещенном во второй книжке «Аглаи» 1795 г. (стр. 120—154). Отзывы об игре актеров и о пьесах в «Письмах» Карамзина представляют маленькие рецензии и заслуживают упоминания. Однако большее значение имеют специальные театральные рецензии и обзоры. Подобно рецензиям о книгах, театральнокритические отзывы печатались почти в каждой книжке «Московского журнала» и придавали ему специфический характер. Оригинальные рецензии и переводы театральных обзоров принадлежали Карамзину единолично (за исключением одной сторонней статьи, ч. VII, стр. 243—256), и поэтому самый выбор материала для тех и других характеризует его театральные вкусы и интересы. Из различных рецензий Карамзина вырисовывается его театральная эстетика в таком виде: «Драма должна быть верным представлением общежития. . . Надобно, чтобы зритель [в ней] забывался. . .» (ч. I, стр. 235). Но задача драматурга иная, нежели историка, который тоже должен верно представлять события: «Историк должен описывать все, как было, не думая о впечатлении, которое сделает в читателе описываемое им приключение; но драматический поэт должен иметь у себя в предмете известное действие, то есть он должен производить в зрителе или радость, или горечь!» (ч. III, стр. 92). И именно в том впечатлении, которое производит драматическое сочинение, заключается сила писателя, его «великое искусство потрясать сердца наши» (ч. VI, стр. 102). Поэтому особенно ценно драматическое произведение, когда оно «составляет гармоническое целое», когда в нем «все приключения натурально связаны» и «все характеры искусно изображены» (ч. I, стр. 63). Карамзин считает, что «душой трагедии» должны быть «ужас» и «жалость»

¹ Следует отметить, что язык прозаических произведений в «Московском журнале», не принадлежащих Карамзину, много хуже его собственного (см., например, ч. III, стр. 283—290).

(ч. III, стр. 95). И именно отсутствие этого высокого сценического содержания в большинстве драматических произведений французских писателей отталкивает Карамзина от театра классицизма. «Французские трагедии, — говорит он, — можно уподобить хорошему регулярному саду, где много прекрасных аллей, прекрасной зелени, прекрасных цветников, прекрасных беседок; с приятностию ходим мы по сему саду и хвалим его; только все чего-то ищем и не находим, и душа наша холодною остается; выходим — и все забываем. Напротив того, Шекспировы произведения уподоблю я произведениям природы, которые прельщают нас в самой своей нерегулярности, которые с неопысанною силою действуют на душу нашу и оставляют в ней неизгладимое впечатление» (ч. III, стр. 96).

Изучение Шекспира дало Карамзину не только критерии для оценки театральных произведений, но и понимание особенностей актерской игры. Он полагает, что в Германии не было бы хороших актеров, если бы у немцев «не было Лессинга, Гете, Клингера, Шиллера и других драматических авторов, которые с такою живостию представляют в драмах своих человека, каков он есть, изображая, так сказать, все оттенки его природы, но отвергая все излишние украшения или французские румяны, которые человеку с чистым естественным вкусом не могут быть приятны. Читая Шекспира, читая немецкие драмы, — продолжает Карамзин, — я живо воображаю себе, как надобно играть актеру и как что произнести, но при чтении французских трагедий редко могу представить себе, как можно в них играть актеру хорошо или натурально, или так, чтобы меня тронуть» (ч. II, стр. 22—23).

Этими эстетическими требованиями определяются карамзинские критические статьи и заметки о театральных постановках в Москве или за границей. Примером развернутой рецензии Карамзина могут служить статья о постановке «Эмилии Галотти» в Московском театре (ч. I, стр. 62—79) и отзыв о представлении «Человеконенавидения и раскаяния» (так переводит он «Ненависть к людям и раскаяние» Коцебу) в Берлинском театре.¹

В своих рецензиях Карамзин излагает сперва содержание пьесы, либо придерживаясь точно последовательности событий на сцене, либо сопровождая свое изложение истолкованием психических состояний героев. В первом случае психологический анализ идет вслед за изложением пьесы; при этом рецензент ограничивается рассмотрением только важнейших мест произведения. Во втором — изложение и анализ сливаются, от констатации единичного поступка Карамзин переходит к оправданию или

¹ Письма русского путешественника, ч. II, стр. 15—23.

аргументации его ссылкой на общие законы или, по крайней мере, обыкновения человека. В этом отношении показательны следующие места. Вот, например, Одоардо, задумывая убийство Эмилии Галотти, колеблется, то чувствует решимость осуществить замысел, то обращается к небесам с призывом: «Кто ее безвинно ввергнул в эту бездну, пусть Тот и спасает ее! На что Ему рука моя?». Приведя эти слова, Карамзин восклицает: «Вот черта, которая показывает, сколь хорошо знал автор сердце человеческое! Когда человек в крайности решится на что-нибудь ужасное, решение его, пока еще не приступил он к исполнению, бывает всегда, так сказать, неполное. Все еще ищет он кратчайших средств — не находит, но все ищет, как будто бы не веря глазам или рассудку своему» (ч. I, стр. 66).

В рецензии о драме Коцебу «Человеконенавидение и раскаяние» Карамзин так характеризует душевные переживания покинутой своим возлюбленным Эйлалии Мейнау: «Тут открываются глаза ее — она чувствует всю ужасность своего состояния, весь стыд и несчастье порочной женщины» (ч. II, стр. 17).

Таким образом, с помощью изложения рецензируемой пьесы Карамзин раскрывает психологические мотивы поступков героев, их внутреннюю борьбу, перипетии развивающейся душевной коллизии. Больше всего интересует его в пьесе «натуральность» поступков героев с точки зрения правдоподобия. В рецензии на трагедию Корнеля «Сид» Карамзин спрашивает: «Вероятно ли, например, то, чтобы добродетельная девица, какую автор хотел представить Химену, могла решиться быть супругою убийцы отца своего в самый тот день, в который убийство совершилось?.. Вероятно ли даже и то, чтобы король, не будучи самым грубым и нечувствительным человеком, вздумал в тот день говорить ей о браке?» (ч. VI, стр. 90—91).

Столь же неправдоподобной представляется Карамзину фабула трагедии Бергюха «Эльфрида» (ч. VI, стр. 98—106). Его раздражает неискренность драматурга в обрисовке характеров героев: «Характер Эльфриды, — пишет он, — изображен довольно слабо, а все прочие мне противны» (ч. I, стр. 103). В другой рецензии Карамзин с досадой отмечает, что анализируемая комедия «принадлежит к роду таких драматических сочинений, которые состоят более из разговоров, нежели из действия», т. е. что она не сценична.

Помимо оценки самой пьесы, в каждой рецензии Карамзин останавливается на игре актеров. Он обычно более или менее подробно характеризует исполнительскую манеру актера, «тон», мимику, в особенности «глаза», жестикуляцию, интонацию. «Господин Померанцев, наш Гаррик, наш Моле, наш Экгоф, — пишет

Карамзин, — ни в какой роле столько не удивляет нас своими дарованиями, как в роле Одоарда». «Пусть покажут нам актера, — продолжает Карамзин, — которой превзошел бы Померанцева в игре глаз, в скорых переменах лица и голоса!» и т. д. (ч. I, стр. 73—77).

В своих рецензиях Карамзин не ограничивается описанием игры актеров; почти всегда он сопровождает характеристику и оценку своими замечаниями о том, как следовало бы исполнить то или иное место, произнести ту или иную фразу, сделать тот или иной жест, принять ту или иную позу. «Коротко сказать, вся игра господина Померанцева в сей трагедии [«Эмилия Галотти»] прекрасна. Только бы мог он еще с сильнейшим движением и страшнейшим голосом произносить: „Есть еще, дочь моя, есть!“». Лучше бы также было, если бы он, окончив свою ролю, не становился на колени подле лежащей Эмилии, с которою он уже простился, обращаясь к принцу. Ему бы надлежало, кажется, остаться в глубокой задумчивости, с потупленным взором, между тем как говорит принц» (ч. I, стр. 75—76). В рецензии о «Человеконенавидении и раскаянии» Коцебу Карамзин характеризует игру актера Лапина, исполнявшего роль барона Мейнау. Похвалив ряд мест в трактовке Лапина, рецензент замечает: «Только в первых явлениях надлежало бы ему показываться более углубленным в самого себя» (ч. II, стр. 321).

Подобные рецензии были очень важным материалом и для актеров, внимательно прислушивавшихся к мнению Карамзина (В. П. Померанцев состоял подписчиком «Московского журнала» за оба года издания), и для читателей, на суждениях Карамзина воспитывавших свой театральный вкус и учившихся не безответно, а сознательно оценивать репертуар и игру актеров. Таким образом, театральный отдел «Московского журнала» был серьезным вкладом в историю русской театральной культуры и, в то же время, в историю русской журналистики — с этого момента театральная рецензия становится регулярным явлением русских журналов, позднее и газет, а с начала XIX в. появляются уже специальные театральные журналы.

Придавая большое значение вопросу о языке и стиле, Карамзин в своих театральных рецензиях не обходил молчанием языковой стороны анализируемых пьес, преимущественно переводных. Он отмечает неловкие и неточные переводы, смешение славянизмов с галлицизмами, и т. д. (ср. ч. I, стр. 232—233). Как человека с разборчивым вкусом его отталкивают такие шутки в пьесах, «которые один раек смеяться заставляли» (ч. II, стр. 78). В комедии «Баловень» он язвительно вышучивает место, где герой, обращаясь к возлюбленной, сравнивает любовь скряги

к полушке со своей любовью к ней, Семиле: «Не правда ли, что сей нежной комплимент можно назвать совершенно новым? Страстной любовник, — иронизирует рецензент, — (и притом не лакей, а благородной человек, живущий в большом свете) сравнивает свою любовницу с полушкой!» (ч. I, стр. 241—242).

Нельзя не привести еще одной любопытной цитаты, завершающей рецензию о комедии «Граф Ольсбах»: «Перевод достоин похвалы. Только жаль, что г. переводчик употребляет слова сие и оное, что на театре бывает всегда противно слуху». Рецензент спрашивает: «Употребляем ли мы сии слова в разговорах? Естли нет, — говорит он, — то и в комедии, которая есть представление общежития, употреблять их не должно. Чем слог театральной пьесы натуральнее и проще, тем лучше» (ч. I, стр. 357).

Таким образом, театрально-критический отдел вполне совпал по своим принципам и практике с остальными отделами и, вместе с тем, дополнял их, придавая изданию Карамзина особый характер журнала, рассчитанного на высоко интеллигентных, интересующихся искусством читателей. И в этом отделе личность Карамзина сказала, может быть, ярче, чем в других случаях: здесь у него не было предшественников на русской почве, он не был связан традицией и проявлял только свои личные вкусы и симпатии, обосновывая их, впрочем, ссылками на общие законы человеческой природы.

Мягкость Карамзина, его нелюбовь к крайностям, склонность к спокойным и осторожным решениям особенно обнаружили в «Московском журнале» в том, что здесь мы не встречаем обычного или, во всяком случае, частого явления в журналистике XVIII в. — полемики. Впрочем, можно привести два факта, не нарушающие сделанного сейчас наблюдения, но представляющие полемику. Первый факт состоял в следующем. В январской книжке «Московского журнала» 1792 г. была помещена рецензия В. Подшивалова о «Невероятных сказаниях» греческого писателя Палефата, переведенных Ф. Туманским (ч. V, стр. 137—148). Рецензия была в общем довольно безобидная, но переводчика она раздражила донельзя, и он прислал Карамзину возражение в форме статьи, которая и была напечатана в следующем номере журнала под заглавием «О суждении книг». Резкая и несправедливая статья Туманского была сопровождена полными достоинства убедительными примечаниями Карамзина, которые могут представить известный интерес при суждении о взглядах последнего на критику и отношении к ней.¹

¹ Ср. в связи с этим «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (стр. 17, 19 и особенно 33).

Второй случай еще более интересен. Каково было отношение современной журналистики к «Московскому журналу», нам не известно. Но, повидимому, в тогдашних литературных кругах появление «Московского журнала» с его своеобразной лирикой, сентиментальной прозой и разнообразной и интересной культурной информацией было воспринято не особенно благоприятно. Вероятно, именно ответом на эти неблагоприятные отклики современной литературы явилась анонимная басня в прозе «Соловей и ворона», помещенная в «Московском журнале» (ч. III, стр. 197—198). Содержание ее таково: «В прекрасной весенний вечер сидел любезной соловей на розовом кусточке и пел свои восхитительные песни». Пенье его произвело впечатление на всех птиц. Однако глупая, но честолюбивая ворона, завидуя соловью, «сама села на розовый куст и запела, или, лучше сказать, закаркала во все горло». Услышавшие ее противное карканье птицы улетели; тогда она вдогонку стала спрашивать их: «Разве вы не слышите, что и я пою?». В ответ на это летевший позади прочих птиц тетерев заметил: «Да не так, как соловей». Басня заканчивается оборванной на середине фразой: «Безграмотные русские стихотворцы! и вы споете, но...». К слову «безграмотные» сделано такое примечание: «То есть те, которые ни читать ни писать не умеют; но я, нижеподписавшийся, не знаю ни одного русского стихотворца, который бы не умел ни читать ни писать, и потому думаю, что сочинитель сей басни говорит о фантомах своего воображения — Издатель» (стр. 198).

Именно то обстоятельство, что в примечании, явно ироническом, издатель, т. е. Карамзин, как бы отмежевывается от «сочинителя сей басни», вызвало у исследователей убеждение о действительном несовпадении личности автора басни и издателя-Карамзина. Поэтому басня «Соловей и ворона» не вошла в «Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине» С. И. Пономарева (СПб., 1883). Между тем, прозаическая басня «Соловей и ворона» в «Московском журнале» почти совпадает по содержанию с стихотворной басней Карамзина «Соловей, галки и вороны».¹ Здесь тот же «любезной соловей», который «певал» «вечернюю зарю в лесочке». Но он улетел, а «в лесочке поселился хор галок и ворон», который безжалостно терзает слух людей. «Что ж делать соловью? — Лететь подале прочь!». «Мораль» этой басни также совпадает с моралью прозаической:

Жестокие враги и прозой и стихами!

Какому соловью петь можно вместе с вами?

(Стр. 50).

¹ Аониды, 1796, кв. I, стр. 49—50.

Таким образом, обе басни о соловье и воронах отражали какие-то литературные взаимоотношения между Карамзиным и «безграмотными русскими стихотворцами».¹

В ноябрьской книжке «Московского журнала» за 1791 г., в обращении «От издателя к читателям» (ч. IV, стр. 245—249), Карамзин объявлял о продолжении издания на следующий год. Издатель указывает, что, пересматривая одиннадцать изданных книжек журнала, он явно видит многое, требующее уничтожения или перемены, но просит извинить его, так как 1791 г. был для него исключительно неблагоприятен. Объявляя подписку на новый год, Карамзин подтверждает программу журнала и жалуется на недостаток «субскрибентов» (подписчиков), не позволяющий ему применить технические усовершенствования во внешней стороне издания.

Но и в 1792 г. выпуск журнала был нерегулярным: Карамзин дважды уезжал по семейным обстоятельствам в деревню, февральская книжка «Московского журнала» долго не выходила в свет и вызвала специальное объяснение издателя с читателями. Кроме того, у Карамзина были безусловно какие-то осложнения с цензурой. Так, в ноябрьской книжке 1791 г. он счел нужным в своем обращении к читателям указать, что непечатание некоторых из присланных ему пьес вызвано не тем, что они не нравились издателю, а тем, что они «почему-нибудь не входили в план „Московского журнала“» (ч. IV, стр. 249). Возможно, что это — замаскированное указание на трудности проведения каких-то произведений через цензуру. Относительно цитированной выше оды Карамзина «К Милости» известно, что она была опубликована не в первоначальном своем виде.²

Все эти личные и внешние обстоятельства привели к тому, что по истечении двух лет издания «Московского журнала» Карамзин решил прекратить выпуск его в свет и взамен регулярно выходящего ежемесячного журнала печатать с 1793 г. сборник под названием «Аглая».

«АГЛАЯ»

(1794—1795)

Объявляя о прекращении «Московского журнала», Карамзин в «Заключении» к последней книжке издания рисовал свою свободу от издательских обязательств в идиллических тонах. Он

¹ Ср. комментарий В. В. Сиповского к басне «Соловей, галки и вороны» в «Сочинениях Карамзина» (изд. Акад. Наук, Пгр., 1917, т. I, стр. 426).

² Сочинения Карамзина. Изд. Акад. Наук, Пгр., 1917, т. I, стр. 417

вознамерился всерьез заняться изучением древних литератур, «которые (в чем признаюсь охотно) не так мне известны, — писал он, — как новые» (ч. VIII, стр. 335). Эти занятия должны подготовить его к такому труду, «который мог бы остаться памятником души и сердца его»; писать он думает не для потомства («о чем и думать не смею и что было бы конечно самою смешною, ребяческою гордостью», — замечает Карамзин в скобках), но для малочисленных своих друзей и приятелей. Однако свободные от этих серьезных занятий часы Карамзин предполагает посвящать литературным упражнениям, которые, вместе с такими же литературными трудами своих друзей он намеревается издавать «в маленьких тетрадках под именем... например, *Аглаи*, одной из любезных *Граций*». По мысли Карамзина, «*Аглая*» должна отличаться от «*Московского журнала*» строжайшим выбором пьес и более чистым, «выработанным», т. е. обработанным слогом.

Первая книжка нового карамзинского издания вышла в свет лишь в апреле 1794 г. Вторая и последняя была издана через год. В 1796 г. понадобилось повторное издание обеих частей, которое вышло без изменений.

«*Аглая*» была первым настоящим русским альманахом. Впрочем, еще в 1771 г.¹ М. М. Херасков издал небольшой сборник, озаглавленный «*Российский Парнасс*»; здесь были напечатаны поэма Хераскова «*Селима и Селим*», «*Стихи к будущей любовнице*» и «*Разговор Ломоносова с Анакреоном*». Таким образом, хронологически «*Российский Парнасс*», вышедший за двадцать с лишним лет до «*Аглаи*», мог бы считаться первым русским альманахом, но он прошел незамеченным и не создал традиции.

Отличительной чертой «*Аглаи*», выделявшей ее среди всех тогдашних изданий, было то, что «в ней, — как указывал Карамзин в статейке «*От сочинителя*» (ч. I, стр. 144), — одни русские сочинения; переводов нет». Кроме того, за исключением басни «*Чиж*» Дмитриева и стихотворения «*Разлука*» М. Хераскова в первой книжке «*Аглаи*» и притчи «*Скворец, попугай и сойка*» Хераскова же во второй книжке, все прочее представляет литературные труды самого Карамзина.

В первой книжке «*Аглаи*» были помещены стихотворения Карамзина «*Приношения Грациям*», «*Надгробная надпись Боннету*», «*Волга*», «*К соловью*», «*Эпитафия калифа Абдулрамана*», «*Весеннее чувство*» и стихи Дмитриева и Хераскова. Вперемежку со стихами печатались прозаические произведения Карамзина: «*Цветок на гроб моего Агатона*» — лирические воспоминания

¹ Дата 1771 г. находится на обложке; на титульном листе — 1773 г.

А Г Л А Я.

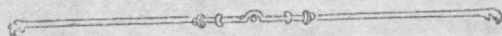
*Les Esprits bien faits qui ne peuvent
lire mon cœur, liront au moins mon livre.*

Боннетъ.

К Н И Ж К А I.

1794.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

о незадолго до выхода «Аглаи» умершем друге издателя, А. А. Петрове, ряд статей теоретического характера («Что нужно автору?», «Нечто о науках, искусствах и просвещении»), очерк «Нежность дружбы в низком состоянии», отрывок из «Писем русского путешественника» — «Путешествие в Лондон» — и, наконец, сентиментально-романтическая повесть «Остров Борнгольм». Хотя в заключительной статейке «От сочинителя» в первой книжке «Аглаи» Карамзин и жаловался, что «желал бы писать не так, как у нас по большей части пишут, но силы и способности не всегда соответствуют желанию» (стр. 144), однако проза «Аглаи» представляет несомненный и значительный шаг вперед в развитии как самого Карамзина, так и русского литературного языка.

Очерк «Нежность дружбы в низком состоянии» представляет сентиментальную апологию крестьянской чувствительности. «Фрол Силин» и «Бедная Лиза» должны были показать способность крепостных крестьян чувствовать сострадание к ближним и любовь. Очерк в «Аглае» дополняет гамму крестьянских «чувствований» дружбой. «Такие души, такая дружба, и в таком состоянии! — заканчивает Карамзин свой очерк. — Мизантроп! . . .» — приглашает он и не заканчивает своего приглашения, очевидно, высказаться по этому поводу (ч. I, стр. 90).

Овеянный таинственностью «Остров Борнгольм» произвел сильное впечатление на современных читателей. Известный писатель XVIII в. А. Т. Болотов, по выходе в свет второй книжки «Аглаи», писал в своем дневнике, что читатели с особенным нетерпением ожидали продолжения или окончания «Острова Борнгольма», ожидали той истории, рассказать которую обещал Карамзин в конце своей повести. Отсутствие окончания «Острова Борнгольма» разочаровало, по словам Болотова, читателей. Здесь же он записал, что, по слухам, Державин отсоветовал Карамзину печатать развязку этой «несколько несогласной с благонравием и прикрой [острой] повести. Вообще же Болотов высоко оценивает как первую, так и вторую книжку «Аглаи».¹

Вторая книжка «Аглаи» в общем продолжала традиции первой: здесь также печатались только оригинальные произведения Карамзина (и одна притча Хераскова); здесь также проза перемежается стихами; здесь также много внимания обращено издателем на обработку языка. Вообще в обеих книжках «Аглаи» нет тех образцов «языковой глухоты» Карамзина, какие встречались еще в «Московском журнале».

¹ Губерти Н. В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887, стр. 23.

Вторая книжка «Аглая» несколько отличается от первой по содержанию. Хотя и здесь есть сентиментально-романтическая повесть «Сиерра-Морена» и отрывки из «Писем русского путешественника», но, взамен общетеоретических статей на темы литературные, вроде «Что нужно автору?», мы находим здесь такие вещи, как «Афинская жизнь» и «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору». Эти произведения написаны под прямым воздействием французских событий 1793—1794 гг. Какая-то подавленность, даже отчаяние чувствуется почти в каждой пьесе этой книги. Уже в посвящении книги «другу моего сердца», «любезной» Карамзин пессимистически повторяет дважды: «Мы живем в печальном мире». Мир ничем уже не может привлечь писателя. «Исчезли призраки моей юности, — пишет он. — . . . Чего искать? к чему стремиться?». Западная Европа, некогда бывшая для него каким-то притягательным магнитом, утратила в его глазах свое былое и мощное обаяние: «лежит страннический посох мой и тлеет во прахе! . . .».

Это посвящение «другу моего сердца» является как бы камертоном, на звук которого настроена вся книга. Автор хочет уйти от мрачных дум, навеваемых современностью, в экзотику Испании, в безоблачную гармоническую Аттику времен Сократа, в баснословные времена Ильи Муромца. Но от этой трагической реальности никак не оторваться:

Красы волшебства исчезают. . .
Теперь иной я вижу свет, —

пишет Карамзин в «Послании к Д[митрию]» (ч. II, стр. 24). И от чарующей, идеализованной Эллады не остается ничего; очерк «Афинская жизнь» кончается таким безнадежным и разоблачающим фантазию аккордом: «О друзья! все проходит, все исчезает! Где Афины? Где жилище Гиппиево? Где храм наслаждения? Где моя греческая мантия? — Мечта! Мечта! Я сижу один в сельском кабинете своем, в худом шлафроке, и не вижу перед собою ничего, кроме догорающей свечки, измаранного листа бумаги и гамбургских газет, которые завтра поутру (а не прежде, ибо я хочу спать нынешнюю ночь покойным сном) известят меня об ужасном безумстве наших просвещенных современников» (ч. II, стр. 59—60).

Отрывок из «Писем русского путешественника» (апрель—май 1790 г.) посвящен детальному описанию парижских театров. Автор словно хочет забыть горькую действительность, «ужасы революции», которые «выгнали из Парижа самых богатейших жителей», забыть, что «Париж ныне не то, что он был», что «грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего,

некогда пышного города» (ч. II, стр. 159). Однако ограничиться одной только характеристикой театральной жизни Парижа Карамзин не может; в том же письме он дает живую зарисовку оживленных, даже бурных политических споров в одном из немногочисленных сохранившихся салонов, посещенных им. Атмосфера революции проникает и в этот уголок Франции старого порядка.

Изображая этот салон, Карамзин не может обойти вопрос о революции. Но так как в 1794—1795 гг. говорить о событиях 1790 г., не учитывая дальнейшего их развития, было невозможно, Карамзин естественно, после изображения вечера в светском салоне, переходит к воспоминаниям о короле и королеве. То, что оба они были недавно казнены, заставляло современников, настроенных антиреволюционно, трагически освещать последние годы их жизни, последние встречи с ними, их беспечность и беззаботность перед надвигавшейся, а затем и совершившейся развязкой. Именно таким ощущением трагической обреченности проникнуто то «письмо» Карамзина, в котором — задним, конечно, числом — он рассказывал, как видел в придворной церкви королевское семейство. Давая самую благожелательную характеристику Людовику XVI, Карамзин пишет: «Таков сей государь! Он может быть злополучен, может погибнуть в шумящей буре — но правосудная история впишет Людовика XVI в число благодетельных царей, и друг человечества прольет в память его слезу сердечную» (ч. II, стр. 160). Это «может быть злополучен», «может погибнуть», «друг прольет в память его слезу сердечную» — все это напоминает «пророчество о совершившемся». И какой иронией отдает заключительная часть этого письма, где изображается отношение парижан к маленькому дофину: «Со всех сторон бежали люди смотреть его, и все без шляп; все с радостью окружали любезного младенца, которой ласкал их взором и усмешками своими. Народ любит еще кровь царскую!» (стр. 162). Читать эти слова в 1795 г., после казни короля, было самому Карамзину странно и, пожалуй, страшно. И, вероятно, именно этим обстоятельством следует объяснить, что непосредственно вслед за только что цитированными словами в «Аглае» идет отрывок, опущенный затем Карамзиным и не вошедший ни в одно из последующих переизданий «Писем русского путешественника»: «Отчего сердце мое страдает иногда без всякой известной мне причины? Отчего свет помрачается в глазах моих тогда, когда лучезарное солнце сияет на небе? Как изъяснить сии жестокие меланхолические припадки, в которых вся душа моя сжимается и хладеет? — Неужели сия тоска есть предчувствие отдаленных бедствий? или задаток тех горестей, которыми судьба намерена посетить меня в будущем?» (стр. 162—163).

Мрачные мысли были характерны для Карамзина, конечно, не в 1790 г., а именно в годы после возвращения из-за границы. Ни в «Московском журнале», ни даже в первой книжке «Аглаи» не чувствуется той грусти, того ощущения краха всех юношеских надежд, того отчаяния, которыми пропитана едва ли не каждая страница второй книжки карамзинского альманаха. Он утратил веру в прогресс человечества:

Ах! зло под солнцем бесконечно,
И люди будут — люди вечно
(стр. 21).

Сильнее всего это трагическое мироощущение Карамзина сказалось в произведении, помещенном во второй книжке «Аглаи» как два самостоятельных отрывка: «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору». Подобно «Афинской жизни», и только что названные отрывки являются одновременно и отражением изучения Карамзиным античных литератур, и, вместе с тем — и даже скорее, — откликом на события 1789—1794 гг. Мелодор («дарящий песни», поэт) — человек, тяжело переживающий под влиянием Французской революции крушение своих идеалов, он впадает в мрачное, безысходное отчаяние. Друг его Филалет («любитель истины») утешает его напоминанием о загробной жизни: «Мелодор! нам не век жить в сем мире. Ударит час, и все переменится! С сею любовью к добродетели, которая была, есть и будет вечным характером души твоей, падем в могилу и зароемся тихою землею!» (стр. 94).

В этих отрывках, помимо личных тяжелых переживаний Карамзина, отразились и его чтения «Руин» Вольнея, произведших на него большое впечатление (см. выше). Любопытно, что современники, укорявшие его в «излишней привязанности к пагубной нынешней и весь свет с ума сводящей вольности, чему многие черты оказал он еще в своем „Московском журнале“», считали, что во второй книжке «Аглаи» Карамзин «уже несколько скромнее и воздержнее, а не явно и грубо обнажал истинные свои мысли». Было даже высказано предположение в некоторой неискренности Карамзина: «В письме от Филалета к Мелодору даже старался умышленно прикрыть себя лучшею личиною. Однако, — прибавляет критик (А. Болотов), — от очей строгого пронизания трудно было ему утаить истинные черты настоящих его правил и расположения мыслей. Все оставалось еще великое сомнение о его мыслях в рассуждении религии и закона».¹

¹ Губерт Н. В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887, стр. 23.

Как и «Московский журнал», «Аглая» сыграла заметную роль в истории русской журналистики. Она определила характер альманаха общего типа, и, несомненно, в эпоху расцвета альманахов (в 1820-х и отчасти в 1830-х годах) перед издавателями «Полярной звезды», «Северных цветов» и т. п. стоял как пример и карамзинский альманах «Аглая».

Касаясь внешних (типографских) особенностей «Московского журнала» и «Аглаи», следует отметить частое использование Карамзиным, очевидно в целях большей выразительности, курсива и разрядки. Впрочем, последняя применялась Карамзиным и в таких случаях, когда наличие ее не давало никаких дополнительных восприятий и просто не вызывалось необходимостью.

«АОНИДЫ, ИЛИ СОБРАНИЕ РАЗНЫХ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ»

(1796—1799)

Это был первый собственно стихотворный русский альманах. Поскольку задачей редактора было представить в лучших образцах новейшую русскую поэзию в целом, постольку Карамзин был связан наличным материалом и не мог придать «Аонидам» какое-либо одно определенное литературное направление. Цензурные строгости последних лет царствования Екатерины и царствования Павла наложили на альманах еще больший отпечаток осторожности, сознательного устранения сколько-нибудь подозрительных или «противных благопристойности и благонравию» тем. Поэтому «Аониды» не представляют для истории журналистики особого интереса.

ЗНАЧЕНИЕ ЖУРНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРАМЗИНА

В 1802 г. Карамзин начал издавать новый журнал — «Вестник Европы», сыгравший, подобно «Московскому журналу», заметную роль в русской периодической литературе. Однако это издание хронологически и идеологически выходит за пределы XVIII в. и нашему рассмотрению не подлежит.¹ Конечно, полное представление о журнальной деятельности Карамзина можно составить, только приняв в расчет и «Вестник Европы», но для

¹ См. об этом журнале, кроме старых работ, перечисленных в «Словарном указателе по книговедению» А. В. Мезьер (1924 и 1929), статью В. В. Гиппиуса «„Вестник Европы“ 1802—1830 годов» (Уч. зап. Лен. Гос. универс., 1939, № 46, стр. 201—228), а также «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. I, стр. 177—179 и сл.

целей нашего обзора журналистики 90-х годов XVIII в. привлечение «Вестника Европы» не нужно. В сознании читателей конца XVIII в. Карамзин был только «милым издателем „Московского журнала“ и „Аглаи“».

Всматриваясь в отзывы современников о литературной деятельности Карамзина в 1790-е годы, нельзя не заметить одного важного обстоятельства. Тогдашних читателей поражало, что произведения Карамзина, независимо от идейной и психологической стороны, вызывали живейший интерес своим сюжетом. До Карамзина этого в русской журналистике и в русской литературе вообще не было. Писатели привлекали внимание читателей своими идеями, политическими устремлениями, остротой или глубиной постановки социальных или этических вопросов, своим языком, своей «замысловатостью» наконец. Но увлечь широкую массу читателей сюжетной стороной своих произведений и тем самым «растрогать» их (и термин этот был введен Карамзиным), вызывать нетерпение читателей, жаждущих узнать продолжение или окончание повести (как было с «Островом Борнгольмом»), — это сумел сделать только Карамзин, и именно это было причиной роста популярности Карамзина и его журналов. Отдельные его произведения и самый характер «Московского журнала» служили образцом для подражания. Исследователи отметили впоследствии, что в начале 1790-х годов «явился ряд „чувствительных“ повестей: Прекрасная Татьяна, Бедная Маша, Несчастливая Маргарита, Обольщенная Генриетта и т. д., составлявшие подражание Бедной Лизе; разные Плоды свободных чувствований, Утехи меланхолии и Оттенки чувств, — наконец, ряд „чувствительных“ путешествий, тоже в форме писем и наполненных сантиментальными излияниями».¹

Многие журналы, даже враждебные Карамзину и его сентиментальному направлению, как, например, «С.-Петербургский Меркурий» Клушина и Крылова, как «Муза» И. И. Мартынова (1796), усваивают ряд черт, присущих «Московскому журналу». Особенно близко стояли к карамзинскому изданию журналы сентименталиста В. С. Подшивалова «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1792—1793)² и «Приятное и полезное препровождение времени» (1794—1798). Здесь печатались Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. Измайлов, П. Ю. Львов и другие сев-

¹ Анучин Д. И. Столетие «Писем русского путешественника». — Русская мысль, 1891, кн. VIII, стр. 65.

² В 1791 г., в первый год издания, В. С. Подшивалов еще редактором не был.

timentалисты, вызывавшие нередко насмешки своих литературных и политических противников.

Таким образом, Карамзин очень скоро стал если не вождем, то, во всяком случае, главой нового направления в русской журналистике, а направление это, несмотря на свойственную ему аффектацию и — местами — слащавость и приторность, оказалось на некоторый краткий период прогрессивным этапом в развитии русской литературы и общественной. «Несомненно, что в этой чувствительности, — писал более полувека назад акад. Д. И. Анучин, — была своя хорошая сторона; она будила добрые, гуманные чувства, вызывала участие к меньшей братии, обращала внимание на жизнь обывденной природы и быт обыкновенных людей и в ней указывала на проявления красоты и добра, достойные симпатии» (там же). Это верно, но лишь отчасти: наряду с либеральным гуманизмом Карамзина существовал революционный гуманизм Радищева.

Для поколения 1790—1800-х годов Карамзин был исключительно крупным явлением и в области литературы, и в области языка, и в области эстетики вообще, и в области политических симпатий. Белинский так характеризовал «Письма русского путешественника», этот нерв «Московского журнала» и «Аглан»: «„Письма русского путешественника“, — говорил Белинский во второй статье о «Сочинениях Александра Пушкина», — в которых Карамзин так живо и увлекательно рассказал о своем знакомстве с Европою, легко и приятно познакомили с этою Европою русское общество. В этом отношении „Письма русского путешественника“ — произведение великое, несмотря на его поверхностность и всю мелкость их содержания: ибо великое не всегда только то, что само по себе действительно велико, но иногда и то, что достигает великой цели каким бы то ни было путем и средством. Можно сказать с уверенностью, — продолжает Белинский, — что именно своей легкости и поверхностности обязаны „Письма русского путешественника“ своим великим влиянием на современную им публику; эта публика не была еще готова для интересов более важных и более глубоких».¹

В основном Белинский, конечно, прав: влияние «Писем» было велико, они знакомили русского читателя 1790-х годов, хотя и не полностью, с новейшей европейской философией и литературой, они помогли пронести сквозь екатерининскую реакцию 1790-х годов некоторые относительно прогрессивные идеи, они были серьезными документами раннего русского дворянского

¹ Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова. Пгр., 1917, т. XI, стр. 218—219.

просветительства. Таким образом Карамзин, несмотря на свой умеренный либерализм, на свою политическую осмотрительность и осторожность, в известном смысле и в какой-то мере продолжал дело передовой русской литературы, передовой русской журналистики XVIII в. — Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Радищева и Крылова. И в этом его большая и серьезная заслуга перед родной культурой, и это ставит его на одно из самых заметных мест в русской журналистике XVIII в.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский писал: «Историческое значение каждого великого русского человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силой его патриотизма. Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин справедливо считаются великими писателями, — но почему? Потому что оказали великие услуги просвещению или эстетическому воспитанию своего народа».

И все же не нужно забывать, что, продолжая дело передовой русской литературы — Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Радищева и Крылова, — Карамзин отнюдь не был прямым их продолжателем. Лишь общим направлением своего просветительства — притом умеренно-либерального дворянского просветительства — включался он в прогрессивную журналистику. По существу же Карамзин явился продолжателем на новом этапе идей, проповедовавшихся Херасковым в «Полезном увеселении»: отказа от политической борьбы, обращения к узкому кругу тонких ценителей искусства и литературы, воздействия на читателей одним уже своим обликом спокойного, умеренного и прекраснодушного писателя.

Журналистская деятельность Карамзина началась тогда, когда Радищев находился уже в ссылке. Поэтому может создаться впечатление, что Карамзин, а не вынужденно безмолвствовавший Радищев является центральной фигурой в русской журналистике конца XVIII в. На самом деле это не так.

РОЛЬ А. Н. РАДИЩЕВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ XVIII в.

Журнальная деятельность Радищева изучена в очень недостаточной степени. Не установлен объем ее, не выяснены обстоятельства его участия в тогдашних журналах, не определена роль его в развитии журналистики. В сущности говоря, биографы Радищева и исследователи его литературного творчества знают только два момента в его деятельности как журналиста: 1) участие Радищева в «Живописце», где, как свидетельствовал его сын, он поместил «Отрывок из путешествия в*** И*** Т***»,

и 2) выступление его на страницах «Беседующего гражданина» с «Беседой о том, что есть сын Отечества». В последнее время стали говорить о других его статьях в том же журнале.

Между тем для постановки вопроса об объеме журналистской деятельности Радищева существуют в литературе достаточные материалы, которые почему-то остаются в пренебрежении и не вызывают внимания, соответствующего серьезности темы.

Первый журнал, в котором, по словам П. А. Радищева, принимал участие его отец, был новиковский «Живописец». У нас нет серьезных оснований не верить свидетельству П. А. Радищева; почти все остальные факты, приведенные им в воспоминаниях об отце, подтверждены документами либо другими авторитетными показаниями. Работы советских литературоведов установили правильность свидетельства Радищева-сына относительно «Отрывка из путешествия», и до недавнего времени вопрос считался окончательно решенным. Попытка Г. П. Макогоненко пересмотреть вопрос никак, по нашему мнению, не может быть признана убедительной,¹ хотя такой авторитетный знаток литературы XVIII в., как Д. Д. Благой, весьма решительно и энергично признал силу аргументов Макогоненко и даже счел возможным включить во второе издание своего университетского учебника новую точку зрения на автора «Отрывка».²

Пока свидетельство П. А. Радищева документально не опровергнуто, следует, по моему мнению, признавать автором «Отрывка» Радищева, а не кого-либо другого.

Но если мы примем это положение, естественно и неизбежно должен встать вопрос: а не принадлежат ли Радищеву какие-нибудь другие произведения в том же журнале? Насколько известно, в литературе о Радищеве вопрос этот серьезно не ставился. Между тем, в материалах для истории журналистики XVIII в. указания по этому поводу, — убедительные или не убедительные, об этом будет речь ниже, — были сделаны несколько раз, причем впервые 90 лет назад.

¹ См. рецензию А. Б. Светлова на книгу Г. П. Макогоненко в «Советской книге» (1951, № 8, стр. 96). Н. К. Гудзий в своей рецензии на ту же книгу в «Большевике» (1951, № 21), к сожалению, уклонился от определения своей позиции в этом важном вопросе.

² Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е, стр. 287. В примечаниях к стр. 287 Д. Д. Благой ссылается на также очень убедительную, по его словам, неопубликованную работу Л. В. Крестовой, которая независимо от Г. П. Макогоненко отводит авторство Радищева и признает автором «Отрывка» Новикова. Пока работа т. Крестовой не напечатана и аргументация ее не известна, нельзя признать выводы ее обязательными, как это предлагает Д. Д. Благой.

В 1862 г. в историко-литературном журнале «Библиографические записки», издававшемся в Москве известным историком сатирических журналов и фольклористом А. Н. Афанасьевым, была напечатана статья Д. Ф. Кобеко «Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века». Здесь на стр. 110—111 было высказано предположение, что два письма во второй части «Живописца» («Сколько во Франции почитают Боало де Прея...», л. 10, № XII, и «Лишь только я уверился...», л. 21, № XXII), подписанные первое — «Отечеству своему всякого благожелающий Россиянин», второе — «Отечеству своему всякого блага желающий Р...», принадлежат А. Н. Радищеву. Аргументация А. Ф. Кобеко не слишком убедительна: он считал, что как по слогу, так и по преобладанию аллегории можно приписать эти письма Радищеву. П. А. Ефремов в комментариях к своему изданию «Живописца» (СПб., 1864, стр. 320 и 346) выдвинул следующее возражение против гипотезы Кобеко: поскольку Радищев на следствии указал, что до женитьбы (1775) опыты письма его всегда «обращались на нежные предметы», то, значит, прозы он не писал; на этом основании Ефремов отвел авторство Радищева в отношении «Отрывка из Путешествия в*** И*** Т***» и писем, указанных Кобеко. Впрочем, сам же Ефремов вынужден был признать, что «с другой стороны, однако, известно, что в то время [т. е. в 1772 г.] Радищев уже занимался переводами, чему доказательством может служить напечатанный в том же году перевод сочинения аббата де Мабли „Размышления о греческой истории“» (стр. 374). Насколько можно доверять показаниям Радищева на допросе у Шешковского, — Ефремов не счел даже нужным останавливаться, а это очень важно. Радищев не был заинтересован в полном освещении своей литературной деятельности.

На этом, в сущности, закончилось печатное обсуждение вопроса о принадлежности писем Россиянина Радищеву. Впрочем, для полноты картины следует указать, что А. Н. Неустроев и в своем «Историческом розыскании» (стр. LVII) и в «Указателе» (стр. 557) принял предположение Кобеко; включил его в свой «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанов (т. II—III, стлб. 178). Однако ни в литературе о Радищеве, ни в материалах о «Живописце» вопрос этот больше не затрагивался.

Если отбросить небольшую существующую литературу о «письмах» Россиянина и проанализировать самые «письма», нельзя не прийти к следующим выводам:

Во-первых, это не произведения Новикова. Уже в первой фразе первого письма приведены такие формулировки, которые

полностью противоречат позиции Новикова: Россиянин пишет издателю «Живописца», что «здесь [то есть в России] разумные люди похваляют Всякую всячину, Трутню и вашего Живописца, их потомка». Новиков никогда не стал бы «похвалять» свою соперницу и никогда не признавал себя «потомком» «Всякой всячины» (ср. ответ Новикова «молодой сочинительнице», которая угрожала ему тем, что будет на него жаловаться его прабабке, — «у меня ее нет»: Трутень, 1770, л. XIV, № 44).

Во-вторых, возможно, «письма» эти написаны человеком, побывавшим за границей. «Надобно, кажется и мне, — пишет Россиянин, — чтоб любовь к ближнему была самым первым основанием всех наших дел. Но мы видим иногда в свете и совсем противное тому. Когда поедем за море, то и там увидим (разрядка моя, — П. Б.), что в злобных сердцах попеременно действует то ненависть, то мщение и т. д.» (Живописец, ч. II, л. 10, № XII).

В-третьих, автор настроен антиматериалистически. Он с явным неодобрением говорит о мудрецах, «которые то французскими, то русскими выражениями по физике доказывали, что солнце, луна, звезды, земля и все вообще строение мира могло получить свое бытие и без посредства божия. Многие из тех, которые твердо знали французский язык, принимали доказательства их за справедливые и, не входя в храм, возвращались домой с сердцами гордыми, памятозлобными и равномерно как на друзей, так и недругов своих неугасимую ненавистию пылающими. Другие, напротив того, не слушали мечтательных и богопротивных их доказательств, но проходили, оглядываясь на них с презрением, во внутренность храма. С ними последними вошел и я, имея покорное сердце к существу непостижимому для разума человеческого, безднами заблуждения окруженного, со слезами просил его, дабы обратил на путь истинный заблудших моих сограждан...» (л. 21, № XXII).

Из этой цитаты и из последующей части второго «письма» Россиянина можно заключить, что он — масон правоверного толка, враждебно относящийся к современному ему материалистическому естествознанию.

Мог ли быть автором этих «писем» Радищев? Его кандидатура удовлетворяет двум первым пунктам наших наблюдений; отчасти удовлетворяет этому предположению и третий пункт: М. Н. Лонгинов указывал, что в 1774 г. Радищев посещал масонскую ложу «Уrania» в качестве «постороннего масона».¹ Но

¹ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 97.

о Радищеве хорошо известно — и по знаменитому примечанию о самодержавстве в переводе Мабли, и по другим данным, — что он был настроен уже и в это время материалистически и, конечно, не стал бы писать цитированных выше строк о заблуждениях современной ему науки.¹

Отводя кандидатуру Радищева, мы вместе с тем не устраняем вопроса о возможном участии его в новиковском «Живописце». Проблема эта остается нерешенной и ждет специальных дополнительных разысканий.

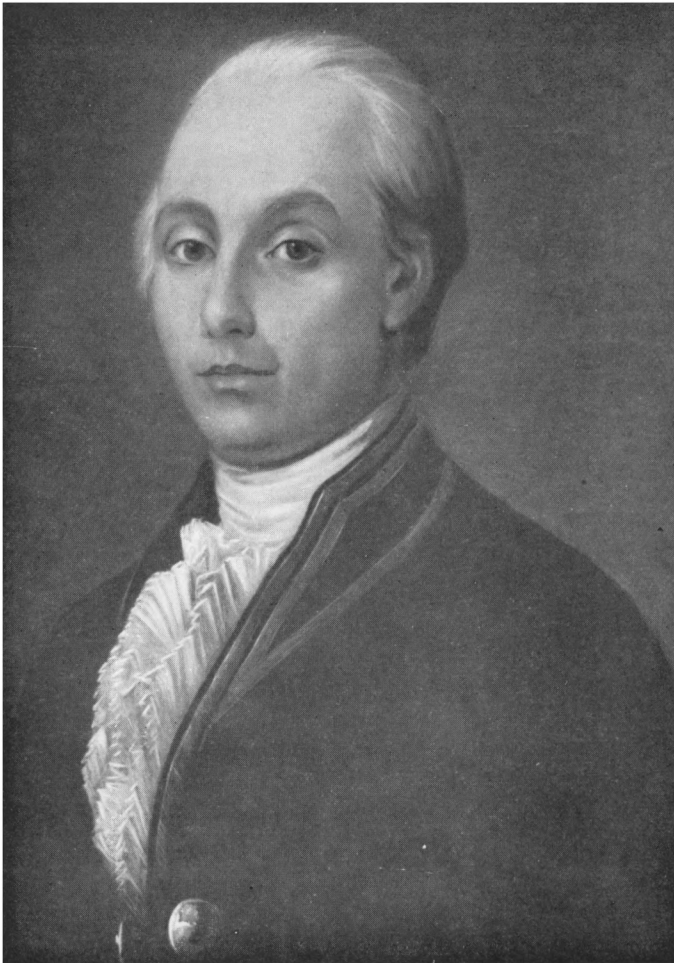
Столь же неопределенно положение с вопросом о сотрудничестве Радищева в журнале «Утренние часы» (1788—1789). Выше было указано, что в свое время Ф. А. Витберг поставил вопрос о возможности участия Радищева в этом журнале. Дело обстояло так. Витберг приобрел экземпляр «Утренних часов» (не полный, только две первые части), отличавшийся от обычных тем, что в нем имелись сокращенные подписи авторов и переводчиков под каждым напечатанным в журнале произведением, а также были приложены списки подписчиков на «Утренние часы». Эти материалы, отсутствовавшие, как уже сказано, в обычных экземплярах, позволили Ф. А. Витбергу установить ряд фактов, касающихся истории данного журнала, в частности то, что здесь были напечатаны первые басни И. А. Крылова.

В статье своей «Первые басни И. А. Крылова» Ф. А. Витберг, между прочим, писал: «Может быть, к числу сотрудников [«Утренних часов»] надо причислить и А. Н. Радищева. Хотя ни одна из буквенных подписей не подходит к нему, но он показан (в моем экземпляре, ч. 1-я) в числе подписчиков. А мы видели, что некоторые подписчики были в то же время и сотрудниками. Предположение это, — продолжает Ф. А. Витберг, — кажется мне тем более вероятным, что существует мнение об участии его в „Почте духов“, первая книжка которой вышла в конце января 1789 г., когда еще продолжалось издание „Утренних часов“».²

Как видно из цитаты, предположение Ф. А. Витберга имело самую общую форму. Он не счел даже нужным отметить, что произведения Радищева следует скорее искать в двух последних частях «Утренних часов», а не в первых, где буквенные подписи имеются почти под всеми напечатанными здесь материалами.

¹ Ср. статью З. И. Чучмарева «Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени. К социологии его творчества» (Наукowi записки Науково-дослідчої катедри історії європейської культури, ГИЗ України, 1927, т. II, стр. 111—112).

² Витберг Ф. А. Первые басни И. А. Крылова. Исправленный оттиск. СПб., 1900, стр. 44 (первоначально в «Известиях Отделения русского языка и словесности АН», 1900, кн. I, стр. 204—259).

А. Н. РАДИЩЕВ.
Портрет работы неизвестного художника.

В двух первых частях без подписи помещены статьи «О препровождении и употреблении времени» (ч. II, нед. XXII, XXIII и XXV; ср. в ч. III, нед. XXXVIII — «Сон, служащий продолжением к рассуждению о препровождении и употреблении времени»), «Избранные мысли» (нед. XX и XXVI) и «Сонет» (нед. XXV). Ни одно из перечисленных произведений не может быть по ряду причин приписано Радищеву. Столь же затруднительно определение возможных статей его в двух последних частях «Утренних часов».¹

Выше, в цитате из статьи Ф. А. Витберга, упоминалось, что в литературе о Радищеве высказывалось предположение о его участии в криволевском журнале «Почта духов». Впервые вопрос этот поставил А. Н. Пыпин в статье «Крылов и Радищев. Кто писал в „Почте духов“? Вопрос из истории русской литературы прошлого века».² Основанием для постановки вопроса послужило Пыпину указание мемуариста конца XVIII в. Массона, что Радищев издавал «Почту духов». Статья А. Н. Пыпина положила начало длительному спору об участии Радищева в журнале Крылова.³

В главе о журналах Крылова была высказана наша точка зрения на «Почту духов» как на единое «периодическое сочинение» Крылова; тем самым отрицалось участие Радищева в этом журнале. Однако вопрос об идейном влиянии Радищева на Крылова не переставал в результате всего этого быть актуальным. Высказанные в литературе наблюдения и соображения по этому поводу, позволяющие, несмотря на отсутствие прямых указаний на знакомство Крылова с Радищевым, решить вопрос в положительном смысле, должны быть, по нашему мнению, приняты полностью. Крылов бесспорно находился в орбите идейного влияния Радищева, и «Почта духов» явилась результатом этого влияния.

Об участии Радищева в «Беседующем гражданине» выше было сказано подробно. Это избавляет нас от необходимости повторить здесь приведенные в соответствующем месте данные. Должно только вновь напомнить, что вопрос о сотрудничестве

¹ Полагаю, что с известной долей вероятности можно поставить вопрос о принадлежности Радищеву отрывка «Уединенный Пармен» (нед. XXXIV, стр. 113—115); идеологически и стилистически этот отрывок примыкает к вскоре написанному «Дневнику одной недели» (1791).

² Вестник Европы, 1868, май, стр. 419—436.

³ Полностью история вопроса рассмотрена в статье Б. И. Коплана «Философические письма „Почты духов“ (1789 г.)» (в сб.: «Радищев. Материалы и исследования», Л., 1936, стр. 355—365) и в академическом издании Радищева (т. II, стр. 425—428).

Радищева в «Беседующем гражданине» принадлежит к числу серьезных задач истории журналистики XVIII в.

В 1791 г. Радищев провел более семи месяцев в Тобольске. Новейшими исследованиями И. Д. Смолянова установлено, что длительная задержка Радищева в Тобольске была связана с ожиданием резолюции Екатерины на предпринятое А. Р. Воронцовым ходатайство об отправлении Радищева вместе с торговой миссией в Китай.¹

В «Записках путешествия в Сибирь», которые вел Радищев с конца 1790 по конец 1791 г., есть запись о пребывании его в Тобольске, датированная 15 декабря 1790 г., но несомненно сделанная в несколько приемов, возможно даже во второй половине 1791 г. В данной записи, вообще очень конспективной, обращает на себя внимание очень лаконичная формулировка — «Ежемесячное сочинение». Комментаторы «Записок путешествия в Сибирь» вполне правильно расшифровывают эту запись как упоминание о журнале, издававшемся в то время в Тобольске ссыльным поэтом П. П. Сумароковым. Журнал, упомянутый нами в общем обзоре журналистики конца XVIII в., назывался «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791). История этого издания известна в самых общих чертах. В особенности неясны причины его прекращения.

Между тем, не исключено, что закрытие «Иртыша, превращающегося в Иппокрену» было связано с возможным участием в этом журнале Радищева. Еще А. Н. Неустроев, не называя источников, писал: «Некоторые библиографы полагают, что в „Иртыше“ участвовал и Александр Николаевич Радищев; но это вряд ли справедливо».²

Когда Неустроевым писались эти слова, радищевские «Записки путешествия в Сибирь» не были известны (они были опубликованы через треть века, в 1906 г.). Загадочная формулировка Радищева «Ежемесячное сочинение» едва ли означала простое упоминание, подобное другим его дневниковым записям. Повидимому, Радищев не просто «для памяти» о существовании в Тобольске журнала сделал эту заметку. На эту мысль наводит то обстоятельство, что в воспоминаниях П. А. Радищева об пребывании отца в Тобольске упоминается «Иртыш» и его издатель. Очевидно, в памяти Радищева-сына, которому во время пребывания в Тобольске было около 8 лет, остались какие-то воспоминания об «Иртыше» или, может быть, он позднее слы-

¹ Смолянов И. Д. О литературном наследии А. Н. Радищева (Период сибирской ссылки). — Сб. научн. тр. Лен. финанс.-эконом. инст., вып. 6, Л., 1951, стр. 157—158.

² Неустроев. Историческое розыскание, стр. 550.

шал от отца об этом журнале. И в том и в другом случае воспоминания П. А. Радищева и слова «Ежемесячно сочинение» в «Записках пугешствия в Сибирь» свидетельствует о том, что у Радищева были или, по крайней мере, могли быть литературные отношения с П. П. Сумароковым.¹ Не исключена возможность, что именно к П. П. Сумарокову обращены стихи Радищева «Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я еду?», написанные, как известно, в Тобольске, лицу, «любопытствующему узнать о нем». Если бы это «любопытствующее» лицо не имело никакого — профессионального или любительского — отношения к литературе, нельзя было бы объяснить стихотворной формы ответа Радищева.

Таким образом, догадки библиографов, на которых ссылался А. Н. Неустроев, получают известную поддержку в заметке Радищева в «Записках путешествия в Сибирь» и в воспоминаниях его сына. Вопрос об участии Радищева в «Иртыше, превращающемся в Иппокрену» может быть вновь поставлен. Следовало бы сделать разыскания в тобольских архивах о журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», а заодно и о следующем журнале П. П. Сумарокова, «Библиотеке ученой, экономической, нравоучительной, исторической и увеселительной» (1793—1794), участие в котором Радищева также допустимо.

Конечно, нельзя думать, что находившийся на пути в ссылку или уже пребывавший в ссылке Радищев стал бы выступать в тобольских журналах с пропагандой идей, за которые был отправлен в Илимск. Очевидно, если он и печатал в «Иртыше» и «Библиотеке» что-либо, то не очень резко бросающееся в глаза, скорее всего связанное с его краеведческими и экономическими интересами. Все это, конечно, затрудняет решение проблемы, но никак не устраняет ее.

«Санкт-Петербургский журнал» (1798) был последним периодическим изданием XVIII в., относительно которого высказывалось предположение об участии в нем Радищева. Речь шла о «Письмах из Торжка» (см. выше, стр. 384—386). Но и здесь пришлось отметить неубедительность аргументации В. П. Семенова, выдвинувшего эту гипотезу.

Приведенный на предыдущих страницах материал свидетельствует, что некоторые из предположений об участии Радищева в журналистике XVIII в. совсем не подтвердились, некоторые требуют серьезных и обоснованных разысканий, длительных, трудоемких и, главное, методологически правильных.

¹ Впрочем, В. В. Калаш, публикуя «Записки путешествия в Сибирь», высказал не лишнее основания соображение, что воспоминания П. А. Радищева частично опирались на не изданную еще тогда рукопись отца.

Речь идет о зачинателе русской революционной традиции, о Радищеве, и журнальная его деятельность не может не интересоваться и не волновать нас.

Однако даже если учесть не особенно богатые результаты наших современных знаний о журналистской деятельности Радищева, все же очень характерно, что вопрос о нем как о журналисте вот уже почти сто лет не сходит со страниц научных журналов. Значит, есть какие-то серьезные и глубокие основания для постановки этого вопроса; значит, исследователи дореволюционные, хотя и стоявшие в большинстве своем на позициях буржуазного литературоведения, и исследователи советские, вооруженные марксистско-ленинской методологией, ощущали реальность и политическую важность темы о Радищеве-журналисте. И именно это обстоятельство, а не плачевное состояние наших сведений о фактическом участии Радищева в тогдашней журналистике, важно и существенно.

Пусть мы примем за более или менее твердо доказанное, что перу Радищева принадлежали только «Отрывок из путешествия в*** И*** Т***» и «Беседа о том, что есть сын Отечества»; однако эти два произведения представляют самые серьезные явления, самые высшие достижения русской журналистики XVIII в. В первом, как верно заметил Н. А. Добролюбов, «слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зла в народе».¹ При этом надо особенно отметить, что не только «слышится», но и в первые слышится.

Во втором, также впервые, ставится вопрос о том, что истинный патриотизм заключается в желании свободы своему народу и что крепостные крестьяне имеют все права на то, чтобы быть «сынами Отечества», т. е. ставится вопрос о необходимости революционного освобождения крестьян.

Таким образом, если даже ограничить всю журналистскую деятельность Радищева только этими двумя произведениями, то и тогда необходимо признать, что Радищев сказал в них самое передовое из того, что вообще было сказано в нашей журналистике XVIII в. Поэтому существенно не количество выступлений Радищева в периодической печати, а исторический смысл его немногих статей, его историческое значение, его ведущая роль.

Конечно, и количественно и по отзывам современников журнальная деятельность Карамзина в течение 1790-х годов была, на первый взгляд, наиболее крупным явлением русской журналистики. О Карамзине, а не о Радищеве говорило большинство тогдашних читателей и тогдашних и последующих литературове-

¹ Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 170.

дов как о «первом» писателе и журналисте той эпохи. Однако правы были не они, а Белинский, который, сопоставляя Карамзина с не называемым им по цензурным обстоятельствам Радищевым, писал: «Есть два рода деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее, другие действуют в настоящем и для настоящего. Первые бывают не признаны, не поняты, не оценены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; их апофеоза создается в будущем, когда уже самые кости их истлеют в могиле; вторые — всегда любимцы и властелины своего времени, но, уваженные, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получают уже совсем не то значение после их смерти, а иногда и переживают свою славу. Без сомнения, первые выше вторых, ибо это натуры великие и гениальные, тогда как вторые — только сильно и ярко даровитые натуры. Первые, если они действуют на литературном поприще, завещают потомству творения вечные, неумирающие; вторые — пишут для своих современников, и их произведения для будущих поколений получают уже не безусловное, но только историческое значение, как памятники известной эпохи. К числу деятелей второго разряда принадлежит Карамзин».¹

То, что сказано было Белинским о двух родах деятелей в человеческом обществе и что он иллюстрировал примером Карамзина и Радищева, по существу только констатирует, но не объясняет этот важный факт в истории русской культуры и общественной мысли. Настоящее научное объяснение этого факта мы находим в гениальном труде И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Говоря о том, что «мир находится в непрерывном движении и развитии» и что «отмирание старого и нарастание нового является законом развития», И. В. Сталин делает исключительной важности указание: «Значит, надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы».²

Два рода деятелей, о которых говорил Белинский, потому имеют разную историческую судьбу и разное историческое зна-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова. Пгр., 1917, т. XI, стр. 219—220. Предположение, что Белинский имел здесь в виду Радищева, высказал Н. И. Мордовченко; см. его книгу «В. Белинский и русская литература его времени» (М.—Л., 1950, стр. 187).

² История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Крайний курс. ОГИЗ—Госполитиздат, 1946, стр. 105.

чение, что первые опираются «на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы», а вторые — «на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу».

Радищев опирался в своей литературной и журнальной деятельности на угнетенные крепостные массы и на немногочисленную еще тогда демократическую интеллигенцию. Карамзин — на дворянство, представлявшее в то время преобладающую общественную силу. За Карамзиным было настоящее, за Радищевым будущее. Это определило разную роль их в современной и последующей русской культуре. Это определило и разное их значение в истории русской журналистики.

Великое значение Радищева в русской журналистике заключается в том, что он первый начал пропагандировать самые передовые, самые новые для той эпохи идеи. О таких идеях писал И. В. Сталин: «Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества».¹

Литературная и журнальная деятельность Радищева представляла выражение новых, передовых общественных идей. И именно поэтому он, а не Карамзин или кто-либо другой, явился в полном смысле слова центральной фигурой в истории русской литературы и журналистики конца XVIII в. Он явился в то же время вершиной русской журналистики XVIII в в целом.

¹ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. ОГИЗ — Госполитиздат, 1946, стр. 111.

ГЛАВА VI

ИТОГИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В XVIII в.

Рассмотрением журнальной деятельности Радищева заканчивается наш обзор истории русской периодической печати XVIII в. Не все в этом обзоре представлено с достаточной степенью полноты и подробности, не во всем соблюдены пропорции и выдержана перспектива. Отдельных журналов и даже групп периодических изданий нам не пришлось коснуться по ряду причин, среди которых иногда были и чисто индивидуальные; например, могут сказать, что масонским журналам следовало бы уделить несколько больше места, чем это находим в общем очерке журналистики последней четверти XVIII в.; мы все же не сделали этого — отчасти потому, что не разделяем взгляда, преувеличивающего реальное значение масонства и его литературного проявления в русской жизни; отчасти, и главным образом, потому, что не чувствуем интереса к масонству и специально к масонской журналистике. Несомненно, в результате всех этих обстоятельств наш обзор истории русской журналистики XVIII в. не может считаться исчерпывающим и полным. И все же мы находим нужным выпустить в свет эту первую попытку представить в связанном виде историю начального периода русской периодической печати, историю журналистики XVIII в.

Нам кажется, что в значительном количестве случаев неполнота, неточность и неясность многих, может быть даже основных и важнейших сторон излагаемого процесса и материала являются неизбежным свойством первых опытов, к числу которых принадлежит и настоящее исследование. Поэтому сейчас, когда мы попытаемся подвести итоги нашему рассмотрению исторического пути русской журналистики XVIII в., мы должны пом-

нить, что выводы и заключения эти являются следствием только «начальных представлений», разделяя судьбу аналогичных построений.

Первое наше заключение состоит в том, что в течение XVIII в. русская журналистика постепенно окрепла, прочно вошла в общественный обиход и заняла заметное и серьезное место в социальной жизни. От рукописных «вестовых писем» и напечатанных славянским шрифтом петровских «Ведомостей» до «С.-Петербургских» и «Московских ведомостей», до «Трутня», «Друга честных людей, или Стародума», «Почты духов», «Беседующего гражданина», до «Московского журнала» Карамзина и «С.-Петербургского журнала» Пнина и Бестужева, и т. п. — таков путь русской журналистики XVIII в.

Каково же было воздействие русской журналистики XVIII в. на современников? В нашем изложении мы стремились по мере возможности собрать все дошедшие до нас сведения об отношении тогдашних читателей к газетам и журналам тех лет. К сожалению, материалов подобного рода сохранилось не слишком много. Известную долю показательности имеют сведения о тираже «Ведомостей», приведенные нами в соответствующем месте. Как ни случайны сохранившиеся данные о тираже и о расходе отдельных номеров «Ведомостей», все же и по этим материалам можно заключить, что были в то время читатели, которые проявляли интерес к газете, для которых иногда приходилось даже выпускать второе издание того или иного номера, которые раскупали тираж без остатка. И если мы говорили о том, что газета эта не имела успеха, то в этом надо винить не одних только читателей, а и самую организацию дела, в частности и то, что сейчас мы называем «аппаратом распространения»: ведь существуют рукописные списки петровских ведомостей, ведь сохранились некоторые номера в одном, двух экземплярах, а некоторые — в печатном виде — и вовсе до нас не дошли, т. е. были полностью «зачитаны». Все это дает основание считать, что Петр своевременно осуществил мероприятие, для которого условия уже вполне созрели.

Вопрос о развитии русской журналистики в XVIII в. все время сталкивается и переплетается с вопросом о тираже и количестве читателей. Если исходить из наших современных представлений о тиражах газет и журналов, то нам покажется, пожалуй, не заслуживающим внимания изучение журналистики этого периода с ее карликовыми тиражами, недолговечностью изданий и странной читательской «долговечностью» материала этих изданий (перепечатки «Примечаний к Ведомостям», «Тру-

долюбивой пчелы», «Трутня», «Живописца», «Почты духов», «Московского журнала» и т. д.).

Но в наши представления о журналистике XVIII в. надо внести некоторые уточнения. Конечно, производит впечатление указание исследователя, что «число читателей было вообще очень ограничено, а подписчиков и подавно. Как ни мала цифра 300 „субскрибентов“ [о которой сообщал Карамзин], но и ее достигал в то время редкий журнал. Очень часто это число ограничивалось сотней или даже десятками. Некоторые журналы прерывались на первой книжке или даже заявляли о себе только объявлением. Библиотека ученая, экономическая... и т. д., издававшаяся в 1793—94 гг. в Тобольске П. Сумароковым, имела всего 111 подписчиков. Утренние часы 1788—89 гг. заявляли в своем объявлении, что к изданию журнала „не можно приступить иначе, как по собрании двухсот подписчиков“, но на самом деле приступили при 48, окончили год при 102 и прекратились в начале следующего года. Издатель С.-Петербургского еженедельного издания 1778 г. заявлял при его прекращении, что оно обошлось ему в 2000 руб., „а с подписавшихся едва десятая часть получена“. Лекарство от скуки и забот 1786—87 гг. уведомило при своей кончине „малое число подписавшихся“, что „причина пресечения та, что издатель доселе и пятой части издержанного иждивения не получил“. В заявлении о прекращении Зеркала света 1786—87 гг. читаем, что „малое число подписателей, сей год бывших, а и того менее на будущий явившихся, утвердили давно известную о писателях, общую пользу предметом имеющих, истину“.¹

Конечно, такие обобщения и подобный материал, повторяю, производят впечатление, но надо сразу же сказать, что не все здесь верно. Так, например, жалобы на плохую подписку исходили обычно не от академических изданий, не от «Трудолюбивой пчелы», не от сатирических журналов Новикова и т. п., а от второстепенных и третьестепенных журналистов. В списке, приведенном Д. И. Анучиным, нет ни одного сколько-нибудь заметного журнала. Когда говорят о небольшом числе подписчиков и читателей, находят обычно под бесспорным впечатлением небольшого тиража отдельных журналов и газет и не учитывают того, что одновременно, в том же году, существовали и другие журналы, кем-то выписывавшиеся и кем-то читавшиеся. Если бы была возможность подсчитать погодно число подписчи-

¹ Анучин Д. И. Столетие «Писем русского путешественника». — Русская мысль, 1891, кн. VII, стр. 6.

ков периодических изданий XVIII в. и выяснить кривую движения подписки, только тогда могли бы быть сделаны точные и правильные выводы относительно количественной стороны развития журналистики в XVIII в. С конца 1770-х годов постепенно в ряде журналов появляются «списки особ подписавшихся», но не все журналы дают такие списки, а некоторые сперва печатают их, а затем прекращают. Все же было бы полезно расписать всех «субскрибентов» периодики этих лет и определить, какие категории подписчиков существовали тогда, каково их социальное членение, какие издания пользовались большей популярностью, были ли особо рьяные подписчики, выписывавшие больше одного—двух изданий, кто они именно, и т. д.¹

Пока же эта работа не сделана, остается в силе наш предварительный вывод о постепенном росте и усилении значения журналистики в XVIII в. «Хотя большинство периодических изданий, — писал А. Н. Радищев в письме из ссылки, — обречено на кратковременное существование, тем не менее все они представляют в некотором роде хронологическую, если можно так выразиться, картину состояния литературы у той или иной нации, и не только литературы, но также картину, в самом деле отмеченную общим духом нации и ее поступательным или пятным движением в различных отраслях человеческих знаний».²

Таково было мнение не только выдающегося деятеля нашей культуры, но и множества рядовых читателей XVIII в., и оно определяло их отношение к периодической печати на всем протяжении столетия.

Сопоставляя длительность существования отдельных изданий XVIII в., мы не можем не обратить внимания на особенную устойчивость и прочность журнальной деятельности Академии Наук. Издававшаяся ею с 1727 г. «Sankt-Petersburgische Zeitung» и «С.-Петербургские ведомости», а также научные и научно-популярные журналы Академии, благодаря своему содержанию и высокой по тому времени издательской культуре, играли крупную роль в тогдашней литературной и общественной жизни. Несомненно, что издания Академии Наук распространяли среди читателей конкретные знания, стоявшие на уровне тогдашней науки, удовлетворяли их интерес к прошлому своей родины, спо-

¹ В моем распоряжении имеются составленные Г. Ф. Миллером данные о подписчиках «Ежемесячных сочинений» за 1755 г.; надеюсь в ближайшее время опубликовать эти материалы.

² Архив кн. Воронцова, М., 1872, т. V, стр. 307; письмо на французском языке; в тексте — перевод мой; ср.: Радищев А. Н. Избранные сочинения. Под ред. Г. П. Макогоненко, М.—Л., 1949, стр. 543.

способствовали географическому и экономическому изучению страны, знакомили с классической и новой литературой. Вполне поэтому естественно, что и газеты и журналы Академии служили в XVIII в. образцом для аналогичных изданий (Московского университета, Сухопутного шляхетного корпуса); и если эти новые периодические органы не следовали рабски академическим образцам, то это было вполне закономерным проявлением роста национальной культуры, нисколько не умаляющим и не снижающим значения академической журналистики.

Следует иметь в виду еще и то обстоятельство, что печатание ряда частных журналов в типографии Академии Наук способствовало единообразию орфографии и внешнего оформления этих изданий; это, в особенности первое, имело в XVIII в., в пору орфографической неупорядоченности, большое организующее влияние. Даже в такой детали сказалось воздействие Академии на журналистику XVIII в., как введение виньеток, заставок, концовок и инициалов. Первые издания Академии уделяли этому должное внимание, и то более скромные, то более нарядные типографские украшения встречаем мы в журналах XVIII в. на протяжении всего столетия.

Таким образом, и с внутренней и с внешней стороны журналистика Академии Наук играла в XVIII в. значительную, важную роль, — и это второй вывод, к которому привело нас изучение материала.

Указывая на большое значение академической журналистики в этот период, мы должны все же отметить, что она удовлетворяла только научные и, в известной мере, литературные интересы тогдашнего русского общества. Вопросы же политические и этические овеивались в изданиях Академии мимоходом и, — естественно для правительственного идеологического органа, — в сугубо монархическом, ортодоксально-крепостническом духе. Неминуемо, по мере роста общественного сознания, должен был наступить момент, когда передовая общественная мысль пришла в конфликт с официальной идеологией феодально-крепостнического государства, сперва по частным вопросам (Сумароков), затем по коренным и основным проблемам русской жизни (Новиков, Фонвизин, Радищев, Крылов). Так зародилась и довольно быстро стала развиваться частная русская журналистика; именно на ее долю выпали самые крупные достижения и успехи нашей периодики в XVIII в. И как быстро развивалась русская журналистика! Ведь с момента возникновения «Ежемесячных сочинений» до появления «Трудолюбивой пчелы» прошло всего только четыре года, а от сумароковского журнала до сатирических журналов Новикова, Сичкарева и Эмина — только десять

лет. А какой зрелости и самостоятельности достигла за эти десять-пятнадцать лет русская журналистика! От эпиграмм на откупщиков и глупых придворных в «Трудолюбивой пчеле» журналистика переходит к борьбе за право общества самостоятельно мыслить, за право критиковать не только абстрактный «порок», но и конкретных «носителей» этого порока, не останавливаясь и перед критикой того, что, по выражению «Трутня», «от критики свободно», — очевидно самой Екатерины.

В самом деле, постановка вопроса об «идеальном государе», столь актуальная в продолжение всего царствования Екатерины, могла явиться и явилась действительно только в результате недовольства «российской Астреей», и притом не глухого и неясного, а осознанного недовольства. От переводов с китайского в новиковских журналах (1769—1770) и до крыловского «Каиба» (1792) непрерывно присутствует эта тема на страницах наших журналов, да и не только журналов (вспомним хотя бы «Слово похвальное Марку Аврелию» «г-на Томаса» в переводе Д. И. Фонвизина, романы Хераскова, переводы Фенелона, Террассона и т. д.). Политическое самосознание передовых русских людей второй половины XVIII в. росло и все больше приходило в противоречие с самодержавием и его устоями. Отсюда возникли (не в хронологическом смысле!) и другие важные темы — крепостничества, национального характера, национального воспитания, борьбы со взяточничеством, и т. п. И естественным образом при обсуждении всех этих вопросов наши писатели вообще и журналисты в частности сталкивались с личностью и действиями Екатерины. Получалось положение, при котором почти вся журналистика (передовая, конечно) упорно боролась с императрицей, ее фаворитами, системой фаворитизма и т. д., используя самые различные поводы и способы — от сатиры и политических статей и до невинных на первый взгляд переводов и статей по географии и естествознанию.

Излагая материал в таком разрезе, автор сознает, что его могут упрекнуть в сгущении красок. Могут сказать: «Получается впечатление, что уже в первые годы царствования Екатерина была идеологом самой крайней реакции. Между тем выдвинувшие Екатерину II круги вовсе не были самыми реакционными в русском обществе. Поэтому, несомненно, Екатерине II приходилось бороться не только с левой оппозицией, но и с приверженцами старины, и поэтому ее сатира далеко не всегда была реакционной. Кое-какие прогрессивные ноты встречались и на страницах „Всякой всячины“, и не только для „лакировки“, но и в прямой борьбе с оппозицией справа. Все это в книге смазано, и автор не упускает случая, чтобы так

или иначе уязвить Екатерину». Допускаю, что некоторая доля справедливости в этих возможных упреках есть и что какую-то положительную роль в борьбе с оппозицией справа сыграла и сатирическая деятельность императрицы. Но как все-таки незначительна эта «прогрессивность» Екатерины в сравнении с теми действительно передовыми требованиями, которые выставлялись лучшими нашими журналами XVIII в. Упреки, которые могут быть обращены к автору настоящей книги, бесспорно должны быть связаны с той — не во всем правильной, по-нашему, — реабилитацией Екатерины как внешнего политика, которая проводится в лекциях и печатных работах акад. Е. В. Тарле. Но характерно, что в своем стремлении пересмотреть результаты и принципы дипломатической деятельности Екатерины акад. Тарле всегда подчеркивает, что внутренней политики и личности императрицы он не касается. Лучше всего эта точка зрения выражена в статье Е. В. Тарле «Из истории русской дипломатии». Здесь мы читаем следующее: «И в России и в Европе, и при жизни Екатерины II, и долго после ее смерти время ее правления расценивалось именно в области внешней политики как период, полный блестящих успехов и громкой русской славы. Это всегда признавали и те, кто нисколько не закрывал глаза ни на крепостное рабство, в котором томнились миллионы русских людей, ни на бесчисленные отрицательные стороны административных и судебных порядков, ни на разгул произвола, хищений и казнокрадства при дворе и на верхах правительственного аппарата, ни на личные очень темные деяния самой императрицы, лежащие неизгладимым пятном на ее историческом имени».¹

Удивительно ли после этого, что в отрицательной характеристике Екатерины и ее внутренней политики сходятся такие противоположные по своим политическим убеждениям лица, как ее современники: дворянский консерватор кн. М. М. Щербатов («О повреждении нравов в России»), передовые писатели Фонвизин и Новиков, революционер Радищев; как Пушкин («Исторические замечания»), как либерально-буржуазный историк Ключевский, как наш советский ученый акад. Е. В. Тарле и пр. Поэтому при изложении материалов по истории журналистики последней трети XVIII в. вполне естественно было желание показать то, что было основным, важнейшим, ведущим, а не частным и мало существенным. Было время — во вторую половину царствования Александра I, в царствование Николая I и даже

¹ Тарле Е. В., акад. Из истории русской дипломатии. — Журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, стр. 40.

позднее, — когда обращением к эпохе Екатерины хотели аргументировать необходимость «либерализма сверху»; именно тогда сложилась легенда об удивительном единодушии правительства Екатерины и «всего русского общества» в борьбе с крепостничеством, бюрократическим произволом и т. д. Может быть, наше воззрение на рост прогрессивных сил в русском обществе второй половины XVIII в. как на результат борьбы с Екатериной наиболее сознательных деятелей, отражавших объективные противоречия русской жизни и в первую очередь рост стихийной крестьянской революционности, и противоречит привычным представлениям, но нам кажется, что в таком изложении реального, взятого из журналов материала больше исторической правды, чем в «объективном» рассказе о заслугах Екатерины в борьбе с оппозицией справа. Изучение русской литературы и в особенности русской журналистики XVIII в. приводит к заключению, что традиции свободлюбия, традиции освободительного движения, возглавленного впоследствии Радищевым, декабристами, Герценом, Белинским, Чернышевским и Добролюбовым, зарождались и складывались уже в годы XVIII в. среди неизвестных и безымянных «многих сограждан», которые, по словам «Смеси», «видят истину, закрытую завесою ложного предрассуждения» (см. выше), и выразителями взглядов которых была прогрессивная часть журналистики XVIII в.

Таким образом, мы приходим к третьему выводу: история журналистики XVIII в. есть существенное звено в развитии русской общественной мысли, русского освободительного движения.

Но рассмотрение того же материала под другим углом зрения, в плане «собственно литературном», приводит к не менее важному заключению: именно в процессе политической борьбы с екатерининским режимом, сперва якобы либеральным, а затем откровенно реакционным, русская журналистика незаметно для самой себя, для своих деятелей и читателей подготавливала в недрах классицизма будущие успехи и конечное торжество реализма. Вынужденные ходом борьбы с правительственными литераторами, идеализировавшими екатерининскую действительность, обращаться к изображению безотрадной обстановки России середины и конца XVIII в., наши журналисты (Новиков, Фонвизин, Крылов, Сичкарев, Эмин и др.) отходили от канонов классицизма, как отходил от них и Сумароков, когда в «Трудолюбивой пчеле» и других журналах нападал на подьячих, приведших его «во изнеможение». Не в «ирои-комической поэме», не в трагедиях и пародиях на классические образцы искусства, а в «Копиях отписки крестьян к помещику», в «Письмах к Фалалею»,

в гротескных местах «Похвальных речах» Крылова, в многочисленных сатирических зарисовках помещицкой и подьяческой жизни XVIII в., отраженной в журналах того времени, зарождался и складывался будущий русский реализм. Радищевские слова: «Я взглянул окрест меня, — душа моя страданиями человечества уязвлена стала», — характерные в меньшей или большей степени для многих передовых деятелей нашей журналистики XVIII в., являются одновременно ключом к пониманию этического начала в политической борьбе с Екатериной и эстетического источника в преодолении классицизма и зарождении реализма.

Таким образом, мы можем считать несомненным, что в истории развития русского реализма журналистика XVIII в. играет важную и неоспоримую роль.

И при анализе отдельных журналов, и при рассмотрении журналистики в последовательно сменявшиеся периоды нам приходилось отмечать значительные сдвиги в области литературного языка. Мы видели, что первые опыты академических переводчиков в создании научной и газетной терминологии были реализованы с неодинаковой долей успеха, но все же они не прошли бесследно в подготовке ломоносовской реформы русского языка. Мы видели, как почти непрерывно с 1726—1728 гг. в журналах возникало обсуждение языковых вопросов, как проблемы произношения, орфографии, единства литературного языка, семантики и стилистики и т. п. не переставали привлекать внимание тогдашних журналистов. Наконец, перед нами проходили конкретные образцы литературного языка отдельных периодов XVIII в. Итак, от языка петровских «Ведомостей», сухого, точного, полуславянского, полурусского, не всегда грамотного, от языка Б. Волкова и «проведывавшего о публичных ведомостях» Я. Сивявича до изящного, благозвучного и временами очаровательного, хотя и очень устаревшего для нас языка Карамзина — таков путь развития прозаического языка русской журналистики XVIII в. И именно на фоне исторического развития, в окружении журнальных споров и непосредственных достижений в области языка приобретают свое настоящее, объективное значение реформы Ломоносова и Карамзина.

Все то, что было только что сказано, относилось и относится к истории литературного языка. А сделано ли было в XVIII в. что-либо в области собственно журнального языка?

В этом отношении язык журналистики XVIII в. представляет особый интерес: в нем мы не находим элементов расхождения с общенациональным литературным языком, и это, в свою очередь, делает журналистику XVIII в. ценным докумен-

том в истории языка и языкового мышления нашего народа. Таков четвертый вывод, к которому привело нас рассмотрение истории русской периодической печати XVIII в.

В журналистике второй половины XVIII в. ставился также вопрос о «врожденных свойствах россиян». Мы видели, что в разработке этой проблемы наметились две линии: екатерининская, говорившая о понятливости, смирении, послушании, «страхе божием» как основных чертах, врожденных свойствах русского человека, и прогрессивная, видевшая национальный русский характер в стойкости, непреклонности, великодушии и свободолюбии; эта последняя формулировка особенно отчетливо выражена в журнальных и не-журнальных произведениях Радищева.¹

Таким образом, пятый вывод, намечающийся в результате исследования материала, состоит в том, что споры о национальном характере, как ни эмпиричны, наивны и случайны были отдельные суждения, имели большое воспитательное значение для национального самопознания и самосознания. Кроме того, они способствовали росту интереса к прошлому, в котором искали отражения и проявления национального характера, а это, в свою очередь, углубляло внимание к историческим документам и помогало разработке истории России. Наконец, в «смеси» «Московского журнала», в карамзинском «Фроле Силине» и других его очерках, в «русских анекдотах» «Санкт-Петербургского журнала» обнаруживается интерес к жизни крестьянства как носителя народных черт.

Проблема «врожденных свойств россиян» не влекла за собой усиления национальной отчужденности, национальной обособленности или кичливости. В журналистике XVIII в. мы не встречаем сколько-нибудь заметных проявлений шовинизма, столь характерных для галлофобствующей литературы царствования Александра I и позднее. Широкое понимание и глубокое уважение к передовой европейской цивилизации мы находим и в «Коселье» Новикова, где, кстати, особенно много места уделено проблеме «старинных русских добродетелей», и в журналах Крылова, и в «Письмах русского путешественника» Карамзина. Но не только по отношению к Западу обнаруживает журналистика XVIII в. такт и вдумчивость. Наличие в периодических изданиях этих лет «Камчатской песни» («Трудолюбивая пчела»), «Самоедской сказки», «Опыта калмыцкого стихотворения» и т. д. свидетельствует о внимании тогдашних журналистов

¹ См. по этому поводу статью: Л. И. Кулакова, Проблема национального характера в русской литературе XVIII века. Уч. зап. Удмуртск. педагог. инст., 1946, т. I.

и к культуре народов, стоявших на значительно более низкой ступени общественного развития.

Таким образом, шестой вывод из нашего исследования может быть сформулирован так: в лучших журналах XVIII в. национальное самопознание и самоуважение осуществлялось одновременно с познанием и уважением к другим нациям.

Русская журналистика XVIII в. началась с газет, основным и даже единственным жанром которых была короткая политическая информация о различных внешних и внутренних событиях. Никаких комментариев в таких случаях не бывало и принципиально не предполагалось. И все же постепенно оценочный элемент в виде субъективных замечаний и характеристик начал вторгаться в эту сухую хроника событий. Прежде всего подобное новшество стало допускаться в печатавшихся в «Ведомостях» письмах Петра и его приближенных. Напомним петровское письмо о победе под Полтавой. Позднее, уже в «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях», появились подобия корреспонденций с соответствующими элементами анализа и оценки событий.

В петровских «Ведомостях» печатались и списки изданных и находившихся в продаже книг. Эти сухие «реестры» положили начало русской журнальной библиографии и критике. Постепенно появляются списки книг, сопровождаемые аннотациями и «образцами слога сочинителя или переводчика», затем рецензии реферативного и — позднее — критического характера. В конце века, в «Московском журнале» Карамзина, в «Зрителе» и «Санкт-Петербургском Меркурии», в «Санкт-Петербургском журнале» и др., начинают печататься серьезные рецензии и критические статьи.

Научные и научно-популярные издания Академии Наук вводят в русскую журналистику жанр научной статьи. На протяжении XVIII в. жанр научной и в особенности научно-популярной статьи в общем не претерпевает значительных изменений. Очевидно, именно к этой стороне деятельности тогдашних ученых справедливее всего отнести характеристику из пушкинских «Исторических замечаний» (1822): «... схоластический педантизм попрежнему приносил свою неприметную пользу». Особенно большое просветительное значение приобретает научно-популярная статья в журнальной деятельности Новикова и в частности в его «Детском чтении». Интерес русских читателей XVIII в. к научно-популярному материалу вызвал повторные издания «Примечаний к Ведомостям», а также другие аналогичные журналы. Помимо своей познавательной ценности, научно-популярные статьи в журналах XVIII в. имели и то значение, что в большой мере способствовали обогащению литературного языка

научной терминологией, бывшей до того достоянием одного только узкого круга ученых.

Возникновение литературных отделов в научно-популярных изданиях Академии Наук и затем специальных литературных журналов повело к необыкновенно богатому расцвету разнообразных журнально-литературных жанров, частью таких, которые существовали и ранее, независимо от журналов, как ода, «надпись», «слово», «разговоры в царстве мертвых», притча, эпиграмма, частью таких, которые появились на страницах периодических изданий и на них преимущественно и бытовали («сон», «письмо к издателю», «портрет», «ведомости», мнимые «словари» и т. д.). Особенным жанровым разнообразием отличалась сатирическая журналистика XVIII в. От политического памфлета до примечаний издателя, от нравоописательного очерка до иронического «приписания» (посвящения), от «переводов с китайского» до ехидных фонвизинских «Вопросов» и «Русских пословиц» Новикова, от остро критических диалогов до переписки провинциальных помещиков с сыном, отставных и не отставных подьячих, щеголей, щеголих и т. д., и т. д. — таков далеко не полный жанровый «репертуар» сатирических журналов Новикова, Крылова, Фонвизина и др.

Изучение материала показывает, что журнальные жанры вырастали в процессе живой общественной борьбы и диктовались требованиями этой борьбы. Цензурные преследования журналов XVIII в. вызвали к жизни «эзопов» язык, систему полунамеков, своеобразную зашифровку важнейших понятий и терминов, несколько не ослабляющую политического смысла произведений тогдашних писателей. Русская журналистика XVIII в. оставила журналистике последующих десятилетий очень большое и разнообразное жанровое наследие, которое с значительным успехом было использовано и испытано ею в литературно-общественной борьбе, в борьбе с крепостничеством и самодержавием. Это седьмой вывод, к которому приводит нас анализ и обобщение материалов по истории русской журналистики XVIII в.

Конечно, предложенными выводами далеко не исчерпывается богатое идейное и фактическое содержание нашей журналистики за все XVIII столетие. Вероятно нами упущены какие-то — и, может быть, существенные — стороны в ее развитии.

Но, — кажется нам, — и то, что приведено в настоящей книге, показывает, какую большую культурную ценность, незаслуженно забытую, напрасно пренебрегаемую, представляет русская журналистика XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание внутренней истории России до 1917 г. можно определить гениальными словами И. В. Сталина как «вековую тяжбу русского народа с царским самодержавием».¹

Какую же роль играла в этой упорной и тяжелой борьбе периодическая печать? Какое место в частности занимала в тяжбе русского народа с царским самодержавием журналистика XVIII в.?

На примере истории русской периодической печати XVIII в. особенно отчетливо видна диалектика исторического процесса.

Периодическая печать в России возникла в период «просвещенного абсолютизма», при Петре. Строя «национальное государство помещиков и торговцев»² за счет крепостных масс, Петр именно в интересах усиления, укрепления и упрочения дворянской диктатуры создал первые печатные «Ведомости» и тем самым заложил основы русской журналистики.

Однако крепостные массы волнениями и восстаниями давали все время знать о своем недовольстве, о своем нежелании нести ярмо власти помещиков. Хотя поработенные народные массы не имели возможности публично заявлять о своем положении, именно это их недовольство служило источником передовых идей в русской общественной мысли, в русской литературе и журналистике. Сперва почти незаметно, но чем далее, тем все более громко звучала в русской журналистике XVIII в. тема крепостного крестьянства, звучало требование — изменить положение крепостных масс, а у Радищева — и вовсе освободить их, при этом путем революции.

Недовольство народных масс толкнуло передовых писателей и журналистов XVIII в. на постановку вопроса о самодержавии, что привело сперва к критике Екатерины, а затем — у Радищева — к отрицанию монархического принципа вообще.

¹ Сталин И. В. Сочинения, т. 1, стр. 186.

² Там же. т. 13, стр. 105.

Таким образом, периодическая печать, вызванная к жизни Петром для умножения влияния самодержавия, для укрепления его позиций, ходом исторической жизни, ходом классовой борьбы обратилась в оружие против самодержавия, против его власти и влияния. В этом и заключается большая историческая роль передовой русской журналистики XVIII в. Конечно, не следует преувеличивать ее революционность. За периодической печатью XVIII в. самодержавие через свои цензурные органы следил с исключительным вниманием — вспомним «карантины в типографиях» (где производилась цензура книг и журналов), вспомним вынужденные перепечатки отдельных страниц в периодических изданиях XVIII в., вспомним, наконец, закрытие наиболее выдающихся печатных органов передовой русской мысли.

И все же прогрессивная русская журналистика XVIII в. росла, развивалась, влияла на общественное мнение. Именно она составляла главную, ведущую часть всей русской журналистики XVIII в.

Анализируя идейную направленность и классифицируя в соответствии с ней периодические издания XVIII в., мы ясно видим три разные по своему конечному идеалу и по своим целям группы газет и журналов:

а) **Правительственная** — петровские «Ведомости», «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости», «Всякая всячина», «Собеседник любителей российского слова», академические издания. Пороку «просветительская», всегда «охранительная», правительственная журналистика XVIII в. была монархической и дворянско-помещичьей. Даже петровские Ведомости, которые иногда отдельные исследователи склонны переоценивать и в которых они готовы видеть большую прогрессивность, чем есть на самом деле, были органом «чиновничьи-дворянской монархии».¹ Не для народа и не в интересах народа, а в интересах помещичьи-бюрократической самодержавной России издавались и петровские «Ведомости», и другие газеты, и все правительственные журналы XVIII в. Дворянско-классовый характер этих периодических изданий ярко проявляется на всем протяжении их существования.

б) **Дворянско-либеральная**. Главные деятели этой группы периодических изданий XVIII в. — Сумароков, Херасков, Карамзин. Все они также выступали в интересах дворянства как господствующего класса. Однако их политическая тактика была совершенно иная, чем у первой группы журналистов. Выдвигая идеал «культурного», «гуманного» помещика,

¹ Ленин В. И. Сочинения, т. 17, стр. 47.

дворянские либералы вступали иногда в борьбу — конечно, отнюдь не революционного характера — с самодержавием и реакционными помещиками. На определенном этапе развития русской общественной мысли и эта ограниченная по своим целям и методам борьба имела значение, в особенности благодаря тому, что она помогала оформлению политических взглядов образованных представителей народных масс; эти представители гораздо острее воспринимали критику самодержавия и крепостничества, исходившую от дворянских либералов, нежели сами эти либералы. Известно, например, что вырезанное из «Санкт-Петербургского вестника» стихотворение Державина «Властителем и судиям» глубоко проникло в круги крепостных интеллигентов и вообще передовых людей из демократических масс. Деятельность Карамзина в области языка имела также большое значение. Язык, как показал И. В. Сталин в своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания», обслуживает все общество, и поэтому языковая реформа Карамзина, начатая им на страницах периодических изданий, имела общенародное значение.

в) Прогрессивная. К этой группе деятелей русской журналистики XVIII в. относятся Ломоносов, Фонвизин, Новиков, Крылов и Радищев. Все лучшие достижения русской культуры XVIII в., в том числе и журналистики, связаны с этими именами. Демократическое просветительство (Ломоносов), борьба с самодержавием и крепостничеством в интересах угнетенных крестьянских масс (Новиков, Фонвизин, Крылов), идея крестьянской революции (Радищев), создание первых опытов критического реализма (Фонвизин, Радищев, Крылов), борьба за общенациональный язык — вот важнейшие стороны многогранной деятельности этих великих русских «сынов Отечества», возглавлявших также и передовую русскую журналистику XVIII в.

Передовая русская журналистика не только расширяла умственный кругозор своих читателей и обогащала их разнообразными обширными сведениями из различных наук и литератур, но и внушала им прогрессивные идеи, воспитывала в них гражданские чувства, формировала их патриотическое сознание.

Великие события русской истории первой четверти XIX в. — Отечественная война с Наполеоном в 1812 г. и восстание декабристов в 1825 г. — настолько поражают наше воображение своей грандиозностью, что мы обычно забываем, что отцами героев 1812 года и 1825 года, а часто и самими героями этих эпических моментов русского прошлого были люди, воспитавшиеся на русской культуре XVIII в., в том числе и на русской журналистике того столетия. Это были люди, читавшие

переиздания «Живописца» и рукописный «Друг честных людей, или Стародум», «Беседующего гражданина», «Почту духов», «Зрителя», «Санкт-Петербургского Меркурия», «Санкт-Петербургский журнал»; это были люди, читавшие также «Московский журнал» Карамзина, который так высоко ставил Белинский за «умение следить за современными политическими событиями и передавать их увлекательно».¹

Таким образом, тянется живая нить от журналистики XVIII в. к декабристам и к Белинскому. А с декабристов, как мы знаем, начинается до-пролетарский период истории русской рабочей печати. Следовательно, мы имеем все основания для того, чтобы рассматривать историю русской журналистики XVIII в. — конечно, в ее передовых явлениях — как пред- историю русской рабочей печати, как пред- историю советской журналистики.

В этом и заключается основное значение русской журналистики XVIII в.

---

¹ «Какое умное передавание политических новостей, столь интересных в то время!» (Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, Пгр., 1917, т. XI, стр. 219; ср.: т. X, стр. 316).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Маркс К. 32, 90
 Ленин В. И. 8—11, 19, 159, 307, 556
 Сталин И. В. 3, 4, 8, 14, 15, 35, 36, 307, 380, 541, 542, 555, 557
- А. К. 278; см. Дмитрий Грозинский
 А. П. 228; см. Примирителев Аристарх
 А. Р. 278; см. Сичкарев И.
 А. С. 231; см. Сумароков А. С.
 Аблесимов А. О. 160, 228, 256, 341, 352, 468, 487
 Август II 65
 Август Октавиан 170
 Авзоний 65
 Аврамов Михаил 48
 Аврелий Марк 180, 548
 Автономов Н. П. 228
 Агентов М. 154
 Агриппа Нетесгеймский 226, 267
 Адиссон Дж. 346
 Адодуров В. Е. 62, 72—74
 Азадовский М. К. 378
 Акимов И. И. 105
 Акинфиев М. И. 327
 Акохов, купец 438
 Алалуй Емак 236; см. Башилов С. (?)
 Александр I 549, 552
 Александренко В. Н. 70
 Алексеев В. А. 105
 Алексеев Матвей 62, 72
 Алексеев М. П. 101, 319, 373, 374
 Алексеев П. 400
 Алефиренко П. К. 129, 130, 316
 Алферов И. 411
 Альтман В. 316
 Анакрсон 522
 Анна Ивановна 46, 156, 357
- Аничков Д. С. 54, 110
 Анненский Н. И. 387
 Анопиме 247
 Антонович П. Д. 410
 Антоновский М. И. 365, 377, 385, 410
 Антонский А. 410, 411
 Антонский М. 410, 411
 Анучин Д. И. 530, 531, 545
 Аристотель 170, 211, 370
 Арндт Б. 351
 Афанасьев А. Н. 162—165, 167, 168, 193, 194, 217, 220, 222, 235, 239, 243, 267, 294, 534
 Аюки-Тайша 43
- Б. 344; см. Барков И. С.
 Б... 316
 Б. И. Ч. 99; см. Черкасов И. И.
 Б. К. 232; см. Эмин Ф. А.
 В. Л. 408; см. Левшин В. А.
 В. W. 251; см. Вороблевский Василий
 Бабушкина А. П. 325
 Багрянский М. И. 410
 Байбаков А. 304
 Байер Э. 72
 Бакунин П. В. 346
 Балицкий Г. Б. 29, 48, 49, 51
 Балк-Полева М. П. 262
 Бантыш-Каменский Н. Н. 278, 326; см. Н. Б. К.
 Барбе ди Бург 322
 Барков И. С. 290, 344; см. Б.
 Барро Ж., де 66
 Барсков Я. Л. 389
 Барсов А. А. 105, 112
 Бартелеми Ж. Ж., 509
 Бархударов С. Г. 31

¹ Указатель составлен С. М. Берковой.

- Бахерахт А. 354
 Башилов С. 230, 235—238; см. Неспускалов (?), Алаауй Емак (?), Старожилов (?)
 Бедный Д. 380
 Бедняшкина 235
 Батурин П. С. 333
 Бекенштейн И. С. 60
 Бекетов П. П. 354
 Бекетова Н. А. 426
 Белинский В. Г. 21, 101, 152, 425, 460, 501, 508, 509, 531, 541, 550, 558
 Беллони Дж. 90
 Белокуров С. А. 326
 Белосельский В. М. 127
 Берг И., фон 249
 Берг П. Ф. 228, 408; см. П. Ф. Б.
 Бернулли И. 74
 Бернулли Н. 74
 Берройер Ж. 110
 Бертух 517
 Бес Кривой 232; см. Эмин Ф. А.
 Бесовский корректор 232; см. Эмин Ф. А.
 Бестужев А. Ф. 318, 377, 378, 380, 381, 387, 460, 543
 Бестужев-Марлинский А. А. 378
 Бестужевы (декабристы) 378
 Бибииков А. И. 161
 Бибииков В. И. 160
 Бибииков П. А. 332
 Билефельд Я. Ф. 149
 Биллярский П. С. 78, 83, 84, 106
 Бирон И. Э. 54
 Благодаров Я. 411
 Благой Д. Д. 12, 165, 371, 384, 431, 459, 489, 533
 Бобинин В. 36
 Бобров С. С. 318, 319, 340, 377, 411, 430
 Богаевский И. 329
 Богданов А. 64
 Богданович И. Ф. 138, 140, 143, 197, 291, 320, 321, 323, 324, 326, 328, 329, 340, 341, 344, 352
 Богданович П. И. 260, 327, 435
 Боголюбов Е. А. 192, 216, 284
 Богословский Н. Н. 316
 Блудов А. Т. 524, 527
 Бомарше П. 270
 Бородин А. В. 64
 Бозций 346
 Брайко Г. А. 167, 326, 348, 350, 351
 Брауншвейг П. П. 410
 Брикнер А. 316
 Брокес Б. Г. 66
 Бросс Ш., де 123
 Брут 386
 Брянцев А. 404
 Буало Н. 325, 353, 375, 489, 534
 Булавин Кондратий 45, 50
 Булгаков Я. 110
 Булич Н. Н. 162, 194, 230—232, 235—237, 240, 243, 247, 259, 260, 262, 266, 267, 277
 Булич С. К. 277, 325
 Бурцов А. 361
 Буслаев Ф. И. 29, 31
 Бухарский А. И. 387, 464, 476, 481, 482
 Быстров И. 438
 Бакон Ф. 346, 399
 Бюффон Ж.-Л., 513, 514
 В-6-ъ 163; см. Вейнберг П. И.
 В. М. 250, 280; см. Майков В. И. (?)
 Ван-Эффен Ю. 251
 Ванслов И. 268, 278; см. Вейдемейер И., И. В. (?)
 Варакин И. И. 464, 476
 Варгейт Адам Адамов 211; см. Екатерина II
 Вашингтон Г. 316, 422
 Вебер 49
 Вевер 154
 Вейдемейер И. 278, 290; см. Ванслов И., И. В. (?)
 Вейнберг П. И. 163; см. В-6-ъ
 Вейтбрехт 351
 Венгеров С. А. 49, 321, 330, 352, 425, 531, 541, 558
 Вениаминов П. Д. 112
 Веревкин М. И. 352, 353
 Вернадский Г. В. 113, 220, 269
 Вершницкий А. 145
 Веселовский Ю. А. 113
 Виктор, неромонах 411
 Вианда Х. М. 351, 400, 507
 Вилим, князь 27
 Винкельман И. И. 491
 Виноградов В. В. 458, 459
 Виргилий 294
 Витберг Ф. А. 362, 364, 536, 537
 Вл. 402; см. Семеновников В. П.
 Владыкин И. 352
 Военский К. А. 369
 Воейков П. 404
 Волков А. А. 160, 213, 234
 Волков Борис 48—50

- Волков Д. В. 160, 303
 Волков Ф. Г. 54, 55, 140
 Волчков С. 62
 Вольней К. Ф. 381, 509, 510, 527
 Вольтер Ф. А. 66, 87, 101, 104, 118, 154, 157, 242, 266, 277, 290, 301, 319, 324, 346, 351, 399, 483
 Вороблевский Василий 251; см. В. W
 Воронцов А. 118, 154, 332, 538, 546
 Вражкани Богодар 285; см. Каржавин Феодор
 Всегдатут Я. 398
 Вуд Р. 99
 Вындомский А. М. 377
 Вяземский А. А. 301
 Вяземский И. А. 290
 Вяземский П. А. 152

 Г. Д.*** 272; см. Дмитревский И. А.
 Гаврилов М. Г. 410
 Галахов А. Д. 335, 497
 Галенкин В. 410
 Галлан А. 474
 Галлер А. 346, 351, 386, 483
 Ганке Г. Ф. 65
 Гаркоурт, князь (Гаркур Г., герцог) 28
 Гаррик Д. 351
 Геллерт Х. Ф. 346
 Гельвещий К. А. 319, 324, 346
 Геннади Г. Н. 17
 Георги И. И. 328
 Герасимович С. 330
 Гербер И. Г. 89
 Герман Я. 74
 Геродот 481
 Герцен А. И. 11, 550
 Геснер С. 351, 386, 387, 483
 Гёте И. В. 319, 484, 516
 Гигес 481
 Гильденштетт И. А. 328
 Гиппиус В. В. 528
 Глебов С. И. 121
 Глебовский И. 332
 Глейхен, граф 351
 Глинка С. Н. 105
 Гмелин младший С. 328
 Гоголь Н. В. 208, 501
 Годунов Борис 89
 Голеневский И. К. 104, 257; см. И. Г.
 Голешичев-Кутузов И. А. 104
 Голицын Ал. 408
 Голицын Серг. 408
 Голицына Е., 411
 Голицына Т. 411

 Головин М. 327, 329
 Голубовский И. 411
 Гольбах П. Г. Ф. 381
 Гольберг Л. 147
 Гольдбах Х. 68, 74
 Гольдберг А. 87, 153
 Гольдсмит О. 319
 Гомер 322, 323, 511
 Гораций 95, 168
 Горлицкий И. 73
 Горчаков Д. П. 491, 495; см. К. Д. Г
 Горшков А. И. 216
 Госенша (Госен Ж.-К.) 272
 Готшед И. К. 152
 Гофман В. А. 458
 Гоцци К. 98
 Грей Т. 319, 476
 Греков Б. Д. 11
 Грибовский А. М. 408
 Грибоедов А. С. 305, 306
 Грингорович-Барский В. 266
 Громов Г. 386
 Гросс Х.-Ф. 60
 Грот Я. К. 78, 79, 81, 335, 486, 487
 Губерти Н. В. 524, 527
 Гудзий Н. К. 5, 289, 317, 533
 Гуревич А. 312

 Д.— 353; см. Фонвизин Д. И. (?)
 Д. К. 218
 Д. П. 231, 232; см. Другой Правдолюб
 Д. Р. 411; см. Рыкачев Д. (?)
 Давыдовский Л. Я. 400, 404, 410
 Даламбер Ж. 482
 Даль В. И. 486
 Данилов В. 400, 404
 Дашков Я. 151, 154
 Дашкова Е. Р. 143, 145, 224, 285, 303, 330, 335, 340, 341, 346, 347
 Делавь И. 73
 Дмосфен 358
 Державин Г. Р. 290, 314, 318, 329, 330, 332, 340, 351, 354, 364, 411, 452, 474, 482, 487, 488, 491, 494, 497, 502, 503, 508, 524, 532, 557
 Державина Д. А. 508
 Десницкий Е. С. 54
 Дидро Д. 301
 Дмитревский И. А. 54, 121, 234, 272, 439, 445, 450, 451, 462; см. Г. Д.***
 Дмитриков И. И. 344, 364, 397, 470, 478, 482, 494, 495, 497, 502, 503, 519, 522, 525

- Дмитриев М. А. 352
 Дмитриев С. С. 12
 Дмитриев-Мамонов А. И. 312
 Дмитрий Грозинский 278; см. А. К.
 Доброгорский М. 411
 Доброжелатель 220
 Добролюбов Н. А. 7, 17, 21, 50, 52,
 162—165, 167, 182, 183, 186, 188,
 189, 191, 203—205, 207, 211, 212,
 222, 224, 225, 301, 306, 314, 328,
 330, 333—335, 340, 341, 350, 352,
 354, 399, 410, 540, 550
 Долгорукий П. 278; см. К. П. Д.
 Домашнев С. Г. 138, 160, 234, 278,
 321, 329, 330; см. С. Д. (?)
 Донно де Визе 478
 Достоевский Ф. М. 259
 Другой Правдолюбов 231, 232; см.
 Д. П.
 Дружинин Ал-др 157
 Дружинин Н. 158
 Дубровский А. Л. 105, 326
 Дурьяин С. В. 459
 Дьякова М. А. 354
- Евгений, митрополит 102, 249
 Екатерина I 32, 53, 54, 156
 Екатерина II 11—14, 54—56, 114—
 117, 140, 141, 145, 146, 156—161,
 163—166, 170—183, 189, 200, 209,
 220, 222, 224—226, 228, 229, 251,
 264, 265, 269, 270, 275—278,
 280—282, 284, 285, 298, 300, 305,
 306, 308—311, 317, 323—325,
 328—330, 332—341, 347, 350, 355—
 357, 360, 366, 371, 374—376, 383,
 390—392, 394, 403, 405—409, 413,
 414, 416—418, 423, 424, 431, 439,
 441—445, 449, 457, 458, 465, 467,
 474, 475, 480, 492, 494, 495, 503,
 504, 509, 514, 528, 538, 548—550,
 555; см. Варгейт Адам Адамов,
 Р. Г.
 Екимов П. 322
 Елагин И. П. 77, 87, 94—96, 98,
 104, 160, 228, 257, 358
 Елизавета Петровна 12, 13, 54, 77,
 83, 97, 99, 109, 116—118, 130,
 138, 151, 156, 211, 357
 Ельчанинов Б. Е. 217
 Еропкии В. 404
 Ефимовский А. 308
 Ефремов П. А. 143, 152, 189, 194,
 230, 236, 249, 285, 355, 534
- Ж. Ж. 329
 Жандр А. 462
 Жилин А. 404
 Жуков Ал. 344
 Жуков Э. 312
 Жуков М. 228, 404
- Забелин И. Е. 29, 31
 Заботин 190
 Завалиевский С. С. 377
 Завьялов М. 346
 Заикин, купец 495
 Закруткин Р. А. 374
 Замиряев Н. 250
 Занепрасно ободранный 210; см. Су-
 мароков А. С. (?)
 Западов А. В. 5, 197, 234, 286, 290,
 314, 435, 460
 Захаров И. 346, 400, 464, 476
 Захаров Я. 348
 Здобнов Н. В. 326, 361
 Змеев А. Ф. 112
 Золотницкий В. 150, 154, 160, 242
 Зотов Г. 285
 Зубов В. А. 309
 Зубов П. А. 309, 317, 477
- И. 397
 И. Б. П. 259; см. Эмин Ф. А.
 И. В. 278; см. Ванслов И. (?), Вей-
 демейер И. (?)
 И. Г. 104; см. Голеневский И. К.
 И. Л. 268
 И. М. 278; см. Мошков Ив.
 И. С. 278; см. Сичкарев Ив.
 И. Т. 204—206
 Иван IV 24
 Иван Алексеевич 30
 Иванов Л. 30
 Измайлов А. И. 387
 Измайлов В. В. 530
 Икосов П. И. 377, 410
 Ильинский И. Ю. 73
 Ильин Т. И. 364
 Иноземцев И. Г. 312
 Исакович И. В. 194, 195
 Истоинн В. Ф. 458
 Истоинн К. К. 303
- К. 353, 397
 К*** 122; см. Сумароков А. С.
 К. Д. Г. 491; см. Горчаков Д. П.
 К. П. Д. 278; см. Долгорукий П.
 Каганова А. 316
 Казачинский Михайло 170
 Калинин Н. 400

- Калининский И. 154
 Каллаш В. В. 431, 432, 438, 439, 459, 460, 469, 470, 539
 Каменев Г. П. 318
 Кандава 481
 Кант И. 505
 Кантаровский Я. 352
 Кантемир А. Д. 34, 36, 55, 70, 73, 97, 100, 156, 211, 282, 371, 392, 436, 441, 460
 Кантемир Д. 44
 Капнист В. В. 314, 317, 318, 340, 344, 351—353, 494
 Карабанов П. 344
 Карамзин Н. М. 4—6, 21, 22, 113, 129, 313, 315, 317, 319, 320, 344, 352, 381, 423, 426, 430, 462, 470, 478, 480, 482, 484, 487, 488, 492, 494—498, 500—522, 524—528, 530—532, 540—543, 545, 551—553, 556—558
 Каратаев Н. 91, 92
 Каржавин Феодор 285; см. Вражкани Богодар
 Карин А. 110, 145
 Карл XII 33, 36, 43
 Кариович Е. П. 309
 Картезий (Декарт Р.) 211
 Катон 386
 Катулл 476
 Келембет К. 411
 Киприанов В. В. 63, 64
 Кириак Т. 400
 Кирпичников А. И. 316
 Клаудий Х. 115
 Клейст Э. Х. 351
 Клингер Ф. М. 516
 Клушин А. И. 314, 315, 318, 430, 434, 462, 464, 469, 473, 475—478, 480—485, 489, 495, 530
 Ключарев Ф. 410
 Ключевский В. О. 549
 Княжнин Я. Б. 157, 311, 329, 340—342, 344, 354, 391, 402, 440, 453, 455, 470, 476, 482, 487, 492—494
 Кобеко Д. Ф. 534
 Козельский Ф. 218, 323, 352, 354
 Козельский Я. П. 160
 Козицкий Г. В. 105, 121, 160, 172, 225, 228, 246, 300
 Козловский Ф. А. 160, 256, 404
 Козодавлев О. П. 330, 340, 494, 495
 Козырев, купец 438
 Козьмин Б. П. 4
 Колычева Е. А. 387
 Колюпанов Н. 382
 Колязин П. 404
 Кондратович К. Т. 275, 276
 Кони А. Ф. 194
 Кони Ф. А. 194
 Коновницын П. 477
 Коноплев М. С. 321
 Коплан Б. И. 312, 364, 457, 537
 Копьев А. Д. 318
 Корнолан 127
 Корнелий 489
 Корнель П. 517
 Коробьин Г. 199, 200, 202
 Коровин С. 73
 Корольков М. Я. 361
 Корсаков А. 149, 154
 Корф М. А. 40
 Корш В. Ф. 108
 Костин М. 354
 Костров Е. И. 314, 318, 340
 Костровский А. 145
 Котельников С. К. 258
 Коцебу А. 484, 516, 517
 Кошелев А. И. 382
 Крамер А. Б. 68, 69
 Краснопеков Ф. 400
 Крафт Г. В. 69
 Крафт Л. Ю. 327, 328
 Крестинин В. В. 346
 Крестова Л. В. 533
 Кречетов Ф. В. 315, 359—362, 436
 Кригер И. Х. 155, 286
 Критюхина Леонильда 228; см. Храповицкая-Сушкова М. В.
 Кропоток П. А. 318, 420
 Крузбиорн 30
 Крылов И. А. 4—6, 15, 21, 22, 251, 305, 306, 313—315, 318, 341, 342, 362, 364, 371, 430, 431, 432, 434—460, 462, 464, 469—478, 480—482, 484—490, 492, 495, 496, 508, 510, 530, 532, 536, 537, 547, 550—552, 554, 557
 Ксенофонт 381
 Кузнецов Я. О. 196
 Кузьмина В. Д. 12
 Кулакова Л. И. 552
 Куник А. А. 65, 66, 78, 83, 320, 327, 347, 391
 Кунц 223
 Куракин Ал-до 332
 Курганов Н. Г. 270
 Курмамет Ибрагим 237—239
 Курций 386
 Кутузов А. М. 373, 400, 404

- Кучеров А. Я. 317
 Кушалев Гр. 228
 А. 397
 Лаба Н. 404
 Лабзин А. Ф. 364, 410
 Лаво, де 66
 Лазурский В. Ф. 228
 Лапин И. Ф. 518
 Лебедев-Полянский П. И. 52
 Леблан 439
 Левшин В. 268, 340, 408
 Лекен А. Л. 272
 Лексель А. И. 328
 Леонтьев А. П. 179, 256, 276
 Лепехин И. И. 328, 348
 Лепехин П. 346
 Леспренс де Бомон 240
 Лесажа А. Р. 259
 Лессинг Г. Э. 484, 516
 Лехтблау А. Б. 5; см. Светлов Л. Б.
 Линней К. 351
 Лисовский Н. М. 16—18, 312, 327, 348
 Лихачев Н. П. 17, 19
 Лихонин П. 400
 Лобысевич А. 121, 228
 Локк Дж. 118
 Ломоносов М. В. 4, 21, 36, 54, 55, 65, 76—84, 87—89, 93, 94, 104, 106, 107, 115, 116, 118, 121—124, 127, 132—135, 137, 142, 156, 167, 170, 186, 188, 211, 219, 235, 257, 266, 294, 329, 341, 344, 358, 391, 392, 394, 396, 397, 413, 450, 451, 474, 482, 489, 532, 551, 557
 Лонгинов М. Н. 17, 118, 206, 207, 235, 535
 Лопухин П. 154, 390
 Лосенков А. П. 392
 Лотман Ю. М. 373, 374
 Лубянович К. А. 373, 377
 Луве де-Кувре Ж. Б. 434
 Лукин В. И. 195, 213, 217—219, 234, 238, 239, 241, 254, 257, 262, 268, 270, 281, 288, 294, 341, 470, 511
 Луначарский А. В. 307
 Лурье А. Н. 194
 Львов Н. А. 487, 494
 Львов П. Ю. 470, 476, 530
 Любопытный зритель 286, 287; см. Фонвизин Д. И.
 Люборуссов 277
 Любослов 328
 Людвиг Э. 35
 Людовик XIII 444
 Людовик XVI 347, 526
 Ляпин И. 410
 Ляцкий Е. А. 362
 Лященко А. И. 234
 М. 387; см. Магницкая (?)
 М. 381; см. Мартынов И. И. (?)
 М. Т. 278; см. Рубан В. Г.
 М. М. 281
 М. С. 278, 287; см. Спиридов М.
 М. Ф. 163; см. Федоров М. П.
 М. Х. 340; см. Херасков М. М.
 Мабли И. Г. 534, 536
 Магницкая 387; см. М. (?)
 Мазуччио 146
 Майков А. А. 344
 Майков В. И. 142, 145, 168, 251, 256, 257, 278, 291, 296, 323, 341, 392, 397, 400, 402, 411, 476; см. В. М.
 Майков Л. Н. 99, 109, 168, 203, 236, 292, 294, 296
 Макаров М. Н. 301
 Макогоненко Г. П. 4, 115, 165, 192, 203, 221, 286, 288—290, 310, 314, 388—390, 399, 405, 410, 411, 413, 419, 420, 435, 533, 546
 Максим Тирянин 358
 Максимович А. М. 410
 Мален А. И. 57, 60, 311
 Малиновский А. Ф. 400, 404, 408, 410
 Мареш И. 262
 Мариво П. 148, 153
 Марков Е. 154
 Марлинский С. Я. 28, 44, 45
 Мармонтель Ж. Ф. 396
 Мартынов И. И. 381, 387, 482, 491, 530; см. М.
 Масанов И. Ф. 534
 Медведев Г. 354, 400
 Мезьер А. В. 528
 Мельгунов А. П. 124
 Менард А. 148
 Мендельсон М. 399
 Меньшиков А. Д. 33
 Мерсье С. 346, 364, 468, 509, 510
 Метастазин П. 394
 Мецеринов И. 404
 Мецерский А. И. 452
 Миллер Г. Ф. 42, 57, 58, 60, 62, 63, 69, 71, 83, 84, 86—90, 98, 102, 105—107, 147, 154, 346, 439, 546

- Милорадович Г. 163
 Мильтон Д. 413
 Милютин В. А. 88, 90, 93, 101, 104
 Минин Кузьма 468
 Миних Б. 46
 Мисловский К. 411
 Михаил Федорович 26
 Михайловский 278
 Могилянский А. В. 410
 Модзалевский Б. Л. 223
 Модзалевский Л. Б. 87, 94
 Молодая сочинительница 257; см. Храповицкая-Сушкова М. В.
 Молчанов П. 411
 Мольер Ж. Б. 172, 181, 441, 468, 489
 Монтескье Ш. 259
 Монтюкла Ж. Э. 327
 Мордовцев Д. Л. 163, 165
 Мордовченко Н. И. 541
 Мотонис Н. 106, 121, 160
 Мочульский В. Н. 267, 277
 Мошков И. 278; см. также И. М.
 Муравьев М. Н. 318, 319, 340, 397, 400; см. Тферь
 Муравьев Н. Е. 160
 Муравьева А. 439
 Мутоне Клерфон Ж. Ж. 297
- Н. Б. К. 278; см. Бантыш-Каменский Н. Н.
 Н. Л. 411
 Н. N. 255, 256; см. Новиков Н. И.
 Наковальнин С. Ф. 127
 Наполеон 557
 Нартов А. А. 71, 105, 121, 135, 138, 160, 364
 Нарышкин А. 145, 160
 Нарышкин В. 121
 Нарышкин Л. А. 265, 337, 445; см. Правдолюбков (?)
 Нарышкин С. В. 104, 121, 138, 160
 Нарышкин С. К. 262
 Невтон (Ньютон И.) 211
 Неелов П. А. 408, 410; см. П. Н.
 Незеленов А. И. 114, 419
 Незнаев 244
 Некрасов Н. А. 21
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 340, 495, 497, 503, 530
 Незнакомый 295; см. Храповицкий А. В.
 Неспускалов 236—238; см. Башилов С. (?)
 Нестор 105
- Неустроев А. Н. 7, 8, 16, 17, 69, 71, 86, 108, 127, 239, 288, 327, 347, 397, 432, 497, 534, 538, 539
 Николай I 549
 Николов Н. П. 341, 342, 344, 347, 352, 353, 391, 476, 491, 495, 503; см. Слепцов Моисей, Стихоткач Телемахидин (?)
 Никон, патриарх 31
 Новиков Н. И. 4, 5, 14, 15, 17, 20, 21, 54, 94, 112—115, 130, 143, 145, 155, 157, 159, 160, 165, 167, 168, 171, 176—183, 186—192, 194, 195, 198, 200, 202—209, 214—218, 220, 222—224, 230—232, 246, 248—252, 254—256, 258, 265, 266, 269, 270, 273—290, 292, 295—298, 300—307, 310—314, 365, 371, 387—392, 394, 395, 397—400, 402, 404—407, 409—411, 413, 414, 416—427, 429, 430, 435, 436, 441, 460, 495, 497, 501, 503, 511, 532, 534, 535, 544, 545, 547, 549, 550, 552, 554, 557; см. Правдолюбков, Правдолюбков, Н. N.
 Новосильцев Н. Н. 508
- Обнорский С. П. 31
 Оболенский А. Е. 410
 Овидий 142, 146, 153, 236, 243, 266, 267, 510
 Огорченный 178
 Одоевский Я. Н. 36
 Ожегов С. И. 514
 Озерецковский Н. Я. 327, 328, 348
 Озеров П. А. 362, 364
 Окорокос В. И. 115
 Оксеншерна А. 87, 90, 243
 Окулов М. 411
 Орлов А. Г. 277, 309, 445
 Орлов А. С. 78, 172, 219, 220, 303, 317
 Орлов В. Н. 310, 378, 380, 382, 384—387, 460
 Орлов Г. Г. 195, 277, 309, 445
 Орлов Ф. Г. 445
 Осипова-Вульф П. А. 377
 Оссиан 318, 476, 491
 Остервальд Тимофей 228; см. Остроперов Трифон
 Остроумьслов 420
 Остроперов Трифон 228; см. Остервальд Тимофей

- П. . . 232; см. Попов М. И. (?)
 П. Н. 408; см. Неелов П. П.
 П. Р. 194
 П. С. 189, 190
 П. Ф. Б. 408; см. Берг П. Ф.
 Павел Петрович 141, 180, 309, 311,
 317, 323, 332, 381, 384, 385, 528
 Палесфат 519
 Паллас П. С. 328
 Панин Н. И. 158, 332, 334, 413, 419
 Панин П. И. 332, 334, 355, 406
 Парни Э. 387
 Паскаль Б. 399, 400
 Пастухов П. И. 125, 127
 Пекарский П. П. 19, 49, 68, 69, 82,
 83, 86, 89, 98, 99, 164, 171, 172,
 225, 497
 Пельский П. А. 410
 Перепечин А. 145
 Перетц В. Н. 68
 Переходкина М. П. 216
 Пермский М. 145, 228
 Пермяков Анфрон 228
 Перочников Афиноген 228
 Пестов С. С. 377
 Петр I 11—13, 21, 28, 30—37, 40,
 42—48, 50, 52—56, 58, 90, 118,
 129, 151, 197, 216, 277, 360, 465,
 544, 553, 555, 556
 Петр II 61, 71, 156
 Петр III 132, 138—140
 Петров А. А. 400, 426, 430, 524
 Петров В. П. 145, 168, 218, 219,
 235, 247, 262, 263, 270, 281, 294,
 323, 392
 Петров Илья 62; см. Яхонтов И. П.
 Петров С. О. 389
 Петровский М. 411
 Петровский М. П. 31
 Петровский Н. М. 86, 228, 258, 260,
 269
 Петухова Н. 228; см. Храповицкая-
 Сушкова М. В. (?)
 Печнев С. Д. 364
 Пигарев К. В. 105
 Пиксанов Н. К. 311, 313, 317
 Пиндар 168
 Плавильщиков П. А. 318, 340, 430,
 445, 462, 464—477, 484
 Платон, митрополит 115
 Плетнев П. А. 431, 458
 Пляханов Г. В. 301, 388, 389
 Пнин И. П. 21, 318, 377, 380—385,
 387, 543
 Погодин М. П. 497, 502, 508
 Погорелов В. А. 40, 44, 58
 Подобедов А. 285
 Подшивалов В. С. 115, 364, 411,
 430, 503, 519, 530
 Пожарский Дмитрий 468
 Покровский А. А. 28—30, 36, 38, 42
 Покровский А. К. 426
 Полевой Н. А. 354
 Поленов Б. 346
 Полетика Г. 121, 160
 Поликарпов Ф. 48
 Полторацкий С. Д. 354
 Полушин Ф. А. 104, 105; см. Ф. П.
 Полянский А. И. 228
 Померанцев В. П. 518
 Пономарев С. И. 520
 Поп А. 483
 Попов Г. И. 309, 361
 Попов М. И. 160, 192, 194, 229,
 232, 235, 236, 246, 256, 395; см.
 П. . . (?)
 Попов Н. 160
 Поповский Н. Н. 93, 95, 112, 358,
 392
 Порошин С. А. 104, 105, 127, 214;
 см. С. П.
 Посников И. 268
 Поспелов Ф. 410
 Потемкин В. П. 26
 Потемкин Г. А. 110, 158, 308, 317,
 444, 445
 Потемкин П. С. 285
 Правдолюбов 248—250, 252, 254,
 258, 263—265; см. Новиков Н. И.,
 Нарышкин Л. А. (?)
 Правдолюбов Аврам 228
 Правдолюбов 170—172, 232, 248;
 см. Новиков Н. И.
 Прево д'Ексилес (аббат Прево) 153
 Привалов Е. П. 426, 429, 430
 Примечаев 230
 Приемителей Аристарх 228; см.
 А. П.
 Прокопович-Антонский А. А. 430
 Прокудин М. 341
 Протасов А. П. 290, 348
 Протасов Ал. 347
 Протопопов В. 408
 Пряников Елисей 230
 Прянишников В. 400
 Псиол В. 411
 Пугачев Емельян 13, 223, 224, 287,
 308—310, 325, 350, 354, 357, 406,
 413, 414, 416, 495
 Пумпянский С. 115, 316

- Путилов В. Н. 234, 268
 Пучков Ф. 483
 Пушкин А. С. 21, 53, 54, 94, 122, 157, 158, 178, 412, 430, 501, 531, 532, 549
 Пушников Н. В. 270
 Пеффель Г. К. 347
 Пыляев М. И. 407
 Пыпин А. Н. 217, 338, 369, 459, 537

 Р. 277; см. Рубан В. Г.
 Р... 534
 Р. Г. 180; см. Екатерина II
 Радищев А. Н. 4, 14, 16, 18, 21, 157, 195, 203, 206, 207, 285, 287, 290, 306, 307, 310, 311, 315, 317, 318, 327, 361, 362, 364—366, 369—374, 376—378, 380—384, 386, 387, 389, 390, 400, 404, 414, 418, 419, 421, 423, 430, 438, 449, 456, 457, 459, 460, 496, 508, 531—542, 546, 547, 549—552, 555, 557
 Радищев П. А. 203, 206, 207, 533
 Разумовский А. Г. 170
 Разумовский К. Г. 83, 96, 291
 Райков Б. Е. 69, 98
 Ракин В. 312
 Расин Ж. 188, 489
 Рахманинов И. Г. 315, 362, 364, 438, 439, 460, 462
 Рейналь Г. Т. 386, 492
 Рейтштейн 148
 Рейхель И. Г. 147—155
 Рехардзон 351; см. Ричардсон С.
 Решетников А. Г. 223
 Ржевский А. А. 98, 99, 104, 121, 133, 134, 136, 138, 139, 142, 145, 146, 160, 268, 281, 291, 301
 Ржевский И. Н. 285
 Ридигер Х. 115
 Рихман Г. В. 69
 Ричардсон С. 351, 470, 483; см. Рехардзон
 Ришелье А. 444
 Рождественский Н. В. 477, 478
 Рокотов И. 404
 Ромодановские-Ладыженские 285
 Ромодановский 285
 Росинский А. 411
 Рубан В. Г. 145—147, 218, 222, 235—238, 262, 264, 268, 276—278, 285, 290, 291, 294, 323, 344; см. Р., М. Т., Т. М.
 Румовский С. Я. 239, 246, 327, 347
 Румянцев И. Ф. 239, 240, 242
 Рунич Д. П. 405
 Руссо Ж. Б. 134, 242
 Руссо Ж. Ж. 100, 101, 133, 134, 154, 301, 319, 324, 325, 351, 386, 447, 483, 509
 Рыкачев Д. 400, 404, 411; см. Д. Р. (?)
 Рычков П. И. 89—92

 С. Б. 235; см. Башилов С.
 С. Д. 278; см. Домашнев С. Г. (?)
 С. П. 104, 289; см. Порошин С. А.
 Садорский П. 400
 Сайтов В. И. 352
 Сакки Л. 98
 Сакки Антонио 98
 Салтыков А. 359
 Салтыков-Щедрин М. Е. 356
 Салтыкова М. П. 223
 Самануков Агаб 228
 Самуил, епископ 285
 Сандунов Н. Н. 430
 Санковский В. 145—147, 154, 161
 Сатаров М. 73
 Сафо 476
 Светлов Л. Б. 255, 310, 361, 533; см. Лехтблау Л. Б.
 Светов В. 292, 328
 Светушкин А. 115
 Свиньян П. П. 230
 Свиньян Е. 400
 Свиньян Н. 400
 Свистунов П. С. 127, 218, 248—250, 254; см. Стозмей
 Свистуновский В. 474, 476
 Свиньян m-me 325
 Седов М. Г. 362
 Секунд Иоани 295, 297; см. Эвард
 Семенников В. П. 20, 165, 192, 194, 203, 206, 220, 222, 223, 228—230, 236, 239, 242, 244, 246, 247, 249—252, 257, 258, 269, 272, 278, 280, 281, 285, 291, 297, 303, 327, 328, 347, 362, 364—366, 369, 372—374, 377, 384—386, 402, 456—459, 497, 539; см. Вл.
 Сенека Л. 235
 Серебряков Д. 404
 Сержпутовский И. О. 311
 Сиверс К. Е. 127, 262
 Сивков К. В. 309, 310, 361, 362
 Симсон П. 191
 Сняввич Я. 49, 51, 551
 Сяповский В. В. 507, 521

- Сичкарев И. 228, 278, 305, 441; см. И. С.
 Сичкарев Л. И. 175, 176, 228, 249, 251, 547, 550
 Скородумов Г. И. 450, 451; см. Трудолюбов
 Скрипицын Н. 387
 Слепцов Моисей 344; см. Николаев Н. П.
 Смирдин А. Ф. 236
 Смирнов М. 329
 Смирнов С. К. 341
 Смолянов И. Д. 538
 Соболевский А. И. 31
 Соймонов Ф. И. 69, 89, 90
 Сократ 525
 Солдцев В. Ф. 220, 221, 251
 Сопиков В. С. 439
 Софонович И. Ф. 377, 410, 411
 Софья Алексеевна 30
 Сохацкий П. 115, 410, 411
 Спелницкий С. И. 410
 Спиридов А. Г. 290
 Спиридов М. 278, 290; см. М. С.
 Срединский С. А. 51, 60
 Срезневский В. И. 330
 Старожилос 236; см. Башилос С. (?)
 Стеллер (Штеллер Г. В.) 69
 Степанов И. П. 377
 Степанов Н. А. 437, 459, 470
 Стерн Л. 335, 351, 501
 Стефан Яворский 50
 Стихоткач Телемахидия 344; см. Николаев Н. П. (?)
 Стозмей 248—250, 254; см. Свистунов П. С.
 Стожков 228; см. Шербатов М. М.
 Страхов Н. И. 314, 435, 460
 Строганов А. С. 228
 Стропин Д. 402
 Струговщиков А. 480
 Струйский Н. Е. 344
 Ступени, купец 495
 Суворов А. В. 444, 450
 Сулковский Франц 351
 Сумаэбродов Акинфий 228
 Сумар, г.; см. Сумароков А. С.
 Сумароков А. С. 54, 56, 66, 68, 77, 87, 89, 94—98, 104, 105, 110, 112, 115—118, 120—128, 132—135, 137, 138, 159, 162, 167, 169, 186, 187, 195, 210, 211, 213, 219, 228—232, 235, 240, 243, 247, 260, 262, 266, 270, 272, 300, 323, 341, 342, 351, 353, 369, 370, 383, 392, 397, 402, 408, 441, 476, 489, 538, 539, 545, 547, 550, 556; см. А. С., г. Сумар, Занапрасно ободранный (?), К*** (?)
 Сумарокова Е. А. 121
 Сухомлинов М. И. 20, 112, 304, 335, 340
 Сушкова М. В. 285, 287, 290; см. Храповицкая-Сушкова М. В.
 Т. А. 163
 Т. М. 278; см. Рубан В. Г.
 Тампль В. 351, 352
 Тарасий, отец 284
 Тарле Е. В. 549
 Татищев В. Н. 69, 70, 88, 89
 Татищев И. И. 354
 Татищев Л. В. 160
 Тауберт И. И. 62, 72, 90, 98
 Тейльс А. 400
 Тейльс И. А. 239, 240, 242, 246, 326
 Теплоу Г. Н. 83, 84, 94, 96
 Терликов П. 400
 Террассон Ж. 147, 152, 153, 548
 Тиде И. Ф. 496
 Тимонович Ф. А. 410
 Тимофеев С. 413
 Тимченко П. 354
 Тит 178
 Тит Ливий 127
 Титов Н. С. 127
 Тихомиров М. Н. 12
 Тихонравов Н. С. 290, 300
 Толмачев Я. И. 123
 Тома А. Л. (Томас) 235, 382, 548
 Томашевский Б. В. 234, 297
 Тонкова Р. М. 51, 104
 Топтоногова Василиса 228; см. Храповицкая-Сушкова М. В. (?)
 Траян 178
 Треднаковский В. К. 36, 55, 65, 66, 83, 87, 94, 96—98, 104, 115, 121, 122, 127, 187, 219, 220, 288, 341, 344
 Трефолов Л. Н. 312
 Триллер Д. В. 66
 Трипольский В. Ф. 410
 Троепольская А. В. 272
 Трубецкой Н. Ю. 70
 Трудолюбов 450; см. Скородумов Г. И.
 Тузов В. В. 242—244, 246, 289
 Туманов М. 165
 Туманский Ф. И. 503, 519

- Тургенев И. П. 400, 410
 Тургенев И. С. 361
 Тучков С. А. 369, 372, 374, 376, 377, 411
 Тферь 397; см. Муравьев М. Н.
- Ужесть как мила 257; см. Храповицкая-Сушкова М. В.
 Урсинус Я. 160
 Урусова Е. С. 290
 Успенский М. 105
 Ушаков В. А. 342
 Ушаков Д. Н. 514
- Ф. П. 104; см. Полуниин Ф. А.
 Фабриан И. А. 410
 Фалалей 192, 193, 237; см. Фонвизин Д. И. (?)
 Федор Иванович 88
 Федоров Г. 290
 Федоров М. П. 163; см. М. Ф.
 Фенелон Ф. 153, 277, 511, 548
 Феоктист, архимандрит 410
 Феофан Прокопович 61, 70, 358, 392
 Филаковский А. 317
 Филдинг Г. 351
 Финтаков 339
 Флери О., де 110
 Фокс 148
 Фомин А. И. 285, 346
 Фонвизин Д. И. 16—18, 21, 54, 110, 145, 147, 148, 151—155, 157, 159, 180, 193—195, 228, 256, 257, 275—277, 282, 285—287, 289, 290, 305, 306, 310, 318, 332, 333, 335—340, 353, 355—358, 378, 391, 395, 413, 417, 419, 435, 436, 441, 445, 459, 460, 465—467, 532, 548, 549, 550, 554, 557; см. Д.—(?), Фалалей (?), Любопытный зритель (?)
 Фонвизин П. И. 145, 154, 256
 Фонтенель Б. 98
 Формей С. 78, 149, 251
 Франклин В. 316, 422, 509
 Фрезинковский (Фрязиновский) А. 352
 Фридрих Л. Я. 114, 389
 Фридрих II Прусский 226
 Фроман И. Г. 112
- Харлампович К. В. 36, 40, 42, 47
 Хвостов А. С. 352
 Хвостов Д. И. 340, 344, 476
 Хемницер И. И. 354
- Херасков М. М. 17, 20, 54, 128—130, 132—141, 143, 145—147, 154, 168, 169, 197, 218, 222, 235, 262, 268, 270, 290—292, 297, 323, 324, 340—342, 344, 392, 399, 400, 476, 495, 497, 502, 503, 509—511, 522, 524, 532, 548, 556; см. М. Х.
 Хераскова Е. В. 291, 292
 Хованский Г. 491
 Храповицкая-Сушкова М. В. 228, 257, 292, 297; см. Критюхина Леонильда (?), Молодая сочинительница (?), Петухова Н. (?), Сушкова М. В., Топтоногова Василиса (?), Ужесть как мила (?)
 Храповицкий А. В. 228, 230, 246, 291, 294, 295, 329, 340; см. Незнакомый
- Цахаризэ Ю. Ф. 476
 Цицерон 95, 358
- Чаадаев И. П. 160, 201
 Чеботарев Х. А. 112
 Чемесов Е. П. 392
 Черкасов А. И. 99
 Черкасов И. А. 99
 Черкасов И. И. 99
 Чернышев З. Г. 168
 Чернышевский Н. Г. 21, 380, 381, 501, 509, 512, 532, 550
 Честерфильд Ф. 351
 Чехов Н. В. 426
 Чечулин Н. Д. 105
 Чингисхан 467
 Чоголокова М. С. 335
 Чулков М. Д. 218, 221, 229—235, 243, 244, 246, 247, 262, 265—270, 281
 Чулков Н. П. 360, 361
 Чучмарев Э. И. 536
- Шаден И. М. 112
 Шамрай Д. Д. 127, 173, 234, 240, 250, 265, 341, 342
 Шапп д'Отерош, аббат 298, 465, 467
 Шартр, де 110
 Шатров Н. М. 387
 Шваневитц Мартин 62, 72
 Шварц И. Г. 365, 389, 390
 Шевырев С. П. 112, 147, 148, 154, 509
 Шекспир В. 413, 468, 516
 Шереметев Б. П. (старший) 33

- Шереметев Б. П. 251
 Шереметев В. 377
 Шешковский С. И. 157, 327, 398, 534
 Шиллер Ф. 484, 516
 Шишков А. С. 301
 Шкловский В. Б. 268
 Шлецер А. А. 90
 Шлоссберг А. Н. 27, 28, 30, 31
 Шолье 346
 Шпилькер, фон 100
 Шредер Ф. А. 390
 Штелин Я. Я. 68, 69, 354
 Штокмар М. П. 347
 Шприттер И. 394
 Штрубе де Пирмон Ф. Г. 68
 Штурм Х. Х. 496
 Шувалов А. П. 185, 228; см. Шуши
     Аришлай
 Шувалов И. И. 77, 78, 83, 335, 336
 Шумахер И. Д. 70, 71
 Шумигорский Е. С. 225, 226, 333
 Шуши Аришлай 185; см. Шувалов А. П.
 Щеголев П. Е. 365, 366, 456—459
 Щербатов М. М. 105, 160, 201, 228, 262, 300, 329, 549; см. Стояков
 Эврар (Эверартс) 295, 297; см. Секунд Иоанн
 Эккартсгаузен 385
 Эмин Ф. А. 100, 169, 171, 173—176, 186, 197, 218, 219, 226, 232, 233, 246—251, 254, 256, 259, 260, 263—265, 276, 305, 434, 436, 441, 547, 550; см. Б. К., Бес Кривой, Бесовский корректор, И. Б. П.
 Юнг Эд. 297, 318, 324, 400, 483
 Юсти И. Г. 90, 395
 Юсупов Б. Г. 124
 Юферов Д. В. 74
 Яновский П. А. 387
 Ярт, аббат 148, 151
 Ясинский И. И. 105
 Яхонтов И. П. 62, 72; см. Петров Илья

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение. Методы и источники изучения истории русской журналистики XVIII в.	7
Глава I. Общая характеристика русской журналистики XVIII в. — Периодические издания XVII и первой половины XVIII в.	21
Рукописные «Ведомости, или вестовые письма»	24
Печатные «Ведомости» (1702—1727)	32
Глава II. Академическая журналистика до начала 1760-х годов	53
«Санкт-Петербургские ведомости» (с 1727 г.)	56
«Примечания к Ведомостям» (1728—1742)	64
Научные периодические издания Академии Наук	72
Научно-популярные органы Академии (1755—1796)	76
«Ежемесячные сочинения» (1755—1764)	77
Глава III. Неакадемическая журналистика конца 1750-х—начала 1760-х годов	108
«Московские ведомости» (1756—1800)	—
Частные журналы	115
«Трудолюбивая пчела» (1759)	117
«Праздное время в пользу употребленное» (1759—1760)	124
Московская журналистика 1760-х годов	128
«Полезное увеселение» (1760—1762)	129
«Свободные часы» (1763)	139
«Невинное упражнение» (1763)	143
«Доброе намерение» (1764)	145
«Собрание лучших сочинений» (1762)	147
Глава IV. Сатирические журналы 1769—1774 гг.	156
Общая характеристика	—
«Всякая всячина» (1769—1770)	225
«И то и се» (1769)	229
«Ни то ни се» (1769)	235
«Полезное с приятным» (1769)	239
«Поденьшина» (1769)	242
«Смесь» (1769)	244
«Трутень» (1769—1770)	252
«Адская почта» (1769)	258
«Парнасский щепетильник» (1770)	265
«Пустомеля» (1770)	268
«Трудолюбивый муравей» (1771)	276
«Живописец» (1772—1773)	278
«Старина и новизна» (1772—1773)	290
«Вечера» (1772—1773)	291
«Кошелек» (1774)	298
Значение сатирической журналистики 1769—1774 гг.	304

	Стр.
Глава V. Журналистика последней четверти XVIII в.	308
Общая характеристика	—
Журналы Академии Наук	320
«Собрание новостей» (1775—1776)	—
«Академические известия» (1779—1781)	326
«Собеседник любителей российского слова» (1783—1784)	330
«Российский театр» (1786—1794)	341
«Новые ежемесячные сочинения» (1786—1796)	342
Частные журналы умеренно-либерального направления	348
«Санкт-Петербургский вестник» (1778—1781)	—
Частные журналы прогрессивного направления	354
«Друг честных людей, или Стародум»	355
«Не все и не ничево» (1786) и «О всех и за вся и о всем ко всем, или российский патриот и патриотизм» (1788)	359
«Утренние часы» (1788—1789)	362
«Беседующий гражданин» (1789)	365
«Санкт-Петербургский журнал» (1793)	377
Журналы Н. И. Новикова и приписывавшиеся ему (1777—1789)	387
«Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777)	391
«Утренний свет» (1777—1780)	397
«Модное ежемесячное издание» (1779)	400
«Московское ежемесячное издание» (1781)	402
«Городская и деревенская библиотека» (1782—1786)	405
«Вечерняя заря» (1782)	408
«Покоющийся трудолюбец» (1785)	411
«Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784)	413
«Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789)	423
Журналы И. А. Крылова и его сотрудников	430
«Почта духов» (1789)	432
«Зритель» (1792)	461
«Санкт-Петербургский Меркурий» (1793)	478
Периодические издания Н. М. Карамзина	496
«Московский журнал» (1791—1792)	497
«Аглая» (1794—1795)	521
«Аонида, или собрание разных новых стихотворений» (1796— 1799)	528
Значение журнальной деятельности Карамзина	—
Роль А. Н. Радищева в истории русской журналистики XVIII в.	532
Глава VI. Итоги развития русской журналистики в XVIII в.	543
Заключение	555
Указатель имен	559

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*
Редактор издательства Е. П. Пондава. Художник С. Н. Тарасов.
Технический редактор Р. А. Аромс. Корректор Л. А. Ратнер

РИСО АН СССР № 4923. Пл. № 8—71В. М-33366. Подписано к печати 2/IX 1952 г.
Печ. л. 35 $\frac{1}{2}$. Уч.-изд. л. 36,4+8 вкл. (0,28 уч.-изд. л.). Бумага 60 × 92 $\frac{1}{16}$. Бум. л. 17 $\frac{1}{8}$.
Тираж 8000. Зак. № 334. Номинал по преysкуравту 1952 г. в переплете 24 р. 25 к.

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

